РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

МАЙ

МОСКВА
1912

Продолжается подписка на 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	АЯНТЪ-БИЧЕНОСЕЦЪ. Трагедія **Софокла**.—Перев. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	1
II.	ЯДЪ. Разсказъ.—**Влад. Каренина**	44
III.	ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ И ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. (По *H. V. Schumacher*'у и *Walter Sichel*'ю.) Очерки.—**Э. К. Пименовой**. *Окончаніе*	66
IV.	ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. 1. Протяжная пѣсня. 2. Крылатые.—**З. Гиппіусъ**	119
V.	СЕМЬЯ БЕРИЛЬ. Романъ **Полины Вальи**.—Съ франц. перев. **Б. Рунтъ**	121
VI.	АЛТАРЬ ПОБѢДЫ. Повѣсть IV вѣка. Книга третья. Главы V—VII.—**Валерія Брюсова**. *Продолженіе*	155
VII.	ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. Бернера**	190
VIII.	О ЛЮБЕЗНОСТИ. Соціально-психологическій опытъ.—**И. Ильина**	1
IX.	СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ матеріаламъ.)—**А. А. Корнилова**	37
X.	СОВРЕМЕННЫЯ САМОУБІЙСТВА.—**Д-ра Г. И. Гордона**	74
XI.	ДИККЕНСЪ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ.—**Е. Кулишера**	94
XII.	И. Е. ЗАБѢЛИНЪ. Опытъ характеристики его историческихъ трудовъ.—**Вас. Сахновскаго**	103
XIII.	ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО ДНЕВНИКА.—**Современника**	127
XIV.	ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Д. С. Мережковскаго**	135
XV.	ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Рѣчь С. Д. Сазонова. **С. А. Котляревскаго.**—2. Динамика потребленія алкоголя въ Россіи и ея объясненіе. **С. А. Первушина. II. Философское движеніе.** 1. А. А. Козловъ. **И. Румера.**—2. Философія и культура. **А. Штейнберга. III. Школа и воспитаніе.** 1. Максимализмъ въ дѣлѣ народнаго образованія. **А. М. Обухова.**—2. Борьба за классицизмъ во Франціи. **Е. Паннъ. IV. Литература и искусство.** 1. Литераторы и литература. **А. Крайняго.**—2. Театральныя замѣтки. **А. А. Кизеветтера.**—3. Итальянская литература за истекшій годъ. **Сибиллы Алерамо. V. Естествознаніе.** Новый зоологическій атласъ. **П. П. Сушкина. VI. Военное и морское дѣло.** Флотъ и проливы. **Н. Н—а. VII. Некрологъ**	1
XVI.	КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ.** I. Книги: Исторія литературы.—Исторія.—Философія и религія.—Политическая экономія и статистика.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе апрѣля 1912 г.	167
XVII.	ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ	136
XVIII.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Руководство къ изготовленію діапозитивовъ. Г. Шмаусса. Съ 3-го нѣмецк. изд. перевелъ и дополнилъ Н. Будаевскій. Съ 27 фиг. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Цвѣтная фотографія. Дюмулена. Способы Бекереля, Кроса, Дюкоса, Липмана и др. (Воспроизведеніе красокъ фотографіей.) Ц. 70 к.

Фотоминіатюра. Е. Blin. Упрощенный способъ раскрашиванія фотограф. карточекъ. Руков. для любителей ремесла, искусства и научн. примѣненій. 2 изд. Ц. 50 к.

Сниманіе копій съ чертежей и рисунковъ свѣтовымъ способомъ. К. Colson. Руковод. для преподавателей черченія и заводскихъ чертежниковъ. Ц. 60 к.

Фото-сепія и фото-сангвинъ. Ладвеза. Руков. для любит.-фотограф. Ц. 35 к.

Практическая фотографія и фотографическая химія. В. Бауэра. Настольное руководство для профессіоналовъ и любителей, съ новѣйшими рецептами и таблицами, съ 38-ю рисунками въ текстѣ. 2-е переработанное и дополн. изданіе. Ц. 1 р.

Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. С. Т. Аксакова. Изд. подъ ред. проф. М. А. Мензбира. Съ 10 хромолитографіями и 89 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 75 к.

Потѣха за потѣху. Семъ Бенелли. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйств. (изъ временъ Лоренцо Медичи во Флоренціи), перев. М. Чайковскаго. Ц. 75 к.

Цвѣты зла. Ш. Бодлэра. Перев. Эллиса. Со вступительн. статьей Т. Готье и предисловіемъ В. Брюсова. Ц. 2 р. 50 к.

Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. В. В. Верещагина, художника. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Его же. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

„Литераторъ“. Его же. Повѣсть. Ц. 1 р.

Дѣтство и отрочество. Его же. Т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. Его же. Ц. 1 р.

На Сѣверной Двинѣ по деревяннымъ церквамъ. Его же. Ц. 1 р.

Листки изъ записной книжки. Его же. Ц. 1 р.

Въ Севастополѣ. Его же. Разсказъ. Ц. 40 к.

Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Его же. Шіиты въ Карабахѣ. — Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи. — Оберъ-Аммергау въ горахъ Баваріи. Разсказы, съ рисунками автора. Ц. 60 к.

Ткачи. Г. Гауптмана. Драма. Перев. съ нѣмецк. Л. Гуревичъ, ред. К. Бальмонта. Ц. 15 к.

Божественная комедія. Аллигіери Данте. Перев. съ итальянскаго размѣромъ подлинника (терцинами) Н. Голованова. Съ рисун. Густава Доре, портр. Данте, многочисленными объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Ѳ. И. Буслаева, Карлейля и др. Текстъ перевода „Ада“ и первыхъ девяти пѣсенъ „Чистилища“ просмотрѣнъ проф. Ѳ. И. Буслаевымъ. Ч. I.—„Адъ“. Изд. 2-е. Ц. 2 р. Ч. II.—„Чистилище“. Ц. 1 р. 50 к. Ч. III.—„Рай“. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ три части въ одномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ—Ц. 6 р.

Стихотворенія С. Д. Дрожжина (1866—1888 г.). Новое 3-е, исправленное и дополненное, изд. Большой томъ въ 533 стр. съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ для наградъ и подарковъ, ц. 2 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, 2-е, дополненное и пересмотрѣнное, изданіе ред. журн. „Русская Мысль“. 410 стр. Ц. 2 р., въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ тисненіемъ—2 р. 50 к. Въ книгѣ собраны лучшія стихотворенія 94-хъ поэтовъ.

Врагъ народа (докторъ Стокманъ). Генрикъ Ибсенъ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Ц. 40 к.

Изъ современныхъ настроеній. Разсказы и очерки. Перев. съ нѣмецк. А. Ф. Л. Ц. 1 р.

Барышни. Простая исторія жизни, романъ въ 4-хъ частяхъ. Н. А. Крашенинникова. Ц. 1 р. 25 к.

Угасающая Башкирія. Его же. Разсказы изъ жизни Башкиріи. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

Дѣти. Его же. Романъ въ 2 частяхъ. Ц. 1 р.

Двѣ жизни. Его же. Повѣсть-сказка. Ц. 50 к.

Плачъ Рахили. Его же. Тысячелѣтняя сказка въ 3-хъ картинахъ съ эпилогомъ. Ц. 1 р.

То же. Изданіе на нѣмецкомъ языкѣ. (Rahels Klage. Ein Tausendjähriges Märchen.) Ц. 1 р.

Проблески утра. (Царство зари.) Его же. Драматическая поэма въ 3-хъ картинахъ. Ц. 50 к.

Мечты о жизни. Его же. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.

Демонъ. М. Ю. Лермонтова. Поэма. Иллюстрирован. изд. съ рисунками Врубеля, Васнецова, Полѣнова, Пастернака и Сѣрова. Ц. 50 к.

Не выдержалъ. И. Полякова. (Повѣсть изъ быта фельдшеровъ.) Ц. 1 р. 15 к.

Изъ воспоминаній циклиста. Болеслава Пруса. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Дѣти. Его же. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Возвратная волна. Его же. Повѣсть. Пер. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Катерина Сіенская. Модеста Чайковскаго. Мистерія въ 8-ми дѣйствіяхъ, съ фототипическимъ изображеніемъ св. Катерины Сіенской. Ц. 1 р.

Трагедія о королѣ Ричардѣ II-мъ. Шекспира. Съ параллельными англійск. и русск. текстами. Переводъ Модеста Чайковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Шиллеръ. Иллюстрированное собраніе сочиненій. Съ рисунк. нѣм. художник. и комментаріями по Шерру, Карьеру и др. Перев. Н. Голованова и др. Два большихъ тома. Цѣна за оба тома 7 р., въ коленкоровомъ перепл. 8 р.

Фаустъ. Гете. Трагедія. Перев. Н. Голованова. Удешевленное изданіе. Ч. I, съ 20 рисунк. Люценъ-Майера и др. Изд. 4-е. Ц. 25 к. Ч. II, съ 24 рисунк. нѣмецк. художник. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. (ред.). Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Въ изданіи приним. участіе: проф. Д. В. Айналовъ, проф. М. М. Богословскій, проф. А. К. Бороздинъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. А. Л. Погодинъ, прив.-доц. В. И. Семевскій, проф. А. Н. Филипповъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и друг. Т. I съ 43 рис. и картой древней Руси въ XI—XIII вв. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к. и томъ II,—Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Новое слово. Товарищескіе сборники. Книга I. Содержаніе: И. Бунинъ—Стихи и разсказъ „Цифры". Скиталецъ—„Манифестъ". А. Ѳедоровъ—Стихи и очеркъ „Азорскіе острова". Н. Крашенинниковъ—„Восемь лѣтъ". Е. Чириковъ - „Соломонъ и Розалія". Н. Тимковскій—„Мечты". С. Юшкевичъ—„Панорама". С. Найденовъ—Дѣти Ванюшина. (Неизданный IV актъ.) М. Чеховъ—„Объ А. П. Чеховѣ". С. Глаголь — „И. И. Левитанъ" (съ неизданными иллюстраціями). Изд. 2-е. Ц. 1 р. Книга II. Содержаніе: А. Чеховъ—„Письма изъ Сибири". И. Бунинъ—Стихи. Н. Телешовъ — „Цвѣтокъ папоротника". С. Кречетовъ — Стихи. Н. Гаринъ — „Встрѣча". В. Стражевъ — Стихи. П. Нилусъ — „Госпожа Милованова". А. Ѳедоровъ — Стихи. П. Крашенинниковъ—„Проблески утра". Ю. Айхенвальдъ—„Левъ Толстой". Ц. 1 р. Книга III. Содержаніе: П. И. Вейнбергъ.—„Нильскія пѣсни". Н. Бунинъ.—Стихи. Н. Морозовъ.—Стихи. А. Ѳедоровъ.—„Снѣгъ". Ѳ. Сологубъ.—„Обыскъ". С. Елеонскій —„По-старому". Ѳ. Сологубъ.—Стихи. С. Кречетовъ.—Стихи. Т. Шевченко.—„Еретикъ или Иванъ Гусъ", перев. Ив. Бѣлоусова. А. Ѳедоровъ.—„Женщина". М. Чеховъ.—„Со вскрытія". Н. Крашенинниковъ.—„Двѣ жизни". „Повѣсть-сказка". Цѣна 1 руб.

Слово. Литературно-художественный сборникъ. Книга I. Содержаніе: Полонскій. Неизданное стихотвореніе.—Бунинъ. Зодіакальный свѣтъ. — Огаревъ. Первая женитьба. — Ѳедоровъ. Пѣсни о хлѣбѣ. — Стражевъ. То лѣто. — Чулковъ. Дама со змѣей.—Нилусъ. Сестры Ванъ-Ли. — Сологубъ. Стихи. — Стражевъ. Стихи.—Шихановъ. Жердочка. Ц. 1 р.

Донателло. Н. Горбова. Со многими снимками его произвед. Ц. 5 р.

Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека. Т. Карлейля. Перев. съ англійск. Н. Горбова. Въ 3-хъ книгахъ. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Ц. 2 р. 50 к.

Теперь и прежде. Его же. Перев. съ англійск. Н. Горбова. Ц. 3 р.

Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Джона Локка. Пер. А. Н. Савина. Ц. 3 р.

Дьяволъ въ поэзіи. Игнація Матушевскаго. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Перев. съ польск. второго дополн. и переработаннаго изд. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Будда, его жизнь и ученіе. Р. Пишеля, проф. Перев. съ нѣмецк., съ до-

полнительн. примѣчан. и приложен. 29 рисунк., подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Цѣна 1 руб.

Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. А. Г. Таборна. Перев. съ англ. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Ц. 1 р.

Введеніе въ философію. Г. Челпанова, проф. Изд. 4-е (съ приложеніемъ вопросника). Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ статей. (Психологія и школа.) Его же. Ц. 1 р. 25 к.

Этюды моральной философіи XIX вѣка. (Принципы позитивной морали и современное сознаніе. Г. Белo.—Мораль Ренувье. А. Дарлю.—Мораль Бастіа. Ш. Жидъ.—Мораль Прудона. М. Берне.—К. Марксъ. А. Ландри.—Моральныя идеи Винэ. Ж. Роберти.—Мораль и политика Ренана. Р. Алье.—Фр. Ницше. А. Лихтанберже.—М. Метерлинкъ. Л. Бреневикъ.) Переводъ съ франц. подъ ред. Н. Соловьева и Г. Линдемана. Ц. 1 р. 50 к.

Діалоги о естественной религіи. Д. Юма. Съ приложеніемъ статей „О самоубійствѣ" и „О безсмертіи души". Перев. съ англійск. С. М. Роговина. Ц. 1 р. 50 к.

Вольтеръ. Джона Морлея. Перев. съ 4-го англ. изданія подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Содержаніе: Введеніе.—Вліяніе Англіи на міросозерцаніе Вольтера.—Его литературная дѣятельность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Борьба съ католицизмомъ.—Вольтеръ какъ историкъ.—Жизнь въ помѣстьѣ „Ферне". Ц. 2 р.

Этюды объ Островскомъ. Н. П. Кашина. Ц. 2 р.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. П. С. Корелина, проф. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы, изображенія. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Съ 23 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Съ 26 рис. въ текстѣ. Цѣна каждаго выпуска 30 к.

Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Н. Тарасова и С. Моравскаго. Съ 12 картинами на отд. листахъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 40 к., въ изящн. кол. пер. 1 р. 90 к.

Планъ изслѣдованія дѣтской души въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Г. И. Росселимо, прив.-доц. Моск. ун. Пособіе для родителей, педагоговъ и врачей. Съ приложеніемъ таблицы для записи данныхъ объективнаго изслѣдованія интеллекта. Изд. 2-е, дополненное. Ц. 30 к.

Искусство, больные нервы и воспитаніе. Его же. (По поводу „декадентства".) Ц. 50 к.

Общая характеристика психологическихъ профилей. Его же. 1) Психически недостаточныхъ дѣтей и 2) больныхъ нервными и душевными болѣзнями. Ц. 1 р.

Планъ государственнаго преобразованія. М. М. Сперанскаго, графа. (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г.) Съ приложеніемъ „записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.)", статей „о государственныхъ установленіяхъ", о „крѣпостныхъ людяхъ" и пермскаго письма къ императору Александру. Ц. 1 р.

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова въ 8 томахъ. Томъ I. Изд. 4-е, дополненное. Съ портретомъ А. С. Хомякова. Ц. 2 р. Томъ II. Сочиненія богословскія, съ предисловіемъ Ю. Самарина. Изд. 5-е, съ портретомъ. Ц. 2 р. Томъ III. Разныя замѣтки, небольш. статьи и рѣчи. Съ приложеніемъ 2 чертежей на отдѣльн. листахъ. Ц. 1 р. Томъ IV. Трагедіи и стихотворенія. Съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака. Ц. 1 р. 50 к. Томъ V. Записки о всемірной исторіи, часть 1-я. Изд. 4-е, съ портретомъ. Ц. 2 р. Томъ VI. Записки о всемірной исторіи, часть 2-я. Изд. 3-е. Ц. 2 руб. Томъ VII. Записки о всемірной исторіи, часть 3-я. Изд. 3-е. Ц. 2 р. Томъ VIII. Письма. Ц. 2 р.

Стихотворенія А. С. Хомякова (1804—1860). Съ портретомъ автора. Новое изд. Ц. 30 к.

Футболъ. Спортъ и игры. R. S. Ц. 70 к.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи **не отвѣчаетъ** за аккуратную доставку **по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — со своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи — Москва, Ваганьковскій пер., д. Куманина.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи **не позже,** какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо** прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) О **каждой** перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) За перемѣну адреса взимается **25** к., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **50** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

Контора журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. 3)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 60 руб., а въ концѣ книги 40 руб.; за $^1/_2$ страницы 30 и 20 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 15 числа предыдущаго мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ листы эти не могутъ быть сброшированы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка

ЛУЧШАЯ ГОВОРЯЩАЯ МАШИНА

„ПАТЕФОНЪ",

играетъ
пластинки
безъ иголокъ.

Богатѣйшій репертуаръ пластинокъ!

Ежемѣсячно новыя записи!

Требуйте безплатные каталоги.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

АКЦ. О-ВО

Бр. ПАТЕ.

Москва, Тверская, 38, отд. 19.

Отдѣленія: С.-Петерб., Невскій, 64.
Ростовъ-н/Д., Б. Садовая, 92.

Отдѣленія: Варшава, Вербовая, 8.
Одесса, Дерибасовская, 10.

СЪ ЭТОГО ДНЯ

у Васъ не будетъ неудачныхъ снимковъ
Кёлерскія пластинки „ЭЛЕКТРА ЭКСПРЕССЪ"
доведены до совершенства.
Устройство новой специальной фабрики
даетъ возможность устранить всѣ
недостатки и изготовлять по
доступной цѣнѣ пластинки,
съ которыми по
ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ
могутъ сравниться
**только самыя
дорогія
заграничныя.**
Испробуйте пластинки
„ЭЛЕКТРА ЭКСПРЕССЪ"
и первый же опытъ Вамъ
докажетъ ихъ совершенство.

„Т-во „Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ."
1912
1
ЯНВАРЬ

Т-во „Р. КЁЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ."

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

КНИГА V

МОСКВА—1912

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЯНТЪ-БИЧЕНОСЕЦЪ. Трагедія **Софокла**. — Переводъ **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** 1

II. ЯДЪ. Разсказъ.—**Влад. Каренина** 44

III. ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ И ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. (По *H. V. Schumacher*'у и *Walter Sichel*'ю). Очерки.—**Э. К. Пименовой**. *Окончаніе* 66

IV. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. 1. Протяжная пѣсня. 2. Крылатые.—**З. Гиппіусъ** 119

V. СЕМЬЯ БЕРИЛЬ. Романъ **Полины Вальми**.—Съ фран. перев. **Б. Рунтъ** 121

VI. АЛТАРЬ ПОБѢДЫ. Повѣсть IV вѣка. Книга третья. Главы V—VII.—**Валерія Брюсова**. *Продолженіе* 155

VII. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. Бернера** 190

VIII. О ЛЮБЕЗНОСТИ. Соціально-психологическій опытъ.—**И. Ильина** 1

IX. СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ матеріаламъ.)—**А. А. Корнилова** 37

X. СОВРЕМЕННЫЯ САМОУБІЙСТВА.—**Д-ра Г. И. Гордона** . 74

XI. ДИККЕНСЪ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ.—**Е. Кулишера** . 94

XII. И. Е. ЗАБѢЛИНЪ. Опытъ характеристики его историческихъ трудовъ.—**Вас. Сахновскаго** 103

XIII. ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО ДНЕВНИКА.—**Современника** . . 127

XIV. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—**Д. С. Мережковскаго** 135

Стр.

XV. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Рѣчь С. Д. Сазонова. **С. А. Котляревскаго.**—2. Динамика потребленія алкоголя въ Россіи и ея объясненіе. **С. А. Первушина. II. Философское движеніе.** 1. А. А. Козловъ. **И. Румера.**—2. Философія и культура. **А. Штейнберга. III. Школа и воспитаніе.** 1. Максимализмъ въ дѣлѣ народнаго образованія. **А. М. Обухова.** — 2. Борьба за классицизмъ во Франціи. **Е. Паннъ. IV. Литература и искусство.** 1. Литераторы и литература. **А. Крайняго.**—2. Театральныя замѣтки. **А. А. Кизеветтера.** — 3. Итальянская литература за истекшій годъ. **Сибиллы Алерамо. V. Естествознаніе.** Новый зоологическій атласъ. **П. П. Сушкина. VI. Военное и морское дѣло.** Флотъ и проливы. **Н. Н—а. VII. Некрологъ** . . . 1

XVI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Исторія литературы.—Исторія.—Философія и религія. — Политическая экономія и статистика. — Педагогика и народное образованіе. — Естествознаніе. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въъ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1912 г.** 167

XVII. ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ 136

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей открыта по *средамъ* отъ 2—4 час. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

АЯНТЪ-БИЧЕНОСЕЦЪ.

Трагедія **Софокла.**

ПРОЛОГЪ.

На переднемъ планѣ палатка Аянта — довольно просторная деревянная изба съ двумя входами—среднимъ и боковымъ. Оба наглухо заперты — средній широкою двустворчатою дверью, боковой—узкой одностворчатой. Поодаль, кормою къ зрителямъ, вытянутый на берегъ корабль Аянта; дальше—видъ на Геллеспонтъ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Время ночное, но уже близкое къ разсвѣту. Черезъ щели палатки, въ средней ея части, пробивается багровый свѣтъ—видно, что внутри горятъ на высокихъ подставкахъ смолистыя лучины (лампτеры). Передъ палаткой на колѣняхъ Одиссей, внимательно изучающій, при неясномъ свѣтѣ ночи, слѣды человѣческихъ и звѣриныхъ ногъ на пескѣ. Надъ палаткой глубоко нависла черная грозовая туча; изъ-за нея раздается

Голосъ Аѳины.—Не въ первый разъ я застаю тебя,
Лаэртовъ сынъ, какъ замысломъ отважнымъ
Предупредить стремишься ты врага.
Теперь у крайняго предѣла стана,
Гдѣ выстроилъ приморскій свой шатеръ
Аянтъ, его ты свѣжіе слѣды,
Охотникъ терпѣливый, измѣряешь,
Узнать желая, дома-ль онъ, иль нѣтъ:
Твое чутье, что у лаконской гончей,
На путь тебя надежный навело.
Да, онъ вернулся. Потъ съ лица струится
И кровь смываетъ съ обагренныхъ рукъ.
Тебѣ же нѣтъ нужды сквозь щели дома
Вовнутрь коситься. Мысль свою открой мнѣ:
Отъ знающей узнать ты можешь все.

Одиссей (вставшій при первыхъ словахъ Аѳины, молитвенно поднимаетъ руки по направленію къ тучѣ).—Аѳины-ль слово слышу я, дражайшей
Мнѣ изъ богинь? Да, это ты! Хоть лика
Ты не являешь своего—твой голосъ
Я узнаю; онъ жжетъ мнѣ сердце, точно
Трубы тирренской мѣдноустой звонъ.
Ты не ошиблась. Замыселъ хочу я
Врага раскрыть—Аянта-щитоносца:
Его давно слѣжу я одного.
Онъ въ эту ночь дѣяньемъ непонятнымъ
Обидѣлъ насъ—коль онъ его виновникъ:
Вѣдь нѣтъ въ насъ знанья, лишь гадать дано намъ.
Весь скотъ, набѣгомъ что̀ добытъ недавнимъ—
Зарѣзанный таинственной рукою,
Лежитъ безъ жизни—скотъ и пастухи.
Всѣ въ томъ его винятъ—и добровольно
Я вызвался всю тайну обнаружить.
Узналъ я отъ свидѣтеля, что онъ
Одинъ во тьмѣ, съ мечомъ, покрытымъ кровью,
Недавно мчался по полямъ пустыннымъ.
Немедля по указанной тропѣ
Пустился я; одни слѣды призналъ я,
Другіе-жъ—нѣтъ. Недоумѣнья полный,
Стою я здѣсь. Ты во́-время явилась,
Заступница моя! Твоей десницѣ
Свою судьбу я ввѣрилъ навсегда.

Голосъ Аѳины.—Я поняла тебя и благосклонно
Къ тебѣ пришла на помощь, Одиссей.

Одиссей.—Владычица! Не даромъ я трудился?

Голосъ Аѳины.—Нѣтъ: той рѣзни виновникъ былъ Аянтъ.

Одиссей.—Каковъ же смыслъ безумнаго дѣянья?

Голосъ Аѳины.—Онъ омраченъ былъ тяжкою кручиной,
Ахилловы доспѣхи потерявъ.

Одиссей.—Но почему-жъ на скотъ онъ гнѣвъ направилъ?

Голосъ Аѳины.—Онъ мнилъ, что вашу проливаетъ кровь.

Одиссей.—Какъ? Онъ аргивянамъ отмстить задумалъ?

Голосъ Аѳины.—И отомстилъ бы, если бы не я.

Одиссей.—Каковъ былъ путь отваги безразсудной?

Голосъ Аѳины.—На васъ пошелъ онъ ночью, одинокій.
Съ коварнымъ замысломъ въ душѣ больной.

Одиссей.—И цѣли безпрепятственно достигъ онъ?

Голосъ Аѳины.—Достигъ шатра обоихъ полководцевъ.
Одиссей.—И все-жъ жестокихъ рукъ не обагрилъ?
Голосъ Аѳины.—Нѣтъ. Удержала отъ потѣхи злобной
Безумца я, блужданья поволокой
Его свирѣпые глаза покрывъ
И на стада его направивъ—вашу
Нераздѣленную еще добычу
Подъ стражей пастуховъ. И вотъ, нагрянувъ,
Онъ сталъ рубить кругомъ себя и душу
Убійствомъ рати многорогой тѣшить.
То думалъ онъ, что братьевъ онъ Атридовъ
Жизнь исторгаетъ, то, что Діомеда,
Идоменея иль другихъ вождей.
Я-жъ властнымъ маніемъ своимъ все глубже
Въ сѣть бѣдствія безумца увлекала.
Рѣзнею душу усладивъ, живыхъ
Связалъ быковъ онъ и барановъ стада
И въ свой шатеръ погналъ, воображая,
Что воиновъ уводитъ, а не скотъ
Рогатый. Тамъ понынѣ въ изступленьи
Онъ плѣнниковъ своихъ бичуетъ всласть.
Теперь ты самъ болѣзнь его увидишь
И вѣсть о ней данайцамъ передашь.

Одиссей съ выраженіемъ ужаса отступаетъ.

О, не пугайся! Не грозитъ бѣдою
Его явленіе тебѣ. Туманомъ
Покрыла я его глаза: не можетъ
Онъ образа увидѣть твоего.

Аянту, громовымъ голосомъ:

Эй, другъ! Къ чему безъ устали у плѣнныхъ
Ты руки вяжешь? Выходи! Тебя,
Аянтъ, зову я: выходи скорѣй!
Одиссей.—Зачѣмъ, Аѳина? Не зови его!
Голосъ Аѳины.—Блюди молчанье! Иль ты трусомъ сталъ?
Одиссей.—Ради боговъ! Оставь его въ палаткѣ!
Голосъ Аѳины.—Боишься ты? Боишься человѣка?
Одиссей.—Онъ былъ врагомъ мнѣ и врагомъ остался.
Голосъ Аѳины.—Смѣхъ надъ врагомъ—не всѣхъ ли онъ отраднѣй?
Одиссей.—Не для меня; оставь его въ палаткѣ!
Голосъ Аѳины.—Безумецъ, вижу, страхъ тебѣ внушаетъ.
Одиссей.—Передъ здоровымъ страха-бъ я не зналъ.

Голосъ Аѳины.—Да не увидитъ онъ тебя, не бойся!
Одиссей.—Какъ не увидитъ? Не слѣпцомъ же сталъ онъ!
Голосъ Аѳины.—И зрячему я помрачу глаза.
Одиссей.—Для божьей воли нѣтъ препятствій, знаю.
Голосъ Аѳины.—Блюди-жъ молчанье; съ мѣста не сходи!
Одиссей.—Я остаюсь, но неохотно, вѣрь мнѣ.
Голосъ Аѳины.—Аянтъ! Вторично я зову тебя!
Иль о союзницѣ своей забылъ ты?

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Средняя дверь палатки отворяется настежь. Багровый свѣтъ пылающихъ лучинъ освѣщаетъ внутренность палатки: всюду лужи крови, всюду разрубленныя туши быковъ и барановъ. На красномъ фонѣ пламени и крови появляется Аянтъ; онъ и самъ весь въ крови, въ правой рукѣ онъ держитъ двойной бичъ. Черная туча опускается ниже, между Одиссеемъ и Аянтомъ; при багровомъ свѣтѣ на ней вырисовывается невидимо для Одиссея, но видимо для Аянта и зрителей грозный образъ Аѳины-воительницы въ доспѣхахъ и съ копьемъ въ правой рукѣ.

Аянтъ.—О радуйся, дочь Зевсова, Аѳина!
Ты хорошо мнѣ помогла: златыми
Трофеями тебя украшу я!
Аѳина.—Спасибо за готовность; но скажи мнѣ:
Ты насладился ли аргивянъ кровью?
Аянтъ.—Могу гордиться: насладился вдоволь!
Аѳина.—И на Атридовъ свой направилъ мечъ ты?
Аянтъ.—Не обезчестить имъ Аянта болѣ!
Аѳина.—Ты на тотъ свѣтъ отправилъ ихъ, не такъ ли?
Аянтъ.—Тамъ пусть наградъ меня лишаютъ кривдой!
Аѳина.—Что-жъ, правильно. Ну, а Лаэртовъ сынъ?
Что съ нимъ? Онъ спасся отъ руки твоей?
Аянтъ (заливаясь безумнымъ смѣхомъ).—Ты про лису проклятую спросила?
Аѳина.—Про Одиссея, что съ тобою спорилъ.
Аянтъ (со сладостной разстановкой, указывая на внутренность палатки).—Его, владычица, живымъ я взялъ
На радость сердцу своему; въ палаткѣ
Сидитъ онъ; смерть же приметъ онъ не скоро...
Смѣхъ не даетъ ему продолжать.
Аѳина.—Зачѣмъ не скоро? Что задумалъ ты?
Аянтъ.—Привязанный къ столбу хоромной сѣни...
Опять смѣется.
Аѳина.—Какую казнь готовишь ты бѣдпягѣ?

Аянтъ (бѣшенымъ голосомъ, подымая свой бичъ).—Онъ этотъ бичъ
своей окрасить кровью!
Аѳина.—Не издѣвайся надъ несчастнымъ, полно!
Аянтъ.—Во всемъ, Аѳина, угождать готовъ я
Тебѣ, но здѣсь не измѣню рѣшенья!
Аѳина.—Что-жъ, если сердце такъ велитъ—исполни
Все, что задумалъ; не жалѣй руки!
Аянтъ.—Исполню тотчасъ. А тебя прошу я
И впредь союзницей мнѣ быть такой!

Простившись съ Аѳиной молитвеннымъ жестомъ, уходитъ въ палатку, дверь которой опять закрывается.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Предразсвѣтныя сумерки. По мѣрѣ увеличивающагося дневного свѣта блѣднѣетъ багровый свѣтъ въ палаткѣ Аянта; къ концу сцены онъ гаснетъ совсѣмъ. Туча занимаетъ прежнее положеніе; подъ ней въ грустномъ раздуміи стоитъ Одиссей.

Голосъ Аѳины.—Боговъ на немъ ты силу, Одиссей,
Извѣдать могъ. Вотъ человѣкъ! Видалъ ли
Ты прозорливѣй или дѣльнѣй его?
Одиссей.—О, нѣтъ, богиня. И тѣмъ болѣ жалость
Терзаетъ сердце мнѣ, хоть онъ и врагъ мой,
При видѣ униженія его.
И не о немъ одномъ скорблю я. Всѣ мы,
Всѣ, что землею вскормлены, не болѣ,
Какъ легкій призракъ и пустая тѣнь.
Голосъ Аѳины.—Такъ разсуждай и впредь, мой другъ,
и бойся
Боговъ надменнымъ словомъ оскорбить.
Пусть тяжелѣй разитъ твоя десница
Врага; пусть глубже твоего богатства
Пучина, чѣмъ у прочихъ: не терпи,
Твою чтобъ душу гордость обуяла.
Ты видишь самъ: все счастье человѣка—
Дня одного добыча или даръ.
Къ благоразумнымъ милостивы боги,
Но ненавистенъ сердцу ихъ гордецъ.

Одиссей грустно уходитъ. Туча поднимается и разсѣивается въ лучахъ восходящаго солнца.

ПАРОДЪ.

Подъ звуки анапестическаго марша появляются съ той стороны, гдѣ предполагается ахейскій станъ, пятнадцать воиновъ-моряковъ—представители дружины Аянта. Ихъ шествіе сопровождается слѣдующими словами, произносимыми старшимъ воиномъ (корифеемъ).

Старшій воинъ.—Теламоновъ наслѣдникъ, что городъ блюдешь
На брегахъ Саламина средь волнъ голубыхъ,
Твое счастіе всѣмъ намъ отрада.
Но когда надъ тобою Зевесовъ перунъ,
Когда рѣчи данайцевъ порочатъ тебя,
Мы смущеньемъ объяты и въ страхѣ дрожимъ,
Точно глазъ голубицы пугливой.
Такъ въ послѣднюю ночь, что отъ солнца бѣжитъ,
Злорѣчивыя вѣсти по стану ползутъ
И безславятъ тебя:
Что на выгона лугъ ты коварно проникъ
И добытый данайцами скотъ перебилъ,
Все, что послѣ раздѣла хранилось у насъ,
Поражая булата грозою.
Такъ сплетаетъ разсказъ про тебя Одиссей,
Его на ухо шепчетъ то здѣсь онъ, то тамъ,
И всѣ вѣрятъ ему.
Убѣдительно лживое слово звучитъ,
Ему пуще разсказчика слушатель радъ,
Всѣ глумятся надъ горемъ Аянта.
Да, въ великую душу нетрудно стрѣлять:
Промахнуться нельзя. На бездольнаго лишь
Не найдетъ себѣ вѣры лихая молва,
А имущаго Зависть слѣдитъ по пятамъ.
О безумная чернь! Безъ великихъ мужей
Ненадежнымъ оплотомъ ты-бъ стала въ бою.
Лишь подъ сѣнью великаго малый цвѣтетъ,
Лишь отъ малыхъ великій могучъ и силенъ,
Но не внемлетъ глупецъ въ ослѣпленьи своемъ.
Благомыслящей мудрости слову.
И тебя они нынѣ поносятъ, Аянтъ,
И не въ силахъ мы ихъ переспорить одни.
О, приди же на помощь намъ ты, государь!
Они рады, что взоровъ избѣгли твоихъ,
И шумятъ, точно пташки, что коршунъ далекъ;

Но яви имъ свой ликъ—они въ страхѣ нѣмомъ
Разлетятся въ кустахъ,
Позабывъ объ отвагѣ рѣчистой.

Въ палаткѣ все молчитъ. Подождавъ немного, воины выстраиваются передъ средней дверью и всѣ хоромъ поютъ нижеслѣдующую пѣснь.

Хоръ.—Вправду-ль тебя Тавропола, дочь Зевсова,— *Стр.*
О, безотрадная вѣсть,
Мать позора моего!—
На скотъ бродячій мечъ вдохновила поднять свой?
За то-ль, что доли ей въ добычѣ ты не далъ,
Иль что трофеемъ почтить
Ее забылъ ты, иль за охоту вѣнкомъ?
Иль мѣднобронный богъ Эніалій въ бою
Къ тебѣ былъ ласковъ, ты же не вспомнилъ о немъ
И ночнымъ былъ страхомъ наказанъ?

Нѣтъ, не повѣрю, чтобъ въ здравомъ разсудкѣ ты, *Ант.*
Сынъ Теламона, скота
Кровью мечъ забрызгалъ свой!
Болѣзнь отъ бога—той не осилишь; но дайте,
О Зевсъ и Фебъ, злорѣчію отпоръ!
Если же лживой молвой
Тебя порочитъ или Атридовъ чета,
Иль что Сисифомъ въ ложѣ позора рожденъ,—
Молю, владыка! Ликъ изъ палатки явивъ,
Мглу развѣй навѣта лихого!

Другъ, поднимись же скорѣй съ одра! Не всю-жъ вѣчность *Эп.*
Ты на немъ пролежишь въ бездѣльи роковомъ.
Твой позоръ до небесъ горитъ!
Гордыня враговъ мчится,
Не зная препонъ, шумно,
Какъ вихрь на горѣ въ рощѣ.
У нихъ на устахъ смѣхъ лишь,
Обиды полна рѣчь ихъ,
У насъ же болитъ сердце.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Музыка продолжается, принимая опять, какъ въ первой части парода, характеръ анапестическаго марша. Изъ боковой двери палатки показывается, вся въ слезахъ, Текмесса.

Текмесса.—Дорогіе гребцы съ саламинской ладьи,
Эрехѳиды, земли благодатной сыны!
Всѣмъ намъ горе приспѣло, что вѣрность хранимъ
Теламонову дому въ далекой странѣ.
Нашъ великій, нашъ сильный, нашъ грозный Аянтъ
Пораженный лежитъ:
Его душу болѣзнь помутила.
Старшій воинъ.—Намъ такъ мирно жилось, и могла-ль одна ночь
Столько зла принести?
Разскажи, Телевтанта-фригійца дитя,
Обо всемъ: вѣдь тебя, хоть и плѣнница ты,
Какъ жену возлюбилъ бурнострастный Аянтъ,
Тебѣ вѣдомы всѣ его думы.
Текмесса.—Какъ въ слова мнѣ облечь несказанную боль?
Тяжелѣе, вѣдь, смерти лихой моя вѣсть!
Въ эту ночь, помраченный безумія мглой,
Свою славу Аянтъ на позоръ промѣнялъ.
Посмотрите: тамъ прѣютъ подъ сѣнью шатра
Бездыханныя туши; струится съ нихъ кровь;
Это—жертвы несчастнаго мужа!
Хоръ.— О, боги! Знать, правда *Стр.*
Въ вѣсти лихого злодѣя была,
Обидной, неизбѣжной?
Всюду ее ужъ разносятъ данайцевъ вожди,
Ей и народъ слѣпо повѣрилъ.
Грядущій мигъ бѣдствія полнъ;
Смерть надъ тобою нависла,
О, другъ, ты, что свой мечъ
Поднялъ рукою безумной
На скотъ, съ нимъ же и пастырей всѣхъ
Печальной казни предалъ!
Текмесса.—Ахъ, оттуда пришелъ и оттуда пригналъ
Онъ сплетенное вервіемъ стадо домой.
Тутъ однихъ онъ, на землю повергши, заклалъ,

Иль ударомъ меча пополамъ разрубилъ.
Два барана остались. Изъ нихъ одному
Отсѣкаетъ языкъ онъ и голову вмигъ,
А другого, стоймя ко столбу привязавъ,
Онъ сѣчетъ двухконечнымъ свистящимъ бичомъ,
Изрыгая ужасныя рѣчи—злой духъ
Его имъ научилъ,
А не смертнаго умъ человѣка! *Ант.*

Хоръ. — Пора и намъ, видно,
Робко покровомъ главу осѣнивъ,
Искать спасенья въ бѣгствѣ
Или, къ весельнымъ уключинамъ дружно подсѣвъ,
Синимъ волнамъ судно довѣрить.
Такихъ угрозъ рѣчи полны
Двухъ противъ насъ Атридовъ!
Боюсь, близокъ нашъ часъ:
Каменный плащъ грозитъ намъ,
Грозитъ намъ и Аянту; а онъ
Въ тискахъ безумья страждетъ!

Текмесса. — Ихъ ужъ нѣтъ. Какъ тотъ вѣтеръ, что съ юга шумитъ,
Послѣ страстныхъ порывовъ безъ яркой грозы
Утихаетъ—такъ въ немъ ослабѣла болѣзнь.
Но, прозрѣвъ, онъ лишь новую чувствуетъ боль.
И не диво: сильнѣе та рана горитъ,
Что̀ своей же рукою себѣ ты нанесъ,
А не принялъ отъ вражьей десницы.

Радостное движеніе среди хора. Музыка умолкаетъ.

Старшій воинъ.—Все-жъ онъ прозрѣлъ? Возможно, значитъ, счастье:
О прошломъ злѣ не тяжела забота.

Текмесса.—Что бъ выбралъ ты, когда-бъ свободу дали:
Самъ быть счастливымъ, огорчая близкихъ,
Иль средь печальныхъ пить печали чашу?

Старшій воинъ.—Въ сугубомъ горѣ больше зла, жена

Текмесса.—Считай же зломъ Аянта отрезвленье.

Старшій воинъ.—Какъ зломъ? Не понялъ рѣчи я твоей.

Текмесса.—Пока болѣзнь Аянта осѣняла,
Онъ наслаждался бѣдствіемъ своимъ
И намъ лишь, зрячимъ, былъ причиной горя.
Теперь же спала съ глазъ его завѣса,
И что-жъ? Онъ самъ отчаяньемъ охваченъ,

А намъ не легче стало. Такъ-то вправду
Одно онъ горе на два промѣнялъ.
Старшій воинъ.—Да, ты права. Тѣмъ болѣе боюсь я,
Что богъ на насъ. Не чистое, знать, дѣло,
Когда больнѣй здоровье, чѣмъ болѣзнь.
Текмесса.—Больнѣй безспорно. Все ты понялъ нынѣ.
Старшій воинъ.—Но кто-жъ навѣялъ лютыхъ золъ причину?
Все разскажи: товарищи мы въ горѣ.
Текмесса.—Тебѣ я все, какъ другу, разскажу.
Въ полнощный часъ, когда кругомъ погасли
Огни лучинъ вечернихъ, мечъ схватилъ онъ
И въ одинокій устремился путь.
Я вскрикнула въ испугѣ: что съ тобою,
Аянтъ? Безъ зова, безъ вождей приказа
Затѣялъ дѣло ты? Трубы не слышно,
И мирно дремлетъ весь ахейскій станъ!
Но онъ стариннымъ мнѣ отвѣтилъ словомъ:
Жена, молчаньемъ женщина красна.
Умолкла я, а онъ одинъ умчался.
Что тамъ онъ дѣлалъ, тайною осталось,
Сюда-жъ пригналъ онъ связанныхъ другъ съ другомъ
Быковъ, собакъ и бѣлорунный скотъ.
Тутъ началась расправа: тѣхъ въ затылокъ
Онъ поражалъ, тѣхъ въ горло, тѣхъ мечомъ
Онъ на-двое рубилъ; иныхъ въ оковахъ
Онъ истязалъ—людей онъ, вѣрно, видѣлъ,
А не животныхъ безсловесныхъ, въ нихъ.
Вдругъ онъ уходитъ! Слышу, какъ за дверью
Онъ съ тѣнью рѣчь ведетъ, и то Атридовъ
Бранитъ, то Одиссея, и со смѣхомъ
Имъ пытками ужасными грозитъ.
Окончивъ рѣчь, онъ въ домъ вбѣгаетъ снова—
И здѣсь съ трудомъ въ себя приходитъ онъ.
Кругомъ онъ смотритъ—все полно позора.
Тутъ съ крикомъ бѣшенымъ главу свою
Ударилъ онъ и грохнулся межъ труповъ
Зарѣзанныхъ барановъ и быковъ,
Развалиной среди развалинъ мести,
Вцѣпившись въ волосы свои рукой.
И долго такъ въ безмолвіи уныломъ
Сидѣлъ онъ. Вдругъ, меня увидѣвъ, крикнулъ

Съ угрозою, чтобъ все ему сказала,
Всю правду обнаружила ему.
Мнѣ страшно стало; разсказать рѣшилась
Ему я все, что вѣдомо мнѣ было.
Но тутъ завылъ отчаяннымъ онъ воплемъ—
Такимъ, какого никогда я раньше
Не слышала. Лишь трусъ и жалкій, мнилъ онъ,
Рыданьемъ громкимъ душу облегчаетъ;
Онъ самъ не плакалъ никогда, а глухо
Стоналъ лишь, точно быкъ разсвирѣпѣвшій.
А нынѣ, весь въ кручину погруженный,
Ни пищи не отвѣдавъ, ни питья,
Какъ палъ тогда онъ, такъ лежитъ недвижно
Среди мечомъ закланнаго скота.
И видно, зло замыслилъ онъ: зловѣщимъ
И стонъ его мнѣ кажется, и рѣчь.
Но вы, друзья,—я съ умысломъ къ вамъ вышла—
Посильную явите помощь мужу.
Такимъ, какъ онъ, всего нужнѣе другъ.
Старшій воинъ.—Боюсь и я, Текмесса: отъ болѣзни
Не въ добрый часъ очистился Аянтъ.
Голосъ Аянта *(изъ палатки)*.—О доля, доля!
Текмесса.—Вотъ новый признакъ. Слышали, друзья,
Аянтовъ крикъ? Какъ жалобно онъ стонетъ!
Голосъ Аянта.—О доля, доля!
Старшій воинъ.—Онъ все еще болѣзнью одержимъ?
Иль его память о болѣзни мучитъ?
Голосъ Аянта.—О сынъ мой, сынъ мой!
Текмесса.—Боже! Тебя зоветъ онъ, Эврисакъ!
Зачѣмъ зоветъ? Ахъ, гдѣ ты? Горе, горе!
Голосъ Аянта.—Пришлите Тевкра! Гдѣ онъ? Вѣчно-ль рыщетъ
Онъ за добычей? Смерть моя настала!
Старшій воинъ.—Нѣтъ, онъ прозрѣлъ. Открой намъ дверь: навѣрно
Нашъ видъ ему почтеніе внушитъ.
Текмесса.—Открыть согласна. Приготовьтесь видѣть
И всѣ дѣла, и все несчастье мужа.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Текмесса через боковую дверь возвращается въ палатку. Вскорѣ затѣмъ отворяется средняя дверь. Картина та же, что и въ соотвѣтствующей части пролога, но при неясномъ свѣтѣ дня все производитъ не страшное, а грустное впечатлѣніе. **Воины** приближаются къ палаткѣ; **Аянтъ** при видѣ ихъ приподнимается и выходитъ имъ навстрѣчу до порога. **Текмесса** все время озабоченно слѣдитъ за **Аянтомъ**.

Аянтъ.—Увы!
Вы, друзья мои безупречные, *Стр. I.*
Вы, что вѣрность мнѣ до конца блюли!
Нагрянулъ валъ кроваваго прибоя
И весь я имъ, весь погребенъ навѣки!
Старшій воинъ.—О бѣдный другъ! Правдивы свыше мѣры
Слова твои: безумье налицо.
Аянтъ.—Увы! *Ант. I.*
Вы средь волнъ морскихъ помогали мнѣ,
Вы со мной пришли на одной ладьѣ,
Отъ васъ однихъ спасенья жду и нынѣ:
О сжальтесь же! Дайте вкусить мнѣ гибель!
Старшій воинъ.—Оставь кощунства! Зломъ ты зла не смоешь;
Лишь выше встанетъ бѣдствія пучина.
Аянтъ.—Вотъ, смотрите всѣ: вотъ безстрашный мужъ, *Стр. II.*
Въ яростныхъ бояхъ богатырь лихой!
Сталъ овецъ грозой беззащитныхъ онъ!
О смѣйтесь, смѣйтесь! Нѣтъ конца позору!
Текмесса.—Молю, Аянтъ, властитель! Успокойся!
Аянтъ.—Оставь меня! Отстань, уйди отсюда!
О горе, горе!
Текмесса.—Ради боговъ, приди въ себя, смягчись!
Аянтъ.—Несчастная доля моя!
Не смогъ злодѣевъ я казнить;
Нѣтъ: на быковъ, на мирный скотъ
Несущій смерть мечъ обративъ,
Кровь алую я пролилъ!
Старшій воинъ.—Къ чему о прошломъ горевать напрасно?
Его инымъ не сдѣлать намъ никакъ.
Аянтъ.—О Лаэртовъ сынъ, ты, что все свершить, *Ант. II.*
Всѣхъ орудьемъ золъ быть готовъ всегда,
Ты, что въ войскѣ всѣхъ въ козняхъ превзошелъ!
Сколь сладкимъ смѣхомъ эту вѣсть ты встрѣтишь!

Старшій воинъ.—Надъ смѣхомъ и надъ плачемъ властенъ
богъ.
Аянтъ.—О дай тебя увидѣть, хоть и такъ...
О горе, горе!
Старшій воинъ.—Оставь гордыню: мало-ль ты наказанъ?
Аянтъ.—О Зевсъ, моихъ дѣдовъ отецъ!
Дозволь предателя сгубить,
Злого врага, и съ нимъ царей
Двойную власть! Самъ я затѣмъ
Главу сложить согласенъ.
Текмесса.—Въ такой молитвѣ гибель испроси
И мнѣ; нѣтъ жизни безъ тебя мнѣ болѣ.
Аянтъ.—Увы! *Стр. III.*
Ночь, что̀ дня милѣй, мракъ, что̀ солнца свѣтъ
Для меня затмилъ!
Я къ вамъ, я къ вамъ весь душой стремлюсь!
Да, къ вамъ. Не въ силахъ я
Видѣть боговъ, видѣть людей;
Ни радости, ни пользы нѣтъ
Въ моемъ для ближнихъ взорѣ.
Дѣва сильная, Зевса дочь, меня
Въ смерть позоромъ гонитъ.
Гдѣ-жъ спасенья лучъ? Гдѣ остаться мнѣ?
Честь, друзья, погибла, рухнула слава!
Безсмысленной добычей окруженъ я,
А войско все хватаетъ камни,
Смерть мнѣ готовитъ!
Текмесса.—О горе, горе! Не такія рѣчи
Привыкли слышать мы изъ устъ бойца!
Аянтъ.—Увы! *Ант. III.*
Шумный моря валъ, кручъ нависшихъ мракъ
Высь зеленая!
Давно, давно гостемъ вашимъ здѣсь,
Давно подъ Троей я
Гостемъ и впредь буду у васъ,
Но не живымъ ужъ болѣ, нѣтъ—
Въ комъ разумъ есть, пусть знаетъ.
О Скамандровы ближнія струи,
Милыя данайцамъ!
Ужъ Аянта вамъ не видать вовѣкъ,
Лучшаго—сказать ли гордое слово?—
Изъ всѣхъ, что видѣла съ Эллады Троя!

А нынѣ подъ позора гнетомъ
Падшимъ лежу я!

Старшій воинъ.—Ни говорить я, ни молчать заставить
Тебя не въ силахъ: такъ несчастенъ ты.

Пауза. Аянтъ видимо старается побороть свое волненіе и собрать свои мысли. Слѣдующее онъ произноситъ гораздо болѣе спокойнымъ тономъ.

Аянтъ.—Несчастенъ, да. И мнилъ ли кто, что имя
Созвучьемъ жалобнымъ несчастье мнѣ
Сулило съ дѣтства? Да, Аянтъ! И дважды
Стонать тебѣ, и трижды не грѣшно:
Такимъ ты моремъ окруженъ недоли.
Здѣсь мой отецъ, у ногъ священной Иды
Главу украсилъ доблести вѣнцомъ
И съ громкой славой въ домъ свой возвратился.
Я-жъ, сынъ его, у той же Трои стѣнъ,
Не уступая ни тѣлесной силой
Родителю, ни подвиговъ красою,
Безчестной смерти въ станѣ обреченъ!
А все-жъ въ одномъ увѣренность храню я.
Будь самъ Ахиллъ надъ доблестью ахейцевъ
Судьей—никто иной его доспѣховъ
Не получилъ бы въ даръ, опричь меня.
Атриды же мою презрѣли силу
И негодяю присудили ихъ!
Не повторить бы имъ суда кривого,
Когда-бъ глаза и умъ заблудшій мой
Лихому замыслу не измѣнили:
Я ужъ занесъ десницу на злодѣевъ—
Но грозноликая святая дочь
Зевеса обезсилила ударъ мой,
Окутала безуміемъ мнѣ душу
И на овецъ направила мой пылъ.
Теперь они, спасенные, смѣются!
Что было дѣлать? Съ помощью боговъ
И трусъ избѣгнетъ храбраго десницы.
Что-жъ дальше будетъ? Явно ненавистенъ
Богамъ я сталъ; все войско мнѣ враждебно,
Враждебна Троя и земля кругомъ.
Что-жъ, бросить мнѣ приморскую стоянку,
Атридовъ съ ней, и по волнамъ Эгейскимъ
Вспять къ родинѣ ладьи направить бѣгъ?
Съ какимъ лицомъ предъ очи я предстану

Родителя, безъ славы, безъ наградъ,
Коихъ онъ самъ вѣнецъ стяжалъ великій?
На это нѣтъ рѣшимости.—Нагряну-ль
На стѣну Трои, ратникъ одинокій,
Чтобъ, дорого продавши жизнь, погибнуть?
На пользу-бъ лишь Атридамъ былъ мой подвигъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не то. Исходъ найти я долженъ.
Пусть твердо знаетъ старый мой отецъ,
Что не трусливаго родилъ онъ сына.
Не стыдно ли желать продленья жизни,
Когда просвѣта въ горѣ не видать?
Дни тянутся, и только въ нихъ отрады,
Что смерть они отсрочили твою.
Надѣйся, скажутъ. Не почтененъ мужъ мнѣ,
Кого надежды призракъ согрѣваетъ:
Прекрасно жить иль умереть прекрасно—
Вотъ благородства путь. Я все сказалъ.

Старшій воинъ.—Не подкиднымъ отвѣтилъ намъ ты словомъ,
Аянтъ: оно—души твоей дитя.
Но все-жъ смягчись; даруй друзьямъ побѣду
Надъ разумомъ своимъ: оставь ту мысль!

Текмесса.—Аянтъ, властитель! Нѣтъ для человѣка
Сильнѣе гнета, чѣмъ судьбы рѣшенье.
Я родилась свободной; мой отецъ
Царемъ могучимъ слылъ среди фригійцевъ.
Теперь раба я; такъ угодно было
Богамъ всевышнимъ и твоей десницѣ.
На ложе принялъ ты меня; съ тѣхъ поръ
Я преданной тебѣ подругой стала.
И вотъ я Зевсомъ, что̀ очагъ блюдетъ нашъ,
Любви тебя отрадой заклинаю:
Не допусти, чтобъ отъ враговъ твоихъ
Вкусила поношенья я обиду,
Доставшись въ руки имъ. Вѣдь въ тотъ же день,
Когда умрешь ты и въ сиротской долѣ
Оставишь насъ,—въ тотъ самый день, повѣрь,
И я, и сынъ твой подъ насилья гнетомъ
Данайцамъ будемъ въ рабство отданы.
И будутъ господа обидной рѣчью
Насъ попрекать: „взгляните на нее!
„Она съ Аянтомъ раздѣляла ложе,

„Что первымъ въ станѣ былъ богатыремъ.
„Такая честь такимъ смѣнилась горемъ!“
Да что! Меня преслѣдуетъ недоля:
Униженъ будешь ты и весь твой родъ.
Нѣтъ. Пожалѣй отца, не обрекай
Его невзгодамъ старости печальной.
Мать пожалѣй: ей столько лѣтъ въ удѣлъ
Уже досталось; много шлетъ къ всевышнимъ
Она молитвъ, чтобъ ты живымъ вернулся.
И сына своего, властитель, вспомни:
Лишенный съ дѣтства твоего ухода,
Отца лишенный, подъ рукой немилыхъ
Опекуновъ—подумай, сколько зла
Ему ты смертью причинишь своею...
Ему и мнѣ. Вѣдь нѣтъ ужъ для меня
Другой отрады. Ты мою отчизну
Копьемъ разрушилъ; матерь и отца
Свела въ Аида мрачную обитель
Судьба лихая. Родина мнѣ—ты.
Ты—отчій домъ. Въ тебѣ мое спасенье.
Да, вспомни и меня. Достойно мужа
Лелѣять память объ усладѣ нѣжной:
Вѣдь отъ любви рождается любовь.
А кто забвеніемъ за ласку платитъ,
Тому невѣдомъ благородства путь.

Старшій воинъ.—О если-бъ былъ ты жалости доступенъ,
Какъ я,—ея-бъ одобрилъ ты слова.

Аянтъ (съ опущенной головой, въ глубокомъ раздумьи прослушавшій обращеніе Текмессы, послѣ словъ воина внезапно поднимаетъ голову и говоритъ твердо, но безъ рѣзкости).—Сполна мое ей выйдетъ одобренье,
Пусть лишь приказъ мой тщательно исполнитъ.

Текмесса (радостно.)—Аянтъ мой, другъ мой! Все исполню я.

Аянтъ.—Дай же мнѣ съ сыномъ повидаться нашимъ.

Текмесса (озабоченно).—Его я въ страхѣ удалила, другъ.

Аянтъ.—Въ страхѣ предъ чѣмъ? Передъ моей болѣзнью?

Текмесса (глухо).—Чтобъ не убилъ при встрѣчѣ ты его.

Аянтъ (съ горечью).—И это бы судьбѣ моей пристало!

Текмесса.—Вотъ это я предупредить хотѣла.

Аянтъ.—Ты поступила хорошо; спасибо.

Текмесса.—Чего-жъ теперь ты хочешь отъ малютки?

Аянтъ.—Его увидѣть и благословить.

Текмесса (облегченно).—Недалеко онъ, подъ слуги охраной.
Аянтъ (нетерпѣливо).—Зачѣмъ же здѣсь его не вижу я?
Текмесса (у двери въ смежную комнату).—Дитя мое, тебя зоветъ отецъ твой!
Сюда его ведите кто-нибудь.
Аянтъ.—Идетъ онъ? Иль пропало даромъ слово?
Текмесса.—Его ужъ за руку ведетъ слуга.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Изъ бокового помѣщенія, изъ котораго въ первой сценѣ вышла Текмесса, выходятъ въ среднюю комнату двое слугъ; изъ нихъ одинъ за руку вводитъ Еврисака, мальчика приблизительно трехъ лѣтъ. Войдя, слуга въ смущеніи останавливается и не рѣшается приблизиться къ Аянту.

Аянтъ.—Дай, дай его сюда! Не испугаетъ
Его видъ крови отъ рѣзни недавней,
Коль скоро мой поистинѣ онъ сынъ.
Нѣтъ, съ малыхъ лѣтъ въ отца суровой школѣ
Расти онъ долженъ и сродниться съ нимъ.

Слуга приводитъ Еврисака къ Аянту; тотъ беретъ его на руки.

Мой сынъ, счастливѣй будь отца, но въ прочемъ
Ему подобенъ—и дурнымъ не будешь.
Въ одномъ ужъ нынѣ счастливъ ты, малютка,
Что мукъ моихъ не въ силахъ ты понять.
Да, сладко жить безъ яснаго сознанья,
Ни радости не вѣдая, ни горя.
Придетъ пора—и ты врагамъ отцовскимъ
Покажешь, кто ты, кѣмъ ты былъ рожденъ.
Теперь же легкими вѣтрами душу
Питай, на радость матери твоей.
Ахейцы не дерзнутъ насильемъ гнуснымъ
Тебя обидѣть, гдѣ бы ни былъ я:
Я пѣстуномъ тебѣ оставлю Тевкра.
Могучъ онъ, вѣренъ—жаль, что нынѣ онъ
Далекъ, охотой на врага задержанъ. (Обращаясь къ воинамъ:)
Вамъ, щитоносцы, вамъ, питомцы моря,
Ввѣряю сына, общую отраду.
Вы передайте Тевкру мой завѣтъ.
Домой вернувшись, пусть онъ Теламону
И Эрибеѣ, матери моей,
Его, какъ сына моего, представитъ.

Да будетъ онъ ихъ старости кормильцемъ,
Пока не приметъ ихъ подземный мракъ.
Мои-жъ доспѣхи—не хочу, чтобъ судьи
Ахейцамъ ихъ наградой предложили
И лиходѣй мой ими завладѣлъ.
Нѣтъ, Еврисакъ. Тотъ щитъ несокрушимый,
Чтò изъ семи былъ сшитъ воловьихъ шкуръ,
Тотъ щитъ, чтò имя далъ тебѣ,—имъ самъ ты
Владѣть обязанъ. Дни придутъ—узнаешь,
Какъ имъ вращать, и рамя молодое
Чрезъ рукоятку крѣпкую продѣнешь.
Все прочее со мной похороните. (Передаетъ ребенка Текмессѣ.)
Теперь довольно. Унеси дитя,
Запри палатку и смотри—на людяхъ
Не голоси: ужъ больно вы слезливы.
Запри скорѣй. Нѣтъ мѣста причитаньямъ
Тамъ, гдѣ разрѣза требуетъ нарывъ.

Старшій воинъ.—Твоя рѣшимость мнѣ боязнь внушаетъ:
Какъ острый ножъ отточенъ твой языкъ.

Текмесса.—Аянтъ, властитель! Что замыслилъ ты?

Аянтъ.—Не разсуждай, не спрашивай! Довольно.

Текмесса (съ возрастающимъ волненіемъ).—Ахъ, страшно! Ради сына твоего.
Ради боговъ: молю, не оставляй насъ!

Аянтъ.—Не досаждай мольбой мнѣ безразсудной!
Богамъ я не должникъ—запомни это!

Текмесса.—Не богохульствуй!

Аянтъ.—Словъ не трать напрасно!

Текмесса.—Послушайся!

Аянтъ.—Моленья прекрати!

Текмесса.—Мнѣ страшно, другъ мой!

Аянтъ (слугамъ).—Помогите вы ей!

Текмесса.—Ради боговъ!

Аянтъ.—Оставь пустыя бредни:
Пора ученья для меня прошла.

Текмесса съ Еврисакомъ бросаются къ колѣнямъ Аянта. По нетерпѣливому знаку послѣдняго слуги запираютъ изнутри двери палатки. На сценѣ передъ палаткой остается одинъ хоръ.

ПЕРВЫЙ СТАСИМЪ.

Хоръ.—Гдѣ ты, гдѣ, Саламинъ святой? *Стр. I.*
Ты средь плещущихъ волнъ далёко

Безмятежной сіяешь жизнью.
А насъ, бѣднягъ, столько лѣтъ на лугахъ своихъ
Земля троянъ держитъ ночью и днемъ въ плѣну,
Что овецъ безпріютныхъ стадо!
Прошелъ пылъ молодой;
Одна цѣль впереди:
Сойти, да, сойти
Въ туманъ Аида ненавистный.

Нѣтъ въ Аянтѣ отрады намъ, *Ант. I.*
Недоступенъ друзей онъ слову;
Богъ послалъ на него безумье.
Не ты-ль его полнымъ нѣкогда буйныхъ силъ
Отправилъ въ бой? Нынѣ горемъ друзьямъ онъ сталъ,
Духъ его на стезяхъ пустынныхъ.
Весь свѣтъ доблестныхъ дѣлъ,
Весь блескъ славы былой
Померкъ, да, померкъ
Въ глазахъ вождей неблагодарныхъ.

А тамъ, вдали, тамъ подъ долгихъ обузою лѣтъ *Стр. II.*
Сѣдая мать въ день, когда о болѣзни сына
Бѣдственной услышитъ,
Ахъ, плачъ, плачъ она
Жалкой пташки лѣсной громче подыметъ.
О несчастная! Вопль всюду раздастся сирой.
Рукъ безумныхъ удары
Грудь изранятъ царицы,
Пряди бѣлыхъ волосъ падутъ на землю.

Аида мгла лучше жизни въ безумья тьмѣ. *Ант. II.*
О горе! Онъ, онъ, что рода кичился славой
Средь бойцовъ ахейскихъ,
Душой внѣ тропы
Прежнихъ мыслей своихъ въ безднахъ витаетъ!
О несчастный отецъ! Грустную вѣсть узнаешь—
Сына горькую долю,
Безпримѣрную раньше
Въ домѣ древнемъ Эака-боготвора.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Среднія двери палатки опять открываются. Все въ ней чисто и уютно: слѣды недавней рѣзни убраны, крови не видно. Текмесса и прислужницы заняты женскими работами. **Аянтъ**, только что очистившій и отточившій свой мечъ, выходитъ къ воинамъ, неся его въ рукѣ. На немъ чистое, праздничное воинское одѣянье, выраженіе лица и движенія дышатъ добротой. Вслѣдъ за нимъ выходитъ и **Текмесса**, спокойная и радостная.

Аянтъ.—Богъ времени, въ несмѣтныхъ дней теченьи,
На свѣтъ выводитъ крошечный зародышъ
И свѣта дѣтища хоронитъ въ тьмѣ.
Зароковъ нѣтъ для смертныхъ; время точитъ
И клятвы страшной, и упорства силу.
И я подвластенъ времени. Давно ли
Мятежныхъ словъ я извергалъ потоки?
Но какъ булатъ багровый пылъ теряетъ
Въ водѣ студеной, такъ меня слеза
Смягчила женская. Мнѣ жалко стало
Вдовой подругу, сиротою сына
Врагамъ на посмѣяніе отдать.
Теперь къ лугамъ иду, что̀ омываетъ
Купель морская, чтобъ отъ скверны тамъ
Очиститься и тяжкій гнѣвъ богини
Уласковить. Найду укромный уголъ—
И этотъ мечъ въ немъ схороню, оружье
Постылое, вдали отъ взора смертныхъ:
Пусть ночь имъ властвуетъ и царь тѣней.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отъ врага лихого,
Отъ Гектора я получилъ его,
Померкла честь моя среди аргивянъ.
Недаромъ, видно, слово говорится,
Что впрокъ нейдутъ намъ вражіе дары.
А впредь наука мнѣ: боговъ не гнѣвать
И честь оказывать царямъ-Атридамъ.
Имъ власть дана,—имъ и служи. Не такъ ли?
Все грозное и сильное свой путь
Возницамъ Чести уступаетъ. Зимы
Съ тропы уходятъ снѣгомъ заметенной,
И плодоносная Весна по ней
Къ намъ близится. Унылой Ночи кругъ
Сверкающіе кони озаряютъ
Дня бѣлаго; вѣтровъ могучихъ бичъ

Не вѣчно стонъ пучины вызываетъ;
И сонъ всесильный плѣнникамъ своимъ
Свободу возвращаетъ ежедневно.
Пора и мнѣ остепениться, видно.
Еще одну науку я извлекъ:
Мы и врага лишь въ мѣру ненавидѣть
Должны и помнить, что и въ немъ мы друга
Современемъ, быть можетъ, обрѣтемъ.
И другу въ мѣру довѣрять полезно:
Часъ не ровенъ, измѣнитъ онъ. Лишь рѣдко
Надежна будетъ гавань дружбы намъ.
Все это помнить я рѣшилъ. Теперь же
Жена, войди въ нашъ домъ и помолись,
Чтобъ счастливо исполнилось желанье
Души моей. А вы, друзья, завѣтъ мой
Съ ней наравнѣ блюдите, Тевкру же,
Когда придетъ онъ, слово передайте:
Пусть чтитъ меня и вамъ съ любовью служитъ.
Простите. Въ путь отправлюсь неизбѣжный.
Вы-жъ волѣ слѣдуйте моей—и скоро
Услышите, взамѣнъ гнетущихъ бѣдствій,
Благую вѣсть спасенья моего.

Подаетъ Текмессѣ руку и ласково прощается съ ней; затѣмъ прощается съ воинами привѣтливымъ движеніемъ головы и уходитъ, унося мечъ съ собой. Текмесса смотритъ ему вдаль и, успокоенная, возвращается въ палатку, среднія двери которой закрываются вновь.

ВТОРОЙ СТАСИМЪ.

Хоръ.—Въ волненьи радостномъ свободно дышитъ грудь

Стр.

Сюда, сюда, Панъ, Панъ!
Брось Киллены сѣдую высь,
Брось ея каменистый кряжъ
И чрезъ море сюда приди,
Ты, веселый боговъ товарищъ!
Какъ на Нисѣ подъ мѣди звонъ
Пляшетъ Вакха безумный рой,
Иль подъ Кноссомъ, гдѣ юный богъ
За себя Аріадну взялъ,
Такъ и насъ научи плясать ты!
Ты-жъ надъ пучиной
Водъ Икарійскихъ

Свѣтъ яви знакомый
Съ Делосскихъ высотъ Фебъ намъ,
И будь вовѣкъ намъ благосклоннымъ другомъ!

Развѣялъ грусти мглу съ туманныхъ глазъ Аресъ.

Ант.

Молю, молю, Зевсъ, Зевсъ!
Дай, чтобъ ласковой свѣтъ зари
Вновь для насъ загорѣлся, вновь
Мирнымъ блескомъ сіялъ судовъ
Надъ стоянкою быстроходныхъ!
Боль обиды забылъ Аянтъ,
Дань молитвы онъ шлетъ богамъ,
Шлетъ и жертвы законной дымъ,
Такъ всему, что родитъ земля,
Ростъ и убыль даруетъ время.
Нѣтъ, ни къ чему ужъ
Нѣтъ недовѣрья!
Мыслей ходъ мятежныхъ
Аянтъ измѣнилъ круто,
Онъ бросилъ гнѣвъ, бросилъ вражду съ вождями!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Со стороны стоянки ахейцевъ поспѣшно приближается **вѣстникъ**—воинъ изъ дружины Тевкра. Онъ подходитъ къ среднимъ воротамъ палатки; найдя ихъ закрытыми, онъ обращается къ воинамъ хора.

Вѣстникъ.—Друзья мои, вотъ первая вамъ вѣсть:
Нашъ Тевкръ вернулся въ станъ съ высотъ Мисійскихъ.
Но лишь дошелъ онъ до шатра Атридовъ,
Какъ возгорѣлась средь аргивянъ ссора.
Завидя издали его приходъ,
Они его толпою обступили
И бранныя посыпались слова
То здѣсь, то тамъ, и вдругъ повсюду: „Вотъ онъ,
„Вотъ братъ измѣнника, вотъ братъ безумца!
„Нѣтъ, не уйдешь: сдеремъ камнями кожу
„И лютой смерти предадимъ тебя!“
Дошли ужъ до того, что въ гнѣвныхъ дланяхъ
Сверкнули обнаженные мечи,

И все не унималась страсть; съ трудомъ лишь
Онъ былъ спасенъ почтенныхъ старцевъ словомъ.
Но гдѣ Аянтъ? Къ нему я съ порученьемъ
Отправленъ; все открыть владыкамъ должно.
Старшій воинъ.—Ушелъ недавно; новое рѣшенье
Созрѣло въ немъ подъ настроеньемъ новымъ.
Вѣстникъ (испуганно).—Что говоришь ты?
Ахъ, вижу, поздно снарядилъ меня
Въ дорогу Тевкръ; иль опоздницея я?
Старшій воинъ.—Въ чемъ видишь долга нарушенье ты?
Вѣстникъ (укоризненно). — Держать въ палаткѣ Тевкръ велѣлъ Аянта,
Пока онъ самъ не явится къ нему.
Старшій воинъ.—Благой, не бойся, вдохновленъ онъ волей:
Боговъ желаетъ гнѣвъ онъ примирить.
Вѣстникъ (нетерпѣливо).—Невѣжества полна твоя надежда,
Коль правда есть въ пророчествахъ Калханта.
Старшій воинъ. — Въ какихъ пророчествахъ? Что знаешь ты?
Вѣстникъ.—Я знаю то, что видѣлъ самъ и слышалъ.
Покинувъ царскаго совѣта кругъ,
Калхантъ одинъ и тайно отъ Атридовъ
Десницу Тевкру дружелюбно далъ
И наказалъ настойчивою рѣчью.
„Въ тотъ день, чей нынѣ свѣтъ насъ озаряетъ,
„Старайся всѣми силами Аянта
„Безъ выхода въ палаткѣ удержать,
„Когда желаешь, чтобъ онъ живъ остался.
„Надъ нимъ нависъ сегодня,—но не далѣ—
„Аѳины грозной памятливый гнѣвъ.
„Въ нестройномъ тѣлѣ буйныхъ силъ избытокъ
„Къ паденью тяжкому по божьей волѣ
„Ведетъ: не должно въ долѣ человѣка
„Гордыней возноситься до небесъ.
„Таковъ твой братъ. При выѣздѣ изъ дома
„Онъ на отца разумные завѣты
„Отвѣтилъ безразсуднымъ хвастовствомъ.
„Тотъ говорилъ: мой сынъ, стремись къ побѣдѣ,
„Но пусть побѣдой богъ тебя даритъ!
„А онъ, глупецъ кичливый, возразилъ:
„Отецъ, при помощи боговъ и слабый

„Врага осилитъ; я же и безъ нихъ
„Стяжать надѣюсь доблести вѣнецъ.
„Такъ хвасталъ онъ: второй же разъ Аѳинѣ—
„Когда бодрящій зовъ ея раздался,
„Чтобъ съ яростью онъ грянулъ на враговъ—
„Отвѣтствовалъ неслыханнымъ онъ словомъ:
„Владычица, другихъ аргивянъ кликомъ
„Подбадривай, а тамъ, гдѣ я стою,
„Врагъ сомкнутаго строя не прорветъ.
„Такою рѣчью грозный гнѣвъ богини
„Навлекъ гордецъ безумный на себя.
„Но если день благополучно минетъ,
„Мы съ божьей помощью его спасемъ".
Такъ говорилъ пророкъ. А Тевкръ немедля
Съ совѣта царскаго меня послалъ
Къ вамъ съ порученьемъ—охранять Аянта.
Но если онъ шатеръ оставилъ,—знайте:
Или Калхантъ не мудръ, иль онъ не живъ.

Старшій воинъ (подходя къ палаткѣ).—Злосчастная Текмесса, выходи!
Гонца послушай: вѣсть приноситъ онъ,
Что̀ радость нашу въ корень разрушаетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Изъ боковой двери палатки выходитъ Текмесса, держа за руку Еврисака. За ней старый слуга-пѣстунъ мальчика и двое слугъ.

Текмесса.—Едва улегся вихрь недавнихъ бѣдствій;
Зачѣмъ вы снова вызвали меня?

Старшій воинъ (указывая на вѣстника).—Его послушай; объ Аянтѣ слово
Онъ намъ печальное сказать пришелъ.

Текмесса (испуганно).—Что скажешь ты, гонецъ? Погибли мы?

Вѣстникъ.—Твоей не знаю доли; объ Аянтѣ,
Коль онъ не дома, безпокоюсь я.

Текмесса.—Не дома онъ, и я полна тревоги.

Вѣстникъ.—Тевкръ наказалъ держать его подъ кровомъ
И одного весь день не выпускать.

Текмесса.—Но гдѣ-жъ онъ самъ? Къ чему такой приказъ?

Вѣстникъ.—Онъ только что вернулся и боится,
Что, отлучившись, приметъ смерть Аянтъ.

Текмесса.—О горе мнѣ! Откуда этотъ страхъ?
Вѣстникъ.—Сынъ Ѳестора сказалъ, что день насущный
Аянту жизнь даруетъ или смерть.
Текмесса.—Друзья мои, не оставляйте насъ
Въ минуту роковую! (Вѣстнику и слугамъ:)
Вы за Тевкромъ
Скорѣй отправьтесь: пусть поспѣшно къ намъ
Сюда идетъ онъ.

Вѣстникъ и слуги уходятъ. Текмесса обращается къ двумъ половинамъ хора.

Вы восточной берегъ
Изслѣдуйте, вы—западной луки;
Старайтесь разузнать, въ какую мѣстность
Несчастные шаги Аянтъ направилъ.
Онъ обманулъ меня, ужъ нѣтъ сомнѣнья,
Изгналъ изъ сердца прежнюю любовь.

Безпомощно смотритъ кругомъ. Ея взоры останавливаются на Еврисакѣ.

А мнѣ, дитя, что дѣлать? Невозможно
Сидѣть на мѣстѣ. Нѣтъ, пойду и я,
Насколько хватитъ силъ, искать Аянта. (Хору:)
Скорѣй, друзья! Не медлитъ тамъ спаситель,
Гдѣ умереть спасаемый спѣшитъ.
Старшій воинъ.—Не на словахъ готовность мы докажемъ:
Ускоримъ дѣло скорою стопой.

Уходятъ: одна половина со старшимъ воиномъ на востокъ, другая—на западъ. Текмесса цѣлуетъ Еврисака и поручаетъ его пѣстуну, который уводитъ его черезъ боковую дверь въ палатку. Затѣмъ и она уходитъ; сцена остается совершенно пустой.

Перемѣна декорацій.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Пустынный морской берегъ безъ всякаго человѣческаго жилища. На переднемъ планѣ рѣдкіе кусты малорослой сосны; дальше песчаная полоса, покрытая камнями. Еще дальше—шумящее море.

У одного изъ кустовъ, на колѣняхъ, Аянтъ зарываетъ въ песокъ рукоятку своего меча такъ, чтобы самый мечъ выдавался наружу. Окончивъ свою работу, онъ встаетъ и отступаетъ на нѣсколько шаговъ, не спуская глазъ съ меча.

Аянтъ.—Палачъ стоитъ. Дамъ волю разсужденьямъ.
Острѣй никто придумать бы не могъ.
Его—куначества залогомъ Гекторъ
Мнѣ подарилъ; а ненавистнѣй былъ
Всѣхъ смертныхъ онъ для сердца и для взора.
Въ землѣ враговъ недвижно онъ стоитъ

Отточенный на оселкѣ кремневомъ.
А укрѣпилъ его усердно я,
Чтобъ отъ него благую смерть принять.
Итакъ, въ оружьи нѣтъ изъяна. Нынѣ-жъ
Къ тебѣ, о Зевсъ—такъ долгъ велитъ—я съ первой
Молитвой обращусь, простой и скромной.
Пусть о моей кончинѣ вѣсть лихую
Узнаетъ Тевкръ, пусть первый онъ меня
Съ меча подыметъ средь горячей крови.
Не дай, чтобъ врагъ, меня увидѣвъ раньше,
Добычей бросилъ воронамъ и псамъ.
Вотъ вся моя къ тебѣ молитва, Зевсъ.
Тебя-жъ, Гермесъ, мой проводникъ къ подземнымъ,
Прошу о смерти ласковой и скорой.
Да, безъ борьбы, безъ судорогъ, въ паденьи—
Меча ударомъ грудь мнѣ разорви.
Зову и васъ, что въ дѣвственности вѣчной
Вѣчно блюдете всѣ дѣянья смертныхъ,
Святыхъ Эринній рой неутомимый!
Вы знаете, какъ жалко и обидно
Я по винѣ Атридовъ погибаю:
Такой же жалкой и обидной смерти
И ихъ предайте, и какъ я своею
Рукой казненъ, такъ пусть и ихъ своя
Рука—рука домашнихъ—поразитъ!
За дѣло, быстрые проклятья духи,
Всю нашу рать терзайте безпощадно!
А ты, чьи кони по крутому склону
Небесъ ристаютъ, Гелій лучезарный!
Когда увидишь родину мою,
Вспять потяни поводья золотые
И вѣсть подай объ участи Аянта
Старцу-отцу и матери несчастной.
Прости, родная! Плачемъ неумолчнымъ
Отвѣтишь ты на роковую вѣсть...
Но нѣтъ! Не время жалостью напрасной
Духъ изнурять: пора за дѣло взяться.
Смерть, смерть, сюда! Къ тебѣ взываю я...
Да что! И тамъ тебя могу почтить я.
Тебѣ привѣтъ, златая колесница,
Тебѣ, сверкающій полудня лучъ—
Привѣтъ послѣдній и неповторимый.

О ясный свѣтъ! О ты, святая почва
Родного Саламина! О очагъ
И отчій домъ! О славныя Аѳины,
Кровь братская! О родники и рѣки,
Привѣтъ вамъ всѣмъ! Привѣтъ тебѣ, равнина
Троянская, кормилица моя!
Въ послѣдній разъ вы слышите Аянта—
Отнынѣ мракъ Аида мой удѣлъ!

Бросается на свой мечъ. Низкій кустъ сосны скрываетъ его тѣло. Пауза. Музыка.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ восточной стороны появляются, поодиночкѣ и попарно, воины перваго полухорія, между ними **старшій воинъ.** Ихъ движенія выражаютъ утомленіе и уныніе. Музыка продолжается.

Старшій воинъ.—Трудъ труду труда носитель;
Гдѣ, гдѣ,
Гдѣ моихъ не было стопъ?
Повсюду лишь невѣдѣнье кругомъ.
Чу, чу!
Шумъ послышался вблизи!

Съ западной стороны появляются воины второго полухорья.

Второй воинъ.—Отъ насъ, пловцовъ, товарищей твоихъ.
Старшій воинъ.—Что-жъ скажешь?
Второй воинъ.—Изслѣдованъ вечерній берегъ весь.
Старшій воинъ.—И что-жъ?
Второй воинъ.—Весь трудъ пропалъ. Аянта не нашли мы.
Старшій воинъ.—Не найденъ онъ и на другомъ брегу,
Что къ восходящему направленъ солнцу.
Хоръ.—Ахъ, скажи ты намъ, моря труженикъ, *Стр.*
Ты надъ сномъ уды неусыпный стражъ!
Иль съ Олимпа грянь ореады кликъ,
Или рокотъ рѣкъ, что въ Босфоръ текутъ!
Не видали-ль вы мужа мрачнаго,
Не бродилъ ли здѣсь между скалъ Аянтъ?
Истомились мы въ тщетныхъ поискахъ,
Не могли набресть на надежный слѣдъ.
Аянтъ исчезъ, какъ призракъ въ тьмѣ ночной.

Во время пѣсни на песчаной полосѣ появляется **Текмесса.** Ея движенья отчаянно-порывисты; она точно движима посторонней силой. Быстро, точно гончая, пробѣгаетъ она между камнями берега, направляется къ кустамъ, наталкивается на тѣло Аянта и, узнавъ его, съ громкимъ крикомъ бросается на него.

Текмесса.—О горе, горе!

Старшій воинъ (прислушиваясь).—Чей крикъ раздался въ
заросляхъ надбрежныхъ?
Текмесса.—О доля, доля!
Старшій воинъ.—Ахъ, вотъ бѣдняга, плѣнница-невѣста!
Текмессы вопль мы слышали въ кустахъ.
Текмесса.—Погибла я, погибла, дорогіе!
Старшій воинъ.—Но что случилось?
Текмесса.—Аянтъ лежитъ недавней смерти жертвой:
Незримый мечъ онъ въ тѣлѣ схоронилъ.
Хоръ.—Гдѣ ты, нашъ возвратъ? Насъ, товарищей
Въ плаваньи твоемъ, ты съ собой сгубилъ,
Злополучный вождь! Бѣдная жена!
Текмесса.—Свершилось; уготованъ путь слезамъ.
Старшій воинъ.—Отъ чьей руки, несчастный, принялъ
смерть онъ?
Текмесса.—Отъ собственной, сомнѣнья нѣтъ; уликой—
Зарытый въ землю обнаженный мечъ.
Хоръ.—О мой грѣхъ, мой грѣхъ! Не въ кругу друзей,—
Въ одиночествѣ кровь свою ты пролилъ.
А я, слѣпецъ безумный, упустилъ тебя!
Гдѣ, гдѣ
Палъ злоименный Аянтъ, нашъ вождь непреклонный?
Текмесса (снимаетъ свою накидку и покрываетъ ею все тѣло Аянта).—
Повремените; складчатымъ плащомъ
Его покрою я всего сначала.
Невыносимъ и другу видъ его.
Сочится кровь послѣдняго дыханья
Изъ устъ и изъ ноздрей, и кровь застыла
Струею черной вкругъ багровой раны,
Что самъ себѣ нанесъ онъ.
Что мнѣ дѣлать?
Кто изъ друзей тебя подниметъ? Тевкръ?
О, во́-время пришелъ бы къ намъ теперь онъ,
Помогъ бы брата павшаго убрать.
Встаетъ и смотритъ на убитаго.
Ты-ль это, витязь, ты-ль, Аянтъ несчастный?
И врагъ слезой почтилъ бы смерть твою!
Хоръ (приближается къ убитому и окружаетъ его и Текмессу, которая подъ звуки слѣдующей пѣсни опускается на колѣни предъ нимъ).—
Знать судьба тебѣ, знать судьба была *Ант.*
Душу сильную объ утесъ разбить
Горя горькаго, необъятнаго!

Знать недаромъ боль нестерпимая
Изъ груди твоей въ ночь и поутру
Исторгала стонъ раздирающій
Гнѣва яраго на вождей лихихъ!
Сколько лютыхъ золъ намъ сулилъ тотъ судъ—
Судъ доблести златыхъ доспѣховъ ради!
Текмесса.—О горе, горе!
Старшій воинъ.—Ударъ жестокій сердце ранитъ, знаю.
Текмесса.—О горе, горе!
Старшій воинъ.—Не въ диво мнѣ сугубое стенанье—
Такого друга мигъ одинъ унесъ!
Текмесса.—Вамъ понимать, мнѣ-жъ чувствовать дано.
Старшій воинъ.—О да, права ты!
Текмесса.—Дитя мое, какой ярмо неволи
Насъ ждетъ! Чьей власти покоримся мы?
Хоръ.—Горе новое несказанное
Ты затронула! Власть безжалостныхъ
Двухъ царей грозитъ! Да хранитъ васъ богъ!
Текмесса.—Когда бы не богъ—не грянула-бъ судьба!
Старшій воинъ.—Да, бѣдствіе сверхъ мѣры намъ послалъ онъ.
Текмесса.—Его взрастила въ славу Одиссея
Жестокая владыки Зевса дочь.
Хоръ.—О, злорадствуетъ черная душа
Многохитраго мужа-лиходѣя!
Исходъ безумья громкимъ смѣхомъ встрѣтитъ онъ,
Да, да:
Смѣхомъ его и цари привѣтятъ Атриды!
Текмесса (выпрямляясь, гордо).—Что-жъ, пусть смѣются; пусть надъ горемъ нашимъ
Злорадствуютъ! Живого не цѣнили—
Дастъ богъ, заплачутъ объ умершемъ вскорѣ,
Когда въ бою придавитъ ихъ нужда.
Не знаетъ благъ своихъ глупецъ, покуда
Не вырветъ ихъ изъ рукъ его судьба.
На горе мнѣ, не имъ на радость умеръ
Аянтъ; себѣ же счастье онъ добылъ,
Обрѣтши то, чего душа желала.
Пристало-ль имъ смѣяться надъ погибшимъ?
Онъ палъ отъ божьей, не отъ ихъ руки.
А впрочемъ, нѣтъ препятствій ихъ веселью,—
Аянта нѣтъ; лишь мнѣ одной оставилъ
Онъ горькій плачъ и стоны по себѣ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Со стороны, гдѣ предполагается стоянка ахейцевъ, появляется со знаками глубокаго горя **Тевкръ**. Съ нимъ тотъ воинъ, который раньше приходилъ его вѣстникомъ.

Тевкръ (за сценой).—О горе мнѣ!
Старшій воинъ (Текмессѣ).—Замолкни: Тевкра, мнѣ сдается, голосъ
Я слышу, откликъ нашего несчастья.
Тевкръ.—Аянтъ любимый, братъ единокровный!
Уже-ль потухъ родного ока свѣтъ?
Старшій воинъ.—Да, Тевкръ, онъ умеръ; нѣтъ вѣрнѣе вѣсти.
Тевкръ.—Судьба моя, какъ тяжекъ твой ударъ!
Старшій воинъ.—Свершилось все.
Тевкръ.—О рокъ мой злополучный!
Старшій воинъ.—Дай волю плачу!
Тевкръ.—Быстръ несчастья ходъ!
Старшій воинъ.—О да, онъ быстръ.
Тевкръ (увидѣвъ Текмессу).—О боже! Гдѣ же сынъ?
Въ какомъ углу земли троянской скрытъ онъ?
Текмесса.—Одинъ въ палаткѣ онъ.
Тевкръ.—Сюда скорѣй
Его веди! Изъ логовища львица
Ушла одна—нетрудно супостату
Дѣтеныша похитить. Поспѣши же,
Силъ не жалѣй: надъ витяземъ лежачимъ
Всякъ надругаться изъ враговъ охочъ.

Текмесса уходитъ.

Старшій воинъ.—Еще при жизни, Тевкръ, тебѣ онъ ввѣрилъ
Дитя; его довѣрье оправдалъ ты.
Тевкръ (подойдя къ покойнику). — О зрѣлище печальное! Больнѣе
Тебя вовѣкъ не видывалъ мой взоръ.
О путь унылый! Кровью истекало
Сердце мое, Аянтъ мой незабвенный,
Когда, узнавъ объ участи твоей,
Выслѣживать я бросился несчастье.
Весь станъ ахейскій облетѣла быстро,
Какъ божій гласъ, про смерть твою молва.
Ее вдали стенаніемъ я встрѣтилъ·

Вижу теперь—и, видя, погибаю.
О доля! (воину:)
Сними покровъ, открой мнѣ бездну горя.

Воинъ снимаетъ наброшенную на Аянта Текмессой накидку.

О видъ немилый! Видъ отваги горькой!
О сколькихъ золъ зародышемъ мнѣ будетъ
Твоя кончина! Не помогъ въ страданьяхъ
Тебѣ ничѣмъ я; кто-жъ меня привѣтитъ?
Въ какой странѣ прибѣжище найду?
Отецъ нашъ общій Теламонъ—не правда-ль,
Сколь ласковымъ, сколь милостивымъ взоромъ
Меня онъ приметъ, если одинокимъ
Къ нему вернусь, тебя оставивъ здѣсь?
Да, ласковымъ! Не видывалъ я ласки
И при улыбкѣ счастья отъ него!
Ему-ль смолчать? Ему ли скрыть зазнобу
Противъ того, что отпрыскомъ потайнымъ
Рожденъ отъ плѣнной дочери врага?
Изъ трусости, изъ жалкаго безсилья—
Такъ скажетъ онъ—тебя я предалъ, братъ.
А то и съ умысломъ—чтобъ послѣ смерти
Твоей и домъ, и царство захватить:
Онъ вспыльчивъ былъ всегда; теперь и старость
Его гнететъ и поводомъ ничтожнымъ
Склоняетъ къ гнѣву; въ завершенье землю
Покину я, взамѣнъ свободной доли
Рабомъ поставленный изъ устъ отца.
Вотъ родины привѣтъ. А здѣсь, подъ Троей,
Враждебно все, друзей слаба опора—
Такъ обезсиленъ смертью я твоей.
Что-жъ дѣлать мнѣ? Какъ изъ груди холодной
Мнѣ вырвать жало твоего убійцы—
Меча стального? Суждено, знать, было
Тебѣ отъ Гектора погибнуть—даромъ,
Что онъ давно могильнымъ сномъ объятъ.
Чудесной смертью кончили вы оба:
Ты Гектору узорный поясъ далъ—
Тѣмъ поясомъ онъ къ колесницѣ конной
Привязанъ былъ и, въ бѣшеной погонѣ
Влекомый по равнинѣ каменистой,
Въ мученьяхъ долгихъ духъ свой испустилъ.
Тебѣ же мечъ онъ далъ—и отъ него

Погибъ и ты въ паденьи смертоносномъ.
Эринія сковала этотъ мечъ,
Аидъ—тотъ поясъ, мастеръ безсердечный!
Въ такихъ сплетеньяхъ сказочныхъ судьбы
Игру боговъ надъ смертными я вижу;
Кто мыслитъ розно—пусть лелѣетъ вѣру
И самъ свою, и мнѣ мою оставитъ.
Старшій воинъ.—Подумай лучше, какъ тебѣ могилой
Его почтить и какъ отвѣтъ держать.
Врага я вижу; вѣрно надругаться
Сюда пришелъ онъ—нѣтъ, вѣдь, чести въ немъ.
Тевкръ.—Кого-жъ ты видишь? Съ войска-ль къ намъ идетъ онъ?
Старшій воинъ.—То Менелай, виновникъ всей войны.
Тевкръ.—Да, вижу; онъ вблизи, узнать нетрудно.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Со стороны стоянки ахейцевъ появляется **Менелай** въ сопровожденіи двухъ глашатаевъ (ихъ атрибуты—жезлы со змѣйками). Тевкръ выходитъ ему навстрѣчу, становясь передъ тѣломъ Аянта, воины за нимъ.

Менелай (заносчиво). —Эй, другъ! Отъ мертвеца подальше руки!
Пусть здѣсь лежитъ: оставь его на мѣстѣ.
Тевкръ (презрительно).—Кому-жъ въ угоду столько словъ ты тратишь?
Менелай.—И мнѣ, и войска высшему вождю.
Тевкръ.—Дозволь узнать причину вашей воли!
Менелай.—Причина та. Союзника и друга
Мы въ немъ найти надѣялись для насъ,
А онъ троянъ враждебнѣй оказался.
Все войско вырѣзать задумалъ онъ
Мечомъ, въ предательскомъ ночномъ набѣгѣ:
И если-бъ богъ не отвратилъ попытки,
Насъ всѣхъ *его*-бъ постигла доля; всѣ мы
Постыдною бы смертью полегли,
А онъ бы жилъ. По волѣ же бога жребьемъ
Мы помѣнялись: гнѣвъ свой на овецъ
И прочій скотъ направилъ храбрый витязь.
Теперь побѣда наша; нѣтъ здѣсь мужа
Настолько сильнаго, чтобъ этотъ трупъ
Въ могилѣ честной схоронить. Оставленъ

Онъ будетъ здѣсь, среди песковъ унылыхъ,
И станетъ птицъ добычею морскихъ.
Итакъ, прошу смирить свой духъ надменный.
Если живой державѣ нашей онъ
Не подчинялся—мертваго сумѣемъ
Мы обуздать тебѣ на зло. Теперь ужъ
Моя рука надъ нимъ. При жизни, правда,
Мои слова онъ ни во что не ставилъ.
Безуменъ тотъ, кто въ рядового долѣ
Вождямъ повиноваться неспособенъ.
И въ государствѣ лучшіе законы
Хирѣть должны, коль нѣтъ въ сердцахъ боязни,
И въ войскѣ здравой выдержки не встрѣтишь,
Коль страхъ и стыдъ на стражѣ не стоятъ.
Всякъ долженъ знать, хотя-бъ большое тѣло
Себѣ онъ вырастилъ, что пасть оно
Отъ незначительной причины можетъ.
Нѣтъ, стыдъ и страхъ: въ комъ эти два сошлись,
Тотъ въ нихъ найдетъ спасенія залогъ.
А гдѣ преграды нѣтъ безчинству гражданъ,
И своеволью,—община такая,
Хотя-бъ счастливые ей вѣтры дули,
Пучины не избѣгнетъ роковой.
Храни-жъ оплотъ спасительнаго страха!
Ты хочешь дѣлать, что душѣ угодно?
Смотри, претерпишь, что душѣ противно!
Измѣнчива судьба. Недавно онъ
Былъ дерзокъ, грозенъ—нынѣ мой чередъ.
Итакъ, еще разъ: руки прочь! Не то—
Взамѣнъ его себя ты въ гробъ уложишь.

Старшій воинъ.—Въ мудрыхъ словахъ безчинство ты караешь,
А самъ безчинствуешь надъ мертвымъ, царь!

Тевкръ (къ воинамъ).—Что-жъ, диво ли, друзья, что къ преступленьямъ
Низкорожденные питаютъ склонность,
Когда знатнѣйшіе въ ахейской знати
Такихъ преступныхъ не стыдятся словъ! (Менелаю:)
Отвѣтствуй мнѣ, какой ты власти правомъ
Его сюда союзникомъ привелъ?
Онъ самъ явился, самъ собой владѣя!
Ты-ль вождь ему? Ты-ль воинамъ начальникъ,

Что изъ дому привелъ подъ Трою онъ?
Спарты царемъ, не нашимъ ты поставленъ;
Имъ управлять ничуть не болѣ ты
Уполномоченъ, чѣмъ тобою онъ.
Ты самъ другимъ подвластенъ, не надъ всѣми
Военачальникъ; гдѣ-жъ ты царь ему!
Владѣй другими; ихъ—внушеньемъ грознымъ
Обуздывай; Аянта-жъ твоему
Наперекоръ запрету и другого
Начальника я погребеньемъ честнымъ
Почту, твоихъ не убоявшись словъ.
Ради-ль Елены онъ въ походъ собрался,
Подобно жалкимъ подданнымъ твоимъ?
Онъ клятвою былъ связанъ, не тобою:
Ничтожество онъ ни во что не ставилъ.
Вотъ мой отвѣтъ. Хоть рать возьми съ собой
Глашатаевъ и полководца съ нею:
Не испугаюсь грома словъ твоихъ,
Пока собой останешься ты самъ!

Старшій воинъ.—И эта рѣчь намъ въ горѣ не пристала:
Въ наилучшемъ дѣлѣ рѣзкость намъ вредна.
Менелай.—Въ себя влюбленъ немало нашъ стрѣлокъ!
Тевкръ.—Стрѣлокъ я вольный, не наемникъ жалкій.
Менелай.—А щитъ возьмешь—не будетъ мѣры спеси!
Тевкръ.—И такъ съ тобой вооруженнымъ справлюсь!
Менелай.—Лишь твой языкъ вскормилъ твою отвагу.
Тевкръ.—Она святою правдой взращена!
Менелай.—По правдѣ-ль побѣдитъ убійца мой?
Тевкръ.—Хорошъ убійца, если живъ убитый!
Менелай.—Богъ спасъ меня, а отъ него я-бъ померъ!
Тевкръ.—Спасенный богомъ, не гнѣви боговъ!
Менелай.—Чѣмъ же нарушилъ божьи я законы?
Тевкръ.—Отнявъ у мертвыхъ погребенья честь.
Менелай.—Долгъ не велитъ намъ почитать враговъ.
Тевкръ.—Тотъ врагъ тебѣ, кто за тебя сражался?
Менелай.—Про ненависть взаимную забылъ ты?
Тевкръ.—Судомъ кривымъ ты оскорбилъ его.
Менелай.—Вините судей; я тутъ непричастенъ.
Тевкръ.—Всегда злодѣйство тайною красно.
Менелай.—Раскаешься ты въ словѣ дерзновенномъ!
Тевкръ.—Раскаешься сто кратъ больнѣй ты самъ!
Менелай.—Въ послѣдній разъ: нѣтъ похоронъ Аянту!

Тевкръ.—Отвѣтъ запомни: похороны будутъ!
Менелай.—Я видѣлъ мужа: языкомъ отважнымъ
Онъ въ бурю плыть заставилъ моряковъ,
Но лишь въ бѣдѣ онъ очутился—удаль
Исчезла вся; плащомъ покрылъ онъ тѣло,
И всякій могъ лежачаго топтать.
Такъ и тебя—невелика, молъ, тучка!—
И твой языкъ безстыдство обуяло;
Но пусть изъ этой тучки буря грянетъ—
И сразу стихнетъ твой несносный крикъ.
Тевкръ.—И мнѣ былъ вѣдомъ неразумный мужъ,
Что надъ несчастьемъ ближнихъ не стыдился
Злорадствовать. Его другой увидѣлъ—
Вродѣ меня по внѣшности и нраву—
И рѣчь такую сталъ держать ему:
„Не обижай умершихъ, человѣче!
„Тебѣ воздастся за обиды ихъ!"
Но тотъ былъ глухъ на увѣщанья слово.
Его и нынѣ вижу; мнится мнѣ,
Мужъ этотъ—ты. Жду похвалы за притчу!
Менелай.—Прощай; позорно укрощать словами,
Въ рукахъ имѣя принужденья власть.
Тевкръ.—Прощай и ты; еще позорнѣй слушать
Слова пустыя изъ безумца устъ.

Менелай съ глашатаями уходитъ подъ звуки анапестической музыки, сопровождающей нижеслѣдующую пѣснь.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Возвращается **Текмесса**, ведя за руку **Еврисака**.

Старшій воинъ.—Недалекъ уже яраго спора разгаръ.
Поскорѣе же, Тевкръ, ты для брата намѣть
Усыпальницы мѣсто подъ кровомъ земли.
Осѣнитъ его мрачное ложе курганъ
Незабвенный для смертныхъ навѣки.
Тевкръ.—Ты правъ. И во-время какъ разъ приспѣла
Жена и сынъ покойнаго, чтобъ вмѣстѣ
Послѣдній долгъ несчастному воздать.
Сюда, дитя, поближе; какъ проситель,
Рукой къ отцу родному прикоснись.
Въ молитвенной осанкѣ, на колѣняхъ,
Держи въ рукахъ по пряди ты волосъ

Моихъ, своихъ и матери своей—
Просителей святыню. Если-жъ кто
Тебя насильно отъ останковъ этихъ
Дерзнетъ отторгнуть, пусть злодѣй, злодѣйски
Отторгнутый отъ родины своей,
Безъ погребенья на чужбинѣ сгинетъ,
Пусть срѣжутъ боги его рода корень,
Какъ я срѣзаю эту прядь мечомъ.
Храни ее, не уступай угрозамъ;
Изо всѣхъ силъ прильни къ отцу, дитя.
  А вы, друзья, не стойте, точно жены,
Въ безпомощномъ унынiи кругомъ!
Нѣтъ, заступитесь; я-жъ вернуся скоро
И всѣмъ на зло его землѣ предамъ. (Уходитъ.)

Живая картина. У головы Аянта, въ описанной позѣ, Еврисакъ. У ногъ, по другую сторону куста, Текмесса; ея лицо скрыто подъ покрываломъ, она вся погружена въ глубокое горе. За ними, со стороны моря, воины.

ТРЕТIЙ СТАСИМЪ.

Хоръ.—Ахъ, когда исполнится часъ *Стр. I.*
Послѣ годовъ
  Въ безднѣ томленiй горькихъ—
Часъ, когда спасенiя лучъ
Намъ, наконецъ,
  Въ вѣчной службѣ бранной блеснетъ,
  Чтобъ намъ бросить Трои поля,
Стыдъ и горе родной Эллады?

  Пусть эѳиръ бы мужа того *Ант. I.*
Раньше объялъ,
  Или Аидъ бездонный,
Мужа, что жестокой войны
Первый примѣръ
  Средь сыновъ Эллады явилъ!
  Вотъ онъ, грѣхъ, всѣмъ пращуръ грѣхамъ!
От него мы и нынѣ гибнемъ.

  Онъ виной, что нѣжныхъ вѣнковъ *Стр. II.*
  Нѣтъ для насъ, что радостный звонъ
Мы глубокой чарки забыли,
  Онъ, несчастный, сладкiй напѣвъ
  Звучной флейты отнялъ у насъ.

Отнялъ сна ночного отраду.
Любви, любви лишилъ онъ насъ, о горе!
Мы безъ ласки лежимъ; въ кудряхъ
Виснутъ капли росы ночной;
Будемъ помнить тебя вовѣкъ,
О постылая Троя!

Все же доселѣ былъ намъ Аянтъ *Ант. II.*
Отъ лихой напасти во мглѣ
И отъ копій вражьихъ оплотомъ.
Палъ оплотъ нашъ; демону тьмы
Жизнь свою онъ въ жертву принесъ;
Нѣтъ для насъ ужъ въ мірѣ отрады.
О разъ еще-бъ Сунійскій кряжъ увидѣть,
Гдѣ на пѣну лазурныхъ волнъ
Смотритъ лѣсомъ поросшій мысъ,
Чтобы вамъ нашъ привѣтъ послать,
Вамъ, святыя Аѳины!

ЭКСОДЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Тевкръ быстро возвращается. Съ другой стороны приближается **Агамемнонъ** съ царскимъ посохомъ въ рукѣ, съ нимъ двое глашатаевъ.

Тевкръ.—Прибавилъ шагу я: военачальникъ,
Царь Агамемнонъ, къ намъ заторопился.
Польется, вижу, праздныхъ словъ потокъ.
Агамемнонъ.—Ты-ль возомнилъ, что въ грозной рѣчи сможешь
Надъ нами безнаказанно глумиться—
Ты, ты, военноплѣнницы отродье?
Подумать страшно, какъ бы возгордился
Спесивецъ нашъ, какъ голову бы поднялъ,
Будь благородной крови мать его,
Когда теперь, въ ничтожествѣ своемъ,
Возсталъ на насъ онъ—ради глыбы мертвой!
Еще божился ты, что я не воленъ
Начальствовать ни надъ ахейской ратью,
Ни надъ тобой; собою самъ владѣя—
Такъ молвилъ ты—приплылъ сюда Аянтъ.
Пристойны ли рабу такія рѣчи?
И за кого ты хвастаешь такъ дерзко?

Кого сразилъ онъ? Чей напоръ жестокій
Онъ выдержалъ, гдѣ я бы отступилъ?
Ужели нѣтъ людей среди ахейцевъ
Кромѣ него? Напрасно объявили
Изъ-за Ахилловыхъ доспѣховъ имъ мы
То состязанье, если повсемѣстно
По мнѣнью Тевкра трусы мы и только!
И даже судей приговоръ законный
Вамъ не указъ; за пораженье мстя,
Вы поносить насъ будете безстыдно
И мечъ злодѣйскій поднимать на насъ?
Такіе нравы не дадутъ порядокъ
Установить среди людей нигдѣ,
Когда мы побѣдителей законныхъ
Гонять дозволимъ, а ихъ честь и мѣсто
Предоставлять прикажемъ побѣжденнымъ!
Тому не быть. И не въ плечахъ могучихъ
Залогъ побѣды, не въ спинѣ широкой—
Нѣтъ; выше тотъ, кто разумомъ силенъ.
Бокъ у вола огроменъ—все же имъ
Невзрачный бичъ успѣшно управляетъ.
Приспѣетъ и къ тебѣ лѣкарство это,
Если ума не припасешь заранѣ.
Ты-ль не безуменъ? Вѣдь, твой братъ—ничто,
Онъ тѣнью сталъ; и за него ты дерзко
Насъ поносить и вольнословить вздумалъ?
Брось хвастовство. Подумай, кѣмъ рожденъ ты,
И хоть свободнаго сюда поставь,
Чтобъ за тебя у насъ отвѣтъ держалъ онъ.
Твоя же рѣчь не будетъ мнѣ понятна:
Я въ варварскомъ не свѣдущъ языкѣ.

Старшій воинъ!—Да ниспошлетъ вамъ богъ благоразумье
Обоимъ; лучшій это даръ для васъ.

Тевкръ (глядя на мертваго).—Какъ быстро къ мертвымъ благодарность таетъ,
Какъ имъ охотно измѣняютъ всѣ!
Вотъ мужъ; его такъ часто отъ враговъ ты
Спасалъ, Аянтъ, своею за него
Душою жертвуя, и хоть бы словомъ
Онъ помянулъ тебя! Исчезло все! (Агамемнону:)
О образецъ обидныхъ словопреній!
Ужель забылъ ты,—все забылъ безслѣдно—

Какъ въ судовой оградѣ взаперти
Сидѣли вы, какъ послѣ бѣгства рати
Ужъ предъ глазами видѣли вы смерть,
И онъ одинъ васъ спасъ? Пылало пламя
Ужъ на кормы верхушкѣ корабельной;
Гекторъ коней гналъ черезъ ровъ съ разбѣга
И выстроеннымъ угрожалъ ладьямъ!
Кто удержалъ его? Аянтъ, тотъ самый,
Что ни сразить, ни отразить врага
Способенъ не былъ, по словамъ твоимъ!
Что-жъ, заслужилъ онъ одобренье ваше?
Затѣмъ припомни, какъ бойцомъ онъ вольнымъ
Въ единоборство съ Гекторомъ вступилъ.
Не бѣглый жребій въ воду бросилъ онъ,
Комъ глины влажной, нѣтъ,—такой ретивый
Что изъ узорчатаго шлема первымъ
Въ струѣ воды далъ выплеснуть себя!
  Таковъ былъ онъ, а я—его товарищъ,
Я, въ рабской долѣ варваркой рожденный.
Несчастный! Ты-ль мнѣ это говоришь?
Не твоего-ль отца родитель, Пѐлопъ,
Самъ варваръ былъ, фригійской сынъ земли,
Отецъ же твой, Атрей, въ пиру безбожномъ
Вкусить далъ брату плоть его дѣтей?
Не той ли критянки ты сынъ, которой
Отецъ родной за грѣхъ съ пришельцемъ гнусный
Назначилъ рыбъ быть пищею нѣмыхъ?
Вотъ слава рода твоего—и ты же
Глумишься надъ рожденіемъ моимъ?
Отецъ мой—Теламонъ; онъ въ войскѣ первымъ
Бойцомъ прослылъ и доблести наградой
Въ подруги ложа мать мою добылъ,
Царевну родомъ, дочь Лаомедонта.
Онъ получилъ ее изъ рукъ Геракла,
Какъ избранный высокой чести даръ.
Такъ витяземъ отъ витязей рожденный,
Я не позорю брата моего.
А ты страдальца чести погребенья
Лишилъ—и не стыдишься словъ своихъ?
  Замѣть, однако: ту-жъ насилья мѣру,
Какъ и къ нему, придется къ намъ троимъ
Вамъ примѣнить: мы заодно. И право,

Мнѣ больше чести за него погибнуть,
Чѣмъ въ битвѣ за супружницу твою,—
Или тамъ брата твоего—Елену.
Теперь подумай. Не мое ужъ только,
Но и свое рѣшаешь дѣло ты.
Не раздражай меня! Не то—быть трусомъ
Ты предпочтешь, чѣмъ хватомъ противъ насъ.

Старшій воинъ (глядя по направленію къ стоянкѣ).—Пришелъ
ты кстати, Одиссей, коль скоро
Распутать узелъ, не стянуть ты хочешь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Со стороны стоянки приходитъ Одиссей.

Одиссей.—Въ чемъ дѣло, мужи? Издали я слышалъ
Атридовъ крикъ надъ витяземъ умершимъ.

Агамемнонъ (обиженно).—Крикъ? Да, пожалуй; черезчуръ
обидныхъ
Наслышались рѣчей мы отъ него.

Одиссей.—Какихъ рѣчей? Простить я мужа склоненъ,
Когда на брань онъ бранью отвѣчаетъ.

Агамемнонъ.—Онъ эту брань дѣлами заслужилъ.

Одиссей.—Что-жъ сдѣлалъ онъ, и въ чемъ тебя обидѣлъ?

Агамемнонъ.—Не воленъ я безчестьемъ трупъ карать:
Онъ похороны мнѣ на зло справляетъ!

Одиссей.—Возможно-ль другу,—честь воздавши правдѣ,
Тебѣ и впредь съ готовностью служить?

Агамемнонъ.—О да; запретъ безумью былъ бы равенъ:
Изъ всѣхъ аргивянъ ты мнѣ лучшій другъ.

Одиссей.—Послушай же. Не долженъ безсердечно
Лишать послѣдней чести ты Аянта,
Не долженъ силѣ довѣрять настолько,
Чтобъ въ ненависти правду попирать.
Онъ и ко мнѣ враждой пылалъ безмѣрной
Съ тѣхъ поръ, какъ я доспѣхами Ахилла
По приговору овладѣлъ. Но я
Не отплачу безчестьемъ за безчестье.
Признать я долженъ, что изъ всѣхъ ахейцевъ,
Что противъ Трои двинулись въ походъ,
Онъ уступалъ Ахиллу одному.
Такъ и тебѣ не слѣдъ его безчестить.
Вѣдь не его, а божіе законы

Ты оскорбишь. Позорить трупы добрыхъ
И въ ненависти правда не велитъ.
Агамемнонъ.—Ты, Одиссей,—ты съ нимъ, и противъ насъ?
Одиссей.—Да; дальше чести я вражды не знаю.
Агамемнонъ.—Уже-ль со смертью и враждѣ конецъ?
Одиссей.—Не домогайся выгоды неправой!
Агамемнонъ.—Во власти правду нелегко блюсти!
Одиссей.—А уступать благому друга слову?
Агамемнонъ.—Долгъ добрыхъ—уступать законной власти.
Одиссей.—Брось! Власть—твоя, хотя-бъ и внялъ ты дружбѣ.
Агамемнонъ.—Ты помнишь ли, кого почтить ты хочешь?
Одиссей.—Онъ мнѣ врагомъ, но благороднымъ былъ.
Агамемнонъ.—Что-жъ, столько чести мертвому врагу?
Одиссей.—Выше вражды я благородство ставлю.
Агамемнонъ.—Безумія полна такая мягкость!
Одиссей.—Врагомъ и другъ становится намъ часто.
Агамемнонъ.—Такихъ друзьями дѣлать—твой совѣтъ?
Одиссей.—Совѣтъ мой—избѣгать жестокосердья.
Агамемнонъ.—Ты трусомъ выставишь меня сегодня!
Одиссей.—Нѣтъ праведнымъ судьей для всей Эллады.
Агамемнонъ.—Итакъ, велишь ты запрещенье снять?
Одиссей.—Да; и меня, вѣдь, та же участь ждетъ.
Агамемнонъ.—Всѣ таковы: всякъ о себѣ радѣетъ!
Одиссей.—О комъ же больше мнѣ радѣть прикажешь?
Агамемнонъ.—Отвѣтишь ты за дѣло, а не я.
Одиссей.—Кто-бъ ни отвѣтилъ, благороденъ будешь.
Агамемнонъ.—Запомни-жъ слово ты мое: тебѣ
И въ большемъ дѣлѣ я служить согласенъ.
Но съ нимъ вражда моя и здѣсь и тамъ
Непримирима; поступай, какъ знаешь. (Уходитъ.)
Старшій воинъ.—Кто и теперь души твоей не цѣнитъ,
Царь Одиссей, тотъ самъ души лишенъ!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

По данному Тевкромъ знаку Текмесса и Еврисакъ поднимаются и съ выраженіемъ глубокой благодарности, окруженные воинами, привѣтствуютъ Одиссея. Послѣдній обращается къ Тевкру.

Одиссей.—Одно осталось. Тевкру предлагаю,
Чтобъ равносильной дружбѣ уступила
Недавняя вражда. Аянта тѣло
Съ тобою я похоронить хочу,

Весь трудъ твой раздѣлить, всю чести мѣру
Ему воздать, какую лучшимъ людямъ,
Вкусившимъ смерть, установилъ законъ.

Тевкръ (протягивая Одиссею руку).—О благородный Одиссей, ты всякой
Хвалы достоинъ! Могъ ли ожидать
Такой любви я отъ тебя? Ты, злѣйшій
Аянту врагъ во всемъ ахейскомъ войскѣ,
Одинъ ему помогъ. Не пожелалъ ты
Живой надъ мертвымъ злобно надругаться,
Какъ тотъ военачальникъ безразсудный
И братъ его, что̀ вздумали Аянта
Всей чести погребенія лишить.
Пусть же Олимпа царственный властитель
Отецъ нашъ Зевсъ, пусть памятливый рой
Эриній и вершительница Правда
Злодѣйскою злодѣевъ смертью взыщутъ,
Равно безчестной, какъ они хотѣли
Безчестной долѣ добраго предать!
  Тебя-жъ, Лаэрта-старца мудрый сынъ,
Я все-жъ прошу не прикасаться къ трупу.
Я не увѣренъ, будетъ ли пріятно
Покойному твое прикосновенье.
Но въ остальномъ желанной будетъ намъ
Помощь твоя, и если кто изъ стана
Тобою будетъ приглашенъ—спасибо
Тебѣ мы скажемъ. Пусть же выносъ будетъ
Моей заботой; ты же знай, что съ нами
Ты поступилъ, какъ благородный мужъ.

Одиссей (ласково).—Я заявилъ готовность, но сомнѣнья
Твои одобрить долженъ я; прощай!

Уходитъ, сопровождаемый благословеньями всѣхъ присутствующихъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тевкръ (**обращается поочередно къ тремъ группамъ хора, затѣмъ къ Еврисаку. Начинается музыка въ анапестическомъ тактѣ, сопровождающая весь конецъ трагедіи**).—Ужъ довольно рѣчей; приниматься давно
Намъ за дѣло пора. Вы идите, друзья,
И глубокой могилы холодную сѣнь
Снарядите скорѣй. Вы на ярый огонь

Мѣднобокій треножникъ поставьте, святыхъ
Омовеній купель.
Вы же, третій отрядъ, изъ палатки сюда
Принесите доспѣховъ суровый уборъ.
Ты, малютка, руками къ отцу своему
Прикоснися любовно и вмѣстѣ со мной
Изо всѣхъ твоихъ силъ его грудь поддержи.
Ахъ, тепла эта грудь, и изъ стынущихъ жилъ
Еще къ горлу сочится багровая кровь!
Поспѣшите, идите, усердствуйте всѣ,
Кто когда-либо другомъ усопшаго звалъ!
Онъ былъ добрымъ изъ добрыхъ; изъ смертныхъ никто
Съ нимъ сравниться не могъ—
Объ Аянтѣ, что̀ былъ, мое слово!

Старшій воинъ.—Человѣку во многомъ наукою жизнь,
И никто не пророкъ,
Пока жизнь впереди, о грядущемъ.

Тевкръ съ Еврисакомъ поднимаютъ тѣло Аянта за голову, Текмесса за ноги, и уносятъ его, окруженные хоромъ, подъ звуки умолкающей музыки.

Перевелъ **Ѳ. Зѣлинскій.**

ЯДЪ.

А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили въ глубинѣ морской.

Матѳ. 18—6.

I.

Послѣ обѣда мама̀ поѣхала къ кузинѣ Pauline, папа̀ въ „комитетъ“, и потому въ „выдуманную игру“ играли не только въ залѣ, но и въ гостиной. Играть въ „выдуманную игру“ это значило разыгрывать въ лицахъ цѣлую какую-нибудь исторію вродѣ Жюля Верна или Майнъ-Рида, но импровизированную играющими. Ѣхали по Америкѣ,—разумѣется, это были „переселенцы“,—на нихъ нападали краснокожіе, аллигаторы, удавы, сѣрые медвѣди изъ Скалистыхъ горъ или пумы (вѣдь въ Америкѣ нѣтъ тигровъ—это всякій знаетъ!); надо было переправляться черезъ *ужасно* широкія рѣки, охотиться на бизоновъ, на обезьянъ - ревуновъ, строить „фортъ“, спасаться отъ степного пожара, а главное—отъ „злодѣя“ Діего или Джаксона, догадываться объ его злодѣйскихъ замыслахъ, перехитрять ихъ. И во всѣхъ этихъ приключеніяхъ всегда главнымъ героемъ, разумѣется, являлся какой-нибудь удивительный „маленькій мальчикъ“, Фредъ или Гарри, который всѣхъ спасаетъ, прежде всѣхъ узнаетъ о козняхъ „злодѣя“, первый усматриваетъ индѣйцевъ въ густой травѣ пампасовъ, т.-е. на коврѣ въ гостиной, или аллигатора, подъ фортепіано, и предупреждаетъ мистера Джемса, т.-е. Манечку, и Оливера Дредфулля, т.-е. Сережу, или „Сергѣя“, такъ его называли, когда не было большихъ. „Маленькаго мальчика“ всегда изображалъ маленькій Ники, какъ его звала мама̀ и вся семья, или Никитушка, какъ называлъ папа̀. И такъ какъ, когда играли въ эту игру, старшіе братъ и сестры не только не прогоняли его со словами: „Ну, ты

ничего не понимаешь въ этомъ", или просто: „Ступай прочь, ты еще маленькій!" и даже не надоѣдали ему указаніями и наставленіями, какъ въ другихъ играхъ, а предоставляли очень многое ему самому „выдумывать", то онъ очень любилъ эту игру.

Сегодня она шла особенно удачно, и потому, когда въ самый тотъ моментъ, что изъ темнаго угла кабинета появились индѣйцы племени мундруку, а мистеръ Джемсъ - Манечка, и мистрисъ Джемсъ - Лили предавались самому трагическому отчаянію при мысли, что эти ужасные индѣйцы разграбятъ и сожгутъ фортъ, и когда „маленькій мальчикъ" поползъ подъ золочеными стуликами, стоявшими вдоль стѣны залы,—конечно, это были „заросли, окружавшія фортъ",—съ цѣлью предупредить объ опасности Оливера Дредфулля и Паркера, сидѣвшихъ на скалѣ, т.-е. на обѣденномъ столѣ въ столовой,—въ эту самую минуту къ величайшему и уже вовсе не изображаемому, а самому дѣйствительному ужасу Никитушки въ залѣ появилась Амалія Ивановна и стала, какъ всегда отрывисто и рѣзко, кричать: „Kinder, Kinder, Milch trinken, die Uhr ist schon über neun. Und der Петя muss nach Hause" [1]),—тогда Ники чуть не заплакалъ отъ огорченія, вылѣзъ однако изъ - подъ стульевъ и, подбѣжавъ къ Амаліи Ивановнѣ, умоляюще заговорилъ: „Bitte, Амалія Ивановна, bitte noch"...

Ники еще очень плохо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ какъ Амалія Ивановна только недавно смѣнила миссъ Димсъ. Увы! смѣнила, но не замѣнила, и бѣдному Ники не только приходилось пріучаться говорить по-нѣмецки, что было такъ трудно, но еще отвыкать отъ своей безцѣнной „nurse", которую онъ любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ, конечно, больше мама̀ (папа̀ онъ любилъ *почти* такъ же, какъ миссъ Димсъ, а потомъ больше всего Сергѣя, который представлялся ему идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ и почти что „большимъ"). Нѣтъ, приходилось еще привыкать къ массѣ вещей, которыя не нравились Никитушкѣ или казались ему совершенно ненужными для мальчиковъ. Такъ, наприм., надо было плести какіе-то коврики изъ бумаги, выкалывать и вышивать по бѣлому картону какіе-то узоры, пѣть, ходя вокругъ стола:

Und so geht der Jägersmann, Jägersmann, Jägersmann,
Und so geht der Arbeitsmann, Arbeitsmann, Arbeitsmann [2]) и т. д.,
и т. д.

что Никитушка считалъ донельзя глупымъ.

---

[1]) Дѣти! дѣти! Пить молоко! пить молоко! Уже болѣе 9 часовъ, и Петѣ пора домой.
[2]) Такъ идетъ охотникъ, охотникъ, охотникъ.
Такъ идетъ рабочій, рабочій, рабочій...

Но самое главное и непріятное это то, что Амалія Ивановна заставляла Никитушку каждый вечеръ молиться по-нѣмецки. Сначала надо было вмѣсто *Отче нашъ*, которому научилъ папà,—а значитъ такъ молились всѣ „большіе",—надо было повторять за Амаліей *Vater unser*, гдѣ Ники не понималъ ни одного слова, но хуже всего то, что послѣ этого надо было еще говорить одну молитву въ стихахъ, которая особенно нравилась Амаліи Ивановнѣ и особенно не нравилась ему. Она начиналась словами:

Mein lieber Gott, ich bitte Dich,
Vor allem Leid behüte mich... [1])

содержала прошеніе сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, а кончалась такъ:

Und wenn ich das nicht sollte werden,
So nimm mich besser von den Erden
Und nimm mich in Dein Himmelreich,
Und mach mich Deinen Engeln gleich.
Amen.

Когда на вопросъ Никитушки: „Что это значитъ?" Амалія въ первый же вечеръ объяснила, что это значитъ:

„А если я такимъ не сдѣлался бы,
То лучше возьми меня съ земли,
Возьми меня въ Твое царствіе небесное
И сдѣлай меня подобнымъ ангеламъ Твоимъ!"

тогда Никитушка заплакалъ и закричалъ. Такъ заплакалъ, что его долго не могли утѣшить. Прибѣжала Лилѝ изъ своей комнаты, придерживая руками свои золотистые волосы, которые только что ей стали расчесывать на ночь, потомъ пришелъ и Сережа, и Манечка, и мадемуазель Жиберъ, и всѣ утѣшали и уговаривали Никитушку. А онъ, захлебываясь отъ слезъ, кричалъ: „Не смѣй! не смѣй говорить! нѣмка! Гадкая молитва! Не хочу, не хочу *von den Erden!*... Уходи прочь, Амалія! Убирайся! Хочу миссъ Димсъ!... Не смѣй говорить *von den Erden!* Не смѣй!..."

Наконецъ, на крикъ появилась мамà, очень рѣдко заходившая въ дѣтскую въ это время. Ея появленіе разомъ заставило Ники замолчать, и онъ только продолжалъ нервно вздыхать и всхлипывать, уткнувшись въ подушку.

— Это что такое?—спросила мамà строго.—Что это за крикъ?

---

[1]) Милосердый Господь, молю Тебя,
Отъ всякаго зла сохрани меня.

И когда Амалія Ивановна смущенно объяснила, что *der Herr Niki* былъ очень *ungezogen*, [1]) отказался молиться и даже позволилъ себѣ критиковать молитву, Лидія Сергѣевна еще строже произнесла:

— Какъ ты смѣешь не слушаться и не молиться? Если тебѣ Амалія Ивановна что-нибудь говоритъ, изволь слушаться, и чтобъ я голоса твоего не слышала больше. У меня тамъ гости, а я вдругъ должна все бросать и бѣжать сюда... Если ты еще посмѣешь не послушаться, ты будешь наказанъ.

Ники зналъ, что то, что мама пообѣщаетъ, всегда исполняется, и потому съ этого вечера больше не плакалъ, когда Амалія Ивановна читала, стоя надъ нимъ, свою „гадкую молитву", какъ онъ всетаки говорилъ про себя. Но онъ упорно выдерживалъ характеръ и, повторивъ за бонной первыя строфы, замолкалъ, когда она произносила: „Und wenn ich das nicht sollte werden", и про себя живо-живо говорилъ: „Дай мнѣ, Боженька, долго-долго-долго прожить и никогда-никогда не умереть! Дай мнѣ, Боженька, никогда не умереть!..." И онъ съ торжествомъ и лукаво поглядывалъ исподлобья на Амалію Ивановну и говорилъ себѣ: „Что, взяла? Вотъ не знаешь, нѣмка, что я про себя Бога просилъ! А Онъ знаетъ!"

Такъ и сегодня. Съ огорченіемъ прервавъ игру, напившись молока и раздѣвшись, Ники покорно прочелъ *Vater unser* и затѣмъ замолчалъ и, несмотря на всѣ увѣщанія, просьбы и угрозы бонны, продолжалъ молчать, пока не улегся. Повозился немного подъ одѣяломъ, подогнулъ колѣнки чуть не къ самой шеѣ, подумалъ, какъ онъ завтра, когда будутъ играть въ „выдуманную", разскажетъ про аллигатора, который чуть его не съѣлъ на зеленой бархатной дорожкѣ въ передней, изображавшей „Амазонскую рѣку", подумалъ еще, что сегодня Манечка учила про эту самую Амазонскую рѣку, а это значитъ, что завтра придетъ къ дѣвочкамъ учитель географіи Петръ Ѳедоровичъ, а слѣдовательно, завтра четвергъ и, навѣрное, пріѣдетъ Елизавета Николаевна, или „Шеколадиха", по прозванію, данному Сережей, которая всегда привозитъ что-нибудь хорошее,—и заснулъ.

На завтра, дѣйствительно, пришелъ Петръ Ѳедоровичъ, и дѣвочки сѣли съ нимъ въ классной у стола, а къ Сережѣ пришелъ въ это самое время такъ называемый „Физикалка-палка", т.-е. учитель естественной исторіи, и они стали заниматься въ дѣтской. Поэтому Никитушкѣ пришлось одному итти гулять съ Амаліей и, вернувшись, усѣсться въ ея же комнатѣ и выкалывать

---

[1]) Непослушенъ.

по картону *ein Häuschen*, что̀ онъ ненавидѣлъ отъ глубины души. Но онъ утѣшился, когда Манечка, провожая Петра Ѳедоровича въ переднюю и проходя мимо комнаты Амаліи Ивановны, успѣла таинственно шепнуть Никитушкѣ: „Послѣ завтрака *макмàкъ*". Никитушка такъ же таинственно и по-заговорщицки кивнулъ Манечкѣ и добросовѣстно сталъ выкалывать дымъ, круглыми колечками выходившій изъ трубы *Häuschen*'а, но про себя не менѣе добросовѣстно погрузился въ раздумываніе о нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему, дѣлахъ, какъ то полагалось при словѣ *макмàкъ*.

Макмàкъ или *макмàкъ-ликлàкъ*—это было названіе „общества", основаннаго Манечкой. Общество составляли они четверо, Петя Лабинскій, учившійся вмѣстѣ съ Сережей, и Вѣрочка, подруга Лили. Манечка была предсѣдательницей, а всѣ они членами или „братьями", и всѣхъ полагалось называть такъ: „братъ Макмàкъ"—Манечку, „братъ Ликлàкъ"—Лили, „братъ Вѣквàкъ"—Вѣрочку, „братъ Петръ", „братъ Сергѣй" и даже его, Никитушку—„братъ Никита". Это одно показываетъ, что это была вовсе не игра, а нѣчто серьезное. Всѣ „братья" при открытіи общества поклялись исполнять всѣ „уставы" и ничего не выдавать большимъ. Главные пункты устава были: стараться сдѣлаться лучше, слѣдить за всѣми своими поступками и всенародно каяться въ нихъ передъ „братьями" на „собраніяхъ". Старшіе дѣти записывали въ теченіе недѣли всѣ свои грѣхи въ тетрадочки, а Ники, не умѣвшій еще писать, старался припомнить на словахъ всѣ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. „Собранія" бывали разъ въ недѣлю, въ такіе дни, когда никто изъ большихъ не могъ помѣшать. Тогда „братья" всѣ по очереди дѣлали другъ другу замѣчанія, торжественно засѣдая вокругъ дѣвочкинскаго учебнаго стола; потомъ предсѣдатель *Макмàкъ* подписывалъ свое имя въ тетрадочкахъ, всѣ чинно кланялись другъ другу и расходились съ таинственнымъ и важнымъ выраженіемъ лицъ.

Итакъ, сегодня значитъ будетъ засѣданіе *макмàкъ!* И Ники сталъ припоминать, что̀ онъ сдѣлалъ худого за недѣлю.

За завтракомъ сидѣли какъ нарочно очень долго. Кромѣ Елизаветы Николаевны—Шеколадихи, пріѣхала тетя Мари Горецкая и папà привелъ правителя канцеляріи, Ивана Платоновича, который, по мнѣнію Никитушки, былъ очень злой и всегда сердился на тѣхъ, про кого разсказывалъ. Говорили всѣ большіе очень оживленно и спорили. Сначала мамà, какъ всегда, жаловалась, что вѣчно ей надо обо всѣхъ подумать и позаботиться, что она страшно устала, что у нея мигрень и она „зла на весь міръ", такъ какъ объѣхала всѣ магазины, отыскивая какую-то матерію

дѣвочкамъ на платья для костюмированнаго бала у княгини Шахматовой, и нигдѣ ничего даже подходящаго не нашла, „какъ, впрочемъ, всегда въ Петербургѣ“. Елизавета Николаевна защищала Петербургъ, а тетя Марй поддерживала мамà. Папà и Иванъ Платоновичъ, повидимому, не очень слушали эти разговоры. Но потомъ Иванъ Платоновичъ сталъ что-то разсказывать,—должно быть, очень интересное, потому что всѣ большіе разомъ заговорили, заспорили очень громко и всѣ разсердились, и хотя Никитушка обыкновенно не слушалъ, что говорилъ Иванъ Платоновичъ, но на этотъ разъ онъ услыхалъ какое-то новое и очень интересное слово, которое ему понравилось почти такъ же, какъ три отличныя новыя нѣмецкія слова „Truthahn“, „Pulverkasten“ и „Kanonenboot“, выученныя имъ сегодня утромъ: *соціалисты*. „Со-ці-а-листы“,—что это такое? подумалъ Ники и только что хотѣлъ тихонько спросить Сергѣя,—громко говорить за столомъ дѣтямъ не полагалось,—какъ мамà произнесла своимъ самымъ строгимъ голосомъ:

— Давно пора всѣхъ ихъ перевѣшать, это просто стыдъ, что не могутъ справиться съ ними!

А тетя Марй сказала:

— Это не люди, а звѣри.

— Нѣтъ, хуже звѣрей,—сказала мамà,—надо и обращаться съ ними, какъ они того заслуживаютъ.

А Иванъ Платоновичъ живо подхватилъ:

— Да, да, давно пора отбросить всѣ эти слащавые сантименты и гуманности.

— Да,—сказалъ папà,—но надо умѣть надѣвать бѣлыя перчатки. Есть манера—и манера.

— Не понимаю, для чего?—рѣзко возразилъ Иванъ Платоновичъ.—Они, кажется, не особенно хлопочутъ о манерѣ, когда нападаютъ на насъ, и не особенно-то щадятъ...

И Никитушка понялъ, что „соціалисты“—это вродѣ индѣйцевъ племени Мундрукý, т.-е. самые ужасные дикари, безпощадно избивающіе бѣлыхъ, когда нападаютъ на форты, и даже не снимающіе скальповъ, какъ другіе, *благородные* индѣйцы, напримѣръ, конанчи, которыхъ можно не убивать, а брать въ плѣнъ. И понявъ это, Никитушка съ интересомъ сталъ прислушиваться къ словамъ тети Марй и Ивана Платоновича, которые убѣждали въ чемъ-то папà. Но въ это время гувернантка дѣвочекъ, мадемуазель Жиберъ, встала, и всѣ дѣти должны были тотчасъ же встать и подойти къ папà и мамà благодарить за завтракъ. Когда Ники подошелъ къ папà, тотъ, какъ всегда, хитро подмигнулъ ему въ

сторону мама и сунулъ ему въ руку *вторую* шоколадную конфетку. Ники не позволялось никогда брать болѣе одной, и онъ никогда и не просилъ о прибавкѣ, но папа какимъ-то чудомъ всегда зналъ, когда ему хотѣлось вторую, и именно шоколадную, и хотя мама это строго запрещала, всегда у него въ рукѣ оказывалась эта шоколадинка и онъ ее пихалъ Никитушкѣ въ карманъ или въ руку. Такъ и на этотъ разъ. Ники счастливо и таинственно улыбнулся, крѣпко поцѣловалъ небольшую бѣлую папину руку и вмѣсто того, чтобы сказать: „Мерси, папа", какъ полагалось, прошепталъ: „Спасибо, Пуля" („Пуля"—это было сокращенное отъ „папуля" прозвище, данное папа Манечкой и тоже строго запрещенное мама, но очень любимое и дѣтьми, и отцомъ) и весело побѣжалъ по коридору. Въ концѣ его стояла Амалія Ивановна и выкрикивала: „Mund spühlen, Mund spühlen, schneller, schneller, Mund spühlen". [1])

И Никитушкѣ стало еще веселѣе, когда онъ подумалъ, что это потому Амалія сегодня такъ торопитъ, что сегодня ея свободный день, она послѣ завтрака сейчасъ же пойдетъ *zur Generalin Michailow*, т.-е. къ своей пріятельницѣ, тоже бывшей боннѣ, Софьѣ Богдановнѣ, вышедшей замужъ за какого-то генерала, и тамъ пробудетъ до самаго обѣда. И значитъ, во время засѣданія *макмакъ* не надо будетъ бояться, что кто-нибудь взойдетъ и прерветъ его, такъ какъ мадемуазель Жиберъ преспокойно будетъ сидѣть въ своей комнатѣ, читать книжку въ желтой обложкѣ, улыбаться странной улыбкой и вздыхать, и такъ забудетъ обо всемъ окружающемъ, что ужъ дѣвочки сами придутъ звать ее на катокъ въ 3 часа.

Такъ и вышло. И едва заперлась дверь за Амаліей Ивановной, какъ Манечка съ серьезнымъ и важнымъ видомъ сѣла у стола въ „дѣвочкинской", постучала линейкой, и всѣ „братья" торопливо подбѣжали и сѣли на свои мѣста.

— Братъ Петръ и братъ Вѣквакъ отсутствуютъ,—сказала Манечка офиціальнымъ голосомъ.—Чья очередь первому читать?

— Моя!—отвѣтилъ очень скромно Сергѣй, совершенно утрачивавшій свою бойкость и самоувѣренность, какъ только садился за столъ *макмака*. Онъ вынулъ изъ-подъ матросской курточки синюю маленькую тетрадочку, на которой стояло: „Латинскія слова", и тотчасъ началъ читать:

— Злился на Владиміра Ивановича (во время засѣданія *макмака* Сережа никогда не посмѣлъ бы назвать его „Физикалкой-

---

[1]) Ротъ полоскать, скорѣе ротъ полоскать!

палкой", это было бы вполнѣ неприлично и неподобающе) за то, что онъ требовалъ, чтобъ я аккуратно списывалъ заданіе; моя злость была несправедлива, потому что Владиміръ Ивановичъ для моей же пользы старался...

— Вѣрно,—сказалъ торжественно предсѣдатель.—Ты хорошо сдѣлалъ, братъ Сергѣй, что замѣтилъ свою несправедливость.

— ...еще злился на Мирона,—продолжалъ Сережа читать скороговоркой,—что онъ не пустилъ меня на черную лѣстницу, когда былъ пожаръ въ кухнѣ у княгини Звенигородской и когда онъ заперъ дверь и сказалъ: „еще затолкаютъ васъ и съ лѣстницы слетите", такъ даже сказалъ...

Сережа потупился и прочелъ еще быстрѣе:

— ...сказалъ: „чортъ тебя возьми, чтобъ тебя самого съ лѣстницы столкнули и ты бы себѣ шею сломалъ"...

— Ай-ай!—хоромъ сказали *братья Макмакъ* и *Ликлакъ*,—это грѣхъ! это ужасный грѣхъ! Тебѣ надо стараться исправиться, братъ Сергѣй, чтобъ тебя Богъ простилъ. Это ужасный грѣхъ—желать зла другому!

— Да!—сказалъ Сережа отрывисто и мрачно.

— Еще что?—спросилъ Макмакъ.

— Еще?... еще положилъ жеваной бумаги въ туфли Амаліи, чтобъ она поскользнулась и клякнула бы!...

Манечка не выдержала и захохотала. И всѣ захохотали, и всѣхъ громче Никитушка. Но предсѣдатель тотчасъ же оказался на уровнѣ своего достоинства, овладѣлъ собою, принялъ прежній серьезный видъ и сказалъ строго:

— Я вижу, братъ Сергѣй, что твой главный порокъ—злость!

— Да,—опять сказалъ Сережа сконфуженно.

— Все?—спросилъ Макмакъ.

— Все.

— Братъ Ликлакъ!

— Брала потихоньку мамину завивалку и завила волосы на лбу,—почти шопотомъ читала Лили,—списала англійское сочиненіе съ Манинаго...

— А-а!—Макмакъ очень удивилась, она и не подозрѣвала этого, между тѣмъ какъ сестры были очень дружны и ничего другъ отъ друга не скрывали.

— Еще?

— Еще... подкрасила себѣ брови,—вычитывала Лили свои прегрѣшенія изъ хорошенькой тетрадочки съ наклеенной картинкой.

— Зачѣмъ?—спросилъ изумленно Сережа.

— Углемъ,—отвѣтила Лили, краснѣя, какъ піонъ.

— Не *чѣмъ*, а *зачѣмъ?*—переспросилъ Сережа.

— Чтобы быть красивѣе, чтобъ брови были...

— Ты кокетка!—сказалъ Сергѣй презрительно.

— Не кокетка, а всѣ такъ дѣлаютъ...

— Кто всѣ?

— Княгиня Шахматова и мадемуазель Жиберъ... и Мимочка Званцева...

— Дуры!—сказалъ Сережа.

— Сергѣй!—окликнулъ его Макмакъ,—не забывай, что ты на засѣданіи!

— Извиняюсь!—сказалъ Сергѣй покорно, но тотчасъ прибавилъ:—Ну, развѣ не дуры? Вѣдь это же гадость, ложь—поддѣлывать себѣ брови, когда у ней бровей нѣтъ!

У хорошенькой бѣлокурой Лилй дѣйствительно былъ лишь намекъ на брови, и это ее очень огорчало.

— Вѣрно!—сказалъ Макмакъ.—Братъ Ликлакъ, твой грѣхъ ты знаешь какой?

— Кокетство,—сказала Лилй, низко опуская свое пылающее личико.

— И вранье!—прибавилъ Сережа, который никакъ не могъ угомониться.

— Братъ Никита, твоя очередь.

— Плакалъ и не хотѣлъ, когда нѣмка...

— „Амалія Ивановна“,—поправила его Лилй офиціальнымъ тономъ.

— ...когда Амалія Ивановнà тащила меня здороваться къ графу Петру, я его не люблю, графа Петра... и я сказалъ ей: „Dummer Kerl“.

Манечка опять не выдержала и прыснула со смѣху.

— ...еще плакалъ, когда мамà отняла половину груши...

— Ну, еще что?

— ...еще плакалъ, когда надо было ѣхать къ дантисту.

— Да ты, право, плакса,—сказалъ Сережа насмѣшливо.

— Вовсе не плакса!—обидѣлся Никитушка,—а я боялся, что будетъ больно.

— Ну, это все ничего!—сказалъ Макмакъ примирительнымъ тономъ.—А вотъ браниться „Dummer Kerl“ не надо было. Это нехорошо!... Еще что?

— Еще... еще... я не знаю.

— Ну хорошо. Старайся не плакать.

— И не думай ни про кого „я его не люблю“, ни про графа Петра, ни про кого! Мы должны всѣхъ любить!—прибавила кроткая Лилй.

Ники открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить, но въ эту минуту произошло что-то странное: что-то снизу ударило съ страшной силой въ полъ; столъ, на который Никитушка упирался локтями, вдругъ дрогнулъ, качнулся въ сторону, сталъ валиться, и Никитушка полетѣлъ впередъ, и въ ту же минуту его ударило по головѣ и въ грудь, онъ закричалъ, хотѣлъ закричать отъ боли, но въ глазахъ его потемнѣло и все куда-то провалилось, и онъ самъ провалился.

II.

Проснувшись, Ники хотѣлъ, какъ всегда, полѣзть черезъ рѣшетку своей кроватки на коверъ, чтобы бѣжать въ комнату Амаліи Ивановны и будить ее, и уже готовился услышать ея сердитый возгласъ: „Ach Gott im Himmel, schon auf!“, [1]) которымъ она его всегда встрѣчала, но вдругъ замѣтилъ, что рѣшетки никакой нѣтъ, что Амалія Ивановна сидитъ на стулѣ подлѣ него. И сказала она совсѣмъ не „schon auf“, а всплеснула руками и воскликнула: „Ach, Gott sei dank, nun sieht er mich an!“ [2]), и принялась его цѣловать и плакать. Ники терпѣть не могъ, чтобъ его цѣловали, какъ маленькаго, нетерпѣливо отвернулъ голову, но застоналъ отъ боли и схватился за голову: она была обвязана какими-то тряпками.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? что это?—закричалъ онъ громко не столько отъ боли, сколько отъ испуга и изумленія, и сѣлъ на постели.

Но изумленіе его еще стало больше. Это была не его комната! Нѣтъ, это была не его комната! Тоже большая и свѣтлая, но другая. Та была розовая, съ цвѣточками, а эта вся бѣлая, только низъ стѣны голубой и блестѣлъ, какъ лакированный; и кроватка была не золоченая, а бѣлая, и стулъ бѣлый, и столъ, и бѣлая кушетка—такая, какъ у мамы на дачѣ, но бѣлая.

— Амалія Ивановна! Амалія Ивановна! Что это? Что это? Снимите, снимите эту тряпку!—опять вскрикнулъ Ники. Но Амалія Ивановна продолжала цѣловать его щеки, ручки и грудь, заливалась слезами, улыбалась и, не переставая, приговаривала: „Ach Gott lob! Gott sei dank, nun sieht er mich an!“

— Амалія Ивановна, я боленъ?—спросилъ Ники.—Зачѣмъ мнѣ голову завязали? Это клямпесъ? (Никитушка никогда не могъ выговорить слово „компрессъ“, но хорошо былъ знакомъ съ компрессами на животъ и на горло).

---

[1]) Ахъ, Царь Небесный, уже проснулся!

[2]) Ахъ, слава Богу, онъ на меня посмотрѣлъ.

— Ach, um Gottes willen, nicht anrühren! nur nicht anrühren! [1])—сказала Амалія Ивановна.—Докторъ не велѣлъ до него трогать.

— Да развѣ я боленъ?—спросилъ опять Нѝки.

— Nein, nein, nur verwundet! [2])

— Ver-wundet?...

Нѝки широко раскрылъ глаза. И въ головѣ его промелькнула мысль объ индѣйцахъ, но онъ хорошо сознавалъ, что индѣйцы—это только въ игрѣ, а всамдѣлишныхъ тутъ нѣтъ, потому что тутъ Петербургъ. И еще смутно припомнилось ему, какъ онъ падалъ со стула и какъ передъ нимъ мелькнула какая-то дыра въ полу, пыль и щепки, и какъ онъ ударился обо что-то головой,—обо что, онъ не могъ понять.

— Нашъ домъ разрушился? отчего?... землетрясеніе?—догадался Никитушка.

— Ach, das haben doch Alles diese verdammten Menschen, die Socialisten gemacht!... Eine Bombe haben sie geschleudert, was! [3])—воскликнула Амалія со злобой.

— Warum? warum? зачѣмъ?—спросилъ Нѝки.

— Warum?—передразнила его Амалія.—Darum, weil sie Unmenschen, Unthiere sind, Halunken, verfluchte Teufelsbrut! [4])

Никитушка не могъ прійти въ себя отъ изумленія, слыша, какъ бранится Амалія Ивановна,—она, которая такъ распекала всегда Сережу, когда онъ говорилъ какое-нибудь бранное слово. И Нѝки даже повторилъ про себя: „Halunken, Teufelsbrut!...“ Это ему понравилось.

Но Амалія Ивановна, точно сорвавшись съ цѣпи, уже не могла замолчать, и слова, быстрыя и озлобленныя, такъ и сыпались:

— Den Papa wollten sie ermorden, ja!... Das hat ihnen nicht gelungen,—nur der Arm ist kaput, aber den Sergeï und die Лѝличка... [5])

— Что? Что?—закричалъ Никитушка.—Сергѣя? Сережу убили! А-а!

И онъ заплакалъ, затрясся отъ плача, голова его опять заболѣла, и онъ повалился на подушки.

Дверь открылась, вбѣжалъ какой-то господинъ съ острой бо-

---

[1]) Ахъ, ради Бога, не трогать, только не трогать!

[2]) Нѣтъ, только раненъ.

[3]) Ахъ, это все натворили эти проклятые люди, соціалисты... Бомбу бросили они, вотъ что!

[4]) Потому, что они изверги, чудовища, негодяи, чортово отродье.

[5]) Папашу хотѣли они убить, да! Это имъ не удалось. Но рука пропала.

родкой и въ бѣломъ балахонѣ; прикрикнувъ на Амалію, онъ подбѣжалъ къ Никитушкѣ, но Никитушка уже опять потерялъ сознаніе.

III.

Теперь въ комнатѣ было уже темно. Маленькая лампочка-груша горѣла подъ зеленымъ колпачкомъ и освѣщала только часть бѣлаго стола съ банками и какими-то резиновыми вещами; вся комната была еле освѣщена. Но Ники сразу разглядѣлъ мама̀, сидѣвшую подлѣ стола. Она по своей привычкѣ положила руку на руку, прижавъ ихъ къ тальѣ, и лицо ея было строго и сурово, а глаза ея, сухіе и блестящіе, смотрѣли въ одну точку такъ пристально, что Ники повернулъ голову и тоже посмотрѣлъ туда, но тамъ была только печка. Ники не посмѣлъ окликнуть мама̀ и лежалъ молча, весь горячій, съ раскрытыми широко глазами, вспоминая.

„Halunken, Halunken, Teufelsbrut,—припомнилъ онъ прежде всего странныя и необыкновенныя слова.—Кто это Halunken? Ахъ, это „diese Socialisten“. *Пулю* убить хотѣли... Пулю не убили, а Сережу“...

Никитушка почувствовалъ такую тоску, такой ужасъ, что судорога сжала ему горло, но онъ взглянулъ почему-то на мама̀, въ ту же секунду вспомнилъ, что Макмакъ сказалъ ему: „Старайся не плакать“, а Сережа... Сережа назвалъ его плаксой, и Никитушка зажалъ ротъ руками и удержался отъ плача.

...Сережу и Ликлака...—продолжалъ онъ думать.—„Eine Bombe haben sie geschleudert“... What is it [1])—„geschleudert?“ по-англійски спросилъ онъ себя. Ему еще и до сихъ поръ было легче думать по-англійски, и когда онъ очень волновался, онъ всегда и громко, и про себя говорилъ по-англійски. Еще она сказала, Амалія: „Der Arm ist kaput“... Ники хотѣлъ мысленно представить себѣ, какъ это у папа̀, точно у Лилиной куклы, сломана рука или нѣтъ ея вовсе, но такъ ясно представилъ себѣ, какъ эта бѣлая рука суетъ ему въ руку шоколадинку и какъ онъ, Никитушка, цѣлуетъ эту руку и говоритъ „Спасибо, Пуля!“, и ему сдѣлалось такъ страшно и такъ жалко, что онъ уже не могъ удерживаться и громко всхлипнулъ. Мама̀ тотчасъ встала и подошла къ нему.

— Болитъ голова?—спросила она.

— Нѣтъ, не болитъ, ничего не болитъ!—поспѣшно отвѣтилъ Ники,—а вотъ папа̀ руку... Что̀ съ нимъ? Очень ему больно?

---

[1]) Что это такое?...

Мама отвернулась и строго сказала:

— Не спрашивай. Потомъ узнаешь... Спи. Хочешь молока?

Нѝки вовсе не хотѣлось молока. Но ему хотѣлось поговорить и, чтобы мамà не приказала ему спать, онъ схитрилъ и сказалъ:

— Дай, пожалуйста, мамà,—приподнялся на постели, взялъ изъ рукъ мамà кружечку и приложился къ ней губами. Но тотчасъ же и отвелъ голову.

— А Сережа?—тотчасъ спросилъ онъ робко.

— Сережи нѣтъ,—сказала мамà такимъ голосомъ, точно она сердилась.

— И Лилѝ нѣтъ?—опять спросилъ Нѝки.

— И Лилѝ нѣтъ.

— Гдѣ они?

— Ихъ увезли.

— Мамà! Мамà! Куда ихъ увезли? Куда?

— Нѝки, пей! Не спрашивай.

— Мамà! ихъ на кладбище увезли? Да?

Нѝки вспомнилъ тѣ ненавистныя золотыя и серебряныя кареты, которыя онъ встрѣчалъ, еще гуляя съ миссъ Димсъ, и которыя возили людей на кладбища; онъ почему-то ненавидѣлъ и боялся ихъ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Почти такъ же боялся онъ въ раннемъ дѣтствѣ тѣхъ людей, которые ходили въ золотыхъ и серебряныхъ платьяхъ и молились въ церквахъ или у нихъ въ большой залѣ наканунѣ праздниковъ. Потомъ онъ узналъ, что это священники и что ихъ боятся только глупые маленькіе мальчики, а такіе умные, какъ онъ, Нѝки, почтительно имъ кланяются и подходятъ цѣловать золотой крестъ по окончаніи службы. Но тѣмъ не менѣе у него гдѣ-то въ глубинѣ души оставалось и шевелилось чувство жуткости и страха всякій разъ, что онъ видѣлъ „золотыя кареты“ или золотыя облаченія. Что-то было связано съ ними страшное, жуткое, непостижимое, а Нѝки ненавидѣлъ все это.

— Да, мамà? На кладбище? На кладбище?

Нѝки посмотрѣлъ на мамà. Лицо ея было неподвижно, и она опять смотрѣла прямо на печку, точно видѣла тамъ что-то.

Нѝки не шевелился и смотрѣлъ на мамà. Она все не отвѣчала. Прошло много времени. Никитушкѣ показалось, что прошелъ цѣлый годъ, можетъ быть, даже больше! Наконецъ, мамà сказала очень тихо и коротко:

— Да, ихъ всѣхъ увезли на кладбище.

— Всѣхъ?!

IV.

Прошло еще нѣсколько дней. Нѝки поправлялся и уже не лежалъ, а сидѣлъ въ бѣлой комнатѣ, а подлѣ него сидѣла то мама̀, то Амалія, то Манечка съ m-elle Жиберъ, которыхъ привозила тетя Марѝ; онѣ теперь у нея жили. Онѣ играли съ Нѝки въ дурачки, въ „Чернаго Петра“ или въ Tiddledewinks и въ гусекъ. А по ночамъ у Нѝки часто сидѣла какая-то дама съ черными круглыми глазами, какъ у обезьянки-ревуна, длинная и желтая, въ бѣлой косынкѣ и передникѣ и съ золотымъ крестомъ на голубой лентѣ. Звали ее Вѣра Ивановна, и ея очень боялись другія такія же дамы въ передникахъ и косынкахъ. Нѝки тоже боялся ея, особенно изъ-за ея золотого креста, хотя она всегда называла Никитушку „мой милый“ и даже приносила карамельки. По утрамъ и по вечерамъ приходилъ господинъ съ острой бородкой и тоже въ передникѣ. Нѝки зналъ теперь, что это былъ докторъ, не ихъ докторъ, милый Юлій Петровичъ, а здѣшній, который Никитушкѣ не нравился. Онъ развязывалъ и вновь завязывалъ Никитушкѣ голову, и сначала Нѝки страшно этого боялся и ему хотѣлось плакать, но онъ никакъ не могъ забыть насмѣшливыхъ словъ Сережи,—бѣднаго его „брата Сергѣя“, котораго онъ никогда больше не увидитъ,—и онъ сжималъ зубки и руки, весь трясся, но не плакалъ. Докторъ трепалъ его по плечу и говорилъ: „Ну, молодецъ, скоро поправимся и домой поѣдемъ“.

Но Нѝки уже зналъ отъ Мани, что домой онъ не поѣдетъ, а поѣдетъ въ совсѣмъ другой домъ, а потомъ за границу. Мама̀ была уже занята приготовленіями къ отъѣзду и все рѣже оставалась у Никитушки. И Манечка опять начала учиться и тоже рѣже сидѣла днемъ, такъ что Никитушкѣ больше всего приходилось оставаться съ Амаліей. Но Амалія часто уходила изъ его комнаты, такъ какъ завела дружбу съ одной изъ дамъ въ косынкахъ, тоже нѣмкой, которую звали Берта Христіановна, и часто онѣ сидѣли вмѣстѣ въ коридорѣ, бесѣдовали и пили кофе. Никитушкѣ же было строго запрещено одному выходить въ этотъ коридоръ и разговаривать съ другими больными и строго запрещено говорить и спрашивать кого бы то ни было про все случившееся.

Но сегодня что-то происходило необыкновенное. Амалія Ивановна съ утра волновалась, выбѣгала постоянно въ коридоръ и опять возвращалась; къ чему-то прислушивалась. Она надѣла свое новое черное платье, принесла въ комнату Нѝки свою

шляпку, чего никогда не дѣлала, потомъ тутъ же надѣла ее и просидѣла нѣсколько времени въ шляпкѣ. Наконецъ, ее вызвали въ коридоръ и она ушла. Но къ Никитушкѣ тотчасъ пришла Вѣра Ивановна съ золотымъ крестомъ на голубой лентѣ. Она плотно прикрыла дверь, сѣла подлѣ нея съ вязаньемъ и сказала Никитушкѣ, чтобы онъ и не подумалъ выходить въ коридоръ, а занялся бы своими солдатиками у стола. У Вѣры Ивановны лицо было похоже на обезьянку-ревуна, но очень строгое, и Нйки не посмѣлъ спросить ее, почему она сидитъ у него и караулитъ дверь. Прошло много времени. Никитушкѣ показалось, что гдѣ-то поютъ и очень стучатъ ногами. Потомъ опять все стало тихо. Потомъ Вѣра Ивановна вынула часики, посмотрѣла на нихъ, сложила вязанье и вышла, не закрывая на этотъ разъ двери.

Нйки бросилъ солдатиковъ и тотчасъ выскочилъ въ коридоръ.

Коридоръ былъ тоже бѣлый, свѣтлый, съ голубой полосой внизу стѣнъ и съ рядомъ бѣлыхъ плетеныхъ скамеекъ и кушетокъ вдоль оконъ. Изъ оконъ вкось падали яркіе солнечные лучи, и на блестящемъ желтомъ полу виднѣлся рядъ косыхъ окошекъ съ черными рамами. На одной кушеткѣ лежала дама въ бѣломъ халатѣ и читала книгу. У другого окна два господина, тоже въ бѣлыхъ халатахъ, играли въ шахматы. У одного господина голова была завязана, какъ у Никитушки, а у другого одна рука была подвязана косынкой. Никто не посмотрѣлъ на Никитушку, и онъ, слегка обиженный такимъ невниманіемъ, хотѣлъ уже уйти въ свою комнату, но вдругъ увидѣлъ у сосѣдней двери, тоже открытой, мальчика, ростомъ съ Сережу, бѣлокураго и румянаго, съ яркими карими глазами и яркими бѣлыми зубами. Онъ улыбался широко и весело, и зубы такъ и блестѣли. Но у мальчика въ обѣихъ рукахъ были длинныя палки, которыя упирали ему подъ мышки, и одна нога была вся обмотана бинтами, и онъ на нее не ступалъ.

— А-а! новенькій,—сказалъ мальчикъ весело.—Когда ты поступилъ?

— Куда поступилъ?

— Да сюда, въ больницу.

— Я не поступилъ,—обиженно сказалъ Никитушка,—меня привезли, потому что...—онъ запнулся, боясь говорить о томъ, о чемъ онъ старался не думать.

— Ну, да, всетаки поступилъ, коли привезли,—сказалъ мальчикъ.—А какъ тебя зовутъ?

— Нйки, Никитушка.

— Вѣрно, Николаемъ?

— Нѣтъ, Никитой.

— Никитой! Это нашего дворника, этого негодяя, тоже Никитой звали. „Никита Ѳоминъ“, я прочелъ, когда всѣ подписывались...

— Моего дѣдушку звали Никитой, я въ честь дѣдушки...— сказалъ Нйки обиженно.

— Въ честь дѣдушки! Какія глупости! Просто попъ назвалъ, вотъ и вышелъ Никита. Онъ тебя могъ назвать и Сысоемъ, и Хоздазатомъ. Попы, вѣдь, всегда называютъ, какъ придется.

— Какіе *папы́?*

— Какъ какіе? Всякіе, обыкновенные попы.

— Да какіе же это папы́?

— Да что ты развѣ не знаешь, ну, попы, священники, вотъ, которые въ церкви служатъ. Ну, да у тебя голова завязана. Башку-то расшибло и память отшибло! Самъ ты попъ-Остолопъ, осиновый лобъ!—проговорилъ мальчикъ отчеканивая и нараспѣвъ, какъ говорятъ загадки и прибаутки, и самъ засмѣялся.

— Меня соціалисты ранили,—сказалъ Никитушка серьезно.

— Не ври, соціалисты мальчишекъ не трогаютъ!—отвѣтилъ мальчикъ быстро.

Это былъ престранный мальчикъ и говорилъ онъ такія странныя вещи, что Нйки не зналъ: смѣяться ли ему, сердиться или обижаться, и потому подошелъ къ нему поближе.

— А тебя какъ зовутъ?

— Меня? Мишей. Михаилъ Лопаревъ.

— Хочешь вмѣстѣ играть?

Никитушка зналъ, что это, такъ сказать, первое правило приличія: говорить незнакомымъ мальчикамъ и дѣвочкамъ: „Мальчикъ, какъ тебя зовутъ? Хочешь вмѣстѣ играть?“

— Какъ играть?

— Ну, въ солдатики.

— Нѣтъ, скучно.

— Ну, въ Tiddledewinks.

— Это въ *блохи*? Это еще пожалуй, хоть я сидѣть не люблю, да вотъ подлецы ногу испортили, такъ поневолѣ приходится.

— Какіе подлецы? соціалисты?

— Нѣтъ, не соціалисты, соціалисты людей не рубятъ...

— Ну, какъ же ты говоришь,—возразилъ Никитушка,—соціалисты—они злые, они хуже индѣйцевъ, хуже звѣрей,—припомнилъ Нйки слова Ивана Платоновича,—они и...

— Ну, опять ты врешь!—сказалъ Миша.—Ты ничего не понимаешь. Самъ я соціалистъ, ну, развѣ я похожъ на звѣря или на индѣйца?

— Ты соціалистъ?—спросилъ опять Ники, не зная, ужасаться ему или просто посмотрѣть на слова мальчика, какъ на забавную выходку.

— Ну, да, и я, и папа, и мама, мы всѣ!

Ники открылъ ротъ, но ничего не могъ сказать.

— Только, конечно, я еще не настоящій, но *буду*... я поклялся...

— Кому поклялся?

— Себѣ и мамѣ... Когда отца взяли...

— Куда взяли?

— Ну, жандармы увезли...

— Куда?

— „Куда, куда?“ Куда жандармы возятъ? Въ крѣпость! Въ тюрьму!

— Твоего папà въ тюрьму... твоего папà?...

Никитушка просто прійти въ себя не могъ отъ изумленія.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ Миша, теряя терпѣніе,—русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ! И какого „папà“? Папу, отца моего!... Ну да, взяли!... Мы заперлись,—мальчикъ подошелъ вплотную къ Никитушкѣ, лицо его оживилось, и онъ заговорилъ быстрымъ, горячимъ шопотомъ,—мы заперлись, папа сдѣлалъ болѣе тридцати пяти выстрѣловъ... я ему ужъ шестую обойму подалъ, да они, подлецы, со двора на чердакъ пробрались и двери выломали... папа и тутъ бы ихъ!... да самому ему грудь прострѣлили и руку... такъ раненаго и повезли... мама просила, чтобы въ больницу, нѣтъ таки!... А вотъ меня пустили... А его такъ и судили, раненаго, такъ и...

— Что? что?

— *Чтò?*—закричалъ Миша, внѣ себя.—*Что?*—Самъ знаешь *чтò*!...

Но на громкій его крикъ уже бѣжали съ другого конца коридора и Амалія Ивановна съ Бертой Христіановной, и сама Вѣра Ивановна, и докторъ. Докторъ на ходу кричалъ что-то Амаліи Ивановнѣ, Вѣра Ивановна кричала на Берту Христіановну. Амалія же Ивановна сразу напустилась на Никитушку и, осыпая его названіями „Unverschämter Junge... abscheuliches, scheussliches Kind!“ [1]), потащила его на рукахъ въ его комнату, въ то время какъ Вѣра Ивановна, дрожа отъ негодованія, что-то строго выговаривала Мишѣ, тоже уводя его въ его комнату, обхвативъ его рукою подъ мышки; съ другой стороны его поддерживалъ

---

[1]) Безстыдный мальчикъ, отвратительное, отвратное дитя.

докторъ. По временамъ, прекращая свою рѣчь къ Мишѣ, Вѣра Ивановна что-то злобно шипѣла за его головой доктору, на что докторъ отвѣчалъ не менѣе злобными взглядами и злорадными улыбками, отрицательно тряся головой, а Миша бился и трясся, заливался горькими слезами и кричалъ: „Погодите! погодите вы у меня!...“ И обѣ двери закрылись.

Теперь надзоръ надъ Никитушкой учредили еще болѣе строгій, въ коридоръ его пускали не иначе, какъ при Вѣрѣ Ивановнѣ, подлѣ которой онъ долженъ былъ чинно шагать взадъ и впередь, по желтому навощенному полу, переступая черезъ свѣтлыя окошки и черныя рамы. Но ему ужъ сказалъ докторъ, снявъ ему какъ-то утромъ повязку, что черезъ три-четыре денька его совсѣмъ отпустятъ домой. Незадолго до дня, назначеннаго для отъѣзда, въ больницу пріѣхала какая-то очень важная дама; она обходила въ сопровожденіи Вѣры Ивановны, доктора съ бородкой и другихъ еще докторовъ и всѣхъ дамъ въ косынкахъ всѣ комнаты, милостиво бесѣдовала съ больными, подарила Никитушкѣ коробку конфетъ, которую подала ей другая дама, помоложе, пріѣхавшая съ ней,—и наконецъ, улыбаясь и кланяясь всѣмъ ласково, ушла, сопровождаемая всѣми до подъѣзда. Амалія Ивановна тоже не выдержала и побѣжала на лѣстницу. Никитушка выбѣжалъ вслѣдъ за нею въ коридоръ.

— Эй! отворите! отворите!—закричалъ кто-то рядомъ съ Никитушкиной комнатой. Въ сосѣдней комнатѣ стучали въ дверь и голосъ Миши Лопарева кричалъ оттуда: „Какой это дуракъ меня заперъ? Эй вы! отворите!“

Тогда Никитушка рѣшительными шагами подошелъ къ двери, увидалъ торчащій ключъ и отперъ дверь. Миша хотѣлъ выскочить въ коридоръ, но Ники замахалъ на него руками, указалъ на его комнату, прошмыгнулъ туда и притворилъ за собою дверь.

— Какой дуракъ это?...—началъ снова Миша, но Ники опять замахалъ руками и сказалъ шопотомъ и таинственно:

— Смотри, онѣ опять прибѣгутъ! не кричи!... я скоро уѣзжаю... я уѣзжаю и хотѣлъ тебя спросить... Значитъ, твой папà тоже на кладбищѣ?

Миша свирѣпо посмотрѣлъ на Ники и прошепталъ:

— Кабы еще на кладбищѣ, а то... Ну дà, похоронили!

— А мамà?

— Маму... мамочку,—Миша запнулся и, точно задохнувшись, сказалъ совсѣмъ не своимъ всегдашнимъ, а беззвучнымъ голосомъ:—ее... сослали.

— Куда?

— Ну, опять завелъ свою музыку!... „Куда?“ Ну развѣ не знаешь?—Въ Сибирь.

— Вѣдь туда мошенниковъ...

— Ну и насъ тоже!...

Миша вдругъ всхлипнулъ.

Никитушка осторожно взялъ его за рукавъ. У него тоже слезы текли по щекамъ и по носу.

— А ты... совсѣмъ одинъ?

— Ну да!... еще хорошо, что тутъ держатъ, не выгоняютъ, вотъ ужъ полгода... а ужъ эта Вѣрка давно хотѣла, да докторъ не пускаетъ...

— Oh, my Goodness gracious!—прошепталъ Никитушка по привычкѣ поговорку миссъ Димсъ, опять начиная думать по-англійски отъ волненія.—Да какъ же это ты безъ папà и безъ мамà? Ты попроси, чтобъ ее не посылали, или тебя къ ней... Ты попроси—и...

— Просилъ. Да, и она просила. Я самъ даже написалъ просьбу. Вѣдь я хорошо умѣю... мама меня много разъ заставляла вмѣсто сочиненія писать какъ будто просьбы и письма, и къ министрамъ и къ генералъ-губернаторамъ... и они съ папой смѣялись всегда, что я такъ хорошо... „Складно и ловко!“—говорилъ папка. Ну и теперь я тоже ловко... „Окажите милость малолѣтнему сыну“... это мнѣ то-есть!...

Миша уже опять улыбался своей задорной и ясной улыбкой.

— Ну и что же?

— Ну развѣ этотъ негодяй Воротынскій смилуется! Судили и на каторгу!... Да вотъ погодите! Я выросту, я имъ покажу! Я его самого... я ихъ самихъ!...

— Какой Воротынскій?—спросилъ Ники, замирая отъ страха.

— А Павелъ Воротынскій, развѣ ты не знаешь? не слыхалъ? Ну извѣстный этотъ!...

— Па-павелъ?...—прошепталъ Никитушка пораженный.—Вѣдь это Пуля, папà...

— Кто папà?

— Павелъ Воротынскій—мой папà.

Миша вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на Никитушку.

Они замолчали и стояли другъ противъ друга блѣдные и испуганные. Но вскорѣ Миша совладѣлъ со своимъ смущеніемъ и сказалъ своимъ всегдашнимъ тономъ, отрывистымъ и презрительнымъ:

— Ну поздравляю! Значитъ, ты сынъ злодѣя. Да, онъ злодѣй, погубилъ столько людей...

— Папа... папа?... Не смѣй, не смѣй такъ говорить!—закричалъ Нйки.—Папà добрый и никого не убивалъ, а его самого хотѣли убить, и я не знаю, гдѣ онъ, гдѣ онъ теперь! И руку... руку! И это твои... это вы... это ваши соціалисты! Unthiere..., eine Bombe geschleudert... и Сережу, Сере... Сергѣя! и Лилй... и ру-у-ку!

— Ну чего ты ревешь?—сказалъ Миша, отъ смущенія и жалости стараясь казаться безчувственнымъ и небрежнымъ.—Ты видишь, мнѣ самому ногу, а я не реву же! „Теперь не должно нюни распускать, теперь всякій долженъ быть неустрашимымъ и безжалостнымъ“,—повторилъ онъ чьи-то, слышанныя имъ, слова.

— Oh, my God, my God!—воскликнулъ горестно Нйки.—Зачѣмъ это быть безжалостнымъ? Надо жалѣть! И мнѣ тебя жалко. И твою маму жалко, да, жалко, жалко!

Миша смутился, но тотчасъ опять сдѣлалъ свою презрительную гримаску и сказалъ, отходя къ окну:

— Ну что съ тобой говорить, ты малышъ и ничего не понимаешь! Погоди, выростешь, тогда поймешь! Небось самъ ссылать будешь... особенно, коли... Ну, да я, впрочемъ, тоже буду злой! Я имъ покажу!

— Oh, dear me, dear me!—причиталъ Никитушка, сжимая рученками себѣ голову и покачиваясь и невольно повторяя слова, которыя всегда миссъ Димсъ говорила въ минуты жизни трудныя:—Oh, dear me! Зачѣмъ, зачѣмъ ты будешь злой, когда ты выростешь? Останься добрымъ! Вѣдь ты добрый? Богъ велѣлъ быть добрымъ!...

— Нѣтъ, я злой и буду злой, и Бога нѣтъ никакого! И я отомщу, надо мстить. Я не хочу быть тряпкой... мамочка мнѣ сказала: „Помни, Михаилъ, не будь тряпкой! помни!...“ И я помню!—сказалъ Миша вызывающе.

— Ахъ, и я помню. Я помню папà, и Лилй, я всѣхъ помню, я такъ хорошо помню... и какъ Лилй про брови прочитала... и папину тужурку, и какъ онъ меня любилъ... и шоколадъ... И мнѣ его жалко, жалко... и Сережу... И я ничего, ничего не понимаю! Oh, my God, my God!—И Никитушка повалился на постель и зарыдалъ.

Вбѣжала вернувшаяся съ лѣстницы Амалія и поспѣшно потащила его въ его комнату, стараясь по дорогѣ закрыть ему ротъ. А онъ задыхался и кричалъ: „Я помню, я все помню, но я ничего, ничего не понимаю!...“

Съ этого дня съ Нйки произошла большая перемѣна. Онъ не игралъ въ солдатики, не шумѣлъ своими чурочками и брусочками, не выходилъ бродить въ корридоръ, а подолгу сидѣлъ, подпершись руками, у стола и все думалъ и думалъ. Когда Амалія Ивановна предлагала ему почитать, онъ покорно говорилъ: „Bitte!“, но когда она начинала читать, онъ не слушалъ ея, а продолжалъ думать свое, тихо по временамъ вздыхая. Раза два онъ видѣлъ изъ двери Мишу, разъ даже Миша заглянулъ къ нему въ комнату, но Нйки не вышелъ къ нему и не окликнулъ его.

Черезъ недѣлю Никитушку увезли домой. Теперь они жили на другой квартирѣ и все было тамъ чужое, чужія комнаты, чужія лица прислуги, но самое чужое было то, что не было ни папà, ни Лилй, ни Сергѣя и что за столъ садились лишь мамà, Маня, мадемуазель Жиберъ да Нйки съ Амаліей Ивановной. Всѣ были въ черномъ и всѣ молчали. Было тихо, тихо. И послѣ обѣда Маня сидѣла у мадемуазель Жиберъ, вышивала и слушала, какъ та ей читаетъ *Le Pays des fourrures*; мамà была въ своей комнатѣ, у нея тамъ почти постоянно сидѣлъ кто-то изъ ея пріятельницъ или друзей, помогавшихъ ей устраивать всѣ дѣла и готовиться къ отъѣзду за границу надолго. А Никй сидѣлъ съ Амаліей Ивановной и вяло разставлялъ кубики или складывалъ складную картинку „Рыбакъ и рыбка“. И опять было тихо, тихо. Едва Амалія произносила: „Die Uhr ist neun, Milch trinken“, какъ онъ покорно вставалъ и шелъ пить молоко. Амалія Ивановна не могла нахвалиться на его послушаніе. Но еще болѣе она была поражена тѣмъ, что гуляя онъ теперь не только не отворачивался, встрѣчая золотые и серебряные балдахины, запряженные шестью или восемью лошадями и предшествуемые многочисленнымъ духовенствомъ въ серебряныхъ облаченіяхъ, но останавливался, съ любопытствомъ и интересомъ смотрѣлъ на процессію и крестился; крестился и проходя мимо церквей, часто даже просилъ зайти въ церковь. А всего болѣе поразилъ онъ Амалію Ивановну тѣмъ, что въ первый же вечеръ, когда она стала съ нимъ читать молитвы, онъ, громко повторивъ за ней *Vater Unser* и ея молитву въ стихахъ и дойдя до прежде ненавистнаго ему мѣста, громко, съ удареніемъ произнесъ:

Und wenn ich das *nicht* sollte werden
So nimm mich *besser* von den Erden!

Besser, besser, nimm mich von den Erden! — повторилъ онъ со страстною тоскою.

Амалія Ивановна ничего не поняла, но умилилась и сказала:

— Ach, Du gutes Kind! Nun schlaf' wohl!

А Ники, когда потушили электричество, долго лежалъ съ открытыми глазами и думалъ, какъ хорошо было бы ему никогда не сдѣлаться большимъ... всѣ большіе злые и не могутъ быть добрыми... Лучше ужъ умереть... И пусть свезутъ въ „золотой каретѣ“, и пусть Богъ его возьметъ скорѣе къ себѣ... И даже, если Бога нѣтъ, какъ говоритъ этотъ бѣдный Миша Лопаревъ, то всетаки пусть свезутъ, только бы не сдѣлаться большимъ, потому что это такъ страшно, такъ страшно... всѣ такіе злые... *всѣ!* И все такъ непонятно...

„Und nimm mich *besser* von den Erden!“

повторялъ онъ, засыпая. И тяжело вздыхалъ во снѣ.

Влад. Каренинъ.

ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ и ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. [1])

Очерки по роману: Lord Nelson's letzte Liebe. Roman von *Heinrich Vollrat Schumacher*. Berlin, 1912, и книгѣ *Walter Sichel:* Emma Lady Hamilton. London, 1905.

XXIX.

Руффо получилъ въ торжественной аудіенціи декретъ, назначающій его „генеральнымъ викаріемъ", главнымъ намѣстникомъ, неаполитанскаго королевства. Ему предоставлялось право пользоваться всѣми средствами, какія онъ найдетъ нужнымъ, для возстановленія религіи, огражденія собственности, жизни и чести семействъ, а также и наказанія виновныхъ и награжденія достойныхъ. Онъ могъ увольнять судей и должностныхъ лицъ и замѣнять ихъ другими, по своему выбору. Всѣ войска, съ ихъ начальствующими лицами, были ему подчинены; всѣ королевскія кассы находились въ его распоряженіи.

Казалось, Руффо долженъ былъ считать себя удовлетвореннымъ. Полномочія его были достаточно широки. Но въ королевскій декретъ былъ всетаки включенъ параграфъ, ограничивающій его права. Онъ долженъ былъ заранѣе увѣдомлять короля обо всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ и о своихъ намѣреніяхъ для того, чтобы король могъ высказать свое рѣшеніе и сдѣлать свои распоряженія. Конечно, это стѣсняло дѣйствія Руффо, но онъ и виду не показалъ, что догадывается о томъ, что̀ скрывается подъ этимъ параграфомъ. Поблагодаривъ Фердинанда за оказанное ему довѣріе, онъ простился съ нимъ и съ Маріей Каролиной и въ сопровожденіи маркиза Маласпина, который оффиціально былъ назначенъ его адъютантомъ, а на самомъ дѣлѣ долженъ былъ играть роль шпіона и наблюдать за нимъ, Руффо отправился въ путь, въ Неаполь.

[1]) *Окончаніе*. См. *Русская Мысль* 1912 г. кн. I—IV.

Въ Калабріи онъ объявилъ крестовый походъ противъ „патріотовъ“ и якобинцевъ и поднялъ знамя, на одной сторонѣ котораго былъ изображенъ королевскій гербъ, а на другой—крестъ съ надписью: „In hoc signo vinces!“

Руффо принималъ всѣхъ въ свои батальоны, безъ всякаго выбора и назвалъ свое войско „арміей вѣрующихъ“. И дѣйствительно, ему удалось поднять Калабрію и захватить нѣсколько фортовъ. Армія вѣрующихъ катилась точно лавина, все разрушая на своемъ пути, и, сжигая, грабя и убивая, приближалась къ Неаполю. Дни партенопейской республики были сочтены.

Между тѣмъ въ Неаполѣ „патріоты“ какъ будто не замѣчали опасности. „Патріотическій союзъ“, состоящій изъ радикаловъ и основанный поклонникомъ Робеспьера, Антоніо Сальфо, вытѣснилъ всѣхъ своихъ противниковъ изъ законодательнаго корпуса, принудивъ королевскаго морского министра Доріа подать въ отставку, и на его мѣсто посадилъ адмирала Караччіоло. Двѣ дамы изъ высшаго общества, герцогини Кассано и Пополи, устроили сборъ, ходили изъ дома въ домъ, собирали золото, серебро, драгоцѣнности и на эти деньги снарядили три легіона ветерановъ. Для просвѣщенія лаццарони и привлеченія ихъ на свою сторону устраивались собранія на открытомъ воздухѣ и произносились рѣчи о человѣческомъ достоинствѣ, о вредѣ деспотизма, о чистотѣ республики. Даже священники проповѣдывали равенство и братство, изображали Христа и святыхъ, какъ демократовъ, и публично предавали проклятію Фердинанда и его сторонниковъ. Бывшій лейбъ-медикъ королевы Доменико Чирилло отдалъ все свое состояніе республикѣ и безвозмездно лѣчилъ всѣхъ нуждающихся въ его помощи. Композиторъ Чимароза написалъ музыку къ гимну свободы. Элеонора Фонсека де-Пиментелли помѣщала въ „Monitore di Napoli“ ѣдкія сатиры, бичующія рабство и деспотизмъ. Художники и ученые придумывали способы почтить итальянскихъ великихъ людей. Предполагалось построить гробницу Виргилія, великолѣпный мавзолей Торквато Тассо въ Сорренто и Пантеонъ для всѣхъ, кто оказалъ услуги отечеству, причемъ, конечно, прежде всего хотѣли почтить память казненныхъ юношей. Было также предложено всѣмъ, носящимъ имя Фердинандъ, замѣнить его какимъ-нибудь другимъ. Ничто въ свободной партенопейской республикѣ не должно было напоминать объ изгнанномъ тиранѣ!

Но рядомъ съ этимъ всеобщимъ воодушевленіемъ и увлеченіемъ высшими идеалами продолжали свое разрушительное дѣло и низкіе страсти и инстинкты, жажда наживы, стремленіе къ господству и удовлетворенію своихъ низменныхъ инстинктовъ.

Непрочное зданіе республики не могло выдержать этого натиска, а измѣна скоро помогла свалить его.

Когда въ Сициліи было получено извѣстіе объ успѣхахъ Руффо, то Нельсонъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и послалъ нѣсколько судовъ для блокады Неаполя. Острова у входа въ Неаполитанскій заливъ тотчасъ же сдались, и это было хорошимъ предзнаменованіемъ. Но въ то же время было получено извѣстіе, что французская эскадра идетъ на помощь французской арміи, находящейся въ Неаполѣ. Пылкій Нельсонъ хотѣлъ бы броситься навстрѣчу врагу, но самая элементарная осторожность удерживала его. Притомъ же онъ не могъ покинуть королевскую семью въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ она находилась. Тѣмъ не менѣе соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и онъ рѣшилъ все же отправиться и преградить путь французской эскадрѣ. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ Эммѣ, въ отвѣтъ на ея записку, прощальное письмо.

„Дорогая миләди, никто не можетъ писать лучше васъ! Примите мою искреннюю благодарность за ваши милыя строки. Умоляю васъ, никогда не говорите, что вы пишете плохо, иначе я вамъ отвѣчу такъ, какъ вы бы мнѣ отвѣтили при такихъ обстоятельствахъ: вы говорите неправду!... Говоря вамъ о томъ, какъ невыносима и мрачна моя жизнь на кораблѣ, я даю вамъ лишь самое поверхностное понятіе о той разницѣ, которая существуетъ между пріятнымъ обществомъ, въ которомъ я находился, и самымъ печальнымъ одиночествомъ, между обществомъ самыхъ близкихъ друзей и полнымъ ихъ отсутствіемъ. Въ настоящее время я не болѣе какъ „великій человѣкъ“, отдѣленный отъ остальныхъ людей, тогда какъ сердце мое жаждетъ, чтобы я былъ только „человѣкомъ“! Вы и добрѣйшій сэръ Вилльямъ избаловали меня, и мнѣ хорошо только у васъ. Я обожаю миссисъ Кадогенъ. Вы не можете себѣ представить, что я чувствую, когда вспоминаю о васъ... Не забывайте же преданнаго вамъ Нельсона“.

Однако Нельсонъ не встрѣтилъ эскадры и снова вернулся въ Сицилію по настоятельной просьбѣ Маріи Каролины, которая хотѣла, чтобы онъ отправился въ Неаполь. Кардиналъ Руффо овладѣлъ уже большею частью города, и содѣйствіе англійскаго флота могло обезпечить окончательную побѣду королевской арміи.

Эмма написала объ этомъ Нельсону. Она чувствовала себя больной и несчастной и просила его пріѣхать. Будущее пугало ее теперь. До сихъ поръ репутація ея была безупречна и на ея добромъ имени не было пятна. Ее даже считали образцомъ супружеской добродѣтели. Но она знала, что такъ не можетъ продол-

жаться. Джошуа Низбетъ говорилъ своей матери о ней и обвинялъ ее въ томъ, что она удерживаетъ Нельсона возлѣ себя, какъ Калипсо удерживала Улисса. Это обвиненіе было несправедливо, и Эмма могла съ чистой совѣстью опровергнуть его. Она никогда не удерживала Нельсона и не мѣшала ему совершать подвиги, покрывшіе его имя славой. Напротивъ, она была его вѣрной помощницей во всемъ. Мысль о мужѣ также не тревожила ея болѣе. Она считала, что отплатила ему долгъ съ лихвой. Но зато блѣдный образъ жены Нельсона, этой женщины, которую она никогда не видала, все чаще и чаще становился между нею и ея возлюбленнымъ и смущалъ ея покой.

И Нельсонъ терзался, не меньше ея, сомнѣніями и опасеніями. Любовь къ Эммѣ, все возрастая, окончательно восторжествовала надъ его привязанностью къ женѣ, но не усыпила въ немъ угрызеній совѣсти. Это вызывало у него угнетенное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей: „Истиннаго счастья въ жизни не существуетъ, и въ моемъ теперешнемъ душевномъ состояніи я могъ бы съ улыбкой разстаться съ жизнью... У меня только одно желаніе: съ честью сойти въ могилу!...“

Однако событія не давали времени Нельсону заниматься своими личными чувствами. Надо было дѣйствовать и какъ можно скорѣе. Нельсонъ отправился въ Неаполь, чтобы помочь торжеству дѣла Бурбоновъ и наказать мятежниковъ. Но онъ былъ крайне удивленъ, когда, подойдя къ городу, узналъ, что Руффо заключилъ перемиріе съ французскими войсками и неаполитанскими бунтовщиками. Въ глазахъ Нельсона это было униженіемъ, и онъ тотчасъ же отплылъ назадъ въ Палермо, чтобы сообщить объ этомъ королю. Условія капитуляціи, заключенной Руффо съ мятежниками, казались ему совершенно непріемлемыми, и ему удалось заставить Фердинанда раздѣлить его точку зрѣнія. Время репрессій наступило, и англійская эскадра, въ составѣ сорока судовъ, опять подняла паруса и отплыла въ Неаполь.

Фердинандъ, впрочемъ, не захотѣлъ отправиться съ Нельсономъ и предпочелъ еще на нѣкоторое время остаться въ Сициліи. Зато Марія Каролина выразила желаніе сопровождать адмирала въ Неаполь и только энергичное сопротивленіе короля заставило ее отказаться отъ этого плана. Нельсонъ взялъ съ собой только наслѣдника неаполитанскаго престола и Эмму съ ея мужемъ.

Эмма сама вызвалась ѣхать, послѣ того какъ на экстренномъ засѣданіи государственнаго совѣта министры, одинъ за другимъ, отказались сопровождать Нельсона, хотя онъ просилъ, чтобы кто-

нибудь изъ нихъ отправился съ нимъ. Онъ не зналъ, вѣдь, ни языка, ни обычаевъ, ни законовъ страны и поэтому боялся сдѣлать какой-нибудь промахъ въ своихъ отношеніяхъ съ жителями.

Три часа продолжалось совѣщаніе, и, наконецъ, Эмма не выдержала. Возмущенная до глубины души трусостью государственныхъ дѣятелей, она вскочила и съ язвительной улыбкой предложила свои услуги Нельсону.

Въ первый моментъ всѣ были такъ поражены неожиданностью ея предложенія, что никто не нашелся ничего ей отвѣтить, и возникло неловкое молчаніе. Но когда Марія Каролина заключила ее въ свои объятія, а король съ чувствомъ поблагодарилъ ее за это новое доказательство дружбы и преданности королевскому дому, то всѣ тоже окружили Эмму и осыпали похвалами ея мужество и ея умѣніе найти выходъ изъ затрудненій.

Сэръ Вилльямъ тотчасъ же выразилъ желаніе присоединиться къ ней. Для нея это было непріятнымъ сюрпризомъ. Она какъ-то совсѣмъ не думала о немъ въ эту минуту и только рисовала себѣ жизнь съ Нельсономъ на кораблѣ. Сердце ея билось отъ радости при одной мысли, что она будетъ раздѣлять съ нимъ его труды и опасности. А долгіе, блаженные часы, напоминающіе Кастелламаре!.. Какъ давно она была лишена ихъ!...

Но тѣнь старика мужа заслонила все въ ея глазахъ. Эммѣ казалось, что онъ угадываетъ ея мысли, читаетъ въ ея сердцѣ. И все же, какъ это ни странно, но онъ никогда не становился ей поперекъ дороги. Онъ заботливо поддерживалъ дружбу съ Нельсономъ и въ Палермо настаивалъ на томъ, чтобы Нельсонъ поселился съ ними подъ одной крышей. Былъ ли онъ слѣпъ и не видѣлъ, что дѣлается вокругъ него? Или онъ опасался публичнаго скандала, который могъ принудить его разстаться съ Эммой и съ Нельсономъ?...

Эмма не знала, какъ объяснить его поведеніе. Онъ прикрывалъ всѣ ея выходки и неблагоразумные поступки и какъ будто старался даже защитить обоихъ влюбленныхъ отъ нескромныхъ взоровъ. Эмма не могла не сознавать, что эта снисходительность и покровительство сэра Вилльяма спасали ее отъ большихъ непріятностей и злословія. Съ нимъ она чувствовала себя въ безопасности. Но все же ее безпокоило и раздражало его поведеніе. Ей хотѣлось бы откровенно объясниться съ нимъ, все ему высказать, но онъ всегда уклонялся. Эмма давно перестала понимать его...

Впрочемъ, зачѣмъ думать объ этомъ, зачѣмъ мучить себя? Только Нельсонъ и его любовь имѣли для нея значеніе въ жизни!

Она замѣтила по его загорѣвшимся глазамъ, какъ онъ обрадовался ея рѣшенію ѣхать съ нимъ. И онъ тоже хвалилъ ея мужество и самоотверженіе... Въ душѣ ея зарождалась новая надежда, волновавшая ее. Что если судьба будетъ такъ милостива и они наткнутся на непріятельскій флотъ? Она будетъ находиться рядомъ съ нимъ въ минуту страшной опасности, во время битвы, будетъ переживать то, что переживаетъ онъ!...

Эта мысль приводила ее въ восторгъ. Быть въ его объятіяхъ подъ грохотъ орудій, свистъ пуль и грозящей отовсюду смерти... Она вспоминала ночь на кораблѣ во время бури, и трепетъ пробѣгалъ по ея жиламъ...

XXX.

Никогда еще Эмма не видѣла Нельсона въ состояніи такого сильнаго возбужденія, какъ во время переѣзда въ Неаполь. Онъ не спалъ и не ѣлъ и постоянно жаловался на то, что корабль подвигается съ медленностью улитки. Сэръ Вилльямъ и Эмма постоянно находились возлѣ него. Онъ не отпускалъ ихъ, точно боясь оставаться наединѣ съ самимъ собой. И когда сэръ Вилльямъ, утомленный, отправлялся на отдыхъ, Нельсонъ смотрѣлъ на Эмму, и во взглядѣ его единственнаго глаза она читала нѣмую мольбу.

Но эта мольба такъ совпадала съ ея собственнымъ желаніемъ! Какъ только сэръ Вилльямъ засыпалъ, Эмма тотчасъ же украдкой пробиралась въ каюту Нельсона и съ сильно бьющимся сердцемъ, охваченная страстью, бросалась въ его объятія...

Однако даже любовь Эммы не могла прогнать мрачныхъ мыслей, одолѣвавшихъ Нельсона, и онъ постоянно возвращался къ нимъ. Его безпокоила мысль о томъ, что онъ найдетъ въ Неаполѣ, и онъ не довѣрялъ Руффо. Король, конечно, хотѣлъ почтить Нельсона, предоставляя ему полную свободу дѣйствій въ Неаполѣ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ возложилъ на него большую отвѣтственность и притомъ всегда могъ взвалить всю вину на него, въ случаѣ если бы ему нужно было себя выгородить. И въ душу Нельсона закрадывался страхъ, что онъ можетъ подвергнуться безчестію и его слава будетъ запятнана.

Эмма отлично видѣла и понимала эти сомнѣнія и опасенія Нельсона. Фердинандъ былъ союзникомъ Англіи, и Англія должна была поддерживать его. Тотъ, кто возставалъ противъ него, возставалъ и противъ Англіи, и Англія обязана была карать бунтовщиковъ. Притомъ же неаполитанскіе бунтовщики были не только измѣнниками, они были союзниками враговъ-французовъ. По-

этому Нельсона такъ и возмущала мысль, что Руффо могъ заключить съ ними перемиріе.

Какъ только корабль бросилъ якорь въ Неаполитанскомъ заливѣ, Нельсонъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ кардинала; Руффо хотя и не очень охотно, но все же явился на зовъ адмирала и прошелъ въ его каюту, гдѣ уже находились сэръ Вилльямъ и Эмма. Какъ и слѣдовало ожидать, бесѣда между Нельсономъ и кардиналомъ скоро приняла очень острый характеръ и перешла въ настоящую ссору. Сэръ Вилльямъ, служившій сначала переводчикомъ, видя, что ничего нельзя сдѣлать, отказался отъ этой роли. Тогда Эмма заняла его мѣсто, тщетно стараясь уладить споръ и примирить противниковъ. Никто изъ нихъ не соглашался итти на уступки. Нельсонъ утверждалъ, что Руффо превысилъ свои права, заключая перемиріе съ бунтовщиками, а Руффо, наоборотъ, доказывалъ, что условія капитуляціи должны быть соблюдены, такъ какъ онъ заключилъ ее отъ имени короля, какъ офиціальный его представитель. Наконецъ, Нельсонъ, истощивъ всѣ аргументы, всталъ и, съ силой оттолкнувъ стулъ, объявилъ:

— Довольно споровъ! Не дѣло адмирала сражаться на словахъ съ кардиналомъ! Надо дѣйствовать, а не говорить. Я долженъ также поставить вамъ на видъ, что вы продолжаете называть бунтовщиковъ и измѣнниковъ патріотами. Я не могу дольше выносить такой профанаціи. Но позволю себѣ всетаки задать вамъ еще одинъ вопросъ. Что вы сдѣлаете, если я буду настаивать на томъ, чтобы перемиріе и капитуляція были объявлены недѣйствительными?

Руффо поднялся съ мѣста.

— Вы не захотите запятнать славу Абукирской побѣды нарушеніемъ условій!—возразилъ онъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ Нельсона, и онъ холодно замѣтилъ:

— Предоставьте мнѣ самому заботиться о моей славѣ!

— Тогда, милордъ... я покину всѣ позиціи, отданныя мнѣ, въ силу капитуляціи, моими противниками. Я отзову назадъ свои войска и предоставлю вамъ самимъ завоевывать форты.

— Вы не окажете мнѣ никакой поддержки?

— Нѣтъ! Я не дамъ ни одного человѣка, ни одной пушки!...

— А если бунтовщики попробуютъ пробиться внутрь страны?...

— Я не буду имъ препятствовать. Даже наоборотъ, я буду поощрять ихъ къ этому.

Нельсонъ прошелся раза два по каютѣ и, наконецъ, овладѣвъ собой, сказалъ:

— Хорошо. Я письменно передамъ вашему преосвященству свое рѣшеніе...

Нельсонъ цѣлый день обдумывалъ это рѣшеніе и совѣщался съ Эммой и ея мужемъ. Онъ не хотѣлъ уступать ни въ чемъ, и въ душѣ его не находилось снисхожденія къ бунтовщикамъ и измѣнникамъ. Поэтому декларація, съ которой онъ обращался къ населенію, была составлена въ довольно категорическихъ выраженіяхъ. Онъ призывалъ всѣхъ „примкнувшихъ къ безчестной неаполитанской республикѣ“, вернуться къ королю и положиться на его милосердіе, французскій гарнизонъ долженъ былъ сдаться въ 24 часа, и ему будетъ выданъ пропускъ, для того, чтобы онъ могъ вернуться въ Тулонъ.

— Что же касается бунтовщиковъ и измѣнниковъ, то никакія силы на землѣ не могутъ стать между ними и королемъ!—прибавлялъ онъ въ заключеніе.

Сначала патріоты не хотѣли сдаваться, но сопротивленіе ихъ продолжалось недолго, и они объявили, что принимаютъ условія Нельсона, полагаясь на милость короля. Тотчасъ же послѣ этого Нельсонъ высадилъ морскихъ солдатъ, чтобы занять форты.

На слѣдующій день сицилійскій корветъ привезъ изъ Палермо письма короля и королевы.

Марія Каролина въ своемъ письмѣ къ Эммѣ разсыпалась въ благодарностяхъ „дорогому адмиралу“, на котораго возлагала всѣ свои упованія и надежды.

„Съ этими канальями бунтовщиками нельзя заключать никакихъ капитуляцій,—писала она.—Поэтому надо положить конецъ переговорамъ. Французскій гарнизонъ Сантъ-Эльмо можетъ выѣхать и долженъ быть препровожденъ въ Тулонъ или Марсель. Взбунтовавшіеся же патріоты должны положить оружіе и отдаться на волю короля. Надо показать примѣръ на знатнѣйшихъ родахъ и предводителяхъ возстанія и подвергнуть ихъ строгому наказанію. Относительно же другихъ можно ограничиться только изгнаніемъ, заставивъ ихъ подписать обязательство никогда не вступать въ предѣлы королевства, подъ угрозою смертной казни. Никакого суда не нужно, такъ какъ тутъ не можетъ быть и рѣчи о судебномъ процессѣ и о какомъ-нибудь разслѣдованіи. Проступокъ совершонъ открыто и не внушаетъ никакихъ сомнѣній. Если преступники не захотятъ подчиняться адмиралу, то надо призвать войска, вывести женщинъ и дѣтей, форты взять силой, а съ виновными расправиться по законамъ военнаго времени“...

Такое же суровое рѣшеніе высказалъ и король Нельсону. Но Нельсонъ и самъ не склоненъ былъ къ мягкости. Всѣ высшіе

сановники и руководители республики были закованы въ кандалы и свезены на крейсеръ, гдѣ ихъ посадили въ темный и сырой трюмъ, превращенный въ тюрьму.

Эмма смотрѣла украдкой, какъ ихъ вели по палубѣ. Почти всѣ были ей знакомы. Какъ часто она бывала въ ихъ обществѣ и слушала улыбаясь ихъ похвалы своей красотѣ, граціи и искусству!

А теперь?...

Въ суровомъ молчаніи проходили они мимо нея, и на ихъ изможденныхъ лицахъ выражалось гордое презрѣніе. Тутъ были всѣ должностныя лица республики. Эмма могла всѣхъ ихъ назвать по имени. Но когда она увидала врача Чирилло, то не выдержала и бросилась къ нему. Она схватила его за руку, хотѣла говорить, но залилась слезами.

Чирилло взглянулъ на нее и покачалъ головой, какъ тогда, когда онъ предостерегалъ ее не давать воли своимъ пылкимъ чувствамъ. Онъ тихо отстранилъ ея руку и пошелъ дальше, вслѣдъ за своими товарищами. И долго, послѣ того какъ они скрылись въ темномъ люкѣ, въ ушахъ ея еще раздавался звонъ кандаловъ...

XXXI.

Но Караччіоло не было среди этихъ узниковъ. Наканунѣ прибытія Нельсона, вечеромъ къ Руффо пришла племянница герцога, молодая княгиня Мотта-Баньяра. Она пришла къ кардиналу, чтобы просить его за дядю.

Послѣ того, какъ былъ взятъ фортъ Вильена, адмиралъ Караччіоло, переодѣтый матросомъ, пробрался въ Неаполь и пришелъ къ своей племянницѣ, прося ее спросить кардинала, что онъ ему посовѣтуетъ: оставаться или бѣжать?

Молодая женщина была очень взволнована. Она умоляла Руффо взять Караччіоло подъ свое покровительство. Руффо уже готовъ былъ дать свое согласіе, но въ этотъ моментъ курьеръ доставилъ ему письма короля и королевы. Въ письмѣ королевы были слѣдующія фразы:

„Недостойный Караччіоло ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть отпущенъ. Это измѣнникъ, нарушившій долгъ вѣрности и благодарности. Ему извѣстны всѣ бухты, всѣ тайные уголки Неаполя и Сициліи. Если онъ бѣжитъ во Францію, то можетъ причинить намъ много непріятностей и угрожать безопасности короля“...

Фердинандъ повторялъ слова королевы.

Руффо задумался и какъ будто даже забылъ о присутствіи молодой княгини. Но она сама напомнила ему:

— Что же мнѣ сказать герцогу?—спросила она.

— Пусть бѣжитъ!...

И Караччіоло послѣдовалъ этому совѣту. Онъ переодѣлся крестьяниномъ и спрятался у одного изъ своихъ прежнихъ слугъ. Но голова герцога была оцѣнена, и это соблазнило слугу, который безъ зазрѣнія совѣсти выдалъ своего господина. Караччіоло былъ арестованъ ночью, закованъ въ цѣпи и отвезенъ на корабль.

Взоръ Нельсона мрачно сверкалъ, когда онъ слушалъ донесеніе капитана Гарди о томъ, что Караччіоло находится въ его рукахъ. Онъ приказалъ сторожить его какъ можно строже.

Когда Гарди ушелъ, Нельсонъ подсѣлъ къ своему письменному столу и принялся что-то писать.

Эмма тихо подошла къ нему.

— Гораціо!...—прошептала она.

Но въ эту минуту капитанъ Гарди снова вошелъ въ каюту. Нельсонъ подождалъ, пока онъ вышелъ, и тогда обратился къ Эммѣ:

— Военный судъ изъ офицеровъ неаполитанскаго флота, подъ предсѣдательствомъ графа Турна, произнесетъ приговоръ надъ Караччіоло,—сказалъ онъ.—Его преступленіе у всѣхъ передъ глазами. Онъ нарушилъ присягу и виновенъ въ государственной измѣнѣ, въ измѣнѣ своему долгу. Если судьи его—люди чести и долга, то приговоръ легко предвидѣть: смертная казнь черезъ повѣшеніе!

Эмма вздрогнула.

— Гораціо!... Подумай!... Вѣдь онъ старикъ! Онъ—потомокъ древняго уважаемаго рода!...

— Такъ что-жъ? Развѣ сѣдые волосы и знатное имя даютъ право на измѣну?...

— Но вѣдь, говорятъ, его принудили угрозами служить республикѣ!

— Развѣ какими-нибудь угрозами можно заставить честнаго человѣка совершить безчестный поступокъ? Но даже если это такъ, то отчего же онъ потомъ не поступилъ, какъ другіе, и не бросилъ службу? Онъ могъ это сдѣлать, если-бъ хотѣлъ. Но онъ всетаки оставался и командовалъ флотомъ. Чтобы имѣть потомъ какое-нибудь оправданіе, онъ заставилъ, для вида, принуждать себя. Онъ лицемѣръ, трусливый измѣнникъ, безчестный солдатъ. Онъ не стоитъ щепотки пороха! Если приговоръ будетъ такой, какъ я ожидаю...

Эмма испуганно схватила его за руку.

— Но ты же не станешь приводить его въ исполненіе, Гораціо?... Теперь... сейчасъ!... Вѣдь ты же подождешь пріѣзда короля?...—проговорила она, заикаясь отъ волненія.

— Короля? Зачѣмъ?... Что дѣлать тутъ королю? Мнѣ поручено королемъ показать примѣръ и наказать измѣнниковъ. Я это долженъ исполнить. Лучшій примѣръ трудно найти. Я здѣсь верховный судья и имѣю неограниченныя полномочія. Жизнь и смерть находятся въ моихъ рукахъ. Не забудь, что никакія капитуляціи не распространяются на Караччіоло. Онъ былъ взятъ, какъ бѣглый солдатъ, и подлежитъ военно-полевому суду. Приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе!... Я знаю,—прибавилъ онъ немного погодя, замѣтивъ, что Эмма молчитъ,—враги мои будутъ говорить о моей жестокости, мстительности... И я не хочу, чтобы они примѣшивали твое имя къ этому... Я хочу одинъ нести отвѣтственность за все, что здѣсь произойдетъ. И потому, прошу тебя, держись отъ меня подальше сегодня. Запрись въ своей каютѣ. Никого не пускай къ себѣ, пока я не приду. Прошу тебя! Обѣщаешь ты мнѣ это? Ради нашей любви?...

Онъ притянулъ ее къ себѣ своей единственной рукой. Погладилъ ее по волосамъ. Поцѣловалъ ее въ дрожащія губы...

Эмма была смущена и разстроена его страннымъ поведеніемъ, его словами. Но она повиновалась ему...

Когда она сидѣла, заперпшись въ своей каютѣ, ей показалось, что кто-то робко трогаетъ дверную ручку. Она прислушалась и подумала, что ошиблась. Она слышала только удаляющіеся шаги...

Позднѣе она узнала, что приходилъ лейтенантъ Паркинсонъ. Караччіоло просилъ его пойти къ Эммѣ и уговорить ее ходатайствовать за него у Нельсона.

Въ четыре часа въ каюту къ ней вошелъ Нельсонъ и пригласилъ ее къ обѣду. Сэръ Вилльямъ уже былъ въ столовой. Съ нимъ находился гость.

Это былъ лордъ Норсвикъ. Онъ совершалъ на своей яхтѣ увеселительную поѣздку по Средиземному морю и нарочно заѣхалъ въ Неаполь, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе побѣдителю Абукира.

Увидавъ Эмму, лордъ Норсвикъ тотчасъ же разсыпался въ комплиментахъ и объявилъ, что онъ счастливъ увидѣть не только величайшаго морского героя, но и прекраснѣйшую изъ женщинъ. Его присутствіе оживило обѣдъ. Онъ пріѣхалъ изъ Палермо, гдѣ пробылъ два дня и привезъ съ собой запасъ новостей и анекдо-

товъ. Между прочимъ онъ заговорилъ о королѣ и о томъ, какъ часто король попадаетъ въ комическое положеніе.

— Знаете ли вы, миледи, княгиню Лучію Мильяччіо?—вдругъ спросилъ онъ Эмму [1]).

Эмма разсѣянно слушала его. Его болтовня раздражала ее, такъ какъ мысли ея были заняты другимъ. Она съ замираніемъ сердца думала о томъ, что должно совершиться въ этотъ день.

— Я видѣла ее раза два,—отвѣчала она лорду Норсвику.— Она очень красива. Кажется, король ухаживалъ за ней, но не имѣлъ успѣха.

Лордъ Норсвикъ разсмѣялся.

— Кто знаетъ! Мильяччіо выигралъ въ одну ночь за карточнымъ столомъ огромную сумму денегъ и поэтому неожиданно рано вернулся домой. Увидѣвъ въ спальнѣ своей жены свѣтъ, онъ отправился къ ней, чтобы сообщить ей о своемъ счастьѣ. Княгиня Лучія, даже по отношенію къ своему супругу, охотно разыгрывала Данаю и открывала свое сердце лишь подъ золотымъ дождемъ. На этотъ разъ Мильяччіо могъ ослѣпить ее блескомъ золота. И вдругъ, въ самый критическій моментъ онъ услышалъ подъ кроватью чей-то вздохъ. Разъяренный, онъ тотчасъ же бросился къ своей шпагѣ и, обнаживъ ее, заставилъ вылѣзти изъ-подъ кровати скрывавшагося тамъ человѣка, одѣтаго въ платье погонщика муловъ. Но хотя погонщикъ и старался скрыть свое лицо, тѣмъ не менѣе Мильяччіо увидѣлъ бурбонскій носъ и, конечно, узналъ „носатаго короля“!

Лордъ Норсвикъ сдѣлалъ паузу для усиленія эфекта.

— А что же Мильяччіо? Какъ онъ поступилъ?—спросилъ его сэръ Вилльямъ.

Но лордъ Норсвикъ не успѣлъ отвѣтить, какъ грянулъ пушечный выстрѣлъ, заставившій вздрогнуть всѣхъ. Удивленный лордъ обратился къ Нельсону.

— Что это значитъ?—спросилъ лордъ.—Ужъ не обстрѣливаютъ ли Сантъ-Эльмо? Или, быть можетъ, я буду имѣть удовольствіе присутствовать при вашемъ свиданіи съ франко-испанской эскадрой?

— О нѣтъ,—отвѣчалъ Нельсонъ.—Нѣтъ, къ сожалѣнію! Я долженъ васъ разочаровать, милордъ. Это просто знакъ, что казнь свершилась. На кораблѣ „Минерва“ повѣсили дезертира...

---

[1]) Фердинандъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ княгиней вскорѣ послѣ смерти Маріи Каролины.

Эмма поблѣднѣла, какъ смерть и судорожно уцѣпилась за ручку кресла.

— Неужели Караччіоло?—прошептала она.

Сэръ Вилльямъ кивнулъ головой и усмѣхаясь прибавилъ.

— Бѣдный герцогъ столько разъ ручался своей головой за свою вѣрность, что не долженъ удивляться, если его поймали на словѣ, въ концѣ-концовъ!

Нельсонъ бросилъ недовольный взглядъ на стараго дипломата и, повернувшись къ Норсику, сказалъ:

— Вы позволите, милордъ, чтобы я разъяснилъ лэди Гамильтонъ, въ чемъ тутъ дѣло? Какъ видите, я до такой степени нахожусь подъ ея вліяніемъ, что она даже не знаетъ, что тутъ происходитъ!

И онъ началъ разсказывать.

Въ десять часовъ утра собрался военный судъ. Караччіоло тотчасъ заявилъ протестъ противъ предсѣдателя графа Турна, указавъ на него, какъ на своего личнаго врага. Но такъ какъ онъ не могъ представить никакихъ доказательствъ своихъ словъ, а Турнъ, ссылаясь на свою присягу, ручался за свое безпристрастіе, то Нельсонъ, въ качествѣ верховнаго судьи, отвергъ протестъ Караччіоло. Тогда Караччіоло попробовалъ оправдать свое поведеніе тѣмъ, что республиканское правительство принуждало его оставаться на службѣ. Однако онъ не могъ объяснить, почему онъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами и не удалился въ Прочиду, когда къ тому представилась возможность, какъ это сдѣлали другіе. Видя, что все погибло, онъ обрушился на короля, котораго обвинялъ въ томъ, что онъ, своимъ позорнымъ бѣгствомъ, первый подалъ примѣръ измѣны своему знамени. Король думалъ только о себѣ и своемъ имуществѣ и покинулъ свой постъ и своихъ самыхъ преданныхъ слугъ на произволъ судьбы. „Кто же больше измѣнникъ: я или король?“ воскликнулъ Караччіоло.—Я думаю, все же, что я осужденъ заранѣе и что этотъ трибуналъ не имѣетъ ничего общаго съ правосудіемъ. Если я правъ, то пусть моя кровь падетъ на ваши головы и на головы вашихъ дѣтей!...“

Приговоренный къ смерти черезъ повѣшеніе, Караччіоло обратился къ Нельсону съ просьбой, чтобъ его подвергли менѣе позорной казни.

— Приговоръ былъ вынесенъ офицерами, его соотечественниками, и я не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться,—сказалъ Нельсонъ серьезно.—Его повѣсили на реѣ фокъ-мачты того самаго корабля, которымъ онъ командовалъ раньше, какъ адми-

ралъ неаполитанскаго флота. Его трупъ долженъ висѣть до заката солнца, чтобы всѣ видѣли, какъ караютъ измѣну. А затѣмъ веревка будетъ перерѣзана, и онъ будетъ выброшенъ въ море на съѣденіе рыбамъ... Для того чтобы на землѣ ничего не оставалось отъ этого безчестнаго человѣка! Онъ былъ осужденъ вполнѣ законно своими же собратьями по оружію. Я могъ лишь позаботиться о томъ, чтобы ему было дано время для религіознаго напутствія. Милэди можетъ быть спокойна, священникъ былъ у него. Честь британскаго имени не запятнана смертью этого измѣнника!...

И затѣмъ, чтобы доказать, насколько совѣсть его спокойна, Нельсонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ лорду Норсвику съ шутливымъ замѣчаніемъ и возобновилъ прерванный разговоръ о приключеніи короля, повторивъ вопросъ сэра Вилльяма:

— А что же Мильяччіо? Что онъ сдѣлалъ, узнавъ короля?

— Мильяччіо?—воскликнулъ лордъ.—Онъ низко поклонился, пробормоталъ извиненія, засунулъ шпагу въ ножны, собралъ свое золото и, пославъ воздушный поцѣлуй своей супругѣ, исчезъ изъ комнаты...

— Но откуда же вы все это знаете, милордъ?—спросилъ Нельсонъ.

Лордъ Норсвикъ лукаво подмигнулъ и отвѣтилъ:

— Я-то? Да мнѣ разсказала сама княгиня... когда я обозрѣвалъ мѣсто дѣйствія!...

XXXI.

Огромная толпа, собравшаяся на набережной, съ напряженіемъ ждала момента, когда тѣло несчастнаго Караччіоло, повѣшеннаго на реѣ, закачается въ воздухѣ. Поверхность залива была усѣяна лодками, точно во время какого-нибудь торжества. Всѣ точно радовались казни несчастнаго адмирала, и никто не посмѣлъ выказать сожалѣнія или сочувствія. Даже вечерній звонъ церковныхъ колоколовъ, доносившійся издалека, носилъ какой-то праздничный характеръ.

Передъ закатомъ солнца матросъ валѣзъ на рею и перерѣзалъ веревку, на которой висѣлъ Караччіоло. Тѣло его съ плескомъ рухнуло въ воду, и исчезло въ волнахъ...

На другой же день послѣ казни Караччіоло Нельсонъ отправился въ Палермо. Онъ непремѣнно хотѣлъ убѣдить Фердинанда вернуться въ Неаполь, гдѣ его присутствіе должно было ускорить развязку. Маріи Каролинѣ тоже хотѣлось сопровождать

своего супруга, но на всѣ ея мольбы онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ и вообще выказалъ такое упорство, какъ никогда. Очевидно, онъ твердо рѣшилъ больше не допускать ея вмѣшательства въ дѣла королевства. Впрочемъ, Марія Каролина сознавала, что неаполитанцы ея не любятъ и даже съ нѣкоторою горечью говорила объ этомъ Эммѣ, жалуясь на несправедливое къ себѣ отношеніе.

И дѣйствительно, народъ въ Неаполѣ встрѣтилъ Фердинанда радостными криками. Лаццарони бѣгали, потрясая оружіемъ и кричали: „Смерть якобинцамъ и патріотамъ!", требуя казни измѣнниковъ. Фердинандъ, съ палубы корабля, отвѣчалъ на привѣтствія народа, кланяясь и посылая толпѣ воздушные поцѣлуи. Расчувствовавшись, онъ обнялъ лорда Нельсона и сэра Вилльяма и поцѣловалъ руку Эммы. Толпа зарычала отъ восторга при видѣ этого.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Нельсонъ! Да здравствуетъ лэди Гамильтонъ! Да здравствуетъ англійскій посланникъ!—раздавались несмолкаемые крики.

Но король все же не рѣшался съѣхать на берегъ. Онъ боялся якобинскихъ убійцъ, которые могли подстерегать его.

Руффо явился на корабль привѣтствовать короля и тотчасъ же почувствовалъ, что его пѣсенка спѣта. Фердинандъ объявилъ ему, что отмѣняетъ должность генеральнаго викарія и назначаетъ его вмѣсто этого предсѣдателемъ вновь учреждаемаго верховнаго государственнаго совѣта, которому король будетъ передавать свои инструкціи черезъ министра-президента Актона.

Кардиналъ поблѣднѣлъ, услышавъ это. Онъ понялъ, что это означаетъ. Но, не говоря ни слова, онъ нагнулся и поцѣловалъ руку короля, милостиво протянутую ему.

Эмма даже почувствовала состраданіе къ своему недавнему противнику, когда увидѣла его выходящимъ отъ короля съ поникшей головой. А между тѣмъ, вѣдь это онъ помогъ всетаки королю вернуть свой тронъ! Онъ создалъ изъ ничего свое войско, свою „христіанскую армію", которая защищала короля, сражалась за него! Эмма ясно представляла себѣ положеніе Руффо въ этомъ совѣтѣ, гдѣ онъ будетъ лишенъ всякаго вліянія и будетъ служить только для декораціи...

Враги Англіи были обезсилены, и теперь ея вліяніе стало преобладающимъ въ неаполитанскомъ королевствѣ. Оспаривать это вліяніе никто уже не могъ. Эмма должна была бы чувствовать себя побѣдительницей, но вмѣсто того она испытывала какой-то смутный, неопредѣленный страхъ. Что это было—она сама

не знала, и ей вспомнились слова Чирилло, который говорилъ, что она можетъ заразиться отъ Маріи Каролины истеріей.

Чирилло?...

Тамъ, подъ ея ногами, онъ сидѣлъ, заключенный въ темномъ трюмѣ! Онъ слышалъ крики народа, требовавшаго смерти его и его товарищей,—того самаго народа, который еще такъ недавно принималъ его помощь и превозносилъ до небесъ его безкорыстіе!...

И чѣмъ больше она думала, тѣмъ сильнѣе ее охватывалъ ужасъ. Визгливые крики этой кровожадной толпы, думающей только о своей выгодѣ, Фердинандъ называлъ „голосомъ Божьимъ“, говоря, что народъ требуетъ у него правосудія. Правосудія?... Эти воры, убійцы, грабители!... Какое правосудіе нужно имъ?...

Но вдругъ Эмма встрѣтила взглядъ Нельсона, и сразу всѣ ея сомнѣнія, всѣ ея страхи исчезли...

Однако народный энтузіазмъ продолжался недолго. Фердинандъ думалъ только о мести, поэтому его возвращеніе было сигналомъ къ самой ужасающей роялистской реакціи. Тотъ отвратительный режимъ террора, который онъ ввелъ въ Неаполѣ, заставилъ несчастныхъ жителей позабыть даже всѣ ихъ прежнія бѣдствія и нашествіе французовъ. Король вдругъ почувствовавъ себя снова господиномъ надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ, точно обрадовался случаю показать свою власть и далъ волю своей прирожденной жестокости. Не прошло и двухъ недѣль со дня пріѣзда короля въ Неаполь, какъ уже число заключенныхъ въ тюрьмахъ дошло до 8,000 человѣкъ. На площадяхъ были воздвигнуты эшафоты. Судьи ежедневно выносили смертные приговоры, а число присужденныхъ къ пожизненному заключенію, къ ссылкѣ и т. д. не подлежало никакому учету. Самыя суровыя наказанія присуждались за самыя ничтожные, зачастую совершенно недоказанные проступки.

Жестокость короля приводила въ ужасъ и Нельсона. Онъ представлялъ себѣ совершенно иначе то правосудіе, о которомъ такъ много говорилъ король въ первый день. Судъ скорый и справедливый надъ главными зачинщиками, но затѣмъ должно же было наступить успокоеніе! Надо же было заняться благоустройствомъ государства.

Онъ старался воздѣйствовать на Фердинанда въ этомъ смыслѣ. Тотъ благосклонно выслушивалъ Нельсона, но не измѣнялъ ничего. Раньше, когда его собственные интересы не подвергались никакой опасности, король даже казался порой добродушнымъ.

Теперь же, когда онъ думалъ о томъ, чтобы обезпечить свою власть и безопасность, то никакое наказаніе не казалось ему достаточно строгимъ, и онъ не отступалъ ни передъ какими мѣрами устрашенія, но, соединяя коварство съ жестокостью, онъ приказалъ отложить исполненіе казней до своего отъѣзда, для того, чтобы взвалить всю отвѣтственность на судей и на нихъ обратить народный гнѣвъ, если бы дѣло дошло до этого.

На Эмму все это дѣйствовало угнетающимъ образомъ. Въ особенности огорчала ее мысль о Чирилло. Онъ все еще томился въ заключеніи, но Эмма знала, что онъ будетъ присужденъ къ смертной казни и постоянно думала о томъ, какъ бы спасти его. Она даже рѣшилась заговорить объ этомъ съ Нельсономъ, хотя вообще знала его отношеніе къ измѣнникамъ монархіи. Конечно, она не могла безпристрастно судить о поступкахъ своего возлюбленнаго героя и безсознательно раздѣляла его предубѣжденія и взгляды, но все же душа ея была доступна состраданію, и многіе изъ осужденныхъ были обязаны ей своимъ спасеніемъ.

Когда же она разговаривала съ Нельсономъ о Чирилло, то онъ ей сухо отвѣтилъ, что считалъ бы несправедливымъ вступаться за него одного, когда сотни менѣе виновныхъ, чѣмъ онъ, напрасно молятъ короля о пощадѣ. Чувство справедливости и чести не позволяетъ ему ходатайствовать за него передъ королемъ. Вѣдь единственное преимущество Чирилло передъ другими заключается лишь въ томъ, что онъ былъ нѣкогда лейбъ-медикомъ короля. Виновность же его доказана.

Король со своей свитой продолжалъ жить на адмиральскомъ кораблѣ Нельсона и по вечерамъ, когда жаръ спадалъ, или рано утромъ онъ ѣздилъ кататься по заливу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ, Эммы и сэра Вилльяма.

Фердинандъ никогда не позволялъ приближаться къ берегу. Онъ боялся засады и тайныхъ убійцъ. Рыбачьи лодки, попадавшіяся навстрѣчу королевскому катеру, обязаны были уже на далекомъ разстояніи отходить въ сторону какъ можно скорѣе и вытаскивать сѣти. Никому не позволено было приближаться къ катеру. Послѣ того, какъ одна рыбачья лодка, не спѣшившая исполнить приказаніе и убраться поскорѣе съ дороги, была продырявлена пулями съ королевскаго катера, всѣ, только завидѣвъ издали королевскій флагъ, торопливо разсыпались въ разныя стороны. Такимъ образомъ королевскій катеръ могъ безпрепятственно разъѣзжать по заливу, не опасаясь больше никакихъ встрѣчъ.

Однажды въ жаркое іюльское утро капитанъ Гарди, командо-

вавшій катеромъ, къ удивленію своему увидалъ, что навстрѣчу ему мчится маленькая рыбачья флотилія, словно спасающаяся бѣгствомъ отъ преслѣдованія какого-то врага. Даже выстрѣлъ, выпущенный съ катера ради предостереженія, не остановилъ ея. Когда лодки поровнялись съ катеромъ, то сидящіе въ нихъ люди въ ужасѣ показали капитану Гарди на какой-то большой темный предметъ, который плылъ вдали.

Должно быть, это была большая рыба, которую теченіемъ гнало къ Неаполю! Такъ думалъ капитанъ, и сообщилъ это Фердинанду, который, конечно, спрятался въ каюту тотчасъ же, какъ только показались рыбачьи лодки. Обрадованный, что ему никакая опасность не угрожаетъ, король опять вылѣзъ на палубу, заинтересовавшись, какое это морское чудовище плыло въ заливѣ. Впрочемъ, и всѣ, находившіеся на катерѣ, были также заинтересованы и обмѣнивались разными предположеніями насчетъ плывущаго темнаго предмета.

Капитанъ Гарди посмотрѣлъ въ подзорную трубу.

— Должно быть, парни напились спозаранку,—сказалъ онъ, смѣясь.—Они приняли деревянный чурбанъ за рыбу. Это кусокъ дерева,—должно быть, обломокъ мачты... Можетъ быть, вы хотите взглянуть, милэди?

Онъ передалъ трубу Эммѣ.

— Странно,—замѣтила она.—У этого предмета есть какъ будто голова и... грудь. Если-бъ мы были не въ Средиземномъ морѣ, то я подумала бы, что это тюлень.

— Да, да... тутъ водится одинъ видъ тюленей!—воскликнулъ король.—Съ бѣлымъ брюхомъ!... Я, впрочемъ, ни разу не видалъ ихъ. Капитанъ Гарди, можетъ быть, у васъ найдется тутъ гарпунъ? Стрѣлять въ рыбъ нельзя. Морскихъ животныхъ надо убивать гарпуномъ... Скорѣе, капитанъ, поищите, чтобы онъ не уплылъ отъ насъ далеко...

Король былъ въ восторгѣ. Онъ не выпускалъ изъ рукъ подзорной трубы.

— Въ самомъ дѣлѣ,—воскликнулъ онъ,—лэди Гамильтонъ права! У этого чудовища есть голова... грудь... Это, навѣрное, тюлень! И посмотрите, онъ насъ нисколько не боится! Гарди, Гарди, поглядите, вѣдь онъ плыветъ прямо на насъ! Гарди!... Да, куда же онъ дѣвался съ гарпуномъ?...

Король обернулся и поглядѣлъ на мостикъ, думая тамъ увидѣть капитана. Но Гарди тамъ не было. Недовольный, что Гарди медлитъ, король снова сталъ смотрѣть въ подзорную трубу.

Вдругъ онъ смертельно поблѣднѣлъ и уронилъ трубу, протя-

нувъ руки, точно защищаясь отъ кого-то. Глаза его съ ужасомъ были уставлены на предметъ, медленно подплывавшій къ катеру...

Странный пловецъ уже настолько приблизился, что можно было различить его голову съ сѣдыми волосами, блестѣвшими на солнцѣ.

Голова была нѣсколько откинута назадъ, такъ что лицо было освѣщено. Оно было воскового цвѣта, съ широко раскрытымъ ртомъ, изъ котораго выглядывали крѣпкіе зубы и высунувшійся черный, точно вспухшій, языкъ. На шеѣ виднѣлась веревка, конецъ которой свѣшивался на грудь. А глаза, эти страшные, стеклянные глаза, устремленные вверхъ!...

— Караччіоло!—въ ужасѣ вскричала Эмма, цѣпляясь за рукавъ Нельсона.—Это Караччіоло!...

Всѣ, точно въ оцѣпенѣніи, молча смотрѣли на плывущаго мертвеца. Каждому казалось, что именно на него обращены неподвижные глаза страшнаго пловца съ нѣмымъ упрекомъ.

Фердинандъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, но не въ силахъ былъ отвести глазъ отъ мертваго Караччіоло. Наконецъ, изъ устъ его вырвался хриплый крикъ.

— Чего ты хочешь отъ меня, Франческо? Чего ты хочешь отъ меня?...

Но въ эту минуту мертвецъ повернулся и поплылъ дальше, къ Неаполю...

Духовникъ короля, донъ Гарано, приблизился къ Фердинанду.

— Душа казненнаго томится, потому что тѣло его лишено покоя и должно блуждать по морю,—сказалъ онъ торжественнымъ тономъ.—Караччіоло явился, чтобы просить у васъ, ваше величество, погребенія въ освященной землѣ. Ему нужна могила...

Фердинандъ растерянно перекрестился нѣсколько разъ.

— Могила?... Могила?...—пробормоталъ онъ.—Она у него будетъ... будетъ!...

Сэръ Вилльямъ вмѣшался.

— Можетъ быть, донъ Гарано и правъ,—замѣтилъ онъ небрежно.—Но во всякомъ случаѣ этому можно дать и другое объясненіе. Душа Караччіоло томится подъ бременемъ своихъ грѣховъ... И не можетъ найти покоя, пока они не будутъ прощены. И вотъ тѣло его явилось за этимъ прощеніемъ, чтобы вы, ваше величество, простили ему измѣну...

Король снова перекрестился.

— Вы думаете?... Вы думаете?—бормоталъ онъ.—Прощенія, онъ хочетъ прощенія?... Такъ онъ получитъ его... получитъ!...

Подойдя къ самому борту, король крикнулъ вслѣдъ плывущему мертвецу:

— Я прощаю тебя! Слышишь, Франческо!... Я прощаю тебя!...

Все еще продолжая дрожать, онъ сказалъ Актону, чтобы онъ распорядился послать гонца къ рыбакамъ Санта-Лучіи и приказать имъ именемъ короля выловить трупъ Караччіоло и передать его для погребенія патеру въ Санта-Марія ла-Катена.

Отдавъ это приказаніе, король отправился въ каюту, но колѣни у него подгибались, и онъ съ трудомъ могъ спуститься по трапу. Онъ долженъ былъ крѣпко держаться за поручни, чтобы не упасть.

Въ головѣ Эммы блеснула мысль воспользоваться его слабостью. Она быстро подскочила къ нему, взяла его подъ руку, осторожно свела съ лѣстницы и усадила его въ кресло. Затѣмъ она разстегнула ему воротъ, такъ какъ онъ задыхался, и принесла ему освѣжительное питье. Онъ позволялъ ей ухаживать за собой, точно безпомощный, больной ребенокъ. Когда же онъ поблагодарилъ ее дрожащимъ голосомъ, то Эмма тотчасъ же стала его просить за Чирилло.

Король долго не соглашался. Эмма должна была пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его помиловать Чирилло. Но король все же поставилъ одно условіе: чтобы Чирилло принесъ покаяніе, сознался въ преступленіи и отрекся отъ якобинства.

Вечеромъ Эмма разсказала объ этомъ Нельсону и просила его позволить ей переговорить съ Чирилло.

Мрачное лицо Нельсона на мгновеніе озарилось улыбкой, когда онъ слушалъ Эмму. Быть можетъ, онъ уже тяготился своими суровыми обязанностями и жалѣлъ своихъ узниковъ? Во всякомъ случаѣ онъ немедленно призвалъ капитана Гарди и приказалъ ему снять кандалы съ Чирилло и незамѣтно привести его въ каюту.

Черезъ часъ Чирилло былъ введенъ въ каюту Нельсона. Эмма невольно вскрикнула, увидѣвъ, что сдѣлали съ этимъ крѣпкимъ, статнымъ человѣкомъ, такимъ гордымъ и сильнымъ, всего лишь нѣсколько недѣль заключенія въ темномъ трюмѣ.

Онъ вошелъ, шатаясь, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, отъ котораго уже отвыкъ. Молча стоялъ онъ у дверей, поникнувъ головой, и только когда Эмма бросилась къ нему съ крикомъ, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее.

— Вы, милэди?—проговорилъ онъ.

Мягкій тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, поразилъ ее въ самое сердце, и она, рыдая, протянула къ нему руки.

— Чирилло!... Чирилло!—шептала она.

Онъ тихо покачалъ головой.

— Не надо плакать, милэди!—сказалъ онъ.—Развѣ я не говорилъ вамъ, что вы должны сдерживать себя, избѣгать волненій?... А лордъ Нельсонъ?... Какъ его здоровье? Ему лучше теперь? Вѣдь вамъ же извѣстно послѣ Кастелламаре...

Нельсонъ, стоявшій въ темномъ углу каюты и незамѣченный имъ, подошелъ поближе.

— Я здѣсь, донъ Чирилло,—сказалъ онъ.

Чирилло вздрогнулъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ бѣжать, но потомъ одумался и, посмотрѣвъ на Нельсона, сказалъ:

— Боюсь, что я не могу быть вамъ полезенъ, милордъ. Мои инструменты пропали, а мои руки...

— Въ этомъ нѣтъ надобности, донъ Чирилло,—возразилъ Нельсонъ.—Я не для этого призвалъ васъ сюда. Милэди желаетъ говорить съ вами. Съ вашего разрѣшенія я тоже останусь здѣсь.

Слабая улыбка промелькнула на устахъ врача.

— Можетъ быть, милэди хочетъ со мной посовѣтоваться, какъ съ врачомъ?

— Дѣло не во мнѣ, Чирилло...—возразила она.—Я должна вамъ сдѣлать одно предложеніе. Но раньше... быть можетъ, вы не откажетесь пообѣдать со мною, какъ въ прежнія времена?...

Она указала на накрытый столъ, гдѣ она заранѣе приготовила все, кушанья и вино, которыя могли бы соблазнить полуголоднаго узника. Дѣйствительно, у Чирилло заблестѣли глаза, когда онъ увидалъ это угощеніе. Онъ даже не могъ удержаться и схватилъ маленькій хлѣбецъ. Но тутъ же опомнился и опять положилъ его назадъ въ корзинку.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не долженъ ѣсть!... Я знаю, что у васъ были добрыя намѣренія. Но... это бы мнѣ напомнило, что было нѣкогда! Я человѣкъ слабый, какъ всѣ люди, и могу поддаться искушенію. А мнѣ будутъ нужны всѣ мои нравственныя силы, когда наступитъ послѣдній моментъ...

— Послѣдній?—сказала Эмма, тихо прикасаясь къ его рукѣ.—А если не будетъ послѣдняго момента? Если вы еще можете устроиться?...

Онъ вздрогнулъ и остановился, смотря на нее широко раскрытыми глазами.

— Какъ?—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Условія капитуляціи будутъ соблюдены? Король готовъ ихъ признать?...

— Нѣтъ, Чирилло. Тутъ рѣчь не о капитуляціи. Но король помилуетъ васъ, если вы сдѣлаете то, что онъ хочетъ.

И она въ короткихъ словахъ объяснила ему, въ чемъ дѣло. На столѣ была приготовлена бумага и перо. Ему надо было только написать, что онъ раскаивается въ своихъ поступкахъ и проситъ у короля прощенія, признавъ свои республиканскіе взгляды заблужденіемъ. Если онъ это сдѣлаетъ, то завтра же будетъ свободенъ и можетъ итти, куда хочетъ...

Чирилло выслушалъ ее спокойно. Лицо его хранило серьезное выраженіе врача, выслушивающаго разсказъ больного. Что-то вродѣ сострадательной улыбки мелькнуло у него на губахъ, когда она кончила.

— Могу итти, куда хочу?—повторилъ онъ медленно ея слова.— Въ послѣднюю ночь передъ сдачей форта я былъ съ тѣми, кто поклялся оставаться вѣрнымъ до конца великому и справедливому дѣлу. Я даже первый произнесъ эту торжественную клятву! Неужели ради спасенія собственной жизни я долженъ стать измѣнникомъ? Неужели вы думаете, что я въ состояніи буду жить съ сознаніемъ этой измѣны?...—Голосъ его дрогнулъ, и, взглянувъ Эммѣ прямо въ глаза, онъ прибавилъ:—Благодарю васъ, милэди, за вашу доброту. Но я не могу исполнить требованіе короля. Свѣтъ назвалъ бы меня измѣнникомъ...

— Свѣтъ?—съ удивленіемъ воскликнула Эмма.—Давно ли докторъ Чирилло такъ интересуется мнѣніемъ свѣта?

Онъ покачалъ головой.

— Правда, я прежде не обращалъ вниманія на мнѣніе свѣта. Я интересовался только наукой. Но съ тѣхъ поръ... я не знаю, поймете ли вы меня? Я увидѣлъ передъ собой великую задачу. Надо было спасти въ глазахъ міра оклеветанное, поруганное дѣло. И если я теперь измѣню ему, въ минуту великаго испытанія, то развѣ оно не покажется дурнымъ, не будетъ оклеветано еще болѣе? Можетъ быть, даже будетъ погребено навсегда!

— О какомъ дѣлѣ вы говорите? О дѣлѣ здѣшнихъ дворянъ? Развѣ оно ваше, это дѣло?—спросила Эмма.

Онъ улыбнулся.

— Вы говорите объ аристократической республикѣ? Но вѣдь я не аристократъ и не республиканецъ. Я даже въ сущности не противникъ монархіи. Были короли, которые тоже трудились для моего дѣла. Напримѣръ, Фридрихъ прусскій, Іосифъ австрійскій... И несмотря на это, я все же привѣтствовалъ Партенопейскую республику! Потому что я видѣлъ въ ней переходъ къ лучшему. Это было средствомъ сдѣлать доступнымъ для всѣхъ то, что доступно теперь лишь немногимъ... Развѣ вы сами не называли толпу лаццарони стадомъ безсмысленныхъ животныхъ? А

между тѣмъ они обладаютъ такими же чувствами и желаніями, какъ и мы. Только они не умѣютъ обуздывать своихъ грубыхъ инстинктовъ, находятся въ ихъ власти, поэтому-то они и превращаются такъ часто изъ людей въ дикихъ звѣрей...

— И поэтому вы отреклись отъ королевства?—воскликнула Эмма.

— Не отъ королевства, милэди! Только отъ этихъ Бурбоновъ! Или вы, можетъ быть, думаете, что отъ *такого* короля можетъ исходить просвѣщеніе народа?...

— Но Марія Каролина...

По лицу его пробѣжала тѣнь.

— Да, я прежде вѣрилъ въ нее, надѣялся на нее! Когда она пріѣхала въ Неаполь... такая молодая, съ пытливымъ умомъ, всѣмъ такъ живо интересующаяся!... А потомъ?.. Жизнь рядомъ съ этимъ пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, частые роды и, наконецъ, болѣзнь,—все это уничтожило въ ней добрыя сѣмена, заглушило ихъ. Сила ея характера превратилась въ властность, жестокость, ненависть ко всякому, кто только ей противорѣчилъ. Послѣ казни юношей я понялъ, что вернуть прежнее она уже не можетъ. Я понялъ, что ея нервная болѣзнь извратила въ ней всѣ великіе, благородные порывы и стремленія. Я зналъ теперь, что она никогда не будетъ воспитательницей своего народа. И вотъ я почувствовалъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своей придворной должности. Служить Маріи Каролинѣ—развѣ это не означало бы служить дурному дѣлу?...

Эмма молчала, поникнувъ головой. Что же она могла бы сказать ему?

Вдругъ Нельсонъ вышелъ изъ своего угла, гдѣ онъ оставался въ тѣни, и подошелъ къ Чирилло. Его единственный глазъ гнѣвно сверкалъ, онъ задыхался отъ волненія и голосъ его звучалъ рѣзко, когда онъ заговорилъ:

— Что вы сказали, Чирилло? Служить Маріи Каролинѣ значитъ служить дурному дѣлу? Что же вы скажете про меня?

Чирилло, вздрогнувъ, поднялъ голову. Казалось, жестокое слово готово было сорваться съ его устъ...

Но онъ сдержался и спокойно, посмотрѣвъ на Нельсона, отвѣтилъ:

— Вы, милордъ? Вы служите вашему отечеству!...

Густая краска залила лицо адмирала.

— Я не понимаю васъ,—проговорилъ онъ.—Не можете ли вы объяснить ваши слова? Или вы боитесь?...

Глаза Чирилло заблестѣли.

— Я не солдатъ, милордъ. И не морякъ, какъ вы. Но повѣрьте

мнѣ, что и простой врачъ долженъ обладать не меньшимъ мужествомъ. Хорошо. Вы служите Маріи Каролинѣ, но, служа ей, вы служите главнымъ образомъ своему отечеству. Вы любите его, считаете его великимъ, просвѣщеннымъ и свободнымъ. Да, оно свободно! Это идеалъ государства. И оно высоко поднимается надъ всѣми другими, которыя, подобно намъ, изнываютъ въ цѣпяхъ рабства, невѣжества, предразсудковъ... Въ вашемъ отечествѣ управляетъ народъ. Ваши парламенты служатъ образцомъ для всѣхъ. Вы съ гордостью можете взирать на исторію Англіи, радоваться тому, что уже достигнуто. Вы называете это требованіемъ неумолимой необходимости, что путь къ вашей свободѣ прошелъ черезъ трупъ вашего короля, что изъ единоличнаго деспотизма вначалѣ развилось господство дворянства, а потомъ гражданская свобода для всѣхъ. А мы, милордъ, развѣ мы не старались достигнуть того же самаго только безкровнымъ путемъ, когда рѣшились воспользоваться бѣгствомъ труса и освободиться отъ этой карикатуры на короля? Вѣдь мы защищали нашу жизнь, нашу культуру противъ натравленной на насъ и раздраженной массы невѣжественныхъ, алчныхъ и кровожадныхъ людей! И Англія называетъ насъ за это безбожниками, якобинцами, измѣнниками! Она посылаетъ своихъ свободныхъ сыновъ, чтобы задушить тѣхъ, кто стремится къ такой же свободѣ, и при этомъ утверждаетъ, что служитъ человѣчеству, когда служитъ только Маріи Каролинѣ?... Да, милордъ, да! Развѣ можетъ быть хорошимъ то дѣло, которое уничтожаетъ другое хорошее дѣло?...

Онъ все это выговорилъ съ жаромъ, дрожа отъ подавленнаго гнѣва и негодованія, и, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, тяжело дыша, прислонился къ стѣнѣ.

— Простите меня, милордъ,—тихо сказалъ онъ послѣ небольшой паузы.—Я слишкомъ увлекся. Я не подумалъ о томъ, что первый долгъ офицера—повиноваться приказаніямъ своего отечества. И я тоже думалъ, что повинуюсь приказаніямъ своего отечества. Мы бы должны были быть братьями съ вами, но злая судьба сдѣлала насъ противниками... забудьте о моихъ необдуманныхъ словахъ и вспоминайте обо мнѣ безъ злобы. Прощайте, милордъ, прощайте, милэди! Будьте счастливы оба!...

Онъ поклонился имъ въ послѣдній разъ и вышелъ. Въ открытую дверь Эмма увидѣла, что онъ протянулъ руки ожидающему солдату, и тотъ надѣлъ ему кандалы...

Нельсонъ стоялъ неподвижно. Эмма съ испугомъ бросилась къ нему, шепча слова любви. Но онъ упалъ ей на руки. Съ нимъ сдѣлался припадокъ...

XXXII.

Неаполь снова принадлежалъ Бурбонамъ.

Перваго августа была торжественно отпразднована годовщина Абукирской битвы, а затѣмъ Нельсонъ вмѣстѣ съ королемъ, Актономъ, Эммой и сэромъ Виллъямомъ отплылъ назадъ, въ Палермо.

Эмма написала Гревиллю (съ которымъ она никогда не прекращала переписки):

„Все идетъ хорошо. Неаполь уже въ нашихъ рукахъ... Король живетъ на нашемъ кораблѣ и каждый день собираетъ совѣтъ. Королева не пріѣхала. Она послала меня вмѣсто себя, потому что я очень популярна, хорошо говорю по-неаполитански и всѣми уважаема... Королева не рѣшается ѣхать въ Неаполь, опасаясь враждебныхъ демонстрацій. Но у меня есть старый пріятель въ лицѣ одного вождя лаццарони. Онъ приходилъ ко мнѣ вечеромъ въ день нашего пріѣзда и сказалъ, что въ его распоряженіи находятся 80,000 лаццарони, готовыхъ по первому знаку... Словомъ, я образовала партію королевы. Каждый день я отправляю въ Палермо посланнаго къ ней съ письмами и извѣстіями, а она присылаетъ мнѣ свои инструкціи. Я даю аудіенціи членамъ королевской партіи и служу посредникомъ между ними и королевскими величествами... Въ общемъ, насколько я могу судить, неаполитанцамъ было полезно испробовать немного республиканизма... Но какая слава для нашего (англійскаго) короля, для нашей страны и насъ самихъ, что мы, нашъ храбрый флотъ и нашъ великій Нельсонъ имѣли счастье вернуть королю его престолъ...“

Вообще въ своихъ письмахъ къ Гревиллю Эмма, можетъ быть, не безъ цѣли всегда много говорила о своихъ успѣхахъ. Но она жаловалась также и на усталость, на массу дѣлъ, которыя ей приходилось исполнять, такъ какъ она служила переводчицей и секретаремъ Нельсону и посредницей для короля и королевы, съ которой должна была поддерживать постоянную переписку. Въ одномъ изъ писемъ она упоминаетъ Гревиллю, что она лишилась всѣхъ своихъ вещей и что посольскій дворецъ въ Неаполѣ былъ разграбленъ и кромѣ того бомба лопнула въ кабинетѣ сэра Вилльяма и все разрушила. Она прибавляетъ, что, вѣроятно, весной она пріѣдетъ въ Англію съ сэромъ Вилльямомъ, такъ какъ и здоровье, и финансы сэра Вилльяма нуждаются въ поправкѣ послѣ всего пережитаго за послѣднее время.

Стоя на палубѣ корабля, отвозившаго ее въ Палермо изъ

Неаполя, Эмма смотрѣла, какъ на горизонтѣ исчезали контуры Везувія, постепенно заволакиваясь туманомъ. Ей не приходило въ голову въ эту минуту, что она въ послѣдній разъ видитъ страну, гдѣ, благодаря своей красотѣ и талантамъ, она возвысилась отъ положенія простой авантюристки на степень повѣренной и подруги королевы и даже почти держала въ своихъ рукахъ судьбы королевства.

Прибытіе англійской эскадры въ Палермо было встрѣчено неописуемыми восторгами толпы, и Нельсону были устроены оваціи, какъ тріумфатору. Это былъ его апоѳеозъ. Празднества, которыя устраивались въ его честь, по словамъ очевидцевъ, напоминали сказки „Тысячи и одной ночи" своимъ великолѣпіемъ. Раздавались несмолкаемые крики: „Да здравствуетъ Нельсонъ! Да здравствуетъ милэди! Да здравствуетъ Гамильтонъ!"

Марія Каролина надѣла на шею Эммы брилліантовое ожерелье съ надписью: „Вѣчная благодарность!" Кромѣ того, она прислала ей цѣлый гардеробъ своихъ платьевъ и разныхъ другихъ вещей, чтобы возмѣстить то, чего Эмма лишилась при разграбленіи посольскаго дворца. Эмма, заботясь о вещахъ, принадлежащихъ королевѣ и королю, не подумала о себѣ и захватила съ собой во время бѣгства изъ Неаполя только самое необходимое.

Фердинандъ наградилъ Нельсона титуломъ герцога Бронтё, назначилъ ему годовую ренту въ 18,000 дукатовъ и подарилъ ему великолѣпное имѣніе, а также мечъ, усыпанный брилліантами, который Карлъ III передалъ своему сыну вмѣстѣ съ неаполитанскимъ престоломъ.

Праздники слѣдовали за праздниками. Увеселительныя поѣздки, балы, маскарады, королевскія охоты, попойки смѣняли другъ друга. И Нельсонъ, къ удивленію всѣхъ близкихъ къ нему людей, съ головой ринулся въ этотъ водоворотъ удовольствій. Словно онъ хотѣлъ забыться, заглушить какой-то голосъ, раздававшійся въ его душѣ, прогнать какія-то видѣнія!...

Быть можетъ, онъ старался забыть слова Чирилло, забыть мертвеца, плывущаго по заливу?...

Прежде онъ всегда держался вдали отъ шумной, разгульной толпы пирующихъ. Онъ находилъ, что британскій офицеръ долженъ подавать примѣръ серьезности и воздержанія всѣмъ этимъ необузданнымъ итальянцамъ, повинующимся только своимъ страстямъ. Теперь же онъ точно переродился. Онъ больше не думалъ о долгѣ, а искалъ развлеченій всюду, гдѣ только могъ ихъ найти, не спрашивая объ ихъ качествахъ. И Эмму онъ не отпускалъ отъ себя ни на шагъ. Она всюду должна была сопровождать его.

Его страсть принимала какой-то бурный характеръ и пугала ее. Онъ смѣялся надъ ней, когда она жаловалась на усталость, и будилъ ее поцѣлуями, когда она засыпала въ его объятіяхъ. И всегда Эммѣ казалось, что онъ хочетъ оглушить, опьянить себя, не думать...

Снова начались у него припадки. Его друзья, его офицеры, преданные ему боевые товарищи съ тревогой замѣчали эту перемѣну въ немъ. Они даже просили Эмму повліять на него.

Эмма угадывала ихъ мысли: они думали, что это она сбиваетъ его съ пути! А между тѣмъ, онъ былъ глухъ ко всѣмъ ея мольбамъ и, несмотря ни на что, снова кидался въ вихрь удовольствій и попоекъ и Эмму тащилъ за собой.

Наконецъ, Троубриджъ не выдержалъ и, полагаясь на свою старинную дружбу съ нимъ, скрѣпленную кровью, пролитой въ бою, рѣшилъ написать ему и высказать слово правды. Онъ намекнулъ Нельсону на то, какіе толки и слухи вызываются его поведеніемъ. „Если-бъ вы знали, какъ страдаютъ за васъ ваши друзья,—писалъ онъ,—то навѣрное отказались бы отъ всѣхъ ночныхъ веселыхъ компаній и пировъ"...

Подѣйствовали ли на Нельсона слова его товарища по оружію? Какъ бы то ни было, но онъ вдругъ круто измѣнилъ свой образъ жизни. Назначенный главнокомандующимъ средиземноморской эскадры, онъ немедленно отправился въ Мальту, чтобы завоевать этотъ островъ, все еще занятый французами.

Но душа Эммы все же полна была тревоги. Его письма къ ней носили мрачный характеръ. Это были письма человѣка, котораго тяготила жизнь и который жаждалъ покончить съ нею счеты...

Между тѣмъ, въ Неаполѣ дѣйствовалъ спеціальный судъ. Въ виду чрезвычайно большого количества казней судъ нашелъ плату, которую получалъ палачъ Томасъ Парадизо (по шести дукатовъ за каждаго казненнаго), слишкомъ разорительной. Поэтому палачу назначено было мѣсячное жалованье въ сто дукатовъ, и онъ былъ законтрактованъ на цѣлый годъ. Ссылкѣ и казни подвергались всѣ, кто только осмѣлился устно или письменно сказать что-нибудь про короля, королевскую семью и религію. Обвинялись даже тѣ, кто хотя и не говорилъ и не дѣлалъ ничего противнаго законамъ королевства, но все же не высказалъ стойкаго сопротивленія республикѣ.

Судъ отличался необычайною суровостью. Разрѣшалось даже примѣнять пытку. Защитниковъ не допускали. Каждый четвергъ судъ выносилъ приговоръ, въ пятницу его сообщали осужденнымъ, а въ субботу происходила казнь.

14 августа былъ казненъ генералъ Оронціо Масса, изъ рода герцоговъ Ґалиньяни. Онъ подписалъ капитуляцію Кастель Нуово. Черезъ шесть дней послѣ него казнили поэтессу Элеонору Фонсека де-Пиментелли и еще нѣсколькихъ человѣкъ. Наконецъ, очередь дошла и до Чирилло...

Умирали на эшафотѣ художники, поэты, писатели, ученые, проповѣдники, учителя, офицеры, купцы, чиновники, цвѣтъ интеллигенціи, искусства, науки и лучшіе представители неаполитанской старинной аристократіи. А тѣ, кого пощадила смерть, томились въ заточеніи или ссылкѣ...

Такая жестокость возмутила даже Европу, и посланники державъ въ Палермо, по предложенію своихъ правительствъ, обратились къ королю съ представленіями по поводу излишней строгости, которая можетъ только повредить королевству, совѣтуя прекратить казни и объявить амнистію. Бѣжавшіе изъ Неаполя „патріоты" обвиняли во всемъ Марію Каролину и ея наперсницу лэди Гамильтонъ. Самые гнусные пасквили распространялись про нихъ обѣихъ. Но доставалось, конечно, и лорду Нельсону, хотя про него говорили, что онъ находится всецѣло во власти своей кровожадной любовницы лэди Гамильтонъ, которая, вмѣстѣ со своей подругой королевой, являлась главной причиной безчисленныхъ казней.

Эти обвиненія нашли отголосокъ и въ Англіи. Въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ по поводу событій въ Неаполѣ, и когда Нельсонъ вернулся въ Палермо изъ Мальты, то онъ узналъ отъ Маріи Каролины непріятную для себя новость, что на мѣсто сэра Вилльяма, который, впрочемъ, самъ просилъ объ отпускѣ, назначается новый посланникъ.

Было ясно, что Гамильтономъ были недовольны, и его дипломатическая карьера была прервана. Это неудовольствіе косвенно отразилось и на Нельсонѣ. Общественное мнѣніе въ Англіи возмущалось неаполитанскими событіями и осуждало Гамильтона за его слишкомъ большую преданность Фердинанду. Недовольны были также Нельсономъ, во-первыхъ, за то, что онъ часто дѣйствовалъ совершенно независимо, не сообразуясь съ инструкціями, полученными изъ адмиралтейства, а во-вторыхъ, за его слѣпую страсть къ лэди Гамильтонъ, у ногъ которой онъ будто бы забывалъ свой долгъ и интересы своего отечества. Прямой начальникъ Нельсона лордъ Сенъ-Винцентъ не скрывалъ своего мнѣнія насчетъ этой „сантиментальной парочки". Ромео и Джульетта, Антоній и Клеопатра и т. д.—такъ называли въ насмѣшку Нельсона и лэди Гамильтонъ.

Сэръ Виллььямъ отнесся, повидимому, хладнокровно къ постигшей его немилости, но Марія Каролина была внѣ себя отъ огорченія. Она попробовала было говорить объ этомъ съ Фердинандомъ и побудить его вступиться за сэра Вилльяма. Но къ удивленію своему она натолкнулась на упорное сопротивленіе, изъ котораго тотчасъ же увидѣла, что отозваніе сэра Вилльяма состоялось отчасти по желанію короля. Между лэди Гамильтонъ и Фердинандомъ тоже произошла бурная сцена. Король бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ и ругался. Онъ не желаетъ больше терпѣть власти женщинъ! Развѣ лэди Гамильтонъ не знаетъ, что на нее уже вся Европа указываетъ пальцами вслѣдствіе той роли, которую она играла въ Неаполѣ? Она должна быть ему благодарна, что онъ, по своей добротѣ, дозволяетъ ей вернуться въ Англію безъ публичнаго скандала!

Эмма смертельно поблѣднѣла, но дала ему высказаться и только замѣтила:

— Значитъ, это вы настояли на отозваніи сэра Вилльяма?

— А если бы даже такъ? Что-жъ изъ этого?—вскричалъ онъ гнѣвно.

— Но приняли ли вы во вниманіе, что отозваніе сэра Вилльяма въ данный моментъ какъ бы взваливаетъ на васъ всю отвѣтственность за то, что здѣсь совершалось?—спросила Эмма.

Король вышелъ изъ себя.

— Я хочу имѣть покой! Слышите ли! Хочу имѣть покой въ собственномъ домѣ! Уходите... Оставьте меня!—кричалъ онъ.

— Вы хотите, чтобъ мы отвѣчали за все, хотите спрятаться за нашими спинами? Пусть такъ!—сказала она и, смѣривъ его презрительнымъ взглядомъ, повернулась къ нему спиной и вышла.

Король былъ внѣ себя отъ ярости. На слѣдующій день Марія Каролина написала Эммѣ:

„Моя дорогая милэди. Вчера послѣ вашего ухода произошла дикая сцена. Онъ (король) бѣшено рычалъ и кричалъ... Собирался васъ убить, выбросить въ окно... Хотѣлъ позвать вашего мужа и пожаловаться ему на васъ за то, что вы повернулись къ нему спиной. Говорю вамъ, это была ужасная сцена!... Я очень огорчена и озабочена. Мнѣ остается или уѣхать, или умереть съ горя... Врядъ ли вы меня застанете въ живыхъ, если даже вернетесь сюда!...“

А Нельсонъ? Какъ только онъ узналъ объ отозваніи Гамильтона, то рѣшеніе его было тотчасъ же принято. Онъ вернется въ Англію вмѣстѣ съ Гамильтонами!

Эмма сдѣлалась для него теперь единственнымъ интересомъ,

единственной цѣлью въ жизни. Военная слава, побѣды,—все отступило на заднiй планъ. Онъ предоставилъ своимъ помощникамъ доканчивать завоеванiе Мальты и написалъ въ Англiю, что его здоровье настолько пошатнулось, что онъ уже больше не можетъ оставаться на дѣйствительной службѣ и нуждается въ абсолютномъ отдыхѣ.

Эммѣ онъ писалъ: „Я глубоко почитаю васъ, даже больше, я преклоняюсь передъ вами! Если-бъ вы были свободны и если-бъ даже я нашелъ васъ подъ заборомъ, то безъ всякаго колебанiя я бы тотчасъ же женился на васъ"...

Въ послѣднiй разъ Эмма, стоя на палубѣ корабля, увозившаго ее въ Англiю вмѣстѣ съ Нельсономъ и ея мужемъ, смотрѣла на исчезающiй берегъ Сицилiи и голубую поверхность Средиземнаго моря, разстилающуюся передъ ея глазами. Сожалѣла ли она о томъ, что оставляла, или радовалась, какъ Нельсонъ, что все мрачное, тяжелое, связанное съ послѣдними событiями, осталось позади? Невольный страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ закрадывался въ ея душу. Въ Неаполѣ она знала только трiумфы, головокружительный успѣхъ. Что же ожидало ее въ будущемъ? Она должна была отказаться отъ блестящаго положенiя, отъ влiянiя, разстаться съ королевой, дружба съ которой льстила ея тщеславiю, отказаться отъ роскошной, широкой жизни, къ которой такъ привыкла. Она знала, что въ Лондонѣ у нея много враговъ, подстерегающихъ ея возвращенiе. Какой прiемъ ожидалъ ее въ этомъ городѣ, гдѣ еще не были забыты ея прежнiя похожденiя, а теперь распространялись о ней всевозможныя клеветы? Около ея имени было произведено слишкомъ много шума и слишкомъ много у нея было недоброжелателей и завистниковъ! Ея ослѣпительная красота въ молодые годы, когда женился на ней сэръ Вилльямъ, не могла, однако, обезпечить ей благосклонный прiемъ и укрѣпить ея положенiе въ чопорномъ англiйскомъ обществѣ. А теперь—тѣмъ болѣе, когда молодость прошла и красота ея увядала! Эмма боялась задумываться надъ этими вопросами...

Но осень ея жизни всетаки превращалась въ весну, благодаря страстной взаимной любви, которая существовала между нею и Нельсономъ...

А сэръ Вилльямъ? Его поведенiе становилось все болѣе загадочнымъ. Ничто совершающееся вокругъ него какъ будто не трогало и не удивляло его. Онъ всегда стоялъ въ сторонѣ и продолжалъ выказывать Эммѣ прежнюю привязанность, а Нельсону прежнее уваженiе. Что это было: покорность судьбѣ или

безмятежность философа? Прежняя ненависть къ нему, которая такъ часто вспыхивала въ душѣ Эммы, теперь совершенно исчезла. Сэръ Виллльямъ, повидимому, совершенно примирился съ этой жизнью втроемъ, которая приняла почти офиціальный характеръ, тѣмъ болѣе скандальный, что имена побѣдителя Нельсона и красавицы Эммы гремѣли теперь на весь міръ.

Но Эмма объ этомъ не заботилась. Ее поглощала теперь другая мысль. Съ самаго начала своей связи съ Нельсономъ она мечтала имѣть отъ него ребенка—сына. И только теперь, когда передъ нею раскрывалось невѣдомое будущее, ея мечта должна была исполниться. Она была беременна. Мысль объ этомъ, однако, не приводила ее въ восторгъ. Она предвидѣла столько мучительныхъ, тяжелыхъ осложненій. И потомъ... Что если онъ покинетъ ее?...

Нельсонъ еще ничего не зналъ объ этомъ. Она рѣшила сказать ему, когда они останутся одни на кораблѣ.

Сэръ Вилльямъ заговорилъ съ Эммой о своемъ отозваніи изъ Неаполя:

— Это случилось изъ-за Фердинанда. Ты понимаешь? Онъ, вѣдь, эмансипировался теперь и Марію Каролину отправилъ въ Австрію. Мы же были слишкомъ тѣсно связаны съ ней и, слѣдовательно, при данныхъ обстоятельствахъ скорѣе можемъ вредить Англіи, нежели быть ей полезными. Нуженъ на моемъ мѣстѣ новый человѣкъ. Вотъ почему, когда Фердинандъ потребовалъ моего отозванія, то его желаніе было тотчасъ же исполнено. Ахъ, бѣдный носатый король! Онъ воображаетъ, что будетъ теперь самъ управлять своимъ государствомъ!...

Послѣ очень бурнаго переѣзда путешественники высадились на берегъ въ Ярмутѣ, гдѣ уже огромная толпа народа ожидала появленія героя. Нельсону была устроена восторженная овація, и на всемъ пути отъ Ярмута до Лондона оваціи не прекращались. Но никто изъ его семьи не явился привѣтствовать его, не было ни его старика-отца, ни его жены...

Съ сумрачнымъ видомъ онъ сѣлъ въ парадную карету, приготовленную для него, и настоялъ, чтобы Эмма и сэръ Вилльямъ поѣхали вмѣстѣ съ нимъ. Онъ заставилъ сѣсть въ карету также и мать Эммы, миссисъ Кадогэнъ.

Эмма поняла его. Онъ хотѣлъ показать всему міру, что не боится той грязи, которою забрасываютъ его и Эмму. Пусть будетъ, что будетъ! Онъ никогда не отступалъ передъ врагомъ и не отступитъ теперь!...

У воротъ города его встрѣтилъ лордъ-мэръ. Въ напыщенной рѣчи онъ восхвалялъ его подвиги, его славу и поднесъ ему на шелковой подушкѣ медаль, вычеканенную въ честь его пріѣзда. Онъ пригласилъ его также на банкетъ въ Гилдголлъ, въ Сити, на слѣдующій день, гдѣ представители города должны были поднести ему почетную саблю.

Нельсонъ только что собрался отвѣчать, какъ вдругъ увидалъ въ толпѣ старика съ бѣлоснѣжными волосами. Это былъ его отецъ.

Съ крикомъ радости онъ бросился къ нему, обнялъ его и, совершенно забывъ о парадной встрѣчѣ, повелъ его къ экипажу, гдѣ сидѣли Эмма и сэръ Вилльямъ. Не заботясь о томъ, какое это произведетъ впечатлѣніе, онъ крикнулъ:

— Милэди, сэръ Вилльямъ, это мой дорогой отецъ!... А это, дорогой отецъ, сэръ Вилльямъ и лэди Гамильтонъ, о которыхъ я вамъ такъ часто писалъ. Лэди Гамильтонъ—мой лучшій, единственный другъ! Она содѣйствовала абукирской побѣдѣ...

Старикъ Нельсонъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Эмму. По лицу его пробѣжала тѣнь. Онъ кивнулъ головой, какъ будто теперь только понялъ все.

— Вы очень красивы, милэди,—сказалъ онъ тихо.—Долженъ ли я васъ благодарить... за то добро, которое вы сдѣлали моему сыну?...

Въ душѣ Эммы поднималось возмущеніе, но она подавила его, вспомнивъ, что это отецъ Нельсона и что иначе онъ не могъ чувствовать. Ея сердце было полно печали теперь. Она низко поклонилась старику и робко посмотрѣла на него, словно прося прощенія...

— А гдѣ же лэди Нельсонъ?—вдругъ раздался голосъ сэра Вилльяма.—Отчего же она не пріѣхала въ Лондонъ привѣтствовать своего мужа, гордость Англіи?

Нельсонъ смутился и взглянулъ на своего отца, который вдругъ густо покраснѣлъ.

— Фанни здѣсь... въ Лондонѣ,—проговорилъ онъ съ запинкой.—Она въ своемъ домѣ, въ Арлингтонъ Стритѣ... Мы сговорились ѣхать вмѣстѣ, но она почувствовала себя не совсѣмъ хорошо...

Лицо Нельсона передернулось. Онъ быстро распрощался съ лордъ-мэромъ и депутаціями и сѣлъ съ отцомъ въ экипажъ.

На другой день онъ присутствовалъ на банкетѣ, но вернулся оттуда, дрожа отъ гнѣва. Его жена не хотѣла его видѣть и отказалась быть на банкетѣ, данномъ въ его честь.

Хотѣла ли она отмстить ему, вызвать публичный скандалъ? Передъ лицомъ всей Англіи забросать грязью имя своего мужа?

Лордъ мэръ лично пригласилъ ее, и она приняла приглашеніе. И всетаки не явилась. Ее долго ждали. Наконецъ, отправили къ ней посланнаго, но онъ вернулся съ отвѣтомъ, что она не придетъ, потому что чувствуетъ себя нездоровой...

Нельсонъ былъ внѣ себя. Онъ не позволитъ ей дѣлать себя посмѣшищемъ! И тамъ же, на банкетѣ, онъ обратился къ своему адвокату съ порученіемъ переговорить съ ней... насчетъ развода.

Черезъ два дня адвокатъ принесъ ему отвѣтъ.

Лэди Нельсонъ требуетъ, чтобы онъ порвалъ свои отношенія съ лэди Гамильтонъ. Что же касается развода, то она категорически заявила, что никогда на него не согласится.

Передавъ ему это рѣшеніе лэди Нельсонъ, адвокатъ заговорилъ о слухахъ, которые распространяются въ городѣ. Злые языки, обрадовавшись скандалу, усердно работаютъ, смѣшивая ложь съ правдой, и про Эмму и сэра Вилльяма разсказываются возмутительныя вещи.

Нельсонъ, однако, просилъ своего пріятеля адвоката продолжать переговоры. Онъ долженъ былъ постараться уговорить лэди Нельсонъ уѣхать изъ города, чтобы положить конецъ толкамъ. Онъ готовъ принести какія угодно жертвы для этого...

Но лэди Нельсонъ стояла на своемъ. Она не уѣдетъ! Тамъ, гдѣ находится мужъ, тамъ должна быть и жена. Друзья Нельсона посовѣтовали ему всетаки помириться съ женой, и это примиреніе состоялось въ концѣ-концовъ. Нельсонъ переѣхалъ въ домъ къ своей женѣ, но такъ какъ она продолжала его преслѣдовать своими упреками и требовала, чтобы онъ ограничивался только свѣтскими отношеніями съ лэди Гамильтонъ, которыя не давали бы повода ни къ какимъ разговорамъ, то, конечно, разрывъ былъ неминуемъ. Нельсонъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ измѣнять своего образа жизни и покидать Эмму, тѣмъ болѣе теперь, когда онъ зналъ, что она готовится быть матерью.

Такое ложное положеніе не могло, разумѣется, продолжаться. Однажды, во время завтрака, въ присутствіи гостей, между супругами Нельсонъ произошла рѣзкая сцена. Разговоръ былъ общій и какъ-то случайно коснулся Неаполя и лэди Гамильтонъ. Нельсонъ началъ восхвалять ее. Тогда лэди Нельсонъ встала и объявила во всеуслышаніе, что она не намѣрена больше играть роль обманутой супруги.

— Я требую, чтобы вы выбирали между нею и мной!—вскричала она.

— Берегитесь, Фанни!—возразилъ Нельсонъ.—Я искренно привязанъ къ вамъ, но я не могу забыть своихъ обязательствъ въ отношенiи лэди Гамильтонъ и не могу говорить о ней иначе, какъ съ восхищенiемъ и преданностью...

Пробормотавъ какiя-то непонятныя слова, лэди Нельсонъ вышла изъ-за стола и вскорѣ покинула домъ. Съ тѣхъ поръ они уже не жили вмѣстѣ.

Эмма переживала тяжелые дни.

Опасаясь ее компрометировать еще больше, Нельсонъ старался не показываться съ нею публично и приходилъ къ ней только тогда, когда зналъ, что у нея никого нѣтъ. Эмма, конечно, понимала мотивы его поведенiя, но все же очень огорчалась.

Къ этому присоединились еще и финансовыя затрудненiя. Сэръ Вилльямъ всегда жилъ очень широко и не умѣлъ разсчитывать, поэтому у него не было никакихъ сбереженiй. Въ Лондонѣ ему пришлось устраивать свой домъ и обставить его соотвѣтствующимъ образомъ, какъ того требовало его положенiе. Онъ разсчитывалъ попасть въ палату пэровъ, а для этого ему нужно было, конечно, жить открыто и устраивать блестящiе прiемы. А это стоило большихъ денегъ. Вознагражденiе, которое онъ разсчитывалъ получить отъ правительства за свою тридцатилѣтнюю службу, заставило себя ждать, и вотъ ему пришлось, съ большою неохотой, распродать часть своей античной коллекцiи и своихъ картинъ.

На другой день послѣ этой продажи Нельсонъ написалъ лэди Гамильтонъ:

„Мой дорогой другъ! Я купилъ вашъ портретъ, потому что не могъ перенести мысли, что онъ будетъ проданъ и попадетъ въ чужiя руки. И если бы даже мнѣ пришлось заплатить за него своею кровью, то я бы съ радостью отдалъ ее. Этотъ портретъ будетъ висѣть въ моей спальнѣ, и когда я умру, вы его получите назадъ“...

Это была картина „Вакханка“, нарисованная m-me Виже-Лебрёнъ, для которой Эмма служила моделью. Нельсонъ купилъ эту картину за 300 фунтовъ. Она висѣла въ его каютѣ, и ее тамъ нашли послѣ Трафальгарской битвы.

Эмма, съ своей стороны, тоже принесла жертву и для покрытiя издержекъ продала брилліантовое ожерелье, которое ей подарила Марiя Каролина.

Въ домѣ сэра Вилльяма постоянно толпились гости, и прiемы, которые онъ устраивалъ, заставляли говорить весь городъ. Эмма прекрасно исполняла роль хозяйки и приводила въ восторгъ гостей

своими талантами. Она пѣла, танцовала, участвовала въ живыхъ картинахъ, несмотря на свою беременность, которую скрывала очень искусно.

Въ половинѣ января Нельсонъ долженъ былъ уѣхать изъ Лондона. Онъ былъ назначенъ вице-адмираломъ эскадры лорда Сенъ-Винцента и долженъ былъ немедленно присоединиться къ ней.

Получивъ этотъ приказъ, Нельсонъ тотчасъ же отправился къ Эммѣ, чтобы сообщить ей объ этомъ. Онъ былъ совершенно подавленъ мыслью о разлукѣ съ ней, особенно въ такое время. Она же мужественно встрѣтила этотъ ударъ и старалась его успокоить. Что касается предстоящихъ родовъ, то она уже приняла всѣ мѣры. Ея мать устроитъ все, и никто ничего не узнаетъ. Ребенокъ будетъ отданъ на воспитаніе одной женщинѣ, которую она знаетъ давно и которой вполнѣ довѣряетъ. Эмма уже переговорила съ ней, но изъ предосторожности сказала ей, что дѣло идетъ объ ея подругѣ миссисъ Томпсонъ, которая имѣетъ любовную связь съ однимъ морскимъ офицеромъ и вынуждена скрывать свое положеніе.

Такимъ образомъ тайна будетъ соблюдена, и Нельсону нечего опасаться ея раскрытія. Онъ даже можетъ спокойно переписываться съ нею объ этомъ, благодаря такой остроумной выдумкѣ. Эмма покровительствуетъ миссисъ Томпсонъ, а Нельсонъ ея возлюбленному морскому офицеру, который служитъ у него на кораблѣ! Что можетъ быть проще? Въ случаѣ, если бы даже письма ихъ были перехвачены, то все же никто не догадался бы, о комъ идетъ рѣчь...

Передъ отъѣздомъ онъ написалъ своей женѣ прощальное письмо, въ которомъ заключались слѣдующія строки:

„Я сдѣлалъ для васъ все, что было въ моей власти. Когда я умру, вы убѣдитесь въ этомъ. Мое единственное желаніе теперь— это быть предоставленнымъ самому себѣ... Желая вамъ наивозможнаго счастья въ дальнѣйшей вашей жизни, остаюсь преданный вамъ Нельсонъ“.

Лэди Нельсонъ уѣхала въ Брайтонъ и жила тамъ въ полномъ уединеніи, получая пенсію 1,600 ф. ст., которую ей выплачивалъ адмиралъ. Замѣчательно то, что родные Нельсона, сначала возмущавшіеся его поведеніемъ, довольно скоро сблизились съ Эммой и почти признавали ее членомъ семьи. Покинутая же супруга была скоро позабыта и ее даже обвинили въ слишкомъ суровомъ отношеніи къ своему мужу, составлявшему гордость Англіи...

XXXIII.

Во второй половинѣ января 1801 года у Эммы родилась дочь. Едва оправившись отъ перенесенныхъ страданій, Эмма дрожащей рукой набросала записку Нельсону, которую ея мать отослала ему. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ ей. [1])

„Дорогая милэди!

Боюсь, что пріятель нашей милой миссисъ Томпсонъ сойдетъ съ ума отъ радости. Онъ плачетъ, молится и дѣлаетъ тысячи безумствъ. И между тѣмъ, бѣдняга не смѣетъ показывать чувствъ, волнующихъ его. Я, единственный, съ кѣмъ онъ можетъ говорить объ этомъ. Онъ поклялся, что сегодня же осушитъ чару за ваше здоровье, и пусть меня накажетъ Богъ, если я не сдѣлаю того же самаго на зло всѣмъ врачамъ Европы, такъ какъ нѣтъ человѣка болѣе преданнаго вамъ, чѣмъ я! Вы настоящій ангелъ, и ваша доброта и вниманіе къ бѣдняжкѣ миссисъ Томпсонъ еще болѣе возвышаютъ васъ въ моихъ глазахъ.

„Я не могу писать. Я слишкомъ сильно взволнованъ присутствіемъ молодого человѣка, который стоитъ возлѣ меня. Онъ совершенно обезумѣлъ, все время болтаетъ разный вздоръ про васъ и про нее. А я... ну я долженъ сознаться, что такъ сильно радуюсь вмѣстѣ съ нимъ, что не могу больше писать!“

На слѣдующій же день Нельсонъ отправилъ Эммѣ еще одно письмо, въ которомъ опять-таки говоритъ о другѣ миссисъ Томпсонъ: „У него добрая, нѣжная душа,—пишетъ Нельсонъ.—Онъ сгораетъ желаніемъ увидѣть поскорѣе миссисъ Томпсонъ и ея ребенка. Если будетъ возможно, то я отпущу его на два или три дня, когда отправлюсь въ Портсмутъ, и тогда вы увидите, какъ онъ горячо благодаренъ вамъ!...“

Затѣмъ Нельсонъ пишетъ уже прямо миссисъ Томпсонъ.

„Дорогая миссисъ Томпсонъ!

„Вашъ другъ съ радостью увидалъ изъ вашего письма, что вы уже здоровы и дитя отправлено къ кормилицѣ. Онъ считаетъ неудобнымъ лично писать вамъ теперь и поручилъ мнѣ сказать вамъ, какъ вы ему дороги! Онъ хочетъ, чтобы вы поцѣловали и благословили за него дорогую крошку, которую онъ хотѣлъ бы назвать Эммой, въ честь нашей дорогой лэди Гамильтонъ. Впрочемъ, онъ предоставляетъ это рѣшеніе вамъ“.

---

[1]) Эта переписка извѣстна подъ именемъ „Thompson letters“, и была открыта историкомъ Петигрю въ 1849 г. Но сохранились только письма Нельсона, его отвѣты, такъ какъ Эмма очевидно не имѣла силъ уничтожить ихъ, тогда какъ Нельсонъ тщательно сжегъ всѣ письма Эммы, относящіяся къ этому періоду.

Плимутъ, 5 февраля, 1801 года.

„Дорогая миссисъ Томпсонъ!

Вашъ пріятель проситъ меня передать вамъ, что не въ обычаѣ крестить дѣтей раньше мѣсяца или шести недѣль. Онъ и я, мы оба надѣемся еще разъ побывать въ Лондонѣ до нашего отъѣзда въ Балтійское море. Если вы ничего не имѣете противъ, то онъ предлагаетъ вамъ отложить крестины до этого дня. Я съ удовольствіемъ буду крестнымъ отцомъ, а лэди Гамильтонъ—крестной матерью. Вашъ другъ согласенъ, чтобы она была названа Гораціей и записана дочерью Іохема и Мораты Этнорбъ. (Johem and Morata Etnorb). Если вы прочтете эти имена наоборотъ и переставите буквы, то получите имена преданныхъ вамъ друзей, мое и лэди Гамильтонъ“...

Дѣйствительно, Нельсону удалось, прежде чѣмъ отправиться въ Балтійское море, тайкомъ пріѣхать изъ Плимута въ Лондонъ. Конечно, онъ не могъ уѣхать, не повидавъ маленькую Горацію и ея мать. Это было бы свыше его силъ!

Онъ явился внезапно, когда Эмма не ждала его. Упавъ передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея платье, руки...

— Мать моего ребенка! Мать моего ребенка!—шепталъ онъ.

Онъ сказалъ ей, что пріѣхалъ тайкомъ, безъ разрѣшенія. Онъ не останавливался дорогой, ничего не ѣлъ, не спалъ!... Въ его распоряженіи былъ только часъ времени. Какъ безумный, онъ прижимался лицомъ къ ея колѣнямъ и умолялъ ее поѣхать съ нимъ тотчасъ же къ миссисъ Джибсонъ, чтобы онъ могъ увидѣть ребенка.

Эмма должна была согласиться. Нельсонъ опустился на колѣни у постели ребенка и ждалъ, пока онъ откроетъ глаза. Его восторгу не было границъ, когда дѣвочка взглянула на него своими большими голубыми глазками. Ахъ, онъ готовъ былъ отъ всего отказаться, отъ своего отечества, славы, побѣды, лишь бы ему можно было остаться возлѣ своего ребенка! Эмма должна была употребить всѣ усилія, чтобы заставить его уѣхать. Онъ впервые чувствовалъ себя отцомъ, и это чувство кружило ему голову, заставляло его забывать обо всемъ; казалось, весь міръ сосредоточивался для него въ этомъ ребенкѣ въ эту минуту. Но всетаки онъ послушно послѣдовалъ за Эммой и сѣлъ въ ожидающую его карету. Эмма напомнила ему о великомъ, священномъ долгѣ, который лежалъ на немъ теперь. Онъ долженъ былъ заботиться о своемъ ребенкѣ...

Передъ его отъѣздомъ изъ Плимута Эмма получила отъ него письмо, въ которомъ онъ заявлялъ, что не видѣлъ ребенка болѣе

красиваго, чѣмъ ребенокъ миссисъ Томпсонъ. Но въ слѣдующемъ письмѣ онъ уже прямо писалъ ей:

„Моя дорогая жена!—Позвольте мнѣ такъ назвать васъ, потому что въ моихъ глазахъ и передъ Господомъ Богомъ вы—моя жена! Я могу дать волю своимъ чувствамъ въ этомъ письмѣ, такъ какъ надѣюсь, что Оливье передастъ вамъ его изъ рукъ въ руки.

„Вы знаете, моя дорогая Эмма, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы я не сдѣлалъ для того, чтобы мы могли жить вмѣстѣ и имѣть нашу дорогую крошку возлѣ себя.

„Я люблю васъ! Никогда и никого я не любилъ до васъ. Никогда и ни отъ кого я не получалъ такого драгоцѣннаго залога любви, какой вы дали мнѣ! Но вѣдь и вы никому его не давали раньше?...

„Какую радость испытаетъ моя Эмма, когда увидитъ, что къ ней вернулся Нельсонъ, который ее такъ любитъ, здравый и невредимый и, быть можетъ, окруженный еще большей славой! Вы, моя обожаемая Эмма, и мое отечество—вотъ что для меня дороже всего на свѣтѣ и что наполняетъ мое сердце! Вѣрьте только мнѣ. и вы никогда не обманетесь! Я сжигаю всѣ ваши милыя письма, потому что такъ лучше и для васъ, и желаю, чтобы вы сжигали также и всѣ мои письма. Они не могутъ принести никакой пользы, а если попадутъ въ чужія руки или если кто-нибудь перехватитъ ихъ, то это можетъ повредить намъ обоимъ. Они сдѣлаются предметомъ всеобщихъ разговоровъ, раньше чѣмъ мы можемъ желать, чтобы всѣмъ стало извѣстно положеніе вещей...

„Поцѣлуйте и благословите за меня нашу дорогую Горацію". [1])

Какъ это ни странно, но сэръ Вилльямъ какъ будто не подозрѣвалъ, что въ его собственномъ домѣ, въ Пикадилли, у Эммы родился ребенокъ. Можно только представить себѣ, что должна была вытерпѣть несчастная женщина, вынужденная скрывать и свою беременность и роды! Всего мѣсяца за два до рожденія Гораціи Эмма пѣла, танцовала и по обыкновенію выступала въ жи-

---

[1]) Пока не были открыты „Thompson letters", тайна, окружающая рожденіе Гораціи, не была разоблачена. Горація такъ и не знала, какія узы родства связываютъ ее съ лэди Гамильтонъ. Нельсонъ призналъ въ своемъ завѣщаніи Горацію, какъ свою дочь, но нигдѣ не называетъ лэди Гамильтонъ ея матерью. Лэди Гамильтонъ сама тщательно скрывала свое материнство и такъ хорошо сохраняла свою тайну, для того чтобы не возбудить противъ себя знатное англійское общество, что даже спустя двадцать лѣтъ ея дочь, уже вышедшая замужъ и предпринявшая очень подробное разслѣдованіе, чтобы раскрыть тайну своего рожденія, всетаки не могла ничего узнать съ достовѣрностью. Она могла только подозрѣвать, что лэди Гамильтонъ была ея матерью, но у нея не было никакихъ доказательствъ этого.

выхъ картинахъ на парадномъ вечерѣ, который устроилъ ея мужъ. Когда позднѣе Эмма и Нельсонъ представили сэру Вилльяму дѣвочку, какъ маленькую сиротку, въ которой они приняли участіе, то онъ не показалъ и тѣни подозрѣнія.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія Гораціи, на другой день послѣ отъѣзда адмирала, Эмма, преодолѣвая усталость и волненіе, возобновила свою прежнюю свѣтскую жизнь. Сэръ Вилльямъ находилъ нужнымъ поддерживать свои связи съ аристократическимъ кругомъ, и поэтому его пріемы и вечера отличались пышностью и блескомъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ присутствовалъ и принцъ Уэлльскій, выразившій желаніе послушать пѣніе Эммы. Нельсонъ, котораго удерживалъ въ Плимутѣ долгъ службы, былъ очень недоволенъ, узнавъ объ этомъ. Ему не нравилось, что Эмма выступаетъ публично, онъ ревновалъ ее. Во многихъ своихъ письмахъ онъ упрекаетъ ее за то, что она доставила принцу случай ухаживать за собой, и предостерегаетъ ее противъ него.

„Вы слишкомъ красивы!—пишетъ Нельсонъ.—Вы не можете не имѣть враговъ. Вы будете скомпрометированы при первомъ же удобномъ случаѣ. Между тѣмъ, моя дорогая, я слишкомъ хорошо знаю васъ и знаю, что никакой принцъ въ Европѣ не въ состояніи васъ совратить. Въ моихъ глазахъ вы—совершенство... Сэръ Вилльямъ долженъ былъ бы дать понять принцу, что вамъ неудобно принимать его у себя. Я нисколько не удивляюсь, что принцъ пожелалъ посѣщать васъ, но сэръ Вилльямъ долженъ былъ бы объясниться съ нимъ, и если принцъ—порядочный человѣкъ, то онъ долженъ прекратить свои частыя посѣщенія. Я не могу понять, какъ это сэръ Вилльямъ согласился принимать у себя принца! Если-бъ я былъ въ городѣ, то ничто бы не могло заставить меня провести у васъ этотъ вечеръ. Но, дорогая Эмма, я не осуждаю васъ, а только прошу васъ, вспоминайте о своемъ бѣдномъ, несчастномъ другѣ! Подумайте только, что вамъ придется показывать веселость и пѣть!... Я узналъ, что вы рѣшили никогда не бывать тамъ, гдѣ бываетъ принцъ, и вотъ теперь онъ самъ является къ вамъ!... Но я понимаю, что вы не можете ничего сдѣлать, не можете выставить его изъ своего дома. Однако я надѣюсь, что вы скажете сэру Вилльяму, чтобы онъ больше не принималъ его. Потому что никто, даже Эмма, не въ состояніи будетъ противостоять лести этого змѣинаго языка! Я огорченъ до глубины души... Успокойся же, мое бѣдное сердце! Эмма—вѣрное созданіе! Прости меня! Я знаю мою Эмму!... Не забывайте же, что у васъ былъ другомъ и очень близкимъ другомъ!—Нельсонъ.

Увы! Онъ потерялъ своего лучшаго, единственнаго друга, свою единственную любовь! Вспоминайте о немъ, объ этомъ бѣднягѣ!...

„Я сталъ спокойнѣе. Слезы доставили мнѣ облегченіе...“

Эмма написала Нельсону, что она надѣется избѣжать визита принца, и Нельсонъ тотчасъ воспрянулъ духомъ. Онъ старается поддержать ея рѣшимость и совѣтуетъ ей не быть дома, когда принцъ будетъ у нихъ обѣдать. „Если принцъ будетъ настаивать на своихъ посѣщеніяхъ, несмотря ни на что, то Эмма должна отсутствовать!“—пишетъ онъ.

Дѣйствительно, Эммѣ удалось избѣжать обѣда съ принцемъ, и Нельсонъ съ жаромъ благодарилъ ее за жертву, которую она принесла.

„Вашъ здравый смыслъ и твердость характера, которую вы высказали такъ кстати, должны сдѣлать васъ еще дороже для всѣхъ вашихъ друзей. Но никому вы не можете быть такъ дороги, какъ вашему старому и вѣрному другу Нельсону!—писалъ онъ.—Вы доказали, что умѣете противостоять всѣмъ приступамъ. Я горжусь вашимъ поведеніемъ и вашей неоцѣненной дружбой. Я бы желалъ, чтобъ вы были моей сестрой и я бы могъ отдать вамъ половину моего имущества...“

Эмма могла быть довольна своими свѣтскими успѣхами. Она все еще была красива и кромѣ того была достаточно знаменита своими приключеніями, поэтому и возбуждала интересъ англійскаго общества. Правда, при дворѣ ее не хотѣли принимать, и сэру Вилльяму пришлось являться на придворные пріемы безъ своей супруги. Это ужасно возмущало Нельсона, и онъ даже высказалъ Эммѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ свое удивленіе по поводу того, что сэръ Вилльямъ такъ легко примирился съ тѣмъ, что его жену не хотятъ приглашать ко двору.

„Я бы ни за что, на мѣстѣ сэра Вилльяма, не сталъ бы являться ко двору безъ своей жены и притомъ такой жены, съ которой никто сравниться не можетъ!...—писалъ Нельсонъ.—Добрякъ сэръ Вилльямъ долженъ, конечно, восхищаться вашимъ безупречнымъ поведеніемъ и вашей добродѣтелью...“

Въ теченіе всей зимы въ домѣ сэра Вилльяма не прекращались пріемы, обѣды и балы, столь же блестящіе, какъ бывало въ Неаполѣ. Къ концу же сезона Нельсонъ, воспользовавшись короткимъ отпускомъ, пріѣхалъ въ Лондонъ. Въ своихъ письмахъ къ Эммѣ онъ постоянно говорилъ о томъ, что нуждается въ отдыхѣ, спокойствіи. Но, разумѣется, никакой отдыхъ немыслимъ для него, если она не будетъ съ нимъ!

Нельсону хотѣлось пожить въ сельской обстановкѣ, и онъ

просилъ Эмму найти такое мѣсто, которое было бы не далеко отъ Лондона, но въ то же время представляло бы всѣ условія сельскаго уединенія. Онъ выражалъ желаніе купить такой небольшой загородный домъ съ паркомъ, гдѣ бы онъ могъ проводить свое свободное время и набираться силъ и здоровья послѣ всѣхъ трудностей своей службы.

Эмма съ радостью исполнила его желаніе. Она нашла очень хорошенькій загородный домикъ, съ паркомъ, садомъ, лугами, лѣсомъ. Это имѣніе называлось Мертонъ и находилось въ Графствѣ Сюррей. Мертонъ представлялъ также большую привлекательность и для сэра Вилльяма, такъ какъ черезъ имѣніе протекала маленькая и очень богатая рыбой рѣчка и сэръ Виллььямъ могъ предаваться своему любимому занятію—рыбной ловлѣ.

Эмма тотчасъ же написала Нельсону о своей находкѣ, и онъ отвѣчалъ ей восторженнымъ письмомъ, прося ее заняться дѣломъ покупки для него этого имѣнія, потому что онъ самъ еще не могъ такъ скоро получить отпускъ.

Послѣ подписанія амьенскаго мира Нельсонъ пріѣхалъ въ Мертонъ, который уже былъ готовъ къ его пріему.

Эмма, ея мать и сэръ Виллььямъ встрѣтили его на порогѣ его имѣнія. Друзья и сосѣди также явились привѣтствовать вернувшагося героя, и, къ великой радости Эммы, отецъ Нельсона снизошелъ къ ея просьбѣ, и къ пріѣзду Нельсона въ Мертонъ собралась вся его семья.

Въ Мертонѣ Эмма провела послѣдніе счастливые дни своей жизни.

Всякій разъ, когда Нельсонъ бывалъ въ Лондонѣ, онъ непремѣнно посѣщалъ миссисъ Джибсонъ, у которой воспитывалась его дочка Горація, и иногда часами игралъ съ нею. Ему очень хотѣлось на лѣто помѣстить дѣвочку въ Мертонѣ, вмѣстѣ съ ея воспитательницей, но онъ долго не рѣшался это сдѣлать, боясь возбудить подозрѣнія сэра Виллььяма. Но, наконецъ, когда Гораціи уже было $1\frac{1}{2}$ года, онъ написалъ сэру Виллььяму письмо, гдѣ говорилъ о ней, какъ о сироткѣ незаконнаго происхожденія, которая вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ оказалась на его попеченіи. „Вы навѣрное вспомните, что я говорилъ съ вами и миледи, еще до нашего отъѣзда изъ Италіи, объ этомъ ребенкѣ“, прибавлялъ онъ въ письмѣ, съ цѣлью, конечно, отвратить подозрѣнія, что матерью этого ребенка могла быть лэди Гамильтонъ.

Сэръ Виллььямъ прочелъ это письмо Эммѣ и съ удивленіемъ сказалъ:

— Онъ говорилъ о ребенкѣ до нашего отъѣзда изъ Италіи? Я что-то не помню! Ты знаешь что-нибудь объ этомъ?

— Кажется, это было въ Ливорно... когда мы брали изъ консульства письма,—съ усиліемъ проговорила Эмма.

— Можетъ быть, можетъ быть! Я могъ и не обратить вниманія въ суматохѣ. Вѣдь тогда мы получили извѣстіе о Маренго... Во всякомъ случаѣ, это немного странно, что Нельсонъ спрашиваетъ у насъ разрѣшенія привезти сюда дѣвочку. Вѣдь Мертонъ принадлежитъ ему! Впрочемъ, онъ всегда высказывалъ необыкновенную деликатность и боится теперь, что насъ можетъ обезпокоить дѣтскій крикъ... Но домъ достаточно великъ. А ты какъ думаешь? Что же мнѣ написать ему отъ тебя?

— Что я буду очень рада и съ удовольствіемъ буду заботиться объ этомъ ребенкѣ.

— Вѣрю, вѣрю,—замѣтилъ сэръ Вилльямъ и улыбнулся.

Эмма немного поблѣднѣла.

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Да вѣдь ты же всегда хотѣла имѣть ребенка! Эта маленькая сиротка Нельсона является очень кстати. У васъ, у женщинъ, вѣдь очень развито материнское чувство...

Черезъ два дня послѣ этого миссисъ Джибсонъ привезла маленькую Горацію въ Мертонъ.

Весной 1803 года сэръ Вилльямъ началъ прихварывать. Онъ не хотѣлъ однако обращаться къ врачу, несмотря на уговоры Эммы и Нельсона. Однако онъ все же переѣхалъ въ Лондонъ, вмѣстѣ съ Нельсономъ, который поселился въ его отелѣ въ Пикадилли. Вообще, Нельсонъ теперь совершенно не разставался съ Гамильтонами, и они всюду появлялись втроемъ. Сэръ Вилльямъ при всякомъ удобномъ случаѣ восхищался Нельсономъ и превозносилъ его честность, геройство, его правдивость и искренность. Впрочемъ, и Нельсонъ оказывалъ ему много вниманія. Когда сэръ Вилльямъ почувствовалъ себя больнымъ, то Эмма, вмѣстѣ съ Нельсономъ, ухаживала за нимъ. Сэръ Вилльямъ радовался, когда приходилъ Нельсонъ, протягивалъ ему обѣ руки, заставлялъ его садиться возлѣ себя и предавался воспоминаніямъ о былыхъ дняхъ, о жизни въ Неаполѣ... Онъ уже почти не вставалъ со своего кресла, въ которомъ проводилъ цѣлые дни. Утромъ Эмма приходила завтракать съ нимъ; являлся и Нельсонъ.

Однажды утромъ онъ сказалъ Нельсону:

— Я думаю, вы теперь будете заняты приготовленіями къ походу въ Средиземное море, который вамъ предстоитъ, и у васъ не останется времени для больного старика. Поэтому я хочу се-

годня проститься съ вами. Вы должны подарить мнѣ часъ. Послѣ того мы разстанемся.

Нельсонъ и Эмма смущенно переглянулись, удивленные странной торжественностью его рѣчи, но ничего не сказали. Сэръ Вилльямъ продолжалъ безпечно болтать, полулежа въ своемъ креслѣ и какъ будто ничего не замѣчая.

Помнятъ ли они доктора Чирилло и его теорію насчетъ истеріи мужчинъ и женщинъ? Смѣшной этотъ докторъ! Какъ онъ боялся, что Эмма и Нельсонъ будутъ вредно вліять другъ на друга! Вышло какъ разъ наоборотъ. Только возвышенное, хорошее и благородное родилось изъ ихъ дружбы! Величіе Англіи, слава Нельсона, счастье Эммы!...

Ахъ, этотъ Чирилло плохо зналъ природу, хотя и былъ врачомъ! Онъ не думалъ о томъ, что геройство порождается желаніемъ вызвать восхищенный взглядъ женщины.

Говоря это, сэръ Вилльямъ улыбался Эммѣ и, взявъ ее за руку, прибавилъ, что ее надо благодарить за то, что она сдѣлала изъ Нельсона героя. Да, героя, величіе котораго равнялось ея красотѣ... и было такъ же чисто, какъ ея красота, такъ же непорочно и безукоризненно, безъ малѣйшаго пятна!

Бѣдняга Чирилло опасался, что двое людей, такихъ какъ Эмма и Нельсонъ, непремѣнно воспылаютъ другъ къ другу страстью. Но сэръ Вилльямъ доказалъ ему, что онъ ошибался. Нельсонъ—британецъ, настоящій джентльменъ, который, конечно, никогда бы не могъ такъ поступить, какъ соотечественники Чирилло, итальянцы!

Ласково улыбаясь и словно не замѣчая смущенія Эммы и Нельсона, сэръ Вилльямъ продолжалъ говорить въ шутливомъ тонѣ и, взявъ Нельсона за руку, дружески пожалъ его и поблагодарилъ его за то, что онъ пощадилъ его сѣдые волосы, не сдѣлалъ его посмѣшищемъ и не отнялъ у старика молодой жены.

Въ самомъ дѣлѣ, что сталъ бы онъ дѣлать, если-бъ Нельсонъ обманулъ его? Неужели онъ сталъ бы поступать, какъ „Томъ Титъ“ (насмѣшливое прозвище, данное въ семьѣ Нельсона его женѣ), и вызвалъ бы публичный скандалъ, разгласивъ свое несчастье? Развѣ надъ нимъ не стали бы смѣяться, какъ надъ старымъ обманутымъ мужемъ?

Не лучше ли было бы, если-бъ онъ подавилъ свой гнѣвъ, свое возмущеніе и не показывалъ бы вида, представившись довѣрчивымъ и ничего не замѣчающимъ мужемъ?

Но Эмма и Нельсонъ избавили его отъ этого позора. Онъ отъ души благодаренъ имъ, и его дорогая Эмма увидитъ это изъ его

завѣщанія. Что же касается Нельсона, то онъ и ему хочетъ сдѣлать подарокъ—на память!

Помнитъ ли Нельсонъ брошку съ миніатюрнымъ портретомъ Эммы? Эмма носила ее на поясѣ въ тотъ день, когда Нельсонъ вернулся послѣ Абукира. Конечно, Нельсонъ былъ бы радъ получить этотъ портретъ!

— Я хочу сдѣлать вамъ сюрпризъ, Гораціо,—проговорилъ сэръ Вилльямъ, тяжело дыша.—Мнѣ хочется ее подарить вамъ... Моя дорогая, дай мнѣ ящичекъ, который стоитъ тамъ на столѣ...

Эмма молча повиновалась, но колѣни у нея слегка дрожали и въ душу закрадывался страхъ. Къ чему ведетъ свою рѣчь сэръ Вилльямъ? Какую цѣль онъ преслѣдуетъ?

Она подала ему ящичекъ. Сэръ Вилльямъ раскрылъ его и досталъ оттуда застежку съ миніатюрой Эммы.

— Откуда ты взялъ ее?—вскричала Эмма.—Я такъ давно потеряла ее! Столько лѣтъ!... Въ послѣдній разъ я ее надѣвала на праздникъ въ вилла Позилиппо...

Сэръ Вилльямъ пристально посмотрѣлъ на нее и медленно проговорилъ:

— Ты ошибаешься. Ты надѣвала ее послѣ этого... въ ту ночь, когда мы вернулись въ палаццо и ты... пошла къ Нельсону...

Эмма вздрогнула, точно отъ удара, но сэръ Вилльямъ продолжалъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ:

— Я ее нашелъ на слѣдующее утро... за диваномъ. Я зналъ, что она тамъ лежитъ. Я видѣлъ, какъ она свалилась, когда ты бросилась въ объятія Нельсона... Да, эти старые итальянскіе дворцы опасны для влюбленныхъ! Всюду есть тайные ходы, потайныя двери, скрытыя отверстія... Цѣлую ночь я смотрѣлъ на васъ, какъ вы цѣловались!... И потомъ... Я всегда слѣдилъ за вами, но вы ничего не замѣчали. Отъ меня же вы не могли укрыться нигдѣ!...

Весь дрожа отъ негодованія и ужаса, Нельсонъ вскричалъ:

— Зачѣмъ же вы не молчали до конца? Зачѣмъ вы говорите объ этомъ теперь, когда все равно уже ничего не поправишь?...

Сэръ Вилльямъ, собравъ послѣднія силы, приподнялся въ креслѣ. По лицу его блуждала злорадная улыбка.

— Что-жъ, неужели я долженъ былъ оставаться въ вашихъ глазахъ дуракомъ до самой смерти? Бѣднымъ идіотомъ, который ничего не видитъ и не понимаетъ, заставляя васъ сострадательно пожимать плечами?... Ахъ нѣтъ, мой добрый Гораціо! Украшенный блестящими пестрыми перьями славы, ты могъ прельстить птичку и отнять ее у стараго самца. Но теперь и ты

сраженъ! Эмма, скажи, развѣ ты не восхищаешься вѣчно смѣющимся философомъ, великимъ комедіантомъ, какимъ я былъ всю жизнь?...

Вдругъ онъ откинулся въ кресло, и голова его безсильно повисла. Но губы продолжали шептать:

— Нравится вамъ этотъ ходъ?... Не правда ли, я эфектно ухожу со сцены?... Аплодируйте же, мои друзья... браво!... браво!...

Онъ точно захлебнулся, руки начали хватать воздухъ. Потомъ судорога пробѣжала по всему тѣлу, голова склонилась на сторону, и все было кончено.

Сэра Вилльяма не стало!

Быть можетъ, только тогда, когда мужъ ея умеръ, Эмма отдала себѣ отчетъ, какое большое мѣсто въ ея жизни занималъ этотъ человѣкъ, которому въ сущности она была обязана всѣмъ своимъ положеніемъ. Позднѣе въ ея бумагахъ была найдена коротенькая замѣтка: „16 апрѣля—роковой день для несчастной Эммы! Въ 10 часовъ 10 минутъ утра сэръ Вилльямъ, мой дорогой супругъ, покинулъ меня...“

Сэръ Вилльямъ былъ погребенъ въ фамильномъ склепѣ, рядомъ со своей первой женой. Черезъ мѣсяцъ было вскрыто завѣщаніе. Гревилль наслѣдовалъ все. Эмма получала единовременно 800 ф. и годовую ренту въ тѣхъ же размѣрахъ.

Спустя двѣ недѣли Гревилль грубымъ и безцеремоннымъ образомъ попросилъ ее въ три дня оставить домъ, который больше не принадлежалъ ей. По приглашенію Нельсона Эмма перебралась въ Мертонъ.

Нельсонъ написалъ Маріи Каролинѣ о несчастіи, постигшемъ Эмму. Сообщилъ ей содержаніе завѣщанія сэра Вилльяма. Для Эммы, привыкшей къ расточительной жизни и имѣвшей много долговъ, наступили трудныя времена.

Только въ концѣ лѣта было получено письмо отъ Маріи Каролины. Офиціальное выраженіе сочувствія—ничего больше! Эмма горько улыбнулась, вспомнивъ надпись, сдѣланную королевой на медальонѣ, подаренномъ ей въ дни бѣдствія: „Вѣчная благодарность“. Благодарность королей!...

XXXIV.

Два долгихъ года разлуки, тоски!...

Нельсонъ отплылъ на кораблѣ „Victory“ въ Средиземное море черезъ мѣсяцъ послѣ смерти сэра Вилльяма, въ маѣ 1803 года и вернулся въ Англію только въ августѣ 1805 года.

Нельсону уже минуло 47 лѣтъ. Изъ нихъ онъ 35 лѣтъ провелъ на морѣ и въ чужихъ странахъ. Пріѣхавъ въ Мертонъ, онъ сказалъ Эммѣ, что хочетъ теперь отдохнуть и намѣренъ выйти въ отставку. Достаточно онъ послужилъ своему отечеству! И славы больше ему не надо.

Онъ не хотѣлъ больше разставаться съ Эммой и своимъ ребенкомъ и радужными красками рисовалъ себѣ жизнь съ ними. Правда, лэди Нельсонъ попрежнему ни за что не соглашалась на разводъ, и онъ не могъ назвать своей женой ту, которую любилъ. Но онъ не могъ жить безъ Эммы, и все равно ихъ связь уже ни для кого не была тайной. А можетъ быть, судьба сжалится надъ ними!...

Но этимъ мечтамъ о спокойной жизни съ Эммой не суждено было осуществиться.

Въ сентябрѣ въ Мертонъ явился посланный адмиралтейства, капитанъ Блэквудъ. Онъ привезъ важныя новости. Наполеонъ возобновилъ свои враждебныя дѣйствія, и Вилльнёвъ появился внезапно во главѣ соединенной эскадры франко-испанскаго флота. Въ виду надвигающейся опасности англійское адмиралтейство снова обращалось къ Нельсону съ просьбой взять на себя командованіе флотомъ. Одно его имя обезпечивало побѣду.

Гордость Нельсона получила величайшее удовлетвореніе въ эту минуту. Тѣ самые лорды адмиралтейства, которые всегда свысока смотрѣли на него и вѣчно воздвигали ему препятствія, теперь, какъ милости, просили его снова вернуться на службу и повести флотъ на врага! Притомъ же и мысль „задать хорошую встрёпку“ Вилльнёву была очень соблазнительна. Нельсонъ даже почувствовалъ, что кровь стала быстрѣе обращаться въ его жилахъ.

Но это продолжалось недолго. Усталость, жажда покоя и боязнь разлуки съ Эммой взяли верхъ надъ его военнымъ энтузіазмомъ. Онъ сказалъ Блэквуду, что подумаетъ, и просилъ его прійти завтра за отвѣтомъ.

Онъ долго совѣщался съ Эммой, разгуливая по главной аллеѣ парка, впослѣдствіи названной „аллеей адмирала“. И на этотъ разъ Эммѣ пришлось уговаривать его дать свое согласіе. Онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Мертона! Развѣ онъ мало потрудился для отечества? Развѣ онъ не заслужилъ отдыха?

Ахъ, Эмма отлично понимала его! Но развѣ онъ не пожалѣетъ впослѣдствіи о своемъ отказѣ? Развѣ въ глубинѣ души онъ не жаждалъ новыхъ подвиговъ, новой славы?

Самсонъ и Далила! Эти слова, произнесенныя нѣкогда Джо-

шуа, вдругъ вспомнились Эммѣ. Неужели она будетъ причислена къ тѣмъ женщинамъ, которыя, пользуясь любовью мужчины, лишаютъ его мужества, уничтожаютъ въ немъ гордость и превращаютъ героя въ трусливую бабу!

Кровь бросилась ей въ голову. Она взглянула на Нельсона блестящими глазами и, схвативъ его за плечо, стала доказывать ему, что онъ долженъ ѣхать, долженъ отправляться туда, куда призываетъ его долгъ. Что за важность, если погибнетъ она, погибнетъ его ребенокъ? Что значили они передъ его славой? Какія-то пылинки, которыя уносятся вѣтромъ безъ слѣда! Онъ—герой—долженъ возвышаться надъ всѣми и стоять твердо, подобно гранитной скалѣ. Пусть всѣ, глядя на него, черпаютъ мужество и силу! Пусть онъ остается великимъ примѣромъ, образцомъ для всѣхъ!

Позднѣе Эмма, вспоминая эту тяжелую сцену, со слезами говорила: „Развѣ я когда-нибудь удерживала его возлѣ себя? Развѣ я не заботилась, не берегла его славу? Развѣ не я заставила его уѣхать, чтобы одержать эту послѣднюю роковую побѣду?... Онъ дружески похлопалъ меня по плечу, назвалъ своей милой, мужественной Эммой и во всеуслышаніе сказалъ, что если-бъ было больше на свѣтѣ такихъ женщинъ, какъ я, то было бы больше Нельсоновъ!...“

Черезъ нѣсколько дней Нельсонъ уѣхалъ изъ Мертона, чтобы больше никогда туда не возвращаться...

21 октября 1805 года произошла знаменитая трафальгарская битва. Изъ огромной Армады Наполеона уцѣлѣло только десять судовъ. Господство Англіи на морѣ было утверждено окончательно. Новый вѣнецъ славы увѣнчалъ главу Нельсона, но это былъ также вѣнецъ смерти...

Долго Эмма не могла оправиться послѣ этой страшной вѣсти. Цѣлыми часами она сидѣла неподвижно и глядѣла въ одну точку, словно ждала, что вотъ появится ея возлюбленный и позоветъ ее... И одна неотвязная мысль сверлила у нея въ мозгу: она сама послала его на смерть!...

Эмма переѣхала въ Лондонъ и помѣстилась, вмѣстѣ съ Гораціей, въ небольшой квартирѣ, которую наняла теперь. Тамъ навѣстилъ ее капитанъ Гарди, привезшій ей локонъ волосъ покойнаго Нельсона и неоконченное письмо, найденное въ его каютѣ на письменномъ столѣ.

Нельсонъ не успѣлъ кончить этого письма. Приближеніе врага заставило его бросить перо и выбѣжать на палубу, чтобы дать сигналъ судамъ своей эскадры начать сраженіе

„Англія ждетъ, что каждый выполнитъ свой долгъ!“ Такъ гласилъ послѣдній сигналъ, данный Нельсономъ. Въ то же время это было правиломъ всей его жизни...

Обливаясь слезами, Эмма поцѣловала локонъ волосъ и послѣднія строки, написанныя рукой ея возлюбленнаго.

— Разскажите мнѣ,—спрашивала она капитана Гарди, задыхаясь отъ рыданій,—разскажите мнѣ о его послѣднихъ минутахъ! Я все, все хочу знать... Я читала въ газетахъ... Онъ былъ раненъ пулей въ спинной мозгъ... Онъ прикрылъ свое лицо, чтобъ не испугать своей команды, и его отнесли въ трюмъ... Ну а потомъ? Гарди, что онъ говорилъ вамъ? Какъ онъ умеръ? Скажите мнѣ все, все...

— Я не могъ быть возлѣ него все время, милэди,—сказалъ капитанъ Гарди.—Мѣсто капитана во время битвы должно быть на палубѣ. Но я нѣсколько разъ приходилъ къ нему и принесъ ему извѣстіе, что десять непріятельскихъ судовъ спустили флагъ. Онъ радостно улыбнулся и поблагодарилъ меня... Потомъ словно тѣнь пробѣжала по его лицу, и онъ сказалъ мнѣ: „Гарди, я погибъ!... Конецъ близится... Ахъ, если бы только я могъ дожить до окончательной, большой побѣды!... Подойдите ко мнѣ, Гарди! Отрѣжьте у меня локонъ волосъ. Вы отвезете его и все, что здѣсь принадлежитъ мнѣ, лэди Гамильтонъ. Слышите, Гарди? Я прошу васъ объ этомъ...“ Я обѣщалъ ему, и снова улыбка освѣтила его лицо. Вдругъ раздался страшный залпъ, потрясшій судно до основанія. Выстрѣлы продолжались безъ перерыва и болѣзненно отражались на нервахъ умирающаго. Онъ вздрагивалъ каждый разъ и шепталъ: „О „Victory“ (названіе его любимаго судна, на которомъ онъ находился), какъ ты заставляешь меня страдать!...“

— Что же потомъ?... Потомъ?...—шептала Эмма.

— Потомъ меня вызвали на верхъ. Когда я вернулся черезъ часъ, онъ уже исповѣдывался нашему судовому духовнику. Вдругъ онъ приподнялся и съ усиліемъ проговорилъ: „Помните, докторъ, что я говорилъ вамъ. Я завѣщаю лэди Гамильтонъ и мою дочь Горацію моему отечеству... моему отечеству и королю! Слава Богу, что я могъ выполнить свой долгъ...“ Судороги прервали его рѣчь. Когда онъ немного успокоился и замѣтилъ меня, то я сообщилъ ему, что уже четырнадцать непріятельскихъ судовъ взяты. Онъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ двинуться и только чуть-чуть пошевелилъ рукой. „Четырнадцать?—прошепталъ онъ.—А я разсчитывалъ, что двадцать!“ Такъ и было на самомъ дѣлѣ, но я не могъ съ точностью сосчитать во время сраженія. Онъ глубоко вздохнулъ и, посмотрѣвъ на меня, прого-

ворилъ съ трудомъ: „Позаботьтесь о моей дорогой лэди Гамильтонъ... думайте о ней... Поцѣлуйте меня, Гарди!...“ Я сталъ на колѣни возлѣ него и нагнулся къ самому лицу умирающаго, чтобы слышать его: „Ближе, ближе, Гарди,—шепталъ онъ.—Я умираю!... Еще одна просьба... Когда я умру...“

Гарди запнулся, точно испугавшись того, что хотѣлъ сказать.

— Говорите! Говорите!—молила его Эмма.

Гарди всталъ. Лицо его было блѣдно, руки дрожали.

— Гарди, между нами не было тайнъ,—проговорила Эмма.— Я знала и его страданія, и его борьбу, и сомнѣнія, раздиравшія его душу. Если онъ поступалъ порой неправильно, то это было противъ своей воли. Мы вдвоемъ несемъ отвѣтственность за все. Мы вмѣстѣ боролись съ мучительными воспоминаніями... О чемъ же онъ просилъ васъ въ послѣднюю минуту?...

— Онъ говорилъ: „Когда я умру, Гарди, не бросайте меня въ море... Не бросайте меня въ море!...“—тихо, почти шопотомъ, отвѣчалъ Гарди.

Холодная дрожь пронизала Эмму. Она невольно закрыла глаза, чтобы отогнать отъ себя страшное видѣніе...

И всетаки въ ея памяти воскресла ужасная картина: залитый солнцемъ лазурный заливъ и медленно плывущій мертвецъ, какъ будто явившійся, чтобъ потребовать къ отвѣту своихъ судей...

Не представилось ли Нельсону въ послѣднюю минуту это самое видѣніе?...

— Вы обѣщали ему Гарди?—съ трудомъ проговорила Эмма.

— Да,—отвѣчалъ Гарди. Тогда онъ тихо прошепталъ: „Я доволенъ... Да благословитъ тебя Богъ!... Но вѣдь я исполнялъ свой долгъ... свой долгъ... Эмма!...“

— А потомъ?

Глаза капитана наполнились слезами.

— Потомъ... все было кончено!...

Эмма хотѣла умереть. Жизнь потеряла для нея всякую цѣну. Но оставалась Горація... Она была завѣщана ей Нельсономъ...

Нельсонъ говорилъ ей о своемъ завѣщаніи. Говорилъ объ этомъ и доктору Скотту и Гарди. Эмма справилась, гдѣ осталось имущество Нельсона, его записки, письма, замѣтки...

Гарди сообщилъ ей, что онъ все запечаталъ и передалъ капитану Блэквуду. Въ адмиралтействѣ вскрыли пакетъ, вынули оттуда офиціальныя бумаги, а всѣ частныя письма отдали брату покойнаго адмирала, Вилльяму Нельсону, какъ уполномоченному его семьи.

Эмма написала Вилльяму. Она была съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и онъ часто гостилъ у нея въ Мертонѣ. Получивъ

ея письмо, онъ тотчасъ пріѣхалъ къ ней и сказалъ, что онъ еще не успѣлъ разсмотрѣть бумагъ, оставленныхъ Нельсономъ. Но Эмма можетъ быть увѣрена, что онъ тотчасъ же пришлетъ ей приписку къ завѣщанію, въ которой Нельсонъ выражаетъ свою послѣднюю волю, какъ только найдетъ ее. Желанія дорогого покойника священны для него!

Онъ клялся Эммѣ, завѣрялъ ее въ своемъ братскомъ участіи, но она чувствовала, что въ ея душу закрадывается недовѣріе. Но что же она могла сдѣлать? Передъ закономъ у нея не было никакихъ правъ. Она была Эмма Гамильтонъ! А Горація?... Она тоже была безправна. У нея даже не было имени...

Съ напряженнымъ и тревожнымъ вниманіемъ Эмма просматривала отчеты о засѣданіяхъ парламента. Она знала, что тамъ будутъ говорить о Нельсонѣ и о способахъ почтить память героя. И вотъ она прочла наконецъ, что братъ его сдѣланъ пэромъ и ему назначена годовая рента въ 2,000 фунтовъ. Кромѣ того, вотировано 120,000 фунтовъ на покупку фамильнаго имѣнія. Такая же рента дана и лэди Нельсонъ; единовременное вознагражденіе назначено сестрамъ Нельсона.

О Горації никто не подумалъ...

Но въ тотъ же вечеръ Эмма получила отъ новаго пэра пакетъ, присланный съ посыльнымъ.

Виллььямъ, наконецъ, нашелъ приписку къ завѣщанію и посылалъ ее Эммѣ. Нельсонъ перечислялъ въ этой запискѣ всѣ услуги, оказанныя Эммой отечеству, и обращался къ королю и націи, которымъ и поручалъ Эмму Гамильтонъ. Справедливость требуетъ, чтобы они позаботились о ней и дали ей возможность занимать то положеніе, которое ей принадлежитъ по праву. Также точно онъ поручалъ имъ и свою пріемную дочь Горацію, выражая при этомъ желаніе, чтобы она носила его имя...

Можетъ быть, братъ Нельсона не безъ цѣли удержалъ у себя эту приписку до той минуты, пока не закончилось въ парламентѣ обсужденіе вопроса о вознагражденіи близкихъ родственниковъ Нельсона? Можетъ быть, это обсужденіе приняло бы другой характеръ, если-бъ сдѣлалась извѣстна послѣдняя воля Нельсона?

Вообще Эммѣ скоро пришлось убѣдиться, что Вилльямъ Нельсонъ вовсе не намѣренъ былъ исполнить волю брата и даже оспаривалъ ея право получить что-нибудь по завѣщанію.

Однако Эмма рѣшила не уступать. Ей надо было обезпечить судьбу Гораціи, и она надѣялась, что совѣтъ министровъ приметъ во вниманіе приписку Нельсона и, во вниманіе къ ея прежнимъ заслугамъ, вознаградить ее теперь. Она написала министру

иностранныхъ дѣлъ, лорду Гренвиллю, съ которымъ не разъ переписывалась раньше, когда онъ былъ статсъ-секретаремъ, и сообщала ему разныя важныя свѣдѣнія, полученныя ею отъ Маріи Каролины. Лордъ Гренвилль, слѣдовательно, зналъ, что̀ она сдѣлала для Англіи, и Эмма считала себя въ правѣ разсчитывать на его заступничество. Къ письму она приложила записку Нельсона.

Лордъ Гренвилль отвѣтилъ ей холодно-вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что, можетъ быть, передастъ записку Нельсона королю...

Но развѣ могла Эмма надѣяться на милость короля, который не хотѣлъ простить сэру Вилльяму неравнаго брака и, разумѣется, не прощалъ Нельсону его связи съ ней, бывшей служанкой?...

Всѣ старанія Эммы были напрасны. Притомъ же и общественное мнѣніе Англіи было противъ нея. Волненіе, вызванное трагическою смертью Нельсона, улеглось, и жалость, которую Эмма возбуждала вначалѣ, уже испарилась. О той роли, которую она играла въ Неаполѣ десять лѣтъ тому назадъ, успѣли позабыть, и ея имя вызывало только воспоминаніе о скандалѣ. Ее обвиняли въ томъ, что она, вступивъ въ связь съ Нельсономъ, запятнала его славу, повредила его репутаціи. Появились памфлеты, каррикатуры, осмѣивавшія ее, и на несчастную женщину, за которую теперь уже некому было заступиться, выливались цѣлые потоки грязи.

Почти всѣ прежніе друзья покинули ее. Одинъ изъ нихъ написалъ ей, что для нея, для Англіи и для всѣхъ будетъ самое лучшее, если она удалится куда-нибудь, чтобы о ней могли позабыть какъ можно скорѣе.

Ко всему этому присоединилась нужда.

Эмма не умѣла считать. Она давно уже отвыкла отъ той мелочной расчетливости и экономіи, къ которой ее такъ старательно пріучалъ Гревилль, когда она жила съ нимъ. Теперь ей трудно было возвращаться къ прежнему образу жизни. Къ довершенію же несчастья умерла ея мать, которая всегда была для нея большой поддержкой...

Вскорѣ Мертонъ, служившій ей убѣжищемъ, былъ проданъ съ молотка. Эмма обратилась къ ростовщикамъ, закладывала свои вещи. Раза два ее выручали прежніе друзья, пожалѣвшіе о ней. Но затѣмъ и они отказались отъ нея. Тогда для нея открылись двери долговой тюрьмы...

Но никогда, въ самые тяжелые дни бѣдствія, она не поддалась искушенію и не выдала тайны рожденія Гораціи. Она не хотѣла, чтобы Горація раздѣлила съ ней ея позоръ, и поэтому скрывала, что она ея мать. Она говорила, что Горація дочь Нельсона и одной „очень высокопоставленной особы“, которую она не

считаетъ себя въ правѣ назвать. И никогда она не истратила на себя ни одного пенни изъ денегъ, оставленныхъ Нельсономъ на воспитаніе Гораціи...

Еще разъ къ ней пришли на помощь сестры Нельсона и выручили ее изъ долговой тюрьмы, съ условіемъ чтобы она покинула Англію. Она согласилась и съ 50-ю фунтами въ карманѣ уѣхала во Францію, захвативъ съ собой Горацію, съ которой никогда не разставалась.

Изъ Кале, гдѣ она поселилась, она написала одному изъ прежнихъ друзей Нельсона, сэру Вилльяму Скотту, принимавшему въ ней нѣкоторое участіе.

„Кале, 14 сентября 1814 г.

„Тысяча благодарностей, дорогой сэръ Вилльямъ, за ваше доброе письмо! Если бы будущее Гораціи было обезпечено, то я бы умерла счастливая! Только бы у меня была какая-нибудь возможность облегчить ея участь, закончить ея образованіе! Богу извѣстно, какъ я буду благословлять тѣхъ, кто поможетъ мнѣ исполнить это мое послѣднее желаніе.

„Горація читаетъ, пишетъ и говоритъ по-итальянски, по-французски и по-англійски. Теперь я учу ее нѣмецкому и испанскому языку. Въ музыкѣ она тоже дѣлаетъ большіе успѣхи.

„Ахъ, я удивляюсь, какъ я могу жить съ моимъ разбитымъ сердцемъ! Я слишкомъ много видѣла въ жизни и жалѣть мнѣ больше не о чемъ! Но подумайте о положеніи дочери Нельсона! Можете ли вы осуждать меня за то, что я чувствую. Я, привыкшая до сихъ поръ давать—и Богу извѣстно, сколько разъ я помогала людямъ въ несчастьѣ!—въ настоящую минуту дошла до того, что почти должна просить милостыни“...

Дѣйствительно, положеніе Эммы становилось все хуже. Все, что она имѣла въ Англіи, сдѣлалось достояніемъ ея кредиторовъ, и въ довершеніе всего наслѣдникъ Гревилля (онъ самъ уже умеръ въ это время) отказался выплачивать ей ренту, придравшись къ какому-то пункту въ завѣщаніи. Нѣкогда блестящая лэди Гамильтонъ дошла почти до нищеты. Она жила въ окрестностяхъ Кале, на жалкой фермѣ, но не теряла бодрости духа и утѣшала себя тѣмъ, что въ деревнѣ она пользуется хорошимъ воздухомъ и жизнь стоитъ дешевле. Но зимой она всетаки перебралась въ городъ.

Въ январѣ 1815 г. одна старая англичанка, по имени миссисъ Гюнтеръ, живущая въ Кале, зашла въ лавку мясника на Rue française, чтобы пожаловаться хозяину на то, что ей отпустили плохую говядину для ея собакъ.

Какъ разъ, когда она высказывала свою претензію, въ лавку вошелъ одинъ бѣдный англійскій учитель.

— Ахъ, madame!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Я знаю, что вы принимаете участіе въ своихъ соотечественникахъ. Въ двухъ шагахъ отсюда живетъ одна дама въ большой нуждѣ. Она съ радостью приняла бы кусокъ того мяса, который показался вамъ слишкомъ плохимъ для вашихъ собакъ...

Миссисъ Гюнтеръ съ удивленіемъ взглянула на него.

— Дама? Кто же такая? Я съ радостью готова была бы помочь ей. Скажите мнѣ ея имя!

Учитель нѣсколько смущенно поглядѣлъ въ сторону лавочника, потомъ, нагнувшись къ миссисъ Гюнтеръ, шепнулъ ей имя.

Миссисъ Гюнтеръ вздрогнула.

— Возлюбленная Нельсона!...—проговорила она.

Поспѣшно выйдя изъ лавки, она попросила учителя показать ей, гдѣ живетъ эта несчастная.

На порогѣ жалкаго домика, гдѣ очевидно ютились только бѣдняки, они встрѣтили дѣвочку лѣтъ четырнадцати.

— Что, матушка ваша дома, миссъ Нельсонъ?—спросилъ ее учитель.

Горація сердито посмотрѣла на него.

— Я уже говорила вамъ, что эта женщина не моя мать!— сказала она.—Лэди Гамильтонъ больна, лежитъ въ постели. Вы можете подняться къ ней...

Миссисъ Гюнтеръ поднялась по темной, плохой лѣстницѣ и постучала въ дверь. Отвѣта не было. Тогда она вошла.

На постели, повернувшись къ стѣнѣ, лежала лэди Гамильтонъ. Казалось, она спала. Съ подушки, покрытой грубой наволочкой, свѣшивалась прядь ея сѣдыхъ волосъ...

Комната была совершенно пустая и холодная. Только надъ постелью висѣли два портрета: миссисъ Кадогенъ и Нельсона...

Миссисъ Гюнтеръ подошла ближе. Позвала лэди Гамильтонъ по имени. Но она не отвѣчала и даже не пошевельнулась. Миссисъ Гюнтеръ нагнулась къ ней... Она была мертва!

Въ рукахъ умершей былъ маленькій портретъ въ темной рамкѣ— портретъ человѣка, котораго она любила больше всего на свѣтѣ!...

Такъ умерла, въ самой жалкой обстановкѣ, всѣми покинутая и забытая, Эмма Гамильтонъ, бывшая подругой королевы и возлюбленной героя, нѣкогда блестящая красавица, имя которой гремѣло въ Европѣ и красота которой вдохновляла величайшихъ художниковъ Англіи...

Э. Пименова.

Два стихотворенія.

1.

Протяжная пѣсня.

Звени,
звени, кольцо кандальное,
завейтесь въ цѣпи, злые дни.
Тянись,
мой путь, въ изгнанье дальнее,
гдѣ вихри блѣдные сплелись.

Въ полночь,
когда уснутъ вожатые,
безшумно отползу я прочь.
Собью,
собью кольцо проклятое,
переломлю судьбу мою.

Прими,
прими, тайга жестокая,
меня, гонимаго людьми.
Сокрой,
укрой, ледяноокая,
морозной ризой, колкой мглой.

Бѣгутъ
пути, никѣмъ не слѣжены,
куда ведутъ? куда ведутъ?
Иди,
иди тайгой оснѣженный...
и будь, что будетъ, впереди.

Звѣзда,
звѣзда горитъ,—та самая,
которую любилъ всегда.

Гори,
гори, межъ тучъ, звѣзда моя,
о вольной волѣ говори.

Поетъ
мнѣ вѣтеръ пѣсню смѣлую,
впередъ, свободнаго, зоветъ.
Метель,
метель свиваетъ бѣлую,
свиваетъ вѣчную постель.

Любви,
любви тоску незримую
о Смерть, о Мать, благослови.
Прильну,
склонюсь на грудь любимую,
и, вольный, вольно я усну...

2.

Крылатые.

Въ дыму зеленомъ ивы...
Камеліи—блѣдны...
Нежданно-торопливы
Шаги чужой весны.

Томленье, воскресанье
Фіалковыхъ полей,
И бѣлое дыханье
Зацвѣтшихъ миндалей.

По зо̀рямъ—все краснѣе
Долинная рѣка,
Воздушнѣй Пиренеи,
Червоннѣй облака.

И, средь небесъ горящихъ,
Какъ золото желты—
Людей, въ зарю летящихъ,
Пѣвучіе кресты.

Рап, февраль.

З. Гиппіусъ.

СЕМЬЯ БЕРИЛЬ.

Романъ **Полины Вальми.**

(*Pauline Valmy:* „Les Berilles“. *Mercure de France,* 1911—1912).

I.

— Роза! Леони! Спуститесь ли вы, наконецъ?

Г-жа Бериль стояла въ сѣняхъ своего дома, запрокинувъ голову, опираясь на перила лѣстницы, и рѣшительно теряла терпѣніе:

„Восемь часовъ,—разсуждала она сама съ собой, держась за круглую стеклянную ручку,—а эти двѣ бездѣльницы все еще наверху занимаются своими прическами!... Намъ не сдать сегодня заказа!“

Она крикнула раздраженнымъ голосомъ:

— Это невыносимо! Сестры давно уже за работой!... Нечего болтаться безъ дѣла! Мари-Луиза опять скажетъ, что я вамъ потворствую.

Наклонившись, г-жа Бериль принялась упрашивать:

— Послушайте, дѣти, будьте благоразумны, поторопитесь, а то опять будетъ ссора.

Звонкій голосъ наверху запѣлъ:

Ne te fais pas d'bile
De mouss' ni d'chagrin.

Затѣмъ послышался сдавленный смѣхъ, крики, звукъ разбитой посуды и жалобное мяуканье.

Г-жа Бериль вышла изъ себя:

— Что за возню вы тамъ подняли? Хотите сегодня меня совсѣмъ разсердить?

— Это кошка, мама! Она собирается окотиться!

— Оставьте въ покоѣ это животное, оно безъ васъ обойдется. Надоѣли мнѣ, наконецъ, ваши комедіи!... Если вы сію же минуту

не сойдете внизъ, я не отпущу васъ сегодня гулять. Тѣмъ хуже будетъ для васъ!

Г-жа Бериль, нахмуривъ брови на своемъ ребяческомъ личикѣ, выпрямилась, вздрагивая плечами отъ негодованія:

„Нѣтъ, рѣшительно, эти двѣ дѣвчонки никогда не примутся за работу серьезно! А между тѣмъ, въ ихъ годы старшія были такими умницами! Имъ было не больше шестнадцати и семнадцати лѣтъ, когда, такъ неожиданно, умеръ отецъ, оставивъ весь свой маленькій мірокъ въ полномъ смятеніи. Что сталось бы съ нами, Боже мой,—бормотала про себя г-жа Бериль, проходя черезъ сѣни,—если бы Мари-Луиза и Женни были такими же вѣтрогонками, какъ эти маленькія проказницы! Къ счастью, Селина не брезгуетъ хозяйствомъ, несмотря на свою легкомысленную наружность!“

Толкнувъ полураскрытую дверь, г-жа Бериль крикнула:

— А ты, Селина? Скоро будетъ готовъ завтракъ? Какъ? ея тамъ нѣтъ?

Мать вошла въ кухню. На газовой плитѣ кипѣлъ шоколадъ подъ наблюденіемъ желтой собаки, важно сидѣвшей посреди стола, покрытаго клеенкой. Рядомъ съ собакой ожидалъ подносъ, заставленный чашками. На безукоризненно чистомъ и бѣломъ буфетѣ распускались кровавыя розы въ гладкой фарфоровой вазѣ. Г-жа Бериль, на мгновеніе польщенная видомъ довольства, которымъ вѣяло отъ всей окружающей обстановки, отъ сверканія мѣди, отъ глянца фаянса, остановилась, окидывая растроганнымъ взоромъ скромную обстановку, которой обаяніе двадцатилѣтней Селины придавало чарующую прелесть. Но гдѣ же была та волшебница, которая озаряла такимъ яркимъ свѣтомъ обыденную жизнь въ ея мельчайшихъ подробностяхъ? Вдругъ г-жа Бериль замѣтила открытое окно... Она вздохнула; собака, словно понявъ ея вздохъ, зашевелилась.

— Доре, мой дружокъ, да гдѣ же Селина?

Животное тряхнуло крупной, круглой головой, потянулось, прыгнуло на каменный полъ, прижалось свѣжей мордой къ повисшей рукѣ своей хозяйки. Съ растеряннымъ видомъ та повторила:

— Она ушла въ ту дверь?

Собака, казалось, подтвердила это ворчаніемъ. Она вильнула хвостомъ по плитамъ, еще влажнымъ послѣ недавняго мытья.

Г-жа Бериль нагнулась надъ подоконникомъ, по которому взбѣгали цвѣты лютиковъ и жимолости. Она приникла къ самой занавѣскѣ, сквозь которую просвѣчивалъ ослѣпительный

свѣтъ іюньскаго дня, и ея лицо вдругъ измѣнилось; съ него сбѣжало то выраженіе радости, которое только что озаряло его, когда до нея доносился пронзительный хохотъ Леони и Розы. Г-жа Бериль уже готова была кого-то позвать, ея глаза грозно сверкнули: видно было, что кто-то шелъ по маленькой изрытой дорожкѣ, пролегавшей подъ окномъ, пробираясь къ дорогѣ направо. Но, одумавшись, г-жа Бериль повернулась къ собакѣ, которая также насторожилась рядомъ.

— Сюда, Доре, оставимъ ее въ покоѣ... Негодная дѣвчонка!

Собака послушно согласилась. Она поплелась, понуривъ морду, по пятамъ за хозяйкой. При этомъ собака тихо тявкала, словно желая ее утѣшить. Въ прихожей г-жа Бериль остановилась и, гладя животное, воскликнула:

— Бѣдный Доре! Что съ нами станется, если ужъ Селина стала убѣгать черезъ окно?

Собака, повернувъ голову къ дорогѣ, нетерпѣливо заворчала. Однимъ прыжкомъ она тоже могла перескочить подоконникъ и настигнуть виновную... Казалось, она ждала приказанія, уставивъ на свою хозяйку вопрошающій взглядъ.

— Что же ты насъ не предупредилъ, не залаялъ громко? не укусилъ ее? Вѣдь ты же видѣлъ этого негоднаго малаго, съ которымъ ушла Селина! И ты ничего не сказалъ!

Грозя пальцемъ, она прибавила:

— Ты съ нимъ, чего добраго, заодно! Когда такъ, убирайся, предатель... Ты далъ уйти Селинѣ... самой примѣрной изъ твоихъ молодыхъ хозяекъ...

Животное, понуривъ голову, казалось, принимало эти упреки съ видомъ пристыженнаго слуги. Слышны были крики Розы, которая, должно быть, „гонялась“ за собакой по комнатѣ, гдѣ, можетъ быть, въ ея собственной постели собиралась окотиться кошка. Леони распѣвала во все горло.

Г-жа Бериль не трогалась съ мѣста. Безконечная усталость согнула ея плечи, и въ шестьдесятъ лѣтъ остававшіяся полными и прямыми. Къ чему бороться!

Никогда имъ не выбраться изъ этого жалкаго прозябанія. Довольно она натерпѣлась за десять лѣтъ!... Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея бѣдный мужъ, она работала безъ устали, ничего не получая взамѣнъ, кромѣ глухой непріязни со стороны ея старшихъ дочерей: развѣ Мари-Луиза и Женни не взваливали на нее вину за безпорядокъ въ домѣ, за лѣность двухъ младшихъ сестеръ, которыя тамъ наверху, со всей жизнерадостностью шестнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, наполняли домъ радостными криками!

Вѣдь не могла же она привязать Селину дома или итти за ней по пятамъ на рынокъ? Въ сущности вся причина негодованія Мари-Луизы въ томъ, что въ двадцать шесть лѣтъ она еще не замужемъ!... Еще бы! Съ подобнымъ характеромъ это неудивительно! Ея всегда хмурое лицо отпугиваетъ молодыхъ людей!... Да и Женни не особенно привлекаетъ ихъ своимъ молчаливымъ и безучастнымъ видомъ!...

Г-жа Бериль на минуту закрыла глаза, воображая, что каждая изъ ея дочерей чудеснымъ образомъ получила мужа... что всѣ пять улетѣли далеко отъ Сенъ-Мора... Она осталась совсѣмъ одна въ маленькомъ домикѣ: ея старушка-мать молчитъ цѣлые дни; собаки только ворчатъ по временамъ, радуясь, что онѣ дома: вѣдь Фатьма, мать Доре, еще помнила хозяина; на ея глазахъ возникли эти стѣны, подъ сѣнью которыхъ вся семья была счастлива въ томъ далекомъ прошломъ, когда у нея былъ свой хозяинъ, все предусмотрѣвшій, устроившій и ниши во дворѣ, и блестящій полъ этой прихожей, и свѣтлыя комнаты тамъ наверху! Онъ все предусмотрѣлъ, кромѣ смерти, унесшей его слишкомъ рано... Большой частный банкъ, гдѣ Бериль былъ главнымъ кассиромъ, выдавалъ его вдовѣ маленькую пенсію, которой ей было бы достаточно, чтобы жить одной въ домикѣ, оглашаемомъ радостнымъ лаемъ собакъ... Старая безногая мать доживала бы мирно свой вѣкъ, глядя изъ своего окна, какъ снуютъ взадъ и впередъ жители Сенъ-Мора, какъ они переходятъ Марну, медленно текущую тамъ внизу, за садомъ...

— Ну, что же, мама, ты сегодня утромъ опять мечтаешь?

Распахнулась дверь; на порогѣ появилась молодая дѣвушка, съ черной косой, лежавшей вдоль спины, съ муслиновымъ чепчикомъ на кулакѣ; со смѣхомъ она потрясла г-жу Бериль за плечи.

— Иди же въ комнаты! Будетъ тебѣ торчать здѣсь, какъ свѣчка, въ прихожей, со своей собакой! О чемъ ты думаешь? Мы съ Женни уже съ часъ какъ работаемъ... въ то время какъ всѣ въ домѣ бродятъ или забавляются!

Мари-Луиза трепала мать по плечамъ.

— А что дѣлаютъ маленькія, тамъ, наверху?

— Да онѣ уже сходятъ!

Увлекаемая дочерью, г-жа Бериль вошла въ просторную комнату, залитую потоками свѣта, лившагося въ широкое окно. На длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлымъ коленкоромъ, вмѣстѣ со спутанными мотками нитокъ громоздились капоры и цвѣтныя ленты. Вздымались „грибки“ съ надѣтыми на нихъ чепчиками, обвитыми крохотными маргаритками, пучками ландышей.

Они горделиво выдѣлялись среди царившаго на столѣ безпорядка, какъ бы предлагая украсить всей своей прелестью маленькія бѣлокурыя и темныя головки, для которыхъ были кропотливо и бережно собраны въ складки муслины, сложены банты, гармонически слиты цвѣта. Мари-Луиза снова сѣла рядомъ съ Женни, которая шила съ безмятежнымъ видомъ; ея волоса были заплетены въ косы, какъ у сестры, и обвивали свѣтлымъ жгутомъ ея гладкій лобъ. Позади нея, въ клѣткѣ, любовно ворковали двѣ горлинки. Видно было, какъ онѣ, гоняясь другъ за другомъ, при каждой встрѣчѣ клевали одна другую. На другомъ концѣ стола обезьяна-капуцинъ, Мама̀, съ лукавой мордочкой, съ любопытствомъ поглядывала на парочку, хватаясь своими черными лапками за рѣшетку своего домика.

— Тебя уже давно зовутъ твои горлинки, да и твоя обезьяна соскучилась по тебѣ,—съ усмѣшкой сказала Мари-Луиза, замѣтивъ растроганный взглядъ г-жи Бериль, когда она проходила мимо Мама̀.

— А я прошу шоколада, — сказала Женни, не поднимая головы.

— Это правда! Вѣдь мы еще не завтракали! О чемъ же думаетъ Селина сегодня? Ея не слышно въ кухнѣ? Ты ея не видѣла, мама?

Мари-Луиза спрашивала мать, которая, не отвѣчая, мрачно сѣла на свое обычное мѣсто у окна. Собака шла за ней неотвязно; г-жа Бериль посадила ее къ себѣ на колѣни и надѣла очки на свой короткій носъ.

— Подай мнѣ банты, Мари-Луиза, я начну отдѣлывать. Ты будешь пришивать бриды, по мѣрѣ того, какъ я буду оканчивать капоры.

Длинная коса Мари-Луизы зашевелилась какъ змѣя отъ ироническаго пожатія плечъ.

— Торопись кончить свою дюжину, Женни, ты потомъ будешь всласть шушукаться съ маленькими. Я бы хотѣла сдать заказъ въ Парижѣ къ двумъ часамъ.

Мари-Луиза, толкнувъ локтемъ Женни, вздохнула.

— Слышишь, поторопимся... Давай работать иглой, не разгибая спины... въ то время какъ Роза и Леони веселятся тамъ наверху, а Селима, конечно, играетъ въ саду.

— Что подѣлаешь? Хоть сто тысячъ разъ повторяй одно и то же, ничего не измѣнится, право!

Женни сосала палецъ, который она только что уколола о проволоку анемона.

— Смотри, не запачкай муслина, Женни, — замѣтила г-жа Бериль.

— Ты бы лучше спросила у нея, не больно ли ей!—воскликнула Мари-Луиза.—Ты непремѣнно приласкала бы Доре и извинилась бы передъ обезьяной, если бы ножницами или булавкой нечаянно оцарапала ихъ. А у Женни кожа почувствительнѣй, чѣмъ у твоихъ противныхъ животныхъ!... Право, ты нисколько не заботишься о насъ... Ты принимаешь къ сердцу только здоровье собаки и обезьяны да своевременную сдачу заказовъ.

— Ну, будетъ, Мари-Луиза, не злись...

— Неужели ты думаешь, что можно не возмущаться при видѣ всего, что происходитъ!... Ну, вотъ сегодня: мы обѣ встали раньше шести часовъ, въ семь мы были здѣсь за работой, прибравъ нашу комнату, одѣвъ и усадивъ въ кресло бабушку.

— А что же я въ это время веселилась? — простонала г-жа Бериль.

— Я говорю не о тебѣ,—возразила Мари-Луиза,—а о тѣхъ двухъ куклахъ, о Розѣ и Леони, которыя до сихъ поръ еще прихорашиваются наверху! И каждый день повторяется одно и то же! Какъ же тутъ не разсердиться въ концѣ-концовъ.

Мари-Луиза, съ потемнѣвшими отъ гнѣва глазами, бросала черезъ столъ голубые, бѣлые, розовые банты, которые подхватывала на лету опечаленная мать.

— Ахъ, вѣдь, барышни не могутъ же, какъ мы, сойти внизъ въ папильоткахъ,—насмѣшливо проговорила Женни.—Наши барышни показываются только во всей красѣ, принаряженныя и съ завитыми волосами.

— Во всемъ параде, однимъ словомъ!...

— Это такъ естественно въ ихъ возрастѣ,—примиряюще произнесла г-жа Бериль.

— А въ нашемъ?—воскликнули въ одинъ голосъ, съ негодованіемъ, Мари-Луиза и Женни.

— Ну, въ вашемъ можно уже быть благоразумнѣе! Вы озлоблены противъ дѣвочекъ... Но вы знаете, что онѣ скоро успокоятся... Онѣ быстро наверстаютъ потерянное время.

Мари-Луиза сурово взглянула на мать.

— Итакъ, ты вѣчно будешь стоять за нихъ, противъ насъ!

— О, съ тѣхъ поръ какъ умеръ папа, никто больше не заступается за насъ!

— Но я на васъ и не нападаю.

Г-жа Бериль чувствовала, что въ молчаніи Женни, продолжавшей лихорадочно шить, таилась цѣлая буря, а въ голосѣ

Мари-Луизы слышалось что-то вызывающее. Но имѣла же мать, въ концѣ-концовъ, право требовать снисхожденія къ дѣвочкамъ, которыя, правда, были несносны, но которыхъ можно было оправдать ихъ молодостью.

— Естественно въ ихъ возрастѣ!—повторила Мари-Луиза, выходя изъ себя.—Слышишь, Женни, мама объясняетъ всѣ ихъ причуды молодостью! Она, должно быть, никогда не видала своихъ малютокъ! Ихъ коснуться нельзя, а то тебя назовутъ злой и завистливой! А у этихъ малютокъ уже размалеванныя, намазанныя лица, словно у бульварныхъ фей!

— Мари-Луиза! Прошу тебя!

Г-жа Бериль умоляла дѣвушку, гнѣвъ которой все наросталъ, увеличиваясь съ каждымъ словомъ.

— Да, я знаю... онѣ пудрятся немного болѣе, чѣмъ бы слѣдовало... Это нехорошо... Я запрещу имъ это, даю тебѣ слово! Но успокойся, ты преувеличиваешь!

— Я преувеличиваю!—съ раздраженіемъ воскликнула Мари-Луиза. — Тогда пойди спроси, что о нихъ думаютъ на почтѣ, гдѣ онѣ обѣ получаютъ обширнѣйшую корреспонденцію!

— Что касается меня, то я ни за что не пойду больше съ ними гулять. Весь Сенъ-Моръ оглядывается, когда я прохожу вмѣстѣ съ ними. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы на меня обращали вниманіе, и я не желаю, чтобы меня компрометировали!

— Ну, ужъ и ты хороша! Только и знаешь, что прогуливаться съ Гастономъ Деврилесомъ!

Въ свою очередь г-жа Бериль вышла изъ себя:

— Мнѣ надоѣло въ концѣ-концовъ слушать, какъ вы обѣ обвиняете меня Богъ вѣсть въ чемъ. Быть можетъ, въ томъ, что я предоставляю вамъ слишкомъ много свободы?

Собака на колѣняхъ у хозяйки заворчала, обезпокоенная рѣзкими движеніями рукъ, яростно копошившихся въ лентахъ, нагроможденныхъ на столѣ.

— Компрометировать меня!

— Слишкомъ много свободы!

— Только и не хватало того, чтобы насъ ты держала на привязи, когда ты не можешь справиться со своими малютками... какъ ты ихъ называешь!

Обѣ сестры, объединенныя одной и той же злобою, осыпали г-жу Бериль горькими упреками, которые незаслуженно, какъ ей казалось, терзали ее. Въ чемъ же она виновата! Развѣ она не была при жизни своего мужа безупречной женой, красиво выступавшей среди миловиднаго цвѣтника ея пяти дочерей? И

развѣ послѣ того крушенія, какимъ была для нихъ смерть Бериля, она не взялась снова за работу: живши широко, семья не сдѣлала никакихъ сбереженій. И вотъ она, г-жа Бериль, сдѣлавъ все отъ нея зависящее, принялась снова за ремесло модистки, благодаря которому ея мать, будучи также вдовой, дала ей и воспитаніе, и приданое. Въ чемъ же ее упрекаютъ дочери, возставшія теперь, словно враги, противъ нея, обезоруженной, жалкой, заранѣе побѣжденной?

— А Селина-то,—кричала Женни, задѣтая замѣчаніемъ матери,—вѣдь не рыбу же ходитъ она удить на берегъ Марны съ Жоржемъ Перье!

— Который причаливаетъ за ней на лодкѣ къ самому саду.

— Да вѣдь онъ еще мальчикъ! Мы когда-то застирывали ему штанишки, чтобы его не бранилъ дядя, и твой бѣдный отецъ самъ забавлялся ребяческими набросками, которые этотъ мальчикъ вездѣ зарисовывалъ карандашомъ...

Мари-Луиза иронически прервала мать:

— Это сказывалась въ Жоржѣ его артистическая душа... Къ несчастью, съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ школѣ изящныхъ искусствъ, онъ больше не рисуетъ... даже за кисть не берется.

— Положимъ,—возразила Женни, вся пунцовая, выпрямившись на своемъ стулѣ, словно разсерженный пѣтушокъ, — вѣдь и Гастонъ былъ мальчишкой, когда его привели сюда въ первый разъ... Отецъ находилъ его очень милымъ и нѣжнымъ, какъ дѣвочка... А Андрэ его называлъ: мадемуазель Тонтонъ... Я его всегда защищала отъ нападокъ Селины...

При имени Андрэ тѣнь грусти прошла въ красивыхъ темныхъ глазахъ Мари-Луизы. Смутно обрисовался въ ея воспоминаніяхъ высокій силуэтъ молодого человѣка: Бериль-отецъ горячо любилъ этого высокаго юношу, котораго называлъ своимъ духовнымъ сыномъ. Съ какой гордостью взглянулъ бы онъ на него теперь: вѣдь Андрэ Виньола былъ теперь уже красавцемъ-майоромъ, офицеромъ колоніальныхъ войскъ, получившимъ заслуженную извѣстность въ нѣсколькихъ далекихъ походахъ,—былъ тѣмъ, при имени котораго трепетали всѣ маленькія сердечки въ Сенъ-Морѣ, когда онъ проводилъ свои отпуска по сосѣдству. И какъ же имъ завидовали, всѣмъ пятерымъ, за то, что Андрэ оставался ихъ старшимъ товарищемъ, тѣмъ же мальчишкой, который когда-то перелѣзалъ черезъ заборъ и вмѣшивался въ ихъ игры, а теперь уводилъ ихъ бродить по полямъ.

Женни пылко продолжала:

— Нѣтъ, я не допущу, чтобы ты сравнивала этого мальчишку,

которому скоро двадцать лѣтъ и у котораго всѣ замашки испорченной дѣвчонки, съ Гастономъ, который честно прокладываетъ себѣ дорогу на административномъ поприщѣ! Правда, изо всѣхъ насъ я была любимицей Гастона...

— Да я тебя за это и не упрекаю.

Г-жа Бериль вяло пыталась остановить потокъ словъ, которыя били ключомъ изъ устъ обыкновенно безмолвной Женни.

— Оказывая мнѣ это предпочтенiе, онъ никогда не оскорблялъ меня ни однимъ словомъ, ни однимъ двусмысленнымъ жестомъ... тогда какъ я застала Жоржа какъ разъ вчера, когда ты была въ Парижѣ, обнимающимъ Селину подъ окномъ кухни...

— Это правда,—продолжала Мари-Луиза,—Селина издѣвается надъ тобой, а ты и не догадываешься ни о чемъ! Если младшiя не даютъ покоя своими сумасбродствомъ, то и Селина хороша въ своемъ родѣ...

— Къ тому же у меня о Жоржѣ есть точныя свѣдѣнiя: окна его дома выходятъ на владѣнiя одного друга Андрэ... Мнѣ извѣстно, что Жоржъ ведетъ себя скандально, что у него въ Сенъ-Морѣ три любовницы, изъ которыхъ двѣ замужнiя... У каждой изъ нихъ свой день... то же будетъ, вѣроятно, и съ Селиной...

— Все это однѣ сплетни, слухи, и кто только доводитъ до тебя всѣ эти исторiи?

— Послушай, мама,—и Мари-Луиза значительно взглянула на свою мать,—я говорю съ тобой объ этомъ въ послѣднiй разъ. Ты воображаешь, что я выдумываю, что я передаю чужiя розсказни съ собственными прикрасами... Не хочешь, не вѣрь: я предостерегаю тебя противъ катастрофы, которая намъ всѣмъ грозитъ... Ты живешь въ какомъ-то ребяческомъ невѣдѣнiи, созерцая своихъ собакъ, свою обезьяну, свою черепаху,—словомъ, весь домашнiй звѣринецъ... Ты не слѣдишь за своими дочерьми, тѣмъ хуже для тебя!

— И для насъ,—сквозь зубы пробормотала Женни.

— Вотъ вамъ шоколадъ!...

Дверь распахнулась передъ красивой дѣвушкой въ короткой нижней юбкѣ и легкой батистовой блузкѣ. Волосы, раздѣленные проборомъ и лежавшiе по бокамъ тяжелыми вьющимися массами, обрамляли личико, слегка порозовѣвшее, вѣроятно, отъ кухонной жары.

На подносѣ, который она держала въ рукахъ, дымились три чашки, которыя она проворно поставила передъ своими насмѣшливыми сестрами и угрюмой матерью.

— Откуда это ты являешься, не одѣтой? вѣдь два часа на-

задъ ты пошла внизъ варить этотъ шоколадъ, а онъ преспокойно одинъ кипѣлъ въ кухнѣ?

Мари-Луиза и Женни, пригнувшись къ чашкамъ, дѣлали быстрые глотки. Онѣ обмѣнялись насмѣшливымъ взглядомъ по адресу г-жи Бериль, которая старалась говорить строго.

Селина, не отвѣчая матери, отогнала собакъ, вбѣжавшихъ вслѣдъ за ней: двухъ таксъ, левретку, грифона, отца того самаго, который спалъ, свернувшись клубочкомъ, на колѣняхъ г-жи Бериль. Послѣдняя, задавъ свой вопросъ, невозмутимо глотала свой шоколадъ, рѣшивъ не приставать болѣе къ Селинѣ съ разспросами о томъ, какъ она провела время... Къ чему? Нечего было и думать о томъ, чтобы справиться съ дѣвочками. Строгость можетъ повести только къ тому, что Селина совсѣмъ уйдетъ изъ дому...

Г-жа Бериль, сама того не сознавая, разсчитывала не столько на добродѣтель, сколько на здравый смыслъ своихъ дочерей, который долженъ удержать ихъ отъ увлеченій, способныхъ окончательно погубить ихъ репутацію. Въ маленькомъ городѣ, гдѣ протекло ихъ дѣтство, счастливое, охраняемое авторитетомъ ихъ отца, ихъ до сихъ поръ окружало то всеобщее уваженіе, которымъ десять лѣтъ назадъ онъ пользовался.

И г-жа Бериль принялась за работу, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, быть можетъ, не безъ вліянія въ мѣру подслащеннаго шоколада, яркаго свѣта, красившаго все окружающее, и лучезарнаго солнца, зажигавшаго огненныя стрѣлы въ волосахъ ея старшихъ дочерей. Она погладила Доре, который ворчалъ, потому что его дразнила Селина, поднося къ нему маленькую левретку и потирая одну о другую двѣ враждебныя мордочки.

— Дрянное животное! скоро ты перестанешь ворчать?

— Оставь его въ покоѣ, вѣдь, онъ тебя не трогаетъ!

— Убери поскорѣе чашки. Если ты будешь такъ мѣшкать, завтракъ не будетъ готовъ къ полудню. Подумала ли ты о бабушкѣ, прежде чѣмъ принести шоколадъ?

— А ты... передъ тѣмъ какъ выпить свой?—лукаво подхватила Селина.—Я отнесла ей наверхъ два свѣжихъ яичка. Она сидитъ передъ своимъ окномъ и вяжетъ носки, которые ей, кажется, заказала мадемуазель Роза.

— Бѣдная бабушка!... ея теперь совсѣмъ не слышно! Съ тѣхъ поръ какъ у нея отнялись ноги, мы только и слышимъ, что ея палку, которой она стучитъ, призывая насъ къ себѣ.

Мари-Луиза высоко взбивала кружевной рюшъ крохотнаго чепчика.

— А всетаки ей, должно быть, скучно сидѣть всегда одной!

— Нисколько! Когда я прихожу укладывать ее въ постель, она мнѣ разсказываетъ все, что случилось за день... о гостяхъ, которыхъ мы принимали и которые не зашли ее навѣстить... У нея передъ окномъ проходитъ жизнь всего Сенъ-Мора... Иной разъ я засыпаю, а она все еще разсказываетъ.

— Еще бы, вѣдь, ты, Селина, всегда была ея любимицей.

— Она всегда тебя поддерживала противъ насъ.

— Полноте! Не принимайтесь снова за ваши сравненія,—сказала г-жа Бериль, усердно работая надъ громаднымъ розовымъ капоромъ, на который, казалось, заглядывалась обезьяна изъ своей клѣтки.—Подумаешь, право, что васъ вѣчно обижали... Вѣдь надо же было кому-нибудь изъ васъ заниматься хозяйствомъ и кухней. Бабушка научила этому Селину, которая и справляется со всѣмъ очень хорошо, надо отдать ей справедливость. Вѣдь ни одна изъ васъ не хочетъ хозяйничать!

— Мари-Луиза! Красавецъ военный докторъ!

На порогѣ двери Роза и Леони въ свободныхъ пенюарахъ, съ волосами, высоко зачесанными надо лбомъ, съ открытой шеей кричали, толкая другъ друга:

— Мари-Луиза!... Онъ идетъ по дорогѣ!... Онъ въ формѣ... Ступай въ комнату бабушки, ты его еще увидишь!

— Да, замолчите, дурочки! Неужели вы думаете, что я стану подниматься наверхъ, чтобы посмотрѣть на человѣка, съ которымъ пятнадцать лѣтъ знакома!

— Не хитри, пожалуйста, Мари-Луиза! Всѣмъ извѣстно, что ты за нимъ ухаживаешь, а теперь сгораешь отъ желанія взбѣжать наверхъ, чтобы увидѣть его во всемъ блескѣ его офицерскаго мундира...

— Но ты слишкомъ горда, чтобы въ этомъ признаться!

— И ты его не увидишь, тогда какъ мы имъ налюбовались: онъ, право, очень шикаренъ!...

— Дѣти, принимайтесь за работу, пожалуйста,—взмолилась г-жа Бериль, указывая молодымъ дѣвушкамъ ихъ стулья у стола, заваленнаго матеріалами.

— Я побѣгу на рынокъ,—крикнула Селина, унося чашки.

Слышно было, какъ она на лѣстницѣ кричала на послѣдовавшую за ней свору.

— Доре, мой песикъ, ты, право, умнѣе всѣхъ!

Г-жа Бериль гладила животное и ласково съ нимъ говорила. Мари-Луиза выходила изъ себя.

— Опять! Ахъ, что это за домъ!

— Ну, теперь Мари-Луиза начинаетъ,—замѣтила Роза, уткнувшись въ муслинъ, изъ котораго она дѣлала рюшъ.

— Продолжаетъ,—пробормотала г-жа Бериль.

— Какой мужчина плѣнится этой оравой дѣвчонокъ и звѣрей!.. Если бы я подумала завести жениха, я бы его сюда не привела.

Леони хохотала, потрясая своей головкой въ ореолѣ рыжевато-золотистыхъ волосъ.

— Онъ сейчасъ же пришелъ бы въ ужасъ!

— И было бы отъ чего, когда вы такъ дурачитесь!

— И въ подобномъ звѣринцѣ!... Пять собакъ, пять дѣвицъ!

— Довольно, довольно!—сказала въ изнеможеніи г-жа Бериль. Сегодня съ утра конца нѣтъ вашимъ спорамъ! Я устала васъ слушать. Вѣдь не убить же этихъ животныхъ для вашего удовольствія. Впрочемъ, у тебя, Мари-Луиза, нашлось бы еще на что̀ жаловаться. У тебя, моя бѣдная дѣвочка, несчастный характеръ. Ты никогда не будешь счастлива!

Мари-Луиза бросила быстрый взглядъ на свою мать, лицо которой дышало несомнѣнной искренностью. Она было хотѣла возразить, но потомъ, одумавшись, промолчала, склонила голову и покорно принялась собирать въ сборки свои ленты...

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему неустанно перебирать одно и то же? Чувство горечи наполняло все ея существо, ея сердце сжималось тоскливой тревогой, когда она заглядывала въ будущее, отгороженное мрачной преградой, о которую, конечно, и ея младшія сестры разобьютъ свои дѣтскія иллюзіи...

Ихъ отецъ, бывшій терпѣливымъ воспитателемъ и энергичнымъ учителемъ, желая сдѣлать своихъ дочерей здоровыми и крѣпкими, поощрялъ и направлялъ ихъ стремленія къ движенію, самъ присутствовалъ при ихъ дѣтскихъ веселыхъ играхъ. Даже послѣ его смерти ихъ видѣли всѣхъ пятерыхъ катающимися на велосипедѣ по окрестностямъ, въ короткомъ платьѣ съ матросскимъ воротникомъ, или борющимися, подобно безстрашнымъ лодочницамъ, всей силой своихъ юныхъ мышцъ противъ теченія Марны. Эти мальчишескія замашки приводили въ недоумѣніе маленькій городокъ: весь Сенъ-Моръ съ любопытствомъ собирался смотрѣть на „американокъ“, когда онѣ, купаясь, рѣзвились въ водѣ.

Кто же теперь захочетъ взять ихъ замужъ? Кто не побоится той враждебности, которую Мари-Луиза часто замѣчала по отношенію къ себѣ и къ своимъ сестрамъ со стороны мирныхъ провинціаловъ? Кому придетъ охота довѣрить свою судьбу аду этого безпорядочнаго дома?... Любовникамъ? О, да, конечно...

Въ большой комнатѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ, слышалось только тиканье стѣнныхъ часовъ да шуршанье лентъ въ рукахъ Мари-Луизы. Усталыя горлинки спали, прижавшись другъ къ другу. Мамà, съежившись въ своей клѣткѣ, посматривалъ исподтишка на желтую собаку и на розовый капоръ.

Женни безмятежно улыбалась.

Бросивъ на нее быстрый взглядъ, Мари-Луиза позавидовала ея невозмутимой ясности. Ей хорошо было извѣстно, что за этой кроткой улыбкой таилась одна надежда, одинъ образъ... Мари-Луиза завидовала сестрѣ съ ея вѣрой въ Гастона, котораго та ждала такъ спокойно, съ увѣренностью, что онъ устроитъ ея жизнь, какъ только будетъ въ состояніи это сдѣлать... Не посвящая въ это никого, тайно, они, должно быть, обмѣнялись обѣтами. И вотъ Женни спокойно выжидаетъ событій...

Мари-Луиза смотрѣла на нее съ восхищеніемъ. Ей самой хотѣлось бы вѣрить во что-нибудь, въ кого-нибудь, быть похожей хотя бы на Селину, которая своей необузданной радостью выводила ее изъ себя!... Шестнадцатилѣтняя Роза, восемнадцатилѣтняя Леони еще могли ожидать чуда! Но Мари-Луиза, въ двадцать шесть лѣтъ, чувствовала только горечь и возраставшую тревогу. Кто же явится, какъ избавитель, вырветъ ее отсюда раньше, чѣмъ завянетъ безплодно ея молодость, ея жажда жизни, кипучая, повелительная, открыто заявляющая о своихъ правахъ и заставляющая бурно вздыматься ея грудь... А между тѣмъ иголка втыкалась въ ленты, взбивала банты. Передъ молодой дѣвушкой выростали цѣлыя груды бантовъ.

Леони и Роза, сидя одна противъ другой, обмѣнивались многозначительными улыбками...

Г-жа Бериль поднимала къ небу тусклые глаза. Довольная сосредоточеннымъ молчаніемъ, воцарившимся вокругъ нея, она смутно мечтала о парѣ попугаевъ, обѣщанныхъ ей женою мясника. Для этой парочки достаточно будетъ самой маленькой клѣтки блѣдно-зеленаго цвѣта, такъ какъ эти птицы въ нашемъ климатѣ не размножаются. Г-жа Бериль смотрѣла на то мѣсто, гдѣ она вскорѣ повѣситъ новый домикъ... какъ вдругъ розовый капоръ быстро соскользнулъ внизъ, схваченный невидимыми руками...

— Мамà!... Дрянное животное!... Кто выпустилъ обезьяну?

Всѣ четыре сестры, всполошившись, повскакали съ мѣстъ. Роза и Леони умирали со смѣху. Бережно прижавъ капоръ къ себѣ, обезьяна прыгала по комнатѣ. Она была такъ забавна со своей рожицей старообразнаго проказника-мальчишки, что и обѣ

старшія сестры, несмотря на свое дурное расположеніе духа, расхохотались.

Г-жа Бериль, воздѣвъ руки къ небу, безпомощно вопила:

— Да ловите же ее! Мамà, дрянное животное, да подойди же сюда!

Животное вспрыгивало то на плечи къ Мари-Луизѣ, то на голову къ Розѣ. Оно нагло дергало бѣлокурую косу Женни, вѣшалось на косу Мари-Луизы, продолжая прижимать капоръ къ своему брюшку. Вдругъ обезьяна испустила пронзительный крикъ и застыла на спинѣ Леони: собака держала обезьяну за хвостъ. Наступило трагическое молчаніе... Доре, казалось, торжествовалъ... Мари-Луиза быстро схватила Мамà за шиворотъ, вырвала ее изъ зубовъ гриффона, затѣмъ, подбѣжавъ къ окну, съ минуту покачала ее въ воздухѣ. Она уже готова была выпустить ее изъ рукъ, когда вмѣшалась г-жа Бериль и заговорила съ мольбой въ голосѣ:

— Прошу тебя, Мари-Луиза, не выпускай ея... отнеси ее обратно въ клѣтку... Не выпускай ея, а то она не вернется болѣе!

— Подумаешь, какая бѣда!

Мари-Луиза поколебалась съ минуту. Въ ея обнаженныхъ рукахъ животное все еще барахталось.

— Андрэ такъ хорошо ее лѣчилъ,—вставила еще г-жа Бериль, пытаясь разжалобить свою дочь.

— Это правда, красавецъ-докторъ вылѣчилъ ее отъ бронхита,—сказала растроганная Роза.

— Тебѣ бы слѣдовало объ этомъ вспомнить, Мари-Луиза!...

Молодая дѣвушка повела плечами, затѣмъ быстро отбросила въ глубину клѣтки испуганную обезьяну. Г-жа Бериль испустила вздохъ облегченія. Она подобрала капоръ, упавшій на полъ во время схватки, заперла на задвижку Мамà, забившуюся въ старое одѣяло, служившее ей постелью, и снова усѣлась у окна. Доре жалобно требовалъ ласки, уткнувшись мордочкой въ ея передникъ. Она погладила его рукой, пожуривъ его вполголоса:

— Какой ты былъ злой только что, мой песикъ. Зачѣмъ ты укусилъ Мамà?

Доре, заворчавъ, прыгнулъ въ самую середину колѣнъ, всегда готовыхъ его пріютить. Онъ забивался въ нихъ, чувствуя себя въ безопасности, согрѣтый тепломъ платья. Это мѣсто было неотъемлемо его: левретка, какъ существо хрупкое, помѣщалась въ прихожей; у четы таксовъ, у гриффона былъ свой деревянный домикъ при входѣ въ аллею, которая вела черезъ густую поросль цвѣтовъ, овощей и сорныхъ травъ къ Марнѣ. Съ рѣки, изъ лодки можно было видѣть все населеніе дома: звѣрковъ, свободно рѣз-

вящихся въ зелени, красивыхъ дѣвушекъ, смѣющихся, шумящихъ, занятыхъ работой. Можно было любоваться, какъ онѣ склонялись надъ муслинами съ нѣжными оттѣнками, надъ мягкими шерстяными тканями и лентами. Свѣтъ ласково скользилъ по бѣлокурымъ и темнымъ головкамъ.

На столѣ, рядомъ съ Леони, среди обрывковъ матерій стояло зеркальце. Дѣвушка посмотрѣлась въ него, улыбнулась своимъ широко раскрытымъ глазамъ, которые казались громадными и также отсвѣчивали золотомъ подъ темными изогнутыми вѣками, на личикѣ, покрытомъ густымъ слоемъ рисовой пудры.

— Ты скоро перестанешь собой любоваться?—спросила мать.

— Ахъ,—насмѣшливо протянула Мари-Луиза,—немного ей нужно, чтобы быть счастливой! Съ нея довольно—находить себя красавицей.

— Еще бы! Вѣдь красотой не всякая можетъ похвалиться!

— И кромѣ того это—недурной капиталецъ. Если имъ разумно распорядиться, этотъ капиталъ освободитъ насъ отъ этой нелѣпой работы... отъ этой лямки, надъ которой мы надрываемся, чтобы заработать себѣ всего только на кусокъ хлѣба!... Ахъ, въ тотъ день, когда я смогу распроститься съ заготовкой, со стиркой, со всѣмъ хозяйствомъ, въ тотъ день... и только въ тотъ день я почувствую, что живу настоящей жизнью!

Рѣзкій голосъ Розы заставилъ Мари-Луизу взглянуть на нее съ удивленіемъ; впервые она замѣтила ея взоръ, выражавшій непреклонную волю, ея упрямый лобъ.

— Жить! Имѣть свой уголокъ подъ солнцемъ!

И мы его завоюемъ, Леони!

— Я на это твердо надѣюсь!

— Да замолчите же вы, съ вашими глупостями!... Я не позволю этого... Роза!

Г-жа Бериль грозила пальцемъ младшимъ дочерямъ, которыя не слушали и продолжали высказывать рѣшительныя сужденія, на которыя ихъ подстрекалъ любопытный взоръ старшей сестры.

— Надо же найти тотъ или иной исходъ!

— Успѣхъ все извиняетъ!

— А цѣль оправдываетъ средства!

— А прежде всего, пока мы тебѣ не преподнесли внучка, тебѣ нечего безпокоиться, мама!

— Замолчите ли вы, а не то я уйду къ бабушкѣ!

— Передай мнѣ бриды! Отдѣлывай чепчики!

— Сбирай подкладку!

— Тебѣ дѣлать банты, Мари-Луиза!

— Нѣтъ, мама, не трогай этой книги, она написана не для молодыхъ дѣвушекъ!

— Это ужасно!

— Не станешь же ты развращать свое воображеніе въ твои годы! Я одолжу тебѣ „Граціеллу"—читать въ поѣздѣ, когда поѣдешь въ Парижъ; это—въ твоемъ вкусѣ.

И Роза, какъ бы не допуская возраженій, притянула къ себѣ „Дневникъ горничной" Мирбо, который г-жа Бериль начала было машинально перелистывать, найдя его подъ рукой.

— Да ты ничего и не поймешь здѣсь, увѣряю тебя,—подтверждала Леони.

— Это неслыханно!

— И вотъ [illegible]ѣдствія твоей снисходительности... Сколько разъ мы тебѣ го[illegible] Женни и я, что онѣ читаютъ всякія гадости. Ты сама вино[illegible], не жалуйся!

— Ахъ, вы поѣдомъ ѣдите другъ друга!... Но когда надо напасть на меня, между вами полное согласіе!...

— Довольно, довольно!

— Давайте пѣть хоромъ! Леони, пой вторымъ голосомъ, ты, Женни, первымъ, а я—басомъ!

Собаки, которыхъ не приглашали, перепрыгнувъ изъ сада черезъ окно, примѣшались къ markdown вознѣ и концерту; получилась всеобщая какофонія, съ преобладаніемъ сопрано Женни, которымъ она распоряжалась довольно своеобразно. Разбуженныя горлинки заворковали, вѣроятно, изъ чувства подражанія... Мамà трясла свою клѣтку маленькими черными руками, судорожно цѣплявшимися за прутья.

Дверь хлопнула: это спасалась бѣгствомъ г-жа Бериль, волоча за собою ленты и унося желтую собаку на рукахъ.

II.

— Собаку-то,—пробормотала Мари-Луиза,—небось она не забываетъ захватить съ собой, несмотря на все свое волненіе!... А еще хотѣла бы читать намъ нравоученія! Довольно, Клодина; замолчи, Шико! Перестань, Мюзотта! А Фатьма-то какъ воетъ на дворѣ! Роза, тебя, должно быть, съ Марны слышно! Довольно! Довольно!

Néptune, Néptune
Dieu des eaux,
Protège nos vaisseaux...

Роза и Леони, въ общемъ шумѣ продолжали пѣть. Роза во весь голосъ подхватывала:

Néptune, Néptune!

— Довольно! довольно!—кричала Мари-Луиза, затыкая уши.

Наконецъ, онѣ замолкли, угомонили собакъ. Леони дала кусокъ сахару обезьянѣ, которая принялась его грызть, потирая себѣ брюшко, чтобы показать Мюзоттѣ, смотрѣвшей на нее съ завистью, какъ это вкусно!

— Наконецъ-то послѣдній, — воскликнула Мари-Луиза, придвигая къ себѣ рюшъ, и добавила:—Послѣ этого пойду наверхъ одѣваться и уѣзжаю... Я позавтракаю у Пажолей, у меня съ сегодняшняго утра голова идетъ кругомъ.

— Не хочешь ли ты насъ увѣрить, что тебѣ тамъ будетъ весело?

Леони повела плечами.

— Что за индюшка—Селеста!

— А ея мать—вторая „мадамъ Кардиналь". [1])

— Мадамъ Кардиналь съ дочерью? Ну, конечно; ты развѣ этого не знала, Мари-Луиза? Когда онѣ жили въ Сенъ-Морѣ, ихъ никто иначе не называлъ...

— Ихъ окрестили такъ въ тотъ день, когда узнали, что Селеста, получивъ разводъ, поступаетъ въ консерваторію.

— Въ надеждѣ блистать когда-нибудь во Французской Комедіи!

— И затмить тамъ „божественную"!—ядовито подхватила Роза.

— А пока, несмотря на дорогіе уроки, она блистаетъ только въ какихъ-то невѣдомыхъ шантанахъ...

— Она не эффектна!

— Въ ней нѣтъ огня!

— А между тѣмъ она красива!

— А мать ея, которая была красива прежде... отбиваетъ у нея любовника...

— Красавца Винёза!

— Вотъ такъ семейка!

— Отецъ, мать, дочь и любовникъ ихъ обѣихъ!...

— Роза, замолчишь ли ты?

Младшая очень спокойно, накалывая голубые атласные банты на муслиновый чепчикъ, продолжала:

— Разумѣется, она наставляетъ рога и старику Пажолю и своей дочери съ Винёзомъ!... Неужели ты этого не знала? Въ

[1]) Извѣстный типъ изъ разсказовъ Людовика Галеви. *Прим. перев.*

прошломъ году, когда Пажоли только въ октябрѣ вернулись въ Парижъ... я поймала толстуху Пажоль съ этимъ красавчикомъ въ Экю, на берегу Марны!

— Они обѣдали наединѣ въ бесѣдкѣ, — продолжала Леони.— Ужъ и хохотали мы!... Сквозь листву, при свѣтѣ лампы, намъ видно было, какъ старая дура млѣла, прижимаясь къ Винёзу...

— Оставьте меня въ покоѣ! Будетъ вамъ перебирать всѣ мѣстныя сплетни!

Роза не унималась, разсказывая съ упоеніемъ всѣ гнусности, которыя она подсмотрѣла или выдумала. Леони ей вторила, тогда какъ Женни молча и равнодушно заканчивала свою работу.

— А знаешь, даже красавецъ Андрэ оказался довольно чувствительнымъ къ кокетству Селесты.

— Трауръ такъ къ ней шелъ, вѣдь она блондинка!

— Это правда! У нея хватило духу—одѣться въ черное послѣ смерти бѣднаго Лемэра, съ которымъ она уже давно была въ разводѣ.

— Я увѣрена, что Андрэ три четверти своего отпуска провелъ съ Селестой.

— Да, этотъ юноша, какъ кажется, не особенный поклонникъ дѣвъ,—хладнокровно подтвердила Роза.

— И доказываетъ это тѣмъ, что отъ насъ держится подальше.

— Ему нужны...

Роза произнесла грубое, площадное слово.

— Роза, если ты не замолчишь, я тебѣ дамъ пощечину.

Мари-Луиза бросила молніеносный взоръ на младшую сестру, которая посмѣивалась исподтишка.

— Сами вы безстыдницы,—продолжала Мари-Луиза,—но какое право имѣете вы осуждать жизнь другихъ, когда сами расфранчены и намазаны, какъ бульварныя феи!... Допустимъ, что я вожу знакомство съ этими женщинами, но я умѣю во-время отряхнуть свои юбки. Я зарабатываю себѣ на платье, когда шью на Селесту, но я совершенно не знаю, откуда у васъ берутся деньги на всѣ прихоти, которыхъ у васъ стало такъ много. Да, если что вамъ помѣшаетъ достигнуть своихъ цѣлей, то, конечно, не излишняя щепетильность.

— Что правда, то правда, Мари-Луиза!

— Напрасно ты сердишься,—сказала Леони, глядя въ упоръ на сестру.—Намъ всѣмъ придется изворачиваться такъ или иначе... Не станемъ же мы здѣсь изнывать до скончанія вѣка. Каждая изъ насъ по-своему смотритъ на будущее. У меня съ Розой одна цѣль. Можетъ быть, и Селина вывернется изъ своего поло-

женія!... Я въ это вѣрю. Она не такъ безпечна, какъ кажется, а у Жоржа, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, будутъ деньги... Что же касается Женни...

— Женни не спрашиваетъ твоего мнѣнія! Оставь меня въ покоѣ съ твоими разсужденіями!

Папильотки зашевелились на гладкомъ лбу дѣвушки. Проговоривъ свой краткій отвѣтъ, она принялась снова за работу.

— Вы обѣ суетесь не въ свои дѣла!

И Мари-Луиза, окончивъ работу, воткнула свою длинную иглу въ столъ, покрытый бѣлымъ коленкоромъ, и наклонилась къ окну, на которомъ играли торжествующіе лучи свѣта. Она протянула свои тонкія руки, исколотыя иглой, къ безоблачному небу въ страстномъ особенномъ порывѣ.

— Уйти, уйти, — прошептала она, выпрямившись навстрѣчу солнцу,—уйти... убѣжать...

— Одной?—насмѣшливо проговорила Роза.

— А какъ же красавецъ-докторъ? Что онъ подумаетъ, когда ты его бросишь?

— Опять? Что вы издѣваетесь надо мной? Андрэ относится ко мнѣ такъ же, какъ и къ вамъ... просто какъ товарищъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые не перестали бывать у насъ послѣ смерти отца, а вы всѣ наперерывъ осыпаете его своими колкостями!...

Послѣдовали энергическіе протесты; Мари-Луиза прибавила:

— Развѣ онъ насъ забываетъ, живя въ колоніяхъ?...

— Вотъ это правда: каждая изъ насъ получаетъ свой подарокъ,—подтвердила Роза.

Да, младшія были къ нему несправедливы, упрямо твердила Мари-Луиза съ взволнованнымъ лицомъ. Онѣ въ немъ видятъ только красавца-офицера, но онъ не выставляетъ напоказъ свой чинъ, не рисуется своимъ мундиромъ?

— Да вѣдь мы его видимъ только въ статскомъ!... Сегодня исключеніе, что мы увидѣли его въ формѣ... Должно быть, онъ былъ обязанъ надѣть мундиръ, отправляясь въ министерство. Вѣдь онъ скоро уѣзжаетъ.

Мари-Луиза задумалась... Уже пятнадцать лѣтъ... Да, съ тѣхъ поръ прошло уже пятнадцать лѣтъ... Въ то время Бериль-отецъ только что отстроилъ маленькій домикъ и семья шумно устраивалась въ немъ. Старшія обезумѣли отъ радости и съ любопытствомъ посматривали на сосѣднее жилище, которое казалось заброшеннымъ съ его наглухо заколоченными окнами. Дико растущія растенія и розы взбѣгали вдоль стѣнъ этого безмолв-

наго дома, который, вѣроятно, былъ когда-то мельницей... Говорили, что владѣльцы—въ отъѣздѣ... И вотъ, однажды вечеромъ, двери раскрылись настежь. На террасѣ появилась женщина въ траурѣ, съ сѣдѣющими волосами, затѣмъ, рядомъ съ ней—высокій молодой человѣкъ, тоже весь въ черномъ съ печальнымъ видомъ, хотя его смуглое лицо, освѣщенное жгучими глазами, уже тогда дышало энергіею и твердостью.

Онѣ всѣ были въ саду; въ гостиной г-жа Бериль тихо наигрывала романсъ; бабушка вязала. Бериль-отецъ, на лужайкѣ, докуривалъ сигару. Заслышавъ шумъ, онъ поднялъ голову. Андрэ, по ту сторону изгороди, поклонился. Тогда маленькій Гастонъ Деврилесъ и Жоржъ Перье, два мальчугана, прыгавшіе съ дѣвочками, узнали сосѣда: до смерти отца онъ провожалъ ихъ изъ лицея. Они его окликнули. Андрэ перескочилъ изгородь тамъ, противъ дороги. Роза въ то время была еще прелестной малюткой, спотыкавшейся на своихъ нетвердыхъ ножкахъ и переходившей съ рукъ на руки. Съ тѣхъ поръ она выросла.

— А этотъ дикій юноша, порывистый и застѣнчивый, сдѣлался мужчиной... Незнакомцемъ, о которомъ теперь мало что извѣстно...

Мари-Луиза безсознательно произнесла эти слова почти вслухъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что это шикарный мужчина,—подтвердила Роза.

— Еще бы! Вѣдь онъ исполняетъ всѣ наши прихоти, когда бываетъ въ отпуску! Какъ жаль, что онъ не можетъ увести насъ съ собой въ Колоніи!...

— Полно, Леони! Ты не думаешь о томъ, что говоришь! У тебя тамъ испортился бы цвѣтъ лица!

Бѣлокурая Женни проговорила съ легкой ироніей:

— Я послѣдовала бы за нимъ на край свѣта! Съ нимъ не чувствуешь ни жары, ни холода, ни голода, ни жажды... Онъ предупреждаетъ всѣ желанія!

Леони говорила съ притворнымъ увлеченіемъ, поглядывая на Мари-Луизу: молодая дѣвушка казалась всецѣло поглощенной тѣмъ, что прикалывала вѣнокъ изъ незабудокъ.

— Это правда! Да здравствуетъ майоръ!... Почтимъ майора аплодисментами! Я требую аплодисментовъ! Начнемъ, Леони!

Роза захлопала въ ладоши, ея примѣру послѣдовала Леони, слегка похлопала и Женни...

— Да перестаньте, дурочки!

Мари-Луиза слегка порозовѣла: слишкомъ много воспоминаній нахлынуло къ ея сердцу.

Роза, скорчивъ забавную мину, притворно захныкала, потомъ расхохоталась.

— Сказать тебѣ правду, Мари-Луиза? Ну, такъ вотъ: ты ухаживаешь за маіоромъ... и самымъ серьезнымъ образомъ... ты влюблена въ него, вотъ и все. Вотъ и вся тайна твоего сердца... и причина твоей свирѣпости.

Мари-Луиза, не удостаивая сестру отвѣтомъ, прошла черезъ комнату, направляясь къ двери. Леони удержала ее за платье.

— Мари-Луиза, погоди уходить!—Прекрасные глаза Леони затуманились отъ внезапно охватившаго ее волненія, она привлекла къ себѣ сестру, и глядя на нее въ упоръ, сказала:—Дурочка ты. Развѣ ты не понимаешь, что съ тобой происходитъ! Вѣдь ради твоей же пользы мы тебѣ раскрываемъ твои собственныя чувства!... Ты любишь Андрэ, не отнѣкивайся, это вполнѣ естественно!... Но, до чего ты не понимаешь жизни!... Ты все еще воображаешь себя въ тѣ времена, когда молодая дѣвушка, недосягаемая въ своемъ достоинствѣ, ждала, что къ ней явятся съ предложеніемъ!... Теперь это не принято! Теперь не мужчины признаются въ любви...

— Ну, нѣтъ,—вставила Роза.

— Роза, не прерывай меня... Пусть Мари-Луиза узнаетъ, что она далека отъ дѣйствительности... За мужчинами слишкомъ много ухаживаютъ... Имъ вездѣ разставляютъ ловушки, и матери учатъ этому дочерей. Я не говорю о нашей,—нѣтъ, она тоже отстала отъ вѣка... Ты же всегда холодна, замкнута въ себѣ самой или, наоборотъ, готова говорить колкости... И вотъ мужчины смотрятъ на тебя съ недоумѣніемъ, не понимая, въ чемъ дѣло... они не слишкомъ проницательны, ты знаешь... Ты тоже смотришь на меня съ недоумѣніемъ? А вѣдь я не по-китайски съ тобой говорю!

И Леони со смѣхомъ выпустила Мари-Луизу.

— Что, вы обѣ поражены? Вы не считали Леони способной на такія психологическія тонкости?—подхватила Роза, перелистывавшая „Дневникъ горничной", и продолжала:—Ахъ, мы, нынѣшнія, ужъ не читаемъ „Граціеллы".

Небесная лазурь ея глазъ подернулась легкой дымкой, но дѣвушка продолжала тономъ искренняго убѣжденія:

— Повѣрь мнѣ, Мари-Луиза, спустись со своего пьедестала. Отдай себѣ отчетъ въ истинныхъ потребностяхъ мужчинъ. Они всѣ не что иное, какъ самцы. Изучи ихъ по Полю Адану, подумай обо всѣхъ любовникахъ Клариссы...

— Замолчи, Роза, замолчи!... Вы обѣ меня пугаете.

Младшія, при видѣ все возрастающаго изумленія своей сестры, переглянулись съ улыбкой. Роза вполголоса проговорила:

— Надо довести это до свѣдѣнія красавца Андрэ... Съ ней есть только одно средство: когда ее возьмутъ силой, она поблагодаритъ... Зато она будетъ вѣрной и любящей... Замужество явится позже... впослѣдствіи... въ самомъ концѣ...

— Ну, что̀ вы за созданія?...

Мари-Луиза, негодуя, скрестивъ руки на своей вздрагивающей груди, внимательно разсматривала своихъ младшихъ сестеръ, которыя предстали передъ ней въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, отколовшіяся отъ семьи, уже теперь чуждыя своей средѣ. Кругло раскрывъ отъ изумленія свои свѣтлые глаза, Женни слушала, положивъ локти на столъ. Младшія, казалось, очень гордились произведеннымъ ими впечатлѣніемъ. Вдругъ дверь распахнулась, свора собакъ ворвалась въ комнату впереди Селины, которая вошла, вся раскраснѣвшись, въ съѣхавшей набокъ соломенной шляпѣ, съ блестящими глазами и пунцовыми губами. Висѣвшая у нея на рукѣ сѣтка была туго набита овощами и свертками, перемѣшавшимися между собой. Рыбій хвостъ переплетался съ розовымъ редисомъ и лиловыми баклажанами.

— Вотъ лавзонія для Леони! Пудра для Розы! Кружево для Женни! Твоя бумага, Мари-Луиза!... Ухъ!... Я ничего не забыла... Вы бы лучше меня поблагодарили, вмѣсто того, чтобы пялить другъ на друга глаза, словно телки при видѣ поѣзда.

— Ты—добрая дѣвочка, Селина!

И, продолжая смѣяться, Роза сказала:

— Ты всегда можешь обращаться къ намъ, когда мы будемъ богаты!

— Еще бы!

Селина очистила уголокъ стола и, разложивъ свои покупки, стала раздавать каждому свое, объявляя цѣны.

— Ну, а пока вы мнѣ должны восемнадцать су... И какъ бы я ни была добра, я не могу вамъ ихъ подарить.

Роза протянула ей франковую монету и съ достоинствомъ отказалась отъ сдачи.

— Вотъ я и заработала два су!

— Прибавь къ этому то, что ты утаила изъ маминыхъ денегъ на рынкѣ, вотъ ты и выгадала себѣ на поѣздку въ Парижъ, не такъ ли?

— Твоя правда.

— Мы объ этомъ не проболтаемся, если ты на минуту оставишь свой салатъ, свою вонючую скумбрію и взглянешь намъ прямо въ глаза...

— Что съ вами? Васъ точно кто укусилъ сегодня утромъ.

Селина спрашивала взглядомъ Мари-Луизу и Женни. Продолжая хранить молчаніе, обѣ старшія смотрѣли на зрѣлище, устроенное младшими сестрами, пытаясь угадать, какой собственно удѣлъ готовила судьба этимъ двумъ дѣвушкамъ, казавшимся близнецами. Младшія сестры приблизились другъ къ другу. Роза прижималась бѣлокурой головой къ плечу Леони.

— Селина, ты славная, безхитростная дѣвочка... Только что Мари-Луиза, которая теперь о чемъ-то, кажется, замечталась, спросила насъ, что мы собою представляемъ... Да, мы—обѣ, Леони и я... Скажи совершенно откровенно, что ты о насъ думаешь?..

— Вотъ такъ вопросъ!—воскликнула со смѣхомъ Селина.

— Скажи, Мари-Луиза, неужели ты ломаешь голову надъ тѣмъ, чтобы узнать сущность Леони и Розы?

— Во-первыхъ, я вижу, что онѣ—хорошенькія...

— Браво!

— Честное слово, между нами говоря, мама насъ на-диво смастерила... и всѣхъ безъ исключенія!... На всевозможные вкусы!...

— На всевозможные вкусы! Устами невинности говоритъ истина!

Довольная Роза повернулась на каблукахъ и вдругъ, какъ настоящій ребенокъ, протанцовала кэкъ-уокъ, которому вторила Леони, напѣвая матчишъ. Въ ихъ юныхъ тѣлахъ, запрокинутыхъ назадъ, было что-то вызывающее. Селина была права: ихъ красота отвѣчала самымъ разнообразнымъ вкусамъ.

Именно благодаря разнообразію ихъ красоты, онѣ казались еще привлекательнѣе, и эту красоту подчеркивали и грація ихъ движенія, и блескъ ихъ глазъ, и трепетъ ихъ длинныхъ рѣсницъ. Подкрашенныя, съ подведенными бровями, онѣ предстали передъ Мари-Луизой въ новомъ свѣтѣ, окутанныя какой-то таинственностью. Малѣйшее изъ ихъ движеній было полно своеобразной женственности. Казалось, что высшей радостью было для нихъ нравиться всѣмъ и вездѣ. Онѣ были какой-то ожившей гармоніей. Было ли то результатомъ долгаго изученія или дѣйствительно въ нихъ заключалась неодолимая прелесть? Мари-Луиза невольно подчинилась сама обаянію ритма ихъ движеній.

...Да, подкрашенныя, съ подведенными бровями, онѣ все же словно были изваяны терпѣливымъ рѣзцомъ художника. Какая-то порочная красота свѣтилась въ ихъ глазахъ, ярко горѣвшихъ на напудренныхъ лицахъ. Солнце и небо смѣялись въ свѣтло-золотистыхъ волосахъ Розы, въ ея измѣнчивыхъ сапфировыхъ зрачкахъ, обрамленныхъ двойной бахромой черныхъ рѣсницъ. У нея было хрупкое тѣло дѣвочки, съ едва намѣчавшейся грудью. Эта

женщина-ребенокъ, эта живая загадка, съ нѣжными движеніями подростка, волновала воображеніе, заставляла терять разсудокъ.

Леони, полная, но изящная, какъ бы обѣщала страсть и упоеніе темно-карими зрачками, въ которыхъ вспыхивали золотистыя искорки. Въ ея оригинальномъ носикѣ было что-то вызывающе-привлекательное. Когда она смѣялась, на ея подбородкѣ появлялась ямочка. Когда обѣ сестры улыбались, у нихъ во рту сверкали крѣпкіе, здоровые зубы.

— Тебѣ хотѣлось бы узнать, Мари-Луиза?

Роза, возбужденная, склонилась къ своей старшей сестрѣ.

— Мы—только новообращенныя... того культа, жрицами котораго мы хотимъ стать, современными жрицами...

— Да замолчи ты, болтушка!—проговорила Селина, ущипнувъ за руку отбивавшуюся отъ нея Розу.

— А ошибаешься ты, Мари-Луиза, оставаясь недоступной... на своей бѣло-мраморной башнѣ!...

Дѣвочка качала головой, и казалось, что вокругъ нея разлито сіяніе. Мари-Луиза кротко и устало смотрѣла на трехъ сестеръ: на Селину, Розу, Леони.

Наконецъ, ей сталъ понятенъ смыслъ ихъ красоты, этой извѣчной западни, разставляемой для мужчинъ, которые всегда являются добычей, сраженной или побѣждающей въ свою очередь. Она смотрѣла на нихъ и не замѣчала Женни, насмѣшливой, улыбающейся, счастливой, тоже стремившейся куда-то, но по иному пути! Какъ это было вѣрно! Лучезарность и небо таились въ Розѣ! Въ глазахъ Леони зажигались огоньки, и страсть освѣщала ея улыбку. Селина походила на сочный плодъ.

Въ зависти Мари-Луиза забывала, что она тоже красива, что она прекрасно сложена и что у нея пышная грудь. Взволнованная въ своемъ инстинктѣ женщины, томимая безотчетной тревогой пробуждающихся желаній, она чувствовала, какъ ея душу охватывала безконечная тоска. Неожиданно раздавшійся звонокъ у входа заставилъ ее вздрогнуть.

— Это майоръ,—сказала Селина,—я встрѣтилась съ нимъ, возвращаясь съ рынка! Пойду открою!

Однимъ прыжкомъ она очутилась въ сѣняхъ.

— Но не можемъ же мы ему показаться въ „папильоткахъ“!—взволнованно крикнула Мари-Луиза.

— Полѣзай въ окно! гопъ! перепрыгни черезъ подоконникъ,—нашлась Роза.—Обойди вокругъ дома, мы тутъ задержимъ Андрэ, пока ты пройдешь къ себѣ въ комнату.

Мари-Луиза, примѣру которой хотѣла послѣдовать и Женни,

поспѣшно бросилась къ окну, но ее остановилъ голосъ, раздавшійся въ комнатѣ, залитой сіяющими лучами солнца:

— Къ чему же вы разлетаетесь во всѣ стороны, словно стая напуганныхъ воробьевъ!...

Андрэ Виньола, стоя на порогѣ, улыбался, протягивая имъ руки.

III.

Андрэ провелъ тяжелое дѣтство между всегда враждовавшими родителями. Когда Гекторъ Виньола женился на мадемуазель Риваль, дочери сборщика податей въ Сенъ-Морѣ, онъ думалъ лишь о томъ, что бракъ предоставитъ въ его обладаніе прелестную и невинную дѣвушку. Генріетта была полна трогательной граціи, нѣжной прелести блондинки со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ небесными глазами, въ которыхъ свѣтилась ея расцвѣтающая душа, бережно взлелѣянная подъ сѣнью монастырскихъ стѣнъ. Она выросла непорочной среди монахинь въ крылатыхъ чепчикахъ. Когда Гекторъ Виньола сдѣлалъ ей предложеніе, она передъ тѣмъ только что вернулась въ уютный домикъ, выстроенный рано овдовѣвшимъ Ривалемъ на берегу Марны изъ старой мельницы, заново имъ передѣланной. Гекторъ Виньола, представитель крупной фирмы шампанскаго, былъ сильный мужчина, властный, чувственный, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ. Помолвка продолжалась недолго, онъ повелъ быстрымъ темпомъ все дѣло, съ веселымъ и заразительнымъ добродушіемъ. Онъ умѣлъ располагать къ себѣ сердца и не сомнѣвался, что это свойство завоюетъ ему любовь робкой, непорочной дѣвушки, которую онъ увезъ къ себѣ, въ вечеръ свадьбы, подъ ея фатой невѣсты.

Но каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что она не спокойна, что она противится его вліянію. Оставшись наединѣ со своимъ мужемъ, она, у его широкой груди, не узнавала въ суровомъ чужомъ мужчинѣ своего жениха, такъ мило смѣявшагося наканунѣ. Какой-то непонятный инстинктивный страхъ охватилъ все ея существо и отразился въ ея голубыхъ глазахъ. Когда она почувствовала себя поруганной, истерзанной, у нея вырвался крикъ затравленнаго звѣря, она отпрянула, движимая какимъ-то физіологическимъ отвращеніемъ, которому суждено было стать безповоротнымъ.

Охваченная ужасомъ передъ любовнымъ бредомъ своего мужа, знойные порывы котораго терзали ея нѣжное тѣло и ея мистическую душу, Генріетта вообразила, что въ ея звѣря-мужа все-

лились всѣ адскія силы. Въ негодованіи отъ вольности словъ, жестовъ, которые въ ея представленіи не вязались съ ея обязанностями супруги и христіанки, она обратилась за совѣтомъ къ своему духовнику и, отдаваясь дерзкимъ объятіямъ того, кого она про себя называла палачомъ, стала лишь пассивнымъ и безстрастнымъ существомъ, строгимъ, какъ судья, и покорнымъ, какъ жертва... Оторванный отъ своихъ привычныхъ наслажденій, рѣшительно неспособный быть наставникомъ молодой дѣвушки, красавецъ Виньола скоро усталъ играть роль, которая его принижала. Имъ снова завладѣли женщины низкаго разбора, сумѣвшія утолить его невысокія потребности. Греза о счастіи бѣлокурой невѣсты съ сильнымъ мужчиной рушилась.

Риваль, ухаживая за своими розами, ничего не подозрѣвалъ о скрытой драмѣ, которая должна была поселить вѣчную рознь между супругами, вскорѣ окончательно разобщенныхъ рожденіемъ Андрэ: молодая женщина отнынѣ стала только матерью, свирѣпой, всегда готовой наброситься на своего мужа, если бы ему пришло въ голову вмѣшаться въ воспитаніе малютки. Но Гекторъ Виньола на этомъ и не настаивалъ. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, какъ любовникъ, лишенный, какъ отецъ, своего сына, онъ покорился своей участи, взглянулъ на свою женитьбу какъ на неудавшееся приключеніе, снова почувствовалъ себя свободнымъ въ своихъ дѣловыхъ поѣздкахъ, въ которыхъ онъ расточалъ ласки и шипящія вина. Онъ предлагалъ то и другое съ дьявольскимъ увлеченіемъ, заключая сдѣлки, дерзко приставая къ женщинамъ, безъ разбора улавливая въ свои сѣти всѣхъ попадавшихся ему подъ руку незнакомокъ, словно фавнъ, всегда готовый устремиться на свою добычу.

Андрэ выросъ въ средѣ мрачной, а порой и невыносимой, особенно въ тѣ дни, когда Гекторъ Виньола разъ пять-шесть въ году заѣзжалъ въ Сенъ-Моръ, чтобы удостовѣриться въ успѣхахъ мальчика. Странное сродство породы и крови: Андрэ, воспитанный не подъ вліяніемъ отца, о которомъ при немъ говорили все съ бо́льшимъ презрѣніемъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ относился къ этому великану, который съ такимъ громкимъ хохотомъ поднималъ его на руки; его довѣрчиво влекло къ отцу, онъ мечталъ о томъ днѣ, когда путешественникъ, наконецъ, увезетъ его съ собою, вырветъ его изъ того маленькаго безмолвнаго домика, гдѣ рѣзвому ребенку становилось душно подъ тревожнымъ наблюденіемъ нѣжной матери. Генріетта смотрѣла на сына глазами судьи. Сколько разъ Андрэ, среди упрековъ и поцѣлуевъ, которые непослѣдовательно расточала ему мать, вдругъ чувство-

валъ что-то невысказанное: мать вдругъ удалялась отъ него съ холоднымъ видомъ.

Послѣ смерти старика Риваля, передъ которымъ, изъ стыдливости, Генріетта скрывала свои супружескія невзгоды, она перестала стѣсняться и рѣшила разорвать узы, еще связывавшія ее офиціально съ ея мужемъ.

Когда Андрэ узналъ, что отецъ его никогда не вернется въ ихъ домъ, что онъ болѣе не имѣлъ на это права, когда онъ услышалъ, что его мать называютъ „г-жей Риваль", его кулаки сжались отъ возмущенія, и сердце бурно вздымалось въ его груди. Въ его дѣтской душѣ поднималось злобное чувство противъ непреклонной женщины, отнимавшей, какъ ему казалось, безо всякой причины у него отца.

Замѣтивъ такое отношеніе къ себѣ сына, бѣдная мать была испугана. Ей пришлось убѣдиться, что законный разводъ не властенъ былъ порвать узы, подобно тому, какъ когда-то таинство брака и офиціально произнесенные обѣты не помогли сліянію двухъ враждебныхъ душъ. Разбитая, побѣжденная, она заплакала, со смущенной совѣстью, и ея слезы нѣсколько успокоили ребенка, давъ ему понять, что если его мать любила его не такъ, какъ ему хотѣлось, то она всетаки по-своему его любила. Внезапная смерть Гектора Виньола, раздавленнаго автомобилемъ, вывела ихъ изъ этой напряженности. Андрэ далъ волю своимъ слезамъ. Мать бережно отнеслась къ его горю. Но, всетаки ей захотѣлось отвлечь его отъ этой печали: ей также передавалась его глубокая, неисцѣлимая и безысходная грусть, но по мѣрѣ того, какъ она успокаивалась, успокаивался и Андрэ. Она увезла его въ Бордо, гдѣ у нея были родственники. Она надѣялась, что поѣздка его разсѣетъ, и не ошиблась. Они провели мѣсяцъ почти безмятежнаго счастья на набережныхъ большого города.

Набережныя Бордо были для Андрэ откровеніемъ, онѣ раскрыли ему его темпераментъ, смутныя желанія, глухо волновавшія его безпокойную душу пятнадцатилѣтняго подростка. Однажды утромъ въ Пойякѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ прибытія большого заатлантическаго парохода, на которомъ пріѣхали люди съ лицами, выжженными солнцемъ жаркихъ странъ: онъ сразу постигъ смыслъ тѣхъ порывовъ, которые волновали его порой, наполняя его неяснымъ, тревожнымъ стремленіемъ къ тому неуловимому, что являлось цѣлью всей его жизни, цѣлью еще не окрѣпшей и робко о себѣ заявлявшей.

„Я тоже уѣду туда, въ даль, уѣду, во что бы то ни стало..."

Закрывъ лицо руками, напрягая всю свою волю, чтобы пред-

ставить себѣ новые образы, Андрэ, стоя возлѣ матери на пароходѣ, увозившемъ ихъ въ Бордо, безмолвно смотрѣлъ на небо, на воду, на безбрежный просторъ, воображалъ себѣ жизнь, полную чудесъ, необъятные горизонты, къ которымъ простирались его руки. Онъ чувствовалъ все упоеніе могучей и цвѣтущей юности, рѣшивъ также высвободиться изъ-подъ любовнаго ига госпожи Риваль, устроить свою жизнь согласно своимъ наклонностямъ, отдаться силѣ, которая влекла его впередъ. Эта сила, чувствовалъ онъ, перешла къ нему отъ того великана, который мирно покоился теперь на маленькомъ клочкѣ земли, въ той мѣстности, гдѣ онъ выросъ, любилъ и по-своему страдалъ.

Андрэ на другой день по возвращеніи въ Сенъ-Моръ пошелъ поклониться могилѣ, которую онъ любилъ посѣщать одинъ, подобно тому, какъ онъ захотѣлъ бы говорить съ отцомъ, если бы тотъ былъ живъ, наединѣ, какъ мужчина. Его рѣшеніе было неизмѣнно: ему хотѣлось покинуть суженный горизонтъ маленькаго самодовольнаго городка. Онъ ненавидѣлъ его жителей, подсматривающихъ изъ-за занавѣсей за прохожими, слѣдящихъ за кокетливой дѣвушкой, осуждающихъ сосѣдей у нихъ за спиной. Ему не хотѣлось болѣе видѣть узкія улицы, виллы, тянувшіяся вдоль Марны, разбросанныя словно игральныя кости по дорогамъ, мѣщанскіе домики, эти клѣтки для людей,—украшенные клѣтками для птицъ,—гдѣ протекала однообразная и затхлая жизнь.

Уже въ томъ поѣздѣ, который везъ его домой съ его встревоженной матерью, онъ строилъ планы будущаго: бѣдная женщина смутно сознавала, что ей грозитъ какая-то новая опасность,—такъ замкнуто и задумчиво было лицо ея сына.

— Видишь ли, мама,—сказалъ онъ, отвѣчая на вопросъ г-жи Риваль,—я нахожу, что мнѣ пора избрать себѣ поприще; я хотѣлъ бы изучить медицину, а потомъ уѣхать въ Колоніи...

То былъ жестокій ударъ, но Генріетта чувствовала себя усталой, побѣжденной... Вся, жадная до приключеній, натура Гектора оживала въ его сынѣ. Передъ ребенкомъ мать чувствовала себя безоружной: отъ мужа она отреклась, но ребенокъ покорялъ ее своей волѣ. Она мечтала сдѣлать изъ него чиновника, чуждаго всѣхъ жизненныхъ бурь, чиновника, какимъ былъ ея отецъ, возлѣ котораго она такъ счастливо жила ребенкомъ, затѣмъ молодой дѣвушкой, среди невозмутимой тишины домика, обвитаго розами, въ которомъ былъ какъ бы вѣчный праздникъ.

...Она мечтала о такомъ жизненномъ закатѣ, который бы походилъ на зарю ея жизни, мечтала дожить свой вѣкъ подлѣ сына,

подлѣ невѣстки, которую избрала бы сама, и внучатъ, которыхъ бы она обожала! Еще разъ все рушилось вокругъ нея!... Ее охватила безмѣрная печаль, которую она на этотъ разъ скрыла, безсильная бороться противъ воли Андрэ.

Вечеромъ, когда они вернулись и вошли въ садъ, ихъ ожидала неожиданность. По ту сторону изгороди, окаймлявшей ихъ уголокъ, среди густо разросшейся зелени, шумно рѣзвилась цѣлая стая дѣвочекъ.

Онѣ громко перекликались, и ихъ имена мелькали въ воздухѣ, какъ звонкіе мячи. Мысль, что эти болтливыя созданія будутъ жить бокъ-о-бокъ съ нимъ, раздосадовала Андрэ. Одна изъ дѣвчурокъ, спотыкаясь на своихъ голыхъ ножкахъ, дала ему тутъ же почувствовать, въ какой степени онѣ ворвутся въ его жизнь: ея мячъ черезъ изгородь упалъ къ ногамъ юноши, остановившагося на террасѣ. Разсерженный, онъ послѣ минутнаго колебанія отбросилъ ногой ни въ чемъ неповинную игрушку.

Какой-то господинъ, очевидно, отецъ дѣвочекъ, учтиво ему поклонился.

Впослѣдствіи Андрэ никогда не могъ дать себѣ отчета, подъ вліяніемъ какого чувства онъ пошелъ на зовъ Гастона Деврилеса и Жоржа Перье, двухъ мальчугановъ, когда-то цѣплявшихся за него, а теперь игравшихъ съ дѣвочками въ бѣлыхъ платьяхъ, развѣвавшихся по вѣтру, открывая ихъ голыя икры.

Но прелестная картина, которую представляла эта семья,—сосредоточенный отецъ, любовно смотрѣвшій, какъ рѣзвились его дѣти, мать съ невинными глазами, бабушка, съ улыбкой вязавшая чулокъ,—должна была навсегда запечатлѣться въ его памяти, наперекоръ времени и пространству.

Если юность Андрэ была тягостной, его отрочество, время серьезнаго ученія протекло безмятежно, разнообразно, плодотворно; господинъ Бериль сталъ для него вѣрнымъ руководителемъ, терпѣливымъ и снисходительнымъ наставникомъ. Вечеромъ, по возвращеніи изъ своего банка, онъ шелъ къ юношѣ въ его комнату, на мельницѣ, вокругъ которой розы уже не вились въ такомъ изобиліи, какъ прежде... Онъ помогалъ ему въ его урокахъ, подготовляя Андрэ къ экзамену на баккалавра такъ же бережно, какъ если бы онъ былъ его сыномъ. Порой господинъ Бериль уводилъ Андрэ съ собой въ поля; лѣтними душистыми ночами подъ звѣзднымъ небомъ онъ растолковывалъ внимательному Андрэ смыслъ безбрежной жизни; онъ вызывалъ предъ нимъ исчезнувшіе міры, тѣ, которые можно себѣ вообразить на поверхности блестящихъ планетъ, подъ сѣнью небесъ. Онъ высказывалъ

ему то, что казалось ему истинной формулой человѣческаго счастья: быть добрымъ... Андрэ старался подняться на ту высоту, съ которой онъ могъ бы слѣдить и постигать эту душу, расточавшую себя, не жалѣя, не требуя благодарности. Заглядывая глубже въ эту душу, онъ уловилъ скорбь, хотя и глубоко запрятанную въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его существа... Онъ угадалъ уже давнюю скрытую рану, разочарованіе, когда-то испытанное Берилемъ, убѣдившимся въ явной ребяческой наивности своей жены, въ ея незначительности. И онъ также, женился на ней только потому, что она была красива, хорошо сложена, изящна!... Ахъ, этотъ вѣчный обманъ красоты! съ какой горечью Бериль указывалъ на него Андрэ, какъ на опасность, которая подстерегаетъ всѣхъ молодыхъ людей, ослѣпленныхъ пыломъ своихъ желаній, принимаемыхъ ими за любовь! Слушая его, Андрэ думалъ о той розни, которая когда-то возникла между его отцомъ и его матерью, омрачивъ его ранніе годы: ни тотъ, ни другая не пытались понять другъ друга; цѣлымъ рядомъ взаимныхъ оскорбленій они истерзали его юную душу. Бериль, болѣе снисходительный, ограничился тѣмъ, что отдался всецѣло задачѣ воспитанія своихъ пяти дочерей, стараясь, чтобы онѣ стали тѣмъ идеаломъ, не достигнутымъ имъ, котораго онъ желалъ для грядущихъ супружествъ.

Въ шестнадцать лѣтъ Мари-Луиза любила жизнь любовью здороваго существа, безъ лицемѣрнаго жеманства смотрѣла на четы влюбленныхъ, безъ ложной стыдливости ждала того мига, когда и для нея наступитъ чередъ быть избранной...

Но вдругъ грянула катастрофа, мрачный провалъ, въ которомъ исчезли всѣ радужныя надежды этихъ юныхъ существованій, сотканныхъ изъ свѣта и радости: однажды вечеромъ въ Сенъ-Моръ привезли господина Бериля, сраженнаго ударомъ.

Андрэ, находившійся въ то время въ Бордо въ школѣ для колоніальныхъ врачей, поспѣшилъ пріѣхать въ Сенъ-Моръ. Со сжавшимся сердцемъ, онъ запечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на холодномъ лбу того, кто былъ его духовнымъ отцомъ.

Бериля похоронили рядомъ съ настоящимъ отцомъ Андрэ на кладбищѣ городка.

Мари-Луизѣ, горѣвшей въ лихорадкѣ, молчаливой отъ скорби, Женни, плакавшей не осушая глазъ, ея младшимъ сестрамъ, у которыхъ слезы лились рѣкой, Андрэ могъ только протягивать руки, не умѣя выразить ту печаль, которая также сжимала его сердце. Онъ думалъ о безысходномъ горѣ, объ опасностяхъ, о борьбѣ, обо всемъ, что предстояло одолѣть его маленькимъ подругамъ, лишеннымъ своего руководителя, защитника, горячо

любимаго отца, который былъ душою семьи... Бабушка, которую смерть пощадила лишь для того, чтобы нанести, рядомъ съ ней, болѣе сильный ударъ, казалось, удручена была сознаніемъ, что она лишняя... Госпожа Бериль, совершенно разбитая, словно застыла, измѣряя всю глубину бѣдствія, которое застало ее въ самый разгаръ благополучія. Что станется со всѣми ними?

Жизнь съ ея запросами не дала времени Андрэ задумываться надъ положеніемъ его сосѣдокъ. Онъ долженъ былъ вернуться въ Бордо кончать курсъ, затѣмъ, съ дипломомъ въ карманѣ, ѣхать изъ Марселя въ Гвинею: эпидемія желтой лихорадки опустошала кадры оккупаціоннаго корпуса, изнуряла докторовъ, заваленныхъ работой. Въ захватывавшей его борьбѣ со враждебнымъ климатомъ онъ устоялъ, восторжествовавъ надо всѣмъ; надъ климатомъ, надъ лихорадкой, надъ усталостью. Когда улеглась эпидемія, онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе сопровождать миссію, отправлявшуюся въ глубь средней Африки.

Захваченный этой новой жизнью, лицомъ къ лицу съ природой, съ которой надо было вести непрестанную борьбу, Андрэ сталъ меньше думать о своихъ маленькихъ подругахъ Сенъ-Мора, скорбные силуэты которыхъ, одѣтые въ черное, долго еще преслѣдовали его въ часы безсонницъ, среди уснувшаго лагеря или въ его уединенной хижинѣ. Воспоминаніе о нихъ казалось ему прелестной страницей его молодости, словно образы мѣняющихся облаковъ.

Вокругъ Андрэ однѣ четы влюбленныхъ расходились, другія соединялись безъ всякихъ формальностей. Женщины слѣдовали за своими сожителями, дѣти быстро выростали крѣпышами, рожденныя неизвѣстно отъ кого; звѣри пожирали другъ друга, люди убивали себѣ подобныхъ... А жизнь, наперекоръ всему, такъ и била ключомъ изъ плодоносной почвы, изъ дымившагося чернозема. Вопли, смѣхъ, слезы, проклятья—все сливалось вмѣстѣ, чтобы упрочить царство силы и побѣду жизни, явно сражаемой смертью, но лишь для того, чтобы дать мѣсто новому торжествующему циклу жизни!

А тамъ, за океанами, пять дѣвушекъ въ маленькомъ городкѣ выбивались изъ силъ въ борьбѣ съ суровыми законами существованія. Андрэ, въ разгарѣ ожесточенной и повседневной борьбы съ цѣлой природой, смотрѣлъ теперь съ философскимъ безстрастьемъ на проблему, которую каждой изъ нихъ предстояло рѣшить тамъ, своими собственными силами, согласно со своимъ темпераментомъ!

Напрасно тревожилась г-жа Риваль, — жизнь торжествуетъ

надо всѣмъ!... Послѣ четырехъ лѣтъ ожесточеннаго труда, мирной борьбы, осторожныхъ завоеваній, миссія вернулась во Францію, привезя съ собой цѣлый рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній. Правда, этотъ славный ореолъ достался цѣною гибели нѣсколькихъ несчастныхъ товарищей! Но все же, когда разсказъ о приключеніяхъ миссіи, написанный однимъ изъ ея участниковъ, языкомъ, полнымъ воодушевленія, появился въ крупномъ литературномъ журналѣ, то было настоящимъ торжествомъ. Привѣтствуемый министромъ, окруженный лестью искательницъ сильныхъ ощущеній, которыя мечтаютъ о полу-богахъ, Андрэ съ упоеніемъ отдался радостному и новому для него ощущенію женскаго поклоненія. Онъ набросился на удовольствія, пошелъ на приступъ всѣхъ наслажденій. Утоляя накопившуюся жажду чувственныхъ утѣхъ, онъ переходилъ изъ объятій въ объятія, сближаясь такъ же легко, какъ и разставаясь. Его встрѣчали даже въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ цѣлой стаей продажныхъ женщинъ. Жена одного знаменитаго писателя воспѣла его въ хвалебныхъ стихахъ на столбцахъ свѣтской газеты. Женщины полусвѣта, любящія разсматривать портреты въ иллюстрированныхъ журналахъ, пришли въ восторгъ отъ его загорѣвшаго лица, отъ его энергичнаго профиля, отъ его жгучихъ, полныхъ жизни глазъ. На одно мгновеніе онъ забылся подлѣ одной „Мими Пенсонъ“ [1]), вообразивъ себя „Жюльеномъ“ этой „Луизы“, которая жеманно вытанцовывала передъ нимъ па, выученныя въ танцклассахъ, послѣ трудового дня, вечеромъ... Но одинъ русскій увезъ эту дѣвицу въ Москву для выступленія въ „Альгамбрѣ“. У Андрэ это разъ навсегда отбило охоту разыгрывать роль поэта...

Однако коварная дѣва полусвѣта напомнила ему пятерыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, работавшихъ надъ легкимъ муслиномъ, надъ лентами въ большой комнатѣ, съ окномъ, выходившимъ въ садъ, представлявшій собой настоящій Параду. [2]) Онъ вспомнилъ зеленыя воды Марны, ея русалокъ. Въ душу Андрэ прокралось сожалѣніе, затѣмъ—угрызеніе совѣсти: упоенный радостью возвращенія, онъ первое время едва замѣтилъ маленькихъ подругъ своего счастливаго отрочества. Всего только одинъ разъ утромъ

---

[1]) Имя гризетки въ одномъ стихотвореніи Альфреда Мюссэ:

Mimi Pinson est une blonde,
Une blonde que l'on connaît,
Elle n'a qu'une robe au monde
Landerirette... et qu'un bonnet... и т. д. *Прим. перев.*

[2]) Мѣстность, въ которой протекаетъ дѣйствіе романа Э. Зола „La Faute de l'abbé Mouret“. *Прим. перев.*

до отхода поѣзда онъ обмѣнялся легкимъ поклономъ съ обѣими старшими и ихъ матерью.

Онѣ торопились отвести въ Парижъ работу, сложенную въ трехъ огромныхъ сверткахъ, которые онѣ бережно несли. Охваченный смущеніемъ, Андрэ не посмѣлъ взглянуть на Мари-Луизу, которая казалась ему такой трогательной въ своемъ темномъ платьѣ. Женни, розовая и бѣлокурая, улыбнулась ему, проходя въ дверь вагона. Постарѣвшая г-жа Бериль казалась равнодушной.

Между тѣмъ Андрэ, по настоянію своей матери, не возобновилъ прежней дружбы съ сосѣдками; а тамъ его захватило упоеніе поцѣлуевъ, которые со всѣхъ сторонъ расточались ему и которое унесло его въ могучій водоворотъ чувственныхъ наслажденій. Придя въ себя отъ столькихъ женскихъ ласкъ, которыми онъ былъ почти пресыщенъ, онъ подолгу оставался дома, убаюканный окружавшей его тишиной, отдаваясь во власть воспоминаній, бурно нахлынувшихъ въ его душу. Задумчивое лицо Бериля склонялось надъ нимъ, въ ушахъ Андрэ звучали слова, полныя торжественнаго смысла. Потомъ зароились образы. Здѣсь, на этой террасѣ красавецъ офицеръ почувствовалъ себя юношей былыхъ лѣтъ. Изгородь попрежнему стояла на своемъ мѣстѣ... Онъ перескочилъ черезъ нее однажды вечеромъ, когда вся семья была въ сборѣ...

Онѣ встрѣтили его, какъ въ прежнее время, съ восклицаніями, обступили его, толкая другъ друга. Селина чистосердечно бросилась ему на шею. Женни, краснѣя, передавала ему, что Гастонъ Деврилесъ готовится къ экзамену. Роза и Леони нерѣшительно посматривали на него съ любопытствомъ и немножко жеманились; но вѣдь у него всѣ карманы были набиты бездѣлушками изъ жаркихъ странъ...

Мари-Луиза была высокомѣрно-изящна; какая-то неуловимая горечь сквозила въ улыбкѣ ея тонкихъ губъ... Но ея прелестные глаза, затуманенные и печально-ироническіе были полны нѣжности.

Бабушка и мать рады были снова видѣть Андрэ. Онъ опять сталъ въ этомъ домѣ старшимъ товарищемъ, братомъ, услужливымъ рыцаремъ, какимъ онъ былъ когда-то для шаловливыхъ дѣвочекъ, и когда, по окончаніи отпуска, онъ долженъ былъ ѣхать на Мадагаскаръ, ему не легко было разстаться съ этимъ маленькимъ женскимъ міркомъ.

Прощаніе было сердечно дружескимъ: сестры обѣщали ему писать, поочередно, хронику домашнихъ событій, не подозрѣвая, что г-жа Риваль, хотя и жившая затворницей въ своемъ

старомъ жилищѣ, уже давно начала ее въ письмахъ къ своему сыну... хронику, которую ей недолго суждено было вести... Сра женная тоскою одиночества, обезсиленная и печальная, она однажды вечеромъ тихо уснула, уходя отъ жизни такъ же безшумно, какъ она ее прожила, безъ мужа, безъ сына...

Когда Андрэ вернулся вторично, пробывъ три года на большомъ островѣ, мать его давно уже покоилась мирнымъ сномъ рядомъ со своимъ мужемъ, быть можетъ, примиренная съ нимъ!

Андрэ почувствовалъ себя одинокимъ, совершенно одинокимъ на этотъ разъ.

Ему было тридцать лѣтъ. Имъ овладѣла тоска. Машинально, не думая ни о чемъ, онъ отправился въ сосѣдній домъ. Его собственный домъ, слишкомъ пустой, казался ему могилой, которую природа закрывала непроницаемой сѣткой привольно разросшихся растеній, полныхъ дикой мощи.

Безъ долгихъ раздумій, Андрэ уводилъ въ поля „хорошенькихъ американокъ", предоставляя времени выяснить, что за тревога поднималась въ немъ, въ тишинѣ стараго жилища, гдѣ не слышно было шелеста женскихъ юбокъ.

Перев. Б. Рунтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ.

Повѣсть IV вѣка.

КНИГА ТРЕТЬЯ. [1])

V.

Болѣзнь маленькой Наміи продолжалась шесть дней, и эти дни были для меня, можетъ быть, тягостнѣе, чѣмъ мѣсяцы моего заключенія въ подземной тюрьмѣ.

Я считалъ себя виновнымъ въ болѣзни дѣвочки, и, видя ея страданія и близость ея конца, часто готовъ былъ воскликнуть въ отчаяньи, вмѣстѣ съ Эдипомъ: „Земля, разверзнись!“ [2]). Съ каждымъ днемъ ослабѣвая и какъ бы растаивая, подобно горсти бѣлаго снѣга, Намія все болѣе страстно желала жить, и, плача, повторяла, въ тѣ часы, когда была въ сознаніи; „Вылѣчите меня! я не хочу умирать! я боюсь умереть! спасите меня!“ Она цѣловала руки Грека и другого медика, котораго, дѣйствительно, прислала къ ней Гесперія, и умоляла ихъ помочь ей, но тѣ понемногу теряли свою самоувѣренность и все чаще совѣтовали надѣяться на помощь боговъ.

Тетка разыскала гдѣ-то въ Городѣ старуху-Ѳессалійку, которая лѣчила заклинаніями. То была сморщенная женщина, одѣтая грязно, съ нечесаными волосами, бормотавшая на какомъ-то странномъ діалектѣ Греческаго языка, который я едва понималъ. Едва войдя въ комнату Наміи, и едва взглянувъ на дѣвочку, метавшуюся въ бреду, старуха тотчасъ объявила, что знаетъ, кто наслалъ болѣзнь: одна Египтянка, живущая по сосѣдству, которая издавна не взлюбила весь домъ Тибуртина. Потомъ лѣкарка долго, обѣими руками, растирала тѣло дѣвочки, шептала надъ ней не-

---

[1]) *Продолженіе*. См. *Русская Мысль* 1911 г., кн. IX, X и XII; 1912 г., кн. I, II, III и IV.

[2]) Dehisce, tellus! (Sen. Oed., 867).

понятные заговоры, надѣла ей на шею амулетъ, зашитый въ тряпичку, и ушла, увѣривъ, что болѣзнь перейдетъ теперь на самое Египтянку, тогда какъ Намія черезъ два дня будетъ совсѣмъ здорова. Однако, о. Никодимъ, узнавъ о посѣщеніи знахарки, крайне разсердился, пригрозилъ теткѣ муками ада за сношеніе съ ворожеей, что̀ осуждаютъ законы церковные и законы имперіи, и, при содѣйствіи Аттузіи, снялъ съ Наміи ладонку, такъ что мы и не узнали, принесла ли она какую-нибудь пользу больной.

Особенно мучило меня то, что я принужденъ былъ постоянно лгать умиравшей дѣвочкѣ. Гесперія, съ непонятнымъ упорствомъ, каждый день присылала за мною раба и заставляла приходить къ ней, можетъ быть, и потому, что мужъ ея былъ въ отсутствіи. Отказаться отъ этихъ приглашеній у меня недоставало воли, такъ какъ слишкомъ сладостно было мнѣ проводить часы наединѣ съ Гесперіей, дышать благоуханіями, которыми было пропитано ея платье, видѣть близко отъ себя ея лицо съ восковой нѣжностью кожи. Хотя всегда наши разговоры начинались съ предметовъ общественныхъ, съ обсужденія тѣхъ способовъ, какими можно ниспровергнуть власть Граціана и возвести на тронъ Цезарей человѣка, готоваго защищать древнюю религію,—очень скоро мы переходили къ нашимъ чувствамъ, къ тѣмъ вопросамъ, которые вѣдаетъ Цитерея и ея крылатый сынъ. И когда красавица Гесперія, вкрадчивымъ голосомъ, опять повторяла мнѣ, что въ ея сердцѣ загорѣлась страсть ко мнѣ, что, впервые послѣ многихъ обманчивыхъ влеченій, она испытываетъ подлинную любовь, что я—ея послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ первый истинный избранникъ, хотя тысячи другихъ тщетно добиваются одного ея ласковаго взгляда,—трудно мнѣ было устоять и не поддаться соблазну. Я уже не отрицалъ, что любовь къ Гесперіи—жива въ моей душѣ; но, чувствуя, что и недавняя ненависть только задремала на время, можетъ воскреснуть каждую минуту, едва въ поступкахъ этой женщины снова проглянетъ коварство, уклонялся упорно отъ рѣшительныхъ признаній.

— Ты не любишь меня, Юній?—спрашивала меня Гесперія, держа меня за руки и какъ бы погружая свой взоръ въ мои глаза.

— Можетъ быть, я люблю тебя, а можетъ быть, нѣтъ,—отвѣчалъ я тоскливо.

— Нѣтъ! нѣтъ! ты меня любишь, ты долженъ меня любить, я такъ хочу!—говорила она, какъ если бы ея желаніе было волей безсмертной богини.

Не разъ Гесперія привлекала меня къ себѣ и начинала цѣловать поцѣлуями острыми, какъ укусъ змѣи, вкладывая кончикъ языка въ мои губы,—что Греки называютъ γλώττισμα,—а я отъ такихъ ласкъ терялъ обладаніе собой и, обезсилѣвъ, оставался въ объятіяхъ женщины, какъ трупъ, которымъ она можетъ распоряжаться по своей прихоти. Гесперія находила слова нѣжности необыкновенной, ласкающія, какъ журчаніе ручья, наполняющія слухъ, какъ отдаленный говоръ вѣтра въ лавровыхъ листьяхъ. Она, словно мать ребенку, говорила мнѣ, наклоняя надо мной свои большіе глаза съ расширившимися зрачками:

— Мой маленькій, мой милый, мой единственный! Ты именно то, о чемъ я мечтала долго. Дай мнѣ свою молодость и возьми у меня весь мой опытъ жизни. Давай любить другъ друга, и вдвоемъ мы достигнемъ такого счастія, какого еще не бывало на землѣ. Сами Олимпійцы позавидуютъ намъ, и будущіе поэты станутъ называть наши имена рядомъ съ именами Протесилая и Лаодаміи, Геро и Леандра, Канаки и Макарея!

— Гесперія,—слабо возражалъ я,—сколько разъ въ жизни ты говорила тѣ же слова!

— Такъ что же!—отвѣчала она.—Я буду твоей первой истинной любовью. Ты—моя послѣдняя истинная любовь! Быть первымъ и быть послѣднимъ одинаково прекрасно! Послѣдняя любовь, это значитъ—любовь вѣчная, конца которой не будетъ.

И, зная множество стиховъ наизусть, она начинала страстно-дрожащимъ голосомъ декламировать передо мною письмо Федры изъ „Героидъ“ Назона:

Я уже не стыжусь молить, униженно, покорно.
    Горе, гдѣ гордость моя? дерзкія рѣчи? ихъ нѣтъ.
Вѣрилось мнѣ, что я долго бороться буду, что страсти
    Я не поддамся вовѣкъ; вѣрнаго что есть въ любви!
Побѣждена, умоляю, царскія руки къ колѣнямъ
    Я простираю твоимъ. Все позволяетъ любовь!
Я разучилась краснѣть, и Стыдъ покинулъ знамена,
    Сжалься, когда сознаюсь, гордое сердце возьми! [1])

---

[1]) Non ego dedignor supplex humilique precari.
    Heu, ubi nunc fastus, altaque verba? iacent.
Et pugnare diu, nec me submittere culpae
    Certa fui; certi si quid haberet amor!
Victa precor, genibusque tuis regalia tendo
    Brrachia. Quid deceat non videt ullus amans.
Depuduit, profugusque Pudor sua signa relinquit.
    Da veniam fassae, duraque corda doma.
(Ov. Her. IV, 149 sqq.).

Слушая такія рѣчи, я, въ самомъ дѣлѣ, готовъ былъ воображать себя сыномъ Тезея.

А, придя отъ Гесперіи домой, я шелъ въ комнату Наміи, садился у ея постели, оберегалъ ея безпокойный, лихорадочный сонъ или успокаивалъ ея мучительный бредъ. Чувства гордаго царевича Ипполита или страстнаго любовника Геро умирали въ моей душѣ, и ихъ замѣняла безмѣрная жалость къ бѣдной, страдающей дѣвочкѣ. Намія же, когда приходила въ себя, каждый разъ, съ упорствомъ болѣзни, спрашивала одно и то же:

— Ты не былъ сегодня у Гесперіи? Ты не пойдешь къ ней? Ты не будешь съ ней цѣловаться? Ты ее не любишь?

И я клялся Наміи, что у Гесперіи не былъ, не пойду къ ней, съ ней не цѣловался, не люблю ея. Намія успокаивалась на минуту, но скоро, быть можетъ, забывъ о моемъ отвѣтѣ, снова начинала тревожиться и снова повторяла тѣ же вопросы, слабымъ, но настойчивымъ голосомъ:

— Скажи, ты не любишь Гесперіи?

Почти постоянно мучимая видѣніями бреда, Намія уже не могла хранить тайну своей любви ко мнѣ и часто начинала говорить о ней въ присутствіи матери и сестры. Тетка, наполовину потерявшая разумъ отъ горя, едва ли понимала эти признанія дѣвочки, но Аттузія хорошо ихъ запомнила и, конечно, сдѣлала изъ нихъ свои выводы. Одинъ разъ она даже заговорила со мною о томъ грѣхѣ, какой принимаетъ на душу тотъ, кто соблазняетъ единаго изъ малыхъ сихъ. Но я отвѣтилъ ей рѣзко, что Намія просто бредитъ и что вообще я не считаю Аттузію въ правѣ давать мнѣ какія-либо наставленія. Сжавъ свои тонкія губы, Аттузія ничего не возразила и на время оставила меня въ покоѣ.

Между тѣмъ силы Наміи все слабѣли. Она уже не могла сама приподыматься и почти всѣ часы проводила неподвижно, безъ сознанія, иногда выговаривая, среди стоновъ, отдѣльныя слова. Оба медика объявили намъ, что на выздоровленіе они болѣе не надѣются, и что дѣвочкѣ осталось жить не болѣе сутокъ. Во всемъ нашемъ домѣ распространилось уныніе, и даже рабы, которые любили маленькую Намію, сдѣлались угрюмыми и порой отирали слезы.

Вечеромъ Гесперія опять прислала за мной, сообщая въ письмѣ, что у нея есть ко мнѣ очень важное дѣло. Прочтя письмо, я велѣлъ рабу передать Гесперіи, что пріити не могу, но, когда онъ ушелъ съ такимъ моимъ отвѣтомъ, я почувствовалъ безпокойство и тоску. Мнѣ стало мучительно жаль потерять лишній случай

увидѣть Гесперію, и, послѣ долгихъ колебаній, я все же не устоялъ передъ соблазномъ. Обѣщавъ себѣ, что у Гесперіи я пробуду только нѣсколько минутъ, я вышелъ изъ дому и побѣжалъ черезъ Циспій на Лабиканскую улицу.

Гесперія не удивилась, увидя меня, хотя рабъ уже передалъ ей мой отвѣтъ; она ждала меня и была, повидимому, увѣрена, что я приду, несмотря на свой отказъ. Какъ и всегда, она меня встрѣтила не какъ любовника, но какъ сообщника, и, доставъ только-что полученное ею письмо Симмаха, начала объяснять, что̀ произошло новаго. Она говорила спокойнымъ, дѣловымъ голосомъ, подробно выясняла всѣ мелочи, и трудно было бы подумать, что черезъ нѣсколько минутъ она способна заговорить рѣчами обезумѣвшей отъ страсти Федры.

Симмахъ писалъ въ письмѣ, которое онъ просилъ немедленно уничтожить, что онъ отъ достовѣрныхъ людей узналъ о готовящемся возмущеніи среди легіоновъ Британніи. На этомъ отдаленномъ островѣ войско уже давно было недовольно тяготами службы, несправедливостями начальниковъ, отсутствіемъ тѣхъ наградъ, которыя нерѣдко достаются на долю легіоновъ, расположенныхъ въ Галліи и Италіи. Нашлись люди, которые рѣшили воспользоваться этимъ недовольствомъ воиновъ и убѣдить ихъ провозгласить новаго императора. Всѣ тѣ, которые почему-либо не добились почестей при Граціанѣ или, наоборотъ, получили уже столько милостей, что не могли надѣяться на новыя, рады были случаю возвести на тронъ новаго человѣка, который долженъ былъ бы осыпать своихъ приближенныхъ и новыми щедротами. Заговоръ пока извѣстенъ лишь небольшому числу людей, но втайнѣ уже дѣлаются приготовленія къ военному походу, и слѣдуетъ разсчитывать, что весной разразится гражданская война.

Письмо кончалось слѣдующими странными словами, смысла которыхъ я сразу не понялъ: „Si princeps non vult appellari pontifex admodum brevi potifex maximus fiet“. [1]) Гесперія истолковала мнѣ эти слова, сказавъ, что рѣчь идетъ о нѣкоемъ Максимѣ, родомъ Испанцѣ, родственникѣ императора Ѳеодосія, опытномъ и любимомъ легіонами военачальникѣ. Максимъ проживаетъ въ Британніи, наполовину занимая почетную должность при расположенныхъ тамъ войскахъ, наполовину въ качествѣ изгнанника,

---

[1]) Игра словъ, основанная на созвучіи имени Maximus и званія Pontifex maximus. Фразу можно перевести двояко: или—„если государь не хочетъ быть первосвященникомъ, онъ скоро будетъ верховнымъ первосвященникомъ“ или—„скоро первосвященникомъ будетъ Максимъ“. Этотъ каламбуръ, понравившійся современникамъ, сохраненъ намъ (по-гречески) историкомъ Зосимою (Zosimi Historiae, IV, 36).

такъ какъ Граціанъ опасается его вліянія и значенія. Очевидно, этотъ Максимъ и намѣченъ заговорщиками, какъ будущій императоръ.

Давъ мнѣ эти объясненія, Гесперія поднесла таблички, присланныя Симмахомъ, къ огню и ждала, пока весь воскъ растаетъ и все написанное не обратится въ безформенную гущу.

— Тебѣ не жалко поступать такъ съ письмомъ Симмаха!— воскликнулъ я.

— Милый Юній,—возразила Гесперія,—такого письма достаточно для того, чтобы даже мнѣ, хотя я—жена сенатора и, какъ говорятъ, красивѣйшая женщина въ Городѣ, отрубили голову. Когда надо сдѣлать выборъ между краснорѣчіемъ и благомъ имперіи, я, не задумываясь, принесу въ жертву искусство. Если бы у насъ недостало боевыхъ снарядовъ, я не поколебалась бы заряжать баллисты головами статуй Праксителя!

Она сказала это съ такимъ видомъ, словно сзади стоялъ писецъ, который обязанъ былъ записывать ея изреченія.

— Чѣмъ же это возстаніе Максима можетъ быть полезно для нашего дѣла?—спросилъ я.

— Еще не знаю,—отвѣтила Гесперія,—но думаю, что воспользоваться имъ будетъ возможно. Недовольство противъ Граціана растетъ. Сенаторы каждый день, видя пустое мѣсто тамъ, гдѣ прежде стояла статуя богини Побѣды, вновь переживаютъ нанесенное всѣмъ намъ оскорбленіе. Аріане раздражены преслѣдованіями, какія воздвигъ на нихъ неистовый Амвросій. Простой народъ втайнѣ любитъ своихъ боговъ, и въ деревняхъ поселяне съ уныніемъ смотрятъ на то, что храмы, у которыхъ отняты ихъ земли, обѣднѣли и разрушаются. Кромѣ того, бѣдняки всегда недовольны существующимъ правленіемъ и вѣрятъ, что при другомъ имъ будетъ легче жить. Съ виду всѣ покоряются гнету сына Валентиніана, но я убѣждена, что, затворивъ дверь своего дома, каждый гражданинъ посылаетъ ему проклятія. Его ненавидятъ всѣ, отъ Океана до Верхняго моря [1]), а можетъ быть, и до границъ Персіи. Пусть только Максимъ выступитъ открыто, мы тотчасъ поднимемъ противъ Граціана всю Италію и всю Паннонскую діоцесу: тамъ у насъ много друзей. А потомъ можно будетъ сговориться, что дастъ намъ Максимъ въ обмѣнъ за нашу поддержку!

— Значитъ, ты согласилась бы на то, чтобы императоромъ сталъ Максимъ?—спросилъ я съ замираніемъ сердца, потому что въ ту минуту подумалъ о Юліаніи.

---

[1]) Mare Superum—Адріатическое море.

— Что дѣлать, можетъ быть, пришлось бы согласиться временно и на это,—сказала въ отвѣтъ Гесперія.

— А твой Юліаній?—произнесъ я, и почувствовалъ, что при этомъ имени краснѣю, какъ маленькій мальчикъ.

Гесперія весело разсмѣялась и отвѣтила мнѣ такъ:

— Неужели ты думалъ, что мы, въ самомъ дѣлѣ, надѣнемъ когда-нибудь діадему Діоклеціана на эту тряпичную куклу, отполированную пемзой и украшенную поддѣльными волосами? Нѣтъ, мой Юній, мы бережемъ его только на самый крайній случай. Полезно имѣть въ запасѣ потомка Констанція Хлора,—подобное имя дѣйствуетъ на народъ. А кромѣ того, Юліаній можетъ пригодиться намъ и для другого. Если бы при дворѣ Граціана дознались о нашихъ замыслахъ, мы отдали бы имъ Юліанія, какъ главнаго зачинщика заговора, и этимъ, можетъ быть, спасли бы себя.

Гесперія говорила о послѣднемъ предположеніи съ такой доброй улыбкой, какъ если бы рѣчь шла не объ томъ, чтобы предать человѣка на позоръ, на пытки и на казнь, но о милой шуткѣ. Глядя на ея спокойное лицо, я невольно подумалъ: вотъ та твердость духа, та aequa mens, о которой я мечталъ недавно. Именно такъ долженъ смотрѣть на людей тотъ, кто хочетъ направлять дѣла всей имперіи. Такъ смотрѣли на людей Сулла и Цезарь, Августъ и Константинъ. Что̀ была для нихъ жизнь человѣка, или даже тысячи людей, если ставился вопросъ о выполненіи ихъ замысловъ! Вотъ истинно Римскій духъ, утраченный нашимъ временемъ, утраченный и мною,—мною, плачущимъ о смерти маленькой, ничего не значащей дѣвочки!

„Нѣтъ, я не Римлянинъ,—съ отчаяніемъ подумалъ я,—я— *христіанинъ!*“

Но, пользуясь оборотомъ разговора, я подавилъ свое волненіе, и спросилъ Гесперію, глядя ей прямо въ лицо:

— Ты такъ легко жертвуешь Юліаніемъ. Но скажи мнѣ: развѣ тебѣ самой онъ не дорогъ? А мнѣ казалось, что вы съ нимъ... близкіе друзья.

Гесперія опять засмѣялась,—не для того ли, чтобы скрыть смущеніе,—и договорила мой вопросъ до конца:

— Ты хочешь узнать, не мой ли любовникъ Юліаній?

Я пробормоталъ что-то неясное, а Гесперія продолжала, уже строго:

— Нѣтъ, Юній! Юліаній моимъ любовникомъ никогда не былъ и никогда не будетъ! Мнѣ было бы противно прикоснуться губами къ его лицу, раскрашенному дешевыми красками. И ты долженъ

вѣрить, что мои слова—правда. Я не скрыла отъ тебя, что за свою жизнь я уступала мольбамъ многихъ, но этотъ Юліаній не былъ въ ихъ числѣ. Хотя бы тысячи доказательствъ говорили тебѣ другое, все же вѣрь не имъ, даже не собственнымъ глазамъ, а моей клятвѣ. Есть причины, почему я дѣлаю видъ, будто и теперь окружена возлюбленными: но это лишь обманчивая внѣшность. Уже давно, много раньше, чѣмъ я поняла, что люблю тебя, Юній, я отвергла всѣхъ мужчинъ. Мой мужъ—болѣе не мужъ мнѣ, а только товарищъ общаго нашего дѣла; всѣ другіе, окружающіе меня—только мои друзья и помощники. Кто похвалится большимъ, тотъ солжетъ. Подобно жрицамъ Круглаго храма, я тоже дала обѣтъ, и, если я нарушила его, пусть со мной поступятъ, какъ съ той изъ нихъ, кто провинилась передъ богиней!

Я не зналъ, что думать, слушая Гесперію, которую молва называла самой развратной женщиной Города и которая равняла себя съ весталками. Какъ всегда, казалось, что ея рѣчь идетъ изъ самой глубины души, что она говоритъ съ простосердечіемъ ребенка, ея большіе глаза смотрѣли открыто, а грудь поднималась, словно отъ негодованія при мысли, что я могу ей не повѣрить. Между тѣмъ я помнилъ хорошо, что Юліаній самъ, съ постыдной похвальбой, говорилъ мнѣ о своей близости съ Гесперіей, я помнилъ, что видѣлъ самъ, какъ онъ вошелъ къ ней въ домъ вечеромъ и вышелъ изъ него лишь рано утромъ, качаясь отъ сладкаго утомленія. Повѣрить благороднымъ клятвамъ Гесперіи—значило показать себя прирожденнымъ простакомъ, но какъ было не повѣрить ея вкрадчиво-ласковому голосу, ея ясному взору, ея рѣшительнымъ утвержденіямъ, притомъ когда было такъ сладостно вѣрить всему тому, въ чемъ она увѣряла?

Чтобы сдѣлать свои слова еще болѣе убѣдительными, Гесперія, продолжая свои клятвы, обвила мою шею рукою и, наклонясь къ моему уху, снова стала шептать мнѣ свои нѣжныя признанія, говоря, что я—тотъ единственный, кого она любитъ, кому согласна отдать свои ласки. Сознаніе мое затемнилось, словно завѣсой тумана, я забылъ всѣ свои безпощадныя мысли о Гесперіи, всѣ свои обѣщанія—отомстить ей за себя и за Намію. Я ощущалъ лишь одно, что близъ меня—женщина, быть можетъ, прекраснѣйшая въ мірѣ, та самая, которая недавно казалась мнѣ столь же недоступной, какъ свѣтлая Діана среди облаковъ, что она твердитъ мнѣ о любви и готова принять меня въ свои объятія. Въ моей душѣ слабо еще раздавался голосъ, говорившій мнѣ объ осторожности, напоминавшій о извѣданномъ мною самимъ коварствѣ этой женщины, совѣтовавшій мнѣ помедлить, не от-

давать себя опять въ ея опасную власть; но другой голосъ какъ бы отвѣчалъ первому: „Послѣ! послѣ! обо всемъ этомъ я подумаю послѣ! теперь же хочу одного,—воспользоваться этой минутой, которая, кто знаетъ, повторится ли когда-нибудь! нѣтъ большаго счастья на землѣ, какъ узнать ласки Гесперіи, и я возьму это счастіе, чѣмъ бы мнѣ ни пришлось заплатить за него!"

Въ ту минуту, я утратилъ всякую осторожность, которой такъ настойчиво требовалъ отъ себя, потерялъ способность выбирать слова, не думалъ объ томъ, къ чему приведутъ мои безумныя признанія. Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ порыва страсти, путающимся языкомъ, самъ еще не зная, что я скажу, я сталъ говорить Гесперіи о своей любви. Я опять сталъ на колѣни передъ ней, обнялъ ея колѣни, какъ алтарь божества, и твердилъ, глядя на ея лицо, словно изъ глубины на небо:

— Конечно, и я люблю тебя, Гесперія. Когда я говорилъ иное, я лгалъ. Ни одинъ мигъ я не переставалъ любить тебя, ни въ тюрьмѣ, ни у постели умирающей Наміи! Всѣ прежнія клятвы я повторяю тебѣ, потому что въ душѣ я никогда не отказывался отъ нихъ! Я виноватъ передъ тобой, Гесперія, виноватъ въ томъ, что посмѣлъ скрывать отъ тебя свою любовь къ тебѣ!

Гесперія, слушая меня, нѣжно гладила рукою мои волосы, и эта тихая ласка бросала въ мою страсть больше искръ, чѣмъ то сдѣлали бы самые пламенные поцѣлуи. И тогда, не въ силахъ сдержать порыва своей откровенности, я разсказалъ Гесперіи, какъ проклиналъ ее въ дни своего заключенія, какъ поклялся мстить ей, какъ въ Медіоланѣ проводилъ дни съ Реей и какъ измѣнялъ клятвамъ своей любви въ объятіяхъ этой странной дѣвушки. Сбивчиво, спутанно я разсказалъ все, что пережилъ и перечувствовалъ за послѣдніе мѣсяцы, говоря безсвязно, переходя отъ одного къ другому и возвращаясь къ уже сказанному, но не утаивая ничего, открывая самую глубину своей души. И при послѣднихъ словахъ, отъ напряженности чувства и отъ томительной радости, заплакалъ дѣтскими слезами, приникъ лицомъ къ груди Гесперіи и воскликнулъ:

— Теперь не знаю, кому изъ боговъ мнѣ молиться! Я много мучился, но мнѣ не жаль моихъ мученій и я ихъ не помню. Ты мнѣ сказала, что любишь меня, и это такое блаженство, въ которомъ все прошлое потонуло, какъ маленькіе ручьи въ Океанѣ. Гесперія, я былъ безуменъ, когда отказывался отъ счастія твоей любви! Возьми меня, потому что я—твой навсегда!

Плача, я обнималъ Гесперію и искалъ губами ея губъ,

которыми она въ часы нашихъ послѣднихъ свиданій сама обжигала меня, но на этотъ разъ Гесперія высвободилась изъ моихъ рукъ, какъ змѣя или увертливая пантера. Я остался, стоя на колѣняхъ на полу, съ простертыми руками, а она, отступивъ на нѣсколько шаговъ и закрывая лицо ладонями, проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, Юній! Мы еще не должны отдаваться любви вполнѣ. Это будетъ нашей наградой за успѣхъ. Если мы достигнемъ своей цѣли, мы получимъ право на счастіе, но пока у насъ его нѣтъ.

— Это безуміе, Гесперія!—воскликнулъ я, пораженный ея словами.—Ты мнѣ сказала, что любишь меня; я знаю, что люблю тебя безконечно. Зачѣмъ мы будемъ закрывать себѣ дорогу къ радости? Развѣ счастіе любить другъ друга не дастъ намъ новыхъ силъ для того же нашего дѣла?

Гесперія отрицательно покачала головой и отошла въ самую глубину комнаты.

— Мы не должны прикасаться къ счастію,—сказала она.—Наша богиня не Венера, съ своимъ чудеснымъ поясомъ радостей, но мудрая Минерва, съ высокимъ копьемъ. Слѣдуй ея указаніямъ и забудь пока о Паѳіи.

Минуту передъ тѣмъ я былъ убѣжденъ, что стоило мнѣ лишь выразить согласіе, чтобы Гесперія стала моей, и я долго не могъ повѣрить, что она, дѣйствительно, отказываетъ мнѣ въ своихъ ласкахъ. Я умолялъ ее, убѣждалъ ее, снова пытался привлечь ее въ свои объятія, но Гесперія все суровѣе отстраняла мои руки и все рѣшительнѣе запрещала мнѣ къ себѣ приближаться. Ея лицо опять приняло выраженіе неприступной строгости, и она повторяла мнѣ, уже повелительно:

— Этого не должно быть, Юній. Я такъ хочу. Оставь меня.

Понявъ, наконецъ, что она непреклонна, я, въ новомъ порывѣ чувства, зарыдалъ снова, но уже слезами горечи и обиды.

— Зачѣмъ ты меня такъ мучишь, Гесперія!—воскликнулъ я.

— Мученія намъ нужны,—возразила она,—мученія очищаютъ душу, какъ огонь золото. Знай, что я буду тебя мучить еще больше. Теперь уходи—тебѣ давно пора быть около Наміи.

Съ этими словами Гесперія выскользнула изъ комнаты, и я остался одинъ. Подумавъ минуту, я направился къ выходу. „Она играетъ тобою, какъ мышью кошка,—говорилъ я себѣ.—Глупый, глупый! ты опять попался въ разставленную ловушку! Ты разболталъ ей все, что скрывалъ долгое время. Ей только этого и надо было. Только этого она и добивалась отъ тебя своей притворной искренностью. Теперь она знаетъ тебя всего, знаетъ, что

можно отъ тебя ждать, и будетъ пользоваться тобой, какъ рыбакъ лодкой, которую самъ оснастилъ!“

Съ самыми невеселыми думами брелъ я по улицѣ, но, вдругъ вспомнивъ объ умирающей Наміи, охваченный стыдомъ, при мысли, что тратилъ время на унизительныя мольбы, когда дѣвочка мучилась предсмертными страданіями, бросился бѣжать къ дому дяди. Былъ уже поздній часъ; та часть Города, по которой лежалъ мой путь, была почти пустынна, и никто не мѣшалъ мнѣ пробѣгать подъ портиками, какъ состязающемуся на аренѣ цирка. Задыхаясь, вошелъ я въ домъ, и по строгой тишинѣ, царившей тамъ, сразу понялъ, что послѣдняя минута близка.

Я осторожно вошелъ въ комнату Наміи. Вокругъ постели умирающей собралась вся семья, въ томъ числѣ нѣкоторые кліенты и рабы. Дѣвочка лежала, протянувшись во весь свой маленькій ростъ, навзничь, съ закрытыми глазами, неподвижно. Она, повидимому, была безъ сознанія. Дядя употреблялъ всѣ усилія, чтобы сохранить спокойствіе, подобающее истинному Римлянину, который долженъ, подобно Бруту древнему, безъ слезъ смотрѣть на казнь своихъ дѣтей. Тетка, не переставая, плакала, отирала слезы и плакала вновь. Аттузія, ставъ на колѣни, молилась по-христіански. О. Никодимъ, стоя въ головахъ постели, произносилъ какія-то молитвы, и никто не обращалъ на него вниманія.

Замѣтивъ, что я появился, Аттузія встала съ колѣнъ, подошла ко мнѣ и сказала:

— Она много разъ звала тебя, но тебя нигдѣ не могли найти. Но, благодареніе богу, о. Никодимъ успѣлъ окрестить ее, и душа ея очистилась отъ грѣховъ. Теперь она вознесется прямо къ дверямъ Рая, и такой кончины мы всѣ можемъ желать себѣ.

„Желаю такой кончины тебѣ, и поскорѣе!“—едва не сказалъ я вслухъ, но сдержался, стиснувъ зубы. Однако въ выраженіи моего лица было, должно быть, что-то злое, потому что Аттузія, не дождавшись отвѣта на свои слова, поспѣшила отойти отъ меня и снова опустилась на колѣни. Я занялъ мѣсто около дяди и стоялъ, пристально глядя на искаженное лицо дѣвочки, по губамъ которой время отъ времени проходила судорога.

Такъ стояли мы въ безмолвіи довольно долго, какъ вдругъ Намія слабо зашевелилась и пріоткрыла помутнѣвшія глаза. Она обвела взоромъ всѣхъ присутствующихъ, словно стараясь понять, въ чемъ дѣло. Потомъ этотъ взоръ сдѣлался сознательнымъ, и что-то вродѣ улыбки показалось на губахъ Наміи. Дѣлая большое усиліе, едва слышно, но совершенно разумно и даже чуть-чуть шутливо она произнесла:

— Отецъ, мать, я васъ очень люблю, но, кажется, я умираю, мнѣ очень плохо... Мои деньги отдайте Юнію, въ наслѣдство, онъ глупый и отъ нихъ поумнѣетъ... А мои игрушки—Венерѣ, потому что я—какъ бы невѣста... Ахъ, мнѣ бы хотѣлось выйти замужъ...

При звукѣ этого почти замогильнаго голоса никто уже не могъ сдержать слезъ; тетка зарыдала громко, отчаянно, съ вскрикиваніями, дядя заплакалъ глухо, навзрыдъ, я тоже чувствовалъ, что родникъ моихъ слезъ не изсякъ у Гесперіи, но что онѣ заливаютъ мои щеки.

— Намія, моя дѣвочка, ты не умрешь, не умрешь!—выкрикивала тетка.

Намія, истомленная усиліемъ, какое она сдѣлала, чтобы произнести свою рѣчь, нѣсколько минутъ лежала молча, потомъ начала тихо и жалобно стонать. Этого почти невозможно было вынести, и я готовъ былъ убѣжать изъ комнаты, заткнуть уши, спрятаться въ подушки, только бы не слышать этого тихаго, но въ сердце впивающагося стона. Страдала ли она нестерпимо или страшно ей было разставаться съ жизнью, но она продолжала стонать, однообразнымъ голосомъ, безъ словъ, безъ опредѣленнаго звука, устремивъ глаза въ потолокъ и пріоткрывъ ротъ, какъ брошенная на пескѣ рыба. Но внезапно стонъ прекратился, Намія словно еще разъ очнулась, еще разъ посмотрѣла на насъ, и мнѣ показалось, что она слабо улыбнулась именно мнѣ. Потомъ она произнесла, и это были ея послѣднія слова:

— Мы должны принести въ жертву Эскулапію пѣтуха...

Еще черезъ минуту языкъ, повидимому, пересталъ повиноваться дѣвочкѣ, она затряслась, стала биться на постели, хотя раньше не въ силахъ была пошевелиться, стала рвать тунику на груди, какъ если бы задыхалась, ея глаза расширились, и, съ глухимъ стономъ, съ хрипомъ, она какъ-то вся запрокинулась. Мы бросились къ самой постели, кто цѣловалъ ея одѣяло, кто пытался ее поддержать, кто просто рыдалъ, прижавшись головой къ ея подушкѣ. Только о. Никодимъ произносилъ какія-то слова своихъ молитвъ, но я оттолкнулъ его, не говоря ни слова, отъ постели, и упалъ подлѣ нея на колѣни.

Отъ слезъ, застилавшихъ мои глаза, я больше ничего не видѣлъ. А когда я взглянулъ снова на маленькую Намію, она уже была неподвижна, и было на ея лицѣ то выраженіе прекратившихся страданій, какое даетъ благая Просерпина, обрѣзая волосъ на головѣ обреченнаго на смерть.

Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ, которая сразу показалась пустой, хотя была наполнена людьми, слышались только рыданія

тетки да всхлипыванія рабынь, считавшихъ долгомъ плакать погромче, но вдругъ дядя, вспомнивъ старинный обычай и овладѣвъ собой, обратился къ умершей съ троекратнымъ возгласомъ, тотчасъ подхваченнымъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ:

— Намія! Намія! Намія!

Но отвѣта уже не было.

VI.

Уныло стало въ домѣ Тибуртина послѣ смерти маленькой Наміи. Никогда я не думалъ, что такъ любили дѣвочку и дядя, который, казалось, не обращалъ на нее вниманія, и тетка, которая, казалось, всегда была занята только денежными расчетами. Оба они предавались печали неутѣшной, и если тетка рыдала, какъ самая добросовѣстная плакальщица, то еще тягостнѣй было видѣть отчаяніе сенатора, цѣлые дни проводившаго въ какомъ-то окаменѣніи, не желавшаго ни съ кѣмъ и ни о чемъ говорить, сразу постарѣвшаго на много лѣтъ. Только неизмѣнная, какъ сушеная рыба, Аттузія довольствовалась тѣмъ, что подымала глаза вверхъ и повторяла: „Что Богъ далъ, то Онъ въ правѣ и взять.“

Начались томительныя приготовленія къ похоронамъ.

Тяжелый споръ пришлось выдержать дядѣ изъ-за того, хоронить ли Намію по обряду христіанъ, или согласно съ древними Римскими обычаями. Аттузія, съ криками, настаивала на томъ, что Намія—христіанка, потому что надъ ней, на смертномъ ложѣ, была совершена тайна крещенія. О. Никодимъ угрожалъ, что онъ пойдетъ жаловаться, черезъ какого-то Іеронима, котораго называлъ святымъ человѣкомъ и великимъ писателемъ, самому архіепископу Римскому Дамасу на то, что христіанку насильственно хотятъ похоронить по обряду идолопоклонниковъ. Но дядя, во всемъ остальномъ предоставлявшій дѣлать въ домѣ, что угодно, въ этомъ отношеніи проявилъ волю непреклонную. Ударивъ кулакомъ по столу, онъ опять напомнилъ, что онъ отецъ семейства и что въ его домѣ онъ одинъ имѣетъ право отдавать приказанія. Онъ даже удивилъ меня своей твердостью, и таковъ былъ его голосъ, что и Аттузія не посмѣла возражать далѣе.

Призвавъ къ себѣ меня, дядя далъ мнѣ довольно значительную сумму денегъ и поручилъ всѣ хлопоты по похоронамъ именно мнѣ. Онъ желалъ непремѣнно, чтобы тѣло Наміи было сожжено на кострѣ, какъ то обыкновенно дѣлалось въ вѣка свободной республики, а не погребено въ землѣ, какъ то предпочитаютъ многіе въ наши дни, можетъ быть, безсознательно подражая хри-

стіанамъ. Кромѣ того, дядя поставилъ такимъ же непремѣннымъ условіемъ, чтобы погребеніе совершилось ночью, какъ то было въ обыкновеніи у нашихъ предковъ и какъ то вновь установилъ божественный августъ Юліанъ.

По счастію, помогать мнѣ вызвался Эліанъ, вернувшійся въ Городъ на другой день послѣ смерти Наміи, потому что безъ его содѣйствія мнѣ было трудно справиться съ горестнымъ порученіемъ, возложеннымъ на меня. Мы вмѣстѣ вели переговоры съ либитинаріями [1]) и вмѣстѣ подробно обдумали весь порядокъ печальнаго обряда. Немного странно было мнѣ находиться въ постоянномъ общеніи съ мужемъ той женщины, отъ поцѣлуевъ которой столько разъ разгорались мои щеки и губы, но онъ держалъ себя со мною съ достоинствомъ и дружественно. Мнѣ кажется, онъ не былъ неосвѣдомленъ о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ его дома и догадывался о ихъ причинѣ, но о Гесперіи онъ говорилъ со мною такъ же просто, какъ обо всѣхъ другихъ.

Поллинкторъ [2]) натеръ безжизненное тѣло Наміи ароматными маслами, такъ что тлѣніе не касалось ея, и она лежала на пышно убранномъ ложѣ, поставленномъ въ атріи, такой же миловидной, какой была при жизни; даже на ея губахъ, несмотря на предсмертныя страданія, сохранялось подобіе лукавой улыбки. Дѣвочка была одѣта въ свое лучшее праздничное платье, вокругъ ложа были разсыпаны вѣтки кипариса и цвѣты, на маленькомъ алтарѣ, поставленномъ подлѣ, постоянно курились ароматы. А у самаго входа въ домъ, надъ дверью, тоже грустно колыхалась вѣтка кипариса, указывая всѣмъ, что смерть посѣтила эту семью.

За три дня, что тѣло Наміи было выставлено въ атріи, домъ Тибуртина посѣтило множество родственниковъ, которые раньше никогда не появлялись здѣсь. Между другими приходила двоюродная сестра дяди, слѣдовательно, также моя тетка, Нумерія, вдова консуляра и бывшаго префекта Африки. Нумерія хорошо знала мою мать и пожелала меня видѣть.

Старая, толстая женщина, очень богатая, какъ увѣряютъ, но скупая, Нумерія со всѣми привыкла говорить рѣзко и повелительно. Меня она встрѣтила суровыми упреками:

— Что же ты, племянникъ, цѣлую зиму въ Городѣ, а не выбралъ времени навѣстить меня? Гордиться тебѣ особенно нечѣмъ: если твой отецъ—декуріонъ въ какой-то Лакторѣ, то мы видали людей званіемъ куда повыше. А если ты своими достоин-

[1]) Libitinarii—родъ нашего похороннаго бюро, состоявшаго при храмѣ Венеры Либитины.

[2]) Pollinctor—рабъ, бальзамирующій тѣло покойника.

ствами гордъ, такъ погоди, пока другіе похвалятъ. Хотя я и старуха и вдовая, а всетаки у меня въ домѣ ты могъ бы увидѣть людей, которые тебѣ потомъ пригодились бы. Пришелъ бы да поклонился бы, можетъ быть, я что-нибудь для тебя и сдѣлала бы. Теперешняя молодежь кланяться разучилась, а въ наше время спины не жалѣли и выходили въ люди.

Я, конечно, отвѣтилъ, что не былъ у Нумеріи не изъ гордости, а потому что не хотѣлъ ее тревожить безъ надобности и потому что былъ очень занятъ своимъ ученіемъ въ школѣ. Старуха тотчасъ стала бранить всѣ школы и сказала, что въ ея время учились не у риторовъ, а въ консисторіяхъ префектовъ и въ войскѣ, зато и получались люди, вродѣ ея покойнаго мужа, способные занимать кресло консула и управлять цѣлой префектурой. Потомъ Нумерія набросилась на тетку Меланію и съ крайней безжалостностью стала обвинять ее въ смерти дочери.

— Отъ хорошей жизни,—говорила она,—не побѣжитъ дѣвочка топиться въ Тибръ. Должно быть, не весело жилось ей въ родномъ домѣ! А теперь плакать поздно,—что было, не воротишь.

Что-то непріятное сказала она и дядѣ, попрекнувъ его, что онъ кичится своимъ званіемъ сенатора и не ищетъ должности при императорѣ.

— Давно пора понять,—объявила Нумерія,—что Сенатъ оставленъ какъ рабъ-придверникъ, сидящій на цѣпи, и что все его дѣло—возглашать имена новыхъ императоровъ. А если посягнутъ сенаторы на что-либо большее, такъ и ихъ пошлютъ въ каменоломни, не побоятся! Дожилъ ты до сѣдыхъ волосъ, а ума не нажилъ, воображаешь, что дѣло дѣлаешь, подавая никому ненужный голосъ!

Всѣ были рады, когда свирѣпая старуха сѣла въ свои носилки и удалилась, грозно покрикивая на своихъ напуганныхъ рабовъ. Но развѣ не удивительно то, что старикамъ годы ихъ молодости всегда кажутся золотымъ вѣкомъ? Надменная Нумерія искренно считала, что правленіе великаго лицемѣра Констанція, когда имперія, какъ муравейникъ муравьями, кишѣла доносчиками, было временемъ торжества Римской доблести, еще не тронутой испорченностью новыхъ дней!

Нѣсколько разъ приходила, конечно, и Гесперія, но я избѣгалъ встрѣчаться съ ней: мнѣ было страшно взглянуть въ ея глаза передъ тѣломъ бѣдной Наміи, умершей, можетъ быть, именно изъ-за нея. Посѣтила домъ и Валерія, хотя она не была въ родствѣ съ нами, заплакала, смотря на безжизненное тѣло дѣвочки, и долго томила меня выраженіями сочувствія, предлагая

свою поддержку, чтобы перенести ударъ Фортуны. Наконецъ, пришелъ и мой Ремигій, котораго Намія почему-то не любила: онъ былъ блѣденъ и худъ, и когда я спросилъ его, что измѣнилось въ его жизни, отвѣтилъ:

— Будь жребій твой лучше! [1])

Такъ какъ особо назначенные рабы ходили по всему Городу, извѣщая всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ о смерти дочери Тибуртина, то въ самый день похоронъ, къ вечеру, въ домъ собралась цѣлая толпа людей, среди которой были, конечно, и паразиты, никому изъ семьи не знакомые. Большинство называло себя кліентами сенатора, хотя многихъ изъ нихъ мнѣ никогда не приходилось видѣть на утреннихъ привѣтствіяхъ, и можно было быть увѣреннымъ, что также охотно они называютъ своимъ патрономъ любого сенатора или просто богатаго человѣка. Всѣ собравшіеся считали своей обязанностью громко выражать свою скорбь, а женщины—даже плакать, играя роль добровольныхъ префикъ. [2])

Было уже темно, когда изъ дому началось шествіе, порядокъ котораго устанавливалъ опытный и ловкій десигнаторъ. [3]) Дядя, Эліанъ, старикъ кліентъ Бебіанъ и я,—вчетверомъ несли носилки, съ тѣломъ Наміи, которыя казались такими легкими, словно на нихъ не лежало ничего. За нами шли рабы съ факелами, причудливо освѣщавшими темныя улицы и заставлявшими ночныхъ гулякъ какъ-то робко прятаться въ тѣнь, и музыканты, игравшіе во все время пути веселые напѣвы. Еще дальше вели подъ руку тетку, и шла вся толпа провожающихъ. Мужчины были въ шляпахъ, какъ если бы они отправлялись въ дальнее путешествіе, а женщины, напротивъ, съ распущенными въ знакъ скорби волосами. Аттузіи въ числѣ провожающихъ не было, такъ какъ о. Никодимъ запретилъ ей участвовать въ идолопоклонническомъ обрядѣ.

Итти пришлось далеко, почти черезъ весь Городъ, потому что семейная гробница Бебіевъ Тибуртиновъ находилась на Латинской дорогѣ, и около Большого рынка я все же почувствовалъ такую усталость, что долженъ былъ уступить свое мѣсто за носилками, а самъ присоединился къ толпѣ. Здѣсь ко мнѣ подошелъ человѣкъ, съ всклокоченной бородой, въ длинномъ плащѣ философовъ, и назвалъ меня по имени. Что-то знакомое показалось мнѣ въ его лицѣ и въ его голосѣ, но я не могъ вспомнить, сразу, гдѣ встрѣчалъ его.

---

[1]) Melioribus utere fatis! (Verg. Aen. VI, 546.)

[2]) Praefica—плакальщица.

[3]) Designator—распорядитель на похоронахъ.

— Конечно, Юній Норбанъ не узналъ меня, — сказалъ мнѣ онъ,—но однажды мы вмѣстѣ услаждались дарами Ліея, равно освобождающаго отъ заботъ [1]) земнородныхъ и безсмертныхъ. Я—поклонникъ славнаго Тибуртина, одного изъ послѣднихъ ревнителей нашей великой старины, и его семейное горе—для меня горе собственное. Вотъ почему я пришелъ воздать послѣднія почести безвременно похищенной Лахесой [2]) дѣвицѣ, въ лицѣ которой, можетъ быть, сошла въ царство Орка новая Клелія, не успѣвшая совершить своего подвига.

Пока мой собесѣдникъ говорилъ, я узналъ въ немъ Фестина, того нищаго оратора, котораго мы съ Ремигіемъ встрѣтили на Римскомъ форумѣ и потомъ угощали виномъ въ ближайшей копонѣ, въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Городѣ. Чудакъ тогда понравился мнѣ своей преданностью древности и своимъ безкорыстнымъ служеніемъ музѣ Кліо. Поэтому я отозвался на его рѣчь привѣтливо; онъ же, ободренный моимъ вниманіемъ, тотчасъ началъ одно изъ тѣхъ своихъ поученій, какія, повидимому, всегда были у него наготовѣ.

На этотъ разъ онъ, какъ то и приличествовало случаю, заговорилъ о погребальныхъ обрядахъ, горько жалуясь, что наше время измѣнило прекраснымъ обыкновеніямъ старины. Онъ искренно негодовалъ на отсутствіе на современныхъ похоронахъ священныхъ неній, [3]) высказывалъ огорченіе, можетъ быть, еще болѣе искреннее, на то, что выводится обычай устраивать немедленно по сожженіи тѣла силицерній, [4]) на которомъ могли участвовать всѣ, провожающіе тѣло покойнаго, описывалъ всѣ разнообразнѣйшіе виды похоронъ, какіе только были въ употребленіи у нашихъ предковъ, выяснялъ преимущества „bustum“ передъ „rogus“, [5]) истолковывалъ особенности всѣхъ надмогильныхъ памятниковъ, простого „tumulus“, отдѣльнаго „loculus“, „кондиторія“ надземнаго и подземнаго, саркофага, мавсолея, кенотафія, циппа и всего подобнаго; кстати онъ поминалъ всѣ прославленныя похороны прошедшихъ вѣковъ, начиная съ похоронъ Патрокла, друга Ахилла, продолжая похоронами, какія устроилъ своему убитому брату Ромулъ, но не доходя далѣе похоронъ Валерія Публиколы, погребен-

---

[1]) Lyaeus—Ліей (Бакхъ) значитъ „освободитель“.

[2]) Lachesis—одна изъ парокъ.

[3]) Naenia—жалобная пѣсня, которую пѣли плакальщицы (префики).

[4]) Silicernium—поминальная трапеза, устраиваемая въ самый день похоронъ, иногда на самомъ мѣстѣ погребенія.

[5]) Bustum—сожженіе на кострѣ, воздвигнутомъ въ заранѣе выкопанной ямѣ; rogus—костеръ, поставленный прямо на землѣ.

наго на общественный счетъ. Когда я слушалъ увѣренную рѣчь Фестина, пересыпанную подлинными словами древнихъ писателей, мнѣ опять казалось, что передо мной какой-то оживішій Авлъ Геллій, и мнѣ грустно было видѣть, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится человѣкъ, обладающій столь неисчерпаемымъ запасомъ познаній.

Когда я уже собирался освободиться отъ сообщества Фестина, онъ сказалъ мнѣ:

— У меня есть къ тебѣ еще одно важное дѣло. Послѣ того, какъ усмотрѣніе Фортуны свело меня съ тобой, и я узналъ, что ты—племянникъ достойнаго сенатора, пришло мнѣ на мысль посвятить свой досугъ разслѣдованіямъ о происхожденіи того знаменитаго рода, къ которому принадлежитъ твой дядя и котораго нынѣ ты, за смертью его дочери, остаешься, хотя и по женской линіи, послѣднимъ представителемъ. Всѣ зимніе мѣсяцы употребилъ я на эту работу и, вновь пересмотрѣвъ не мало книгъ, изъѣденныхъ червями, могу теперь возстановить всю исторію Тибуртиновъ, отъ временъ древнѣйшихъ до дней святости августа Граціана. Я хочу просить тебя, чтобы ты помогъ мнѣ представить этотъ трудъ, не безынтересный и для тебя, сенатору, который, конечно, захочетъ и издать его для поученія потомству и наградить человѣка, отдавшаго много недѣль на прославленіе имени Бебіевъ Тибуртиновъ.

Чтобы доказать мнѣ свои познанія въ исторіи нашего рода, Фестинъ тотчасъ сталъ объяснять мнѣ, что послѣ битвы у Трифана, когда Манлій разбилъ войско Латиновъ и принудилъ ихъ отдать Риму часть земель,—изъ Латинскаго города Тибура вышелъ знатный гражданинъ,—имени его не сохранилось,—который въ Городѣ своимъ патрономъ избралъ Бебія, предка того трибуна, который прославился, къ сожалѣнію, не чѣмъ инымъ, какъ своей подкупностью, въ Югуртинскую войну: отсюда будто бы и пошли Бебіи Тибуртины. Разумѣется, достаточно было бы указать на то обстоятельство, что Бебіи были родомъ плебейскимъ, чтобы опровергнуть все хитро построенное Фестиномъ зданіе. И все остальное, что онъ говорилъ мнѣ, было такимъ же нагроможденіемъ не то что выдумокъ, но отважныхъ и сомнительныхъ догадокъ. Но, съ одной стороны, у меня тогда не было охоты спорить, а съ другой я зналъ, что и всѣ другія родословныя, которыми гордятся наши современные роды, нисколько не болѣе основательны и также сочинены досужими историками, добивающимися щедрой подачки отъ того „новаго человѣка“, происхожденіе котораго они стараются возвеличить. Поэтому я удовольствовался тѣмъ,

что далъ Фестину нѣсколько неопредѣленныхъ обѣщаній, сказавъ, что дядя сейчасъ слишкомъ подавленъ скорбью, чтобы заниматься такимъ дѣломъ.

Тѣмъ временемъ шествіе приблизилось къ семейной гробницѣ Тибуртиновъ, около которой уже былъ возведенъ высокій костеръ, такъ какъ особаго устрина при гробницѣ не было. [1]) При красноватомъ свѣтѣ факеловъ все кругомъ имѣло видъ странный и таинственный; изваянія на сосѣднихъ памятникахъ казались живыми, и можно было подумать, что давно умершія лица, суровые Римляне, изображенные рядомъ со своими супругами, безбородые, съ глубокими морщинами на высокомъ лбу, привѣтствуютъ юную Римлянку, явившуюся сюда, чтобы спать вѣчнымъ сномъ, съ ними рядомъ; по открытому полю убѣгали и колыхались вытянутыя тѣни; лица присутствующихъ были то неестественно блѣдны, то зловѣще красны. На минуту настала тишина, только слышался откуда-то лай собаки да топотъ запоздалаго путешественника съ Латинской дороги. Мы были похожи скорѣе на заговорщиковъ, сошедшихся въ пустынной мѣстности, чѣмъ на участниковъ печальнаго обряда похоронъ.

Старый жрецъ изъ храма Венеры Либитины, добродушный, толстый человѣкъ, началъ произносить формулы соотвѣтственныхъ моленій. Эліанъ приблизился къ костру, на который были поставлены носилки съ тѣломъ маленькой Наміи, и, отвративъ лицо, зажегъ положенную внизу связку соломы. Когда загорѣлся огонь и его алые языки, изогнувшись, взбѣжали по сухимъ бревнамъ, еще причудливѣе и еще страшнѣе стало все окружающее. Звѣзды на небѣ словно померкли. Освѣтилась окрестность и означились въ полѣ какіе-то домики; можетъ быть, жившіе въ нихъ христіане, завидя свѣтъ погребальнаго костра, спѣшили въ ту минуту оградить себя отъ грѣха своими молитвами. Раздались рыданія тетки и другихъ женщинъ. Мужчины, тоже отвращая лица, бросали въ костеръ цвѣты и принесенныя съ собой игрушки дѣвочки. Какъ кажется, всѣмъ было жутко и тяжело.

Уже снова музыканты заиграли на флейтахъ какую-то веселую пѣсню, какъ вдругъ, протиснувшись черезъ плотные ряды родственниковъ и кліентовъ, передъ костромъ оказался незнакомый человѣкъ, одѣтый такъ, какъ одѣваются христіанскіе монахи. При яркомъ пламени костра можно было видѣть, что черты его лица скорѣе Греческія, чѣмъ Римскія: у него былъ прямой носъ,

---

[1]) Ustrinum—помѣщеніе для сожиганія тѣлъ, имѣвшееся при нѣкоторыхъ фамильныхъ гробницахъ.

высокій лобъ и смѣлый взоръ. Онъ заговорилъ голосомъ, покрывшимъ звуки музыки, страстно, но довольно плавно, дѣлая нѣкоторыя ошибки въ произношеніи, но совершенно правильнымъ языкомъ.

— Бѣдные безумцы!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ вы пытаетесь воскресить то, что уже умерло? Что вы хотите доказать, устраивая идолопоклонническій обрядъ въ имперіи, признавшей ученіе истиннаго Бога? Васъ собралось здѣсь человѣкъ сто, вы призываете имя Гекаты и другихъ подземныхъ боговъ, но развѣ сами вы вѣрите и въ свою Гекату, и въ этого подземнаго Плутона, и даже въ свой Тартаръ? Вы сами давно считаете ихъ баснями поэтовъ, а здѣсь устроили театральное представленіе, не подумавъ, что дѣло идетъ о живой душѣ, только что почившей! Какъ на сценѣ, изображаете вы похороны, вмѣсто того чтобы оказать какую-либо помощь той, чья душа, обманутая вашими ложными мудрствованіями, теперь въ испугѣ видитъ передъ своими очами иной міръ...

Первое время всѣ были такъ ошеломлены появленіемъ незнакомца, что стояли какъ бы оцѣпенѣвъ, и онъ могъ свободно произнести начало своей рѣчи. Даже музыканты, при звукахъ его громкаго голоса, перестали играть и слушали, опустивъ флейты. Однако, опомнившись, мужчины, въ ярости, бросились на оратора, не думая объ томъ, что служители христіанской вѣры находятся подъ особымъ покровительствомъ святости императора. Почтенные сенаторы, словно уличные буяны, забывая приличіе, забывая, что передъ нами погребальный костеръ, кричали грубыя ругательства, хватали незнакомца за его одежду, подымали на него кулаки. Онъ же, выполняя требованія своей религіи, не оборонялся, не пытался убѣжать, но, среди угрозъ и протянутыхъ къ нему рукъ, стоялъ спокойно, не уклоняясь отъ ударовъ.

Первымъ одумался, кажется, Эліанъ, который загородилъ собою незнакомца, отвелъ устремленные на него кулаки и громко закричалъ всѣмъ присутствующимъ:

— Это, товарищи, конечно, сумасшедшій, оставьте его въ покоѣ, не обращайте вниманія на его бредни. Должно быть, онъ пришелъ въ Городъ изъ какой-нибудь дальней страны, потому что не знаетъ его обычаевъ. Мы здѣсь исполняемъ наши обряды съ разрѣшенія божественнаго августа, и никто не въ правѣ мѣшать намъ. Отпустимъ его, пусть онъ идетъ съ миромъ, и будемъ продолжать наше дѣло.

Спокойная рѣчь Эліана подѣйствовала, поднятые кулаки опустились, всѣмъ стало почти стыдно своего ребяческаго порыва.

— Уходи прочь!—крикнулъ кто-то незнакомцу,—ты не былъ приглашенъ и права не имѣешь вмѣшиваться въ наше общество.

— Уходи,—строго повторилъ Эліанъ,—ты видишь, что тебя не желаютъ слушать.

Незнакомецъ обвелъ глазами все собраніе, не сказалъ болѣе ни слова и медленно, не ускоряя шага, сталъ удаляться. По знаку Эліана музыканты вновь поднесли флейты къ губамъ, и зазвучала веселая пѣсня, славящая сборъ винограда. Всѣ снова обратились къ костру, который уже пылалъ со всѣхъ сторонъ, закрывъ пламенемъ и дымомъ носилки съ тѣломъ.

Но я, поколебавшись нѣсколько минутъ, послѣдовалъ за незнакомцемъ и догналъ его, когда онъ уже вышелъ на Латинскую дорогу. Было что-то въ лицѣ оратора, что заставило меня отнестись къ нему съ довѣріемъ: у меня мелькнула мысль, что у него я могу найти отвѣтъ на тѣ вопросы, которые смущали меня послѣднее время. Пройдя нѣсколько шаговъ сзади незнакомца, я его окликнулъ. Онъ остановился.

— Я одинъ изъ тѣхъ,—сказалъ я,—къ кому ты только что собирался обратиться съ рѣчью. Тебя не стали слушать, но я готовъ тебя выслушать, если ты объяснишь мнѣ, почему ты считаешь религію Юпитера и другихъ безсмертныхъ умершей. Потому ли только, что многіе примкнули къ ученію Христа, и христіанъ теперь, можетъ быть, больше, чѣмъ оставшихся вѣрными религіи предковъ? Но тогда вспомни, что было время, когда христіанъ было весьма немного: итакъ, не числомъ послѣдователей опредѣляется истинность вѣры. Потому ли, что ты самъ вѣруешь въ Христа Іудейскаго? Но понятно, что каждому его религія кажется истинной, и какъ вы, христіане, обличаете ложность нашей вѣры, такъ будутъ обличать ложность вашей—Персы, вѣрующіе въ Ормузда, или Индійцы, признающіе только своихъ сторукихъ боговъ. Откуда ты взялъ, что мы сами считаемъ баснями сказанія о Гекатѣ? не изъ того ли, что наши философы пытаются вскрыть ихъ потаенный смыслъ? Но развѣ ваши философы не поступаютъ такъ же со сказаніями о Адамѣ и Евѣ и о самомъ Христѣ? Если ты можешь мнѣ отвѣтить на эти вопросы, я буду слушать твою рѣчь.

Незнакомецъ выслушалъ меня внимательно, не перебивая, но въ темнотѣ мнѣ не было видно его лица. Когда я смолкъ, онъ заговорилъ, спокойно и увѣренно:

— Юноша, я вижу, что ты говоришь не легкомысленно. Слѣдовательно, и моя рѣчь не пропала даромъ. Изъ брошенныхъ мною сѣмянъ одно упало на добрую почву и дало ростокъ. Важно

теперь, чтобы не прилетѣли птицы и не погубили слабаго растенія, которое нуждается въ заботливомъ уходѣ. Иди за мной, и я открою тебѣ все, что знаю, и ты самъ увидишь, на чьей сторонѣ истина. Въ немногихъ словахъ я не могу показать тебѣ всю бездну премудрости Божіей: надо для этого время и подходящее устроеніе духа.

Я возразилъ, что не могу покинуть похоронъ близкаго мнѣ лица и что поэтому не могу сейчасъ же итти за незнакомцемъ.

— Ты не знаешь словъ Спасителя,—возразилъ онъ:—„оставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“. И еще: „никто, возложившій руку свою на рало, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“. Иначе ты не колебался бы ни минуты, ибо что важнѣе: похоронить умершаго, уже узрѣвшаго тайну жизни, или самому познать истину, нужную для руководства всей жизни? Вспомни апостоловъ Симона и Андрея: услышавъ зовъ Учителя: „идите за Мною“, тотчасъ они, оставивъ сѣти, послѣдовали за нимъ.

Такая самоувѣренность незнакомца и разсердила и нѣсколько разсмѣшила меня.

— Я не Симонъ и не Андрей,—сказалъ я,—да и ты—не тотъ Учитель. Поэтому не знаю, почему я долженъ поступать подобно имъ. Я только прошу, чтобы ты объяснилъ мнѣ то, что̀ я почитаю страннымъ въ рѣчи твоей, а ты ли откроешь мнѣ истину или я тебѣ, это еще не предрѣшено.

Незнакомецъ, какъ мнѣ показалось, горестно вздохнулъ и, подумавъ минуту, сказалъ:

— Пусть будетъ по-твоему, юноша. Если ты захочешь меня видѣть и слушать, приди ко мнѣ въ басилику святого Климента, близъ амфитеатра Флавіевъ, что воздвигнута недавно на мѣстѣ стараго храма вашего Митры. Ты найдешь меня тамъ каждый день: спроси только служителя Николая, и тебя проводятъ ко мнѣ. Я же буду ждать тебя и молиться о тебѣ.

— Хорошо, я приду,—сказалъ я просто, потомъ быстро повернулся и пошелъ прочь, не оглядываясь.

Когда я вернулся къ нашему обществу, костеръ уже былъ залитъ, и либитинаріи ловко собирали прахъ бѣдной Наміи въ грубую урну, изъ которой онъ долженъ былъ перейти въ другую, изящной Греческой работы, уже заготовленную у насъ дома. Тетка, сидя на ступеняхъ гробницы, все продолжала плакать, и Гесперія, съ которой я во все время похоронъ не обмѣнялся ни однимъ словомъ, нѣжно утѣшала ее. Наконецъ, жрецъ торжественно возгласилъ обычное:

— Ilicet! [1])

Мы сказали праху Наміи наше послѣднее vale, и урна была поставлена въ гробницу; женщины сѣли въ носилки, рабы съ факелами пошли впередъ, и началось обратное шествіе въ Городъ. Всѣ были крайне утомлены и шли молча. Со мною шелъ Ремигій, но и намъ не хотѣлось разговаривать. Онъ только напомнилъ мнѣ мое обѣщаніе пойти съ нимъ къ Галлѣ, на одинъ изъ ея обѣдовъ.

— Черезъ два дня, — сказалъ онъ, — Помпоній устраиваетъ праздникъ въ честь дня своего рожденія. Я сдѣлаю такъ, что къ тебѣ пришлютъ раба—звать тебя. Приходи непремѣнно: мнѣ хочется, чтобы ты самъ увидѣлъ, въ какихъ лапахъ находится Галла.

Я обѣщалъ прійти, такъ какъ втайнѣ я надѣялся, что у Галлы есть какія-либо вѣсти о Реѣ, судьба которой очень меня тревожила.

Въ домѣ дяди насъ ждало еще похоронное угощеніе, родъ того силицернія, о исчезновеніи котораго такъ скорбѣлъ Фестинъ. Но лишь у немногихъ достало силъ принять въ немъ участіе. Среди этихъ отважныхъ былъ, конечно, и философъ, несмотря на то, что на его появленіе въ домѣ всѣ посматривали съ недоумѣніемъ. Мнѣ стало жаль бѣдняка, и я взялъ его подъ свое покровительство, объявивъ, что хорошо его знаю.

Фестинъ былъ единственный, кто въ этотъ поздній часъ рѣшился еще произнести рѣчь. Съ кубкомъ въ рукахъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ сенатору:

— Великій Эпаминондъ, умирая, сказалъ, что покидаетъ жизнь не бездѣтнымъ, но оставляетъ двухъ дочерей—Левктры и Мантинею. Такъ не скорби и ты, славный потомокъ Бебіевъ Тибуртиновъ! Безжалостныя Парки обрѣзали нить жизни твоей возлюбленной дочери, но у тебя остается другая дочь, я смѣю сказать, болѣе прекрасная: Римъ! [2]) Ее люби и ей посвяти остающіеся годы жизни, кои да продлятъ безсмертные боги, на пользу Города и какъ примѣръ юношеству истинно Римской доблести. Двѣнадцать коршуновъ явилось Ромулу, когда онъ заложилъ свой городъ, и это залогъ того, что человѣкъ, любящій Римъ, никогда не будетъ одинокъ!

Вѣроятно, Аврора уже будила бѣлокураго Феба, когда уходили изъ нашего дома послѣдніе гости. Мнѣ пришлось на этотъ разъ исполнять обязанности хозяина и провожать ихъ до две-

[1]) Ilicet—можете итти.

[2]) Roma—Римъ, по-латыни женскаго рода.

рей, такъ какъ дядя и тетка незамѣтно удалились въ свои комнаты. Когда, наконецъ, разошлись всѣ, и я остался одинъ, среди усталыхъ рабовъ, убиравшихъ, подъ наблюденіемъ Мильтіада, остатки пиршества, я уныло оглядѣлъ атрій, въ которомъ мнѣ болѣе никогда не суждено было встрѣтить черноголовую дѣвочку, съ язвительными словами и ласковой улыбкой, и уныло побрелъ въ свою спальню, куда никогда болѣе не должна была тайно прокрасться маленькая Намія, требовавшая, плача, чтобы я любилъ ее, „какъ любятъ мужчины женщинъ“.

VII.

„Велика сила привычки“,—говоритъ Цицеронъ, [1]) и не было сомнѣнія, что постепенно тетка и дядя примирятся съ тѣмъ, что не раздается болѣе звонкій голосъ Наміи въ ихъ дряхлѣющемъ домѣ, что, подобно юной Прозерпинѣ, похищена она со свѣтлой земли въ темную преисподнюю, но первые дни тягостно было видѣть постоянное уныніе, владѣющее ими, слѣдить, какъ малѣйшій случай напоминаетъ имъ объ умершей дочери, вызывая слезы на ихъ глазахъ. Угрюмое молчаніе стояло въ домѣ съ утра до вечера, и даже словоохотливый о. Никодимъ не смѣлъ разсказывать о городскихъ новостяхъ, хотя попрежнему приходилъ ежедневно, тщательно выбритый и старательно надушенный. Поэтому я радъ былъ, когда, дѣйствительно, явился ко мнѣ черный рабъ, объявившій мнѣ, что его господинъ, Секстъ Помпоній, человѣкъ щедрый и гостепріимный, домъ котораго убранъ статуями великихъ Греческихъ ваятелей, приглашаетъ меня сегодня принять участіе въ обѣдѣ, устраиваемомъ имъ, въ знаменательный день его рожденія, для своихъ друзей и для друзей искусства.

Передавъ рабу благодарность за приглашеніе и сказавъ, что на обѣдѣ буду непремѣнно, я постарался принять самый щегольскій видъ, какой только могъ, понимая, что только этимъ могу оказать на Помпонія хорошее впечатлѣніе. Въ ближайшихъ термахъ я далъ хорошенько умастить свое тѣло, завилъ волоса и надѣлъ свое лучшее платье, сшитое мнѣ уже въ Городѣ, у веститора, [2]) котораго мнѣ въ свое время указалъ Юліаній. Къ назначенному часу за мной зашелъ Ремигій, и мы вдвоемъ

---

[1]) Consuetudinis magna vis est. (Cic. Tusc. II, 17.)

[2]) Vestitor—портной.

отправились въ домъ Галлы, всю дорогу поминая незабвенный пиръ Трималхіона.

— Ты увидишь,—говорилъ мнѣ Ремигій,—ожившими картины изъ сатиръ Петронія. Старайся только не смѣяться слишкомъ громко. А если Помпоній начнетъ читать свои стихи,—онъ имѣетъ притязаніе быть также любимцемъ Музъ,—хвали ихъ, не стѣсняясь. Конечно, заснуть за ихъ чтеніемъ не такъ опасно, какъ когда-то подъ декламацію Нерона, но удачной лестью ты мнѣ можешь оказать добрую услугу. А въ общемъ, увѣряю тебя, намъ на этомъ пирѣ будетъ не скучно, а скорѣе весело, какъ на представленіи мимовъ.

Я ничего не возразилъ Ремигію, но втайнѣ подумалъ, что, если Помпонію суждено быть архимимомъ, то самъ Ремигій играетъ при немъ не другую роль, какъ моріона. [1])

Домъ, въ которомъ Помпоній поселилъ Галлу и который онъ, по ея словамъ, подарилъ ей, былъ невеликъ, но построенъ въ хорошемъ, старомъ вкусѣ. Онъ стоялъ на довольно пустынной уличкѣ, но на этотъ разъ передъ входомъ шумѣла цѣлая толпа рабовъ, доказывая, что приглашенія были разосланы самымъ щедрымъ образомъ. Ежеминутно прибывали новыя носилки и подходили приглашенные. Несмотря на то, что было еще свѣтло, надъ дверью были зажжены фонари и внутри дома повсюду горѣли луцерны. [2])

Мы объявили привратнику наши имена, и номенклаторъ побѣжалъ по комнатамъ, громко ихъ выкрикивая. Я замѣтилъ, что онъ съ особеннымъ рвеніемъ провозглашалъ при моемъ имени:

— Племянникъ свѣтлѣйшаго мужа, сенатора Авла Бебія Тибуртина!

Вслѣдъ за Ремигіемъ я прошелъ рядъ комнатъ, убранныхъ съ показной роскошью и частью уже наполненныхъ приглашенными, и мы оказались въ небольшомъ триклиніи, предназначенномъ исключительно для того, чтобы пить вино. Мальчики безпрерывно черпали ціатами изъ нѣсколькихъ огромныхъ кратеровъ, стоявшихъ тамъ, наполняли кубки и подавали всѣмъ желающимъ. Комната была освѣщена двумя высокими канделябрами, изображавшими пляшущихъ сатировъ. Здѣсь же на особомъ креслѣ, имѣвшемъ видъ настоящаго трона, сидѣлъ, въ обществѣ трехъ или четырехъ, повидимому, наиболѣе почетныхъ гостей, самъ хозяинъ дома, Секстъ Помпоній, одѣтый въ пышную кокцину изъ гавсапы [3]).

[1]) Morio—шутъ, постоянная роль на представленіяхъ мимовъ.

[2]) Lucerna—лампа.

[3]) Coccina—алое одѣяніе; gausape—косматая шерстяная матерія.

Когда Ремигій назвалъ меня, Помпоній сказалъ, стараясь улыбаться привѣтливо или, какъ, вѣроятно, онъ самъ думалъ, благосклонно:

— Очень радъ, что ты пришелъ на мой скромный праздникъ. Мнѣ моя дорогая Галла разсказывала, что ты, вмѣстѣ съ Ремигіемъ, оказалъ ей важную услугу во время ея путешествія. Будь желаннымъ гостемъ.

Помпоній указалъ мнѣ на свободное мѣсто около себя, и мнѣ оставалось только повиноваться и присоединиться къ бесѣдѣ.

Разговоръ шелъ о падающемъ значеніи знати, и Помпоній, съ самодовольнымъ лицомъ, продолжалъ излагать свои мысли, впрочемъ, считая долгомъ иногда какъ бы извиняться передо мной.

— Да, друзья мои,—говорилъ Помпоній,—сенаторскіе роды должны уступить мѣсто новымъ людямъ. Прости, любезный Юній, я говорю, что думаю, и нисколько этимъ твоего дядю обидѣть не хочу. Нобилитетъ былъ когда-то нуженъ Риму и сдѣлалъ для него многое. Разные тамъ Сципіоны Африканскіе спасли въ свое время Городъ отъ Галловъ и отъ другихъ враговъ. Но теперь другія времена. Теперь осталась только одна сила: деньги. Тотъ долженъ властвовать въ имперіи, кто богаче. Все можно купить, и кто способенъ будетъ скупить все, тотъ и будетъ владѣть всѣмъ.

Я не почелъ приличнымъ выступить съ возраженіемъ, но одинъ изъ собесѣдниковъ, судя по наружности, родомъ изъ Египта, осмѣлился робко замѣтить:

— Ты, конечно, правъ, какъ всегда, Помпоній, однако какъ же быть съ обороной границъ: вѣдь не пошлешь противъ варваровъ, вмѣсто легіоновъ, денежные переводы на мѣстныхъ аргентаріевъ? [1])

— Ошибаешься, другъ,—гордо заявилъ хозяинъ дома,—именно всего лучше и вѣрнѣе послать противъ враговъ мѣшки съ авреями. [2]) Цезарь утверждалъ, что для веденія войны надо прежде всего деньги, потомъ деньги и въ-третьихъ деньги. А я скажу, что больше ничего и не надо. Дайте мнѣ власть, и вы увидите, что никакой опасности на Рейнѣ не станетъ: я куплю вѣчный миръ, вотъ и все! А еще того лучше куплю вѣчную войну между Германцами, и они перерѣжутъ одни другихъ!

Хотя Помпоній и спуталъ Алцибіада съ Цезаремъ, какъ раньше Галловъ съ Пунами, то, что онъ говорилъ, не показалось мнѣ ни

---

[1]) Argentarii—банкиры.

[2]) Aureus—золотая монета.

нелѣпымъ, ни смѣшнымъ, и я слушалъ его далѣе уже съ любопытствомъ, онъ же продолжалъ:

— И развѣ вы, дѣйствительно, думаете, что нынѣшніе нобили годятся для военнаго дѣла? Посмотрите на юношей тѣхъ семей, гдѣ стѣны домовъ увѣшаны восковыми изображеніями предковъ: какіе это все заморыши! Они способны только проживать земли, полученныя по наслѣдству, да произносить въ Сенатѣ рѣчи, которыхъ никто не слушаетъ! Не то мы, люди занятые настоящимъ дѣломъ, держащіе въ своихъ рукахъ торговлю по всему Внутреннему морю! [1]) Это—крѣпыши, у которыхъ и дѣти будутъ крѣпкими и сильными! Возьмите въ примѣръ хотя бы меня: у меня столько денегъ, что я могъ бы купить себѣ царство и цѣлые дни не выходить изъ пиршественной залы,—а я, чуть заря, уже за работой, иду въ свою таберну [2]) на форумѣ и пересчитываю деньги, посѣщаю янусъ [3]), чтобы узнать всѣ новости, обхожу свои дома и собираю плату съ жильцовъ, за всѣмъ смотрю самъ, всѣмъ самъ распоряжаюсь и ни одного асса не пропущу безъ счета! Былъ Римъ патриціевъ, былъ Римъ нобилей, а теперь будетъ Римъ—нашъ!

Гости покрыли рѣчь хозяина восторженными восклицаніями въ честь его мудрости и, хлопая въ ладоши, потребовали вина, чтобы выпить за его здоровье. Такъ какъ въ эту минуту къ Помпонію подошли новые посѣтители, то я, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, тихо покинулъ свое мѣсто и отправился разыскивать Галлу, съ которой мнѣ хотѣлось переговорить безъ лишнихъ свидѣтелей. Однако, она оказалась тоже окруженной какими-то женщинами, въ которыхъ не трудно было угадать, несмотря на ихъ богатые наряды и въ изобиліи навѣшанныя на нихъ драгоцѣнности, бывшихъ кифаристокъ и флейтистокъ или даже особъ еще низшаго разбора.

Напротивъ, въ Галлѣ, одѣтой тоже роскошно, небрежно развалившейся на удлиненномъ креслѣ, выставляющей руки, унизанныя драгоцѣнными перстнями, нарочно позванивавшей жемчужными кроталіями [4]), оттѣнявшими нѣжно-розовый цвѣтъ ея ушей, не оставалось ничего похожаго на ту дѣвушку, которую еще недавно всѣ могли купить за нѣсколько сестерцій и которую я нѣсколько мѣсяцевъ назадъ видѣлъ совершенно обнаженной въ убогой комнаткѣ дешеваго лупанара. Привѣтствовавъ меня

[1]) Mare Internum—Средиземное море.

[2]) Taberna argentaria—мѣняльная контора, банкъ.

[3]) Ianus—арка, близъ храма Кастора, гдѣ собиралась римская биржа.

[4]) Crotalia—серьги.

кивкомъ головы, Галла предложила мнѣ нѣсколько вопросовъ такимъ голосомъ, словно мы встрѣчались съ ней только въ самыхъ благородныхъ домахъ Города и словно она всю жизнь привыкла имѣть дѣло только съ женами сенаторовъ и префектовъ.

— Ты, какъ я слышала,—сказала она,—былъ недавно въ Медіоланѣ. Вотъ городъ, который я никогда не видѣла и который мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть. Понравился ли онъ тебѣ?

Я отвѣтилъ, что Медіоланъ мнѣ понравился, но добавилъ:

— Кстати сказать, я встрѣтилъ тамъ твою сестру, Рею. Не имѣешь ли ты отъ нея извѣстій?

По лицу Галлы было видно, что упоминаніе о Реѣ ей непріятно, и она отозвалась очень сдержанно:

— Нѣтъ, мы не обмѣниваемся съ нею письмами.

И тотчасъ, чтобы не дать мнѣ возможности продолжать настоянія, обратясь къ одной изъ своихъ собесѣдницъ, заговорила о чемъ-то другомъ.

Покинувъ Галлу, я воспользовался временемъ, чтобы оглядѣть домъ. Въ немъ было, дѣйствительно, нѣсколько хорошихъ статуй Греческой работы, сносная живопись на стѣнахъ, содержаніе которой предупредительно объяснялъ посѣтителямъ атріенсій [1]), неимовѣрной величины клепсидра [2]), устроенная такъ, что она точно показывала часы дня и стражи ночи, зимой и лѣтомъ, рядъ армаріевъ [3]) съ разными диковинами, и другія вещи, явно помѣщенныя тамъ затѣмъ, чтобы ихъ разсматривали. Впрочемъ, я замѣтилъ, что нигдѣ не было видно ларарія, изъ чего заключилъ, что хозяинъ дома—христіанинъ. Подобно мнѣ, нѣсколько человѣкъ гостей, должно быть, также попавшихъ въ домъ Помпонія впервые, бродило по заламъ, разглядывало выставленныя на показъ рѣдкости и громогласно выражало свое восхищеніе.

Однимъ изъ послѣднихъ появился въ домѣ Юліаній, котораго я не видѣлъ со времени моего отъѣзда изъ Города. Юліаній былъ одѣтъ особенно роскошно, хотя и въ тогу, но не бѣлаго, но лиловаго цвѣта, что̀, вѣроятно, привело бы въ негодованіе Катона, и пальцы его были унизаны перстенями, вѣроятно, съ поддѣльными каменьями. Меня Юліаній встрѣтилъ, какъ самаго близкаго друга, хотѣлъ даже обнять, только я уклонился отъ его поцѣлуя,—и, отведя въ сторону, сталъ разспрашивать о происшедшимъ

---

1) Atriensis—смотритель за атріемъ, домоправитель.

2) Clepsydra—водяные часы.

3) Armarium—шкафъ.

со мною въ Медіоланѣ, дѣлая намеки, будто ему все, что касается меня, извѣстно. Я, разумѣется, не разсказалъ ему ничего и на всѣ его дружественныя зазыванія отвѣчалъ кратко и строго, показывая ему, что вовсе не считаю его близкимъ.

Когда мы такъ разговаривали, къ намъ приблизился Ремигій, и Юліаній, у котораго всегда въ запасѣ были слова, какъ у хорошаго стрѣлка стрѣлы, немедленно перевелъ рѣчь на любовь и сталъ нескромно похваляться расположеніемъ къ себѣ многихъ изъ присутствующихъ здѣсь женщинъ. Намъ съ Ремигіемъ непріятно было слушать эти вольные панегирики самому себѣ, но Юліаній, не довольствуясь тѣмъ, вдругъ заговорилъ о хозяйкѣ дома:

— Посмотрите, мои друзья, какъ расцвѣла domina Галла! Хорошее дѣло взялъ на себя Помпоній и хоть на что-нибудь да пригодился! Прежде мы отдавали собственные квинаріи [1]) за ласки этой милой дѣвушки; теперь же онъ одинъ платитъ за всѣхъ, а мы пользуемся все тѣмъ же!

При такихъ словахъ Ремигій поблѣднѣлъ и, раньше чѣмъ я успѣлъ его остановить, воскликнулъ:

— Ты лжешь, Юліаній! Теперь ты ничѣмъ не пользуешься у Галлы! Постыдно такъ клеветать на женщину!

Какъ ни обидны были слова моего друга, но Юліаній просто засмѣялся, вмѣсто отвѣта, и спокойно возразилъ:

— Объ этомъ всегда знаютъ только двое, а третій—богъ, котораго иные поэты признаютъ слѣпымъ.

Не желая слушать такія рѣчи, Ремигій стремительно повернулся спиной къ Юліанію и отошелъ прочь, а я послѣдовалъ за моимъ другомъ, стараясь успокоить его негодованіе. Юліаній же тотчасъ нашелъ другого слушателя и, какъ если бы ничего не случилось, началъ ему что-то оживленно разсказывать, можетъ быть, клевеща на насъ.

Между тѣмъ появились рабы, выкрикивающіе приглашеніе возлечь за столъ. Слѣдуя за другими, я прошелъ въ большой триклиній, находившійся въ самой задней части дома, гдѣ былъ накрытъ громадный столъ и гдѣ въ глубинѣ была сцена для мимовъ и музыкантовъ. По счастію, меня посадили рядомъ съ Ремигіемъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Юліанія, такъ что во время безконечно тянувшагося обѣда я былъ не одинокъ и могъ обмѣниваться своими замѣчаніями съ другомъ.

Послѣ того торжественнаго пиршества, на которомъ я участвовалъ въ Медіоланѣ, въ домѣ Тита Коликарія, я не могъ ожи-

---

[1]) Quinarius—серебряная монета, полъ-денарія.

дать ничего для себя невиданнаго, но признаюсь всетаки, что изобрѣтательность поваровъ Помпонія иногда поражала всѣхъ присутствующихъ. Всѣ блюда были имъ приготовлены такимъ образомъ, что невозможно было угадать, что̀ это такое. Изъ дичи онъ дѣлалъ подобіе кабана, изъ рыбы—маленькихъ птичекъ, въ яйцахъ оказывались фрукты, заяцъ былъ начиненъ улитками, и все было въ этомъ родѣ. Къ этому надо добавить, что столъ былъ уставленъ дорогой серебряной посудой, такъ что всякій маленькій ацетабулъ [1]) стоило разсматривать поближе, что вина, въ самомъ дѣлѣ, были хороши и подавались въ изобиліи, и станетъ ясно, что пиръ Помпонія выгодно отличался отъ пира Трималъхіона. Къ тому же на сценѣ то петавристаріи, [2]) со своими головоломными упражненіями на высоко протянутомъ канатѣ, то неистово кружащіяся плясуньи, то кифаристки, то, наконецъ, мимы, исполнившіе цѣлое представленіе, безпрерывно занимали наше любопытство.

Не слушая рѣчей, которыя велись на почетномъ концѣ стола, гдѣ возсѣдалъ самъ Помпоній рядомъ съ Галлой, державшей себя величественно, и гдѣ поминутно раздавались восторженныя восклицанія паразитовъ: „какъ это умно сказано!“ или даже просто „Sophos!“ [3]) я съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ Ремигіемъ, съ которымъ мнѣ давно не случалось поговорить вволю, и остался бы вполнѣ доволенъ пріятно проведеннымъ вечеромъ, если бы онъ не закончился происшествіемъ, которое омрачило, какъ туча Юпитера, весь пиръ, нарушивъ веселое расположеніе духа всѣхъ гостей и мое въ особенности.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе всего вечера Ремигія, взволнованнаго между прочимъ похвальбой Юліанія, явно раздражало и то пренебреженіе, какое, въ присутствіи постороннихъ, считала нужнымъ оказывать ему Галла, и обращеніе съ ней Помпонія, который, не стѣсняясь тѣмъ, что находится въ многолюдномъ обществѣ, или даже желая похвалиться передъ нимъ своей красивой наложницей, неоднократно со смѣхомъ принимался обнимать свою подругу, щекотать и цѣловать ее. Видя это, Ремигій съ излишнимъ усердіемъ опорожнялъ за кубкомъ кубокъ и, все болѣе возбуждаясь, довольно громко высказывалъ самыя злобныя сужденія о хозяинѣ дома. Пиръ уже подходилъ къ концу, когда Помпоній захотѣлъ къ удовольствіямъ, приносимымъ Ко-

---

1) Acetabulum—уксусница.

2) Petauristarius—гимнастъ, канатоходецъ.

3) Sophos—умно! прекрасно! браво!

момъ и Бакхомъ, присоединить радости Пегасидъ [1]) и, подстрекаемый одобрительными возгласами сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ гостей, объявилъ, что продекламируетъ нѣсколько своихъ, недавно имъ написанныхъ стихотвореній.

— Ну, теперь мы увидимъ пляшущаго верблюда,—произнесъ Ремигій такъ, что это слышали наши сосѣди по столу.

— Говори тише,—шепнулъ я ему, но онъ въ отвѣтъ только гнѣвно тряхнулъ плечами.

Помпоній разгладилъ свою длинную, красиво завитую бороду, придававшую ему видъ Халдейскаго мага, всталъ, съ осанкой оратора, и взялъ изъ рукъ раба принесенный серебряный ларецъ, въ которомъ хранились его творенія. Ремигій не преминулъ шепнуть мнѣ, что Помпоній держитъ при себѣ особаго писца, ловкаго Грека, по имени Мнесилохъ, обязанности котораго состоятъ будто бы въ томъ, чтобы переписывать стихи своего господина, а на дѣлѣ въ томъ, чтобы исправлять ихъ. Но Помпоній, прежде чѣмъ начать чтеніе, почелъ необходимымъ произнести такое предисловіе.

— Я не учился у риторовъ,—сказалъ онъ,—и не жалѣю объ этомъ. Поэтомъ быть нельзя научиться, какъ о томъ вѣрно говоритъ Цицеронъ. Все дѣло въ прирожденной способности и въ покровительствѣ Музъ. Я никакихъ правилъ стихосложенія не знаю, а иногда могу написать въ одинъ вечеръ двадцать эпиграммъ. Думаю, что и самому Марціалу это было бы не подъ силу.

Гости шумно выразили свое изумленіе передъ поразительнымъ дарованіемъ хозяина, увѣряя его, что не только Марціалъ, но и самъ Гомеръ не совладалъ бы съ такой задачей. Помпоній же, опираясь на плечо раба, что, вѣроятно, крайне ему мѣшало, началъ декламацію, подражая плохимъ акторамъ [2]) въ усиленномъ означеніи метра.

Говорятъ, что стихи ученика Сенеки, столь осмѣянные его современниками, не были особенно плохи, и весьма жаль, что ни одинъ изъ авторовъ не захотѣлъ сохранить ихъ до нашихъ дней. Подобно этому и эпиграммы Помпонія не показались мнѣ столь нелѣпыми, какъ я могъ ожидать, хотя ихъ авторъ, или его Греческій писецъ, и пользовались слишкомъ широко правиломъ грамматиковъ, гласящимъ, что иные слоги могутъ быть либо долгими, либо краткими, смотря по тому, какъ ты ихъ хочешь поставить. [3])

---

[1]) Pegasides—Музы.

[2]) Actor—актеръ.

[3]) ... tales erunt syllabae, ut eas ponere volueris, sive longas, sive breves. (Maximi Victorini De ratione metrorum.)

Первая изъ прочитанныхъ эпиграммъ говорила о семи небесныхъ сферахъ, и она была настолько замысловата, что я рѣшительно подозрѣваю въ ней скорѣе твореніе Мнесилоха, скромно удовольствовавшагося денежнымъ подаркомъ, взамѣнъ сосноваго вѣнка, а не нашего амфитріона. Сколько я запомнилъ, эта эпиграмма читается такъ:

Семь священныхъ планетъ, къ семи прикрѣпленныя сферамъ,
По непреложнымъ законамъ, свершаютъ свое обращенье.
Фе́нона первая сфера, съ зловѣщей звѣздою Сатурна;
Имя второй—Фаэтонъ и на ней сверкаетъ Юпитеръ;
Третья дана Пироенту: тамъ блещетъ Марсъ красноватый;
Стильбонъ названье четвертой, съ которой свѣтитъ Меркурій;
Фо́сфора пятая сфера, гдѣ утромъ сіяетъ Венера;
Феба—сфера шестая, послѣдняя сфера—Діаны;
Это она отдѣляетъ небо отъ далей эѳира.

Гости, конечно, привѣтствовали такіе стихи самыми восторженными восклицаніями, и любопытно было наблюдать, какъ Юліаній игралъ двойную игру: онъ кричалъ похвалы чуть ли не громче всѣхъ, но въ то же время успѣвалъ подмигнуть мнѣ, намекая, что онъ понимаетъ все ничтожество тщетныхъ попытокъ разбогатѣвшаго неуча соперничать съ Апулеемъ. [1]) А Помпоній, досыта насладившись льстивыми восторгами паразитовъ, досталъ изъ ларца новый свитокъ и опять, усиленно скандируя, сталъ читать другія эпиграммы, воспѣвающія то знаки Зодіака, то различные вѣтры, то разныя формы любовныхъ объятій, причемъ послѣднее стихотвореніе своимъ нескромнымъ содержаніемъ вызвало особенно бурные восторги уже полупьяныхъ слушателей. Наконецъ, Помпоній приступилъ къ элегіи о Гигантахъ, начинавшейся, кажется, такъ:

Вышній эѳиръ захватить когда-то пытались Гиганты
И на Олимпа царя руки взносили свои.

Далѣе, какъ водится, говорилось о томъ, что попытка Гигантовъ не имѣла успѣха, что Юпитеръ сокрушилъ ихъ молніей, но что въ наши дни новые Гиганты, люди труда и ума, къ которымъ Помпоній относилъ и самого себя, намѣрены начать борьбу за обладаніе міромъ; они громоздятъ не Пеліонъ на Оссу, но мѣшки съ золотомъ одинъ на другой, скоро взберутся по этой лѣстницѣ

---

[1]) У Апулея, въ сочиненіи „De Mundo“ (переводъ псевдо-аристотелева трактата) есть сходное перечисленіе семи небесныхъ сферъ и семи планетъ.

до неба, захватятъ въ свою власть всѣ должности имперіи, всѣ почести, будутъ обладать всѣми сокровищами древности, лучшими статуями и любовью красивѣйшихъ женщинъ.

Когда Помпоній закончилъ чтеніе своей элегіи, по меньшей мѣрѣ любопытной, хотя въ ней и попадались выраженія, которыя умѣстны были бы только въ устахъ какого-нибудь Франка, едва научившагося Латинской рѣчи, и все собраніе привѣтствовало счастливаго поэта настоящимъ громовымъ раскатомъ рукоплесканій,— Ремигій внезапно, потерявъ обладаніе собой, воскликнулъ такъ громко, что его голосъ покрылъ общій шумъ:

— Почести ты, можетъ быть, и скупишь, но любовь не продается. Ты можешь купить дѣвушку и запереть ее въ золотой тюрьмѣ, но ея сердце останется на свободѣ. „Если хочешь быть любимымъ, люби!“ [1]) а не довольствуйся тѣмъ, что кидаешь солиды!

Я всячески пытался успокоить моего друга, и Помпоній первую минуту, нѣсколько смутившись, готовъ былъ сдѣлать видъ, что онъ не слышитъ словъ Ремигія, но тотъ, словно побуждаемый какимъ-то демономъ, оттолкнулъ мою руку и съ еще большимъ возбужденіемъ сталъ говорить:

— Стыдно намъ, граждане, что мы здѣсь слушаемъ этого начиненнаго золотомъ каплуна, который похваляется, что всѣхъ насъ купитъ! Римляне попрежнему носятъ свое право на оконечности мечей. Омерзительно слушать, будто они стали народомъ торгашей, какими-то Грекулами. [2])

Такъ неожиданны были такія рѣчи въ устахъ Ремигія, всегда склоннаго относиться къ жизни и къ вопросамъ чести легко, что я не зналъ, какъ себя держать съ нимъ. Конечно, тотчасъ нашлось множество защитниковъ у щедраго хозяина, которые не только осыпали дерзкаго проповѣдника бранью, зло укоряя его въ томъ, что онъ сначала наѣлся и напился на счетъ Помпонія, а потомъ уже вздумалъ обличать его, но и готовыхъ кулаками доказать свою преданность поэту-мнемону. [3]) Особенно неистовствовалъ при этомъ Юліаній, который обрадовался случаю отомстить моему другу за недавнюю обиду. Однако все происшествіе еще можно было бы какъ-нибудь уладить, если бы Ремигій не сдѣлалъ послѣдняго шага, вдругъ обратившись къ Галлѣ съ такой рѣчью:

— И тебѣ, Галла, стыдно оставаться въ обществѣ человѣка, который открыто хвастался тѣмъ, что пріобрѣлъ твою любовь за деньги. Докажи, что ты, хотя и жила въ лупанарѣ, честная дѣ-

1) Si vis amari ama. (Sen. Ep. IX, 4).

2) Graeculus—насмѣшливое прозваніе грековъ.

3) Μνήμων—предсѣдатель пира.

вушка. Плюнь этому негодяю въ его завитую бороду и уходи сейчасъ же отсюда со мной!

Такихъ оскорбленій Помпоній уже не могъ стерпѣть. Въ одинъ мигъ пропали у него тѣ пріемы благородства, которыми онъ пытался щеголять, сразу онъ превратился въ грубаго подрядчика, привыкшаго кричать на рабовъ и рабочихъ, и, съ яростными ругательствами, весь поблѣднѣвъ отъ злобы, задыхаясь и брызгая слюной, онъ сталъ угрожать, что немедленно прикажетъ слугамъ схватить Ремигія и высѣчь его на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, какъ негоднаго школьника. Ремигій, совсѣмъ пьяный, покачиваясь, но стараясь принять гордый видъ, возражалъ, что онъ Римскій гражданинъ и что никто не въ правѣ, безъ суда, прикоснуться къ нему пальцемъ. Но уже Юліаній, усердствовавшій больше другихъ и зная, что его поддержатъ рабы Помпонія, схватилъ Ремигія за плечи, готовый повлечь его передъ лицо раздраженнаго хозяина, и между ними началась настоящая борьба, безобразная и непристойная.

Я былъ въ полномъ отчаяніи и не представлялъ, какъ спасти своего друга отъ поруганія, потому что разъяренный Помпоній способенъ былъ, не обращая вниманія ни на какіе законы божескіе и человѣческіе, дѣйствительно, приказать рабамъ избить своего оскорбителя, и тѣ, конечно, исполнили бы такое повелѣніе безъ колебанія. По счастію, мнѣ на помощь пришла сама Галла: съ начала ссоры она, вмѣстѣ со всѣми, выражала свое негодованіе на грубіяна, но, должно быть, въ глубинѣ души желала спасти его отъ побоевъ или иныхъ обидъ. По крайней мѣрѣ, среди общаго шума и смятенія, она нашла способъ уладить дѣло наилучшимъ способомъ: показывая видъ, что она крайне разгнѣвана, она повелительно закричала рослымъ Пафлагонцамъ, бывшимъ поблизости, чтобы они тотчасъ же вытолкали дерзкаго крикуна за двери дома. Рабы повиновались и, схвативъ все еще отбивавшагося Ремигія за руки, поволокли его къ выходу. Я, разумѣется, послѣдовалъ за нимъ, и черезъ минуту мы оказались на темной улицѣ, тогда какъ за нами слышался негодующій голосъ Помпонія, какъ видно, жалѣвшаго, что его оскорбитель отдѣлался такъ дешево.

— Что ты надѣлалъ, Ремигій!—горестно восклицалъ я, поспѣшно уводя его какъ можно дальше отъ опаснаго сосѣдства съ домомъ аргентарія-поэта.

— Все равно!—отвѣчалъ мнѣ Ремигій,—я больше такую жизнь выносить былъ не въ силахъ. Пусть она остается со своимъ Кре-

зомъ! Я радъ, что сказалъ имъ всѣмъ въ лицо то, что было у меня въ душѣ.

— Но тогда незачѣмъ было итти на этотъ пиръ,—замѣтилъ я, сколько кажется, вполнѣ справедливо.—А кромѣ того, будь увѣренъ, что Помпоній не забудетъ этой обиды: онъ сумѣетъ тебѣ отомстить.

— Я первый отомщу ему,—возразилъ Ремигій,—клянусь Геркулесомъ, ему не пройдетъ даромъ то, что онъ укралъ у меня счастіе. Я ему докажу, что его безстыдная философія не права! Но еще раньше я отомщу этому щеголю, гнусному паразиту, выдающему себя за потомка императоровъ! Я кое-что знаю о Юліаніи,—такое, что ему не сдобровать! Призываю въ свидѣтели васъ, звѣзды, что я не позволю ему долго оскорблять землю своимъ присутствіемъ!

Долго еще, пока я велъ Ремигія по темнымъ улицамъ, онъ продолжалъ выкрикивать какія-то непонятныя мнѣ угрозы, намекая на то, что у него есть важныя улики противъ Юліанія, которыми онъ теперь воспользуется. Я не могъ рѣшить, есть ли у него основанія, чтобы такъ говорить, или его языкомъ владѣетъ Бакхъ, часто бывающій во враждѣ съ правдой. „Вино возжигаетъ гнѣвъ“, говоритъ поговорка, [1]) и я ожесточеніе Ремигія прежде всего объяснялъ числомъ кубковъ, дно которыхъ онъ разглядѣлъ, но, въ глубинѣ души, не имѣлъ ничего противъ того, чтобы онъ взялъ на себя трудъ избавить меня и имперію отъ сомнительнаго сына божественнаго Юліана.

Прощаясь съ пьянымъ Ремигіемъ у дверей дома, гдѣ онъ жилъ, я думалъ:

„Можетъ быть, эта глупая ссора послужитъ мнѣ на пользу; кто знаетъ, гдѣ иногда таится наше благо; вѣдь—

Въ навозной кучѣ пѣтушокъ молоденькій,
Ища, что-бъ съѣсть ему, нашелъ жемчужину!“ [2])

Валерій Брюсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) Vinum incendit iram (Sen. De ira. II, 19).

[2]) In sterquilinio pullus gallinaceus,
Dum quaerit escam, margaritam repperit.
(Phaedr. III, 12.)

Два стихотворенія.

1.

Концертъ.

„Концертъ“.
Картина Джорджоне.

Джорджоне вдумчивый и нѣжный
Прозрачностью плѣняетъ духъ,—
Ландшафтъ мнѣ снится безмятежный
И на закатѣ дня пастухъ.

Отрадна сельская забава,
„Концерта“ сказоченъ напѣвъ...
Мнѣ снятся: свѣжая дубрава
И отдыхъ утомленныхъ дѣвъ.

На всемъ избытокъ нѣги полный.
Въ вечернемъ небѣ блѣдность розъ,
И въ воздухѣ застыли волны,
Покоемъ углубленныхъ, грезъ.

2.

Замедленный рокотъ прибоя,
Немолчная пѣсня цикадъ.
Въ просторѣ таинственномъ зноя,
Объятый молчаньемъ покоя
У гавани дремлетъ фрегатъ.

Кругъ неба, безоблачно синій,
Сверкаетъ въ полдневномъ огнѣ,
И въ четкости огненныхъ линій
Весь берегъ, подъ сумракомъ пиній,
Внимаетъ уставшей волнѣ.

Н. Бернеръ.

О любезности.

Соціально-психологическій опытъ.

„Diesem geschichtlichen Gang sich entwickelnder Erkenntnis entspräche es, wenn mann insbesondere bei einer erst beginnenden Wissenschaft, wie die Sociologie ist, alle Kraft an die Einzelforschung setzte, um ihr zunächst einen Inhalt, eine gesicherte Bedeutung zu geben"...

G. Simmel. Ueber die Sociale Differenzirung. S. 2.

I.

Трудно сказать, многіе ли изъ насъ сознаютъ отчетливо, какую неизмѣримо серьезную и нерѣдко рѣшающую роль играютъ въ жизни взрослаго интеллигентнаго человѣка безсознательные элементы вообще и въ частности безсознательное или полусознательное общеніе съ другими. Мы всѣ привыкли думать, что мы общаемся съ тѣми и только съ тѣми, съ кѣмъ хотимъ, и притомъ лишь такъ и постольку, поскольку мы хотимъ этого сознательно. Рѣдко кто согласится признать за „общеніе" тѣ психическія касанія и взаимодѣйствія, которыя приносятся такимъ легкимъ и бѣглымъ потокомъ, едва задѣвая поверхность души и обыкновенно сливаясь до неразличимости во что-то единое, летучее, сѣрое, какъ бы въ облако дыма. Даже больше: мы всѣ убѣждены, что можно сидѣть въ одной комнатѣ съ непріятнымъ человѣкомъ и не вступать съ нимъ въ общеніе; мы общаемся въ это время съ другими, болѣе пріятными намъ людьми и игнорируемъ того, кто внутренно исключенъ нами изъ общенія. Съ этой точки зрѣнія къ „общенію" будутъ относиться только тѣ болѣе яркіе моменты ощущенія чужой души или чужихъ душъ, которые состоялись, въ томъ или иномъ смыслѣ, съ нашего согласія, и которые обыкновенно переживаются такъ: мы сами „дали" что-то, хотя, можетъ быть, и не наше „подлинное", и взамѣнъ что-то „получили".

Однако соціологъ не можетъ довольствоваться этимъ узкимъ, обычнымъ пониманіемъ общенія. Съ точки зрѣнія соціологіи къ общенію долженъ быть отнесенъ во всякомъ случаѣ каждый психическій моментъ, каждое ощущеніе и переживаніе, которое можетъ разсматриваться, какъ внутренняя реакція одного существа, обладающаго психикой, на проявленіе (или даже *появленіе*) другого, обладающаго психикой, существа. [1]) Такое пониманіе не только признаетъ несущественнымъ моментъ преднамѣренности и произвольности въ общеніи; оно относитъ къ общенію и весь тотъ слой переживаній, который протекаетъ въ насъ полусознательно и съ виду, можетъ быть, даже лишенъ опредѣленнаго или устойчиваго содержанія; мало того, общеніемъ съ этой точки зрѣнія явится всякое взаимодѣйствіе двухъ людей, хотя бы оно состояло просто въ переживаніи взаимнаго присутствія, т.-е. пребыванія въ одномъ и томъ же мѣстѣ. [2]) Совмѣстное путешествіе незнакомыхъ въ одномъ купэ вагона, сидѣніе рядомъ въ театрѣ, вынужденное молчаливое пребываніе за табль-д'отомъ, наконецъ, случайное столкновеніе двухъ задумавшихся прохожихъ, или обмѣнъ быстрымъ, критическимъ взглядомъ въ сумракѣ улицы,—все это является для соціолога общеніемъ. И нетрудно убѣдиться, что полуосознанная интенсивность этихъ обычныхъ касаній и взаимодѣйствій нерѣдко совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни ихъ продолжительности, ни ихъ духовной содержательности.

Въ нашей обыденной жизни есть цѣлый рядъ переживаній, поддающихся учету и изученію лишь съ этой, болѣе широкой, точки зрѣнія. Мы всѣ знаемъ, напримѣръ, какъ сильно хочется *полнаго* одиночества въ періоды рѣзкаго утомленія, какое значительное облегченіе испытываютъ иногда нервно-переутомленные люди, когда имъ удается остаться однимъ, „совсѣмъ однимъ“. Именно въ такіе періоды усталости или

---

[1]) Точное опредѣленіе предмета описательной соціологіи (т.-е. соціальной психологіи) должно быть таково: внутренняя реакція одного существа, обладающаго психикой, на *представленіе о другомъ*, одаренномъ психикой, существѣ (независимо отъ того, соотвѣтствуетъ этому представленію въ моментъ реакціи наличное, конкретное, живое существо, или не соотвѣтствуетъ). Согласно такому опредѣленію къ ряду *соціальныхъ* переживаній будутъ отнесены: переживанія, связанныя съ существами, *вообще* не имѣющими внѣшняго эмпирическаго бытія (напримѣръ, психологія миѳа), или *уже* не имѣющими его (напримѣръ, психологія кладбища), или *еще* не получившими его (напримѣръ, изученіе переживаній, связанныхъ съ идеей потомства). Однимъ словомъ: все, что *представляется* одареннымъ душой, можетъ вызвать *соціальное* переживаніе въ томъ, кто имѣетъ такое представленіе (одухотвореніе земли, растеній, моря).

[2]) Соціологія не ограничится, конечно, анализомъ этой *взаимности* и подвергнетъ анализу (въ качествѣ соціальныхъ) и такія переживанія, которыя протекаютъ, напримѣръ, въ индивидуумѣ, реагирующемъ на проявленія другого, не подозрѣвающаго о его присутствіи или даже о его существованіи, а также переживанія, вызванныя представленіемъ объ отсутствующихъ лицахъ, и т. д.

болѣзни люди нерѣдко начинаютъ сознавать тѣ переживанія и ощущенія, которыя у бодраго и здороваго человѣка протекаютъ незамѣтной чередой. Человѣкъ несомнѣнно испытываетъ „отдыхъ" при отсутствіи *всякаго* касанія съ реальной, живой психикой другого, и съ этимъ стоитъ въ связи то обстоятельство, что нѣкоторые не могутъ сосредоточиться въ чужомъ присутствіи. У человѣка, находящагося въ обществѣ другихъ, душа какъ бы непрерывно содрогается отъ воспринимаемыхъ ею касаній и отъ реагирующихъ на эти касанія отвѣтныхъ разрядовъ. Ко всякому содержанію, заполняющему человѣческую душу,—къ радости и страданію, къ размышленію и къ процессу ѣды,—присоединяется нѣкоторая новая окрашенность, новые, небывшіе оттѣнки, или, если угодно, нѣкоторыя добавочныя переживанія, которыя могутъ замѣтно обременять душу; своеобразная сила этихъ добавочныхъ ощущеній, этихъ полуосознанныхъ уколовъ общенія лежитъ какъ разъ въ ихъ непрестанности, привычности и недостаточной осознанности. Тѣмъ важнѣе и интереснѣе оказывается для соціолога привлечь ихъ къ сознательному анализу.

Можно далѣе сказать, не обинуясь, что каждый моментъ общенія имѣетъ ту или иную окраску пріятности и непріятности, влечетъ за собой извѣстныя ощущенія положительнаго или отрицательнаго характера. Натуры, менѣе подвижныя духовно, относятъ первоначально эту пріятность и непріятность къ своимъ личнымъ ощущеніямъ, къ своему „настроенію", и лишь затѣмъ уже, на второмъ планѣ, связываютъ ихъ съ породившимъ ихъ лицомъ, объективируютъ ихъ и придаютъ имъ значеніе *его* свойствъ, какъ бы объективно ему присущихъ. У натуръ же болѣе подвижныхъ и чуткихъ эти, такъ сказать, „оцѣночныя" ощущенія мобилизуются иногда съ удивительной быстротой, яркостью и опредѣленностью и относятся прямо къ соотвѣтствующему лицу. Можно утверждать, что на всемъ протяженіи взаимодѣйствія съ другими людьми душа наша полна осознанныхъ или полуосознанныхъ ощущеній пріятнаго-непріятнаго, вѣчно подвижныхъ и иногда неожиданно всплывающихъ въ сознаніи и мотивирующихъ наши поступки. Такъ, всѣмъ извѣстны тѣ житейскія состоянія неопредѣленности въ выборѣ, когда чаши обѣихъ возможностей оказываются случайно въ какомъ-то, иногда совсѣмъ слабомъ, но безнадежномъ колебаніи. Тогда кажется, что въ сущности намъ „все равно" пойти въ гости или не пойти въ гости, надѣть цилиндръ или фетровую шляпу, взять извозчика или сѣсть въ трамвай и т. д. И почему-то,—„такъ, какъ-то захотѣлось", прикрываемъ мы обыкновенно состоявшееся рѣшеніе безличной формой,—мы *не* идемъ въ гости, надѣваемъ цилиндръ и беремъ извозчика. Какъ бы изъ нѣкотораго провала неопредѣленности, который образуется у насъ въ такихъ случаяхъ и соединяетъ верхнее поле сознанія съ пластомъ

полуосознанныхъ пріятныхъ-непріятныхъ ощущеній, вынырнуло въ послѣдній моментъ одно изъ этихъ ощущеній, которое побудило насъ къ состоявшемуся рѣшенію. И именно тогда, когда передъ нами вопросъ изъ такъ называемыхъ „принципіально безразличныхъ“ или „практически не важныхъ“, легче всего бываетъ прослѣдить, что это ощущеніе очень часто носитъ характеръ „соціальной пріятности“ или „соціальной непріятности“, уже испытанной или ожидаемой въ будущемъ. Такъ, мы не идемъ въ гости потому, что въ душѣ смутно, но довольно сильно шевельнулось воспоминаніе о томъ, что въ этомъ домѣ бываетъ „тяжелый“ человѣкъ, уже доставившій намъ непріятныя минуты, или потому, что хозяинъ дома позвалъ насъ какъ-то слишкомъ между прочимъ и разсѣянно глядѣлъ при этомъ куда-то въ сторону; мы надѣваемъ цилиндръ потому, что мѣсяца два тому назадъ кто-то сказалъ, что онъ „идетъ“ намъ; мы беремъ извозчика потому, что пріятнѣе ѣхать одному, чѣмъ въ трамваѣ съ людьми, неизбѣжно разсматривающими въ упоръ своего vis-à-vis. Всѣ мы являемся полусознательными *гедонистами* въ обычномъ общеніи, конечно, всѣ въ разной степени; и этотъ гедонизмъ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что онъ живетъ и мотивируетъ поступки въ сумеречной темнотѣ душевной полуосознанности. Всѣ мы съ полной добросовѣстностью не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, какую рѣшающую роль играютъ въ нашей повседневной жизни *незамѣтныя пріятности общенія*, а въ атмосферѣ этихъ послѣднихъ и живетъ то, что мы называемъ любезностью.

Однако далеко не всѣ ощущенія, образующія атмосферу этихъ пріятностей въ обычномъ общеніи, могутъ быть отнесены такъ или иначе къ любезности. Есть множество непріятныхъ ощущеній, возникающихъ во взаимодѣйствіи и отъ взаимодѣйствія съ другими, „виновники“ или „причинители“ которыхъ нисколько не повинны въ томъ, что называется нелюбезностью. Къ такимъ ощущеніямъ принадлежатъ прежде всего тѣ, которыя вызываются тѣлесными свойствами человѣка, *поскольку онъ не властенъ измѣнить въ нихъ что-либо*. Понятно, что нельзя быть любезнымъ своей *природной* красотой или нелюбезнымъ своей *природной* уродливостью. Здѣсь передъ нами представленія, взаимно безразличныя. Квазимодо настолько же можетъ быть любезнымъ, независимо отъ своего уродства, какъ Доріанъ Грэй—нелюбезнымъ, независимо отъ своей красоты. Люди, уродливые отъ природы, могутъ быть самыми любезными въ общеніи и въ обществѣ; мы говоримъ тогда про нихъ, суммируя нашъ оцѣнивающій отзывъ: „и все это невольно ему прощаешь“, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ можно прощать и не прощать человѣку свойства его природной данности. На самомъ дѣлѣ мы хотимъ только выразить этими словами, что въ общей совокупности ощущеній, вызванныхъ въ насъ общеніемъ съ нимъ, ко-

личество и интенсивность непріятныхъ ощущеній, порожденныхъ его природной уродливостью, оказывается меньше, чѣмъ количество и интенсивность пріятныхъ, вызванныхъ тѣмъ, что мы противополагаемъ въ немъ его природной данности, т.-е. чѣмъ-то „благопріобрѣтеннымъ“. Эти пріятныя свойства его, воспринятыя нами въ общеніи, мы представляемъ себѣ, какъ имъ самимъ привнесенныя, будь это изящная прическа или выработанное имъ умѣніе проявлять извѣстнымъ образомъ свои душевныя состоянія. И если мы говоримъ о его любезности, то намъ важны именно *проявляемыя* имъ внутреннія душевныя *переживанія* и стремленія его, которыя мы воспринимаемъ *въ общемъ* какъ присущія ему пріятныя свойства.

Этимъ вскрываются два свойства любезности, изъ которыхъ первое является болѣе общимъ: любезность имѣетъ *психическій* [1]) и, далѣе, на первомъ планѣ *активно-волевой* характеръ. Первое ясно уже изъ того, что любезность есть переживаніе, вырастающее въ общеніи и изъ общенія.

Согласно этому все внѣшнее, составляющее ту среду, въ которой „преломляется“ общеніе,—начиная отъ человѣческаго голоса, лица или руки и кончая случайно ухваченной жестикулирующимъ собесѣдникомъ соломинки или вѣточки,—оказывается по отношенію къ любезности въ томъ же положеніи, какъ по отношенію къ психическому вообще и къ общенію въ частности: оно служитъ внѣшнимъ *знакомъ*, свидѣтельствующимъ о чемъ-то психическомъ вообще, о нѣкоторомъ душевномъ состояніи, хотѣніи, настроеніи, стремленіи и т. д., и въ частности—знакомъ, *служащимъ для* сознательной или безсознательной, вольной или невольной, *передачи* этого душевнаго состоянія. Такъ, напримѣръ, безвкусный галстукъ, надѣтый на одномъ изъ собесѣдниковъ, важенъ соціологу не самъ по себѣ и не въ силу своего несоотвѣтствія нормамъ эстетики, правиламъ моды и т. д., но какъ средство для постиженія извѣстныхъ сторонъ душевной жизни—сначала того, кто его купилъ и носитъ, а потомъ того, кто реагируетъ цѣлымъ рядомъ непріятныхъ ощущеній на его наличность, какъ на выраженіе душевной жизни его хозяина. Соціологъ же, изучающій спеціально любезность, будетъ интересоваться этимъ галстукомъ постольку, поскольку въ немъ, можетъ быть, обнаруживается недостаточно устойчивое и сильное стремленіе его хозяина къ тому, чтобы не причинять другимъ членамъ общенія ненужныхъ непріятностей своимъ внѣшнимъ видомъ. Какъ бы соціологъ

---

[1]) Устанавливая этотъ психическій характеръ любезности, мы, конечно, лишь условно отвлекаемся отъ того, что любезность, такъ же, какъ и, напримѣръ, мораль, право, можетъ пониматься и разсматриваться независимо отъ этого и на-ряду съ этимъ какъ норма или совокупность нормъ. О сущности и предѣлахъ этого разсмотрѣнія здѣсь говорить не мѣсто.

ни опредѣлилъ любезность,—какъ извѣстнаго рода **стремленіе**, **умѣніе** или **творчество**,—она всегда будетъ связана съ **душевнымъ общеніемъ** и притомъ именно съ **полусознательными пріятностями общенія**.

Въ тѣхъ, протекающихъ безостановочнымъ потокомъ психическихъ касаніяхъ и взаимодѣйствіяхъ, внѣ которыхъ мы не можемъ представить себѣ реальныхъ общественныхъ процессовъ, происходятъ постоянныя тренія, ненужныя задержки, сцѣпленія и т. д., придающія всему общенію болѣе или менѣе ярко выраженный и ощущаемый налетъ болѣзненности и тяготы. И какъ бы ни были мимолетны и поверхностны касанія, но тяготящія душу тренія почти всегда ощущаются людьми, и находятся иногда въ вопіющемъ несоотвѣтствіи съ цѣнностью и глубиной касаній. Это вполнѣ понятно. Внутренній міръ живого человѣка можетъ быть уподобленъ въ процессѣ своемъ даже не потоку (современная психологія знаетъ терминъ „потокъ сознанія"), а движенію метели: вдругъ понесутся хлопьями яркія, сильныя ощущенія, и такъ же внезапно перебьются, спутаются и безсильно закачаются на одномъ мѣстѣ; и потомъ монотонно и надолго запестритъ частая сѣть обычныхъ переживаній, съ тѣмъ, чтобы неожиданно закрутиться опять въ хаотическомъ танцѣ. И весь этотъ, внутренно переплетенный міръ пронизываютъ отъ времени до времени отдѣльныя, странныя, выпливающія откуда-то снизу и причудливыя по содержанію и формѣ ощущенія. Вся безконечная сложность этого міра, не повторяемаго въ своемъ своеобразіи, даетъ въ движеніи своемъ въ каждый отдѣльный моментъ единственную въ своемъ родѣ комбинацію элементовъ и возможностей взаимодѣйствія, и лишь художественному созерцанію дано постигнуть таинственный ритмъ конкретной индивидуальной жизни. Пусть каждый изъ людей, несущихъ въ себѣ эту метель ощущеній, касается съ другими, какъ въ нашемъ случаѣ, лишь „верхними" слоями своей души; но сущность дѣла, которую нельзя упускать изъ вида ни на одинъ моментъ, состоитъ въ томъ, что всѣ, участвующіе въ этомъ прихотливомъ смятеніи, элементы души связаны другъ съ другомъ, такъ сказать, „органически" и непрерывно—нитями сплошного сцѣпленія, вліянія и взаимодѣйствія. Невозможно провести прочную линію или устойчивую грань между верхами и низами души. Каждое мимолетное, съ виду поверхностное, касаніе можетъ внезапно принять характеръ глубокаго укола и вызвать въ душѣ небывалые по своей интенсивности и значительности внутренніе разряды. И вотъ, если учесть всю сложность этой картины, которая усиливается постоянствомъ и (съ высшей точки зрѣнія) безпорядочностью касаній между отдѣльными душевными монадами, то передъ нами встанетъ истинный образъ безконечности, который становится только еще болѣе жуткимъ отъ того, что имѣетъ

характеръ „дурной“, эмпирической безконечности, не возвращающейся ритмическимъ круговымъ движеніемъ къ исходному пункту. Нѣтъ, въ той „метели метелей“, которую представляетъ изъ себя столь привычное для насъ общеніе людей,—все единственно, неповторяемо; рожденныя минуты не рождаются здѣсь вновь и умершія сочетанія не воскресаютъ.

Съ точки зрѣнія, учитывающей эту сложность, понятно, что наличность гармоническихъ касаній между членами общенія можетъ нерѣдко и, пожалуй, даже должна казаться какимъ-то чудомъ: до такой степени трудно представить себѣ въ подлинной дѣйствительности и конкретной широтѣ то положеніе двухъ встрѣтившихся и коснувшихся „жизненныхъ метелей“, при которомъ реакціи обѣихъ монадъ зазвучатъ „симпатически“ и дадутъ то, что мы называемъ пріятностью общенія. Изъ повседневнаго опыта мы знаемъ, съ одной стороны, что это чудо реально переживается каждымъ изъ насъ и притомъ сравнительно чаще, чѣмъ это могло бы казаться возможнымъ съ самаго начала; и осуществленіе его тѣмъ возможнѣе, тѣмъ легче, чѣмъ сравнительно поверхностнѣе, мимолетнѣе касаніе, чѣмъ сильнѣе потребность въ созвучіи, чѣмъ шире діапазонъ души у общающихся, чѣмъ ярче сковывающіе ихъ интересы, чѣмъ выше и подвижнѣе у обѣихъ сторонъ приспособляемость и—что для насъ самое интересное—чѣмъ больше заботы и бережливости вложено обѣими сторонами въ дѣло взаимнаго ограждения отъ тягостныхъ ощущеній, возникающихъ такъ легко въ общеніи. Мы знаемъ, съ другой стороны, что количество непріятныхъ ощущеній, получаемыхъ въ общеніи, дѣйствительно очень велико и что притомъ оно тѣмъ больше, чѣмъ утонченнѣе внутренняя организація человѣка, чѣмъ легче въ душѣ его образуются пути отъ верхнихъ пластовъ къ нижнимъ, которые даютъ возможность случайнымъ уколамъ пронизывать душу до ея омутовъ. Вотъ почему тѣ люди, которые не знаютъ „маленькаго“, мелкаго общенія, для которыхъ за каждой деталью обыденности лежитъ непосредственно „главное“, какъ бы только случайно принявшее форму этой эмпирической детали, могутъ испытывать отъ общенія почти непрерывное страданіе: они не знаютъ поверхностныхъ касаній, а гармонія въ глубинахъ является дѣйствительнымъ, истиннымъ чудомъ.

II.

Въ инстинктивномъ, гедонистическомъ стремленіи къ пріятностямъ обыденнаго общенія и, можетъ быть, въ столь же инстинктивномъ стремленіи оборониться отъ нежеланныхъ и болѣзненныхъ глубокихъ пронизаній у людей постепенно выработался рядъ пріемовъ, соблюденіе которыхъ лежитъ на пути къ этой цѣли. Сюда относятся, какъ бы располагаясь въ нѣкоторой постепенности: вѣжливость, любезность, деликатность.

Между этими тремя видами соціальныхъ переживаній трудно провести сколько-нибудь отчетливыя разграничивающія линіи. Самая сущность ихъ создаетъ особое затрудненіе и придаетъ имъ нѣкоторую логическую неуловимость. Дѣло въ томъ, что одно и то же внѣшнее проявленіе, одинъ и тотъ же поступокъ можетъ имѣть окраску вѣжливости, любезности и даже деликатности въ зависимости отъ того душевнаго состоянія, выраженіемъ котораго онъ служитъ. Такое элементарное явленіе, какъ уступка мужчиной своего мѣста почтенной дамѣ, можетъ быть простой вѣжливостью, если поступокъ совершонъ съ обычной механичностью, оріентирующейся по внѣшнимъ признакамъ; но поступокъ этотъ можетъ быть и любезностью, если уступившій замѣтилъ на ея лицѣ слѣды усталости и это подвигло его доставить ей пріятную минуту отдыха; наконецъ, этотъ поступокъ будетъ проявленіемъ деликатности въ томъ случаѣ, если, напр., вставшій съ своего мѣста предложилъ его дамѣ именно потому, что хотѣлъ дать ей возможность сѣсть спиной къ свѣту и скрыть непрошенные слѣды волненія и слезъ на лицѣ. На этомъ примѣрѣ обнаруживается не только психологическая сущность всего ряда, но и возможность спорныхъ и неуловимыхъ оттѣнковъ и переходовъ. Даже самъ совершившій подобный поступокъ далеко не всегда можетъ отнести его съ опредѣленностью къ той или иной категоріи: соображеніе, установившее въ его душѣ связь между слѣдами слезъ на лицѣ и свѣтомъ, падающимъ изъ окна, могло шевельнуться въ немъ съ такой быстротой, неотчетливостью и мимолетностью, что онъ не успѣлъ даже отдать себѣ въ немъ отчета и искренно отнесъ бы при случаѣ свой поступокъ къ обычнымъ проявленіямъ вѣжливости.

И все же между вѣжливостью, любезностью и деликатностью есть цѣлый рядъ интересныхъ отличій, которыя можно установить однако лишь съ описательной оговоркой: „въ бóльшей или меньшей степени“. Такъ, прежде всего, проявленіе вѣжливости предполагаетъ минимумъ общенія, т.-е. психическихъ касаній между двумя лицами. Достаточно воспринять наличность человѣческаго существа для того, чтобы стала уже возможной вѣжливость и невѣжливость. Это существо совсѣмъ не должно быть „знакомымъ“ или „незнакомымъ“, старымъ человѣкомъ или молодымъ, мужчиной или женщиной для того, чтобы былъ данъ поводъ къ проявленію вѣжливости; конечно, формы ея и способы ея проявленія измѣнятся въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, но почва для нея существуетъ и до того, какъ мы разобрались въ этихъ вторичныхъ свойствахъ человѣческаго существа. Къ группѣ такихъ проявленій относится, напр., обычай, существующій въ Швейцаріи и Финляндіи,— здороваться со всякимъ прохожимъ или встрѣчнымъ. Къ числу такихъ явленій можно было бы отнести также переживаніе одного господина, который разсказываетъ, что каждый разъ, какъ онъ подходитъ

въ зоологическомъ саду къ клѣткѣ человѣкообразной обезьяны и замѣчаетъ ея взглядъ,—рука его машинально тянется къ шляпѣ, и онъ дѣлаетъ нѣкоторое усиліе для того, чтобы не совершить обычный обрядъ вѣжливаго привѣтствія.

Напротивъ того, любезность и особенно деликатность требуютъ несравненно бо́льшаго уровня общенія. [1]) Стóитъ только обратить вниманіе на то, что взаимодѣйствіе незнакомыхъ, встрѣчающихся на улицѣ или въ общественныхъ собраніяхъ даетъ очень мало поводовъ для проявленія любезности и тѣмъ болѣе деликатности. Нужно особенно внимательное отношеніе къ окружающимъ, не соотвѣтствующее этому уровню общенія, для того, чтобы найти такіе поводы, и это обстоятельство обнаруживается между прочимъ въ томъ, что люди, по отношенію къ которымъ бываетъ проявлена въ такихъ случаяхъ любезность, встрѣчаютъ ее почти всегда какъ что-то неожиданное, а иногда и какъ непрошенное, лишнее. Въ человѣческой душѣ съ такой силой упрочивается сознаніе того, что извѣстному уровню общенія соотвѣтствуетъ и извѣстная доза „обходительности", что неожиданное превышеніе этой дозы можетъ показаться чѣмъ-то ненужнымъ, почти „не-должнымъ". И поступокъ, подсказанный любезностью, который въ гостиной покажется умѣстнымъ и соотвѣтствующимъ, можетъ показаться неподходящимъ, чѣмъ-то вродѣ навязчивости или чудачества, если онъ совершонъ на улицѣ или въ концертномъ залѣ. Послѣднее имѣетъ мѣсто, конечно, не при всѣхъ обстоятельствахъ.

Отсюда ясно еще, что въ проявленіяхъ вѣжливости преобладаетъ извѣстное нивелированіе, что-то обезличивающее, оріентирующееся по внѣшнимъ, общимъ признакамъ. Тогда какъ любезность предполагаетъ уже извѣстную внутреннюю индивидуализацію, учетъ даннаго, единственнаго въ своемъ родѣ состоянія и сочетанія душевныхъ переживаній; любезность, а тѣмъ болѣе деликатность оріентируется уже не на *„внѣшнемъ"*, а на *„внутреннемъ"*. Причемъ проявленное стремленіе будетъ тѣмъ ближе къ деликатности, чѣмъ глубже и индивидуализированнѣе тотъ учетъ чужихъ душевныхъ переживаній, который вырабатывается въ общеніи и руководитъ проявленіями.

Такъ, для того, чтобы „быть вѣжливымъ", требуется самая элементарная и, такъ сказать, совершенно механическая душевная работа.

---

[1]) Подъ уровнемъ общенія я разумѣю не бо́льшую или меньшую „высоту" общенія, но совокупность тѣхъ интересовъ, желаній, индивидуальныхъ особенностей и т. д., которыя присущи обѣимъ или всѣмъ общающимся сторонамъ, каждой въ отдѣльности и порознь, и которыя поэтому соединяютъ людей какъ бы на нѣкоторой общей почвѣ. Уровень можетъ быть крайне бѣденъ, вплоть до одного свойства „человѣчности" („ты—человѣкъ и я—человѣкъ, и больше ничего"), и, наоборотъ, безконечно богатъ и сложенъ.

Всѣ мы знаемъ съ дѣтства извѣстныя правила внѣшняго поведенія по отношенію къ ближнимъ; правила эти, внушенныя, именно внушенныя, намъ воспитателями, въѣдаются постепенно въ нашъ душевный обиходъ и примѣняются нами почти или даже совершенно машинально внѣ сколько-нибудь значительнаго участія нашего сознанія и нашей внутренней активности. Нѣкоторыя изъ нихъ остаются у насъ (а можетъ быть, и у нашихъ воспитателей) неосмысленными. Они приспособлены къ самымъ частымъ, такъ сказать, абсолютно типичнымъ случаямъ общенія, и сущность ихъ сводится къ указанію, съ одной стороны, наиболѣе общихъ признаковъ, свойствъ и положеній, съ другой—способовъ управленія своей физической особой. Поэтому соблюденіе этихъ правилъ требуетъ минимальнаго участія души отъ того, кто ихъ соблюдаетъ; и этотъ минимумъ объясняется какъ машинальностью ихъ соблюденія, такъ и ненужностью учитывать сколько-нибудь серьезно душевныя переживанія окружающихъ людей. Поэтому также правила вѣжливости носятъ общій характеръ и „уравниваютъ" въ значительной степени субъектовъ общенія (даже тогда, когда разбиваютъ ихъ на болѣе или менѣе обширные классы: „гостей", „дамъ", „старшихъ" и т. под.); они оріентируютъ насъ по внѣшнимъ, родовымъ признакамъ. и безъ труда поддаются формулировкѣ или даже, если угодно, кодификаціи. Однимъ словомъ можно было бы сказать, что вѣжливость есть *механическое умѣніе* доставлять окружающимъ въ самомъ поверхностномъ и типичномъ соціальномъ взаимодѣйствіи минимумъ непріятнаго и максимумъ пріятнаго, посредствомъ вѣрнаго управленія своимъ тѣломъ. Именно эта, лежащая въ основаніи правилъ вѣжливости, забота о пріятности выясняетъ, съ одной стороны, родство вѣжливости съ любезностью, съ другой — трудную объяснимость нѣкоторыхъ правилъ вѣжливости: ибо пріятное и непріятное во внѣшнемъ— неустойчиво и учитывается различно въ зависимости отъ эпохи, класса, субъекта и т. д.

Иначе обстоитъ дѣло съ любезностью. Предполагая бо́льшій уровень въ общеніи, она гораздо болѣе задѣваетъ душевное у обѣихъ сторонъ и требуетъ болѣе значительной душевной работы, несмотря на то, что процессы любезности нерѣдко протекаютъ въ душѣ съ быстротой и полуосознанностью. Можно было бы сказать, что если всякое проявленіе *вѣжливости* неповторяемо, то эта неповторяемость имѣетъ болѣе внѣшній, физическій характеръ, ибо мѣняются каждый разъ в н ѣ ш н і я условія проявленія, а минимальная психическая реакція повторяется почти безъ измѣненій; тогда какъ неповторяемость проявленій *любезности* имѣетъ кромѣ того в н у т р е н н і й психическій характеръ, ибо внутреннія условія каждый разъ существенно мѣняются. Дѣло въ томъ, что любезность есть процессъ индивидуализированнаго приспособленія

къ душевнымъ переживаніямъ или самочувствію человѣка, съ которымъ мы общаемся. Это приспособленіе совсѣмъ не должно быть глубоко или разносторонне; оно можетъ не проникать дальше извѣстнаго, сравнительно поверхностнаго и даже болѣе или менѣе типичнаго слоя души. Но для того, чтобы любезность дѣйствительно состоялась, какъ цѣлесообразный моментъ общенія, долженъ быть непремѣнно налицо процессъ, учитывающій душевную индивидуальность ближняго. Одинъ изъ общающихся людей стремится оградить душевныя переживанія другого отъ непріятныхъ ощущеній; другой сознательно, полусознательно или безсознательно пользуется этимъ стремленіемъ перваго и получаетъ отъ этого извѣстный гедонистическій плюсъ; внѣ этого нѣтъ и не можетъ быть любезности. Это не значитъ, конечно, что въ переживаніяхъ любезности нѣтъ ничего типичнаго, что давало бы имъ возможность протекать *до извѣстной степени* машинально и уравнивать *до извѣстной степени* субъектовъ общенія. Душевныя „поверхности" людей имѣютъ извѣстныя общія черты и во всякомъ случаѣ ихъ здѣсь больше, чѣмъ въ душевныхъ глубинахъ; именно *обычныя* касанія и разряды психическаго характера позволяютъ установить нѣкоторыя общія черты, механизировать до извѣстной степени проявленія любезности и формулировать рядъ правилъ внутренняго и соотвѣтственно внѣшняго поведенія. Но въ примѣненіи этихъ правилъ элементъ *активности* и *творчества* будетъ все же стоять на первомъ планѣ; предусмотрѣть общіе признаки и положенія, могущіе оріентировать насъ, окажется уже несравненно труднѣе, и, наконецъ, самые эти признаки будутъ имѣть менѣе общій характеръ, ихъ будетъ гораздо больше числомъ, и группы, на которыя они будутъ дѣлить людей, окажутся гораздо меньшими группами, нерѣдко съ случайнымъ и спеціальнымъ характеромъ (напримѣръ: „люди, ѣдущіе въ одномъ купэ", „люди, растягивающіе слова въ разговорѣ", „люди, у которыхъ гость сдѣлалъ пятно на скатерти" и т. д. безъ конца). Среднее, промежуточное положеніе любезности между вѣжливостью и деликатностью характеризуется именно: сравнительнымъ возрастаніемъ индивидуализирующаго учета и нѣкоторой возможностью типичныхъ обобщеній; недостаточностью машинальнаго элемента и нѣкоторой допустимостью его; возможностью установленія нѣкоторыхъ общихъ правилъ и затруднительностью ихъ формулировки. Согласно этому для проявленій *деликатности* окажется характерной необходимость еще большаго уровня общенія и еще бо́льшей индивидуализаціи; затруднительность обобщеній и установленія общихъ правилъ возрастетъ здѣсь еще сильнѣе, и, наконецъ, преобладаніе творческаго, активнаго элемента въ общеніи получитъ исключительное значеніе. Можетъ быть, „любовность" будетъ высшей ступенью этого ряда, на которой потребуется уже органическое, творческое сліяніе душъ; общія нивелирующія правила ста-

нутъ невозможными до противорѣчивости, до безсмысленности, и уровень общенія разрастется до максимума.

При такой точкѣ зрѣнія становится ясно, что деликатность есть какъ бы продолженная, проведенная до конца любезность. Поэтому между ними особенно трудно провести разграничивающую черту. У людей, обладающихъ извѣстной чуткостью души и впечатлительностью, дѣло обстоитъ даже такъ, что любезность получаетъ почти неизмѣнно оттѣнокъ деликатности. Воспріятіе ихъ настолько быстро, тонко и вѣрно отражаетъ того, съ кѣмъ они вступаютъ въ соприкосновеніе, что они невольно и незамѣтно начинаютъ глубоко индивидуализировать свои реакціи въ общеніи съ нимъ. Невозможность соблюдать эту, свойственную имъ степень „обходительности“ можетъ причинять имъ настоящую душевную тяготу. Поэтому можно предположить, что человѣкъ, который *любитъ* собирать у себя большое, разнородное, пестрое общество, не отличается истинной чуткостью въ воспріятіи другихъ, ибо невозможность проявить въ общеніи по отношенію къ каждому необходимый минимумъ индивидуализирующей деликатности не смущаетъ и не тяготитъ его. Наоборотъ, чуткіе люди, не удовлетворяющіеся въ общеніи обычной любезностью, предпочитаютъ общеніе въ минимальныхъ, по возможности, сочетаніяхъ; конечно, эта склонность объясняется обыкновенно и другими, болѣе глубокими особенностями.

Этимъ же объясняется та замѣна нѣкотораго напряженія въ самочувствіи сравнительной легкостью, которую мы всѣ испытали на званомъ вечерѣ, если имѣли неосторожность прійти въ числѣ первыхъ. По мѣрѣ того, какъ прибываютъ другіе гости, мы чувствуемъ себя все легче, и подъ конецъ отъ напряженія первыхъ моментовъ не остается и слѣда. Постепенное расширеніе той группы, съ которой мы одновременно общаемся, даетъ намъ внутреннее ощущеніе свободы и нестѣсненности, проистекающее изъ сознанія *объективной* невозможности индивидуализировать свое отношеніе ко всѣмъ, ибо нельзя сколько-нибудь серьезно учитывать одновременно личность каждаго. Уровень общенія (напримѣръ, темы разговоровъ) становится все болѣе нейтральнымъ, нивелированнымъ; каждый вовлекается въ общеніе все меньшею частью своей души; соблюденіе деликатности становится невозможнымъ и ненужнымъ; деликатность можетъ найти себѣ пріютъ развѣ только въ отколовшихся отъ общества маленькихъ группахъ, и если званый вечеръ очень великъ, то для остальныхъ оказывается достаточно и обычной вѣжливости. Вотъ почему именно на большихъ балахъ возможны случаи прямого нарушенія вѣжливости и даже приличія и можно видѣть подчасъ, какъ люди ведутъ себя „вполнѣ“ непринужденно, пьютъ черезъ мѣру или незамѣтно набиваютъ себѣ карманы лакомствами. Невозможность быть вѣжливымъ со всѣми отражается даже въ обществен-

номъ сознаніи въ формѣ „узаконенія“ отъѣзда „безъ прощанія“. Напротивъ, малолюдные журфиксы проходятъ очень чинно и нерѣдко оставляютъ во всѣхъ чувство какого-то страннаго, утомляющаго напряженія. Этими основаніями объясняется отчасти и то, что люди, отвыкшіе отъ той внутренней работы, которой требуютъ отъ насъ проявленія любезности и деликатности,—холостяки, одинокіе,—предпочитаютъ ходить въ клубъ или въ „собраніе“, гдѣ нивелирующая атмосфера свободы въ общеніи не предъявляетъ къ нимъ слишкомъ тяжелыхъ и утруждающихъ требованій. Сюда же относится и та особенность характера у многихъ нелюдимовъ, въ силу которой они переносятъ только улицу.

III.

Изъ сказаннаго ясно, что любезность можетъ быть понята, какъ особаго рода стремленіе къ тому, чтобы люди, съ которыми мы вступаемъ въ общеніе, получали отъ этого возможно больше пріятныхъ ощущеній и возможно меньше непріятныхъ. Въ этомъ-то и выражается то сродство, которое существуетъ между любезностью и „любовностью“. Любезность есть какъ бы извѣстный минимумъ *альтруистическаго* настроенія, проявляемый нами въ повседневномъ среднемъ общеніи. Если мы всѣ являемся эгоистами и гедонистами въ привычной атмосферѣ этого общенія, то этому эгоизму, какъ постоянной полусознательной заботѣ о томъ, чтобы получить самому побольше пріятнаго и поменьше непріятнаго отъ взаимодѣйствующихъ касаній съ другими, соотвѣтствуетъ любезность, какъ альтруистическая забота *о томъ же* по отношенію *къ другимъ*. Цѣлью этого стремленія и является именно борьба за устраненіе тѣхъ ощущеній болѣзненности, тѣхъ тяготящихъ душу треній, которыя, какъ мы указывали выше, сопровождаютъ почти всякое общеніе людей. Это стремленіе, слѣдовательно, направлено на то, чтобы незамѣтно уловить индивидуальное сочетаніе чужихъ переживаній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и цѣлесообразно построить на учетѣ ихъ рядъ поступковъ, образующій „любезное“ поведеніе или „любезный“ образъ дѣйствій. Такое построеніе требуетъ несомнѣнно извѣстнаго навыка и *умѣнія* и само по себѣ является извѣстнаго рода *жизненнымъ творчествомъ*. Такимъ образомъ, любезность предстаетъ передъ нами въ трехъ различныхъ видахъ: она есть sui generis стремленіе, умѣніе и творчество. Всѣ эти виды необходимы, конечно, въ ея полномъ соціально-психологическомъ составѣ.

Такъ, прежде всего, въ любезности есть всегда налицо нѣкоторое—искреннее или неискреннее, корыстное или безкорыстное, сильное или слабое—*стремленіе,* или, если угодно, волевое настроеніе. Это

стремленіе совсѣмъ не должно непремѣнно имѣть своимъ источникомъ сознательное или принципіальное *рѣшеніе* соблюдать извѣстныя правила, хотя многіе изъ насъ, подвергавшіеся въ дѣтствѣ „замѣчанію“ со стороны „старшихъ“ за невѣжливость или нелюбезность, „рѣшали“ быть впредь внимательнѣе и запомнить преподанныя правила. Точно также когда любезность проявляется, напримѣръ, изъ корыстныхъ видовъ, то въ сознаніи можетъ быть налицо болѣе или менѣе обдуманное *рѣшеніе* „быть сегодня полюбезнѣе“ и т. п. Въ другихъ случаяхъ любезность, какъ стремленіе, можетъ жить въ душѣ человѣка подобно инстинкту и регулировать его проявленія въ общеніи при полномъ отсутствіи принципіальной осознанности, и тогда она является просто *непосредственнымъ влеченіемъ* къ учету переживаній собесѣдника и заботой о томъ, чтобы они имѣли въ общеніи пріятный характеръ. Любезность, какъ стремленіе, можетъ зажечься въ душѣ внезапно, просуществовать въ немъ одинъ моментъ и угаснуть съ быстротой капризнаго хотѣнія; такъ бываетъ чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда она для своего осуществленія нуждается въ быстромъ поступкѣ и удовлетворяется его порывистымъ исполненіемъ. Она можетъ далѣе вступить въ борьбу съ другими стремленіями и въ этой борьбѣ или побѣдить и осуществиться, или оказаться побѣжденной и найти свой естественный предѣлъ; объ этомъ ниже. Или же, наконецъ, она можетъ не только длительно существовать, но прямо-таки внутренно культивироваться и требовать нерѣдко серьезныхъ волевыхъ усилій и большой затраты вниманія. Всѣ мы знаемъ, какъ трудно быть любезнымъ во время сильнаго утомленія, или когда непреодолимо хочется спать, а отдаться этому влеченію нельзя, или когда душа занята какой-нибудь приковывающей мыслью или же находится во власти какого-нибудь настроенія. Такъ, влюбленные совершенно не считаются съ настроеніями окружающихъ, и иногда даже чуткіе люди, поглощенные такимъ настроеніемъ, могутъ совершить цѣлый рядъ неделикатностей по отношенію къ третьимъ лицамъ. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что этотъ послѣдній примѣръ является частнымъ случаемъ болѣе общаго закона. Чѣмъ болѣе чутокъ человѣкъ, чѣмъ болѣе ему вообще свойственно учитывать индивидуализирующимъ образомъ чужія переживанія, тѣмъ настойчивѣе онъ будетъ бороться съ этимъ надвигающимся одностороннимъ притупленіемъ души, и, можетъ быть, на этомъ пути ему придется пережить не мало досадной обезсиливающей раздвоенности. Точно также людямъ впечатлительнымъ и увлекающимся, отдающимся первому непосредственному порыву, приходится иногда выдерживать тяжелую внутреннюю борьбу и затрачивать огромныя усилія, чтобы не сказать или не сдѣлать того, что другому почему-нибудь непріятно. „Не дѣлать“ чего-нибудь бываетъ иногда гораздо труднѣе, чѣмъ „сдѣлать“, ибо пас-

сивное воздержаніе имѣетъ передъ собой постоянно нереализующуюся возможность поступка; эта возможность переживается какъ нѣкоторая незаполненность, какъ зовущая и дразнящая насъ своимъ присутствіемъ пустота. Какъ трудно достается любезность болтливому, когда онъ борется съ искушеніемъ передать собесѣднику пущенную про него сплетню. Какъ трудно бываетъ иногда „не замѣчать“ на лицѣ собесѣдника какого-нибудь, хотя бы даже и не большого, но бросающагося въ глаза уродства... Изъ болѣе серьезныхъ случаевъ здѣсь можно вспомнить, напримѣръ, правило: „въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ“.

У чуткихъ людей любезность, какъ стремленіе, имѣетъ больше шансовъ на то, чтобы стать осознаннымъ и какъ бы превращеннымъ въ живой принципъ правиломъ поведенія. Тогда стремленіе быть любезнымъ получаетъ характеръ продуманности и постоянно живущей въ душѣ бережности и *заботы*. Желаніе оградить ближнихъ отъ ненужныхъ непріятностей общенія не появляется только въ процессѣ конкретнаго взаимодѣйствія, съ тѣмъ, чтобы непосредственно вслѣдъ за тѣмъ угаснуть. Любезность, какъ забота, живетъ въ душѣ самостоятельно, и это выражается въ цѣломъ рядѣ актовъ вниманія, направленныхъ на внѣшній видъ, на соблюденіе извѣстныхъ эстетическихъ правилъ, и т. п. Любезный хозяинъ, напримѣръ, ожидая гостей на званый вечеръ, надѣваетъ самъ не сюртукъ, а пиджакъ, чтобы избавить отъ непріятныхъ минутъ и сознанія совершонной неловкости того изъ гостей, кто случайно, можетъ быть, придетъ въ пиджакѣ и увидитъ себя единственнымъ въ этомъ костюмѣ. Такая заботливость можетъ оріентироваться по извѣстнымъ типичнымъ обобщеніямъ и правиламъ, и приспособленіе къ переживаніямъ другихъ людей совершается здѣсь какъ бы сразу, въ предусмотрѣніи одинаковой для всѣхъ или для многихъ людей возможности: въ огражденіе неопредѣленнаго количества людей (каковы бы они были) принимается извѣстная мѣра, которая является какъ бы сконцентрированнымъ актомъ любезности и выливается въ форму извѣстнаго свойства, объективно присущаго данному человѣку. Эта мѣра можетъ сама по себѣ распадаться на цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ, напримѣръ, на пріобрѣтеніе или утрату какой-нибудь привычки, манеры или даже физическаго свойства, но весь рядъ этихъ актовъ самовоспитанія скованъ въ единство какъ направляющимъ мотивомъ (любезность какъ стремленіе), такъ и достигаемымъ результатомъ („любезность“ какъ „свойство“). Люди, выработавшіе въ себѣ такую любезность, могутъ производить впечатлѣніе любезныхъ par excellence, и именно такъ понятая любезность должна была бы заставлять людей соблюдать, напримѣръ, извѣстныя правила элементарной гигіены, которыя по лѣни или небрежности оставляются ими безъ

вниманія. Такъ, любезность можетъ послужить стимуломъ, подкрѣпляющимъ силу другихъ требованій и правилъ.

Далѣе, если любезность есть всегда извѣстнаго рода стремленіе, то одного стремленія недостаточно для того, чтобы она предстала передъ нами во всемъ своемъ соціальномъ значеніи. Это можно было бы выразить такъ, что любезность должна выйти изъ области соціальныхъ возможностей и вступить въ сферу соціальной дѣйствительности. Для такого перехода или превращенія нужно, помимо живого общенія, прежде всего **умѣніе**, которое можетъ состоять, во-первыхъ, въ знаніи извѣстныхъ правилъ, во-вторыхъ, въ совокупности опредѣленныхъ навыковъ въ общеніи. Конечно, можно представить себѣ очень любезныхъ людей, у которыхъ сознательный элементъ умѣнія (знаніе правилъ и продуманность въ ихъ соблюденіи) выраженъ очень слабо или даже отсутствуетъ всецѣло. Однако если отвлечься отъ этого счастливаго типа людей, то для остального большинства нужно будетъ признать, что чѣмъ сильнѣе въ умѣніи элементъ простого навыка, тѣмъ болѣе въ немъ машинальнаго, тѣмъ слабѣе въ любезности представлено вниманіе, индивидуализирующее проявленія, и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, рискъ, что любезность уподобится вѣжливости, оріентирующейся по привычнымъ поверхностнымъ признакамъ. Серьезный и цѣнный элементъ любезности не совпадаетъ съ внѣшней шлифовкой и „обтертостью“ въ общеніи. Конечно, и индивидуализація имѣетъ свою технику, и техника эта живетъ *практически* внѣ полной и постоянной осознанности; но всякая попытка уяснить себѣ сколько-нибудь серьезно и *теоретически* сущность любезности должна неминуемо, съ одной стороны, открыть для нея новые пути и сферы приложенія, съ другой—указать ей ея предѣлы. Продумать правила любезности, можетъ быть, даже впервые установить ихъ и затѣмъ продумать ихъ примѣненіе—значитъ опознать въ ней моментъ индивидуализаціи, а для людей съ морально-активнымъ характеромъ значитъ кромѣ того вступить на путь сознательной выработки и утонченія техническихъ пріемовъ. Тотъ, кто любезенъ сознательно, будетъ при прочихъ равныхъ условіяхъ (особенно при одинаковой морально-альтруистической настроенности) проявлять болѣе регулярно и болѣе утонченную любезность, чѣмъ тотъ, у кого этотъ вопросъ находится въ полной необдуманности.

Это не значитъ однако, что любезность совсѣмъ не требуетъ навыка, слагающагося лишь въ результатѣ личнаго, непосредственнаго опыта. Въ сущности говоря, время, проходящее въ процессѣ конкретнаго общенія между впечатлѣніемъ, получаемымъ нами отъ другого, и проявленіемъ нашей отвѣтной реакціи, бываетъ обыкновенно настолько коротко, что какъ бы ни былъ бдителенъ въ душѣ Аргусъ любезности, но для сознательнаго *предварительнаго* контроля нашего „отвѣта“

часто совсѣмъ не остается мѣста; послѣдующій же контроль нерѣдко бываетъ осужденъ на ту безнадежность, которая свойственна всякой „ре-визіи“, какъ таковой. Именно опытъ даетъ здѣсь возможность быстро и легко выбирать изъ имѣющагося запаса комбинацій нужный исходъ. У неопытныхъ, лишенныхъ навыка, мѣсто этого быстраго полусознательнаго выбора занимаетъ въ лучшемъ случаѣ длительное, связанное съ колебаніями и нерѣшительностью выбираніе, и этотъ недостатокъ опыта можетъ однимъ создать репутацію „нелюбезныхъ“ людей, а другихъ, напримѣръ, застѣнчивыхъ, довести до тѣхъ въ высшей степени тягостныхъ ощущеній, которыя могутъ заставить ихъ даже уйти изъ общества и даютъ имъ извѣстное основаніе говорить впослѣдствіи о пережитомъ „фіаско“.

Умѣніе быть любезнымъ доходитъ у нѣкоторыхъ людей до виртуозности. Есть даже особый типъ людей, внутренно черствыхъ, малосодержательныхъ и неспособныхъ къ сколько-нибудь утонченному воспріятію чужой души; деликатность имъ не свойственна, но любезность доведена до высокаго мастерства. Въ повседневномъ поверхностномъ общеніи всѣ чувствуютъ себя съ ними удивительно легко, просто и непринужденно; каждый получаетъ отъ нихъ извѣстную, въ сущности незначительную, дозу вниманія, интереса и даже индивидуализированнаго, хотя и поверхностнаго, учета. Треніе, свойственное обычнымъ взаимодѣйствіямъ, доводится у нихъ до исключительнаго минимума или даже до кажущагося отсутствія. Но именно у такихъ людей любезность обнаруживаетъ свою отрицательную сторону, и истинно деликатный человѣкъ чувствуетъ себя мучительно въ ихъ присутствіи. За видимой и ощущаемой легкостью у нихъ скрывается нерѣдко самая грубая неделикатность и полное отсутствіе любовности; и подобно тому, какъ въ искусствѣ виртуозная форма оказывается иногда безразличной къ содержанію, такъ за этой техникой любезности можетъ съ особеннымъ удобствомъ укрываться пошлое, мелкое и ничтожное. Эта возможность свидѣтельствуетъ съ несомнѣнной очевидностью, что для углубленія любезности недостаточно роста продуманности и накопленія навыка и, далѣе, что у любезности обнаруживается какъ бы два лика: одинъ—обращенный вверхъ къ деликатности и любовности, другой—обращенный внизъ, къ пустой и формальной, безразличной ко всякому содержанію вѣжливости. Отсюда эта двойная способность любезности: перерождаться во что-то болѣе глубокое и вырождаться во что-то болѣе мелкое; хранить на себѣ печать моральнаго и нести въ себѣ отголоски поверхностной пошлости.

Своеобразнымъ условіемъ любезности является умѣніе оставлять ея проявленія въ нѣкоторой тѣни, придавать имъ характеръ чего-то второстепеннаго, неподчеркнутаго, полузамѣтнаго, какъ бы нечаяннаго и легкаго въ этой нечаянности. Бываетъ часто въ общеніи, что извѣст-

ный „любезный“ поступокъ совершается сознательно, и тотъ, къ кому относится этотъ поступокъ, замѣчаетъ его, оцѣниваетъ и, такъ сказать, „принимаетъ“ его, пользуется имъ; и обѣ стороны продолжаютъ общеніе такъ, какъ будто бы ничего не случилось. Каждый знаетъ о происшедшемъ и знаетъ также, что и другой знаетъ о немъ, и, можетъ быть, оба прекрасно знаютъ объ этомъ взаимномъ „знаніи“ и т. д. И какъ бы въ силу молчаливаго согласія оба дѣлаютъ видъ, что они ничего не знаютъ и что ничего не произошло. Но стоитъ „любезному“ какимъ-нибудь неловкимъ проявленіемъ *подчеркнуть* свою любезность, и второстепенное выступаетъ на первый планъ, деталь общенія получаетъ какое-то несоотвѣтствующее ей значеніе, несущественное пріобрѣтаетъ характеръ сущности, и нерѣдко возникаетъ цѣлый потокъ ненужныхъ пререканій, а иногда и чувство неловкости у обѣихъ сторонъ. Таковы, напримѣръ, Маниловъ и Чичиковъ, раскланивающіеся передъ дверью; таковы же иногда придворные льстецы и угодники; таковы, наконецъ, люди, полные неугомоннаго тщеславія и непрерывно жаждущіе отъ собесѣдника положительной оцѣнки. Подчеркнутая любезность имѣетъ непріятное свойство „обязывать“ того, по отношенію къ кому она проявлена, а для того, чтобы открыто признать себя „обязаннымъ“, хотя бы даже въ маловажномъ дѣлѣ, не поднимая изъ-за этого лишнихъ разговоровъ, необходима нѣкоторая скромная уравновѣшенность самочувствія и, если угодно, извѣстное гражданское мужество, которымъ люди вообще обладаютъ такъ рѣдко.

Изъ этого уже видно, что любезность въ своемъ полномъ соціальномъ осуществленіи является своеобразнымъ, далеко не всегда простымъ жизненнымъ *творчествомъ;* именно, благодаря ея полузамѣтности, благодаря ея склонности пребывать постоянно въ полутонахъ и укрываться въ оттѣнкахъ, ее можно сравнить съ невидной довѣрчивому глазу, тонко и умѣло сплетаемой сѣтью, накинутой на человѣческое общеніе. И какъ часто успѣхъ людей въ обществѣ и даже въ жизни объясняется именно ловкимъ и удачнымъ плетеніемъ этой незамѣтной сѣти, отъ цѣпкихъ нитей которой не всегда гарантированы и львы...

Любезность, какъ *творчество,* имѣетъ дѣло именно съ той эмпирической безконечностью, о которой мы упомянули выше. Каждый моментъ конкретнаго общенія предоставляетъ душѣ безконечную возможность исходовъ или проявленій, и почти невозможно объяснить или разсказать, почему мы выбрали въ этотъ моментъ именно эту возможность, употребили такое-то слово, сдѣлали такой-то жестъ, придали лицу такое-то выраженіе и т. д. Каждый исходъ, каждое выбранное нами проявленіе есть результатъ безконечнаго множества стремленій и расположеній, образовавшихся изъ самыхъ различныхъ впечатлѣній, оцѣнокъ, душевныхъ осадковъ, нерѣдко придушенныхъ и неизжитыхъ порывовъ и т. д.

Въ періоды душевнаго волненія мы чувствуемъ съ особенной силой, какъ всѣ эти стремленія и порывы оживаютъ и въ моментъ проявленія устремляются, давя другъ друга, къ единому открывшемуся отверстію; каждое силится наложить возможно болѣе отчетливо свою печать на слагающееся проявленіе, которое и оказывается поэтому живымъ учетомъ или итогомъ ихъ общаго дѣйствія, или, если угодно, скрещеніемъ ихъ всѣхъ въ единомъ пунктѣ [1]). Чѣмъ больше въ этомъ „процессѣ всеобщаго учета" нашей, хотя бы и полусознательной, активности, тѣмъ болѣе творчества мы проявляемъ въ общеніи (хотя бы эта активность выражалась наружно и въ пассивномъ воздержаніи), тѣмъ, конечно, утомительнѣе общеніе, но нерѣдко и тѣмъ цѣннѣе и продуктивнѣе. Это творчество общенія, поскольку мы имѣемъ въ виду любезность, выражается въ выборѣ тѣхъ формъ проявленія, которыя, какъ намъ кажется, могутъ причинить другой сторонѣ наименьшее количество непріятныхъ ощущеній и наибольшее количество пріятныхъ.

На этомъ третьемъ этапѣ любезность оказывается *творчествомъ, направленнымъ на форму общенія,* и только здѣсь она предстаетъ передъ нами въ своемъ полномъ значеніи. Активность въ этомъ случаѣ состоитъ въ выборѣ, который мы производимъ среди навязывающихся намъ внутренно исходовъ въ общеніи. Въ короткій мигъ, проскальзывающій между „хотѣніемъ" реагировать и проявленіемъ реакціи, въ нашей душѣ совершается въ нѣкоторой сдавленности или сконцентрированности интересный процессъ приблизительно такого характера.

Обыкновенно живыя впечатлѣнія, получаемыя нами отъ того, съ кѣмъ мы общаемся, скапливаются въ душѣ, постепенно мобилизуются и образуютъ болѣе или менѣе цѣльное синтетическое „ощущеніе" его личности. Синтезъ этотъ бываетъ всегда неполонъ, и пробѣлы его, ощущаемые въ большей или меньшей степени, заполняются обыкновенно довольно сложнымъ цементомъ, составленнымъ: 1) изъ нашихъ собственныхъ дѣйствительныхъ переживаній, предположительно вкладываемыхъ въ чужую душу; 2) изъ родовыхъ представленій о человѣкѣ и его свойствахъ вообще, — представленій очень условныхъ и связанныхъ у каждаго съ его личнымъ опытомъ; 3) изъ матеріала, поставляемаго нашими желаніями („мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ такимъ") и инстинктивными влеченіями, и, наконецъ, 4) изъ цѣлаго ряда другихъ якобы „случайныхъ" добавленій по ассоціаціи, переносовъ по аналогіи и т. д. Можно условно назвать весь этотъ матеріалъ, служащій для заполненія пробѣловъ, апріорнымъ, а не апостеріорнымъ, ибо онъ привносится *нами* и не является *даннымъ* въ живой реальной дѣйствительности. Понятно, что чѣмъ болѣе чутокъ человѣкъ, тѣмъ болѣе рѣшаю-

[1]) Такой глубокій и тонкій психологъ, какъ Зигмундъ Фрейдъ построилъ на признаніи этого свое ученіе объ „Ueberdeterminirtheit des psychischen Geschehens".

щую роль играетъ въ этомъ синтетическомъ сплавѣ апостеріорный элементъ, элементъ живого, индивидуализированнаго и интуитивно-вѣрнаго воспріятія; наоборотъ, чѣмъ менѣе онъ чутокъ, тѣмъ болѣе въ создаваемомъ образѣ апріорнаго матеріала, привнесеннаго, „придуманнаго". Конечно то и другое при прочихъ равныхъ условіяхъ. Въ моментъ выбора, когда мы ищемъ „правильнаго", т.-е. въ данномъ случаѣ *любезнаго*, исхода въ общеніи, мы полусознательно ставимъ себѣ *не*-формулированный вопросъ: „какъ бы мнѣ проявить то, что я хочу проявить, такъ, чтобы доставить *ему* возможно меньше непріятныхъ ощущеній?" И, въ отвѣтъ на это, мы пытаемся представить себѣ, что можетъ быть пріятно и непріятно тому человѣку, образъ котораго мы синтетически выработали въ себѣ, причемъ мы, конечно, смутно, но неизмѣнно приравниваемъ созданный нами образъ данному живому человѣку, иногда прямо отождествляемъ обѣ, по существу различныя, стороны. Вслѣдъ затѣмъ въ нашей душѣ происходитъ быстрое и нечленораздѣльное перебираніе различныхъ возможностей и столь же быстрая оцѣнка ихъ, приводящая къ ихъ полному или частичному отверженію или принятію. Въ результатѣ этого вихря соображеній вырабатывается „правильный" исходъ, который и служитъ намъ формой проявленія. Понятно, что этотъ процессъ, сводящійся нерѣдко къ моментальному интуитивному уловленію нужнаго и поддающійся отчетливому наблюденію только въ трудныхъ случаяхъ или въ моменты утомленія, дастъ тѣмъ болѣе вѣрный результатъ, чѣмъ больше было апостеріорнаго матеріала въ созданномъ образѣ, чѣмъ тоньше было проникновеніе въ этотъ матеріалъ и чѣмъ бережнѣе былъ выполненъ процессъ оцѣнки и выбора. Такимъ образомъ любезность, какъ творчество, будетъ при одинаковомъ личномъ дарованіи (при одинаковой чуткости) тѣмъ болѣе удачнымъ процессомъ, чѣмъ сильнѣе было *стремленіе* къ вѣрному синтезу и выбору и чѣмъ больше было вложено въ этотъ процессъ *умѣнія* (конечно, и прочія условія предполагаются одинаковыми: степень утомленія, общающіеся субъекты, уровень общенія и т. д.). Замѣтимъ однако, что именно у чуткихъ людей, какъ нерѣдко болѣе подвижныхъ внутренно, вѣрность воспріятія и соотвѣтственность синтеза воспріятій могутъ искажаться быстро всплывающими и укрѣпляющимися чувствами симпатіи или антипатіи. Тогда возникаетъ своеобразное явленіе: чуткій и обыкновенно деликатный человѣкъ совершаетъ извѣстную нелюбезность или даже неделикатность, отъ совершенія которой всякій другой былъ бы гарантированъ. Несмотря на самое сильное стремленіе къ вѣрному синтезу и бережному выбору и на другія благопріятствующія условія, онъ терпитъ неудачу потому, что допустилъ очень серьезную ошибку въ синтезѣ, дополнивъ живой образъ (напримѣръ, въ результатѣ идеализаціи), такими чертами, которыя ему только *хотѣлось бы* видѣть въ этомъ симпатичномъ ему

или вызывающемъ въ немъ чувство благоговѣйнаго уваженія человѣкѣ и которыми тотъ на самомъ дѣлѣ никогда не обладалъ.

Процессъ выбора и отверженія непріятныхъ исходовъ предполагаетъ, какъ выясняется, извѣстную долю художественнаго перевоплощенія въ чужую личность и поэтому можетъ удаваться особенно тѣмъ людямъ, которые обладаютъ даромъ растворяться въ „объективномъ", привнося отъ себя лишь то, что дѣйствительно, такъ сказать, „органически" принадлежитъ къ данному образу и можетъ срастись съ нимъ. Мы касаемся здѣсь *эстетической* грани любезности, и она обнаруживаетъ передъ нами, какъ творчество, свой *художественный* моментъ. Творчество *формы въ общеніи* предполагаетъ *синтетически-художественное* творчество въ *воспріятіи* живыхъ людей, и понятно, что любезность, претворенная въ деликатность, должна быть неотъемлемой принадлежностью художественно одаренныхъ натуръ.

Далѣе въ этомъ творчествѣ неизбѣжно долженъ быть представленъ и интеллектуальный моментъ. Интеллектуальная дѣятельность представлена здѣсь какъ аналитически, такъ и синтетически. Анализъ участвуетъ уже въ созданіи первоначальнаго, интуитивно построяемаго образа въ томъ процессѣ мобилизаціи живыхъ впечатлѣній, о которомъ мы только что упомянули. Но особенное значеніе интеллектуальный процессъ пріобрѣтаетъ въ заполненіи пробѣловъ, и здѣсь къ анализу приходитъ на помощь и отвлеченный синтезъ. Если для добавленій, образованныхъ изъ нашихъ личныхъ переживаній, необходимо извѣстное, направленное внутрь, аналитическое око, которое, не вырождаясь въ болѣзненную оглядку рефлектика и не обезсиливая яркости и цѣльности конкретнаго переживанія, позволяло бы намъ разлагать и вводить въ сознаніе наши собственныя, даже самыя мимолетныя и съ виду несущественныя переживанія, то въ выработкѣ родовыхъ представленій о человѣкѣ и его общихъ свойствахъ участвуютъ и анализъ, и синтезъ отвлеченнаго, мыслительнаго характера. Здѣсь необходима даже не только элементарная обыденная работа мысли, но и нѣкоторые чисто теоретическіе навыки и способности. Пессимизмъ въ представленіяхъ о свойствахъ человѣческаго существа является какъ разъ примѣромъ того, что вѣрность отвлеченнаго представленія затуманивается и искажается,—иногда непоправимо,—переживаніями эмоціональнаго характера, и именно для вопроса о любезности это можетъ имѣть роковое значеніе. Ярко выраженному пессимисту трудно быть любезнымъ, ибо въ душѣ его всегда можетъ ожить соображеніе, что „съ негодяями не церемонятся". Умѣніе познавать съ безстрастіемъ необходимо для того, чтобы сложный цементъ, заполняющій пробѣлы въ нашемъ ощущеніи чужой души, не воспринялъ такія свойства, которыя могли бы обезсилить самое основное въ любезности—альтруистическое стремленіе. Наконецъ, интеллектуальная работа представлена съ большей или мень-

шей отчетливостью также и въ дѣлѣ оцѣнки и выбора, и все это съ несомнѣнностью говоритъ о томъ, что душа, воспринявшая интеллектуальную культуру, располагаетъ условіями, облегчающими развитіе любезности.

Понятно при этомъ, что любезность для своего развитія болѣе нуждается въ наличности этой интеллектуальной культуры, чѣмъ деликатность; ибо деликатность, со своимъ чуткимъ, „сочувствующимъ" приспособленіемъ къ чужому душевному состоянію, *интуитивно* получаетъ и восполняетъ то, что болѣе сухая и формальная любезность вынуждена добывать на обходномъ пути размышленія. Это и объясняетъ отчасти то обстоятельство, что, напр., русскій крестьянинъ, которому любезность вообще мало знакома, проявляетъ иногда такую тонкую деликатность, которая можетъ приковывать къ себѣ своей внутренней красотой.

Такъ или иначе, любезность предстаетъ передъ нами, какъ своего рода этическое, эстетическое и интеллектуальное жизненное творчество, осуществляющееся въ обычномъ общеніи людей и направленное на приданіе нашимъ проявленіямъ въ общеніи соціально безболѣзненной формы.

IV.

Всякій поступокъ можетъ разсматриваться какъ *проявленное душевное состояніе*. Если мы возьмемъ сторону *проявленія*, то мы безъ труда замѣтимъ, что психическое взаимодѣйствіе людей имѣетъ именно съ этой стороны извѣстныя повторяющіяся типическія черты, которыя сводятся къ нѣсколькимъ основнымъ видамъ; эти основные виды мы можемъ назвать *способами* проявленія. Сюда относятся: слово, жестъ, мимика, положеніе тѣла вообще и цѣлый рядъ движеній, служащихъ для проявленія *не* непосредственно. Отсутствіе проявленій вообще или того или иного вида проявленій разсматривается въ общеніи какъ своего рода „проявленіе", ибо даже обморокъ или столбнякъ даетъ возможность заключить къ извѣстному душевному переживанію. Молчаніе, неподвижность, устремленіе взора въ одну точку, уходъ—являются въ общеніи такими же проявленіями, хотя, можетъ быть, непреднамѣренными и менѣе понятными,—какъ и потокъ кудрявыхъ фразъ, присылка букета, поздравленіе по телеграфу или удаленіе со стѣны извѣстнаго портрета къ приходу гостя. Понятно, что душевное состояніе отыскиваетъ для своего проявленія такое своеобразное сочетаніе различныхъ способовъ, которое выражаетъ его съ *большей или меньшей* вѣрностью и точностью. Это-то сочетаніе различныхъ способовъ, намѣренно или ненамѣренно выражающее и передающее въ общеніи какое-нибудь душевное содержаніе,—мысль, настроеніе, хотѣніе и т. д., мы и назовемъ *формой* проявленія. Конечно, вѣрность и точность, т.-е. возможно полное соотвѣтствіе тому, что передается,—не единственныя требованія, предъявляемыя обычно къ этой формѣ. Мы говоримъ еще о понятности, изя-

ществѣ проявленій и т. д. и, наконецъ, о пріятности и непріятности ихъ формы для тѣхъ, кто ихъ воспринимаетъ.

Прежде всего любезность несомнѣнно требуетъ, чтобы форма проявленія была возможно менѣе непріятна и возможно болѣе пріятна другимъ членамъ общенія, т.-е. чтобы все, что проявляется,—разъ что оно уже проявляется,—проявлялось въ способахъ—словахъ, жестахъ, интонаціяхъ и т. д.,—подобранныхъ сообразно съ этою цѣлью. Это требованіе распространяется на все, что находится во власти человѣка. Бываютъ случаи, когда эти требованія заходятъ и дальше, чѣмъ можно и должно; былъ напр., случай, когда извѣстный оперный пѣвецъ произвелъ на одну даму нелюбезное впечатлѣніе потому, что говорилъ свойственнымъ ему низкимъ голосомъ. Но такія недоразумѣнія объясняются конечно тѣмъ, что природа любезности остается иногда совершенно неосознанной. Одно и то же душевное состояніе можетъ быть выражено на тысячу различныхъ ладовъ, и недостаточный учетъ того, что извѣстные способы могутъ быть непріятны другимъ членамъ общенія, ведетъ къ „нелюбезному“ проявленію и самъ по себѣ оказывается нелюбезностью. Самодовольный потокъ рѣчи, насмѣшливое или высокомѣрное выраженіе лица, манера цѣдить слова сквозь зубы, сидѣть къ собесѣднику бокомъ или отворачиваться во время отвѣта, или, напр., привычка прерывать свою рѣчь внезапнымъ и категорическимъ „что?!“—все это можетъ быть само по себѣ непріятно, независимо отъ передаваемаго содержанія. Любезность требуетъ, чтобы все, что можетъ быть предвидѣно, было учтено и устранено, и хотя она знаетъ „извиняющіе“ мотивы, но въ самомъ извиненіи скрыто уже требованіе и предписаніе; любезность требуется отъ каждаго, поскольку у него нѣтъ уважительныхъ, освобождающихъ его основаній, и признаніе такихъ основаній свидѣтельствуетъ о томъ, что въ любезности важно и цѣнно прежде всего не дѣйствительное, можетъ быть случайно состоявшееся проявленіе, которое можетъ и отсутствовать, а наличность стремленія и хотѣнія, или же соотвѣтственная увѣренность въ томъ, что *оно* нѐ отсутствовало въ моментъ совершенія нелюбезнаго поступка.

Но если важно слѣдить за формой и въ непреднамѣренныхъ проявленіяхъ, наприм., молчаливый не долженъ забывать о выраженіи своего лица, когда онъ находится въ обществѣ, уходящій долженъ выбрать удобную минуту и т. д., то тѣмъ важнѣе бываетъ слѣдить за отсутствіемъ ненужныхъ проявленій или за наличностью проявленій вообще. Есть, напр., случаи, когда любезность требуетъ воздержанія отъ всякихъ проявленій, наприм., чтобы не дать кому-нибудь замѣтить то неловкое положеніе, въ которое онъ попалъ, разсказывая въ десятый разъ ту же, извѣстную всѣмъ, исторію. Есть другіе случаи, когда, наприм., молчаніе само по себѣ, какъ *отсутствіе* проявленій вообще, нелюбезно, если оно слишкомъ долго длится или примѣняется повторно къ извѣстному

лицу, или же прямо свидѣтельствуетъ о нежеланіи разговаривать и общаться. Совмѣстная вынужденная ѣзда въ купэ вагона даетъ особенно много такихъ положеній, и есть люди, которые изъ любезности вступаютъ въ особые „вагонные“ разговоры съ сосѣдями, не говорятъ между собой на иностранномъ языкѣ (ибо это было бы равносильно отсутствію общительныхъ проявленій для непонимающихъ) и никогда не берутъ съ собой въ вагонъ „домашней“ провизіи, избѣгая какъ щекотливой роли „угощающаго“, такъ и нелюбезнаго образа дѣйствій того, кто удовлетворяетъ свой голодъ, не считаясь съ ощущеніями своихъ слишкомъ „близкихъ“ сосѣдей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ любезность регулируетъ уже не форму *совершающихся проявленій*, а „формальный“ вопросъ объ ихъ допустимости и необходимости, т.-е., говоря болѣе широко, *форму общенія вообще*.

Здѣсь, конечно, возможны конфликты между различными требованіями и стремленіями, ибо, наприм., искренность, дружба или уваженіе могутъ вскрыть въ томъ исходѣ, который подсказывается любезностью, такую тѣневую сторону, которая измѣнитъ нашъ образъ дѣйствія или по крайней мѣрѣ приведетъ насъ въ нерѣшительность. Такъ, дружеское расположеніе можетъ побудить насъ подчеркнуть наше радикальное неодобреніе какого-нибудь поступка длительнымъ нелюбезнымъ молчаніемъ; или уваженіе къ разсказчику можетъ заставить насъ постараться о томъ, чтобы смѣшное положеніе, въ которомъ онъ оказался по разсѣянности, кончилось какъ можно скорѣе. Тутъ можно замѣтить, что любезность, если только она уже не выродилась, имѣетъ свойство блѣднѣть и отступать на задній планъ при первомъ появленіи болѣе серьезныхъ, глубокихъ и, можетъ быть, болѣе связанныхъ съ моралью требованій и стремленій. Характернымъ является, наприм., случай такого отступленія при конфликтѣ между любезностью и деликатностью. Такъ, любезность, можетъ быть, требуетъ, чтобы мы поздравили того, кто побѣдилъ въ извѣстномъ состязаніи; но деликатность можетъ заставить насъ воздержаться отъ этого, если мы замѣтимъ, что побѣдитель недоволенъ своей побѣдой или даже внутренно страдаетъ отъ нея. Такова своеобразная діалектика, обнаруживающаяся иногда въ отношеніи между любезностью и деликатностью.

Если такимъ образомъ любезность, какъ стремленіе и нормативное переживаніе, вліяетъ на форму проявленій и общенія или даже прямо создаетъ ее, то этимъ въ сущности ея роль ограничивается. Она не создаетъ и *сама по себѣ* не можетъ создавать содержанія, т.-е. того, что проявляется или соотвѣтственно не проявляется въ общеніи—душевныхъ настроеній, переживаній и т. д. Всякая попытка распространить ея вліяніе на содержаніе внутренней жизни людей, какъ таковое, *поскольку оно не состоитъ въ творчествѣ формы*, придаетъ ей несвойственное ей значеніе и посягаетъ на самозаконность жизни духа,

Вспомнимъ, что любезность основана на сравнительно поверхностномъ учетѣ чужихъ переживаній, и рѣдко кто согласится совершать извѣстное внутреннее насиліе надъ собою (заставляя себя переживать что-нибудь чуждое, или не переживать что-нибудь органически ему свойственное), только для того, чтобы доставить небольшую пріятность мало учитываемымъ имъ и, слѣдовательно, въ сущности безразличнымъ ему людямъ. Тотъ же, кто продѣлываетъ надъ собой эту душевную операцію и производитъ такое насиліе надъ органическимъ потокомъ внутренней жизни, сообразующейся обыкновенно съ болѣе серьезными мотивами и цѣлями и подчиняющейся болѣе сильнымъ и глубокимъ влеченіямъ, вовлекаетъ въ общеніе гораздо болѣе глубокіе слои души и примѣняется или приспособляется къ чужому самочувствію или чужимъ ощущеніямъ болѣе альтруистично, чѣмъ это свойственно любезности. Можно было бы сказать, что любезность, вторгающаяся со своими требованіями въ *сущность* проявляемыхъ переживаній, превращается тѣмъ самымъ или же въ своеобразно мотивированную симуляцію душевныхъ переживаній въ ихъ содержаніи, въ деликатность и любовность, и что живущее во всѣхъ насъ смутное ощущеніе, согласно которому извѣстному уровню общенія соотвѣтствуетъ извѣстная доза обходительности, имѣетъ за себя вѣскія основанія.

Однако здѣсь напрашивается какъ будто возраженіе. Повидимому, любезность можетъ распространить свои требованія и на самыя переживанія постольку, поскольку она можетъ требовать отъ насъ наличности самаго *стремленія* или *хотѣнія* быть любезнымъ. Можно, подчиняясь требованіямъ любезности, заставить себя *стремиться* къ ней, заставить себя вызвать въ себѣ любезное настроеніе и преодолѣть это ощущеніе „мнѣ все равно", которое создается въ душѣ подъ вліяніемъ утомленія или другихъ причинъ. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что *одной* любезности *мало* для такого преодолѣнія, что требованія любезности слишкомъ слабы для того, чтобы вызвать несуществующее стремленіе, и что на помощь ей должны прійти мотивы и соображенія моральности; ибо требованія любезности не переживаются съ той мотивирующей и обновляющей наши настроенія силой, которая свойственна въ переживаніи категорическимъ императивамъ морали.

Если въ этомъ случаѣ любезность находитъ свою основу, свой корень въ переживаніяхъ морали и отъ нихъ получаетъ свою силу, то именно формальный характеръ ея даетъ ей возможность найти себѣ и противоположный корень въ анти-моральныхъ движеніяхъ души. Любезность, сама по себѣ, какъ бы безразлична къ тому мотиву, который вызываетъ ее къ жизни; по крайней мѣрѣ она легко забываетъ свою моральную сущность и ту высшую соціальную цѣль, которой она призвана служить. Можно быть любезнымъ, т.-е. заботиться о полузамѣтныхъ пріятностяхъ въ общеніи исключительно изъ своекорыстныхъ цѣлей, и

въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ говорить о *вырожденіи* любезности въ корыстную льстивость, лживость, заискиваніе и т. д. И замѣчательно, что любезность обнаруживаетъ склонность къ такому *вырожденію* именно тамъ, гдѣ съ высшей, *идеальной* точки зрѣнія она должна была бы всецѣло *переродиться* въ деликатность и любовность. Въ общественной жизни съ удивительной быстротой образуются своеобразные очаги выродившейся любезности всюду, гдѣ обнаруживается какая бы то ни была концентрація *этической* (въ широкомъ смыслѣ слова) силы, будь то явленіе общественной власти, индивидуальнаго таланта или даже простой „вліятельности". И морально-трагическій характеръ этого явленія совсѣмъ не уменьшается отъ того, что мы приглядѣлись къ нему и „привыкли"...

Эта способность любезности проявляться при отсутствіи искренняго стремленія къ ней, при отсутствіи предполагаемаго альтруистическаго минимума бываетъ нерѣдко связана съ переходомъ ея изъ формы въ содержаніе. Тотъ, кто проявляетъ любезность неискренно, начинаетъ съ особенной легкостью проявлять такія переживанія, которыя чужды ему въ дѣйствительности. Здѣсь образуется нѣкоторый скользкій путь внизъ: солгавшій въ формѣ незамѣтно начинаетъ лгать и по существу, иногда уже по одному тому, что одна ложь часто нуждается въ другой для своего оправданія и поддержки. Въ „пріятныхъ" проявленіяхъ незамѣтно утрачивается чувство мѣры и любезность вырождается въ рядъ безвкусныхъ поступковъ. Такова любезность у людей тщеславныхъ и завистливыхъ: лишенные безкорыстнаго альтруизма въ обыденномъ общеніи, они *всегда* лгутъ, когда проявляютъ любезность; нерѣдко они сразу теряютъ въ этихъ проявленіяхъ чувство мѣры и вкусъ и незамѣтно доходятъ въ комплиментахъ до геркулесовыхъ столбовъ, не замѣчая того, что окружающіе понимаютъ ихъ и испытываютъ чувство неловкости.

Эта способность любезности уживаться съ лживостью обнаруживается между прочимъ въ довольно распространенномъ взглядѣ на нее, согласно которому она неизбѣжно связана съ извѣстной, хотя бы и минимальной, *симуляціей*. Фактически это нерѣдко такъ и бываетъ, ибо, при отсутствіи любезнаго настроенія, мы симулируемъ его съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и даже не изъ корыстныхъ цѣлей, а изъ убѣжденія, что лучше симулированная любезность, чѣмъ никакая. Принципіальное рѣшеніе этого конфликта есть дѣло не соціологіи, а соціальной философіи. Замѣтимъ только, что есть случаи, гдѣ *симуляція* извѣстнаго настроенія въ самомъ дѣлѣ есть единственное средство избѣжать нелюбезности; наприм., любезность, по мнѣнію нѣкоторыхъ, требуетъ, чтобы мы „предполагали" въ тѣхъ, съ кѣмъ общаемся, одно „хорошее" и чтобы мы не проявляли противоположнаго настроенія, хотя бы оно базировалось на самой достовѣрной освѣдомленности. Можетъ быть, во

всѣхъ такихъ случаяхъ и слѣдуетъ принципіально отказываться отъ любезности, но несомнѣнно, что въ нихъ она невозможна безъ симуляціи. Есть зато безчисленное множество примѣровъ, гдѣ симуляціи не требуется никакой.

Но особенно интересны тѣ случаи, когда люди незамѣтно для себя распространяютъ требованія любезности на *сущность* переживаній и поступковъ *не* изъ корыстныхъ видовъ, а вслѣдствіе неправильнаго пониманія этихъ требованій. При этомъ нѣкоторые, дѣйствительно, заставляютъ себя переживать проявляемыя „для пріятности" настроенія. Ни деликатности, ни любовности здѣсь не возникаетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо уровень общенія недостаточно великъ и индивидуализированъ для этого. Получается смѣшанная и внутренно неэстетичная картина: обыденныя и сравнительно поверхностныя переживанія другого воспринимаются какъ бы черезъ увеличительное стекло и получаютъ въ душѣ воспринимающаго преувеличенное значеніе. Если провести требованія любезности послѣдовательно въ этомъ направленіи, то доставленіе ближнимъ поверхностныхъ пріятностей общенія станетъ главной жизненной заботой, и человѣкъ, любезный „по профессіи", сдѣлается въ соціальной атмосферѣ чѣмъ-то вродѣ поденщика, разметающаго дорожки, по которымъ онъ самъ ходить не будетъ. Замѣчательно, что есть люди именно такъ понимающіе „любовь къ ближнему". Въ такихъ случаяхъ душевная энергія начинаетъ затрачиваться нецѣлесообразно, насиліе, которое приходится дѣлать надъ самимъ собою, не входитъ органически въ душу, и если только человѣкъ не возвелъ такое поведеніе въ принципъ, то въ душѣ остается потомъ, иногда надолго, ощущеніе какой-то неловкости и совершонной ненужной неправдивости. Таково, напримѣръ, довольно распространенное обыкновеніе просить фотографическую карточку у всякаго, кто показываетъ сдѣланный снимокъ. Эта просьба иногда совершенно не соотвѣтствуетъ отношеніямъ и въ такомъ случаѣ за нею не скрывается искренняго желанія имѣть изображеніе снявшагося. Но не просить, когда показываютъ,—„не любезно", а попросить—значитъ какъ бы сказать: „въ общеніи съ вами у меня были столь пріятныя минуты, что я хочу сохранить ихъ ассоціативно и закрѣпить въ объективной формѣ". А впослѣдствіи просившій не знаетъ, что̀ дѣлать съ карточкой, не понимаетъ, зачѣмъ онъ просилъ о ней, и нерѣдко въ душѣ остается чувство какой-то фальши или какъ бы неисполиеннаго обязательства, и это чувство переносится незамѣтно и незаслуженно, въ видѣ легкой охлаждающей антипатіи, на того, кто имѣлъ неосторожность показать снимокъ. И при всемъ томъ вполнѣ возможно, что показывавшій не разсчитывалъ на просьбу и отсутствіе просьбы совсѣмъ не вызвало бы въ немъ непріятнаго настроенія.

Интересенъ также другой въ высшей степени типичный случай, когда одинъ собесѣдникъ во избѣжаніе непріятныхъ моментовъ спора и въ огражденіе знакомаго отъ ощущеній „несолидарности“, „непониманія“ и т. под. поддакиваетъ ему въ бесѣдѣ или выражается въ смыслѣ не совсѣмъ опредѣленнаго „полусогласія“, или же начинаетъ хвалить то, что хвалитъ другой, смутно чувствуя, что, хваля хвалимое, онъ тѣмъ самымъ косвенно хвалитъ хвалящаго. Есть даже цѣлый рядъ выработавшихся въ разговорѣ словечекъ, вродѣ: „это-то конечно“, „понимаю, понимаю“, или опредѣленнѣе: „да, да“, „само собой разумѣется“ и т. п. Здѣсь возможно уже не только наступающее впослѣдствіи ощущеніе фальши. Если у того, кто соглашается, выработано свое опредѣленное и окончательное мнѣніе по данному вопросу, или же оно хотя и лишено такой опредѣленности, но слагается въ діаметрально противоположномъ направленіи, то опасность еще сравнительно меньше; въ противномъ случаѣ выраженное согласіе имѣетъ свойство легко и незамѣтно осѣдать въ душѣ и образовывать ячейку для дальнѣйшаго формированія „своего собственнаго“ мнѣнія. Любезность служитъ тогда прекраснымъ орудіемъ для незамѣтнаго подчиненія средѣ, и отъ такихъ результатовъ любезнаго поведенія не всегда свободны даже люди съ самодѣятельнымъ духовнымъ центромъ. Любезность принимаетъ здѣсь форму какого-то малодушія, и какъ часто встрѣчаются пассивныя натуры, у которыхъ это малодушіе становится однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ общаго „міровоззрѣнія“...

Къ такимъ же результатамъ ведетъ нерѣдко требованіе не разстраивать изъ любезности компанію или свойственное многимъ обыкновеніе заставлять себя изъ любезности къ собесѣднику смѣяться на неудачныя проявленія его остроумія и т. п.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ важно отмѣтить то обстоятельство, что любезность, распространенная, такимъ образомъ, на сущность проявляемаго въ общеніи, утрачиваетъ, иногда всецѣло, свою соціальную цѣлесообразность, внося въ общеніе не уменьшеніе, а увеличеніе количества треній. Устраняя эфемерное или неизбѣжное „формальное“ треніе, любезность порождаетъ въ душѣ такія настроенія и непріятныя ощущенія, которыя отзываются иногда роковымъ образомъ на самой сущности общенія. Возможность избѣжать сравнительно меньшаго по своему значенію зла покупается слишкомъ дорогой цѣной—осуществленіемъ зла болѣе значительнаго: спасая „формальную“ гармонію, люди вызываютъ къ жизни дисгармонію въ содержаніи—расколъ, какъ въ предѣлахъ индивидуальной души, такъ и въ отношеніи другъ къ другу.

На почвѣ этихъ конфликтовъ выростаетъ своеобразное явленіе, характеризуемое обыкновенно французскимъ выраженіемъ „enfant terrible“. Есть люди, чувствующіе съ особой силой, что въ каждомъ сознатель-

номъ допущеніи несоотвѣтствія между проявленіемъ и внутренней душевной жизнью лежитъ что-то сомнительное въ нравственномъ отношеніи, а иногда и просто недостойное. Всякое введеніе другого въ заблужденіе относительно своихъ внутреннихъ переживаній можетъ при извѣстныхъ условіяхъ переживаться какъ одіозное, несмотря на то, что невозможность проникнуть съ адэкватностью въ содержаніе чужой души является необходимымъ условіемъ какъ общенія, такъ и образованія самой индивидуальности. Все наше общеніе движется въ предѣлахъ множества отгороженныхъ другъ отъ друга душевныхъ единицъ, въ предѣлахъ проявленности и недопроявленности душевнаго содержанія, сказанности и недоговоренности о немъ, и все наше представленіе о другихъ людяхъ является каждый разъ своеобразнымъ сочетаніемъ знанія и незнанія о нихъ, причемъ адэкватность знанія исключена съ самаго начала. Индивидуальная душа формируется лишь благодаря тому, что она при всѣхъ условіяхъ общенія и взаимодѣйствія остается одинокой, непроницаемо-замкнутой, и „вывернутость“ души наружу, вмѣстѣ съ полной доступностью ея, превратила бы общество въ трудно поддающееся воображенію „органическое“ соціальное единство, на подобіе метафизическаго синтеза Гегеля. И несмотря на это, а можетъ быть, именно поэтому, т.-е. въ силу смутнаго предчувствія этой метафизической возможности и влеченія къ ней, нѣкоторые люди совершенно не переносятъ лжи въ общеніи и рѣшаютъ конфликтъ между искренностью и любезностью категорически въ пользу первой. При этомъ обостреніи чуткости они переживаютъ въ качествѣ лжи не только всѣ проявленія, въ которыхъ „высказывается *не то, что есть* въ душѣ“, но нерѣдко и тѣ случаи, когда извѣстное мнѣніе или настроеніе *совсѣмъ* не высказывается по извѣстнымъ соображеніямъ. И тамъ, гдѣ люди, отличающіеся малодушіемъ любезности, колеблются, выбираютъ путь компромисса и иногда не могутъ сдѣлать извѣстнаго усилія, чтобы высказать другому что-нибудь непріятное, enfant terrible порываетъ съ этимъ сомнительнымъ уклономъ. У людей этого типа искренность преодолѣваетъ любезность, и интересно, что ихъ образъ дѣйствія вноситъ въ атмосферу общенія нѣкоторый вздохъ облегченія даже и тогда, когда они, увлеченные первоначальнымъ преодолѣвающимъ усиліемъ и психической инерціей, утрируютъ и освобождаютъ себя отъ любезности даже и въ случаяхъ не требующихъ лжи и фальши.

Всѣ эти примѣры выясняютъ съ очевидностью, что „формальная“ гармонія, вносимая въ общеніе любезностью, не имѣетъ высшей, самостоятельной цѣнности. Путь къ истинной соціальной гармоніи, образъ которой рисуетъ передъ нами моральная и соціальная философія, ведетъ не только черезъ временные *„формальные“* конфликты, но и черезъ діалектику *глубокихъ* временныхъ разрывовъ и распаденій, и выс-

шимъ искусствомъ вносить въ общеніе гармонію и мѣру, направляя его къ высшимъ цѣлямъ соціальнаго бытія, является совсѣмъ не любезность, а **чувство такта**.

V.

Если мы попробуемъ теперь взять любезность въ ея полномъ соціальномъ составѣ, то мы увидимъ, что она образуетъ въ общественной жизни самостоятельный, единый по своему внутреннему смыслу слой переживаній, имѣющій свое особое „назначеніе“ и свою судьбу.

Назначеніе, или, если угодно, *цѣлесообразное значеніе* любезности, выяснится съ особенной наглядностью, если мы станемъ на точку зрѣнія экономіи силъ. Тогда любезность предстанетъ передъ нами, какъ средство, содѣйствующее осуществленію извѣстной цѣли, но требующее само для своего осуществленія затраты силъ и энергіи; причемъ затрата этой энергіи хотя и не ведетъ еще непосредственно къ главной цѣли, но даетъ въ общемъ счетѣ значительную экономію силъ, устраняя возможность другихъ, нецѣлесообразно вторгающихся въ жизнь явленій и процессовъ. Любезность по самому смыслу своему не есть „главное“ и существенное въ общеніи; люди общаются не для того, чтобы выбирать въ общеніи взаимно-пріятную форму, а наоборотъ: они стремятся къ взаимно безболѣзненной формѣ проявленій для того, чтобы общеніе могло имѣть мѣсто вообще и притомъ съ возможно бо́льшей продуктивностью. Любезность есть средство, содѣйствующее продуктивности общенія, въ чемъ бы эта продуктивность ни состояла: въ заключеніи торговой сдѣлки, въ интересномъ ученомъ спорѣ, въ органическомъ совмѣстномъ творчествѣ или въ той легкости и эстетичности времепрепровожденія, о которой съ такой прозрачной глубиной говоритъ Зиммель. [1]) Въ предѣлахъ соціальной философіи эта продуктивность получитъ, конечно, высшее значеніе и содержаніе, любезность окажется на службѣ у верховныхъ цѣлей человѣческой совмѣстности и ея эмпирическіе конфликты явятся какъ бы слабой прелюдіей къ трагедіи моральныхъ столкновеній. Для соціолога же характеръ этой продуктивности можетъ быть безразличенъ. Всякое общеніе, какъ мы указывали, имѣетъ извѣстную окраску тяготы и непріятности; оно несетъ вмѣстѣ съ собой извѣстныя тренія, которыя всегда могутъ послужить разъединяющимъ началомъ. Въ противовѣсъ этому разъединяющему началу въ общественной жизни выработалось начало противоположное—стремленіе или забота, парализующая неблагопріятную для общенія тяготу формы. На выработку пріятной или любезной формы уходитъ извѣст-

---

[1]) *G. Simmel:* „Die Geselligkeit“. *Frankf. Zeitung*. 1910. Oktober. Докладъ, читанный при открытіи перваго нѣмецкаго соціологическаго конгресса во Франкфуртѣ.

ный запасъ творческой энергіи—этической, художественной и интеллектуальной, ибо любезность требуетъ, чтобы надъ ней отвлеченно и практически работали, культивировали ее. Но этотъ запасъ,—который, казалось, благоразумнѣе было бы вложить въ самую сущность, въ самый процессъ живого содержательнаго общенія,—затрачивается вполнѣ цѣлесообразно на выработку формы, несовершенство которой слишкомъ укрѣпило бы отталкивающія силы въ общественной жизни. Этотъ обходный путь типиченъ для цѣлаго ряда общественныхъ процессовъ: формальная дисциплина становится центромъ усилій потому, что отсутствіе ея погубило бы даромъ гораздо бо́льшее количество энергіи, чѣмъ то, которое можетъ быть поглощено ея выработкой (срв. хотя бы организацію арміи).

Формальный характеръ любезности и ея подчиненное положеніе, какъ средства, освѣщаютъ далѣе тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ слагается ея судьба.

Для того, чтобы любезность могла существовать, не вырождаясь въ пустую форму и не перерождаясь во что-то болѣе глубокое, необходимо, чтобы общественная группа была связана общимъ уровнемъ интересовъ, уже достаточно зрѣлыхъ и сильныхъ, но все же неспособныхъ поглотить индивидуальныя стремленія въ единствѣ общей цѣли.

Если общеніе не вызывается *существеннымъ* и *устойчивымъ* интересомъ сторонъ, то любезность не имѣетъ почвы для образованія. Такъ, если интересъ недостаточно важенъ и *существенъ*, то въ общеніи нѣтъ того ядра, того центра и содержанія, бережливое отношеніе къ которому могло бы повести къ выработкѣ любезности. Вокругъ этого центра, связывающаго стороны общностью интереса, завязывается и выростаетъ живое общеніе, которое *въ свою очередь должно быть осознано, какъ важное*, для того, чтобы стала вырабатываться самостоятельно его форма. Любезность, какъ общественно-цѣлесообразный процессъ, не можетъ сложиться вокругъ пустого мѣста. Точно также существенный, но *преходящій* интересъ можетъ повести самое бо́льшее лишь къ отдѣльному единичному приспособленію въ общеніи, но не къ выработкѣ любезности, какъ типичнаго ряда явленій. При этомъ интересъ долженъ не только существовать въ дѣйствительности, но и быть осознанъ съ бо́льшей или меньшей отчетливостью. Значеніе этихъ условій отражается своеобразно, но опредѣленно и въ общественномъ сознаніи. Такъ, напримѣръ, люди, не тонкіе отъ природы, проявляютъ любезность только по отношенію къ тѣмъ, въ комъ они нуждаются, и, такимъ образомъ, *нелюбезность* становится у нихъ своего рода *проявленіемъ независимости;* поэтому въ общеніи простая нелюбезность часто импонируетъ людямъ. Этимъ вообще объясняется, почему всюду, гдѣ любезность не получила моральнаго освященія, высшіе нелюбезны съ низ-

шими, и съ этой точки зрѣнія римское „servus est res“ оказывается психологическимъ мотивомъ, характеризующимъ тактику всякаго привилегированнаго класса.

Но если недостаточная связанность или объединенность группы въ лицѣ принадлежащихъ къ ней индивидуумовъ дѣлаетъ любезность *еще* ненужной, то значительная и тѣсная скрѣпленность группы приводитъ нерѣдко къ ея исчезновенію. Здѣсь есть двѣ типичныя возможности: прикрѣпленность людей другъ къ другу можетъ быть или недобровольной или добровольной и любовной.

Въ первомъ случаѣ бываетъ такъ, что любезность исчезаетъ и уступаетъ мѣсто обратному—нежеланію или неспособности взаимно приспособляться въ общеніи, и это приводитъ къ вырожденію и упадку *формы* общенія. Для какихъ бы цѣлей ни устанавливалось принудительное объединеніе людей, сущность его всегда сводится къ недопущенію добровольнаго перегруппированія, къ ограниченію свободнаго, „естественнаго“ отбора и организаціи людей. И вотъ именно сознаніе невозможности *создавать* свое общеніе, выбирать и подбирать себѣ желанную среду, сознаніе прикованности надолго или навсегда къ извѣстной тѣсно сплоченной средѣ способно значительно усиливать *отталкивающія* силы въ общеніи. Чѣмъ меньше такая принудительно скованная группа, чѣмъ тѣснѣе и всестороннѣе самая скованность, чѣмъ дольше она продолжается и чѣмъ безнадежнѣе перспектива въ будущее, тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствуютъ и скорѣе обнаруживаются отталкивающія силы. Въ маленькой группѣ душевное содержаніе людей исчерпывается быстрѣе и общеніе теряетъ прелесть новизны, особенно, если самый принципъ принудительнаго объединенія установленъ съ внѣшней механичностью, не улавливающей „естественную“ сопринадлежность людей, если общеніе является вообще затруднительнымъ или же взаимное приспособленіе оказывается совсѣмъ невозможнымъ (такъ бываетъ, наприм., въ тюремныхъ камерахъ, устроенныхъ для двоихъ, троихъ). Разносторонняя, давящая прикрѣпленность людей другъ къ другу, не оставляющая никакихъ отдушинъ и побочныхъ, удовлетворяющихъ исходовъ, можетъ въ худшихъ случаяхъ бросить людей другъ на друга съ силой необычайнаго озлобленія. Напротивъ, въ бо́льшихъ группахъ, даже при сравнительно тѣсной соединенности (наприм., общія камеры), всегда остается возможность новыхъ, не бывшихъ еще сочетаній въ общеніи, и душевное содержаніе группы исчерпывается несравненно медленнѣе; люди не такъ скоро пріѣдаются другъ другу, и любезность, какъ *форма*, не исчезаетъ, какъ раньше, оттого, что приходитъ въ упадокъ *содержательное общеніе*. Можно сказать, что любезность для своего существованія требуетъ извѣстной *свободной подвижности элементовъ* въ группѣ, и поэтому понятно, что она болѣе характерна для городского общенія, гдѣ

атмосфера разнообразнѣе, подвижнѣе, предоставляетъ больше свободнаго выбора и гдѣ въ то же время самое общеніе экстенсивнѣе, поверхностнѣе и удовлетворяется не слишкомъ глубокимъ приспособленіемъ.

Во второмъ случаѣ, когда тѣсная объединенность людей является *добровольной и любовной,*—любезность является уже слишкомъ слабымъ и блѣднымъ проявленіемъ, она естественно перерождается въ деликатность и любовность, растворяется въ нихъ. Объединеніе группы оказывается, съ одной стороны, настолько интимнымъ, какъ, наприм., въ семьѣ, что забота о взаимно-безболѣзненной формѣ общенія проистекаетъ изъ болѣе глубокихъ источниковъ; съ другой стороны, настолько прочнымъ и устойчивымъ, что отсутствіе пріятной формы не можетъ само по себѣ отозваться роковымъ образомъ на существованіи общенія въ группѣ. Но именно въ такихъ случаяхъ развитіе общенія въ группѣ можетъ привести къ явленіямъ регресса. Любовность, поглотившая любезность и упразднившая ея самостоятельное существованіе, незамѣтно испаряется иногда съ теченіемъ времени и исчезаетъ, а группа продолжаетъ существовать попрежнему, причемъ общеніе въ ней оказывается чуждымъ какъ любовности, такъ и любезности; въ такихъ случаяхъ развитіе отношеній возвращается къ первоначальному пункту полной несвязанности, и это отчасти объясняетъ тѣ необычайно грубыя отношенія, которыя можно видѣть въ иныхъ распадающихся семьяхъ.

Къ своеобразнымъ послѣдствіямъ ведетъ далѣе такое въ высшей степени типичное сочетаніе обстоятельствъ, когда въ извѣстной группѣ, объединенной общностью интересовъ и быта, складывается общеніе, протекающее не на почвѣ основного общаго интереса, связующаго группу. Любезность сохраняетъ тогда свою цѣлесообразность, но лишь въ узкихъ предѣлахъ данной группы. Такъ, напримѣръ, любезность свѣтскихъ салоновъ является несомнѣнно цѣлесообразной, поскольку она облегчаетъ общеніе между членами группы и тѣмъ поддерживаетъ ея единство. Она служитъ вспомогательной спайкой группы, и смутное сознаніе этого содѣйствуетъ тому повышенному значенію, которое ей придается. Отчасти поэтому, отчасти за недостаткомъ серьезнаго и цѣннаго содержанія любезность сама по себѣ получаетъ понемногу значеніе самостоятельнаго жизненнаго содержанія. Форма общенія пріобрѣтаетъ тогда несоотвѣтствующее ей значеніе; обнаруживается боязнь оказаться или хотя бы „показаться“ нелюбезнымъ, и этому соотвѣтствуетъ замѣтная склонность прощать многіе проступки противъ морали и не прощать проявленія нелюбезности. Гедонистическій моментъ выступаетъ въ любезности на первый планъ, любезность становится какъ бы особымъ критеріемъ хорошаго и дурного, и требованія ея, срастаясь нерѣдко съ внѣшностью церемоній и ритуаловъ, пріобрѣтаютъ значеніе своего рода „категорическихъ императивовъ“. Получается впечатлѣніе, будто люди

дѣйствительно общаются только для того, чтобы выбирать въ общеніи взаимно пріятную форму. Въ результатѣ группа сковывается формальнымъ единствомъ „пріятнаго общенія", поддержаніе котораго можетъ стать одной изъ ея важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ.

Но цѣлесообразность такой любезности ограничивается предѣлами данной группы, и это обнаруживается въ томъ, что внутренней сплоченности ея соотвѣтствуютъ замкнутость и оторванность, отчужденность ея отъ другихъ группъ. Чѣмъ сильнѣе любезность культивируется *въ предѣлахъ* группы, тѣмъ рѣшительнѣе она нарушается *за* ея предѣлами. И это относится какъ къ случаямъ ея формальнаго культивированія, такъ и къ случаямъ поглощенія ея нѣдрами любовности (семья). Заносчивость стараго родовитаго дворянства вошла въ поговорку, и терминъ „аристократъ" получилъ въ широкихъ нивелированныхъ кругахъ оттѣнокъ осужденія. Съ этой точки зрѣнія становится отчасти понятной бросающаяся въ глаза грубость современныхъ нѣмцевъ, у которыхъ сильно развито семейное начало, и всѣмъ извѣстная галантная любезность французовъ, у которыхъ семья находится въ сравнительномъ упадкѣ.

Любезность, какъ широко распространенное явленіе, предполагаетъ такимъ образомъ въ обществѣ извѣстное среднее состояніе между сильнымъ расчлененіемъ и сплоченнымъ единствомъ. Можно было бы сказать, что всякое углубленіе любезности, т.-е. качественный ростъ ея, идетъ неизбѣжно въ ущербъ ея количественному примѣненію и распространенію. То ослабленіе любезности на многолюдномъ званомъ вечерѣ, о которомъ мы упоминали выше, характерно и за предѣлами *одновременнаго* общенія. Чѣмъ болѣе индивидуализирующаго творческаго учета дается въ общеніи каждому, тѣмъ меньшее число людей можетъ получить вообще хоть что-нибудь, и наоборотъ. Альтруизмъ, расходящійся въ видѣ любезности по маленькимъ количествамъ, оказывается обыкновенно неспособнымъ вылиться въ единый порывъ, какъ бы сгорѣть въ единомъ воплощеніи. Человѣкъ, не умѣющій оградить себя отъ этихъ непрестанныхъ и поистинѣ безконечныхъ маленькихъ отдачъ, не умѣющій выработать въ своей душѣ нѣкоторой скорлупы безразличія къ обыденному и эмпирической безжалостности, рискуетъ довести любезность до абсурда и обезсилить душу въ процессѣ незамѣтнаго раздробленія. Въ этой-то невозможности сохранить силу альтруистическаго порыва при увеличеніи числа тѣхъ предметовъ, на которые онъ распространяется, и лежитъ утопизмъ проекта Платона—сроднить всю общину посредствомъ сокрытія истиннаго отцовства и материнства. Искусственный пріемъ „растяженія" семьи до предѣловъ общины не привелъ бы къ желанному результату, ибо нельзя дать многимъ ту же углубленную индивидуализацію въ общеніи, какъ одному или нѣсколькимъ. Такимъ образомъ переоцѣненная и разросшаяся любезность можетъ лишить личную жизнь желанной

интенсивности, и здѣсь нельзя не вспомнить о томъ, что общеніе, какъ бы оно ни было прекрасно, не есть высшая задача человѣка; тѣ мѣста въ девятой книгѣ этики Аристотеля, въ которыхъ онъ исповѣдуетъ и оправдываетъ „эгоизмъ", какъ служеніе разуму, останутся навсегда классическимъ призывомъ къ самоогражденію отъ чрезмѣрныхъ притязаній общенія.

Теперь будетъ понятно, если мы скажемъ, что каждый изъ насъ можетъ разсматриваться какъ центръ, вокругъ котораго располагается цѣлый рядъ концентрическихъ круговъ со все уменьшающейся индивидуализаціей въ общеніи. [1]) Чѣмъ ближе периферія къ центру, чѣмъ меньше радіусъ круга, тѣмъ интенсивнѣе наше чувство къ людямъ; но зато тѣмъ меньшее число людей получаетъ въ общеніи съ нами глубокую индивидуализацію любовности. Съ каждымъ дальнѣйшимъ кругомъ, съ каждымъ увеличеніемъ радіуса наше учитывающее отношеніе становится менѣе глубокимъ и интенсивнымъ и распространяется зато на бо̀льшее число людей. Если примириться условно съ грубымъ схематическимъ дѣленіемъ, то можно было бы принять слѣдующіе основные круги: кругъ интимной, исключительной любви, кругъ любовности, кругъ деликатности, кругъ любезности, кругъ вѣжливости, неопредѣленно-обширный кругъ приличія и, наконецъ, самый неопредѣленный и обширный кругъ индиферентнаго отношенія, въ которомъ возможно даже несоблюденіе приличія. Прослѣдить отношеніе между атмосферами этихъ круговъ и установить въ немъ какъ общую закономѣрность, такъ и спеціальныя уклоненія, кажущіяся исключеніями, мы здѣсь не можемъ. Укажемъ только, что чѣмъ культурнѣе человѣкъ и чѣмъ тоньше его внутренняя организація, тѣмъ рѣшительнѣе средніе круги,—деликатности, любезности и вѣжливости,—впитываютъ въ себя крайніе круги,—приличія и индифферентности; что въ исторіи каждаго индивидуума можно отмѣтить типичное и послѣдовательное пріобщеніе его различнымъ кругамъ, порядокъ котораго можетъ значительно, но закономѣрно мѣняться (въ зависимости отъ условій воспитанія, ближайшей семейной атмосферы и другихъ факторовъ), обнаруживая въ среднемъ тенденцію къ концентрической системѣ. Переходъ отъ преобладанія интимнаго круга семьи, черезъ постепенное увеличеніе его кругомъ дружбы, къ преобладанію широкаго круга любезности и вѣжливости и затѣмъ, съ одной стороны, обратная тяга къ интимному средоточію, но уже не пассивно воспринятаго (въ лицѣ отца и матери), а создаваемаго активно круга *новой* семьи, съ другой стороны, тенденція къ сохраненію прой-

---

[1]) Конечно, въ дѣйствительности невозможно говорить о разграниченныхъ кругахъ, ибо каждый человѣкъ получаетъ отъ насъ каждый разъ нѣчто вполнѣ особенное и неповторяемое; однако образъ концентрической системы вполнѣ пригоденъ здѣсь въ познавательномъ отношеніи.

денныхъ круговъ,—все это влечетъ за собой цѣлый рядъ интересныхъ перипетій въ судьбѣ любезности. Замѣчательно также преобладаніе у маленькихъ дѣтей переживаній перваго круга (прикованность къ отцу и матери) и переживаній послѣдняго круга (невинная чуждость приличію), тогда какъ переживанія среднихъ круговъ (деликатность, любезность, вѣжливость, приличіе) должны лишь постепенно заполняться у нихъ въ процессѣ воспитанія.

Именно въ этомъ подобіи общенія системѣ концентрическихъ круговъ вскрывается наглядно компромиссная природа любезности. Любезность есть компромиссъ, съ одной стороны, между абсолютнымъ альтруизмомъ и абсолютнымъ эгоизмомъ, и *въ этомъ отношеніи* она подобна „милостынѣ“, подаваемой на улицѣ; съ другой—между категорическимъ долженствованіемъ и психической невозможностью; съ третьей—между служеніемъ цѣнностямъ общенія и служеніемъ цѣнностямъ объективнаго ряда (научное, художественное творчество). Между требованіемъ христіанской морали „отдай каждому максимумъ“ и голосомъ эгоистическаго инстинкта „все для меня“ любезность намѣчаетъ средній путь: она двигается въ извѣстныхъ переходахъ и градаціяхъ, создаетъ средніе круги и примиряетъ „все“ и „ничего“ въ „кое-что“ или „немного“, повинуясь долженствованію и ссылаясь въ то же время на психическую невозможность; она предлагаетъ также извѣстный исходъ въ конфликтѣ между цѣнностями общенія и „объективными“ цѣнностями, вырабатывая своего рода формальный альтруизмъ, не претендующій на основное ядро души и поддающійся сравнительно широкому примѣненію. И въ этомъ по-своему обнаруживается ея цѣлесообразность: индивидуумъ, съ одной стороны, получаетъ возможность отдаваться внутренней культивирующей духъ работѣ, довольствуясь этимъ с у р р о г а т о м ъ любовнаго слиянія съ конкретнымъ множествомъ людей; съ другой стороны, онъ сохраняетъ съ этимъ множествомъ такое касаніе, которое даетъ ему возможность углубить и реализовать то или иное, оказавшееся цѣннымъ, отношеніе.

Но такъ какъ компромиссный исходъ всегда несетъ на себѣ свѣтъ обѣихъ противоположностей, которыя нашли въ немъ свое примиреніе, то любезность естественно получаетъ значеніе нѣкотораго предчувствія, въ слабыхъ и блѣдныхъ чертахъ рисующаго какія-то отдаленныя перспективы новыхъ соціальныхъ сліяній. Трудно говорить опредѣленно объ этихъ смутныхъ невозможныхъ возможностяхъ, но свѣтъ ихъ несомнѣнно чувствуется иногда въ проявленіяхъ того лика любезности, который обращенъ въ сторону творческаго углубленія общенія.

И. Ильинъ.

Семейство Бакуниныхъ. [1])

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

XIV.

Семья Бееръ въ 1836 г.—Характеръ отношеній Бакунина къ сестрамъ Бееръ.—Его письма отъ 22 апрѣля 1835 г.—Первые его планы образованія особаго братскаго кружка въ концѣ 1835 г. до знакомства съ философіей Фихте.—Посвященіе сестеръ Бееръ въ философію религіи Фихте въ 1836 г.—Смуты въ семьѣ Бееръ.—Планъ Александры Андреевны Бееръ итти въ монастырь.—Вмѣшательство Михаила Бакунина.—Переписка его объ этомъ съ В. А. Дьяковой.—Отъѣздъ А. А. Бееръ въ Тверь.—Недоразумѣнія и ссоры сестеръ Бееръ съ сестрами Бакунина въ 1836 г.—Переписка Михаила Бакунина съ сестрами въ апрѣлѣ 1836 г.—Любовь Натальи Андреевны Бееръ къ М. А. Бакунину и отъѣздъ ея въ Тверскую губернію.—Покаянное письмо Михаила Бакунина къ В. А. Дьяковой въ концѣ апрѣля 1836 г.

Семейство Бееръ или „Бееровыхъ", личный составъ котораго мы обрисовали въ своемъ мѣстѣ [2]), въ началѣ и серединѣ тридцатыхъ годовъ проводило зиму въ Москвѣ. Старшій сынъ этого семейства, Алексѣй, въ это время служилъ въ военной службѣ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Тверской губерніи, а мать жила съ двумя дочерьми, читателю уже извѣстными, Натальей и Александрой, и младшимъ сыномъ Константиномъ, мальчикомъ лѣтъ 15—16. Въ главѣ VIII мы подробно останавливались на перипетіяхъ романа Натальи Андреевны со Станкевичемъ, а затѣмъ въ X главѣ разсказали о сближеніи весной 1835 г. Михаила Бакунина съ сестрами Бееръ и объ отъѣздѣ ихъ затѣмъ въ имѣніе Шашкино, Орловской губерніи. Изъ деревни они вернулись въ этомъ году поздно, въ концѣ ноября, и поселились въ большомъ домѣ, гдѣ до нихъ жили Аксаковы, помѣстившись въ немъ вмѣстѣ съ племянницей m-me Бееръ, Анной Ржевской, и племянниками Владиміромъ и Ѳедоромъ Ржевскими, которые всѣ также были старыми знакомыми Бакуниныхъ. Анна, или Аннетъ Ржевская, была въ это время еще совершенно молоденькая, весьма наивная дѣ-

---

[1]) См. *Русскую Мысль* 1912 г., кн. II.

[2]) *Русская Мысль* за 1909 г., кн. VIII, стр. 9 (2-го отдѣла.)

вушка. Она состояла въ дружеской перепискѣ съ Татьяной Александровной Бакуниной, и изъ писемъ ея многія сохранились въ Бакунинскомъ архивѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, и сами по себѣ небезынтересныя по своей живости и безыскусственности, помогаютъ въ то же время установить кое-какія подробности и даты въ развитіи отношеній Бакуниныхъ съ Беерами. Старшій изъ Ржевскихъ, Владиміръ Константиновичъ, впослѣдствіи небезызвѣстный публицистъ (много писавшій въ 50 и 60-хъ годахъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Каткова) и общественный дѣятель (бывшій членомъ орловскаго дворянскаго комитета по крестьянскому дѣлу въ 1859 г.), въ то время былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и служилъ при попечителѣ московскаго округа гр. Строгановѣ. Младшій братъ его, Θедоръ, повидимому еще не служившій, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ своей двоюродной сестрой Александрой Андреевной, чѣмъ была очень недовольна m-me Бееръ, придерживавшаяся пословицы „cousinage—dangereux voisinage“ и опасавшаяся, что дружба эта приметъ слишкомъ интимный характеръ.

Послѣ переѣзда своего въ Москву Михаилъ Бакунинъ, уже ранѣе такъ близко подружившійся съ обѣими барышнями Бееръ, сталъ бывать у нихъ почти ежедневно. Посѣщенія его не вызывали никакихъ неудобствъ и не обращали на себя ничьего особеннаго вниманія, такъ какъ у Бееровъ и безъ него постоянно толклась масса молодежи: и Станкевичъ, и Красовъ, и Ефремовъ, и другіе члены кружка Станкевича тоже постоянно проводили вечера, а иногда и цѣлые дни въ этомъ домѣ. Характеръ дружбы Мишеля съ обѣими сестрами Бееръ ярко выражается въ многочисленныхъ письмахъ его того времени, изъ которыхъ мы нѣкоторыя уже цитировали. [1]) Чтобы нагляднѣе показать, какъ складывались эти отношенія, приведемъ содержаніе еще одного изъ раннихъ писемъ Михаила Александровича отъ 22 апрѣля 1835 г., тотчасъ послѣ возвращенія обѣихъ сестеръ изъ Твери, гдѣ онѣ провели три недѣли съ Бакуниными, въ Москву, чтобы оттуда ѣхать черезъ нѣсколько времени въ Шашкино.

„Дорогіе друзья,—писалъ Мишель,—два письма отъ васъ, полученныя здѣсь со времени вашего отъѣзда (а уѣхали онѣ 18 апрѣля. А. К.), даютъ представленіе о состояніи вашихъ душъ. Вы печальны, мои добрые, мои прелестные друзья; вы смотрите на будущее со страхомъ; вы повидимому сомнѣваетесь въ дружбѣ моей и моихъ сестеръ. Справедливо ли это сомнѣнье? Скажите, не подкапываете ли вы сами основы этой дружбы, не выполняя главнаго ея условія—довѣренности?—Вы не вѣрите въ постоянство моего чувства къ вамъ, вы опасаетесь перемѣны въ моемъ образѣ мысли и чувствъ. Да, если бы у меня была страсть

---

[1]) Въ главѣ X (*Русская Мысль* за 1911 г., кн. X.)

къ одной изъ васъ, страсть, коренящаяся въ чувствѣ, а не въ душѣ, страсть кипучая, экзальтированная, которая, застилая мнѣ глаза, скрыла бы отъ меня всѣ ваши недостатки и заставила бы видѣть въ васъ одни совершенства, короче—если бы я влюбился въ одну изъ васъ,—да, я тогда бы могъ измѣниться, ибо всякая сила истощается собственнымъ напряженіемъ и образумленіе есть естественное послѣдствіе иллюзіи. Но если я люблю васъ за васъ самихъ, за ваши прекрасныя души, за прекрасныя чувства, которыми вы полны; если, несмотря на мою горячую дружбу къ вамъ, я вижу всѣ ваши недостатки, всѣ ваши слабости, то гдѣ же основаніе для измѣненія моего отношенія къ вамъ? Простыя, тихія (douces) отношенія, отношенія, питаемыя взаимнымъ довѣріемъ и снисходительностью, отношенія, оживляющія мою душу и дающія ей новую силу: „есть на свѣтѣ люди, которые меня понимаютъ, которые любятъ меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, а не за какой-нибудь призракъ, который имъ во мнѣ видится", ахъ, какъ эта мысль утѣшительна для того, чье сердце такъ мало понято! Да, дорогіе друзья, вы можете разсчитывать на мою дружбу; вы можете открыть мнѣ ваши сердца; любить васъ, утѣшать васъ, лить въ ваши израненныя души цѣлительный бальзамъ, вкушать отъ вашей привязанности кроткія утѣшенія дружбы, этого единственнаго личнаго чувства, мнѣ позволеннаго,—развѣ это не великое счастье? Какъ мужчина, я первый дамъ проявленіе этой дружбы, для меня столь желанной, подавъ вамъ нѣсколько совѣтовъ относительно вашего поведенія внутри вашего семейства. Внутреннее спокойствіе есть главное условіе вашего моральнаго возрожденія. Вамъ необходимо погрузиться въ созерцаніе вашихъ душъ; вы должны стараться узнать ихъ природу, изучать всѣ ея элементы. Дѣятельность и созерцаніе, изученіе никогда не могутъ итти вмѣстѣ; когда дѣятельность сильна и энергична, она все собой поглощаетъ. Дѣятельность вашихъ душъ была болѣе чѣмъ сильна, но, направленная по ложному пути, она завела васъ въ сѣти; она сдѣлала васъ несчастными; она потрясла васъ черезчуръ сильно. Чувство истинно прекраснаго и истинно высокаго въ борьбѣ съ ужасными воспоминаніями о вашихъ страданіяхъ—вотъ ваше нынѣшнее состояніе. Вы сами его не сознаете, но повѣрьте мнѣ, я знаю васъ и не ошибаюсь въ его опредѣленіи. Вы слишкомъ много жили во внѣшнемъ (мірѣ), вы слишкомъ расточали ваши нравственныя способности, эти драгоцѣнные дары, которые должны быть извѣстны лишь тѣмъ, кто того достоинъ. Вы говорите о внутренней жизни, но сладости ея вы никогда не испытали, ибо всѣ ваши мысли, всѣ ваши чувства были привязаны къ внѣшнимъ предметамъ;—и вотъ причина этого унынія, этого отчаянія. Ибо тотъ, кто живетъ внутреннею жизнью, всегда найдетъ друга въ своемъ собственномъ сердцѣ,—друга, который щедро вознаграждаетъ за всѣ страданія, пе-

ренесенныя въ мірѣ. Вернитесь же къ самимъ себѣ, истребите всѣ чуждые элементы, которые, такъ сказать, привились къ вашему существу (homogénisés avec vos êtres). Отдайте себѣ совѣстливый отчетъ въ вашихъ взглядахъ (idées), въ вашихъ истинныхъ чувствахъ; отдайте себѣ отчетъ наконецъ въ томъ, что такое вы сами. И тогда вы увидите, что вамъ дѣлать. Но теперь ничего не предпринимайте. Еще одинъ неблагоразумный шагъ—и вы потеряны для жизни. Я уже говорилъ вамъ однажды, что само отреченіе прекрасно, лишь когда оно полезно; если же оно не достигаетъ этой цѣли, то оно можетъ быть опасно даже и для другихъ. Вы меня нѣсколько разъ спрашивали, что вы такое, и теперь вы меня спросите, что надо дѣлать, чтобы узнать, что вы такое. Отвѣтъ на это не труденъ. Если, напримѣръ, вамъ приходитъ какая-нибудь мысль, если васъ встревожитъ какое-нибудь чувство, доходите до ихъ источника; отдѣлите то, что принадлежитъ собственно вамъ, отъ того, что зависитъ отъ окружающихъ васъ внѣшнихъ вліяній; мало-по-малу вы пріучитесь находить выходъ изъ этого лабиринта, съ перваго взгляда ужаснаго; но будьте добросовѣстны, не обманывайте себя, особенно не дѣлайте себѣ иллюзій, и во всякомъ случаѣ не сомнѣвайтесь, что источникъ всякаго чувства всегда хорошъ и что лишь послѣдствія, когда они направляются внѣшними вліяніями, могутъ быть опасны. Но что нужно сдѣлать, чтобы имѣть душевное спокойствіе, необходимое для этого самоизученія?—спросите вы меня.—Надо возстановить спокойствіе въ вашемъ домѣ; надо устранить смуты; нужны маленькія уступки съ вашей стороны: не слѣдуетъ слишкомъ высокомѣрно относиться къ предразсудкамъ, что позволительно женщинѣ, лишь когда она увѣрена, что можетъ сдѣлать что-либо полезное и утѣшительное для того, кого она любитъ. Надо соблюдать нѣкоторую политику въ отношеніи тѣхъ, кого провидѣніе и природа намъ приказываютъ любить. Если нѣтъ чувства, то надо все же соблюдать внѣшнія формы для тѣхъ, кто не можетъ понять внутренней жизни. Не приносите никогда лишь вашей внутренней жизни въ жертву капризамъ этихъ лицъ; это уступка, которая, убивая васъ совершенно, не поведетъ къ добру... Надо заставить себя уважать и надо незамѣтно руководить лицъ, которыя сами не умѣютъ себя вести“...

Характеръ чувства и отношенія Михаила Бакунина къ сестрамъ Бееръ, такъ ясно очерченный и подчеркнутый въ началѣ этого письма, сохранялся неизмѣннымъ и въ дальнѣйшихъ его отношеніяхъ съ ними. Онъ неоднократно подчеркиваетъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ, что чувство его—нѣжная, глубокая дружба, основанная на взаимномъ пониманіи и довѣренности, но не любовь, не страсть къ одной изъ этихъ своихъ подругъ. Поучительный и авторитетный тонъ, который позволилъ себѣ, особенно во второй части письма, этотъ двадцатилѣтній наставникъ,

нисколько не коробилъ его корреспондентокъ, хотя обѣ онѣ были старше его лѣтами. Наставническія права были ему даны безпрекословно съ первыхъ же дней этой дружбы. Обѣ дѣвушки съ наслажденіемъ выслушивали его слова и поученія, которыя касались не только отвлеченныхъ матерій, но и практическихъ вопросовъ, которые рѣшались Мишелемъ съ перваго взгляда не только авторитетно, но и чрезвычайно удачно. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось барышнямъ Бееръ, когда онѣ попробовали осуществить его практическій совѣтъ упразднить смуты и водворить миръ въ домѣ. Успѣшное выполненіе этого совѣта должно было, разумѣется, еще болѣе укрѣпить авторитетъ молодого Бакунина. Этотъ успѣхъ и такое полное признаніе его авторитета чрезвычайно льстили самолюбію молодого философа и застилали ему глаза на многое,—не хуже личнаго страстнаго чувства. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи правъ былъ его отецъ, когда говорилъ о склонности Мишеля поддаваться дѣйствію лести, если она выражалась въ искреннемъ и простодушномъ признаніи его достоинствъ и въ особенности безусловной истинности проповѣдуемыхъ имъ взглядовъ. Если бы онъ не поддавался этому чувству, онъ долженъ былъ бы быстро понять съ его проницательностью, на какомъ поверхностномъ и непрочномъ фундаментѣ покоятся его отношенія съ его новыми друзьями. Обѣ сестры съ чрезвычайной готовностью подчинялись руководству Мишеля и съ восхищеніемъ слушали его рѣчи, но онѣ вовсе не понимали тѣхъ выводовъ, которые слѣдовали изъ его религіозно-нравственныхъ взглядовъ, и между ними и имъ въ сущности не было ни глубокаго взаимнаго пониманія, ни даже полнаго довѣрія, ибо онѣ съ самаго же начала сомнѣвались въ прочности и искренности его чувства, особенно по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выяснялось, что со стороны Мишеля чувство это ни въ какомъ случаѣ не можетъ перейти въ чувство влюбленія и страсти къ одной изъ нихъ. Сомнѣнія для нихъ начались, какъ только онѣ убѣдились, что Мишель стремится создать такія же отношенія, какъ съ ними, и со своими сестрами, съ которыми онѣ, какъ мы видѣли, состояли съ давнихъ поръ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Ослѣпленный этой повидимому безусловной готовностью обѣихъ сестеръ Бееръ слѣпо слѣдовать за нимъ, какъ за наставникомъ и пророкомъ, готовностью, такъ ярко и страстно выражавшеюся съ самаго же начала особенно со стороны Натальи, образчикъ чего мы уже видѣли въ письмѣ ея къ сестрамъ Бакунина, приведенномъ нами въ главѣ XII, Михаилъ Бакунинъ сравнивалъ эту готовность и безусловную преданность съ той твердостью и упорствомъ, съ которыми его собственныя сестры защищали передъ нимъ свои религіозныя воззрѣнія и этическіе взгляды, и невольно отдавалъ предпочтеніе этимъ новымъ своимъ сестрамъ по духу передъ своими кровными сестрами, не замѣчая, что

самая эта готовность принять безъ сопротивленія его убѣжденія основывалась у барышень Бееръ прежде всего на томъ, что у нихъ не было никакихъ собственныхъ сколько-нибудь глубокихъ и прочувствованныхъ убѣжденій и взглядовъ и что, слѣдовательно, принять убѣжденія и взгляды новоявленнаго пророка онѣ могли безъ всякой внутренней борьбы и нравственной ломки. Къ этому непосредственному чувству присоединялось принципіальное презрительное отношеніе къ отношеніямъ, порожденнымъ физическимъ родствомъ, привычкой и обязанностями, основанными на религіозномъ догматизмѣ. Этотъ взглядъ пошелъ навстрѣчу темному непосредственному чувству, основанному на тщеславіи и польщенномъ самолюбіи, подкрѣпилъ его и далъ ему въ глазахъ молодого проповѣдника прочное теоретическое обоснованіе. Какъ бы то ни было, сестры Бееръ явились первыми послѣдовательницами и прозелитками Михаила Бакунина уже въ то время, когда родныя сестры его проявляли еще много скептицизма по отношенію къ его новымъ религіознымъ воззрѣніямъ.

Впрочемъ, Мишель отнюдь не разсчитывалъ ограничивать кругъ своихъ ближайшихъ послѣдователей этими двумя прозелитками. Уже осенью 1835 г., когда онъ жилъ въ Твери, и не читалъ еще „Anweisung zum seligen Leben“ Фихте, у него составился уже планъ образованія своеобразнаго замкнутаго религіознаго братства, въ составъ котораго онъ предполагалъ ввести вмѣстѣ съ сестрами Бееръ своихъ собственныхъ сестеръ и братьевъ. Планъ этотъ онъ уже тогда сообщилъ въ самыхъ общихъ чертахъ сестрѣ своей Татьянѣ во время кратковременнаго пребыванія одновременно съ ней въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ изъ Твери въ 1835 г. нѣсколько разъ. Въ архивѣ сохранилась записка безъ даты, которую слѣдуетъ отнести, кажется, къ декабрю 1835 г. По содержанію этой записки видно, что она написана въ Москвѣ во время пребыванія тамъ Татьяны, которая останавливалась у своихъ родственниковъ, тогда какъ Мишель останавливался у одного изъ своихъ друзей (можетъ быть, у Станкевича или у Ефремова), и на ней же рукой Татьяны написана приписка, при которой эта записка была тогда же переслана Натальѣ Бееръ, изъ чего можно заключить, что она была писана по возвращеніи Беерову изъ Шашкина въ Москву, т.-е. послѣ конца ноября 1835 г., и до ихъ поѣздки въ Попово весной 1836 г., такъ какъ въ запискѣ Мишеля объ этой поѣздкѣ говорится, какъ о желанномъ предположеніи на будущее лѣто.

Вотъ эта записка:

„Милая дѣвочка! Позволь мнѣ сегодня посидѣть дома. [1]) Право, мнѣ хочется немного поработать, а я здѣсь веду такую бездѣятельную

---

[1]) Очевидно Татьяна звала его куда-то ѣхать съ ней вмѣстѣ.

жизнь. Знаешь ли, мнѣ необходимо нужно быть въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ своимъ внутреннимъ духовнымъ міромъ для того, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ. Я уже порываюсь къ своему тихому Премухинскому уголку, гдѣ, удаленный отъ всякой суеты, отъ всякихъ житейскихъ треволненій, я весь погруженъ въ религіозную мысль. У меня теперь только одно желаніе—это сблизиться, слиться съ вами, друзьями моими, положить крѣпкое, незыблемое основаніе нашему маленькому кружку, связанному святою любовью, святымъ единствомъ чувства и мысли. Наталья и Александрина должны непремѣнно провести весну и лѣто въ Поповѣ. И этотъ маленькій кружокъ, составленный изъ васъ, моихъ милыхъ сестрицъ, изъ нихъ и изъ братьевъ, долженъ быть для насъ всѣхъ общимъ Hinterhalt'омъ, общимъ, вѣрнымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ тяжелыхъ и непріятныхъ внѣшностей. Варенька скоро возвратится къ намъ, я это чувствую и знаю. Какъ только я пріѣду въ Премухино, я направлю всю свою дѣятельность, всѣ свои усилія для того, чтобы ускорить ея пріѣздъ. Братъ Николай будетъ мнѣ живымъ помощникомъ. И мы загородимъ этотъ святой кружокъ отъ всякаго другого человѣка. Намъ не нужно другихъ людей, потому что онъ и безъ того полонъ. Итакъ, дѣвочка, до свиданья. Твой М. Бакунинъ".

На этой же запискѣ рукой Татьяны написано: „Дѣвочки, вотъ записка, которую сейчасъ получила отъ Миши. Видно надо мнѣ своей силой дѣйствовать. Я предчувствовала, что онъ не пріѣдетъ ко мнѣ, и почти не ждала его. Наталья, погода такъ прекрасна сегодня, приди за мной zu Füsse—вѣдь, право, тебѣ весело будетъ, а мнѣ такъ не хочется просить лошадей здѣсь, они же все ѣздятъ сегодня. Или пришли человѣка [1])—я одна прибѣгу скоро, скоро къ вамъ, знаешь, какъ я всегда бѣгаю. Небо такое свѣтлое, солнце такъ чудно блещетъ. Мнѣ весело будетъ летѣть къ вамъ. Одной веселѣе, чѣмъ съ вами. Пожалуйста, сдѣлай такъ. Здѣсь я скажу, что сани пріѣхали.

„Constantin, [2]) не удаляйтесь отъ этого, такого свѣтлаго кружка, объ которомъ говоритъ Миша. Вы не знаете, какъ мы любимъ васъ. Вы не знаете, какъ необходимо видѣть васъ спокойнымъ, счастливымъ. Милый, добрый Constantin, зачѣмъ вы не чувствуете, съ какою любовью я сжимаю вашу руку, какъ хочется глубоко, глубоко проникнуть въ ваше сердце? Вамъ кажется все это одной церемоніей. Стыдно, Constantin, не понимать, не чувствовать того, (что) вытекаетъ прямо изъ души". [3])

---

[1]) Т.-е. лакея: черта тогдашняго быта—пѣшкомъ ходить одной по городу барышнѣ не полагалось.

[2]) Это обращеніе къ Константину Бееру, младшему брату Натальи и Александрины, которому тогда было 15—16 лѣтъ.

[3]) На 4-ой страницѣ этой записочки адресъ рукою Мих. Бакунина: „Mademoiselle, Mademoiselle Tatiana de Bacounine".

Когда въ 1836 г. Михаилъ Бакунинъ переселился въ Москву и здѣсь воспринялъ фихтеанскіе взгляды, придавшіе законченность и стройность тому религіозному воззрѣнію, къ которому онъ давно уже подходилъ собственными силами своего ума, то онъ тотчасъ же передалъ это воззрѣніе, насколько это оказалось возможнымъ, и барышнямъ Бееръ, которымъ самъ прочелъ и старался растолковать „Anweisung zum seligen Leben" Фихте. Конечно, этимъ экзальтированнымъ особамъ, никогда ничего не читавшимъ, кромѣ стиховъ и романовъ, показалось, что онѣ овладѣли Богъ знаетъ какою премудростью, и потому въ нихъ незамѣтно, но вполнѣ естественно сталъ развиваться духъ нѣкотораго высокомѣрія, отражавшійся и въ письмахъ къ ихъ старымъ друзьямъ, сестрамъ Мишеля. Михаилъ Бакунинъ не скрывалъ отъ нихъ тѣхъ недоразумѣній, которыя выходили у него въ это время въ перепискѣ съ сестрами, дѣлился со своими поклонницами тѣмъ негодованіемъ, которое ему внушало упорство сестеръ въ защитѣ привычныхъ вѣрованій и предразсудковъ, и тѣмъ еще болѣе подкрѣплялъ въ дѣвицахъ Бееръ сознаніе ихъ нравственнаго превосходства надъ сестрами Мишеля.

Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что имъ скоро пришлось увидѣться и пожить вмѣстѣ, а при этомъ провѣрить и свои взаимныя отношенія и чувства.

Въ февралѣ 1836 г., когда Бакунинъ посвящалъ Наталью и Александру Бееръ въ истины фихтеанской философіи религіи, въ ихъ домѣ опять стали усиливаться прежнія смуты, благодаря капризному нраву ихъ матери и тѣмъ мѣрамъ, которыя она пустила въ ходъ, чтобы воспрепятствовать усиливающемуся, по ея мнѣнію, сближенію между Александрой Андреевной и ея кузеномъ Ѳедоромъ Ржевскимъ. Организовано было домашнее шпіонство за Александриной при помощи крѣпостныхъ горничныхъ, а чтобы воздѣйствовать на дочерей, становившихся теперь все болѣе и болѣе непокорными, пускались въ ходъ фальшивые обмороки, истерическіе припадки, доходившіе до катанья по полу, и т. п. Мишель теперь уже не рекомендовалъ своимъ прозелиткамъ систему домашняго оппортюнизма и считалъ принципіальнымъ дѣломъ безпощадную борьбу противъ всякихъ привычекъ, догматическихъ правилъ и внѣшнихъ декорумовъ, и поэтому онъ рѣшился принять серьезныя мѣры къ защитѣ своихъ друзей отъ деспотизма и самодурства ихъ матери. Мы видѣли, что онъ и раньше уже проектировалъ убѣдить Бееровъ провести весну и лѣто 1836 г. въ Поповѣ, которое находилось въ 3-хъ верстахъ отъ Премухина. Но отношенія между Александрой Андреевной и матерью сдѣлались совершенно нестерпимыми уже въ началѣ марта, когда мать вознамѣрилась выдать ее замужъ за человѣка, ей совершенно чуждаго, и доведенная до отчаянія дѣвушка стала серьезно готовиться къ вступленію въ монастырь. Въ такихъ обстоятельствахъ

Мишель рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи сестры своей Варвары, которая раньше, до своего замужества, была особенно близка именно съ Александрой Андреевной Бееръ. Онъ въ яркихъ чертахъ обрисовалъ Варварѣ Александровнѣ (въ письмѣ отъ 11 марта 1836 г.) положеніе, въ которомъ находятся сестры Бееръ, и просилъ Вареньку помочь ему уговорить Александринъ отказаться отъ плана итти въ монастырь и дать ей у себя временное убѣжище до переѣзда сестеръ въ деревню. Онъ проектировалъ при этомъ, чтобы за Александрой Андреевной пріѣхалъ братъ ея Алексѣй, съ которымъ онъ еще не былъ въ то время въ ссорѣ и который пользовался наибольшимъ расположеніемъ матери, а слѣдовательно, могъ помочь уговорить ее мирно отпустить дочь къ Варварѣ Александровнѣ Дьяковой. Если же пріѣздъ Алексѣя оказался бы невозможнымъ, то Мишель надѣялся уговорить m-me Бееръ отпустить дочь съ Владиміромъ Ржевскимъ, который также пользовался довѣріемъ старухи. Если же и этотъ проектъ оказался бы неосуществимымъ, то, какъ pis aller, Мишель считалъ возможнымъ организовать побѣгъ. При этомъ важно было убѣдить Варвару Александровну, съ одной стороны, принять участіе въ этой борьбѣ противъ родительской власти, и потому Мишель не пожалѣлъ красокъ, чтобы обрисовать и характеръ m-me Бееръ и описать (въ письмѣ отъ 17 марта 1836 г.) тѣ возмутительныя сцены, которыя она устраивала и одну изъ которыхъ ему самому случайно удалось видѣть. Съ другой стороны, надо было убѣдить Варвару Александровну помочь Мишелю отговорить Александринъ отъ ея намѣренія итти въ монастырь. Поэтому Мишель старался въ яркихъ чертахъ представить Варварѣ Александровнѣ, которая сама питала раньше, какъ мы знаемъ, склонность къ монастырямъ, весь ужасъ и всю безнравственность быта русскихъ монастырей того времени.

Высказывая Варварѣ Александровнѣ свои соображенія о томъ, почему Александра Андреевна не можетъ найти успокоенія въ монастырѣ, Мишель писалъ между прочимъ: „у нея не та религія формальностей и обрядовъ, которая требуется для монастырской жизни, ей нужна религія болѣе возвышенная и никакого отголоска такой религіи она не найдетъ за монастырской оградой, въ которой собирается запереться. Нѣтъ Бога въ рабствѣ, Богъ только въ свободѣ, а монастырь—рабство, хотя и добровольное вначалѣ, но потомъ недобровольное и непреодолимое. Я знаю Александринъ, у нея слишкомъ прекрасная, слишкомъ пламенная душа, чтобы найти успокоеніе въ вертепѣ притворнаго покаянія, сплетенъ и всякихъ мерзостей, которыхъ ты, можетъ быть, не можешь и вообразить...“

„Не думай, Варенька, что меня заставляетъ такъ говорить чувство безвѣрія; ты знаешь, Варенька, что я не невѣрующій; я понимаю, что

уединеніе въ Богѣ есть вѣрное убѣжище для всѣхъ несчастныхъ, и если бы было возможно найти въ Россіи монастырь, гдѣ бы религіозное чувство не подавлялось несчастными формами, гдѣ спокойствіе, котораго ищутъ, не разрушалось бы смутами, откуда добродѣтель и нравственность, которыя должны бы тамъ царить, не были бы вытѣснены самою жалкою испорченностью; если бы существовалъ такой монастырь и если бы онъ былъ свободнымъ убѣжищемъ, а не рабствомъ, тогда бы я понялъ, что женщина, которая потеряла надежду дѣйствовать въ мірѣ и доставлять счастіе другимъ въ качествѣ друга, или супруги или матери, удалится отъ свѣта, чтобы отдаться истинной религіи, истинной молитвѣ, истинному созерцанію...“

„Варенька,—такъ заканчивалъ онъ это письмо,—я тебя знаю, ты умѣешь любить и ты любишь Александринъ, спаси ее; монастырь будетъ для нея адомъ, и если у тебя сохранилось еще твое пристрастіе къ монастырямъ, то вспомни, что твои монастыри—монастыри идеальные, которыхъ у насъ не найдешь, а что Александринъ собирается итти въ монастырь реальный. Ты имѣешь на нее большое вліяніе; возьми ее къ себѣ, покажи ей, что она можетъ быть полезна, что ея дружба тебѣ нужна, что она можетъ помогать тебѣ въ воспитаніи твоего сына, въ перенесеніи твоихъ собственныхъ страданій. Еще разъ—спаси ее!...“

Надежда на Варвару Александровну оправдалась. Она согласилась пригласить къ себѣ Александринъ; мать отпустила ее къ Дьяковымъ. Но въ предположеніяхъ своихъ, что между обѣими подругами возстановятся при этомъ прежнія дружескія отношенія, Михаилъ Александровичъ на первый разъ глубоко ошибся. Отношенія между ними установились, какъ скоро оказалось, на этотъ разъ вовсе не дружескія, и нельзя не видѣть, что въ значительной мѣрѣ виноватъ въ этомъ былъ самъ Мишель. Онъ такъ откровенно выражалъ передъ Беерами свое недовольство сестрами и въ частности такъ осуждалъ супружескія отношенія Вареньки, что это видимо отразилось на отношеніи къ ней ея прежней подруги, которая въ прежнее время привыкла ставить Варвару Александровну очень высоко, видѣть въ ней чуть ли не идеалъ женщины, а теперь, благодаря взглядамъ Мишеля, которыми она просвѣтилась, стала смотрѣть на нее и на другихъ сестеръ Бакунина сверху внизъ, какъ смотрятъ вѣрные на оглашенныхъ.

Отъѣздъ Александринъ къ Варенькѣ произошелъ около 1 апрѣля, и, едва дождавшись Александринъ, Варенька переѣхала съ ней вмѣстѣ изъ имѣнія своего мужа Ивановскаго (Луганово тожъ) въ Премухино, куда скоро пріѣхали и остальныя ея сестры, кромѣ Любови Александровны, оставшейся нѣсколько дольше въ Твери вмѣстѣ съ родителями.

Давно не видавшіяся между собою подруги съ интересомъ ожидали этого свиданія, но какъ только оно состоялось, оказалось, что онѣ до-

вольно плохо понимаютъ другъ друга и что съ обѣихъ сторонъ накопилось много недоумѣній и полусознательнаго недовольства. Сестры Бакунина, привыкнувъ въ прежнее время довольно откровенно высказывать свои мнѣнія подругамъ, стали и на этотъ разъ высказывать свои сужденія и взгляды на поведеніе Натальи, которое имъ казалось и черезчуръ экзальтированнымъ, и несдержаннымъ по отношенію къ Мишелю, и неискреннимъ по отношенію къ нимъ. Александра Андреевна обидѣлась за сестру и, раздувъ эти замѣчанія въ своемъ воображеніи до размѣровъ враждебныхъ и пристрастныхъ нападокъ, написала Натальѣ, чтобы та не писала Бакунинымъ, такъ какъ онѣ относятся къ ней несправедливо и не по-дружески, а Мишелю писала въ такомъ духѣ, что тотъ вообразилъ, что она терпитъ въ его семьѣ стѣсненія и нападки, чуть ли не худшія, чѣмъ въ своей собственной. Это вызвало со стороны Мишеля рядъ писемъ къ Александрѣ Андреевнѣ, въ которыхъ, утѣшая ее, онъ не щадилъ словъ для выраженія своего негодованія по адресу своихъ сестеръ. Въ то же время сама Александра Андреевна вела себя съ сестрами Мишеля такъ высокомѣрно и неискренно, что онѣ невольно почувствовали въ ея обращеніи прямую къ себѣ враждебность. Въ концѣ-концовъ, она имѣла безтактность сказать старой гувернанткѣ Бакуниныхъ m-elle Julie Nindel, съ которой Варвара Александровна была въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, что она „болѣе не понимаетъ Варвару, съ тѣхъ поръ какъ она, выйдя безъ любви замужъ, проявляетъ достаточно холодности, чтобъ покориться своей судьбѣ, и находитъ все свое счастье, всю свою радость въ своемъ ребенкѣ". Такъ, по крайней мѣрѣ, писала Варвара Александровна брату, утверждая, что Александра Андреевна ее „ненавидитъ" (déteste). Михаилъ Бакунинъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи отъ всѣхъ этихъ исторій, которыя грозили разрушить его завѣтные планы, что и ему самому пришлось въ это время переживать тяжелые дни въ Москвѣ, гдѣ Наталья Андреевна, оставшись безъ сестры, опредѣленно дала ему почувствовать, что она не можетъ удовлетвориться тѣми братскими отношеніями чистой платонической дружбы, которую онъ ей давалъ, и что жизнь ея будетъ окончательно разбита, если она не найдетъ въ немъ взаимности своей пылкой и страстной любви къ нему. Тутъ повторились, повидимому, такіе же припадки и сцены, какіе пришлось переживать отъ нея годомъ раньше Станкевичу, и бѣдный Мишель оказался въ довольно тяжеломъ положеніи. Станкевичъ въ это время уѣхалъ въ деревню, а затѣмъ на Кавказъ; съ другими своими друзьями Мишель не былъ достаточно близокъ, чтобы искать въ нихъ поддержки, и ему пришлось пережить одному лицомъ къ лицу съ пылкой и экзальтированной Натальей, съ которой онъ видѣлся ежедневно, нѣсколько трудныхъ недѣль. Нельзя не признать, что онъ вышелъ, въ концѣ-концовъ,

съ честью изъ этого тяжелаго испытанія, успѣвъ, по крайней мѣрѣ, на время смирить и успокоить Наталью, не измѣнивъ въ то же время самому себѣ.

Отношенія его съ сестрами вслѣдствіе всѣхъ этихъ смутъ и недоразумѣній сдѣлались такими натянутыми, что однажды дѣло дошло почти до полнаго разрыва.

Въ письмѣ, о которомъ мы только что упомянули, Варвара Александровна сообщала брату о внезапной болѣзни отца, которая очень напугала домашнихъ, но въ тотъ моментъ уже прошла, и тутъ же съ горечью жаловалась на странное поведеніе Александрины. Въ началѣ письма она съ нѣжностью писала о своей радости по поводу установившихся наконецъ хорошихъ отношеній съ братомъ: „благодарю тебя, Мишель,—писала она,—за то счастье, которое ты намъ доставляешь (очевидно, дружескимъ тономъ послѣднихъ писемъ); извини меня, если я тебя иногда оскорбляла; мысль о томъ, что ты меня не понимаешь, дѣлала меня можетъ быть несправедливой. Если бы ты зналъ, какъ мы тебя любимъ, Мишель, о, никто, никто не можетъ любить тебя такъ, какъ мы“. Но непосредственно вслѣдъ за этимъ она продолжала: „Скажи мнѣ, Мишель, откуда происходитъ ужасное мнѣніе о насъ Бееровъ. Боже мой, какъ далека я была отъ мысли, что Александринъ можетъ быть такъ неоткровенна. Я приняла ее съ такой теплотой, я такъ рада была ее видѣть, а она меня ненавидитъ.

„Ты думаешь, что я, можетъ быть, дала ей замѣтить, что я ревную тебя къ нимъ. Нѣтъ, дорогой другъ, въ началѣ у меня даже не было ревности, я такъ вѣрила ей, такъ любила ее; невзирая на кажущійся разладъ съ тобой, въ глубинѣ души я такъ была убѣждена въ твоей любви къ намъ, что никогда не пришла бы мнѣ въ голову мысль ревновать тебя къ нимъ. Это она вызвала во мнѣ это чувство. Она говорила съ нами съ такимъ высокомѣріемъ, съ такою холодностью принимала наши ласки... Я была съ ней очень откровенна. Мы говорили съ ней о тебѣ. Я говорила съ ней, какъ съ другомъ, какъ съ человѣкомъ, который отвѣчаетъ на нашу любовь равной и глубокой нѣжностью. Она молчала. Она принимала твою сторону противъ насъ, какъ противъ людей, которые не могутъ ни понимать тебя, ни любить. Я тебѣ сообщила ея слова въ моемъ послѣднемъ письмѣ, слова, которыя оскорбили меня до глубины души. Именно это, эта ея холодность, ея убѣжденіе, что мы съ тобой не подходимъ другъ къ другу, вызвало мою ревность... А наше первое свиданіе... что же послѣ этого называется дружбой, не пустое ли это слово, не одна ли „ловкая политика“, какъ выражается Александринъ!

„Мишель, если ты думаешь, что можно сказать все это Натальѣ, не слишкомъ ее разстраивая, покажи ей, пожалуйста, это мое письмо.

Онѣ обвиняютъ насъ въ фальшивости; пусть же онѣ будутъ справедливѣе. Кто изъ насъ былъ фальшивъ?...“ Далѣе сообщается та фраза Александрины насчетъ Вареньки, сказанная m-lle Nindel, которую мы уже привели.

Несмотря на рѣзкія жалобы на Александринъ, письмо заканчивалось увѣреніемъ, что за спокойствіе Александрины Мишель, несмотря на все это, можетъ не опасаться, „ибо,—писала Варенька,—несмотря на все, мы не перестанемъ любить ихъ отъ всего сердца. Мы прощаемъ ей ея несправедливость“.

Это письмо страшно разсердило Мишеля, и онъ отвѣчалъ на него чрезвычайно жесткимъ письмомъ, едва не вызвавшимъ полнаго разрыва между нимъ и сестрами, несмотря на то, что какъ разъ передъ этимъ онъ только что начисто объяснился съ Татьяной и отправилъ ей письмо съ нѣжными изъявленіями любви и дружбы, которое мы приведемъ ниже.

Вотъ что писалъ онъ, получивъ письмо Вареньки:

„Дорогія Танюша и Варенька, какъ здоровье отца? Ему лучше, не правда ли? Напишите мнѣ поскорѣе, поспѣшите сообщить мнѣ о немъ послѣднія новости. Ему было уже лучше, когда вы мнѣ писали. Надѣюсь, что теперь онъ поправился совсѣмъ.

„Посылаю вамъ письмо Натальи. Я показалъ ей твое письмо, Варенька. Она ничего въ немъ не понимаетъ такъ же, какъ и я. Всѣ правы, каждый съ своей точки зрѣнія. Очень досадно, что подобныя вещи могутъ случаться между друзьями, такими истинными, такими преданными, какими вы были прежде. Но это иначе и не можетъ быть и никогда не будетъ иначе, пока вы не поймете другъ друга вполнѣ. Каждая изъ васъ упрекаетъ одна другую въ одномъ и томъ же: въ холодности съ обѣихъ сторонъ, въ недовѣріи, въ сомнѣніяхъ. Не знаю, угодилъ ли я тебѣ моимъ письмомъ, въ которомъ я тебѣ писалъ, что необходима самая горячая дружба, самая безграничная преданность къ Александринѣ, чтобы имѣть возможность сдѣлать ей добро въ данныхъ обстоятельствахъ. Это письмо не было ли причиной слишкомъ большого благоразумія со стороны моихъ сестеръ и даже съ твоей? И это благоразуміе не было ли смѣшано съ маленькимъ чувствомъ досады и оскорбленнаго самолюбія съ вашей стороны? Ну, не сердитесь, дорогіе друзья! Это только возможности, о которыхъ я говорю, а вовсе не предположенія. Признаюсь, дорогіе друзья, я совершенно потерялъ нить всей исторіи. Я очень хорошо вижу причины всего этого; но тѣ, которыя я вижу, такія несчастныя, такія жалкія, что мнѣ больно даже на нихъ глядѣть. Сплетни, дипломатическіе переговоры, и ни одного шага откровеннаго поведенія, ни одного слова, которое бы шло прямо изъ сердца! Я не извиняю также и Александринъ, но нужно же видѣть, въ какомъ состояніи ея душа, все, что она перенесла, нравственное раздраженіе,

въ которомъ она должна находиться, и позволила ли она себѣ при всемъ томъ какую-нибудь насмѣшку, хоть одинъ сарказмъ? А вы—вы высказали передъ ней ваше недоброжелательство къ Натальѣ, къ ея сестрѣ, которую она любитъ больше всего на свѣтѣ. Скажите, какое чувство должна была она испытывать, выслушивая все это, въ чужомъ домѣ, одна, совершенно одна, страдая и морально и физически! Она пришла искать убѣжище въ вашихъ сердцахъ, она вѣдь вѣрила въ васъ, ибо безъ этого она не поѣхала бы къ вамъ... И если даже она оскорбила васъ внѣшней холодностью въ первый моментъ встрѣчи, то вы, которыя ее знаете, вы, которыя знаете ея пламенную душу, ея любящую душу, ея самоотреченіе, какъ могли вы подумать, что это дѣйствительная холодность? Если вы это подумали, значитъ вы ее и до сихъ поръ не знали хорошо. Нѣтъ, дорогіе друзья, признаюсь, я ожидалъ отъ васъ чего-либо лучшаго, а ты говоришь, Танечка, что ты ихъ любишь. Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но признайся, что твоя дружба очень слѣпа и очень странна. Александринъ молчала; я бы на ея мѣстѣ дѣлалъ то же. Ты еще ихъ прощаешь по-христіански. Признаюсь, я тебя не понимаю. Объ обязанности прощать говоришь ты, или о чувствѣ прощенія? Чувство всегда одно и то же, оно не мѣняется, и значитъ тутъ нѣтъ мѣста прощенію. Если же ты ихъ прощаешь по-христіански, это доказываетъ, что ты ихъ не любишь, или я не понимаю, что ты этимъ хотѣла сказать. Обнимаю васъ, добрые друзья мои.

Вашъ братъ М. Бакунинъ".

„Ты пишешь, Варенька,—прибавляетъ онъ въ припискѣ,—что Александринъ тебя ненавидитъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ горько смѣялся я надъ этой фразой! Ты, Варенька, которая обвиняла меня въ претензіяхъ и аффектаціи, когда я говорилъ вамъ, что ваша дружба для меня не существуетъ, что это созданіе вашего воображенія, а вовсе не необходимость, лежащая въ вашихъ сердцахъ — и у меня было основаніе такъ думать—и что же ты говоришь теперь? Александринъ тебя ненавидитъ. А если она тебя ненавидитъ, для чего же она къ тебѣ пріѣхала? Варенька, съ такими предположеніями ты не далеко уйдешь въ твоей дружбѣ, тебѣ легко будетъ ее вовсе разрушить. Повѣрь мнѣ, Варенька, что она тебя любитъ гораздо больше, нежели ты ее; ты не можешь любить ее, какъ она тебя, твое сердце слишкомъ раздѣлено; а ты для нея была до сихъ поръ ея единымъ прибѣжищемъ, ея единственнымъ идеаломъ. Видѣть тебя было для нея счастьемъ, и ты его у нея отнимаешь? А что же ты дашь ей взамѣнъ? Жалкія сплетни иного счастья—не правда ли?"

Сестры были страшно оскорблены этимъ жесткимъ и обиднымъ письмомъ. И Варвара Александровна, и Татьяна, съ которой у Мишеля происходила только что самая нѣжная переписка, обѣ написали ему, что

такъ какъ Бееры очевидно совершенно вытѣснили ихъ изъ его сердца, то онѣ предпочитаютъ прекратить съ нимъ всѣ сношенія и просятъ его не писать имъ больше. Это очень смутило Мишеля, и онъ написалъ имъ большое покаянное письмо, въ которомъ описывалъ свое положеніе и старался оправдать Бееровъ. Послѣднее онъ предпослалъ первому. „Вспомните, — писалъ онъ Татьянѣ и Варенькѣ, — всѣ обстоятельства ихъ жизни, вліявшія на образованіе ихъ характеровъ и ихъ страстныхъ сердецъ, вспомните всѣ эти разочарованія, которыя дали имъ столько страданій; вообразите себѣ эту жажду любви, которая ихъ мучитъ и не находитъ отклика во внѣшнемъ мірѣ, это существованіе ничтожное и богатое въ то же время, ибо оно ни съ кѣмъ не раздѣлено, въ особенности эту потребность любви и невозможность ее найти. Онѣ не обладаютъ красотой, онѣ даже прямо дурны. Мы не будемъ здѣсь обсуждать пустоты мужчинъ, которая заставляетъ отдавать предпочтеніе хорошенькому личику передъ красотой души. Какъ бы то ни было, имъ не удалось найти человѣка, который бы ихъ любилъ, который бы ихъ понималъ, который могъ бы отплатить такой же безграничной любовью, такимъ же полнымъ самоотверженіемъ, на какое онѣ способны, которое онѣ хотѣли бы подарить тому, кого онѣ полюбятъ. Это фактъ. Прибавьте къ этому, что все ихъ существованіе было до сихъ поръ исключительно внѣшнимъ, что всѣ ихъ упованія, всѣ ихъ надежды были основаны на одномъ внѣшнемъ мірѣ, что онѣ еще не жили внутренней жизнью. Ихъ религія была также внѣшней, она состояла въ однѣхъ обрядностяхъ. Въ нихъ нѣтъ еще той истинной религіи, той религіи души, чувствующей своего Бога въ себѣ самой и познающей его лишь въ себѣ, лишь въ стремленіи своемъ ко всему, что истинно прекрасно и велико. У нихъ нѣтъ еще этой религіи, которая ставитъ человѣка выше всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которая заставляетъ искать счастья внутри самого себя, въ своемъ совершенствованіи, въ своемъ родствѣ съ Богомъ, той религіи, наконецъ, которая даетъ спокойствіе, полное силы и энергіи. Ихъ религія, будучи внѣшней, не даетъ имъ ничего, кромѣ жалкой идеи безполезнаго самопожертвованія. Страсть— ихъ сфера, и когда страсть эта встрѣчаетъ откликъ, она превращается въ любовь, и дѣлаетъ человѣка счастливымъ, но когда эта страсть остается нераздѣленной, когда она никому не нужна, тогда она становится источникомъ жесточайшихъ страданій. Вотъ положеніе Бееровъ“...

Затѣмъ онъ рѣзкими штрихами очерчиваетъ семейную обстановку молодыхъ дѣвушекъ, ихъ одиночество; указываетъ, что единственными друзьями онѣ могли считать лишь его сестеръ, но что и онѣ ихъ совершенно не поняли и отнеслись къ нимъ безъ всякаго снисхожденія. Наконецъ, Мишель переходитъ къ описанію своихъ собственныхъ отношеній къ этимъ дѣвушкамъ. „Не буду ничего говорить вамъ,—писалъ

онъ,—обо всѣхъ обстоятельствахъ, случившихся со времени моего сближенія съ ними до отъѣзда Александринъ. [1]) Этотъ отъѣздъ былъ единственною ея надеждою, жить съ тобой, съ твоимъ сыномъ — это было для нея идеаломъ счастья... Послѣ ея отъѣзда я не могъ оставить ихъ домъ ни на минуту; я долженъ былъ ухаживать за Натали, удерживать (отъ выходокъ) ея мать, я собирался отправить ихъ въ Попово. Я занятъ былъ всѣмъ этимъ, когда вдругъ узнаю, что Натали любитъ меня, что она любитъ меня со всею страстью, свойственною ея характеру. Ахъ, дорогіе друзья мои, вы не знаете, что перенесъ я за это время! Видѣть себя дурно понятымъ Танюшей и тобой, Варенька, двумя людьми, которыхъ я всегда любилъ и люблю болѣе всего на свѣтѣ; видѣть себя непризнаннымъ своими родителями; видѣть себя невольной причиной страданій дѣвушки, которую я люблю отъ всего сердца, и не имѣть возможности умѣрить ея мученья; видѣть, что вы сердитесь на Бееровъ!... Натали въ мученьяхъ, сомнѣвающаяся во всемъ на свѣтѣ, Александринъ въ тревогѣ, мать ихъ съ новыми выходками, Ржевскій съ новыми хитростями!... И при всемъ этомъ быть вынужденнымъ молчать, скрывать все это въ самомъ себѣ, не имѣть никого, кому бы я могъ повѣрить ужасныя мученія, которыя я испытывалъ; и еще думать при этомъ объ урокахъ, которые я долженъ давать. Ахъ, дорогіе мои друзья, адъ у меня былъ въ сердцѣ; я чуть было не схватилъ горячку; я не зналъ, что дѣлать!... Мнѣ было немыслимо покинуть ихъ домъ, это было бы подло, недостойно меня. Я не спалъ ночей, я не имѣлъ минуты спокойной днемъ, и я не могъ всего этого повѣрить даже вамъ, потому что не зналъ, какъ вы все это примете...

„Варенька, дай же мнѣ твою руку, обними меня; ты теперь понимаешь меня, ибо невозможно, чтобы ты меня не поняла. Люби меня, Варенька, верни мнѣ твою любовь, Варенька, верни мнѣ все, что я потерялъ. Ахъ, заставьте меня забыть, мои обожаемые друзья, все, что я перенесъ, откройте мнѣ ваши сердца вполнѣ, я въ нихъ нуждаюсь! Я до того дошелъ, что даже рѣшился было жениться на Натальѣ; я писалъ объ этомъ Александринѣ... Посылаю вамъ всѣ ея письма, я не хочу болѣе говорить о различныхъ мелочахъ, которыя еще заставляютъ меня страдать. Потомъ я увидѣлъ, что этотъ бракъ не могъ бы составить счастье Натали, ибо ей нужна любовь, а я не могу ей дать этой любви, потому что я ее къ ней не чувствую.

„Наконецъ я дожилъ до вчерашняго дня. Третьяго дня я получилъ, Танюша, твое письмо [2]) и не показалъ его Натальѣ. Она вообразила, что у меня было особое основаніе ей его не давать и что это осно-

---

[1]) Періодъ этотъ уже знакомъ и нашимъ читателямъ.

[2]) Письмо это приводится въ слѣдующей главѣ.

ваніе заключалось въ совѣтахъ благоразумія со стороны Танечки... И вотъ тотчасъ пошли головныя боли, мученья, сомнѣнья, намѣренье ѣхать въ Шашкино,[1]) обмѣнъ записочками съ той и другой стороны... Наконецъ, она получаетъ вчера письмо Александринъ, гдѣ та проситъ ее больше вамъ не писать, гдѣ она говоритъ о вашей неблагосклонности къ Натальѣ. Она описываетъ тамъ одинъ разговоръ — впрочемъ, вы все это прочтете въ подлинникѣ, который я вамъ пересылаю. Снова отчаяніе со стороны Натальи. Это меня даже разсердило на минуту. Затѣмъ рѣшеніе ея ѣхать въ Шашкино. Это было мученіе! Я снова убѣдилъ ее ѣхать въ Попово; я досталъ имъ 1,000 рублей, которые передамъ имъ сегодня. Черезъ 3—4 дня онѣ выѣдутъ, а Константинъ остается съ нами.

„Сдѣлайте же, дорогіе друзья, все, чтобы сблизиться съ ними; чтобы доказать имъ вашу дружбу, которая вѣдь существуетъ же въ дѣйствительности. Онѣ очень нуждаются въ утѣшеніи, и вы имъ въ немъ не откажите. Не говорите ничего ни Натали, ни Александринъ о моемъ письмѣ, ни о его содержаніи, но сблизьтесь съ ними, будьте съ ними болѣе откровенны, не будьте такъ строги, войдите въ ихъ положеніе и дѣйствуйте сообразно съ этимъ. Прощайте, добрые друзья мои, да благословитъ васъ Богъ. Пишите мнѣ скорѣе.

Вашъ братъ и другъ М. Бакунинъ“.

Варвара и Татьяна Александровны отнеслись ко всему со свойственной имъ любовью и благодушіемъ. Между Мишелемъ и Татьяной возобновилась та нѣжная переписка, о которой я упоминалъ мимоходомъ.

XV.

Отношенія Михаила Бакунина къ сестрѣ его Татьянѣ Александровнѣ.—Письмо его объ этомъ къ Беерамъ.—Переписка его съ Т. А. Бакуниной въ апрѣлѣ 1836 года. — Примиреніе съ сестрами, какъ слѣдствіе этой переписки.—Колебаніе отношеній съ сестрами изъ-за ссоръ ихъ съ Беерами. — Пріѣздъ Михаила Бакунина въ Премухино въ маѣ 1836 г. и полный успѣхъ его плановъ лѣтомъ 1836 г.—Письма къ нему объ этомъ сестеръ его, Татьяны, Любови и Варвары.—Торжество М. А. Бакунина и большое письмо его къ сестрамъ отъ 10 августа 1836 г. — Нѣсколько замѣчаній о взглядахъ Михаила Бакунина въ 1836 г.

Къ сестрѣ своей Татьянѣ Александровнѣ М. А. Бакунинъ относился съ гораздо бо́льшею нѣжностью, нежели къ остальнымъ сестрамъ. Чувство его къ Татьянѣ было гораздо болѣе горячимъ и исключительнымъ чувствомъ, нежели бываетъ обыкновенно чувство самаго любящаго брата къ сестрѣ. По своей исключительности и страстности чувство это со-

---

[1]) Шашкино—имѣніе Бееровъ въ Орловской губерніи. Намѣреніе ѣхать въ Шашкино вмѣсто Попова (близъ Премухина) могло означать со стороны Натальи Андреевны очевидно лишь нежеланіе проводить лѣто вмѣстѣ съ Бакуниными.

провождалось иногда приступами ревности ко всякому постороннему человѣку, способному, по мнѣнію Мишеля, вызвать къ себѣ любовь со стороны Татьяны. Эти припадки ревности самъ онъ, конечно, признавалъ совершенно незаконными и испытывалъ отъ нихъ не мало мученій. Забѣгая нѣсколько впередъ, мы приведемъ здѣсь выписку изъ одного позднѣйшаго письма его къ Беерамъ, въ которомъ онъ, желая доказать имъ полноту и глубину своей дружбы, повѣряетъ имъ тайну своего чувства къ Татьянѣ. [1])

„Не знаю,—писалъ онъ тамъ,—какъ назвать мое чувство къ Танюшѣ, знаю только, что оно породило во мнѣ ревность, и ревность эта изглодала всю мою душу; она привела меня къ почти полному крушенію. О если бы вы знали, если бы вы могли понять всѣ ужасныя униженія, которымъ я подвергался, если бы вы знали, какъ чувствовалъ я свое крушеніе, какъ чувствовалъ я свое безсиліе! Я, который чувствовалъ въ себѣ такое высокое призваніе, такое возвышенное назначеніе, я унизился до чувства столь низменнаго, столь недостойнаго меня (это онъ говоритъ, конечно, о чувствѣ ревности. *А. К.*), и это чувство овладѣло всѣмъ моимъ существомъ, и я сдѣлался жалкимъ рабомъ и не имѣлъ достаточно силы, чтобъ отъ него освободиться; я сдѣлался предметомъ состраданія для моихъ сестеръ и даже для васъ. О, это былъ адъ; адъ со всѣми его ужасами. Я утратилъ эту абсолютную любовь, которая составляла все мое существованіе, я сдѣлался существомъ эгоистическимъ, жалкимъ. О, какъ желалъ я смерти! Но наконецъ я отъ этого освободился, я чувствую себя снова самимъ собой, я снова силенъ. Это испытаніе было необходимо, я долженъ былъ или окончательно подпасть этому чувству, или я долженъ былъ достигать своего назначенія. Я не палъ, я одержалъ побѣду. И вотъ я снова силенъ и святъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, и вотъ я снова подаю вамъ руку и говорю: друзья мои, я снова вашъ, я хочу дать вамъ небо, опирайтесь на меня, изливайте ваши души въ мою; она болѣе чиста, болѣе широка, чѣмъ когда-либо; она освятилась въ страданіяхъ, она болѣе чѣмъ когда-либо достойна вашей дружбы“...

Это письмо писано послѣ пережитыхъ имъ припадковъ ревнованія Татьяны къ Бѣлинскому, въ чемъ онъ признался впослѣдствіи и ему, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ. Эти припадки были не первые; онъ ревновалъ ее раньше къ простымъ свѣтскимъ кавалерамъ въ Твери, къ гр. Соллогубу, [2]) къ кн. Козловскому, [3]) безъ всякаго основанія.

[1]) Письмо это относится къ 1836 году.

[2]) Будущій писатель, а въ то время дерптскій студентъ и свѣтскій франтъ.

[3]) Должно быть, тотъ самый Козловскій, который былъ въ 1837 г. инспекторомъ межевого института въ Москвѣ и у котораго тогда жилъ Бѣлинскій, бывшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ нарисовалъ извѣстный портретъ Бѣлинскаго акварельными красками (см. во II т. сочиненій Бѣлинскаго, изд. Венгерова).

И эта ревность была, несомнѣнно, одной изъ главныхъ причинъ, вызывавшихъ такую страстность нападокъ на тверскія увеселенія и такую неровность въ отношеніи къ сестрамъ, образцы которой мы уже видѣли не разъ. Чувство къ Татьянѣ, котораго развитія онъ, конечно, не могъ въ себѣ допустить, быть можетъ, даже служило для него отчасти безсознательнымъ импульсомъ къ изобрѣтенію и культивированію своеобразныхъ отношеній съ Беерами; эти отношенія, быть можетъ, могли до извѣстной степени заглушать то острое и болѣзненное чувство, которое онъ не могъ допустить въ себѣ свободно развиваться.

По временамъ, однако же, чувство любви и сердечной нѣжности къ Татьянѣ прорывалось наружу и даже встрѣчало почти равносильный, хотя и другого характера, откликъ въ чистой и высокой душѣ Татьяны, и тогда Мишель, видимо, испытывалъ минуты настоящаго счастія. Объ этихъ минутахъ отчасти можно судить по нѣсколькимъ письмамъ, сохранившимся въ архивѣ.

Въ началѣ апрѣля 1836 года, какъ разъ когда только что уѣхала Александринъ къ Варенькѣ и когда Мишель испытывалъ всѣ неудобства и трудности своихъ отношеній къ Натальѣ, онъ получилъ отъ Татьяны въ отвѣтъ на одно изъ ласковыхъ и нѣжныхъ своихъ писемъ къ сестрамъ письмо, въ которомъ было выражено столько искренней любви и нѣжности къ нему, что оно привело его въ совершенный восторгъ. Татьяна, не желая, чтобы это письмо читала Наталья Бееръ, просила Мишеля сжечь его. Мишель его не уничтожилъ, но тѣмъ не менѣе въ архивѣ оно не сохранилось. Вотъ отвѣтъ на него Мишеля:

„Нѣтъ, очаровательный другъ мой, никто не видѣлъ твоего письма; но я и не сжегъ его. О, я сохраню его навсегда, оно никогда не покинетъ меня ни на минуту! Далеко отъ меня отбросила ты всѣ сомнѣнія, моя обожаемая сестра, ничто не можетъ теперь разъединить насъ съ тобою. О, если бы ты знала, если бы ты только могла почувствовать хоть наполовину то счастье, которое мнѣ дало твое письмо! И я его разорву? Я его покажу кому бы то ни было? О, ни одинъ чужой взглядъ его не профанировалъ, оно чисто отъ всѣхъ холодныхъ толкованій, оно дошло до пламеннаго сердца, которое оно переполнило счастіемъ. Ты пишешь Аннетѣ (Ржевской, кузинѣ Бееровъ. *А. К.*) замѣтить, какое оно произведетъ на меня впечатлѣніе. Напрасно она старалась бы это замѣтить, ибо ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не выдалъ я того, что почувствовалъ. Моя душа была такъ исполнена счастіемъ, счастіе мое было такъ чисто, что даже самое живое и горячее участіе къ нему кого бы то ни было его профанировало бы. И я не хотѣлъ и не смѣлъ подѣлиться этимъ счастіемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ; я ревниво хранилъ про себя всѣ малѣйшія мои чувствованія, происходившія отъ него. Тебѣ обязанъ я этимъ сча-

стіемъ, очаровательная, обожаемая моя Танечка. Ахъ, съ нетерпѣніемъ жду я свиданія съ тобою, когда можно будетъ прижать тебя къ моему сердцу крѣпко, крѣпко! Сказать тебѣ все, что нельзя выразить на бумагѣ, выразить тебѣ взглядомъ то, что не можетъ быть выражено словами. Ахъ, какъ чувствую я теперь, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, что ты мой единый, единственный кумиръ на землѣ. А ты хотѣла, чтобы я тебѣ не писалъ! Но ты хотѣла невозможнаго, сумасшедшая ты! И какъ я могъ это сдѣлать? Какъ, узнать, что ты меня любишь, почувствовать всю свою душу возрожденной къ новой жизни—и молчать? Это было свыше моихъ силъ. Нѣтъ, моя прелестная, я нарушилъ это запрещеніе, я не могъ, мнѣ было невозможно ему слѣдовать. Ты меня любишь—я счастливъ вполнѣ. Знаешь ли, что я это чувствую и не вѣрю этому, сердце мое? Не могу тебѣ сказать, чего мнѣ стоило пріучить себя къ мысли о твоемъ равнодушіи, какими жестокими страданіями были продиктованы всѣ мои письма; но хорошо или худо—я къ этому, наконецъ, привыкъ. И страданія эти превратились въ грусть, которая иногда была мнѣ даже полезна: я начиналъ, такимъ образомъ, привыкать къ моему новому положенію; я рѣшился жить, не выпрашивая чувствъ, если требовалось, чтобы я еще ихъ заслужилъ хорошимъ поведеніемъ; я свыкся съ мыслью и рѣшилъ долго не видѣть васъ. И вотъ теперь письмо твое произвело во мнѣ полную революцію. Я вновь вижу себя любимымъ той, кого я люблю больше всего на свѣтѣ, я вижу, что она больше меня не игнорируетъ... что ты меня, наконецъ, понимаешь. Я вижу, что теперь отъ меня самого зависитъ дать тебѣ понять меня совершенно. И я это сдѣлаю, мой очаровательный, мой обожаемый другъ, я перелью всю мою душу въ твою, я изолью всю мою любовь на тебя; ты узнаешь, наконецъ, какъ я всегда тебя любилъ. Не будемъ больше объ этомъ говорить; воспоминанія гонятся за мной, а я не хочу, чтобы они портили мое счастье сегодня. Но о чемъ же стану я говорить, что смогу я сказать теперь тебѣ, если не повторять тебѣ еще и еще разъ, что я тебя люблю, что я тебя обожаю... Нѣтъ, надо намъ увидѣться, ибо только тогда мы поймемъ другъ друга вполнѣ. Что я говорю? Я тебя и теперь вполнѣ понимаю. Танюша, одинъ только вопросъ. Онъ не можетъ показаться нескромнымъ, потому что не изъ любопытства я тебѣ его дѣлаю. Это не теплая дружба, это самая преданная душа тебя спрашиваетъ. Любишь ли ты кого-нибудь? Будетъ ли то Соллогубъ, или князь Козловскій, не сердись, скажи мнѣ откровенно; не бойся признаться въ этомъ человѣку равнодушному. О, какъ мало я равнодушенъ ко всякому пустячку, тебя касающемуся! Открой мнѣ твое сердце; я тебя пойму, я такъ полно ему сочувствую. Отвѣчай мнѣ скорѣе, скажи мнѣ правду, заклинаю тебя, умоляю тебя. Ты сдѣлаешь это, добрая моя Танечка, ты увѣрена во

мнѣ, въ моей преданности, не правда ли? Ты понимаешь, какъ способенъ я забывать самого себя, когда дѣло идетъ о твоемъ счастіи. О, перелей твое сердце въ мое, а то я опять сталъ печаленъ.

„Прощай, милый другъ мой. Пиши скорѣе. Твой преданный другъ М. Бакунинъ“.

О Беерахъ тутъ говорилось только въ припискѣ:

„Не сердись на Александринъ и на Натали, ты къ нимъ несправедлива; онѣ тебя любятъ, а ты ихъ не знаешь. Напиши Натальѣ, напиши откровенно, безъ ироніи. Ей нужны утѣшеніе и дружба.

„Не показывай никому моего письма, заклинаю тебя! Оно написано единственно для тебя.

„Иду давать мой четвертый урокъ. [1]) Пиши мнѣ скорѣе“.

Татьяна отвѣчала ему на это слѣдующимъ письмомъ:

„Дорогой другъ, я хорошо знала, что ты не могъ не любить насъ, не любить меня. Нѣтъ, нѣтъ, ни твои письма, ни твое кажущееся равнодушіе не могли оторвать отъ меня этого убѣжденія, столь дорогого моему сердцу,—убѣжденія, что мы для тебя именно такіе друзья, какіе тебѣ нужны, которые тебя понимаютъ и которыхъ ты любишь. Мишель, какую сладкую радость влило твое письмо въ мою душу и въ души сестеръ, потому что я не могла скрыть отъ нихъ моего счастія и не показать имъ твоего письма, отъ котораго мы всѣ ожили; ты, вѣдь, на меня не разсердишься за это, не правда ли, милый другъ? Вотъ ты опять нашъ, ты опять принадлежишь твоимъ сестрамъ, которыя тебя обожаютъ, которыя тебя понимаютъ; ты не отталкиваешь больше нашу любовь, ты возвращаешь намъ твое довѣріе. О, спасибо, тысячу разъ спасибо! Если бы у меня были крылья, я бы полетѣла въ твои объятія, чтобы прижать тебя къ моему сердцу. Мишель, ты вернулъ намъ радость и счастіе, ты больше не игнорируешь твоихъ истинныхъ, твоихъ единственныхъ друзей. Я тебѣ говорю отъ имени всѣхъ. О, Мишель, никогда больше не сомнѣвайся въ насъ! Если бы ты зналъ, сколько горькихъ слезъ заставилъ ты насъ пролить. Какъ могъ ты думать, что мы тебя не любимъ, что мы подозрѣваемъ тебя въ недобросовѣстности и еще Богъ знаетъ въ чемъ? Итакъ, ты опять нашъ, но навсегда ли это, не вырвешься ли ты опять изъ нашихъ объятій? Новыя сомнѣнія и сопровождающее ихъ равнодушіе не явится ли опять разбить наши бѣдныя сердца, мало пріученныя переносить бури и выдерживать горе? Мишель, поклянемся другъ другу въ дружбѣ и довѣріи ненарушимыхъ! Забудемъ огорченія, которыя мы взаимно причиняли другъ другу, и отнынѣ будемъ безупречны по отношенію другъ къ другу!

---

[1]) Изъ этого видно, что письмо писано въ началѣ апрѣля 1836 г., такъ какъ онъ началъ давать уроки 7 апрѣля.

„Что за безуміе, дорогой другъ, предлагать мнѣ такіе вопросы? Кто могъ тебѣ внушить предположеніе, что я могу любить одного изъ этихъ господъ? Неужели (ты это подумалъ) потому, что я отдавала имъ справедливость, потому что мнѣ не нравилось твое презрительное отношеніе къ графу, вовсе имъ не заслуженное, потому что я признавала за нимъ его хорошія качества?

„Мишель, но могла ли я относиться безразлично къ твоей несправедливости? Видишь ли, какъ я храбра, я не боюсь вызвать твое неудовольствіе и не перестану утверждать, что ты не имѣешь основанія презирать и ненавидѣть графа, какъ ты это дѣлалъ. Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Если онъ вмѣшался въ твои дѣла, то это потому, что онъ думалъ, что твоя дружба даетъ ему это право. Ну, довольно объ этомъ! Я не хочу испытывать твоего терпѣнія. Нѣтъ, Мишель, ни графъ, ни князь не возбудили во мнѣ любви. Ты хорошо знаешь, что человѣкъ, котораго я могла бы полюбить, который долженъ наполнить все мое сердце, все мое существо, существуетъ лишь въ моемъ воображеніи. Можетъ быть, я встрѣчу его лишь на небѣ. И если бы я его встрѣтила, неужели ты и мои сестры не знали бы этого? Могла ли бы я это скрыть отъ своихъ дорогихъ друзей?

„Мишель, я люблю Натали и Александринъ и я не несправедлива къ нимъ; я ревновала къ нимъ тебя за твою дружбу къ нимъ; мнѣ казалось также, что онѣ обращаются съ нами нѣсколько презрительно, считая насъ ниже ихъ и тебя. Мое сердце было оскорблено и надорвано, но я ни на минуту не переставала ихъ любить. Мишель, я дрожу за Натали; о, не оставляй ее никогда, пусть никогда не увидитъ она перемѣны въ твоемъ отношеніи къ ней, охлажденія въ твоей любви къ ней. Александринъ никогда не показываетъ намъ ея писемъ; но я сужу по полученному мною сегодня отъ Анны, которая сообщаетъ, что Натали находится въ тоскѣ и тревогѣ. Мишель, ей нужна поддержка твоей дружбы.

„Я тебѣ писала уже, что мы уѣзжаемъ изъ Твери черезъ нѣсколько дней. Ты пріѣдешь въ Премухино, и друзья наши будутъ тамъ также; итакъ, ничего не будетъ недоставать для нашего счастія. Отецъ давно отвѣтилъ на твое письмо, но маменька еще его не отправила. Дорогой другъ, если тебѣ отвѣтъ его покажется холоднымъ, не огорчайся. Отецъ любитъ тебя, каждый день я въ этомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе; но такова ужъ его манера писать. Ты хорошо знаешь, что любовь его не показная. [1]) Прощай, дорогой, нѣжно любимый братъ, об-

---

[1]) Вотъ это письмо Александра Михайловича къ сыну отъ 14 апрѣля 1836 года: „Письмо твое (его нѣтъ въ архивѣ), другъ мой Михаилъ Александровичъ, на счетъ твой меня нѣсколько успокоило. Мысль, что ты живешь на чужой счетъ и, занимая деньги, вступаешь въ подданство и кабалишь самъ себя, чрезвычайно меня тяготила.

нимаю тебя милліонъ разъ. Пиши мнѣ скорѣе ради Бога, я буду безпокоиться и все время бояться, не разсердитъ ли тебя что-нибудь въ моемъ письмѣ. Прощай, да хранитъ тебя Богъ.

Сестра твоя Татьяна".

Мы видимъ, что Татьяна не исполнила просьбы Мишеля. Можно думать, что ее смутилъ слишкомъ страстный характеръ его письма, и

Пишешь ты, что далъ первый урокъ математики и физики, что много охотниковъ на твои лекціи, но ты не болѣе двѣнадцати уроковъ въ недѣлю предполагаешь и будешь имѣть еженедѣльно 120 руб. доходу. Дай Богъ, чтобы достало на это умѣнія твоего и терпѣнія. И то, и другое учителю необходимо нужно. Если бы предположеніе твое и состоялось, то, за вычетомъ расходовъ на квартиру, столъ, экипажъ и туалетъ, не много тебѣ останется. Переводъ всеобщей исторіи Шмита по выбору гр. Строганова—предпріятіе полезное, и дай Богъ, чтобъ увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Я бы совѣтовалъ тебѣ сблизиться или, точнѣе сказать, приблизиться къ графу Строганову. Онъ человѣкъ истинно благородный, благонамѣренный, и покровительство его принесло бы тебѣ не малую пользу. Но совѣты мои могутъ тебѣ показаться раболѣпными: свой умъ—царь въ головѣ.

„Ты пишешь, что жизнь твоя съ матеріальной стороны совершенно обезпечена. Не хочу лишать тебя нужной бодрости духа для прохожденія избраннаго тобою пути. Вѣрю нѣсколько итальянской пословицѣ, что хорошее начало—половина дѣла; но посылка твоя отъ одного урока къ 12-ти и отъ одной недѣли ко всѣмъ послѣдующимъ кажется мнѣ не совсѣмъ основательною.

„Я никогда не сомнѣвался въ добротѣ твоего сердца, но умственная горячка всегда брала надъ тобою верхъ. Увидимъ, возьметъ ли, наконецъ, доброе начало верхъ надъ Ариманомъ.

„Пишешь ты, что, можетъ быть, обстоятельства позволятъ тебѣ быть у насъ лѣтомъ; но какъ же согласить это съ недѣльными уроками, которыхъ временное пресѣченіе, вѣроятно, будетъ и концомъ.

„Оправданіе твое, что не былъ у родныхъ по случаю какихъ-то глупыхъ намековъ или какой-то аристократической гордости,—недостаточно. Глупые намеки не могутъ или, по крайней мѣрѣ, не должны оскорблять. Аристократическая гордость у мѣста—достойна уваженія. Дающій уроки—разумѣется, дѣльные—нехотя самъ вступаетъ въ число аристократовъ. Званіе учителя—почетное; но требуетъ обширныхъ познаній и неизмѣннаго постоянства.

„Отъ души желаю тебѣ успѣха. Мы еще въ Твери, и мнѣ бы хотѣлось знать, когда будетъ къ намъ графъ Строгановъ. Мысленно тебя обнимаю.

Отецъ твой А. Бакунинъ".

Все письмо писано подъ диктовку отца Татьяной, и только послѣднія слова „отецъ твой А. Бакунинъ" подписаны имъ самимъ.

На немъ же приписка матери: „Я не въ состояніи была долго тебѣ писать. Слишкомъ много было на сердцѣ. Упрековъ тебѣ не стану дѣлать; но ежели тебѣ не совсѣмъ еще чужды чувства и обязанности сына къ родителямъ и любовь родителей, которые все счастіе свое въ любви дѣтей своихъ находили, то ты самъ себѣ сознаешься, какъ ты передъ нами виноватъ. И что поступки твои и оскорбительныя письма твои не могли насъ ни въ любви твоей къ намъ, ни въ почтеніи твоемъ насъ увѣрить. Но Богъ съ тобою. Я тебѣ все прощаю. *Не любить тебя я не могу.* Чувство это сопряжено съ жизнью моею, и каковъ бы ты противъ меня ни былъ, тебѣ всегда путь къ сердцу моему открытый. Благословляю тебя и обнимаю. Варвара Бакунина".

она показала его сестрамъ вопреки запрещенію Мишеля, чтобы не выдѣлять себя изъ среды ихъ, чтобы раздѣлить съ ними ту страстность и нѣжность, которая въ его письмѣ относилась собственно къ ней одной. Она, повидимому, намѣренно подчеркиваетъ въ своемъ отвѣтѣ, что говоритъ отъ имени всѣхъ. Это, однако, не разсердило Мишеля, и онъ остался доволенъ этимъ письмомъ, въ которомъ было столько искренняго и глубокаго чувства и гдѣ съ такой силой и искренностью выражалась нѣжная преданность и любовь къ брату его милыхъ сестеръ. Къ тому же его, несомнѣнно, успокоилъ положительный отвѣтъ Татьяны относительно ея чувствъ къ Соллогубу, Козловскому и всѣмъ прочимъ кавалерамъ, съ которыми она встрѣчалась въ свѣтѣ. Въ словахъ Татьяны, относящихся къ Беерамъ, несмотря на все миролюбіе и дружелюбность этихъ словъ, чувствуется много подавленной горечи, и можно даже предположить, что для того, чтобы сохранить и выразить то чувство дружбы къ нимъ, которое было теперь, несомнѣнно, сильно подорвано, Татьянѣ пришлось сдѣлать надъ собой нѣкоторое насиліе. Но Мишель былъ удовлетворенъ и этой частью письма.

Вотъ что онъ отвѣчалъ ей въ письмѣ отъ 20 апрѣля 1836 г.:

„Дорогая Танюша, третьяго дня я получилъ твое письмо, и оно меня переполнило радостью. Да, я счастливъ и доволенъ теперь; все у меня есть. Есть у меня друзья, которые понимаютъ меня и не сомнѣваются во мнѣ, я на своемъ пути и ни въ чемъ нѣтъ у меня недостатка. Я работаю за десятерыхъ и нахожу жизнь въ этой работѣ. Я не созданъ для жизни внѣшней, для внѣшняго счастья, и я его не желаю. Я доволенъ своей судьбой. Вся жизнь моя сосредоточена внутри меня. Я не выхожу наружу, я весь сосредоточенъ въ себѣ, и лишь это мое „я“ связываетъ меня съ Богомъ, и лишь Богъ связываетъ меня съ остальными людьми; вся моя религія, всѣ мои обязанности внутри меня; у меня нѣтъ религіи, нѣтъ обязанностей внѣшнихъ; я признаю ихъ за ничто.

„Станкевичъ уѣхалъ на Кавказъ, на воды; онъ тамъ останется три-четыре мѣсяца. Это для меня большая потеря. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ много добра; онъ много помогъ мнѣ на моемъ уединенномъ пути. Но мы разстались съ нимъ ненадолго; мы зиму проведемъ вмѣстѣ, и я надѣюсь, что буду имѣть возможность отправиться съ нимъ въ Берлинъ на два года. Онъ ѣдетъ туда будущей весной. Моя поѣздка будетъ зависѣть только отъ моихъ денежныхъ обстоятельствъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что она осуществится. Ибо столько имѣется средствъ для крѣпкой воли, а теперь я имѣю почти неограниченную вѣру въ мою силу воли. Ибо до сихъ поръ я сражался лишь съ внѣшними затрудненіями, а теперь я сталъ побивать враговъ внутреннихъ, что гораздо труднѣе. Я нахожусь въ состояніи духа мрачномъ и вмѣстѣ спо-

койномъ. Я отказался отъ многихъ вещей, я убилъ много иллюзій, я очень сузилъ горизонтъ моихъ былыхъ упованій. Я ушелъ въ реальное, которое одно истинно, одно справедливо; я сочувствую только реальному, и это реальное во мнѣ и въ моихъ отношеніяхъ, которыя тоже очень ограничены и которыя вовсе не зависятъ отъ обстоятельствъ, а отъ меня самого. Ты назовешь меня эгоистомъ; да, милый другъ, я эгоистъ, ибо я убѣжденъ, что такой эгоизмъ есть единственное благо, единственная возможная религія. Не надо его смѣшивать съ обыденнымъ эгоизмомъ, съ матеріальнымъ эгоизмомъ, который раздѣляетъ людей. Въ наше время у насъ эгоизмъ, о которомъ я говорю, есть единственное возможное условіе истинной любви къ человѣчеству, истинной религіи. Итакъ, я эгоистъ, ибо я, милый другъ, не признаю ничего, кромѣ того, что понимаетъ и чувствуетъ мое „я“, что принадлежитъ моему „я“. Мое „я“ есть „я“ всѣхъ людей, поскольку они не животныя, поскольку они не убиваютъ въ себѣ этого „я“ другимъ „я“—матеріальнымъ.

„Я нашелъ 600 рублей для m-me Бееръ и передалъ ихъ ей; сегодня надѣюсь достать остальные 400. Думаю, что она уѣдетъ въ пятницу. [1]) Если бы вы могли дождаться ея въ Твери, вы сдѣлали бы очень хорошо. Александринъ могла бы съ ними переѣхать въ Попово. Я думаю, что она гораздо лучше чувствовала бы себя возлѣ своей сестры, нежели въ Козицинѣ и въ Никольскомъ, гдѣ въ ея теперешнемъ положеніи она можетъ только страдать и скучать. Впрочемъ, поступите, какъ вы сами находите лучше. Не бойся, дорогая моя Танечка, что я когда-нибудь покину Натали. Я ее слишкомъ люблю, чтобы это было возможно. Разлука же не имѣетъ вліянія на людей, которые любятъ истинно,—можно понимать другъ друга издали не хуже, чѣмъ вблизи, если только люди понимаютъ другъ друга вѣрно. Она ѣдетъ въ Попово; я надѣюсь, дорогой другъ, что твоя дружба утѣшитъ ее въ ея страданіяхъ. Прощай, мой прелестный другъ. Твой братъ и другъ М. Бакунинъ“.

Тотчасъ же послѣ написанія этого письма между Мишелемъ и Варенькой пробѣжала та черная кошка изъ-за Бееровъ, которая чуть не повела къ полному разладу между нимъ и сестрами, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Уже послѣ своего покаяннаго письма къ Варенькѣ и послѣ отъѣзда Бееровъ въ Попово Мишель писалъ Татьянѣ 28 апрѣля:

„Прости, добрый другъ мой, я тебя огорчилъ, я снова оскорбилъ твое сердце. Прости это, прелестная моя Танечка, мнѣ, одинокому, оставшемуся здѣсь въ полномъ одиночествѣ. Я здѣсь одинъ теперь;

---

[1]) Т.-е. 24 апрѣля 1836 г., такъ какъ это письмо писано въ понедѣльникъ 20 апрѣля.

мнѣ необходимо любить и быть любимымъ, понимать и быть понятымъ. Я такъ нуждаюсь въ сочувствіи сильномъ, неограниченномъ, независимомъ отъ всякаго внѣшняго обстоятельства и основанномъ единственно на душѣ, что малѣйшая тѣнь равнодушія, несправедливости въ людяхъ, которыхъ я люблю, причиняетъ мнѣ огорченіе, угнетаетъ меня. Я сдѣлался совершенно дикимъ, я навсегда уничтожилъ всѣ мои отношенія, которыя основывались на различныхъ условностяхъ (convenances); [1]) но я ищу въ васъ этой гармоніи, этой полноты любви и мыслей, которыя я хорошо понимаю, которыя нахожу въ себѣ. Я хотѣлъ бы передать вамъ тотъ рай, который даетъ мнѣ минуты такого высокаго счастья, дающаго мнѣ силу на все,—счастья совершенно нравственнаго, совершенно божественнаго, которое наполняетъ иногда все мое существо, которое даетъ мнѣ непоколебимую вѣру, такую могущественную вѣру въ Бога, въ могущество и силу человѣка,—счастья, которое заставляетъ меня относиться съ такимъ презрѣніемъ ко всему матеріальному, ко всѣмъ нелѣпымъ свѣтскимъ условностямъ, ко всѣмъ этимъ правиламъ здраваго смысла, которыя годятся лишь для самыхъ низкихъ степеней жизни и которыя враждебны разуму и любви. Мой добрый, мой прелестный другъ, я найду все это въ тебѣ, твоя дружба дастъ мнѣ, наконецъ, счастье. Не будемъ же убивать это прекрасное будущее недоразумѣніями. Если даже намъ случится посердиться другъ на друга, не будемъ скрывать нашего настроенія, не будемъ прикрывать его вынужденными фразами. Привыкни немного къ моему характеру, прости мнѣ мои вспышки, иногда и несправедливыя. Я не налагаю на тебя это, какъ обязательство, я не имѣю на это никакого права, но я прошу тебя объ этомъ, мой добрый другъ. Я такъ держусь за твою дружбу, я такъ боюсь ее потерять, а между тѣмъ мнѣ такъ невозможно иной разъ не сказать того, что я чувствую въ данный моментъ, что ты примешь мою просьбу, я въ этомъ увѣренъ, ты ее поймешь, твое сердце приметъ ее такой, какой мое ее выразило. И я такъ люблю тебя, мой прелестный другъ, я такъ нетерпѣливо жду свиданья, когда я прижму тебя къ своему сердцу. Ахъ, сколько я имѣю тебѣ высказать, какъ буду я счастливъ излить всю мою душу въ твою, передать тебѣ мое счастье, раздѣлить съ тобой мои страданья. И ты меня поймешь. Не правда ли, моя прелесть, что ты меня поймешь? О, разумѣется, я пріѣду лѣтомъ. Я приготовлю къ тому времени Понамарева къ экзамену,

---

[1]) Это не мѣшало ему бывать въ это время въ нѣкоторыхъ московскихъ домахъ, гдѣ онъ встрѣчалъ всѣхъ представителей московскаго образованнаго общества того времени. Изъ одного письма его къ Н. А. Беерь, писаннаго въ самомъ началѣ мая 1836 г., видно, что онъ хорошо принятъ въ семьѣ Аксаковыхъ, у которыхъ обѣдалъ каждое воскресенье, и въ домѣ Ек. Г. Левашовой, извѣстной своею дружбой съ Чаадаевымъ, гдѣ онъ обѣдалъ каждую субботу.

который начнется у него въ началѣ іюля. Черезъ два мѣсяца мы увидимся въ Премухинѣ, и я проведу тамъ цѣлый мѣсяцъ и, можетъ быть, даже больше съ вами. Да, ты права, мой прелестный другъ, мое положеніе мнѣ нравится. Я самъ его избралъ; у меня нѣтъ минуты, прожитой безъ сознанія, моя печаль даже—крѣпка, достойна человѣка. Я болѣе не боюсь внѣшняго, ибо у меня есть убѣжище, столь вѣрное, столь утѣшительное во мнѣ самомъ. Знаете, добрые друзья мои, я не прошу другого счастья сверхъ того, какимъ я пользуюсь. Одной вещи недоставало—это вашей дружбы; но она у меня будетъ во что бы то ни стало; зачатки ея я уже предвкушаю. А любовь?—скажете вы. Я не хочу этой любви, ибо у меня есть любовь къ Богу, любовь къ человѣчеству. И къ тому же я еще не встрѣчалъ любви; я видѣлъ только влюбленныхъ, а влюбленный—жалкое существо! Нѣтъ, добрые друзья мои, человѣкъ, способный къ любви, не унизится никогда до состоянія влюбленности, а влюбляющійся никогда не поднимется до любви.

„Знаешь ли, добрый другъ мой, начало твоего письма, гдѣ ты говоришь о болѣзни отца, меня испугало, я хотѣлъ было тотчасъ отправиться въ Тверь, но конецъ письма меня успокоилъ, и я остался.

„Прощай, добрый другъ мой. Бееры уѣхали вчера утромъ, онѣ пріѣдутъ къ вамъ черезъ нѣсколько дней. Адресуйте ваши письма къ Ефремову. Прощай. Обнимаю тебя. Твой другъ М. Бакунинъ.

„Поцѣлуй за меня Вареньку.

„Кварт. Станк. 1836 г. 28 апрѣля. Москва“.

Но какъ только Бееры явились въ Попово, а Бакунины въ Премухино, т.-е. въ началѣ мая 1836 г., недоразумѣнія между ними возобновились опять. И хотя Мишель писалъ сестрамъ, что онъ не желаетъ возобновленія войны съ ними, однако же въ письмахъ къ Беерамъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о поведеніи своихъ сестеръ по отношенію къ Натали и Александринъ, которыя продолжали на нихъ жаловаться, и даже о Татьянѣ писалъ, что совершенно не понимаетъ ея поведенія. Въ остальномъ письма его къ Беерамъ (отъ начала мая, безъ даты, отъ 7 мая и затѣмъ отъ 9 мая) содержатъ въ себѣ тѣ же увѣренія въ любви и дружбѣ, тѣ же увѣщанія, тѣ же изложенія его теоріи блаженной внутренней жизни, что и раньше. Поэтому мы не будемъ ихъ приводить здѣсь. На Беёровъ они не производили однако прежняго впечатлѣнія, и Мишель, видя, что отношенія между членами будущаго идеальнаго братства, которое онъ замыслилъ, продолжаютъ портиться и грозятъ окончательно оборваться, не усидѣлъ въ Москвѣ, не дождался экзаменовъ своего ученика Понамарева и вмѣсто начала іюля прикатилъ въ Премухино во второй половинѣ мая. По крайней мѣрѣ уже 24 мая онъ писалъ Беерамъ оттуда и уже, какъ видно, не первое по пріѣздѣ письмо.

Здѣсь отношенія съ сестрами у него установились наилучшія и, повидимому, онѣ начали проникаться тѣми фихтеанскими взглядами, которые онъ съ такимъ упорствомъ стремился въ нихъ вложить. Удалось, повидимому, на нѣкоторое время возстановить свой престижъ и авторитетъ и у Бееровъ. Удалось, наконецъ, упрочить свое вліяніе на младшихъ братьевъ, начало чему было положено еще въ концѣ 1835 года и о чемъ намъ ниже придется говорить подробнѣе.

Отношеніе къ нему сестеръ видно по ихъ восторженнымъ письмамъ. Вотъ письмо къ нему Татьяны отъ 9 августа 1836 г., когда Мишель на время уѣхалъ изъ Премухина въ Тверь:

„Не могу противиться, дорогой другъ, непомѣрному желанію говорить съ тобой, вылить всю свою душу въ твою. Я чувствую себя такой счастливой въ эту минуту. Божественная гармонія распространилась во всемъ моемъ существѣ. Сама не знаю, откуда это, ибо я очень далека отъ того, чтобы заслужить это. Всѣ эти дни я была такъ недовольна собой, даже не зная хорошо, почему. Я занималась столько, сколько могла, но безъ всякой горячности, съ какой-то вялостью, и потому не вынесла никакого плода, никакого наслажденія отъ этихъ занятій, такихъ безплодныхъ и лишенныхъ смысла, когда они не оживлены чувствомъ и когда ихъ не сопровождаетъ и не одушевляетъ никакая идея. Въ то же время я чувствовала себя нездоровой, и не знаю, происходило ли это дурное настроеніе отъ моего нездоровья или наоборотъ. Слава Богу, все это уступило мѣсто ощущенію безконечнаго счастья, которое возвращаетъ мнѣ всю мою энергію. Мое сердце такъ полно пламенной любви къ этому Богу, котораго ты учишь насъ постигать, къ тебѣ, ко всѣмъ моимъ друзьямъ, наконецъ, ко всѣмъ созданіямъ, которыя стремятся къ общей съ нами цѣли—къ этой возвышенной цѣли, къ этой божественной любви, которую безъ тебя я не скоро могла бы понять, какъ ни сознаю ее въ настоящее время. Видишь ли ты, дорогой другъ, чѣмъ мы тебѣ обязаны и сколько у тебя правъ на нашу дружбу. О, Мишель, никогда въ ней не сомнѣвайся, будь увѣренъ, что безъ нея мы не въ состояніи были бы жить, что для насъ она такъ же необходима, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, какъ эта дорогая и святая религія, которая всю меня поглощаетъ и которую ничто не можетъ у меня похитить. Итакъ, дорогой другъ, моя дружба къ тебѣ несокрушима, она не пройдетъ, пока я не утрачу послѣдней искры чувства къ прекрасному, къ безконечному... И это чувство слишкомъ глубоко запечатлѣно въ моемъ сердцѣ, чтобы оно могло когда-нибудь быть стерто. Мой дорогой другъ, ничто никогда не можетъ насъ раздѣлить. Скажи откровенно, не такъ ли и для тебя необходима наша любовь, не составляетъ ли она по крайней мѣрѣ небольшой части твоего счастья, твоей жизни? Нужно было намъ только вполнѣ понять

другъ друга, чтобы составить одну цѣльную жизнь. Мы поняли другъ друга, дорогой другъ, мы взаимно проникли въ наши чувства, мы прочли все до самаго дна въ нашихъ сердцахъ, и сердца наши, дорогой другъ, отдались тебѣ съ безконечной вѣрой. Ты долженъ рѣшить, можемъ ли мы составить въ свою очередь твое счастье, достойны ли мы равной довѣренности съ твоей стороны.

У насъ все идетъ хорошо, дорогой другъ, Натали и Александринъ дѣйствительно очень благоразумны, ихъ мать вполнѣ довольна. Я имѣла сегодня вечеромъ очень откровенный разговоръ съ Натальей. Да, Мишель, она будетъ такой, какой ты желаешь, чтобы она стала. Она такъ хорошо сознаетъ эту внутреннюю жизнь, которую ты столько ей проповѣдуешь, она хочетъ стремиться къ этой небесной гармоніи, которую находишь, лишь развивая свои умственныя способности. То, что теперь она будетъ дѣлать, изъ любви къ тебѣ, то она научится, я надѣюсь, дѣлать впослѣдствіи изъ любви къ Богу. Это будетъ прекрасное дѣло, дорогой другъ, которымъ ты въ правѣ будешь гордиться. Эти дни, совершенно сблизившіе насъ всѣхъ между собой, показали мнѣ, что твои заботы увѣнчались успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы твоя дружба къ нимъ становилась съ каждымъ днемъ крѣпче и горячѣе, чтобы ты могъ принести имъ все то добро, которое ты въ состояніи имъ сдѣлать. Да, Мишель, все отъ тебя зависитъ, твоя дружба можетъ очень высоко ихъ поднять. Всѣ элементы прекраснаго скрыты на днѣ ихъ золотыхъ сердецъ. Горькая жизнь задавила ихъ. Ты можешь, ты долженъ воскресить ихъ прекрасныя души. Дружба твоя возвыситъ ихъ, сдѣлаетъ *настоящими* женщинами. Онѣ понимаютъ истинное назначеніе женщины... Я хотѣла бы отдать тебѣ отчетъ въ нашемъ разговорѣ съ Натальей, но я сдѣлаю это при личномъ свиданіи. Радуйся, дорогой другъ, полная довѣренность была плодомъ нашей послѣдней ссоры; я чувствую, что люблю ихъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ любила ихъ прежде. Нельзя любить другъ друга истинно, когда довѣріе имѣетъ границы, пока боятся перейти эти границы, сказать слишкомъ много и оскорбить какимъ-нибудь необдуманнымъ словомъ. Преграда, которую воздвигли между нами непредвидѣнныя обстоятельства, разбита, и я надѣюсь, я почти увѣрена, что отнынѣ ничто не будетъ въ состояніи смутить миръ, который установился между нами...“

Другое письмо Татьяны, написанное за три дня до приведеннаго только что, показываетъ документально и орудіе, которымъ Мишель оперировалъ въ этотъ пріѣздъ свой въ Премухино.

„Миша, ради Бога,—пишетъ въ немъ между прочимъ Татьяна Александровна,—переведи „Anweisung zum seligen Leben“ и подари намъ. Я не буду покойна, пока у меня не будетъ этой книги. Хочется ее тысячу разъ перечесть, особенно послѣднія лекціи. Надобно прочесть

вмѣстѣ съ Бееровыми,—онѣ хорошо поймутъ всѣ прекрасныя, божественныя мысли Фихте. Миша, пожалуйста, переведи, я до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ покоя...“

Сохранилось также письмо Любови Александровны отъ 6 августа, въ которомъ она, уговаривая Мишеля скорѣе вернуться въ Премухино, писала ему между прочимъ: „ты намъ далъ новую жизнь, ты помогъ намъ увидѣть цѣль нашего существованія и тебя-то нѣтъ здѣсь, чтобы порадоваться на плоды твоего труда, чтобы раздѣлить съ нами наше счастье, чтобы придать намъ силы и храбрости, потому что, по правдѣ сказать, не мало препятствій предстоитъ намъ побѣдить...“

На томъ же листкѣ есть шутливая приписка Варвары Александровны, написанная въ минуту, когда она боролась съ одолѣвавшимъ ее сномъ, послѣ дневныхъ заботъ о своемъ маленькомъ сынѣ:

„Послушай, Миша, я пишу только въ минуты вдохновенья, а теперь 11 часовъ вечера, итакъ, до вдохновенья ли мнѣ. Прощай же, другъ, лучше ничего, чѣмъ сонное письмо. Намъ теперь славно, вотъ и все. Прощай.“

Но сестры подняли ее на смѣхъ, и ей пришлось продолжать:

„Не хочу глупостями кончить. Мы все хохотали надъ моимъ письмомъ; но теперь—je prends une mine serieuse pour te dire que je suis vraiment incapable d'écrire dans cet instant, comme il arrive toujours que la secheresse suit l'extase. Je viens d'écrire une lettre très chaude à Julie et maintenant je suis anéantie. Au surplus j'espère que tu ne tarderas pas à venir. Ton petit troupeau t'attend. Vraiment, Michel, je ne sais comment tu a fait pour te rendre si indispensable. Que le ciel te bénisse.

Ta Varinka“ [1]).

Можно себѣ представить, въ какой восторгъ должны были привести Михаила Бакунина эти письма сестеръ и въ особенности приведенное выше письмо Татьяны отъ 9 августа 1836 года. Онъ отвѣчалъ на эти письма огромнымъ письмомъ изъ Твери отъ 10 августа. Письмо это писано отчасти по-французски, отчасти по-русски. Мы приведемъ его съ переводомъ французскихъ частей на русскій языкъ.

„Танюша, мой превосходный, мой прелестный другъ, ты не знаешь, какое впечатлѣніе произвело на меня письмо твое; ты не знаешь, конечно, какое сладкое, какое гармоническое счастье ощутилъ я, читая

---

[1]) Я принимаю серьезную мину, чтобы сказать тебѣ, что я дѣйствительно неспособна писать въ эту минуту. Какъ всегда бываетъ, истощеніе слѣдуетъ за экстазомъ. Я только что написала очень горячее письмо къ Julie и теперь истощилась. Кромѣ того, я надѣюсь, что ты самъ очень скоро пріѣдешь. Твое малое стадо тебя ожидаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Миша, я не знаю, какъ успѣлъ ты сдѣлаться такимъ незамѣнимымъ. Да благословитъ тебя небо. Твоя Варенька.

его. Ты еще спрашиваешь, необходима ли мнѣ твоя дружба, дружба васъ всѣхъ! Могутъ ли онѣ составлять мое счастье! Но не чувствуешь ли ты сама, не видишь ли ты, что для меня теперь отдѣлиться отъ васъ значитъ отдѣлиться отъ единственнаго и единаго выраженія моей внутренней жизни! Наконецъ-то нашелъ я эту небесную гармонію въ своемъ собственномъ семействѣ. Я нашелъ это чистое и святое спокойствіе, столь полное энергіи, столь полное любви, это спокойствіе, столь полное будущаго, которое я въ томъ искалъ. Вы теперь мои, вы—мои сестры не только по инстинктивнымъ законамъ природы, но и по жизни душъ нашихъ, которыя родственны между собою по тожественности нашихъ цѣлей, которыя вѣчны!

„О, я не боюсь теперь внѣшняго міра! Я въ немъ нашелъ то, что было для меня необходимо; я въ немъ нашелъ болѣе, чѣмъ онъ обыкновенно даетъ: отголосокъ сердецъ вашихъ, любовь безкорыстную, святую; я нашелъ въ немъ души золотыя, которыя также не отъ міра сего, которыя принадлежатъ вѣчности. О, пусть испытаютъ теперь всѣ внѣшнія злополучія, всѣ внѣшнія препятствія, собранныя въ одно, пусть испытаютъ они силу свою надо мною. Они не разрушатъ моего блаженства: блаженство мое внѣ ихъ вліянія, оно не отъ міра сего! Внутренняя жизнь моя тверда, потому что она основана не на конечныхъ ожиданіяхъ, не на внѣшнихъ надеждахъ на внѣшнее благополучіе. Нѣтъ! Основа ея—вѣчное назначеніе человѣка, божественная его природа. Внѣшняя моя жизнь также не боится ихъ—она заключается въ вашей любви, а любовь ваша такъ же вѣчна, какъ и наше назначеніе. О, я не боюсь теперь внѣшняго міра; я найду средства для исполненія предположеній, плановъ своихъ: теперь я не одинъ; душа моя увеличилась вашими, жизнь моя расширилась вашею; любовь моя освѣтилась вашею святою, безкорыстною любовью. И ты меня спрашиваешь еще, необходима ли для меня ваша любовь! Она меня освятила, вознесла, она сдѣлала меня достойнѣе моего назначенія, она могущественно подвинула меня къ безконечной цѣли... Любовь эта тотъ могущественный жезлъ, который извлекаетъ живую воду изъ скалы. Да—я счастливъ болѣе, чѣмъ я это заслужилъ. Тѣмъ болѣе я обязанъ, болѣе, чѣмъ когда-нибудь: я наслаждаюсь незаслуженнымъ и я долженъ заслужить блаженство, уже данное мнѣ Провидѣніемъ. Да, я понимаю святую обязанность на меня наложенную, я исполню ее; я сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь; я подкрѣпленъ вашею любовью!

„Друзья мои, земля уже не есть наше отечество,—счастье наше—небесное; жизнь наша небесная; движенія душъ нашихъ не ищутъ земли, не ищутъ ея наслажденій. Нѣтъ! Они уже сдружились съ истинными наслажденіями и потому равнодушны ко всему земному. Друзья мои, религія наша—безконечна. Она включаетъ въ себя все прекрасное,

все благородное, она не симпатизируетъ только съ животнымъ, съ мертвымъ. Религія наша даетъ жизнь всему; всѣ горячія чувства, всѣ высокія помышленія освящаются ею: искусства, науки—все, что есть благороднаго въ человѣкѣ, все, что способно взволновать душу его—все это происходитъ изъ нея; все это, освященное святымъ крещеніемъ любви неземной, божественной, должно проявлять безконечное приближеніе божественнаго человѣчества къ божественной цѣли, къ безконечному и безначальному, концу и началу всего существущаго. Друзья мои, религія сдѣлала безконечными сердца наши; она намъ дала любовь, любовь ко всему человѣчеству—нашу частную любовь, нашу частную жизнь, стремящихся влиться въ абсолютную любовь, въ безконечную жизнь. Въ эту минуту я никого не ненавижу, я всѣхъ благословляю. Будемъ жалѣть о тѣхъ, которые не достигли еще нашего блаженства; будемъ ненавидѣть только зло, а не несчастныя жертвы зла. Они люди, хотя еще и не развившіеся; они также имѣютъ право на божественное наслѣдство; они сами себя лишили его, они несчастливы—будемъ жалѣть ихъ, будемъ напрягать всѣ силы свои, чтобы вырвать ихъ изъ этой сферы смерти и апатіи. Неудачи не должны приводить насъ въ отчаяніе: воля, когда она нравственна,—всемогуща; нравственная воля человѣка есть воля Божія; и ничто не можетъ остановить исполненіе ея плановъ. Итакъ, друзья мои, овладѣвъ нравственнымъ міромъ, мы вмѣстѣ овладѣли и Всемогуществомъ. Мы хотимъ Доброе, Доброе и должно исполниться, несмотря на всѣ препятствія Злого.

„Расширять болѣе и болѣе сферу нашей дѣятельности и съ нею вмѣстѣ и сферу нашей любви и нашего блаженства; очищать души свои отъ всего земного, и безпрерывно облагораживать ихъ, дѣлать ихъ достойными быть жертвенниками любви безконечной; переносить безконечное небо душъ своихъ во внѣшность и возвышать такимъ образомъ землю до неба; вѣчно осуществлять во внѣшнемъ мірѣ идеи прекраснаго, высокаго и благороднаго; вѣчно приближаться къ святой гармоніи міра внутренняго съ внѣшнимъ и связываться общею цѣлью, общими надеждами, общею святою любовью; вѣчно усиливать, вѣчно очищать частную любовь нашу, частное земное блаженство—вотъ наше назначеніе, друзья мои!

„Что можетъ остановить насъ, что можетъ привести насъ въ отчаяніе? Внѣшнія, временныя страданія не могутъ подавить души сознательной; напротивъ, они очищаютъ, облагораживаютъ ее: никогда человѣкъ не дѣлается такъ способенъ къ принятію истины, какъ въ грустномъ, страдательномъ расположеніи духа. Въ грусти отзывается вѣчность, закованная въ конечное; въ грусти самое высокое проявленіе божественности человѣка. Но грусть должна быть сознательная, и

тогда она превратится въ блаженство. Она только для того страшна, кто не жилъ духовно, кто не знакомъ еще съ небомъ. Кто не страдалъ, тотъ не можетъ истинно любить, потому что страданіе есть актъ освобожденія человѣка отъ всѣхъ внѣшнихъ ожиданій, отъ привязанности своей къ инстинктивнымъ безсознательнымъ наслажденіямъ. Итакъ, кто не страдалъ, тотъ не свободенъ, а безъ свободы нѣтъ любви, а безъ любви нѣтъ блаженства...“

Этими разсужденіями Мишель подошелъ къ тому внѣшне-несчастному положенію, въ которомъ находилась въ то время, по крайней мѣрѣ по его убѣжденію, его сестра Варвара Александровна Дьякова, и въ послѣдующей части письма [1]) онъ уже прямо обращается къ ней:

„Такимъ образомъ, добрая моя Варенька,—писалъ Мишель,—пусть твое внѣшнее несчастіе не приводитъ тебя въ отчаяніе. Напротивъ, оно должно быть основой твоего счастія, твоего истиннаго, божественнаго счастія—счастія, недоступнаго никакой профанаціи. Твое несчастіе тебя освящаетъ, мой добрый другъ; оно возвыситъ, освятитъ тебя, если ты проведешь его черезъ сознаніе. Пусть религія сдѣлается основой и сущностью твоей жизни и твоихъ дѣйствій,—но религія чистая, единственная истинная религія разума и божественной любви, а не та религія, которую ты имѣла прежде, не та религія, которая хотѣла устранить тебя отъ всего того, что составляетъ содержаніе и жизнь истинно нравственнаго существованія; не та ограниченная идея какого-то капризнаго Бога, не то узкое и холодное чувство, которое отрицало все, что есть прекраснаго въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, и которое грозило погрузить тебя въ жалкую сферу дѣйствія безъ идей и чувствъ безъ любви; не та, наконецъ, религія, которая могла лишь убить душу столь пламенную и столь жаждущую любви и всего высокаго, какъ твоя душа, не та, которую не могла оживить никакая нравственная сила и которая была безусловно непримирима съ истинной любовью. Нѣтъ, добрый другъ мой, проникнись истинной религіей, религіей Христа, еще чистой отъ профанирующаго ее прикосновенія всѣхъ тѣхъ, которые неизбѣжно должны были, чтобы понять ее, принизить ее до себя. Посмотри на Христа, мой добрый другъ, онъ столько выстрадалъ, онъ даже не вкусилъ радости быть вполнѣ понятымъ окружавшими его, и тѣмъ не менѣе онъ былъ блаженъ, ибо онъ былъ сынъ Божій, ибо его жизнь была вполнѣ божественная—вся самоотреченіе, ибо онъ все отдалъ человѣчеству и нашелъ свой эгоизмъ, свою радость въ разрушеніи своего матеріальнаго я и въ спасеніи всего человѣчества. Онъ сынъ Божій, ибо онъ принадлежитъ всему человѣчеству. Онъ сынъ человѣческій (l'homme de l'humanité), онъ типъ человѣка. И если бы мы могли воз-

---

[1]) Писаннаго, начиная съ этого мѣста, по-французски.

выситься до него, или, скорѣе, если бы мы имѣли достаточно вѣры, достаточно силы, достаточно нравственнаго и умственнаго простора, чтобы этого хотѣть,—ибо мы это можемъ, потому что мы должны,—а такъ какъ мы должны Все, то нѣтъ ничего невозможнаго, если бы, наконецъ, могли увидѣть только блаженство и божественную любовь, которыя онъ вкусилъ, мы поступали бы, какъ онъ, ибо страданія его—блаженство. Вотъ что дѣлаетъ религія. Внѣшнія страданія приходятъ къ намъ въ міръ независимо отъ нашей воли, и если мы не имѣемъ самосознанія, если мы не живемъ внутренней жизнью,—мы дѣлаемся ихъ жертвой,—мы страдаемъ, и никакое внѣшнее чудо не можетъ насъ отъ этого избавить. Появляются въ насъ религія, жизнь внутренняя, и мы чувствуемъ себя сильными, ибо мы чувствуемъ въ себѣ Бога, Бога, создающаго новый міръ,—міръ абсолютной свободы и абсолютной любви, и, крещеные въ этомъ мірѣ и проникнутые этой божественной любовью, мы чувствуемъ себя существами божественными и свободными, предназначенными для освобожденія человѣчества, еще порабощеннаго, вселенной, являющейся еще жертвой инстинктивныхъ законовъ безсознательнаго существованія. Все, что живетъ, что есть, что прозябаетъ, что только существуетъ,—должно быть свободно, должно доходить до своего собственнаго сознанія, возвышаться до этого божественнаго центра, который одушевляетъ все сущее. Абсолютная свобода и абсолютная любовь—вотъ наша цѣль; освобожденіе человѣчества и всего міра—вотъ наше назначеніе.

„Языческій стоицизмъ былъ стоическимъ и сильнымъ только по инстинкту человѣческой природы; мы же—мы будемъ сильны сознаніемъ божественности нашей природы и нашего назначенія. Наша сила оживлена любовью и вѣчнымъ блаженствомъ!

„Проникни же глубже въ эту религію, убѣдись, что все, что есть прекраснаго въ человѣкѣ—искусства, науки, чувства, мысли—ей принадлежатъ, что всѣ эти различныя выраженія жизни человѣчества суть лишь ея различныя формы. Пойми же, что всѣ моменты жизни человѣчества суть откровенія Святого Духа, единаго и абсолютнаго Духа, который говоритъ въ человѣкѣ и образуетъ его сознаніе, что, наконецъ, Евангеліе есть откровеніе по преимуществу и что Іисусъ Христосъ—по преимуществу Сынъ Божій. Пойми хорошо все это, и твоя жизнь изъ бѣдной и ограниченной, какой она была, сдѣлается богатой, безконечной,—жизнь цѣлаго человѣчества, прошедшая и будущая, будетъ твоею. Ты найдешь родственныя тебѣ души, которыя не могутъ оставаться чуждыми тебѣ, разъ у нихъ одно происхожденіе съ твоею душой. Ихъ цѣль, ихъ страданія, ихъ надежды, минуты высокой радости, которыя они вкушали,—твои; они принадлежатъ столько же тебѣ, сколько и имъ. Это единое все, недѣлимое, гармоническое, стремящееся

къ абсолютной гармоніи и абсолютной любви. Вотъ чувства, вотъ мысли, которыя ты должна развить въ себѣ. Пусть всѣ твои дѣйствія, ничтожнѣйшія твои занятія находятся подъ ихъ вѣчнымъ вліяніемъ, или, скорѣе, пусть они вѣчно воспроизводятъ эту абсолютную идею. И тогда ты будешь счастлива, будешь могущественна; маленькая воля твоего мужа, его ограниченные взгляды должны будутъ склониться передъ этимъ величіемъ, даже и не понимая тебя. И ты воспроизведешь себя въ своемъ сынѣ, и сынъ твой будетъ тебѣ обязанъ своимъ вторымъ рожденіемъ, новой жизнью, и давая ему эту новую жизнь, ты его сдѣлаешь своимъ навѣки; ибо божественная жизнь не умираетъ, и такъ какъ божественная жизнь есть не что иное, какъ вѣчное сознаніе, и такъ какъ всякое сознаніе имѣетъ свое начало въ томъ сознаніи, отъ котораго оно происходитъ, то сынъ твой будетъ вѣчно сознавать тебя своею матерью, и ваша связь, прогрессивно обожествляемая, будетъ источникомъ неувядающаго блаженства. И мы тоже, добрые друзья мои, мы никогда не разстанемся, ибо все, что принадлежитъ сознанію,—вѣчно; и добро, которое мы взаимно другъ другу сдѣлали, составляя органическую и жизненную часть нашей божественной жизни, не допуститъ насъ никогда разлучиться, ибо все, что входитъ въ божественную жизнь,—вѣчно, какъ она сама. Но что говорю я—разстаться? Какъ все въ человѣкѣ развивается прогрессивно, такъ и наша взаимная любовь будетъ расти; ибо всѣ тѣ, кто братья и сестры въ Богѣ, будутъ ими вѣчно, и связи ихъ будутъ становиться все болѣе и болѣе святы. Наша жизнь, такимъ образомъ, не есть и никогда не будетъ единственно внутренняя, мы имѣемъ и мы будемъ имѣть всегда наше собственное выраженіе (во внѣшнемъ мірѣ). Не вполнѣ ли мы счастливы, насколько только можно быть счастливыми на столь несовершенной землѣ, какъ та, на которой мы живемъ, и съ тѣмъ несовершеннымъ развитіемъ, какого мы достигли? Но, вѣдь, цѣль наша—совершенствованіе, наша взаимная любовь и съ нею наше общее счастіе будутъ совершенствоваться также.

„Но несмотря на все это, какъ мнѣ не терпится вернуться въ Премухино, какъ мнѣ не терпится упиться этой гармоніей, которой вы такъ сильно дали уже мнѣ отвѣдать, несмотря на разлуку; какъ мнѣ не терпится васъ обнять, задушить васъ всѣхъ въ моихъ объятіяхъ. Задушить—слишкомъ сильно сказано, ибо это все равно, что съѣсть въ одинъ часъ все свое богатство. Ты видишь, что я начинаю болтать. Итакъ, отложимъ лучше до нашего свиданія выраженіе моей нѣжности къ вамъ. Теперь я хочу еще поговорить съ вами о братьяхъ"...

Но конецъ этого письма, къ сожалѣнію, утраченъ.

Что касается Варвары Александровны, то проповѣдь брата подѣйствовала на нее столь же могущественно, какъ и на другихъ сестеръ.

Она приняла его нравственно-религіозное воззрѣніе со всею страстностью, свойственной ея глубокой и сильной натурѣ. Изъ писемъ ея, съ которыми намъ придется ниже познакомить читателя, онъ увидитъ, какъ сильно подѣйствовало на нее это ученіе.

Приводя письма, извлеченныя изъ бакунинскаго архива, я старался воздерживаться отъ всякихъ излишнихъ комментаріевъ; ибо приведенные документы достаточно ясно и краснорѣчиво сами возсоздаютъ передъ нами духовную жизнь этого замѣчательнаго круга людей 30-хъ годовъ. Но по поводу только что приведеннаго письма я позволю себѣ высказать нѣсколько краткихъ соображеній.

Прежде всего мнѣ хочется обратить вниманіе читателя на тотъ прогрессъ, который совершился въ умѣ самого Михаила Бакунина подъ вліяніемъ Фихте со времени того письма къ Татьянѣ, писаннаго въ декабрѣ 1835 г., гдѣ онъ говоритъ о желаніи своемъ создать замкнутый братскій кружокъ и загородить его даже отъ взгляда всякаго посторонняго человѣка. Въ то время, и еще нѣсколько времени спустя, онъ мечталъ исключительно о своей внутренней жизни и о полномъ уничтоженіи жизни внѣшней. Эта внутренняя жизнь, хотя главный ея элементъ и была любовь, носила у него, однако же, характеръ исключительно созерцательный, и сама любовь къ человѣчеству представлялась туманной и бездѣятельной. Теперь для него дѣло идетъ уже о созданіи гармоніи между внутренней и внѣшней жизнью: внѣшняя жизнь поглощается внутренней не для того, чтобы въ ней раствориться и уничтожиться, но чтобы въ ней возродиться и получить свое внѣшнее выраженіе. Любовь къ человѣчеству принимаетъ болѣе опредѣленный и дѣятельный характеръ, и передъ образованнымъ имъ братскимъ кружкомъ ставится великая задача преобразованія внѣшней жизни, освобожденія всего человѣчества и даже всего міра отъ всякаго рабства.

Здѣсь можно замѣтить, что въ сущности логическое развитіе мыслей, которыя возникли въ умѣ Бакунина подъ вліяніемъ Фихте, если бы оно совершалось послѣдовательно и безпрепятственно, должно было бы привести къ идеямъ христіанскаго анархизма, основаннаго на любви, аналогичнаго тому, который въ наши дни выразился въ ученіи Льва Толстого.

Этому воспрепятствовали, какъ мы ниже увидимъ, различныя обстоятельства, частью коренившіяся въ характерѣ самого Михаила Бакунина, частью въ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, которымъ онъ подвергался.

Нельзя, однако же, не видѣть, что, несмотря на то, что во второй

половинѣ своей жизни онъ отрицательно относился ко всякой религіи и ко всякой метафизикѣ, въ сущности не такъ трудно было бы создать соединительный мостъ между его фихтеанскими взглядами конца 30-хъ годовъ и анархическимъ ученіемъ конца его жизни.

Въ 30-хъ годахъ его проповѣдь дала ему страстныхъ послѣдователей не только въ нѣдрахъ его семейства. Ея могущественное вліяніе испытали на себѣ въ бо́льшей или меньшей степени всѣ его замѣчательные друзья той эпохи. Сильнѣе другихъ она отразилась на взглядахъ и развитіи В. Г. Бѣлинскаго, и къ его отношеніямъ съ Бакунинымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

А. Корниловъ.

Современныя самоубійства.

I.

Число самоубійствъ неизмѣнно и правильно растетъ почти во всѣхъ странахъ земного шара. Тамъ, гдѣ лѣтъ десять-двадцать тому назадъ самоубійства составляли рѣдкое, исключительное явленіе, ихъ насчитываютъ теперь ежегодно десятками и сотнями. Самоубійства стали злобой дня у всѣхъ народовъ. „Они,—справедливо говоритъ о нихъ французскій изслѣдователь Моро,—являются повсюду вопросомъ дня; нѣтъ страны, нѣтъ возраста, нѣтъ профессіи и общественнаго положенія, которыя не платили бы ежегодной обильной дани этому ненасытному молоху—самоубійствамъ. Мы наблюдаемъ въ нихъ изо дня въ день вотъ уже много лѣтъ подъ-рядъ своеобразную эпидемію, которая безпрерывно растетъ и грозитъ достигнуть страшныхъ предѣловъ, если не удастся положить ей предѣлъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, цифры, которыми располагаетъ статистика, самымъ убѣдительнымъ и неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуютъ объ этомъ безпрестанномъ и неизмѣнномъ ростѣ самоубійствъ. По даннымъ, которыя мы находимъ у С. А. Новосельскаго въ его небольшой брошюрѣ „Статистика самоубійствъ“ (Спб., 1910 г.) и у проф. Гауппа („Ueber den Selbstmord“, München, 1910) я вывелъ среднія цифры самоубійствъ за послѣднія 85 лѣтъ на 1 милліонъ населенія въ разныхъ государствахъ.

Ростъ ихъ виденъ изъ слѣдующей таблицы:

Страны.	1825—1850 гг.	1850—1875 гг.	1875—1900 гг.	1900—05—08—09 гг.
Саксонія . .	166,8	228,0	286,7	321,0
Франція . .	74,8	122,0	205,7	221,5 (238,0) [1]
Пруссія . .	97,0	124,5	200,6	200,4 (204,0)
Данія . . .	238,0	268,1	244,5	189,0 (220,0)
Австрія . .	—	—	142,0	167,7 (157,0)
Швеція . .	64,0	74,6	121,0	152,0
Англія . . .	—	65,6	81,0	102,0 (90,0)
Шотландія .	—	35,3	55,6	58,0
Финляндія .	33,5	36,0	44,8	59,1
Норвегія . .	105,0	86,0	61,3	50,5 (55,0)
Ирландія . .	—	16,5	24,4	38,0
Россія . . .	—	30,0	32,6	34,7 (31,0)

[1]) Цифры въ скобкахъ взяты у Гауппа.

По этой таблицѣ выходитъ, будто мы, русскіе, занимаемъ по коэффиціенту самоубійствъ послѣднее мѣсто среди другихъ народовъ. Однако, подобный оптимистическій выводъ, какъ 32—34 самоубійства на 1 милліонъ населенія, получается на основаніи официальныхъ данныхъ, которыя, какъ утверждаетъ д-ръ С. А. Новосельскій и другіе, пользовавшіеся этими данными, изслѣдователи, крайне неполны и неточны. Ненадежность и отсутствіе статистики—вещь обыкновенная у насъ, и всякому извѣстно, какъ мало можно полагаться на наши официальныя данныя. Въ дальнѣйшемъ, говоря о самоубійствахъ учащихся, я укажу, насколько свѣдѣнія о нихъ, имѣющіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, расходятся съ данными на этотъ счетъ, собранными частнымъ путемъ. Пока же для иллюстраціи полноты нашей официальной статистики я приведу рядомъ цифры о самоубійствахъ въ Петербургѣ, собранныя за 1906—1909 гг. статистическимъ комитетомъ и д-ромъ Н. И. Григорьевымъ.

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Данныя статистическаго комитета .	427	354	532	796	1,442	1,432	—
Данныя д-ра Григорьева	—	—	903	1,377	2,268	2,380	3,196

Такимъ образомъ по даннымъ д-ра Н. И. Григорьева, превосходящимъ почти вдвое официальныя данныя, оказывается, что въ Петербургѣ было за послѣднія 5 лѣтъ всего 10,124 самоубійства и покушеній на самоубійство, т.-е. (въ круглыхъ цифрахъ) по 2,000 въ годъ. Если даже принять населеніе Петербурга равнымъ 2 милліонамъ человѣкъ, то на 1 милліонъ населенія это составитъ приблизительно 1 тысячу самоубійствъ и покушеній на нихъ. Спрашивается, сколько же приходится на эту цифру такъ назыв. законченныхъ самоубійствъ? Не имѣя точныхъ данныхъ на этотъ счетъ, мы можемъ вычислить количество ихъ приблизительно. Такъ, по даннымъ того же д-ра С. А. Новосельскаго оказывается, что число ихъ можетъ быть принято для Петербурга равнымъ въ среднемъ 37% [1]), что составитъ, стало быть, около 370 человѣкъ. Между тѣмъ максимальный коэффиціентъ самоубійствъ въ городахъ достигаетъ 353 въ Буда-Пештѣ и 362 въ Цюрихѣ. Слѣдовательно, по количеству ежегодныхъ самоубійствъ мы, петербуржцы, занимаемъ первое мѣсто въ мірѣ и очень можетъ быть, что и по коэффиціенту самоубійствъ въ странѣ вообще мы занимаемъ далеко не послѣднее мѣсто, какъ это рисуютъ официальные статистики.

---

[1]) Op. cit., стр. 32.

II.

Итакъ, цифры ясно свидѣтельствуютъ о постоянномъ, непрекращающемся ростѣ самоубійствъ. До чего, до какихъ предѣловъ онъ можетъ дойти? Изъ исторіи мы знаемъ, что были уже такія времена въ древнемъ Римѣ и Египтѣ, въ средневѣковой Франціи и Германіи, когда самоубійства настолько учащались, что для борьбы съ ними требовалось изданіе особыхъ спеціальныхъ законовъ и постановленій. Очень можетъ быть, что мы также идемъ къ этому и у насъ понадобятся современемъ такія же особыя мѣры, чтобы положить конецъ этому грозному бичу современнаго человѣчества. Въ настоящее время, по даннымъ статистиковъ, въ годъ кончаетъ въ Европѣ самоубійствомъ не менѣе 60—70 тысячъ человѣкъ. Спрашивается, каковы *причины* самоубійствъ? Что заставляетъ ежегодно 60—70 тысячъ людей кончать съ собой? Этотъ вопросъ долженъ быть однимъ изъ самыхъ важныхъ для насъ не только потому, что въ немъ идетъ рѣчь о ежегодно гибнущихъ 60—70 тысячахъ жизней, а главнымъ образомъ потому, что зло это изъ года въ годъ растетъ и нѣтъ, кажется, предѣловъ его непрерывному росту.

Здѣсь предъ нами прежде всего встаетъ вопросъ, можно ли вообще устанавливать какія-нибудь общія основанія и причины для добровольной смерти людей разныхъ возрастовъ и профессій, разныхъ общественныхъ положеній и темпераментовъ? Что общаго, напримѣръ, можетъ быть между самоубійствомъ школьника, отравляющагося изъ-за двойки на экзаменѣ, и купца, вѣшающагося вслѣдствіе разстройства дѣлъ и невозможности „вывернуть тулупъ"? Между самоубійствомъ доктора, пускающаго себѣ пулю въ лобъ вслѣдствіе неудачной операціи, и юноши, бросающагося въ Неву вслѣдствіе отказа любимой дѣвушки выйти за него замужъ? Вѣдь между этими людьми и тѣми причинами, которыя довели ихъ до самоубійства, нѣтъ, повидимому, ничего общаго. Какія же общія основанія для ихъ самоубійствъ мы можемъ принять здѣсь, какіе общіе выводы мы можемъ изъ нихъ сдѣлать?

Конечно, между причинами самоубійствъ всѣхъ этихъ людей нѣтъ собственно ничего общаго, если мы будемъ считать причинами только что перечисленныя обстоятельства; но это, однако, не вѣрно. Наука устанавливаетъ здѣсь иную точку зрѣнія: на всѣ эти обстоятельства мы должны смотрѣть не какъ на причины, а лишь какъ на поводы, вызвавшіе у всѣхъ этихъ людей извѣстное настроеніе, создавшее у нихъ желаніе умереть. Что же касается собственно причинъ самоубійствъ, то мы должны искать ихъ не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а глубже, именно во внутреннихъ настроеніяхъ и переживаніяхъ каждаго изъ нихъ, въ той *внутренней реакціи*, какой отвѣчаетъ человѣкъ на то или другое внѣшнее обстоятельство, независимо отъ того, каково оно и въ чемъ заключается.

Сопоставляя между собою эти столь разные примѣры самоубійства, именно школьника, купца, доктора и юношу, мы, при всей разницѣ въ ихъ возрастахъ и общественныхъ положеніяхъ, профессіяхъ и характерахъ, при всемъ глубокомъ различіи въ ихъ воспитаніи и укладѣ внѣшней жизни, находимъ тѣмъ не менѣе нѣчто общее, именно то *чувство неудовлетворенности жизнью,* которое заставило ихъ наложить на себя руки. Конечно, неудовлетворенность эта вызвана совершенно различными обстоятельствами, но послѣднія суть, такъ сказать, явленія случайныя, между тѣмъ какъ результатъ ихъ вліянія на душевный міръ этихъ людей, т.-е. душевная реакція ихъ, является чѣмъ-то опредѣленнымъ и постояннымъ, неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ. Если бы можно было смѣшать всѣхъ этихъ людей въ одну кучу, перепутать ихъ роли въ жизни, заставить, напримѣръ, маленькаго гимназиста сдѣлать неудачную операцію, врача—заняться торговлей и разориться, а купца—подвергнуться экзамену и схватить на немъ двойку, то долженъ былъ бы получиться и тотъ же самый результатъ въ видѣ острой неудовлетворенности каждаго изъ нихъ своею жизнью. Почему? Потому что взаимоотношеніе между душой каждаго изъ этихъ людей со всѣми ея достоинствами и недостатками, со всей совокупностью ея чувствъ и эмоцій и данным внѣшнимъ обстоятельствомъ остается величиной постоянной, а стало быть, должна остаться одинаковой и реакція ея, являющаяся слѣдствіемъ этого взаимоотношенія.

Извѣстные индивиды какъ бы носятъ въ своей душѣ зародыши самоубійства, подобно тому какъ чахоточный больной носитъ въ себѣ зародыши туберкулеза. Послѣдній часто находится въ немъ, какъ извѣстно, въ скрытомъ, латентномъ состояніи, и ничтожныхъ поводовъ, вродѣ, напримѣръ, простого ушиба, достаточно иной разъ для того, чтобы бывшая дотолѣ въ скрытомъ состояніи болѣзнь вдругъ вспыхнула и рѣзко проявилась. Точно также нужно представить себѣ и всякаго самоубійцу, у котораго сравнительно ничтожныя обстоятельства его жизни также способны бываютъ вызвать роковой исходъ—самоубійство. Эта аналогія въ несоотвѣтствіи между ничтожностью внѣшнихъ поводовъ и огромностью внутренней реакціи, которая наблюдается у самоубійцъ, какъ постоянное или во всякомъ случаѣ очень частое явленіе, дѣйствительно подтверждаетъ тотъ взглядъ, что предрасположеніе къ самоубійству есть въ сущности какъ бы внутреннее свойство или состояніе организма и потому является чѣмъ-то неизбѣжнымъ и роковымъ, совершенно независимо отъ внѣшнихъ поводовъ, создающихъ самую катастрофу. Причина всякаго самоубійства, стало быть, въ сущности всегда одна и та же, именно извѣстная реакція организма, которая является слѣдствіемъ вліянія тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Эта реакція выражается въ ослабленіи или даже исчезновеніи жизненнаго тонуса

или инстинкта жизни. Гдѣ-то внутри человѣка, какъ бы лопается пружина, которая заправляла всѣмъ сложнымъ механизмомъ его бытія, ослабѣла какая-то сила, которая рождала въ немъ мысли и желанія, заставляла его дѣйствовать, бороться и стремиться,—словомъ, жить. Человѣкъ потерялъ вкусъ къ жизни, какъ бываетъ иногда съ людьми, которые теряютъ способность къ вкусовымъ ощущеніямъ. Что ни ѣдятъ такіе люди, имъ все кажется прѣснымъ, не имѣющимъ никакого вкуса. Человѣкъ, у котораго исчезъ тонусъ жизни, также потерялъ способность какъ бы ощущать вкусъ жизни: она ему кажется теперь безвкусной, т.-е. безцѣльной и безсмысленной.

Итакъ, ослабленіе жизненнаго тонуса, исчезновеніе жизненнаго инстинкта—вотъ въ сущности единственная и истинная причина самоубійства. Наука и наблюденіе установили, что теперь все чаще и чаще встрѣчаются въ жизни такіе люди съ ослабленнымъ жизненнымъ тонусомъ. Почему? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нетруденъ и ясенъ. Мы, дѣти XX столѣтія, живемъ въ эпоху, какъ выражается Гауппъ, обостреннаго индивидуализма. Жизнь каждаго изъ насъ складывается безконечно разнообразно; дифференцировка ея доведена, если можно такъ выразиться, до крайнихъ предѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ каждаго изъ насъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ по своему духовному развитію и роду дѣятельности ни стоялъ, жизнь требуетъ затраты слишкомъ большой духовной энергіи. Соотвѣтственно этому естественно становятся слишкомъ большими и тѣ требованія, которыя каждый изъ насъ предъявляетъ къ жизни и которыя—увы!—она удовлетворяетъ такъ мало. Это невольно кладетъ начало извѣстному недовольству жизнью, извѣстному разочарованію въ ней, которое такъ сильно и остро чувствуется на каждомъ шагу въ наше время большинствомъ современнаго общества. Посмотрите на тысячи тружениковъ на всевозможныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, постоянно изнывающихъ въ жестокой и упорной борьбѣ за жизнь, на устроеніе которой они затратили и продолжаютъ затрачивать столько духовныхъ силъ. Громадное большинство изъ нихъ недовольно своей жизнью, которая не даетъ имъ того, чего они въ правѣ были ждать отъ нея, на что могли надѣяться, о чемъ смѣли мечтать. Они разочарованы жизнью и постоянно носятъ въ своей груди это разочарованіе, какъ тяжелый камень, который давитъ ихъ, какъ болѣзненный наростъ души, отъ котораго нельзя избавиться никакими средствами. Эти люди и есть, такъ сказать, предрасположенные къ самоубійству, кандидаты въ самоубійцы, носящіе зародыши самоубійства въ своей недовольной, вѣчно разочарованной душѣ, въ сущности уже порвавшіе съ жизнью, но продолжающіе еще жить, какъ бы въ силу инерціи.

Когда-то, съ легкой руки Эскироля, всѣхъ самоубійцъ считали боль-

ными. Эскироль первый выставилъ, какъ неопровержимый тезисъ, что только лишь психически больной человѣкъ можетъ покушаться на свою жизнь. Въ тѣ добрыя, старыя времена, когда всѣмъ и каждому жилось несравненно легче, чѣмъ теперь, когда въ жизни не встрѣчались еще на каждомъ шагу люди, „разочарованные уже потому, что они живутъ", когда, наконецъ, научные методы изслѣдованія и изученія не были такъ совершенны, какъ теперь, такое утвержденіе должно было казаться настолько же справедливымъ, насколько и естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здоровый человѣкъ можетъ лишить себя жизни? „On doit être fou, pour se prendre la vie!" Это звучало такъ просто и такъ понятно... Но... прошли десятки лѣтъ, и... кто же теперь станетъ серьезно утверждать, что только больные кончаютъ самоубійствомъ?

Вопросъ о связи, существующей между психическими болѣзнями и самоубійствомъ, всегда очень интересовалъ врачей и былъ предметомъ ихъ постояннаго внимательнаго изученія. Французскій врачъ Бріерръ де-Буамонъ, сочиненіе котораго о самоубійствѣ по справедливости считается классическимъ, провѣряя взглядъ Эскироля, нашелъ среди самоубійцъ только $^1/_3$ психическихъ больныхъ. Въ новѣйшее время докторъ Жоке пришелъ къ заключенію, что психически больные составляютъ только 17% всѣхъ самоубійцъ. По вычисленіямъ швейцарскаго врача Прево процентъ этотъ еще меньше и равенъ всего 10 съ лишкомъ, а бельгійскій врачъ Дени опредѣлилъ его равнымъ всего 4,8%. Такимъ образомъ позднѣйшія изслѣдованія врачей далеко не подтверждаютъ взгляда Эскироля и его послѣдователей на самоубійство, какъ на проявленіе психической болѣзни.

Въ 1909 г. вѣнскій военный врачъ докторъ Антонъ Брошъ опубликовалъ свои результаты вскрытія 371 трупа самоубійцъ. На основаніи этого матеріала онъ опредѣлилъ „вѣрные и несомнѣнные" признаки душевной ненормальности въ 7,6% всѣхъ самоубійцъ, „въ высокой степени вѣроятные"—въ 23,4%, просто „вѣроятные"—въ 57,6% и полное отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ, указывающихъ на душевную ненормальность—въ 11,4%. По изслѣдованіямъ Броша оказалось, стало быть, что, если основываться только на несомнѣнныхъ и въ высокой степени вѣроятныхъ признакахъ, душевнобольные составляютъ 31% всѣхъ самоубійцъ, т.-е. получается приблизительно та же цифра, которая установлена была Бріерромъ, Корромъ, Эттингеномъ, Фальре, Бурденомъ и другими изслѣдователями.

Но докторъ Брошъ, помимо размягченій мозга, атероматозныхъ измѣненій мозговыхъ сосудовъ и атрофіи субстанціи мозга, не указываетъ собственно (по крайней мѣрѣ докторъ Гюбнеръ, по которому я цитирую его работу, не называетъ ихъ) тѣ анатомическія измѣненія, которыя онъ призналъ за „несомнѣнные" или „въ высокой степени вѣроят-

ные“ признаки психической ненормальности. Онъ говоритъ, правда, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, физическихъ недостаткахъ и анатомическихъ уродствахъ (напримѣръ, о склерозѣ черепной крышки, туберкулезѣ мозга, недостаткѣ нѣкоторыхъ непарныхъ органовъ, порокѣ сердечныхъ клапановъ и т. п.), которые онъ находилъ на трупахъ изслѣдованныхъ имъ самоубійцъ, но можно ли на основаніи ихъ дѣлать какіе-нибудь выводы объ умственной ненормальности тѣхъ, у кого они найдены? Какъ часто встрѣчаются при вскрытіяхъ тѣ или другіе анатомическіе недостатки, какъ часто мы въ жизни видимъ людей съ тѣми или иными уродствами, но они, однако, никакими ненормальностями въ психической сферѣ не отличаются. Такимъ образомъ, выводы доктора Броша, несомнѣнно, очень интересные, представляются тѣмъ не менѣе совершенно необоснованными, а устанавливаемая имъ классификація признаковъ душевной ненормальности, находимыхъ на трупахъ, ихъ „безусловность“, „въ высокой степени вѣроятность“ и „просто вѣроятность“—очень искусственной.

Гораздо интереснѣе тотъ методъ изученія самоубійствъ, который примѣнили въ новѣйшее время профессоръ мюнхенскаго университета Р. Гауппъ и врачъ берлинской больницы „Charité“ Елена-Фредерика Стельцнеръ. Оба они изучали въ психіатрическомъ отношеніи доставленныхъ имъ въ клиники покушавшихся на самоубійство лицъ, покушенія которыхъ окончились неудачно.

Стельцнеръ опредѣлила психическую ненормальность покушавшихся на самоубійство у 156 лицъ изъ 200, т.-е. приблизительно въ 60,5%, а профессоръ Гауппъ—у 32 изъ 124, т.-е. немного болѣе, чѣмъ въ 25%. Какъ видите, въ общемъ процентъ душевно ненормальныхъ довольно большой, значительно превосходящій тѣ цифры, которыя установлены были позднѣйшими изслѣдованіями. Гауппъ даже утверждаетъ, что каждый покушающійся на свою жизнь въ моментъ покушенія психически ненормаленъ. „По моему мнѣнію,—говоритъ онъ,—когда человѣкъ покушается на самоубійство, онъ почти всегда находится въ ненормальномъ состояніи“. Если же среди изслѣдованныхъ имъ лицъ оказалось около 75% здоровыхъ, т.-е. такихъ, у которыхъ нельзя было опредѣлить наличность какого бы то ни было психическаго заболѣванія, то и они все же носили, по его выраженію, „въ бо́льшей или меньшей степени слѣды нѣкоторой душевной болѣзненности и отличались особой аффективностью, которая легко могла быть установлена при врачебномъ изслѣдованіи и наблюденіи“.

Методъ, избранный Гауппомъ и Стельцнеръ, имѣетъ за собой то несомнѣнное преимущество, что при немъ изучается сама личность, живой человѣкъ, а не газетный или судебный матеріалъ о немъ и всякому понятны, конечно, всѣ преимущества подобнаго изученія. Но,

съ другой стороны, этотъ методъ не лишенъ, по нашему мнѣнію, и крупныхъ недостатковъ. Дѣло въ томъ, что Гауппъ и Стельцнеръ изслѣдуютъ людей, не взятыхъ прямо въ обыденной ихъ жизни и въ обычномъ ихъ состояніи, а субъектовъ, пережившихъ только что болѣе или менѣе сильное потрясеніе, крупную душевную драму, заставившую ихъ прійти къ печальному рѣшенію покончить съ собой. Эти субъекты, еще не остывшіе, такъ сказать, послѣ пожара, зажженнаго въ нихъ недавней бурей, еще не переварившіе постигшаго ихъ несчастія, должны всѣ естественно казаться не только „болѣзненнаго душевнаго состоянія и наклонными къ аффектамъ“, но даже прямо одержимыми ясно и рѣзко выраженными психозами и психическими разстройствами. И мнѣ кажется, что если судить о нормальности людей въ такіе моменты ихъ жизни и въ такихъ условіяхъ, какъ ихъ наблюдаютъ Гауппъ и Стельцнеръ, т.-е въ условіяхъ необычной для нихъ больничной обстановки среди нервныхъ и психическихъ больныхъ и послѣ попытокъ къ самоубійству, то должны получиться совершенно иные результаты, чѣмъ если наблюдать этихъ же людей въ ихъ обычномъ положеніи.

Стельцнеръ, подобно Гауппу, утверждаетъ, что даже тѣ лица, у коихъ не удалось установить наличность какого бы то ни было заболѣванія, т.-е. остальные 40% неудачныхъ самоубійцъ, „также были субъекты не совсѣмъ нормальные“, и она допускаетъ у нихъ „внезапное наступленіе патологическихъ состояній перераздраженія и потемнѣнія сознанія“. Исцѣленіе отъ этихъ „состояній“ лежитъ, по ея мнѣнію, уже въ самой попыткѣ къ самоубійству, которая даетъ разрядъ и выходъ накопившейся съ теченіемъ времени болѣзненной энергіи. Спрашивается, что̀ это за внезапно наступающія потемнѣнія сознанія, которыя выражаются въ попыткахъ къ самоубійству? Самъ авторъ ничего не говоритъ о нихъ, и мы рѣшительно не знаемъ, что̀ именно она подразумѣваетъ подъ этими словами.

Такимъ образомъ, оба эти изслѣдователя, какъ проф. Гауппъ, такъ и докторъ Стельцнеръ, въ своемъ интересномъ методѣ изслѣдованія и изученія самоубійцъ должны непремѣнно впадать въ ошибки и во всякомъ случаѣ въ преувеличенія, такъ какъ они по временнымъ душевнымъ состояніямъ дѣлаютъ выводы и заключенія о психикѣ изучаемыхъ ими людей.

Сознавая это, докторъ А. Гюбнеръ, ассистентъ проф. Вестфаля въ Боннѣ, примѣнилъ свой методъ изученія самоубійцъ, который имѣетъ, повидимому, всѣ достоинства способа Гауппа и Стельцнеръ, будучи въ то же время лишенъ его недостатковъ. Гюбнеръ рѣшилъ именно изучать психику людей *не послѣ* покушенія ими на самоубійство, а *до него*, т.-е. онъ пользуется данными изслѣдованія людей въ такое время, когда

они еще совершенно здоровы и ни о какомъ покушенiи не думаютъ. Для этого Гюбнеръ обратился къ различнымъ страховымъ обществамъ отъ несчастныхъ случаевъ, у которыхъ онъ заимствовалъ матерiалъ, касающiйся застраховавшихся въ этихъ обществахъ клiентовъ. Какъ извѣстно, каждый изъ клiентовъ этихъ обществъ до застрахованiя подвергается самому основательному и тщательному медицинскому изслѣдованiю, равно касающемуся соматической и душевной сферы изслѣдуемаго. Вотъ изъ этихъ-то матерiаловъ Гюбнеръ и выбралъ данныя о тѣхъ лицахъ, которыя потомъ (иногда много лѣтъ спустя) кончили самоубiйствомъ или покушались на свою жизнь.

Всего Гюбнеръ собралъ свѣдѣнiя о 40 самоубiйцахъ, изъ которыхъ 38 погибли, а двое были спасены. На основанiи этого матерiала Гюбнеръ нашелъ, что несомнѣнныя психическiя болѣзни имѣлись въ 65%, т.-е. въ такомъ же количествѣ, какъ у Стельцнеръ. Но его матерiалъ, конечно, слишкомъ скуденъ, чтобы изъ него можно было дѣлать какiе-нибудь выводы. Самоубiйство совершенно здороваго человѣка, у котораго самое внимательное и тщательное изслѣдованiе не открыло никакихъ признаковъ отклоненiя отъ нормы въ душевной сферѣ, Гюбнеръ называетъ „*физiологическимъ*“. Въ своемъ матерiалѣ онъ нашелъ его только въ одномъ случаѣ, касающемся молодой дѣвушки, брошенной своимъ любовникомъ на 8 мѣсяцѣ беременности, но и здѣсь, говоритъ онъ, мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ влiянiемъ беременности на психику женщины, каковое влiянiе очень часто можетъ принимать, какъ извѣстно, весьма неблагопрiятный характеръ (психозы беременныхъ!).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ самое послѣднее время изслѣдователи опять приходятъ почти къ тому же конечному выводу, къ какому пришелъ нѣкогда Эскироль и его школа, т.-е., что самоубiйство есть въ громадномъ большинствѣ случаевъ симптомъ или опредѣленнаго психическаго заболѣванiя или извѣстной душевной неустойчивости, особой психопатической конституцiи, которая выражается, главнымъ образомъ, въ чрезмѣрной раздражительности и легкой наклонности къ аффектамъ. Характерная черта подобныхъ людей—несоотвѣтствiе между внѣшнимъ поводомъ окружающей жизни и внутренней душевной реакцiей. Внѣшнiя обстоятельства—это только поводы, но какъ бы они ничтожны ни были, они очень важны, такъ какъ выводятъ изъ состоянiя равновѣсiя душу человѣка. По замѣчанiю одного изъ изслѣдователей, эти внѣшнiе поводы играютъ роль рычаговъ, задерживающихъ работу мысли и въ то же время дающихъ полную волю болѣзненному чувству, накопившейся болѣзненной энергiи, которая находитъ разрядъ въ попыткѣ къ самоубiйству.

Но, спрашивается, неужели „психопатичность“ современнаго поколѣнiя такъ велика, что почти каждый самоубiйца непремѣнно оказы-

вается если не страдающимъ опредѣленной формой того или другого душевнаго разстройства, то во всякомъ случаѣ „психически болѣзненнымъ“ и „склоннымъ къ патологическимъ аффектамъ“, какъ выражается Гауппъ, или „нервнымъ и психически дегенеративнымъ“, какъ характеризуетъ его Гюбнеръ? Подобный взглядъ, по нашему мнѣнію,—несомнѣнное преувеличеніе. Мы полагаемъ, что къ реакціи въ формѣ самоубійства способна не только больная и болѣзненная, но и здоровая душа, совершенно нормальная по своимъ качествамъ и эмоціямъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ одинаково и исторія, и ежедневное наблюденіе. Вспомнимъ, напримѣръ, Сенъ-Симона, который послѣ покушенія, къ счастію неудачнаго, на свою жизнь написалъ свое знаменитое сочиненіе по соціологіи? Не забудемъ, что къ самоубійству были близки, по свидѣтельству историковъ, Байронъ, Гёте, Жоржъ-Зандъ, Бетховенъ и много еще другихъ выдающихся, мало того, великихъ людей, рѣдкихъ по своимъ душевнымъ качествамъ и геніальныхъ по своимъ дарованіямъ. Неужели все это были если не больные, то „болѣзненные“ люди, „психопатическія натуры“, въ большей или меньшей степени ненормальныя? Что же такое въ концѣ-концовъ нормальный человѣкъ и есть ли вообще на свѣтѣ нормальные люди? Вѣдь извѣстныя черты или, вѣрнѣе, черточки психической ненормальности можно найти у всякаго, даже самаго здороваго человѣка.

III.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ остановиться также хоть вкратцѣ только на нѣкоторыхъ *факторахъ*, наиболѣе сильно вліяющихъ на самоубійства, именно на школѣ, ремесленномъ и торговомъ ученичествѣ, матеріальныхъ лишеніяхъ и алкоголизмѣ. Значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ въ отдѣльности очень велико: въ совокупности они даютъ громадное большинство современныхъ самоубійствъ.

Что школа, и именно средняя, является какъ на Западѣ, такъ и у насъ виновницей значительнаго числа самоубійствъ, извѣстно уже давно, и теперь мы располагаемъ на этотъ счетъ цифровыми данными, которыми мы и подѣлимся здѣсь съ читателями. По моему подсчету, сдѣланному на основаніи газетныхъ вырѣзокъ и справокъ, оказывается, что среди учащихся въ нашихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ, равно и въ разнаго рода спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, было самоубійствъ и покушеній на самоубійство: въ 1902 г.—18, въ 1903 г.—32, въ 1904 г.—41, въ 1905 г.—96, въ 1906 г.—112, въ 1907 г.—242, въ 1908 г.—334, въ 1909 г.—482. Всего за 8 лѣтъ, съ 1902 по 1909 гг. включительно—1,357 самоубійствъ, или по 170 въ годъ. Между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія собрало съ средины 80-хъ годовъ по 1909 г.

включительно, именно, за 25 съ лишкомъ лѣтъ, всего 995 случаевъ самоубійствъ во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то-есть на 362 самоубійства меньше, чѣмъ удалось собрать мнѣ за 8 только лѣтъ. А вѣдь я считаю свою цифру далеко не полной. Какъ же далеки отъ истины цифры министерства?

Изъ этого общаго числа было самоубійствъ въ средней школѣ: въ 1902 г.—10, въ 1903 г.—18, въ 1904 г. — 20, въ 1905 г.— 53, въ 1906 г.—71, въ 1907 г.—114, въ 1908 г.—160, въ 1909 г.—237.

По отношенію къ общему числу учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ самоубійцы составляли на каждый 1.000,000 учащихся: въ 1902 г.—64, въ 1903 г.—95, въ 1904 г.—108, въ 1905 г.—264, въ 1906 г.—337, въ 1907 г.—419, въ 1908 г.—567, въ 1909 г.—814, то-есть въ среднемъ 333,5.

Между тѣмъ средняя школьныхъ самоубійствъ въ Пруссіи, вычисленная проф. Эйленбургомъ за 25-тилѣтній періодъ, равна всего 87,5 на 1 милл. учащихся и меньше, стало быть, нашей въ 3,8 раза. Такимъ образомъ, безпристрастныя цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что у насъ, по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, учащіеся кончаютъ съ собой съ лишкомъ въ три раза чаще, чѣмъ въ Пруссіи. Если же мы сравнимъ между собою коэффиціенты самоубійствъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ теперешній 333,5 съ прошлымъ 106,0, вычисленнымъ проф. Г. В. Хлопинымъ за 20—25 лѣтъ тому назадъ, то можно убѣдиться, что у насъ онъ *утроился*, въ то время какъ въ Пруссіи онъ не только не увеличился, а, напротивъ, даже уменьшился (90,0 и 87,5).

Это должно наводить каждаго на самыя грустныя размышленія.

Изъ всѣхъ школьныхъ самоубійствъ половина, именно 50,3%, приходится на среднюю, 33,9% на высшую и 15,8% на низшую школу. Средняя школа является, такимъ образомъ, главнымъ очагомъ школьныхъ самоубійствъ, и потому мы должны посвятить ей почти все свое вниманіе, тѣмъ болѣе, что здѣсь самоубійства, какъ мы сейчасъ увидимъ, тѣснѣе связаны съ самой школой, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Что касается *ближайшихъ поводовъ* къ самоубійствамъ, то по моей статистикѣ на долю самой школы, именно на отмѣтки, экзамены и школьный режимъ, падаетъ около 35% всѣхъ самоубійствъ, а на остальные поводы, ничего общаго со школой не имѣющіе, какъ болѣзни, неудачная любовь, матеріальныя лишенія, семья и т. п.,—остальныя 65%, изъ коихъ приблизительно половина приходится на случаи, гдѣ причина самоубійства неизвѣстна. Такимъ образомъ, больше трети всѣхъ самоубійствъ неразрывно связаны съ самой школой, съ условіями ея жизни, съ тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ она на учащагося.

Прежде чѣмъ говорить объ отдѣльныхъ моментахъ школьной жизни и объ ихъ вліяніи на самоубійства учащихся, замѣтимъ, что современ-

ная молодежь отличается, по свидѣтельству всѣхъ врачей, особенной нервностью и психической неустойчивостью. Эту „нервность“ трудно даже опредѣлить цифрами,—до того велика она. Но что школа въ этомъ отношеніи вліяетъ очень дурно на учащихся, доказываютъ между прочимъ наблюденія д-ра Нестерова, который подсчиталъ, что въ приготовительномъ классѣ среди учениковъ 8% нервныхъ больныхъ, въ VI классѣ—44%, а въ VIII—цѣлыхъ 69%. [1])

Такимъ образомъ процентъ нервно-больныхъ растетъ у насъ съ каждымъ классомъ. Это должно быть отнесено всецѣло на вліяніе школы.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не даютъ возможности подробно остановиться на этомъ вліяніи, и мы ограничимся здѣсь тѣмъ, что коснемся его только въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ.

Прежде всего наша школа ослабляетъ учащагося *физически*. Ежедневное пребываніе въ теченіе многихъ часовъ въ душныхъ классныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ воздухъ, по замѣчанію И. Радецкаго, къ концу урока значительно хуже, чѣмъ въ ночлежкѣ въ концѣ ночи, сидѣніе въ теченіе многихъ часовъ на неудобныхъ партахъ съ наклоненной книзу головой, благодаря чему постепенно развивается неправильное кровообращеніе въ мозгу и появляются, какъ слѣдствіе его, головныя боли, наконецъ, продолжительное ежедневное голоданіе, ибо въ школахъ горячіе завтраки почти нигдѣ не имѣются, — всего этого слишкомъ достаточно, чтобы нанести существенный вредъ физическому здоровью учащагося. Но помимо этого школа ослабляетъ его еще *духовно*, предъявляя къ нему чрезмѣрныя требованія и умственно переутомляя его. Если сюда присоединить еще суровость школьнаго режима, угнетающаго жизнерадостность учащагося и не дающаго никакого простора его живой душѣ, его нарождающимся склонностямъ и чувствамъ, то мы поймемъ, почему въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ такъ много нервныхъ больныхъ и почему наша учащаяся молодежь въ общемъ всегда такъ мрачно и пессимистично настроена.

При такой поголовной нервности и психической неустойчивости естественно должны быть особенно вредными и даже подчасъ роковыми тѣ неизбѣжныя волненія и переживанія, которыя у учащагося связаны съ отмѣтками и особенно съ экзаменами. И дѣйствительно, послѣдніе сопровождаются у насъ, какъ извѣстно, ежегодно массовыми самоубійствами, которыя принимаютъ порою даже эпидемическій характеръ. Такъ называемыя экзаменаціонныя самоубійства учащейся молодежи уже не разъ подавали поводъ родительскимъ комитетамъ, городскимъ самоуправленіямъ, а также инымъ организаціямъ хлопотать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ по крайней мѣрѣ пе-

[1]) Докладъ на 2-мъ Пироговскомъ съѣздѣ врачей.

реходныхъ экзаменовъ, какъ безполезныхъ въ педагогическомъ и вредныхъ въ гигіеническомъ отношеніи, но всѣ подобныя ходатайства прочнаго успѣха до сихъ поръ не имѣли.

Что касается *высшей* школы, то здѣсь главнѣйшіе поводы къ самоубійствамъ сводятся къ разочарованію въ жизни, матеріальнымъ лишеніямъ и политическимъ условіямъ, переживаемымъ страной. Такъ, за послѣдніе 3 года, именно за 1907, 1908 и 1909 гг., я зарегистрировалъ среди студентовъ разнаго рода высшихъ учебныхъ заведеній:

32	самоубійства	изъ-за	разочарованія въ жизни,
25	„	„ „	острой нужды и голода,
11	„	„ „	политическихъ причинъ.

Но и въ высшей школѣ извѣстный процентъ самоубійствъ, хотя и очень ничтожный, падаетъ на самую школу въ видѣ самоубійствъ изъза экзаменовъ, увольненія и т. п.

Такимъ образомъ, школа, и именно средняя, играетъ, какъ мы видимъ, довольно крупную роль среди факторовъ самоубійства, и значеніе ея въ этомъ отношеніи растетъ, повидимому, съ каждымъ годомъ.

Переходимъ къ *ремесленнымъ и торговымъ ученикамъ*, среди которыхъ мы въ теченіе 1907—1909 гг. насчитали всего 85 самоубійствъ. Наиболѣе частымъ поводомъ къ нимъ являются жестокое обращеніе и систематическія истязанія со стороны хозяевъ, мастеровъ и подмастерьевъ.

Передъ истязаніями и жестокимъ обращеніемъ отступаютъ на заднiй планъ всѣ прочія причины подобныхъ самоубійствъ. Процентъ каждой изъ нихъ, составляющій въ общемъ около 30—35%, общаго числа, выражается въ отдѣльности единицами, причемъ рубрика „неизвѣстныхъ причинъ“ даетъ около 30% всѣхъ самоубійствъ. Въ числѣ извѣстныхъ причинъ мы находимъ и тоску по роднымъ и деревнѣ, и переутомленіе чрезмѣрной работой, и страхъ наказанія за испорченный матеріалъ или неисполненное порученіе, и „тяжелую жизнь“, безъ точнаго указанія, въ чемъ именно заключается ея тяжесть, и т. д., и т. д. Какъ на рѣдкій поводъ къ самоубійству укажу на одинъ случай мести, когда маленькій самоубійца повѣсился, желая этимъ отомстить своему хозяину.

Перехожу къ самоубійствамъ иза-за *матеріальныхъ причинъ*. Общее число ихъ выразилось слѣдующими цифрами:

въ 1907 г. ихъ было . . .	331
„ 1908 „ „ „ . . .	492
„ 1909 „ „ „ . . .	905

то-есть всего за 3 года было 1,728 случаевъ. Въ эту цифру мы включили только тѣ случаи, которые на основаніи газетныхъ данныхъ показались намъ болѣе или менѣе достовѣрными, или вслѣдствіе оста-

вленныхъ самоубійцами записокъ или вслѣдствіе имѣвшихъ мѣсто разслѣдованій.

Изъ сословныхъ группъ наибольшее количество самоубійствъ дали:

	Въ 1907 г.	Въ 1908 г.	Въ 1909 г.
Рабочіе	126	183	196
Крестьяне (только живущ. въ городахъ)	191	120	185
Ремесленники	90	33	62

Такимъ образомъ, рабочіе, ремесленники и крестьяне (большинство которыхъ суть такъ называемые чернорабочіе, то-есть люди безъ опредѣленныхъ профессій) чаще всего лишаютъ себя жизни вслѣдствіе безработицы и голода.

Оскудѣніе и обѣднѣніе нѣкоторыхъ слоевъ нашего крестьянства, постепенно все усиливавшееся, дошло теперь до крайнихъ степеней и выразилось между прочимъ въ безпрерывномъ бѣгствѣ крестьянъ въ города, принявшемъ въ послѣдніе годы прямо стихійные размѣры. Не находя однако здѣсь обыкновенно никакихъ заработковъ и лишенные всякихъ средствъ къ существованію, крестьяне даютъ значительный процентъ преступниковъ и бѣдняковъ, переполняющихъ тюрьмы и отягощающихъ и безъ того слабую общественную благотворительность, и не малый процентъ самоубійцъ на почвѣ нужды и голода.

Что касается рабочихъ, то ихъ самоубійства почти всецѣло зависятъ отъ экономическихъ кризисовъ, пережитыхъ и переживаемыхъ страной. Благодаря этимъ кризисамъ, многіе заводы и фабрики прекратили и прекращаютъ свою дѣятельность, такъ что тысячи и десятки тысячъ рабочихъ вдругъ выбрасываются на улицу безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ 1907 г. число безработныхъ среди рабочихъ достигло, по подсчету газетъ, въ однѣхъ только приволжскихъ губерніяхъ свыше 200 тысячъ. Какъ велико было тогда число ихъ во всей Россіи? Какъ велико оно теперь? Это не поддается никакому, даже приблизительному, учету, но достаточно слѣдить за хрониками газетъ, особенно столичныхъ, чтобы наталкиваться постоянно на самоубійства безработныхъ рабочихъ. Ежедневное число ихъ у насъ въ Петербургѣ колеблется отъ 6 до 10—15.

Наконецъ, самоубійства ремесленниковъ на почвѣ нужды и безработицы объясняются главнымъ образомъ громадной конкуренціей, существующей между ними, а также неустроенностью и неурегулированностью ихъ труда, благодаря чему въ однѣхъ профессіяхъ замѣчается избытокъ рабочихъ рукъ, а въ другихъ—полный недостатокъ ихъ.

Намъ остается остановиться хоть въ нѣсколькихъ словахъ еще на алкоголизмѣ и его вліяніи на самоубійства. На этотъ счетъ существуетъ болѣе чѣмъ достаточно наблюденій, дающихъ возможность дѣлать опредѣленные и точные выводы. Всѣмъ извѣстна неудержимая наклон-

ность къ самоубійству, развивающаяся въ теченіе остраго опьянѣнія, въ состояніи такъ называемой бѣлой горячки. Нѣмецкій изслѣдователь Гансъ Ростъ сопоставляетъ цифры о числѣ самоубійствъ и количествѣ потребляемаго алкоголя въ 9 европейскихъ странахъ и приходитъ къ заключенію, что между обѣими этими цифрами существуетъ тѣсная связь, такъ какъ самоубійства въ странѣ прямо пропорціональны количествамъ спиртныхъ напитковъ, употребляемыхъ въ ней. Такъ, напримѣръ, въ Даніи на 1 душу населенія приходится, какъ извѣстно, въ годъ по 6,2 литра спирта и по 189 самоубійствъ на 1 милліонъ населенія, а въ Норвегіи, гдѣ благодаря строгимъ и разумнымъ мѣрамъ ежегодное потребленіе спирта упало до 1,8 литр. на 1 душу населенія, число самоубійствъ на 1 милліонъ населенія уменьшилось съ 105,0 до 50,5. Мы видимъ, что при меньшемъ потребленіи алкоголя коэффиціентъ самоубійствъ также значительно уменьшился. Во Франціи, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Альпи, ростъ самоубійствъ также шелъ параллельно алкоголизаціи страны, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Количество литр. алкоголя на 1 душу населенія.	Число самоубійствъ на 1 милліонъ населенія.
1830	1,12	54
1850	1,46	100
1860	2,27	111
1870	2,32	111
1880	3,64	179
1885	3,85	203

(*Alpy:* „La répression du suicide“. Paris, 1910, стр. 153.)

На основаніи статистическихъ данныхъ этотъ изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что тѣ департаменты, въ которыхъ потребленіе алкоголя больше всего, какъ, напримѣръ, Нормандія, даютъ и наибольшее число самоубійствъ. Напротивъ, такіе департаменты, какъ La Creuse, La Lozère и l'Ariège, въ которыхъ пьютъ сравнительно очень мало, даютъ и минимальныя цифры самоубійствъ. У С. А. Новосельскаго въ его брошюрѣ „Статистика самоубійствъ“ мы также находимъ данныя, указывающія на связь между алкоголизмомъ и самоубійствами. Данныя эти касаются Англіи за періодъ времени съ 1900 по 1902 гг. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что въ тѣхъ сословіяхъ и общественныхъ группахъ, гдѣ больше всего пьютъ, напримѣръ, у фармацевтовъ, дрогистовъ, трактирщиковъ и виноторговцевъ, количество самоубійствъ значительно больше, чѣмъ среди другихъ сословій и ремесленныхъ группъ. Съ своей стороны я подсчиталъ по собраннымъ мной даннымъ количество самоубійствъ, совершонныхъ у насъ въ Россіи въ 1909 году въ состояніи большаго или меньшаго опьянѣнія. Оказалось, что всего „пьяныхъ самоубійствъ“ у меня зарегистрировано въ этомъ году 165, что составля-

етъ 3,3% общаго числа ихъ. [1]) Цифра эта далеко меньше тѣхъ цифръ, которыя вычислены нѣмецкими изслѣдователями, но она получена на ничтожныхъ сравнительно данныхъ, т.-е. на данныхъ за одинъ только годъ и притомъ по газетнымъ свѣдѣніямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ даютъ матеріалъ, недостаточно надежный. Поэтому изъ моей цифры за 1909 годъ нельзя, конечно, никакихъ выводовъ дѣлать.

IV.

Въ заключеніе мы должны остановиться на вопросѣ, *что можно сдѣлать въ борьбѣ съ самоубійствами? Какія мѣры слѣдуетъ принять*, чтобы положить предѣлъ или хоть ослабить эту грозную все болѣе и болѣе растущую эпидемію?

Въ разныя времена и у различныхъ народовъ примѣнялись самыя разнообразныя мѣры въ борьбѣ съ самоубійствами. Классическіе авторы сохранили любопытные во всякомъ случаѣ разсказы о томъ, какъ реагировали древніе на самоубійства. Когда, напримѣръ, въ древнемъ Милетѣ развилась среди дѣвушекъ эпидемія самоубійствъ, городскія власти, по словамъ Плутарха, положили ей предѣлъ тѣмъ, что издали законъ, въ силу котораго тѣло самоубійцы выставлялось голымъ напоказъ толпѣ. Чувство стыдливости, свойственное женщинѣ, оказалось сильнѣе страха смерти, и эпидемія самоубійствъ прекратилась. Другой разсказъ относится къ Риму. Здѣсь при Тарквиніи Гордомъ также начали учащаться самоубійства, и потому, чтобы положить этому предѣлъ, трупы самоубійцъ стали распинать на крестахъ. Этотъ родъ казни примѣнялся, какъ извѣстно, въ Римѣ только къ убійцамъ, измѣнникамъ отечества и вообще къ безчестнымъ и опозореннымъ людямъ. Страхъ быть обезчещеннымъ, хотя бы и послѣ смерти, былъ такъ великъ среди римлянъ, что эпидемія прекратилась. „Такимъ образомъ,—говоритъ историкъ Плиній, у котораго сохранился этотъ разсказъ,—это благородное чувство (т.-е. страхъ безчестія), которое уже столько разъ спасало Римъ въ трудныя минуты, еще разъ сослужило намъ службу“.

Въ 1802 г. генералъ Бонапартъ съ цѣлью положить предѣлъ участившимся самоубійствамъ среди офицеровъ и солдатъ египетской арміи издалъ приказъ, въ которомъ было сказано, что всякій самоубійца—позорный трусъ, и потому имя его будетъ вычеркнуто изъ списковъ и передано потомству, какъ имя измѣнника отечеству. Приказъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и самоубійства въ арміи прекратились. Но въ настоящее время врядъ ли можно было бы достигнуть чего-либо подобными мѣрами и приказами. Въ Саксоніи, напримѣръ, съ 1838 г. тѣла самоубійцъ обязательно выставляются напоказъ (въ моргахъ), но са-

[1]) По даннымъ д-ра Тереховко, самоубійства въ Петербургѣ на почвѣ алкоголизма достигаютъ 25% общаго числа ихъ. *Г.*

моубійства здѣсь не только не уменьшаются, а, наоборотъ, постоянно прогрессируютъ, и теперь эта страна по своему коэффиціенту самоубійствъ занимаетъ первое мѣсто на земномъ шарѣ. Поэтому теперь въ борьбѣ съ самоубійствами приходится обратиться къ другимъ мѣрамъ. Что же это за мѣры и въ чемъ онѣ должны заключаться?

Прежде всего постараемся разобраться въ томъ, *можно ли бороться съ самоубійствами такъ же, какъ съ преступленіями, т.-е. путемъ репрессій и наказаній?*

У насъ, въ Россіи, признаются закономъ недѣйствительными духовныя завѣщанія лицъ, окончившихъ свою жизнь самоубійствомъ. Кромѣ того, въ послѣднее время раздаются голоса, считающіе необходимымъ лишеніе покушавшихся на самоубійство также ихъ семейныхъ правъ. Намъ кажется, что на дѣлѣ должны оказаться несостоятельными какъ дѣйствующая уже, такъ и предполагаемая мѣра. Дѣло въ томъ, что всякій самоубійца всегда имѣетъ возможность такъ или иначе привести въ исполненіе свою волю относительно своего имущества, и у закона фактически нѣтъ никакихъ средствъ помѣшать ему въ этомъ. Что же касается лишенія покушавшихся на самоубійство ихъ семейныхъ правъ, то права родителей на ихъ дѣтей покоятся не на юридическомъ, а на естественномъ основаніи, глубоко кроющемся въ человѣческой природѣ. Законъ если и можетъ юридически лишить родителей права распоряжаться и вмѣшиваться въ судьбу ихъ дѣтей, то фактически провести эту мѣру въ жизнь онъ не можетъ. Ибо для этого нужно было бы раньше вытравить чувство уваженія и любви у дѣтей къ ихъ родителямъ, которые вскормили и воспитали ихъ и съ которыми они связаны тысячами нитей и узъ. Для этого нужно было бы разрушить родительскій авторитетъ въ глазахъ дѣтей, а въ этомъ отношеніи законъ совершенно безсиленъ. Да, наконецъ, во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ, подобная мѣра явилась бы, если бы ее можно было осуществить, болѣе чувствительнымъ наказаніемъ именно для дѣтей, чѣмъ для ихъ несчастныхъ родителей.

Спрашивается, имѣетъ ли право законъ прибѣгать къ такому наказанію даже въ томъ случаѣ, если польза его примѣненія не подлежала бы никакимъ сомнѣніямъ? Наконецъ, нельзя забывать и того, что если у родителей прежде имѣлись причины покончить расчеты съ жизнью, то теперь къ нимъ прибавилась бы еще одна, именно подобное лишеніе ихъ правъ.

Въ печати неоднократно поднимался вопросъ объ учрежденіи у насъ особыхъ заведеній, занимающихъ средину между пріютами и тюрьмами, для того чтобы помѣщать и держать въ нихъ всѣхъ покушавшихся на самоубійство. Здѣсь, говорятъ сторонники этого мнѣнія, за неудачниками-самоубійцами будутъ слѣдить врачи и особые надзиратели до тѣхъ поръ, пока они совершенно не успокоятся и не измѣнятся тѣ ближай-

шія обстоятельства, которыя подали имъ поводъ къ самоубійству. При этомъ ссылаются на примѣры другихъ странъ, гдѣ подобныя заведенія уже существуютъ. Указываютъ на многочисленные случаи исцѣленія отъ роковой страсти къ самоистребленію въ этихъ заведеніяхъ людей послѣ болѣе или менѣе долгаго пребыванія въ нихъ. Но я рѣшительно не понимаю ни смысла, ни цѣли существованія подобныхъ заведеній-пріютовъ. Что покушавшіеся на свою жизнь, находясь въ нихъ, перестаютъ дѣлать попытки къ самоубійству, въ это я вполнѣ вѣрю, особенно если припомнить, что многіе изъ этихъ несчастныхъ потому именно и покушались на свою жизнь, что имъ или ѣсть было нечего, или негдѣ было преклонить голову. Здѣсь они имѣютъ и болѣе или менѣе сытный обѣдъ, и теплый уголъ. Но чтобы неудачники здѣсь могли излѣчиться окончательно отъ пагубной мысли о самоубійствѣ,—въ этомъ я очень и очень сомнѣваюсь. Вѣдь мы знаемъ, что для многихъ самоубійство является не случайнымъ рѣшеніемъ, а неизбѣжнымъ исходомъ, логическимъ слѣдствіемъ пережитаго или переживаемаго. Спрашивается, какъ могутъ люди, смотрящіе такъ на самоубійство, излѣчиться отъ желанія покончить съ собой, когда для этого нужно было бы если не пересоздать ихъ самихъ, то по крайней мѣрѣ кореннымъ образомъ измѣнить все то въ ихъ жизни, что толкнуло ихъ на путь самоубійства. Вѣдь сколько такихъ людей въ пріютахъ ни держать, ихъ пересоздать невозможно, какъ нельзя измѣнить и условій ихъ жизни. Что же будетъ съ ними дальше, когда они оставятъ эти гостепріимныя заведенія и вернутся къ обычной жизни? Вѣдь предъ ними опять встанетъ во всей своей грозной силѣ все то, что довело ихъ до самоубійства. Что же будетъ потомъ?

Въ послѣднее время на борьбу съ самоубійствами выступила особенно энергично и церковь. Святѣйшимъ синодомъ былъ разосланъ лѣтомъ 1909 года священникамъ приказъ „не погребать съ обычными обрядами и не провожать на кладбища самоубійцъ, если не извѣстно, что они покончили съ собой въ состояніи умоповрежденія“, т.-е. будучи психически ненормальными (*Рѣчь*, 1909 г., № 209).

Варшавская духовная консисторія возбудила ходатайство объ усиленіи эпитеміи, налагаемой обыкновенно церковью на лицъ, покушавшихся на самоубійство (*Современный Міръ*, № 3, 1910 г., ст. Д. Жбанкова: „Соврем. самоуб.“).

Мы думаемъ, что подобныя мѣры врядъ ли способны оказать какое-либо вліяніе на покушающихся на самоубійство, у которыхъ желаніе уйти изъ міра оказывается обыкновенно сильнѣе даже жизненнаго инстинкта, а не только отдѣльныхъ чувствъ, въ томъ числѣ и религіознаго. Помимо этого лишеніе самоубійцы погребенія должно оказать тягостное вліяніе на его близкихъ, для которыхъ собственно оно и явится карой. Совершенно справедливо поэтому написалъ въ своей резолюціи на ходатайство объ усиленіи эпитеміи варшавскій архіепископъ, что

„необходимо по возможности щадить остающихся въ живыхъ послѣ самоубійцъ, такъ какъ всякая грубая выходка со стороны служителей церкви можетъ оказать нежелательное вліяніе какъ на близкихъ покушавшагося, такъ и на самихъ заблудшихся, а въ особенности на лицъ женскаго пола“.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что всѣ мѣры репрессивнаго характера не достигаютъ никакой цѣли въ борьбѣ съ самоубійствами. Да это и совершенно понятно: съ такимъ сложнымъ соціальнымъ явленіемъ невозможно бороться при помощи репрессій и наказаній. Здѣсь нужны другія мѣры, именно соціальнаго характера, которыя сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему:

1. Прежде всего необходима самая энергичная и безпощадная борьба съ алгоголизмомъ, какъ съ факторомъ въ высшей степени вреднымъ, подтачивающимъ въ корнѣ народное здоровье и дающимъ огромный процентъ психическихъ болѣзней, ведущихъ къ самоубійству. Какъ должна вестись эта борьба? Прежде всего чрезъ школу.

За границей вездѣ преподаются въ школахъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ, извѣстные отдѣлы гигіены, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на употребленіе спиртныхъ напитковъ и вредъ ихъ для организма. Въ Англіи борьба съ пьянствомъ въ школахъ началась еще въ 1830 году повсемѣстнымъ учрежденіемъ „союзовъ трезвенниковъ-юношей“ („Joung Abstiners Union“), „союзовъ воздержанія“ и проч. („Cadets of Temperance“, „United Kindgam Band of Hope Union“). Во Франціи борьба съ этимъ зломъ поставлена на правильную почву съ 1897 г., именно со времени извѣстнаго циркуляра тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Georges Leygues, который писалъ, что „желалъ бы видѣть преподаваніе антиалкоголизма въ числѣ обязательныхъ предметовъ программъ рядомъ съ ариѳметикой и грамматикой“ („Mon intention est que l'enseignement de l'antialcoolisme aît sa place officielle dans nos programmes à coté de l'arithmétique et de la grammaire“). Такъ же обстоитъ дѣло съ антиалкоголизмомъ въ Германіи, Австріи, даже Японіи, которыхъ отнюдь нельзя причислить къ алкоголизованнымъ странамъ. Особенно сильно борется съ алкоголизмомъ наша ближайшая сосѣдка Финляндія.

А у насъ въ Россіи, если не считать слабыхъ попытокъ нѣкоторыхъ земствъ, въ среднихъ и низшихъ школахъ не дѣлается никакихъ шаговъ для дѣйствительной борьбы съ этимъ зломъ, но зато дѣлается очень многое, что прямо или косвенно способствуетъ развитію его. Не пора ли и у насъ заняться правильнымъ преподаваніемъ въ школахъ гигіены съ обращеніемъ особеннаго вниманія на вредныя послѣдствія алкоголизма? Не пора ли и намъ серьезно взяться за преподаваніе антиалкоголизма въ нашихъ школахъ, которыя нуждаются въ этомъ не меньше, если не больше, чѣмъ школы на Западѣ?

2. Настоятельно необходимо широко реформировать нашу среднюю

школу, гдѣ учащіеся, благодаря плохимъ гигіеническимъ условіямъ, умственному переутомленію и особенно тяжелому школьному режиму, становятся нервными, психически неустойчивыми, легко способными ко всякаго рода эксцессамъ вообще и къ самоубійствамъ въ частности.

3. Нужны серьезныя мѣры соціальной политики въ интересахъ рабочихъ и ремесленниковъ. Въ особенности необходимо урегулированіе положенія ремесленныхъ учениковъ.

4. Наконецъ, необходимо бороться съ деморализующимъ вліяніемъ въ этой области ежедневной прессы. Газеты не должны печатать никакихъ сенсаціонныхъ подробностей о самоубійствахъ, такъ какъ чтеніе ихъ оказываетъ самое вредное, отравляющее дѣйствіе на мозгъ и душу, особенно юнаго поколѣнія, которое, какъ извѣстно, такъ воспріимчиво и склонно къ подражанію.

Въ литературѣ имѣется не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что многія самоубійства и покушенія на жизнь совершены съ единственною цѣлью—заставить говорить о себѣ, попасть въ газеты. Доказательствомъ являются письма и записки самоубійцъ, сомнѣваться въ правдивости которыхъ нѣтъ никакихъ основаній, особенно если вспомнить, что такіе поступки свойственны натурамъ истерическимъ и психопатическимъ.

Видные французскіе литературные дѣятели обратились ко всѣмъ газетамъ и журналамъ съ особымъ воззваніемъ о томъ, чтобы не печатать подробностей самоубійствъ. „Пресса,—говорится между прочимъ въ этомъ воззваніи,—не должна въ угоду любителямъ сильныхъ ощущеній помѣщать подробныя описанія самоубійствъ. Послѣднихъ и безъ того много, такъ что нужно избѣгать всего, что можетъ такъ или иначе способствовать ихъ увеличенію. Литература должна быть орудіемъ жизни и прогресса, а не смерти. Обязанность писателя помогать, а не мѣшать закону о сохраненіи жизни человѣческой". [1]) Подобныя же требованія объ изъятіи подробностей самоубійствъ (и преступленій) изъ круга обычнаго газетнаго матеріала раздаются постоянно и у насъ, и пора уже, чтобы и наша пресса вняла этимъ требованіямъ и перестала печатать у себя то, чему мѣсто только въ спеціальной печати.

Вотъ какими мѣрами возможно и слѣдуетъ бороться съ потокомъ самоубійствъ. Репрессіи и наказанія, какъ бы обоснованы они теоретически ни были, помочь дѣлу нисколько не могутъ. Если человѣкъ не хочетъ или не можетъ жить, то его нужно стараться привязать къ жизни средствами, которыя дѣлаютъ ее болѣе легкой и пріятной, а не еще болѣе тяжелой и горькой.

Д-ръ Г. Гордонъ.

С.-Петербургъ.

---

1) *Alpy.* Op. cit, стр. 65.

Диккенсъ какъ криминалистъ. [1])

Формальная связь Диккенса съ царствомъ юстиціи ничтожна: лишь въ ранней молодости своей, въ теченіе двухъ лѣтъ, работалъ онъ въ качествѣ клерка у адвоката. Но дѣйствительное его значеніе въ области правосудія, въ области уголовнаго права—огромно. Огромно оно потому, что въ мысляхъ, имъ высказанныхъ, а главное—въ мысляхъ, воплощенныхъ въ художественныхъ образахъ, Диккенсъ является во многомъ предтечею новыхъ идей въ области уголовнаго права. Огромно оно и потому, что въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, быть можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо важно то, что и для Диккенса являлось—онъ самъ это говорилъ—путеводной звѣздой во всей его дѣятельности: сознаніе, что благо общества, какъ и благо отдѣльнаго лица, зависитъ прежде всего отъ осуществленія имъ началъ добра и справедливости.

Изложеніе воззрѣній Диккенса по вопросамъ уголовнаго права необходимо начать напоминаніемъ тѣхъ описаній преступленій, которыя въ столь большомъ числѣ имѣются у Диккенса въ его произведеніяхъ. Собственно говоря, разъ Диккенсъ классикъ, значитъ, всѣ его читали, значитъ, достаточно было бы ограничиться ссылкой на тѣ романы, въ которыхъ эти описанія содержатся, упомянуть о преступленіи толпы въ „Барнеби Реджъ", напримѣръ, объ убійствѣ Ненси въ „Оливеръ Твистѣ" и т. д. Но мнѣ вспоминаются слова Брандеса, сказанныя имъ по поводу Вальтеръ Скотта: „Вальтеръ Скоттъ—классикъ, поэтому каждый его читалъ и никто не читаетъ". И, я думаю, именно въ виду того, что и Диккенсъ—классикъ, на моей обязанности лежитъ, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, напомнить наиболѣе характерныя изъ его описаній преступленій.

Въ „Барнеби Реджъ" описывается преступленіе толпы, безпорядки, происшедшіе въ концѣ XVIII вѣка въ Лондонѣ, возникшіе въ виду отмѣны парламентомъ нѣкоторыхъ ограниченій, существовавшихъ въ

---

[1]) Рѣчь, произнесенная 29 марта 1912 г. на съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ. по поводу 100-лѣтія рожденія Диккенса.

то время въ отношенiи католиковъ. Это тѣ безпорядки, которые извѣстны въ исторiи подъ названiемъ Gordon Riots и которые, въ переводѣ на современную нашу терминологiю, можно было бы наименовать антикатолическимъ погромомъ; это тѣ безпорядки, по поводу которыхъ высказывались—знакомыя и намъ—соображенiя о томъ, что нельзя отмѣнять ограниченiй, когда эта отмѣна можетъ вызвать народное недовольство, и которые, по изреченiю Борка, лишь вновь подтвердили, что терпимость ненавистна нетерпимымъ, свобода—притѣснителямъ, собственность—грабителямъ. Диккенсъ въ „Барнеби Реджъ“ не только даетъ яркую картину погрома, не только трогательное описанiе пепелища, оставшагося послѣ погромщиковъ; въ немногихъ яркихъ штрихахъ характеризуетъ онъ и генезисъ и пульсъ бушующей толпы. „Барнеби Реджъ“ написанъ въ 1841 году, задолго до тѣхъ новыхъ работъ Тарда, Зигеле, Обри и др., которые вскрыли предъ нами психологiю преступной толпы. Все же во многомъ намѣчены здѣсь именно тѣ особенности, на которыхъ впослѣдствiи останавливались научные изслѣдователи. Въ особенности подчеркиваетъ наука значенiе психической заразы, какъ момента, содѣйствующаго зарожденiю толпы и росту ея преступнаго настроенiя, и именно эта сторона выдвинута и Диккенсомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Безпорядочныя группы росли и увеличивались по пути, подобно тому какъ растутъ и расширяются рѣки, приближаясь къ морю... Трезвые рабочiе, возвращавшiеся домой послѣ дневного труда, бросали свои корзины съ инструментами и въ одну минуту становились мятежниками; то же дѣлали простые мальчишки-посыльные... Весь этотъ шумъ, буйство и волненiе имѣли какую-то непреодолимую привлекательность для тысячъ людей. Зараза распространялась, словно какая-то злокачественная горячка...“ Отмѣчаются здѣсь и другiя характерныя, по мнѣнiю современныхъ изслѣдователей, особенности: и полусознательный характеръ дѣятельности толпы и потенцинизированiе дурныхъ свойствъ, присущихъ отдѣльнымъ участникамъ этой преступной толпы.

Не менѣе любопытно съ криминалистической точки зрѣнiя другое Диккенсово описанiе преступленiя—описанiе убiйства Ненси въ романѣ „Оливеръ Твистъ“. Профессiональный воръ и грабитель Сайксъ, узнавъ о томъ, что любовница его предаетъ его, стремительно бросается домой—это было ночью—съ цѣлью убить ее. Диккенсъ съ присущимъ ему одному умѣнiемъ—въ отдѣльныхъ деталяхъ, объективныхъ деталяхъ, передавать внутреннюю психическую жизнь человѣка, описываетъ ту стремительность, ту непреклонную увѣренность въ неизбѣжномъ результатѣ, съ которой Сайксъ бросается домой. Затѣмъ, самая сцена преступленiя, послѣднiй моментъ убiйства такъ имъ описанъ: „При всемъ его бѣшенствѣ мысль, что преступленiе его тотчасъ же откроется, если онъ выстрѣлитъ, мелькала у него въ головѣ, и онъ два раза ударилъ

изо всей силы пистолетомъ дѣвушку прямо въ лицо, которое почти касалось его лица. Она зашаталась и упала, обливаясь кровью, хлынувшей изъ глубокой раны, но вслѣдъ затѣмъ она съ трудомъ приподнялась на колѣняхъ... Видъ ея былъ страшенъ. Убійца, шатаясь, отступилъ къ стѣнѣ и, закрывъ глаза рукой, чтобы не видѣть своего дѣла, схватилъ тяжелую дубину и добилъ ее".

Не стану утомлять разборомъ отдѣльныхъ деталей, отмѣчу лишь одну, въ настоящее время, быть можетъ, особенно интересную, подробность. Предъ нами убійство въ запальчивости и раздраженіи, совершенное профессіональнымъ грабителямъ, типичное „Gelegenheitsverbrechen", учиненное однако же привычнымъ, опаснымъ преступникомъ. Какъ видите, мы находимся среди актуальнѣйшихъ вопросовъ современнаго уголовнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, кто онъ, этотъ Сайксъ? Онъ профессіональный грабитель, но случайный убійца, онъ опасный преступникъ вообще, но въ данномъ случаѣ всего лишь человѣкъ, въ аффектѣ убившій свою любовницу. Думается, это сопоставленіе само по себѣ поучительно, думается, и намъ оно напоминаетъ, съ какою осторожностью должны мы проводить наши теоретическія грани среди сплетающихся извилинъ многообразной жизни.

Преступленіе часто и тонко изображалось еще до Диккенса. Диккенсъ открылъ преступника. И не безъ основанія говоритъ авторитетный въ этомъ отношеніи антропологъ Курелла, что описаніе у Диккенса преступныхъ типовъ подготовляло почву для новыхъ воззрѣній на преступника, какъ на человѣка съ своеобразной психической организаціей.

Романы Диккенса—это цѣлая галлерея преступныхъ типовъ. Эта галлерея открывается описаніемъ воровской шайки изъ „Оливера Твиста", романа, по собственнымъ словамъ Диккенса, написаннаго именно для того, чтобы изобразить воровскую шайку не такъ, какъ она изображалась до него—въ мишурномъ блескѣ разбойничьей романтики, а такою, какъ она есть, во всей ея „истинной, страшной дѣйствительности", обрисовать членовъ этой шайки „во всемъ ихъ безобразіи, во всей жалкой нищетѣ ихъ существованія", описать, какъ они „тревожно крадутся по грязнѣйшимъ тропамъ жизни, видя предъ собою вездѣ и всегда огромный страшный черный призракъ висѣлицы". Но Диккенсъ не ограничивался описаніемъ преступника въ рубищѣ,—въ его романахъ цѣлая соціальная лѣстница преступниковъ, которая лишь начинается героями „Оливера Твиста" и, проходя чрезъ рядъ другихъ типовъ, заканчивается крупнымъ международнымъ преступникомъ Риго Бляндуа, этимъ habitué и тюремъ и фешенебельныхъ гостиницъ, являющимся то въ роли преподавателя языковъ, то въ качествѣ chevalier d'industrie, хищнымъ, жестокимъ, непреклоннымъ въ достиженіи преступныхъ результатовъ и въ то же время вездѣ и всегда джентльменомъ, джентльме-

номъ съ головы до ногъ, даже въ тотъ моментъ, когда, небрежно раскачиваясь на двухъ ножкахъ стула въ полулежачей позѣ, вытянувъ скрещенныя ноги, опираясь локтемъ на ручку дивана, онъ предлагаетъ своей жертвѣ „товаръ, который, если его не купятъ, можетъ скомпрометировать даму, пользующуюся его глубокимъ уваженіемъ"—ту самую, которую онъ шантажируетъ.

На-ряду съ описаніемъ преступленій и преступниковъ въ произведеніяхъ Диккенса ярко обрисовывается и та почва, на которой произрастаетъ древо преступности и тѣ соки, которыми оно питается. Въ романахъ Диккенса—замѣтьте, еще задолго до Ломброзо—масса намековъ на антропологическіе факторы преступности. Въ его описаніяхъ наружности преступниковъ подмѣчены многія детали, которымъ впослѣдствіи уголовные антропологи придавали такое значеніе: у грабителя Сайкса широкое тупое лицо, юный карманный воришка Даукинсъ курносъ, съ плоскимъ лбомъ, не по лѣтамъ малъ ростомъ. Диккенсъ отдаетъ дань и моменту наслѣдственности, подчеркивая, что мать убійцы Гука была преступницей и кончила жизнь на висѣлицѣ, или отмѣчая въ личности Оливера Твиста значеніе хорошихъ природныхъ задатковъ, торжествующихъ надъ всѣми жизненными испытаніями, или говоря о дѣтяхъ, которыя „съ колыбели предназначены быть грабителями и убійцами".

Но на первомъ планѣ въ произведеніяхъ Диккенса выступаютъ соціально-экономическіе факторы преступности.

Какъ Диккенсъ описывалъ нищету, такъ никто не описывалъ ея до него и немногіе послѣ. Нищета у Диккенса выступаетъ во всемъ ея ужасѣ, ничѣмъ не замазанная, не прикрашенная, она ютится на грязныхъ и вонючихъ улицахъ Лондона, гдѣ самый воздухъ наполненъ зловонными испареніями, гдѣ среди всеобщей нищеты процвѣтаетъ одинъ только кабакъ, гдѣ пьяные мужчины и женщины валяются въ грязи; она влачитъ свое существованіе въ домахъ, накренившихся надъ мостовой, въ комнатахъ, „самый воздухъ которыхъ долженъ помутиться отъ грязи и нечистотъ, скопившихся въ ихъ стѣнахъ". Мудрено ли, что тѣ, кто рождаются въ этихъ условіяхъ, дѣти голода и холода, чья колыбель, по выраженію Диккенса—улица и помойная яма, тѣ, о комъ никто не заботится,—что они пополняютъ собою кадры преступности и разврата.

Впрочемъ, судя по романамъ Диккенса, немногимъ лучше положеніе этихъ пасынковъ судьбы и тогда, когда государство и общество, тогдашнее государство и общество—тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, проявляетъ свое о нихъ „попеченіе". Кто не читалъ исторіи, душу щемящей исторіи, маленькаго Оливера Твиста, этой жертвы систематическаго плутовства и обмана, побоевъ и надругательства, этого несчастнаго

замученнаго ребенка, который, ложась спать, мечтаетъ о томъ, чтобы уснуть „вѣчнымъ сномъ на сосѣднемъ кладбищѣ, и высокая трава мирно бы колыхалась надъ его изголовьемъ, а густые звуки стараго колокола убаюкивали бы его сонъ“. Вы вспомните, можетъ быть, и продолженіе этой трагической исторіи: какъ маленькій Оливеръ рѣшается бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ изъ этого ада; какъ онъ оказывается на большой дорогѣ—ребенокъ на большой дорогѣ, воплощеніе безпомощности и беззащитности, не разъ занимавшее Диккенса; какъ онъ попадаетъ въ Лондонъ, гдѣ нѣтъ никого, кто накормилъ бы его, пріютилъ въ холодную ночь, и одна лишь воровская шайка раскрываетъ передъ нимъ свои гостепріимныя объятія: для заброшеннаго нѣтъ другого ремесла, кромѣ кражи, нѣтъ другой карьеры, кромѣ преступленій.

Въ той мрачной картинѣ англійскаго общества половины XIX вѣка, которую рисуетъ Диккенсъ, отсутствіе государственнаго и общественнаго попеченія сказывается не только по отношенію къ дѣтямъ. И притомъ не одно лишь попеченіе отсутствуетъ—соціальное попеченіе, являющееся лучшимъ средствомъ предупрежденія преступленій,—отсутствуетъ и самое предупрежденіе въ его простѣйшихъ, грубѣйшихъ формахъ, отсутствуетъ общественная безопасность на улицѣ. Диккенсъ описываетъ и грабежи, открыто происходящіе на плохо освѣщенныхъ улицахъ Лондона, и похищеніе мальчика, несмотря на его сопротивленіе, на его крики о помощи.

Для массы населенія государственная власть того времени, собственно говоря, почти не существовала. Она соприкасалась съ ней только въ дѣлѣ правосудія, во образѣ уголовной юстиціи; и символомъ той юстиціи была висѣлица.

Борьба со смертной казнью составляла одну изъ важнѣйшихъ задачъ литературной дѣятельности Диккенса. Онъ преслѣдовалъ эту задачу не только въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, но и въ публицистическихъ выступленіяхъ. Не стану подробно останавливаться на этой сторонѣ его дѣятельности, такъ какъ именно она была недавно предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій со стороны криминалистовъ. Я имѣю въ виду статью Метгенберга „Charles Dickens Briefe über die Todesstrafe“, помѣщенную въ 30-мъ томѣ „Zeitschrift“ Листа, и статью В. Д. Набокова, напечатанную въ одномъ изъ номеровъ „Права“ за текущій годъ. Я хочу отмѣтить одну только деталь. Въ произведеніяхъ Диккенса имѣется особенность, которая, на мой взглядъ, нѣсколько понижаетъ художественную ихъ цѣнность—это стремленіе привести каждый романъ къ такому концу, чтобы наказанъ былъ порокъ и чтобы добру достойный былъ вѣнокъ. Та же тенденція имѣется между прочимъ и въ романѣ „Оливеръ Твистъ“. Съ одной стороны—Оливеръ Твистъ, доброе начало, которое получаетъ полное воздаяніе здѣсь на землѣ, съ другой

стороны—Фэджинъ, на душѣ котораго такъ много злыхъ дѣлъ, кончаетъ висѣлицей. Но, хотя висѣлица и должна являться выраженіемъ воздающей справедливости, когда Диккенсъ доходитъ до описанія послѣднихъ моментовъ жизни этого Фэджина, до описанія произнесенія и исполненія приговора, тогда въ немъ съ такою силою проявляется и художникъ, описывающій то, что есть, и непримиримый врагъ смертной казни, что впечатлѣніе получается совершенно иное. И не на сторонѣ тѣхъ, кто творитъ и приводитъ въ исполненіе этотъ актъ воздающей справедливости, находимся мы тогда. Когда Диккенсъ разсказываетъ о гиканьѣ и свистѣ толпы, привѣтствующей вердиктъ присяжныхъ, когда онъ описываетъ, какъ преступникъ—старый преступникъ, объ ужасныхъ дѣлахъ котораго мы читали на протяженіи всего романа—какъ онъ послѣ выслушанія приговора, точно затравленный звѣрь, безпомощно перебѣгаетъ глазами съ присяжныхъ на судью и съ судьи на публику и безсвязно бормочетъ: „я старый старикъ, я старый старикъ“, и затѣмъ, когда его уводятъ въ камеру, истерически кричитъ: „они не имѣютъ права убивать меня“; когда онъ описываетъ послѣднюю ночь этого стараго преступника, этого стараго старика, передъ казнью, когда онъ говоритъ, что немногимъ спалось бы въ эту ночь въ Лондонѣ, если бы они могли заглянуть въ камеру осужденнаго на смерть,—тогда его слова звучатъ не какъ привѣтствованье акта воздающей справедливости, а какъ жестокій обвинительный актъ противъ тѣхъ, кто совершаетъ это злое дѣло, и противъ тѣхъ, кто терпятъ его.

Тюремный вопросъ также весьма занималъ Диккенса, какъ это видно и изъ американскихъ его записокъ и изъ писемъ къ другу его Форстеру. И въ художественныхъ произведеніяхъ тюрьма также проходитъ въ разныхъ видахъ, начиная съ мрачныхъ камеръ стараго Ньюгета съ ихъ страшными преданіями, продолжая грязными полицейскими участками того времени и кончая новою реформированною тюрьмой. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ шутокъ Диккенса по адресу гуманныхъ стремленій новаторовъ звучатъ нѣсколько легковѣсно, чтобъ не сказать плоско, но въ общемъ всетаки та отрицательная оцѣнка, которую Диккенсъ далъ этимъ новымъ тюрьмамъ, его суровая критика системы безусловнаго одиночнаго заключенія, его жестокое осмѣяніе стремленій привести преступника къ раскаянію, стремленій, потворствующихъ лишь ханжеству и лицемѣрію,—эта критика въ общемъ должна быть признана вполнѣ подтвержденной впослѣдствіи и наукой и тюремнымъ опытомъ.

Со времени первыхъ обличительныхъ соціальныхъ романовъ Диккенса „Оливеръ Твистъ“ и „Николай Никельби“ прошло уже 70 лѣтъ, но, всматриваясь въ происшедшія съ того времени перемѣны, хочется сказать: только 70 лѣтъ. Конечно, и современная Англія не рай на землѣ. Но если есть страна, гдѣ стремленія и правителей и законода-

телей направлены на благо народа, то это Англія. Если есть страна, гдѣ сегодняшній день несравненно лучше вчерашняго, а завтрашній несомнѣнно будетъ краше сегодняшняго, то это Англія. Если есть страна, гдѣ борьба съ преступностью ведется довольно гуманно и, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры паденія преступности, весьма цѣлесообразно, то это Англія. Въ области правосудія особенно ярко выступаютъ происшедшія перемѣны, быть можетъ, болѣе ярко, чѣмъ въ какой-либо иной. Здѣсь измѣнилось все. Измѣнилось все, начиная съ самой внѣшности отправленія правосудія, и тѣ, кто бывалъ въ Лондонѣ, съ трудомъ соединятъ описываемую Диккенсомъ вонючую комнату на Боу-Стритъ, гдѣ краска на стѣнахъ закрыта слоемъ грязи, а потолокъ черенъ отъ копоти,—съ трудомъ соединятъ съ этимъ описаніемъ собственныя воспоминанія о величественной въ своей простотѣ залѣ центральнаго мирового суда, такой просторной, такъ ярко освѣщенной сквозь стеклянный потолокъ, такъ блещущей чистотой и дубовыхъ стѣнъ, и пола, и скамей, и столовъ.

Но не только внѣшность измѣнилась,—измѣнился и составъ лицъ, творящихъ правосудіе. Въ область преданій отошелъ тотъ мировой судья, который, по Диккенсу, занялъ свой постъ только въ силу того, что онъ „за кого-то подалъ голосъ, кому-то далъ взаймы, у кого-то что-то купилъ, кому-то оказалъ какую-то услугу, устроилъ грязное дѣло для нѣкоего человѣка, знакомаго съ кѣмъ-то такимъ, который побудилъ лорда-лейтенанта графства включить его въ кандидатскій списокъ“. И низшій исполнитель закона—констебль былыхъ временъ, „который не слишкомъ старъ для своихъ лѣтъ, если бы не ноги, и при вечернемъ освѣщеніи смотритъ еще совсѣмъ молодцомъ и можетъ имѣть очень внушительный видъ откуда-нибудь изъ окна“,—этотъ констебль смѣнился нынѣшнимъ полисменомъ, о которомъ одинъ изъ современныхъ писателей, не боясь быть смѣшнымъ, говоритъ, что въ немъ—полисменѣ—нашли свое выраженіе лучшія свойства англійской натуры.

Измѣнилась и карательная система. И не столько въ самой тюрьмѣ произошла перемѣна, сколько въ томъ, что цѣлыя категоріи тюремныхъ сидѣльцевъ переданы въ другія учрежденія, построенныя на иныхъ, лучшихъ, началахъ; и прежде всего отошли туда всѣ преступныя дѣти. И я думаю, что лучшимъ эпиграфомъ къ новѣйшему англійскому законодательству о дѣтяхъ и къ англійской практикѣ въ отношеніи дѣтей могли бы служить слова Оливера Твиста: „я очень маленькій мальчикъ, я такъ одинокъ“. Вотъ эту-то простую вещь, что передъ нами имѣются очень маленькіе человѣчки и очень одинокіе, о которыхъ никто никогда ни заботился и о которыхъ нужно позаботиться,—вотъ эту простую вещь поняла Англія и осуществляетъ въ своемъ законодательствѣ.

Еще одинъ, послѣдній, вопросъ: какъ могла произойти такая гран-

діозная перемѣна въ теченіе такого небольшого сравнительно времени? Значитъ, какъ ни мрачна картина, которую рисуетъ Диккенсъ, здѣсь все же открывались пути къ лучшему будущему? значитъ, были какія-то условія, которыя давали возможность перестроить жизнь по-новому, лучшему?

Что такія условія были, это явствуетъ изъ самихъ произведеній Диккенса, изъ самаго факта ихъ существованія: была прежде всего возможность обличенія, возможность жестокой критики. Конечно, Диккенсъ былъ менѣе всего политикомъ; напротивъ того, онъ любилъ смѣяться и надъ политиками вообще и надъ партійными стремленіями въ особенности, любилъ сравнивать партійную слѣпоту со слѣпотой разъяреннаго быка среди цѣлаго полка солдатъ въ красныхъ мундирахъ. Конечно, Диккенсъ прежде всего видѣлъ залогъ лучшаго будущаго въ индивидуальномъ совершенствованіи людей, въ томъ, что люди сами станутъ лучше и каждый въ отдѣльности, по мѣрѣ силъ и возможности, будетъ дѣлать свое доброе дѣло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда Диккенсъ встрѣчался съ тѣмъ, что вызывало его возмущеніе и негодованіе, тогда онъ не жалѣлъ ни мрачныхъ красокъ для того, чтобы описать зло, ни жестокихъ словъ для его бичеванія. А между тѣмъ, столкновеніе съ тѣмъ органомъ, который намъ представляется наиболѣе близко стоящимъ къ обличительнымъ произведеніямъ—съ цензурой, произошло въ Англіи лишь одинъ разъ по поводу постановки „Оливера Твиста" на сценѣ. Извѣстно, что единственный видъ цензуры, который существуетъ въ Англіи,—это сохранившаяся отъ старыхъ временъ цензура театральныхъ произведеній, которая представляетъ до сихъ поръ прерогативу короны и осуществляется придворной гофмаршальской частью. Одна изъ передѣлокъ „Оливера Твиста" для сцены и была запрещена къ постановкѣ гофмаршаломъ, какъ ходили слухи, въ виду того, что это произведеніе такъ жестоко и безпощадно высмѣиваетъ и обличаетъ приходскіе порядки. По этому поводу,—хотя немедленно послѣ того появилась другая передѣлка, которая была поставлена на сценѣ безъ всякихъ препятствій,—сдѣланъ былъ запросъ статсъ-секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ: правда ли, что передѣлка всемірно извѣстнаго романа Диккенса „Оливеръ Твистъ" (какъ извѣстно, „Оливеръ Твистъ" немедленно разошелся по всей Европѣ) запрещена къ постановкѣ и что основаніемъ къ тому послужило издѣвательство надъ приходскими властями, и какъ статсъ-секретарь относится къ подобной политикѣ гофмаршала? На это министръ поспѣшилъ отвѣтить, что, по его свѣдѣніямъ, гофмаршалъ отнюдь не руководствовался стремленіемъ охранять приходскія власти отъ насмѣшекъ и что, во всякомъ случаѣ, хотя одна изъ передѣлокъ и была запрещена, но другія передѣлки невозбранно ставились и ставятся во всѣхъ лондонскихъ театрахъ.

Это единственный случай, когда какая-либо власть въ Англіи попыталась силой помѣшать обличительной дѣятельности Диккенса. А между тѣмъ, если говорить о рѣзкости нападокъ на власть имущихъ, то трудно во всей художественной литературѣ найти болѣе рѣзкія нападки. Такъ, напримѣръ, когда Диккенсъ былъ особенно возмущенъ тѣми непорядками, которые проявились во время Крымской кампаніи, то въ слѣдующемъ послѣ нея романѣ „Крошка Доррить“ онъ, изображая тогдашнихъ правителей въ качествѣ полиповъ, присосавшихся къ государственному кораблю и грозящихъ потопить его, если не будутъ они во время сброшены въ воду, говоритъ, что то будетъ вина самого корабля, если онъ вмѣстѣ съ полипами потонетъ. Отвѣтомъ же на эти обличенія явилось не привлеченіе Диккенса по такой-то статьѣ Уложенія, а статья въ Edinburg Review, въ которой защитникъ власти весьма возмущался и негодовалъ по поводу того, что Диккенсъ издѣвается надъ всѣми государственными учрежденіями страны, что для него нѣтъ ничего святого,— критика, давшая Диккенсу лишь поводъ для новыхъ издѣвательствъ и насмѣшекъ.

Англійскую свободу того времени называютъ свободой умирать съ голоду — Диккенсъ самъ, кажется, окрестилъ ее этимъ жестокимъ наименованіемъ—но то была все же свобода, она-то и таила въ себѣ возможность борьбы за лучшее будущее, борьбы за лучшее устроеніе карательнаго правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ развязывала руки всѣмъ хорошимъ людямъ, желавшимъ дѣлать доброе дѣло.

Эта сторона также сказывается и въ произведеніяхъ Диккенса. Только въ видѣ примѣра приведу одинъ случай: когда Оливеръ Твистъ попадаетъ въ Лондонъ, во всемъ большомъ милліонномъ городѣ, со всѣми его министерствами, учрежденіями, судами, управленіями, не находится ни одного вѣдомства, которое считало бы себя обязаннымъ, которое могло бы, по своей организаціи, позаботиться объ этомъ несчастномъ, заброшенномъ ребенкѣ. Это одна сторона. Но другая сторона дѣла—это та, что когда нашлись добрые люди, которые и пріютили мальчика, и накормили, и одѣли, и обули его, и обучаютъ, и воспитываютъ, то нѣтъ того, кто могъ бы ихъ привлечь къ отвѣту—не поблагодарить, а привлечь къ отвѣту— за то, что они держатъ безпаспортнаго, безписьменнаго бродягу.

Добрыя дѣла, творимыя отдѣльными лицами, являются лучомъ свѣта въ изображаемомъ Диккенсомъ темномъ царствѣ. Это индивидуальное добро, эти разрозненныя усилія отдѣльныхъ лицъ дѣлать хорошее дѣло и были впослѣдствіи, когда условія измѣнились, сорганизованы, сплочены въ единое мощное стремленіе общества и государства помогать тѣмъ, кто въ помощи его нуждается, помогать бѣднымъ и слабымъ и этой помощью бѣднымъ и слабымъ дѣлать страну богатой и сильной.

Е. Кулишеръ.

И. Е. Забѣлинъ.

Опытъ характеристики его историческихъ трудовъ.

I.

Историческое творчество Забѣлина поражаетъ причудливымъ соединеніемъ точнаго, до осязаемости конкретнаго матеріала, на основаніи котораго Забѣлинъ строитъ свои разысканія, съ отвлеченной мыслью, исканіемъ стиля эпохъ, стихій народной жизни. Передъ нами контрасты: изученіе кропотливое, мелочная работа надъ всякими миніатюрами старины и національный эстетизмъ, углубленіе въ родники человѣческаго духа, исканіе красоты въ складкахъ мужицкой думы или въ общемъ руслѣ славянскихъ чувствъ. Всѣ домыслы, всѣ портреты, картины и дѣйствія, тонко подмѣченная изнанка жизни—плодъ исторической интуиціи, вѣнецъ кропотливыхъ изысканій надъ той рухлядью и хламомъ жизни, отъ обломковъ домашней утвари и до обломковъ міросозерцаній, надъ которой работаетъ историкъ.

Задача Забѣлина—построить при помощи историческаго синтеза и археологическихъ изысканій съ большой долей этнологіи цѣлое историческое жизнепониманіе. „Возсозданіе угасшей жизни,—читаемъ въ „Размышленіяхъ о современныхъ задачахъ русской исторіи“,—задача археологіи. Уясненіе ея смысла—задача исторіи“. „Чѣмъ яснѣе, подробнѣе обработана отдѣльная жизнь,—читаемъ въ томъ же сочиненіи,—тѣмъ яснѣе и полнѣе становится общій ликъ народа“. Слѣдовательно „мелочь жизни, все частное, выясняющее единичный ликъ человѣка, *индивидуумъ*, какъ говорятъ, составляетъ предметъ археологическаго изученія и изысканія“, и далѣе: „Исторія имѣетъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ жизнью, которую и надо слѣдить на всѣхъ путяхъ, гдѣ она являются во всѣхъ мелочахъ, которыя большею частью еще рѣдко признаются историческими“. „Для уясненія своей задачи историкъ всюду можетъ находить матеріалъ и въ харатейной лѣтописи и въ живомъ событіи нынѣшняго дня“—такъ разсуждаетъ въ обобщающихъ статьяхъ своихъ Забѣ-

линъ. Онъ ищетъ въ народномъ эпосѣ, и въ бытѣ крестьянъ, и въ сыскныхъ дѣлахъ, и въ жалобной челобитной, и въ домашнихъ актахъ, запискахъ, духовныхъ, рядныхъ, въ частныхъ письмахъ, расходныхъ книгахъ, въ утвари и во всяческой старинѣ и даже въ узорахъ вышиванья и бранья, и въ пѣснѣ, въ повѣрьѣ, въ преданіи, въ обрядѣ и обычаѣ, въ домашней обстановкѣ со всѣми мелочами быта и въ системахъ понятій и убѣжденій эпохи. „Нужно напасть на потаенные пути народной жизни,—говоритъ Забѣлинъ,—раскрыть ея движеніе и ростъ, должно приступать съ тѣмъ пониманіемъ или, яснѣе сказать, съ тѣмъ чутьемъ жизни, которое всегда прямо и вѣрно укажетъ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу мелочныхъ фактовъ и событій". „Наоборотъ, какъ скоро историкъ замыкается въ келью своей науки,—замѣчаетъ онъ далѣе,—принимая ее за какую-то алхимію, за какое-либо техническое производство, для котораго весь міръ работы и мысли существуетъ только въ спеціальной задачѣ производства, тогда сами собой глохнутъ въ немъ всѣ живыя силы историческаго пониманія" и—исторія для него сокрыта. Работа историческаго мыслителя, по Забѣлину, заключается не только *„въ изученіи*, чѣмъ занимается историческая изслѣдовательность, а въ *изображеніи* жизни, чѣмъ исключительно должна заниматься собственно исторія".

Такія объясненія даетъ Забѣлинъ своимъ пріемамъ и манерѣ писать. Вглядываясь въ этотъ своеобычный складъ письма, мы касаемся основъ его міросозерцанія. Такова природа Забѣлина, какъ историка. Поэтому манера письма займетъ первое мѣсто въ изученіи его трудовъ. Одной изъ рѣзкихъ чертъ въ этомъ отношеніи можно считать углубленіе въ факты сравнительно поздней дѣйствительности, а часто и въ самую современность для пониманія и освѣщенія далекаго прошлаго. Основаніе къ этому должно искать въ томъ, что Забѣлинъ изслѣдуетъ въ своихъ разысканіяхъ тѣ исконныя начала, „московскіе корени", какъ онъ выражается, которые проявляются на всемъ протяженіи нашей исторіи, которые таятся въ жизни темной массы народа и теперь. Онъ отыскиваетъ ихъ, изучая отдѣльные факты, цѣлыя связи явленій въ различныхъ концахъ русской исторіи. Онъ убѣжденъ въ нѣкоторомъ основномъ, исконномъ „историческомъ складѣ народнаго ума и воли, который въ теченіе вѣковъ и во всѣхъ случаяхъ одинаково работалъ". [1]) „...Столѣтіе, какъ и часто бываетъ въ исторіи,—пишетъ Забѣлинъ,—является однимъ днемъ и только на одинъ день отдѣляетъ... новую для Руси эпоху отъ эпохи... (уже пережитой)". [2]) Что-то коренное, туго поддающееся измѣненію, въ разныхъ формахъ живущее почти неизмѣннымъ

---

[1]) „Кунцово и древній Сѣтуньскій станъ", стр. 100.
[2]) „Бол. бояринъ", стр. 509, ч. II.

на протяженіи вѣковъ, заставляетъ Забѣлина такъ смотрѣть на столѣтіе. „...Жизнь—читаемъ въ его книгѣ „Бытъ русскихъ царей“, [1])—какъ ни разнообразны до безчисленности ея формы... всегда складывается или выражаетъ себя въ извѣстныхъ типахъ... Задача искусства въ томъ именно и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что, разбросанное и какъ бы разрозненное, вращается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ однако-жъ, по свойству своей нравственной природы, къ одному и тому же роду или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и, повидимому, чужихъ другъ другу атомовъ нравственной жизни. Въ этомъ случаѣ необходимо совершается естественный процессъ человѣческаго творчества: возводить знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи“. Выполняя задачу этого искусства изображать жизнь, заключавшуюся въ воплощеніи въ одно цѣлое разрозненныхъ атомовъ нравственной жизни, доходя въ своемъ творчествѣ до послѣднихъ цѣлей исторіи, Забѣлинъ захватывалъ мыслью въ одно кольцо народной жизни дни и вѣка исторіи. Ниже я еще возвращусь къ вопросу о томъ, что̀ разумѣлъ Забѣлинъ подъ терминомъ коренныя русскія начала народной жизни. Но пока я отмѣчаю только манеру забѣлинскаго письма; въ ней, какъ я уже говорилъ, кроется остовъ его основныхъ воззрѣній, на который слѣдуетъ ближе взглянуть, прежде чѣмъ потонуть въ морѣ его глубокихъ изысканій. Эти могучіе рифы нашей народности, эти глубокіе драгоцѣнные хребты на самомъ днѣ океана нашей исторіи, которыхъ не подъ силу измѣнить теченію внѣшней исторіи, но которые сами измѣняютъ характеръ ея, не являлись для Забѣлина той косной основой историческаго построенія, которая отрывала бы нашу исторію отъ судебъ другихъ европейскихъ народовъ. Наоборотъ, хотя Забѣлинъ ищетъ путей понять все своеобразіе русской изъ національнаго начала, стремится уловить ея индивидуальность, но вмѣстѣ съ этимъ онъ признаетъ, что вообще „въ народной жизни, въ народномъ развитіи коренное начало и послѣдняя цѣль одно, къ которому неудержимо несется вся исторія человѣка, по крайней мѣрѣ на европейской почвѣ, (просвѣтленной христіанскими идеями)—это начало: полное всестороннее развитіе личности соотвѣтственно требованіямъ ея природы“ [2]).

Въ исторіи русской жизни (т. I,908, стр. 48) Забѣлинъ, возражая лѣтописцу, говоритъ: „Онъ не зналъ, что основа исторіи есть *жизнь;* а жизнь имѣетъ сѣмя, зачатокъ и въ извѣстныхъ смыслахъ указываетъ

---

[1]) „Домашній бытъ русскихъ царей“, стр. XIV.

[2]) „Размышленіе о современныхъ задачахъ русской исторіи и др.“, стр. 52.

даже на саморазвитіе и на самозачатіе, то-есть на такое дѣйствіе жизни, въ которомъ никакъ не откроешь личнаго художника". Какъ же подойти къ описанію и объясненію такого сложнаго процесса, какимъ представляется Забѣлину исторія-жизнь? Забѣлинъ стремится слить эти двѣ стихіи, прошлое и настоящее, жизнь и воспоминаніе, стремится понять одно изъ другого и говоритъ тамъ же (стр. 53): „Исторія—наука не точная, не математика. Она подвижна и измѣнчива, какъ сама жизнь. Исторія трудится надъ такимъ матеріаломъ, который весь состоитъ только изъ дѣлъ и идей человѣческой жизни. А жизнь, и тѣмъ болѣе прожитая,—существо неуловимое. Ее понимать и объяснять возможно только положеніями и отношеніями той же самой жизни". Забѣлинъ и обратился къ изученію жизни во всей ея полнотѣ, причемъ на каждомъ его изслѣдованіи отражалась тонкая красота его личнаго умственнаго склада, его домысловъ и увлеченій. Но это упорное повтореніе во всѣхъ сочиненіяхъ простыхъ и ясныхъ наблюденій все того же, неизмѣнно всматривающагося лица, со всею искренностью стремящагося открыть свои личныя безпритязательныя отношенія къ русской дѣйствительной жизни, создало то, что изучающій его сочиненія сквозь призму знакомой мысли воспринимаетъ какъ бы объективно данную старину, художественно отраженную или вѣрнѣе сообщенную какимъ-то особеннымъ пріемомъ, посредствомъ котораго тонкій художникъ и наблюдатель даетъ читателю возможность самому прослѣдить „главнѣйшіе корни и истоки русскаго развитія", обозначеніе которыхъ Забѣлинъ ставитъ своей первой задачей. Въ жизнь онъ вдумывается прежде всего со стороны идей. „Жизнь народа,—пишетъ Забѣлинъ,—въ самомъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство". Идеи—первый признакъ и невидимый стержень, который держитъ весь строй жизни, который опредѣляетъ характеръ участія народа (въ дѣлѣ) жизни, то самое цѣнное для осмысливающаго жизнь человѣчества, что старался отыскать и самъ Забѣлинъ. Разъясняя темный вопросъ о томъ, кто прожилъ вѣка передъ концомъ „другой нашей исторіи, о которой мы ничего не знаемъ",—разъясняя этотъ вопросъ помощью осторожныхъ разысканій, напрягая при этомъ все свое археологическое искусство, Забѣлинъ со строгой убѣжденностью написалъ: „Она (т.-е. исторія) можетъ достовѣрно только сказать, что жизнью здѣшняго поселенія цѣлые вѣка и тысячелѣтія управляли однѣ и тѣ же идеи, которыя каждый новый народъ, если таковой дѣйствительно приходилъ, принималъ отъ предшественника, какъ бы по наслѣдству, пока эти же самыя идеи не взошли къ своему концу уже на глазахъ самой исторіи развитіемъ и утвержденіемъ въ этой странѣ русскаго владычества и русскаго государства". Но вѣдь идеи не требуютъ опредѣленныхъ

сферъ для своего зарожденія. Забѣлинъ ищетъ ихъ вездѣ, гдѣ хочетъ свое мелочное изслѣдованіе единичнаго привести къ извѣстному синтезу. „Мелочной повседневный частный бытъ,—читаемъ у него,—точно также складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя иначе можно также именовать идеями". И такъ какъ по мнѣнію Забѣлина „раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи— прямая задача для изслѣдователя народной жизни, а Забѣлинъ весь свой трудъ положилъ на изученіе народной жизни, то ясно, что хотя бы и одной изъ своихъ сторонъ его жизнепониманіе сосредоточилось на уясненіи этихъ идей. Но идеи онъ раскрывалъ не только при помощи чисто логической операціи надъ изслѣдуемымъ матеріаломъ. Забѣлинъ зналъ, что вся жизнь сознательной своей чередой протекаетъ въ сферѣ міросозерцаній. По нимъ мы узнаемъ человѣка, и въ этой сферѣ лежитъ мысль заинтересовавшаго насъ лица по отношенію къ его современности. Живая жизнь внѣ міросозерцаній не вяжется съ нашимъ отношеніемъ къ жизни. Ихъ то въ горячей трепетной цѣлости вынимаетъ Забѣлинъ изъ груди людей угасшей старины.

Отъ смутныхъ первобытныхъ чувствъ простора, близости къ землѣ и водѣ, отъ какой-то космической слитности дикаря съ темнымъ лѣсомъ и ширью неоглядныхъ степей переходитъ Забѣлинъ къ тонко почувствованному имъ жеманству Карамзина. Онъ цитируетъ цѣлыя страницы, заставляя самихъ изучающихъ услышать его неуклюжіе сентименты, и прежде чѣмъ вылить все содержаніе чувствъ монастырскихъ строителей къ природѣ, или прежде догадки о влеченіи къ картинамъ нагорнаго берега и дали хоть бы самого суздальскаго князя Юрія, полюбившаго эти густые холмы Москвы, Забѣлинъ разскажетъ и *свои* чувства къ природѣ, а въ параллель возьметъ чувства какого-то юродиваго Лёвки, а потомъ чувства свѣтской барыни александровскихъ временъ, затѣмъ перейдетъ къ чувству природы въ екатерининскомъ и елизаветинскомъ обществѣ, потомъ подымется и въ XVII вѣкъ и такъ нанижетъ цѣлую цѣпь отъ юродиваго Лёвки до какого-нибудь Кириллы Новоезерскаго (XV в.). Забѣлинъ осторожно прокрадывается къ самымъ корнямъ и истокамъ нашей натуры. „Ландшафтъ родной природы,— пишетъ Забѣлинъ, [1])—такой же воспитатель народнаго чувства, какъ и вся физическая обстановка этой природы". Бродя по Россіи, можно догадаться о многомъ, учуять глубочайшія основы нашей исторіи. „Оттого путникъ, переѣзжая вдоль и поперекъ эту равнину,—въ безлѣсной степи или безконечномъ лѣсу, повсюду и неизмѣнно чувствуетъ, что этотъ великій просторъ въ сущности есть великая пустыня. Вотъ почему рядомъ съ чувствомъ простора и широты русскому человѣку такъ знакомо и чувство

---

[1]) „Ист. рус. жизни", ч. I, 1908 г., стр. 7.

пустынности, которое яснѣе всего изображается въ заунывномъ звукѣ нашихъ родныхъ пѣсенъ". И на-ряду съ этими соображеніями кропотливое, археологическое изслѣдованіе о московскихъ садахъ XVII в. и вообще о садахъ въ вотчинныхъ хозяйствахъ и во дворцахъ, мысли и о томъ „зеленомъ садѣ", о которомъ поется въ пѣснѣ. Забѣлинъ ищетъ и въ ней правды, грусти и красоты, чтобы понять, въ чемъ сама жизнь, въ чемъ дѣйствительная правда, чтобы стать яснымъ и справедливымъ для тѣхъ, кто ищетъ съ нимъ въ одномъ направленіи пониманія жизни-исторіи. Перечисляя и описывая елизаветинскія и екатерининскія затѣи, всѣ эти аллеи, шпалеры и гроты, мраморныя группы, всѣ эти фонтаны, каскады и т. п., [1]) Забѣлинъ хочетъ отыскать въ этой стадіи эволюцію прежняго чувства природы и видитъ новые элементы, отъ которыхъ были уже далеки тѣ времена, когда „Кириллъ Новоезерскій (XV в.) ходилъ по странамъ 20 лѣтъ, обошелъ страны подмосковныя, псковскія, новгородскія, поморскія, пока не было ему указано чудеснымъ образомъ мѣсто для тихаго пристанища на Красномъ островѣ Новаго озера, украшенномъ вельми древесами". [2]) Этой манерой изображенія Забѣлинъ подходитъ къ такимъ сферамъ жизни, которыя, иначе передаваемыя, теряли бы свой „запахъ и цвѣтъ".

Но часто, чтобы дойти до желаемаго круга идей, чтобы не остаться разбитымъ въ своей вѣрѣ въ возможность найти частныя идеи жизни, Забѣлину нужно окунаться въ совсѣмъ особливый матеріалъ для историка быта и частной жизни. Онъ обращается къ памятникамъ искусства: къ миніатюрѣ, къ иконѣ, къ царской и простой утвари, къ художественной мебели, ко внутреннему наряду хоромъ, къ „запонамъ" (завѣсы) индѣйскимъ цвѣтнымъ, къ золотымъ басменнымъ кожамъ съ тисненіемъ травъ и птицъ и цвѣтовъ, къ стѣнописи, къ подволочному письму, къ отношенію людей къ иконѣ, къ храму, къ стариннымъ строеніямъ. „Въ изученіи памятниковъ зодчества,—пишетъ Забѣлинъ,—необходимо и существеннѣе всего выяснить, съ одной стороны, если она церковная, религіозную думу и созерцаніе съ его символизмомъ, затѣмъ развитіе творческихъ художественныхъ силъ народа, развитіе эстетической стихіи его духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людскія, частныя понятія даннаго времени о художественной красотѣ и изяществѣ, понятія великолѣпія, роскоши или вообще *удивленія,* говоря древнимъ словомъ, въ которомъ заключается смыслъ всѣхъ предыдущихъ словъ. Необходимо раскрыть, въ чемъ находитъ человѣкъ красоту, отъ чего приходитъ онъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ, какія линіи и очертанія были, такъ сказать, родовыми, основ-

---

[1]) „Кунцово и Свт. станъ", стр. 58.

[2]) Тамъ же, стр. 32.

ными въ его художественныхъ представленіяхъ и вкусахъ. Въ такомъ изслѣдованіи мы неизбѣжно раскроемъ и русскій стиль и русскій вкусъ въ его типическихъ чертахъ". [1]) Но когда Забѣлинъ захватывалъ область искусства, онъ зналъ, что это такая же законная сторона жизни, такой же ея возбуждающій нервъ, какъ и иныя ея проявленія въ сферѣ хозяйственной, соціальной и политической, потому что жизнь, по мысли Забѣлина, не понята и остается (нашей) фантазіей, если не увидимъ и не почувствуемъ въ мелкомъ и частномъ проявленія общаго, можетъ быть, и не во всей своей силѣ живущаго въ данный моментъ и въ данной стихіи. И именно потому, что темны были времена той исторіи, къ которой особенно любовно обращалъ свой взглядъ Забѣлинъ, приходилось, чтобы подойти къ ней, обращаться къ матеріальнымъ памятникамъ быта, повидимому, очень далекимъ отъ искусства. Проникая непосредственно въ народную массу, стараясь по всякимъ свидѣтельствамъ узнать народную психологію, Забѣлинъ искалъ въ ней объясненія традицій русской жизни, старался уловить навыки въ отношеніи къ такимъ исконнымъ вещамъ, какъ всякій мужицкій трудъ и всякій мужицкій обиходъ, который тянется все въ одной формѣ, какъ мужицкая клѣть и изба, отъ временъ новгородскаго Рюрика. Онъ вводитъ изучающаго старину и во всѣ подробности хозяйства и дома, добытыя его предварительными изслѣдованіями, подымается и на красное крыльцо, и на постельное крыльцо; приходитъ и въ моленную, и на курятный дворъ, и въ мыленку, и въ тѣ урочища и городища, которые видитъ и въ Кунцовѣ, и за селомъ Тушинымъ, и у Андроньева монастыря и на самомъ уступѣ Боровицкаго холма. Ищетъ въ самомъ характерѣ мѣстности прежняго отношенія къ этимъ загадочнымъ и глухимъ мѣстамъ древнѣйшаго разселенія. Вслушиваясь въ примитивный разсказъ лѣтописца первой лѣтописи о походѣ Ольги къ Царюграду (съ обычнымъ караваномъ торговыхъ кораблей), Забѣлинъ, приводя договоры съ греками Олега и Игоря, хочетъ не только понять, какъ это (дѣйствительно) было, какъ фактически восприняли предки Византію, но еще хочетъ заставить ихъ отъ себя говорить, стремится проникнуть въ ихъ душевный складъ. „Конечно, первою существенною приманкою была торговля, потребности матеріальныя, хлѣбныя; о торговлѣ только рѣчь идетъ въ договорахъ; но нельзя же представлять русскихъ купцовъ совсѣмъ безчувственными къ красотамъ города и къ обольщеніямъ его блистательной, роскошной жизни. Они оцѣнивали эти обольщенія по-своему и тянули ихъ на свой нравъ и потому въ договорѣ же выпросили право свободно париться, сколько хотятъ, въ знаменитыхъ цареградскихъ баняхъ. Они добились права

---

[1]) „Размыш. о совр. задач. рус. ист. и древн.", стр. 66.

свободно жить, хотя бы въ предмѣстьѣ города, свободно входить въ городъ, хотя бы и въ одни только ворота, не зная никакихъ другихъ. Они выпросили себѣ кормленіе на 6 мѣсяцевъ—хлѣбъ, вино, овощи, цареградскіе стрючки и всякія лакомства". А далѣе длинный разсказъ о Цареградѣ, и Забѣлинъ прибавляетъ: „такъ могли они (т.-е. послы) разсказывать дома".

Въ этой особенной по складу и силѣ манерѣ изображать прошлое есть, можетъ быть, чисто внѣшняя, но драгоцѣнная для насъ художественная намѣренность Забѣлина. Во вступленіи къ статьѣ „Большой бояринъ" читаемъ: „въ изложеніи своего предмета мы старались и о томъ, чтобъ сохранить складъ старинной живой рѣчи, въ которомъ всегда обнаруживается и складъ самыхъ понятій".

Еще ближе мы поймемъ Забѣлина, если выслушаемъ его слова о томъ, что мѣсто его историка и мѣсто Гоголя или вообще всякаго писателя по отношенію къ жизни совпадаютъ. У историка и у художника одна цѣль. Забѣлинъ, признавая необходимость изслѣдовать исторію со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, всетаки полагаетъ, не рисуя мрачныхъ картинъ для будущихъ историковъ, но оглядываясь на нѣкоторыхъ прошлыхъ и ему современныхъ, что существуетъ опасность, какъ бы не приняли всю исторію за исторію Чингизхановъ и (разныхъ) Тамерлановъ, въ чемъ бы они ни появлялись—въ татарскомъ ли халатѣ или другихъ какихъ, даже вплоть до наполеоновскихъ, нарядахъ. Плохо, если мы не видимъ простой будничной жизни, которая въ сущности и есть сама правда исторіи, въ приближеніи къ мелочамъ которой осмысливается все ея значеніе. Какъ каждый художникъ, какъ, въ частности, Гоголь, не называя, не умѣя назвать, что есть жизнь, развертывалъ пошлыя сочетанія мелкихъ дѣлъ и поступковъ рядомъ со всяческими вещами, всяческой рухлядью и этимъ создавалъ картину, самымъ творчествомъ своимъ создавалъ жизненный синтезъ, такъ долженъ поступать и историкъ по завѣту Забѣлина. „Если для живой дышащей характеристики, — пишетъ Забѣлинъ, [1]) — современныхъ намъ типовъ художникъ прямо берется за внѣшнюю мелочную ихъ обстановку и щедро разсыпаетъ вокругъ нихъ домашнія бытовыя мелочи, всегда придающія особенную выпуклость, или, говоря стариннымъ словомъ, особенное *живство*, изображеннымъ лицамъ и картинамъ, то подобныя краски еще необходимѣе для изображенія древности". „Если типы Собакевича или Манилова, Ноздрева, Коробочки, Плюшкина и т. д. несравненно ярче, выпуклѣе, пластичнѣе выходятъ посреди той обстановки... которая создалась какъ бы органически, какъ слѣдствіе ихъ задушевныхъ вкусовъ, стремленій, желаній, убѣжденій,

---

[1]) „Разм. о задач. совр. истор. и др.", стр. 61.

привычекъ и т. д., слѣдовательно, представляетъ въ сущности осязательное выраженіе духовнаго ихъ развитія..., то изображеніе этой обстановки, всей мелочной житейской среды въ историческихъ и археологическихъ картинахъ и характеристикахъ пріобрѣтаетъ еще большую важность и несравненно бо́льшее значеніе".

Итакъ, необозримый матеріалъ прошлаго вливается въ его рабочую комнату, и изъ этой груды собраннаго и набраннаго, послѣ долгихъ трудовъ, онъ вноситъ крупные алмазы своего творчества въ сокровищницу его исторіи. И всякій пластъ этой груды, все взято изъ жизни, все изжитое и жившее суть только стороны одного единаго процесса— исторіи жизни, которая не разорвалась ни въ какой моментъ, которая не отдѣлилась ни отъ чего и не отдѣлила ни крупицы, ни пылинки; раскрытіе этого процесса заключается въ пониманіи всѣхъ граней исчезнувшей и настоящей жизни. Онъ разыскиваетъ не только съ лицевой ея стороны то, чѣмъ пользуются и живутъ люди, твердо сознавая это, ими переживаемое, ими созданное, но и сызнанки, то, что смутно влечетъ человѣка, взятое отъ самой природы или закутанное пеленами современности. „Дѣйствительно,—останавливаетъ себя Забѣлинъ, изслѣдуя глубокую древность въ I томѣ „Исторіи русской жизни" [1])—въ исторіи, какъ и вообще въ жизни, каждое событіе съ одной стороны,—скажемъ съ лицевой, съ видимой стороны,—всегда служитъ началомъ и какъ бы зародышемъ для другихъ дальнѣйшихъ, послѣдующихъ дѣлъ и событій, а съ другой—съ оборотной стороны, съ какой по большей части мы никогда не видимъ—оно всегда представляетъ конецъ и завершеніе многочисленныхъ дѣлъ и событій, уходящихъ въ безконечную даль прожитыхъ вѣковъ".

II.

Какъ же понять весь этотъ матеріалъ живой жизни, накопленный въ его сочиненіяхъ? Какъ подойти къ трудамъ, чтобы схватить систему исторической мысли Забѣлина? Сначала пересмотримъ его сочиненія со стороны метода и со стороны особенныхъ формъ, въ которыхъ изложены воззрѣнія Забѣлина и изображена самая жизнь.

Свойства этого метода таковы, что Забѣлинъ молчаливо требуетъ отъ самого читателя своихъ книгъ личнаго творчества и интуиціи. „Мы надѣемся,—читаемъ у Забѣлина, [2])—что и въ нашей книгѣ читатель гораздо больше прочтетъ между строками, какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ".

---

[1]) Стр. 205.

[2]) „Домашній бытъ русск. царей", стр. XIX.

Приступивъ къ извѣстному вопросу, Забѣлинъ обыкновенно начинаетъ описывать явленіе за явленіемъ, одну группу за другой, одинъ предметъ за другимъ, какъ бы случайно собирая ихъ изъ всей неразрывной массы жизни, подобно тому, какъ бы у насъ слагались впечатлѣнія, приходящія къ намъ, по мѣрѣ того, какъ мы всматриваемся въ окружающую насъ жизнь. Сначала Забѣлинъ рисуетъ самыя крупныя черты, самые общіе штрихи изучаемой жизни, затѣмъ начинаетъ уходить все больше и больше въ детали и частности, и вдругъ изслѣдованіе превращается въ какое-то сплошное накопленіе всякихъ частностей и мелочей, объединенныхъ только какимъ-нибудь самымъ общимъ вопросомъ. Вотъ, положимъ, въ „Изслѣдованіи о бытѣ царей"—дума, великоденскіе дары и приносы или нарушеніе чести государева двора непригожимъ словомъ, или въ „Домашнемъ бытѣ царицъ"—признаніе царицыной личности, дѣло комнатной бабки или умышленіе испортить царицу Евдокію Лукьяновну. Но эти отдѣльныя темы, которыя намѣтилъ себѣ Забѣлинъ, въ отношеніи къ тому матеріалу, который онъ подвергаетъ своему изслѣдованію, все же являются общими вопросами, потому что Забѣлинъ пытается проникнуть въ самый житейскій обиходъ, понимая, что все уже ставшее обычнымъ, освященное традиціей, заключаетъ въ себѣ, кромѣ формальной стороны, какое-то еще трудно уловимое, почти не уловимое изъ одного только явленія или факта отношеніе данной среды въ данную эпоху къ этой формѣ, но которое необходимо понять, чтобы проникнуть въ житейскій обиходъ, въ бытъ, въ народную жизнь. Вотъ эти мелочи и являются условіемъ для такого пониманія жизни. Объяснить ихъ, сводя къ какимъ-либо единствамъ и классификаціямъ, нельзя уже просто потому, что въ такомъ случаѣ онѣ будутъ выдѣлены изъ ихъ органическаго цѣлаго, жизни; ихъ нужно излагать во всей ихъ живой непосредственности. Тогда читатель воспринимаетъ ихъ такими, какими ихъ видитъ Забѣлинъ въ живой дѣйствительности старины. Это есть наведеніе изучающаго на собираніе наиболѣе характерныхъ явленій, фактовъ и чертъ извѣстной эпохи или быта. Но кромѣ того, это есть еще ненамѣренное утвержденіе, что жизнь чисто внѣшне привязывается къ отдѣльнымъ сторонамъ уже созданнаго порядка и что анализъ того, какъ она привязывается къ этимъ сторонамъ и въ какихъ мелочахъ прорывается истинный интересъ и истинныя потребности отдѣльной личности или цѣлаго общества, есть наилучшій способъ познать жизнь съ ея житейской, бытовой стороны. Тонъ изслѣдованій Забѣлина всегда спокойный, почти эпическій, но никогда не угасаетъ передъ читателемъ духовный обликъ изслѣдователя; и этимъ достигается то, что образы и картины, изучаемые имъ по пути своихъ разысканій, встаютъ свѣжіе и живые, точно записанные съ натуры безъ всякихъ искаженій. И въ этомъ отношеніи Забѣлинъ напоминаетъ другого художника, который

также рисуетъ свои образы, погруженный въ прошлое. Я говорю о С. Т. Аксаковѣ. Въ книгахъ Аксакова также возстаетъ свѣжая и сыроватая природа и всѣ люди, такъ и вынутые изъ своего лона темной глухой окраины, со всѣмъ ея запахомъ, со всѣми оттѣнками. Но тамъ, въ этомъ аксаковскомъ спокойствіи, точно взятомъ отъ самой тучной и нетронутой земли, вѣетъ особеннымъ, какъ бы сказать, прямоугольнымъ міросозерцаніемъ, куда и не войдетъ, какъ и не вошла вся неприлаженность, вся несправедливость жизни. Жизнь разсказана съ тихой улыбкой, въ духѣ природы и среды; все разсмотрѣно съ одной, съ внѣшней стороны; развѣ, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ еще какъ-то описывать жизнь? Такое же опредѣленное міросозерцаніе чувствуется и въ творчествѣ Забѣлина, и я нарочно ихъ сопоставилъ, чтобы отмѣтить этимъ какое-то непосредственное влеченіе у одного къ воспоминаніямъ, у другого—къ старинѣ.

Какъ у Аксакова въ отраженіи современности былъ свой духъ и свой складъ пониманія людей и жизни, такъ и у Забѣлина изображеніе угасшей жизни связывается съ выбираніемъ группъ предметовъ и явленій, имѣющихъ особую цѣнность для пониманія цѣлаго, которое необозримо и можетъ быть изучено лишь по частямъ.

Забѣлинъ не написалъ прагматической исторіи, какую мы могли бы ожидать отъ историка, изучающаго жизнь во всемъ ея объемѣ. У него нѣтъ сочиненія, которое излагало бы событіе за событіемъ, выясняя причинную послѣдовательность ихъ. Онъ возсоздавалъ матеріалъ, доискиваясь запутанной связи явленій, стараясь установить основныя дѣйствующія причины, но это было привходящимъ моментомъ въ его исторію, это было отнесено имъ туда, въ ту часть изслѣдованій, которую онъ не называлъ собственно исторіей, а „изслѣдовательностью“.

Его сочиненія—безпрерывная лѣтопись о старинѣ. Онъ все время распутывалъ разные узлы, все время углублялся въ различные пласты, оставленные прошлой жизнью, но своими разысканіями и отвѣтами оживлялъ не явленія или бытовыя особенности чиновъ и общественныхъ состояній, а осмысливалъ жизненное единство русской исторіи, какъ оно сказывалось въ ея индивидуальной многогранности. И, увлеченный этимъ спеціальнымъ интересомъ къ прошлой жизни, и только ради него производя различныя историческія изысканія, онъ допускалъ,—какъ, напримѣръ, въ книгѣ о бытѣ русскихъ царей,—что изслѣдованія его и вопросы будутъ названы не историческими, но тѣмъ больше этотъ его спеціальный интересъ не угасалъ, и тѣмъ могучѣе онъ поднималъ все иныя нетронутыя новины.

Итакъ, поставленіе себѣ задачей исторіи „возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ, который метался бы въ глаза на

каждой страницѣ историческаго повѣствованія“, [1]) и раскрыть живую душу въ событіяхъ и лицахъ, обусловило особый методъ изображенія своихъ отношеній къ угасшей жизни. Но, кромѣ того, Забѣлинъ создалъ и особыя формы, въ которыхъ излагалъ свои воззрѣнія.

Выбирая группы наблюденныхъ фактовъ, онъ старается ихъ объяснить въ тѣсномъ единеніи со всѣми къ нимъ прилежащими явленіями. Онъ каждый обработанный вопросъ исторіи дѣлаетъ страницей дѣйствительной жизни. Хозяйство мужицкое, хозяйство большого боярина или московскаго великаго князя изучается съ полной тщательностью, но такъ, что эта отрасль жизни не затемняетъ въ его глазахъ живой цѣлокупности, всей хозяйственной жизни. Въ изслѣдованіи ничто не вырывается, ничто не давитъ, не преобладаетъ намѣренно, если подобное не почерпнуто изъ самой жизни. Все вниманіе и здѣсь—понять картину жизни. Въ изученіи хозяйства боярина за изученіемъ каждой статьи дохода встаетъ самая жизнь въ Москвѣ или въ деревнѣ. Это намѣренный пріемъ.

Вотъ, напримѣръ, Забѣлинъ выясняетъ очень строго и послѣдовательно вотчинныя отношенія къ духовенству [2]) и въ поясненіе того обстоятельства, какъ фактически, на самомъ дѣлѣ, обстояли дѣла съ попами въ вотчинахъ, насколько эти отношенія соотвѣтствовало дѣйствительной грубости жизни, онъ приводитъ такое донесеніе приказчика отъ 26 января 1652 г.: „У павловскихъ, государь, поповъ стало въ церкви безчинство большое; дрался, государь, въ церкви Иванъ попъ съ Романомъ попомъ. Романа попа Иванъ попъ ушибъ книгою и Романъ попъ въ церкви повалился; и отдохнувъ попъ Романъ бросилъ книгою въ Ивана попа, Иванъ попъ Романа попа вдругорядь ушибъ книгою. А видѣлъ у нихъ тотъ бой Семенъ попъ и сказывалъ мнѣ“.

Но посмотримъ на образцѣ, какъ Забѣлинъ производитъ анализъ необъятному матеріалу исторіи, и тогда оттуда окончательно установимъ существо его метода. Обратимся къ небольшой его книжкѣ „Русское искусство“ (черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ). Изслѣдованіе открывается попыткой на образцѣ пестраго, курчаваго и, на первый взглядъ, полнаго безпокойныхъ формъ собора Покрова пресв. Богородицы показать общія тенденціи русскаго духа—создать самобытную архитектурную форму, создать свою особенную по настроенію и по пониманію художественныхъ линій и формъ красоту.

Опираясь на общую мысль Куглера о томъ, что наша архитектура самобытна и своенравна, и на особое его опредѣленіе мухаммеданскаго искусства, вліяніе котораго сказывается и въ архитектурѣ указаннаго

---

[1]) „Разм. о совр. задач. ист. и древ.“, стр. 56.

[2]) „Больш. бояр. въ своемъ вотч. хоз.“, стр. 495 (*Вѣстникъ Европы*, 1871 г.).

храма, и по разсмотрѣніи мнѣній „археологической учености", какъ выражается Забѣлинъ, „нашего времени", будто бы „эта диковинная церковь, оригинальная своимъ зодчествомъ, составляетъ исключеніе изъ господствовавшаго у насъ въ XVI вѣкѣ стиля, что разнообразные ея орнаменты и детали представляютъ причудливое смѣшеніе стиля мавританскаго, готическаго, ломбардскаго, индѣйскаго и византійскаго", Забѣлинъ приступаетъ къ задачѣ, „прослѣдить тѣ черты древне-русскаго зодчества, въ которыхъ оно болѣе или менѣе полно и явственно выразило свою, такъ сказать, природную, т.-е. климатическую и топографическую, самостоятельность и чисто русскую самобытность своихъ замысловъ". Онъ вникаетъ въ характеръ плотничнаго мастерства и въ развитіе деревянной постройки изъ идеи простого деревенскаго жилья: избы и клѣти. Съ другой стороны, ему мало указанія тѣхъ формъ и обычаевъ въ возведеніи построекъ, которые онъ отыскалъ въ письменныхъ свидѣтельствахъ и въ вещественныхъ памятникахъ старины; ему нужно открыть отношеніе человѣка къ памятникамъ зодчества, открыть то настроеніе, которое, помимо вліяній, идущихъ, въ церковномъ зодчествѣ, положимъ, отъ Византіи, согрѣвало особенное интимное отношеніе къ храму и къ его архитектурнымъ линіямъ; переходя отъ церковныхъ построекъ къ хоромнымъ зданіямъ, замѣчая, что „древнія хоромы всегда представляли группу разноличныхъ и раздѣльныхъ построекъ, изъ которыхъ каждая должна была отличаться своимъ особымъ складомъ красоты", [1]) онъ ставитъ вопросъ: „носилась ли въ понятіяхъ мысль, представлявшая зданіе какъ бы живымъ существомъ?" и продолжаетъ: „поэтому и кровля зданія въ извѣстномъ отношеніи пріобрѣла значеніе головного убора, такъ какъ и окна пріобрѣли значеніе очей". Вглядываясь въ уборъ кровли, онъ ищетъ художественной связи, принципа не въ чисто формальныхъ художественныхъ задачахъ и во вліяніяхъ иныхъ стилей, а опять же въ отношеніи русскаго человѣка къ самому зданію по самой своей природѣ. Онъ хочетъ прочесть дѣйствительную правду и въ фантастическихъ схемахъ зданій не умѣющаго рисовать иконописца, и въ палатномъ письмѣ; онъ хочетъ отыскать въ самой стихіи народныхъ чувствъ отвѣты на увлеченіе узорчатостью или кудрявой пестротой отдѣлки. По отношенію къ русскому гражданскому зданію онъ приходитъ къ выводу, что для уясненія его характера оно требуетъ яснаго и даже яркаго расчлененія и по вертикальной, и по горизонтальной линіи. Вотъ что это значитъ: „Расчлененіе зданія по его составной части по вертикальной линіи восходило даже и на кровлю, которая для каждаго самостоятельнаго отдѣла получала по своему устройству особую форму". „Расчлененіе зданія по горизонтальной линіи точно такъ же

[1]) „Русск. искусство", стр. 57.

обрисовывалось всегда довольно ярко, чему способствовали густые по обдѣлкѣ пояса, или собственно карнизы отдѣльныхъ ярусовъ". [1]) Всѣ дальнѣйшія соображенія приводятъ Забѣлина къ окончательному выводу, „что древнее русское зодчество произошло изъ деревни и потому носило на себѣ черты зодчества по преимуществу сельскаго, деревенскаго, какова архитектура и всѣхъ нашихъ старинныхъ храмовъ". Отношеніе Забѣлина къ храму даетъ, можетъ быть, наиболѣе яркое представленіе о томъ методѣ, которымъ онъ пользуется для отысканія живой души угасшей жизни. Стараясь разъяснить, какъ понимался въ глубокой религіозной мысли окладъ зданія, онъ пользуется для этого техническими и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко образными названіями частей храма по вертикальному сплетенію, идя отъ выгнутыхъ подъ кровлей кружалъ, образующихъ храмовыя плечи, и поднимаясь, собственно, кверху, гдѣ возвышается глава, стоящая на шеѣ, или высокомъ сквозномъ столпѣ съ плоскими сводами, которые по сходству именуются лбомъ. Онъ пересматриваетъ при этомъ не только типы суздальскихъ, новгородскихъ или южныхъ храмовъ, но вникаетъ и въ то, какъ выражалась въ нихъ та ненарушимая святыня, которая, какъ догматъ вѣры, не могла уже подвергаться измѣнчивымъ и преходящимъ мудрованіямъ свободнаго замысла. Проникновеніе въ этотъ освященный край народной жизни связываетъ у Забѣлина нѣчто матеріальное и застывшее съ вѣчно живымъ и измѣняемымъ, вынесеннымъ жизнью отъ самыхъ истоковъ народной исторіи. И потому онъ видитъ при всемъ своенравіи русскаго стиля его художественное родство съ далекой Индіей,—родство, которое выражается въ чувствѣ, если такъ можно выразиться, или въ законѣ той кудрявости и округленности формъ, которою запечатлѣны всѣ памятники индійскаго зодчества, какъ и наши древнія постройки. [2])

Интересно, какъ оживляются у Забѣлина методологическія основы новыми чертами, какъ только измѣняется характеръ задачи изслѣдованія. Его книга „構Мининъ и Пожарскій"—прямые и кривые въ смутное время", является такимъ сочиненіемъ, которое, какъ гдѣ-то онъ замѣчаетъ въ названной книгѣ по частному поводу, устанавливаетъ непреложный историческій выводъ изъ множества историческихъ жизненныхъ посылокъ. [3]) Выводъ этотъ Забѣлинъ излагаетъ въ нѣсколькихъ вводящихъ главахъ, въ которыхъ разсказываетъ, какъ понимаетъ онъ смыслъ событій русской исторіи до великаго „шатанья", до смуты. И вотъ начинается кропотливое изысканіе надъ единымъ рус-

---

[1]) „Русск. ист.", стр. 154.
[2]) „Русск. искусст.", стр. 121.
[3]) „Мининъ и Пожарскій", стр. 159 и 160.

скимъ материкомъ—народомъ по тремъ пластамъ: богомольцевъ, холопей и сиротъ. Въ каждую изъ этихъ соціологическихъ формъ: сироту-народъ, холопей—служилое сословіе—боярство и богомольцевъ—духовный чинъ врастаютъ въ изслѣдованіи Забѣлина всѣ нити исторической жизни Россіи. Эти три живыхъ корня Россіи создаютъ каждый свою исторію. Но въ изложеніи нѣтъ разграфленія исторіи и самаго труда на такіе моменты, когда бы выдѣлялся одинъ изъ этихъ корней спеціально, а потомъ слѣдующій и такъ далѣе. Въ окончательномъ выводѣ изучающій книгу получитъ впечатлѣніе, что изучены три пласта народной массы, но, читая ее, онъ всетаки видитъ *единый* потокъ жизни. О Мининѣ Забѣлинъ пишетъ: „Онъ заболѣлъ душою о страданіяхъ своей земли и воплотилъ свою энергичную мысль въ дѣло, которое достославно довелъ до желаннаго конца“. [1]) „Мы не знаемъ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—домашней стороны этой смуты... Между тѣмъ, безъ познанія и пониманія разныхъ бытовыхъ условій тогдашней жизни совсѣмъ нельзя объяснить очень многіе случаи этой исторіи“. [2]) За широкой картиной обширной Руси, взволнованной далеко вокругъ Москвы, изслѣдованіе вступаетъ въ изысканіе дня за днемъ, момента за моментомъ въ событіяхъ вокругъ самого Кремля, и тутъ встаютъ живые образы Минина, „художествомъ“ говядаря, продавца мясъ и рыбъ, съ немалымъ достаткомъ рублей въ 300, или образъ хитраго келаря, котораго вообще Забѣлинъ не любитъ и уличаетъ въ намѣренномъ лганьѣ (рѣчь идетъ объ Авраміи Палицынѣ); или образѣ замѣчательнаго богомольца Иринарха, державшаго какъ бы многія нити національной энергіи въ своемъ борисоглѣбскомъ затворѣ. По поводу этого затворника Забѣлинъ пишетъ: „Вообще, своимъ житіемъ и подвигами затворникъ Иринархъ вполнѣ запечатлѣлъ народную мысль о праведной жизни, какъ и народную душу о современной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти старцы—крѣпкіе столпы, обвивающіе себя желѣзомъ, эти плечныя вериги, ножныя путы, поясныя связи, эти многочисленные тяжелые кресты, всѣ эти изумительные труды, развѣ все это не столь же краснорѣчиво выражаетъ и изображаетъ истинный смыслъ эпохи, какъ и писанное слово грамотъ, сказаній и лѣтописей“. [3]) И въ каждую страницу повѣсти о смутномъ времени Забѣлинъ невидимо вписываетъ сильную мысль о правдѣ и кривдѣ, въ которой живетъ народъ въ своей исторіи. Есть еще одинъ типъ изысканій въ творчествѣ Забѣлина, который прибавитъ новыя черты къ характеристикѣ его метода.

Въ историческихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ назвалъ свою книгу

---

[1]) Ibidem, стр. 144.
[2]) Ibidem, стр. 112.
[3]) „Мининъ и Пожарскій“, стр. 258.

о „Кунцовѣ и Сѣтуньскомъ станѣ“, особенно прозрачна самая основа его метода изученія старины.

Здѣсь мѣстность, по которой онъ будетъ разыскивать прошлое, срослась со всей своей исторіей, со всѣми рѣшительно крупными и мелкими историческими днями. Поэтому онъ хочетъ сначала допытаться о томъ, какъ природа, очертанія холмовъ и рѣкъ, свойства, неизмѣненныя досель или почти неизмѣненныя, дѣйствовали на людей, бродившихъ по этимъ мѣстамъ. Онъ читаетъ не только писанныя свидѣтельства объ этомъ чувствѣ, но строитъ цѣлые лѣса домысловъ и, отымая ихъ внезапно, открываетъ возстановленное прошлое во всей его простотѣ и правдѣ. У Дорогомилова парома Забѣлинъ оглядываетъ всю мѣстность. Мѣста пребыванія ростовскихъ владыкъ вдругъ оживаютъ. Забѣлинъ разсказываетъ цѣликомъ всю грамоту Вассіана, написанную въ его Дорогомиловѣ Ивану III по поводу позорныхъ переговоровъ съ Ахматомъ. Старая Москва, старая Россія внезапно оживаетъ. Въ частностяхъ, въ мелочахъ найдены зерна общаго и единаго. Къ этому мѣсту прилѣпилось разными краями нѣсколько эпохъ исторіи, и, отыскивая въ индивидуальномъ признаковъ общаго духа, общаго стиля народной исторіи, Забѣлинъ переходитъ отъ времени сдачи Кремля полякамъ къ времени дворянской либеральной оппозиціи въ екатерининское время въ Москвѣ, отсюда ко времени наполеоновскаго вторженія въ Москву и тотъ же народъ, то же русское общество, переодѣвшись въ новые костюмы и новыя идеи, продолжаетъ жить, неизмѣнно проявляя тотъ же складъ своихъ природныхъ чертъ. Забѣлинъ не останавливается передъ доисторической глубочайшей древностью, чтобы дать объясненіе зачавшейся жизни, опредѣленному ея складу въ мѣстности, которая возбуждала особенное отношеніе къ себѣ людей, будучи особенно выгодной въ торговомъ, военномъ или какомъ-нибудь иномъ отношеніи.

И въ остальныхъ трудахъ Забѣлина, можетъ быть, въ болѣе затушеванной формѣ, мы видимъ тотъ же методъ и тѣ же формы, что и въ только что разобранныхъ книгахъ.

III.

Забѣлинъ упоминаетъ не разъ, что его труды есть дѣйствительная исторія народной жизни, въ ней онъ ищетъ общую правду, общую народную правду. „Въ какой формѣ воплощается идея общей правды,—пишетъ онъ въ „Опытахъ изученія русской древности и исторіи“, [1])—это уже зависитъ отъ характера и свойства господствующихъ элемен-

[1]) „Размышл. о совр. задач. рус. истор. и древ.“, стр. 56.

товъ въ жизни народа и отъ первоначальныхъ формъ, въ которыя вырождались эти элементы". Послѣ того, какъ было говорено о формахъ, воплощающихъ идеи общей правды по терминологіи Забѣлина, слѣдуетъ поставить вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ Забѣлинъ на характеръ и свойства господствовавшихъ элементовъ въ нашей исторіи, какова была система его исторической мысли.

Забѣлинъ думаетъ, что русскій народъ живетъ не всегда въ стихіи ему свойственной, но въ немъ есть національная самобытность, есть свои индивидуальныя основы, которыя органически развиваются, и все чуждое этимъ основамъ никогда органически ими не будетъ воспринято. Какъ уже было указано, эти основы нисколько не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что русская исторія разовьетъ свои формы до степени правового государства въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, но внѣшнее сличеніе формъ жизни нашей исторіи съ исторіей другихъ европейскихъ народовъ не дастъ полнаго и глубокаго пониманія прошлаго русской жизни, того пониманія, которое создается при изученіи индивидуальности нашего быта и національно-историческихъ особенностей. Забѣлинъ думаетъ, какъ я сказалъ, что есть въ русской исторіи основныя черты, что русскій народъ представляетъ такой совершенно индивидуальный ликъ, который Забѣлинъ хочетъ понять, прочувствовать и описать. Въ его сочиненіяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого перечисленія этихъ основныхъ свойствъ или формулировки его соображеній по этому поводу, но по всѣмъ его сочиненіямъ разсыпаны отдѣльныя замѣчанія и выводы, изъ совокупности которыхъ слагается опредѣленная система его историческихъ мыслей.

Прежде всего онъ утверждаетъ, что на протяженіи всей нашей исторіи ее пронизываютъ нѣкоторыя повторяющіяся группировки явленій, которыя Забѣлинъ понимаетъ въ качествѣ историческихъ традицій, коренящихся въ особенностяхъ русскаго народа чуть не со скиѳскихъ и уже во всякомъ случаѣ съ варяжскихъ временъ. Въ „Исторіи русской жизни", т. I, онъ пишетъ: „Въ исторіи, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, одинаковыя цѣли и одинаковыя обстоятельства всегда и повсюду порождаютъ одинаковый способъ дѣйствій, одинаковыя отношенія и весьма сходныя черты, даже въ мелкихъ подробностяхъ". [1]) Забѣлинъ разыскиваетъ эти повторенія одинаковыхъ цѣлей и въ различныхъ сочетаніяхъ отмѣчаетъ одинаковыя обстоятельства, и тогда выясняется, что въ русской исторіи видны старинныя и неизгладимыя складки, что рѣчи Грознаго въ предписаніи его югорскому князю и всѣмъ людямъ Сорыкитскія земли собирать дань по соболю съ человѣка, съ прибавленіемъ: „а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беречь, подъ своею

---

[1]) „Ист. рус. жизни", ч. I, стр. 625.

рукою держать, а не сберете нашей дани, и мнѣ на васъ послать рать да вострую саблю",—что эти рѣчи по своему смыслу такъ древни, что ихъ безъ ошибки можно относить къ самымъ отдаленнымъ временамъ, ко временамъ Олега.

Когда первая императрица выѣхала съ императоромъ изъ С.-Петербурга 12 декабря 1721 года, она, чуждая и Россіи и нашей древности, наконецъ царствовавшая среди совсѣмъ новыхъ порядковъ царскаго быта, не спрятавшись въ своихъ царицыныхъ хоромахъ, а живя у всѣхъ на виду, царствуя въ новозаведенныхъ ассамблеяхъ, на этомъ своемъ пути въ Москву въ сущности была почти что старинной царицей на своемъ походѣ—все въ этомъ переѣздѣ напоминало порядки и обычаи царицына обихода очень старыхъ временъ, [1]) прибавляетъ Забѣлинъ при описаніи этого переѣзда. Въ вотчинахъ боярина Морозова одинъ старшій приказчикъ Поздѣй изъ села Мурашкина повздорилъ съ плѣннымъ нѣмцемъ или полякомъ Левонтіемъ Грозомъ, тоже старшимъ приказчикомъ, только въ селѣ Лысковѣ. Бояринъ, наставляя того и другого не ссориться" и „о дѣлахъ (его) мыслить", совѣтовалъ обрусѣвшему нѣмцу или поляку слѣдующее: „держи свой умъ,—писалъ бояринъ въ концѣ,—навыкай русскому извычею". За этой выпиской Забѣлинъ прибавляетъ отъ себя: „Слова очень примѣчательныя. Русскій обычай, по отзыву первенствующаго боярина, руководителя государствомъ, заключался въ томъ, чтобы держать свой умъ. Въ этой мысли всегда коренилась вся политика Москвы, какъ государства... Крѣпкое держаніе своего ума спасало Москву, а съ нею и весь народъ отъ чужого хозяйничанья въ русской землѣ и тѣмъ очень характерно отличало ея исторію отъ исторіи другихъ славянскихъ племенъ", „...это очень старое, общее и коренное начало московскаго поведенія"... „надо замѣтить, что этотъ политическій корень былъ исключительно вотчинный, былъ воспитанъ и выросъ на вотчинномъ развитіи народа, и сама Москва, въ смыслѣ государства, была не чѣмъ инымъ, какъ лишь типичнымъ высшимъ видомъ старинной русской вотчины; потому она и стала называться государствомъ, т.-е. собственнымъ именемъ вотчины". [2])

Въ основѣ наблюденій Забѣлина, конечно, лежало убѣжденіе въ особенныхъ чертахъ характера русскаго человѣка и въ особенныхъ чертахъ его исторіи. Но онъ прямо объ этомъ не говоритъ, это само собой понятно изъ его характеристикъ и изслѣдованій. То же, на что онъ прямо указываетъ, подобно отмѣченнымъ выше замѣткамъ по части повторяющихся навыковъ, вообще характеризующихъ направленіе его исторической мысли, это частныя или, точнѣе, спеціальныя отношенія въ русской исторіи въ области соціальной зависимости.

---

[1]) „Домашній бытъ рус. царицъ", стр. 766.

[2]) „Больш. бояр.", стр. 499 и 500.

Существуетъ нѣкоторое постоянное отношеніе между земцемъ-кормителемъ, земцемъ-пахаремъ, земцемъ-промышленникомъ, между сиротою-народомъ и между правящей, владѣющей силой. „Главное,—пишетъ Забѣлинъ, [1])—что характеризовало эту правящую и владѣющую силу и чѣмъ отличалась она отъ земли — народа, это были ея особые нравы, обычаи, навыки, пріобрѣтенные ею въ незапамятныя варяжскія времена и стоявшія на томъ, чтобы побирать съ земца свое кормленіе“. Этотъ древній корень, „право кормленія землей“, внѣдрялся въ самый жизненный обиходъ, и это право, понимаемое непосредственно и прямо, „распространяло взятничество въ неимовѣрной степени, мало или вовсе не помышляя о томъ, что это вещь беззаконная“. [2]) Отсюда сложилось то обыкновеніе, что крестьяне звали и воеводъ, безразлично съ дьяками и подьячими *приказными,* а съ другой стороны, *дворяне* этихъ воеводъ, какъ и другихъ приказныхъ властей, составляли нераздѣльную съ самими властями среду для собиранія взятокъ и всякихъ поборовъ.

Раскрывая, какъ мы видѣли, понятіе слова „государство“ изъ собственнаго имени вотчина, а слѣдовательно такъ же толкуя понятіе вотчинникъ-государь, Забѣлинъ указывалъ нѣкоторое постоянство отношеній на всѣхъ ступеняхъ іерархіи по своему вліянію отъ вотчинника—государя московскаго и до мелкаго безпороднаго служилаго человѣка. И приказчикъ родовитаго вотчинника и воевода или тіунъ московскаго государя, какъ кормленщики, стоятъ къ кормильцамъ въ постоянныхъ отношеніяхъ.

Забѣлинъ еще отличаетъ одно коренное начало. Онъ указываетъ на постоянное существованіе мірского схода—совѣта, „подъ видомъ ли боярской думы или подъ видомъ крестьянской сходки“. [3]) „Изъ этого коренного русскаго начала, — дальше пишетъ Забѣлинъ,—выходило то обстоятельство, что въ вотчинномъ и во всякомъ другомъ управленіи власть приказчика какъ ни была всемогуща, но во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ всегда ограничивалась совѣтомъ товарищей или совѣтомъ общины—міра“. Но чуть не вся масса историческихъ традицій, подмѣченныхъ Забѣлинымъ, какъ основныя линіи, опредѣляющія развитіе русской исторіи, падала на древнѣйшіе обычаи „дружины“, развившейся впослѣдствіи въ боярство и служилое сословіе вообще. Въ частности порядки, обычаи и нравы стариннаго вотчиннаго хозяйства и вотчиннаго управленія держались, оправдывались и развивались древнѣйшимъ правомъ пришедшей къ намъ дружины, правомъ кормле-

---

[1]) „Больш. бояр.“, стр. 11 и 12.
[2]) „Больш. бояр.“, стр. 16.
[3]) „Больш. бояр.“, стр. 500.

нія „землею“ за свою службу той же землѣ“. Дружинный духъ, выродившись въ потребу „кормленія“, никогда не могъ отдѣлить отъ себя, какъ имѣющее свои собственныя цѣли существованія, земство. Она (дружина),—пишетъ Забѣлинъ въ „Мининѣ и Пожарскомъ“, [1])—до послѣднихъ дней своей жизни почитала земство все еще обычнымъ матеріаломъ своего кормленія, вродѣ всякаго хлѣбнаго зерна или говяжьихъ и свиныхъ тушъ“.

И именно въ силу этихъ особенностей, въ силу того, что народъ-сирота, какъ стихія, шелъ медленнымъ, но неуклоннымъ ходомъ, открывая свой ликъ только въ иныя эпохи исторіи, положимъ въ „смуту“; въ силу того, что стихія служилыхъ людей, скажемъ кормленщики, имѣла постоянную тенденцію высасывать соки народнаго материка, наконецъ, подъ вліяніемъ живой народной идеи государя, органической идеи древней Руси до поворота „на прямой путь дѣйствительнаго прогресса, — какъ пишетъ Забѣлинъ, [2]) — и гражданскаго совершенствованія“, сдѣланнаго Петромъ, — въ виду всѣхъ этихъ особенностей произошло нѣсколько характерныхъ повтореній въ историческомъ процессѣ, объясняемыхъ наличностью этихъ самыхъ коренныхъ свойствъ. Точно такъ же, какъ Ольга, упраздняя независимость и самостоятельность древлянскаго племени, истребляетъ его дружину, выводитъ отъ него лучшихъ людей, такъ и Москва, упраздняя самостоятельность вольныхъ городовъ и земель, казнитъ ихъ дружину и выводитъ изъ нихъ лучшихъ людей. „...Подобно тому, какъ первые князья именемъ Руси объединяютъ разноплеменную землю около Кіева, такъ и московскіе князья тоже именемъ Руси, *всея Руси,* объединяютъ землю вокругъ Москвы“. „Точно также и Новгородъ, вслѣдствіе тѣхъ же внутреннихъ боярскихъ смутъ и усобицъ призываетъ себѣ Рюрика, теперь уже изъ Москвы“. „Точно также дружина московскихъ князей (этихъ новыхъ Олеговъ, Владиміровъ, Ярославовъ) всѣми силами работаетъ заодно съ княземъ, даже съ малолѣтнимъ, съ Дмитріемъ Донскимъ (какъ при Олегѣ съ Игоремъ), не выпуская изъ рукъ главенства надъ землей, присоединяетъ къ стольному княжеству разорванныя и разрозненныя земли“.

Забѣлинъ указываетъ еще одну историческую традицію, отмѣчаемую имъ, какъ исконный корень въ руководящемъ русскомъ обществѣ. „...Бояре, какъ и всякія другія власти,—пишетъ онъ, [3])—всегда боялись народнаго образованія, какъ предмета вовсе несвойственнаго крестьянской средѣ, даже какъ предмета безправаго, который могъ только разрушить и совсѣмъ упразднить ихъ древнее право кормленія“.

---

[1]) Стр. 175.

[2]) „Мин. и Пожарск.“, стр. 176.

[3]) „Бол. бояр.“, стр. 514.

Тѣ же тенденціи онъ отмѣчаетъ и въ екатерининскомъ обществѣ, вообще въ просвѣщенномъ и либеральномъ обществѣ крѣпостниковъ, обращаясь вскользь къ этому предмету на страницахъ своей книги „Кунцово и Сѣтуньскій станъ“.

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ относился Забѣлинъ къ творческимъ историческимъ идеямъ и какъ онъ ихъ понималъ, слѣдуетъ вдуматься хотя бы въ слѣдующее мѣсто его „Исторіи русской жизни“. Онъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, какъ осмыслить начальные моменты нашей исторіи, направляя въ одну точку всѣ дѣйствующія живыя причины ея. Онъ думаетъ, „какъ уже было показано, что жизнью вообще управляютъ идеи, и ихъ уясненіе—одна изъ задачъ исторіи“. Онъ и пытается дать конкретное содержаніе этимъ идеямъ древнѣйшей эпохи нашей исторіи. „Къ числу этихъ идей,—пишетъ онъ, [1])—принадлежитъ главнымъ образомъ неизмѣнное и неудержимое стремленіе къ морю и дальше за море къ богатымъ и благословеннымъ странамъ (съ одной стороны, Лидіи и Арменіи и къ побережью Малой Азіи, а съ другой—къ Византіи и Элладѣ)“.

Основной гипотезой Забѣлина, объясняющей складъ самобытныхъ русскихъ отношеній нашей дѣйствительной исторіи является своеобразное истолкованіе т. н. родовой теоріи. Забѣлинъ утверждаетъ, что „наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною родовъ или еще ближе общиною хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей“. [2]) Забѣлинъ отказывается называть бытъ народа общиннымъ, онъ называетъ его родовымъ. „Бытъ народа,—читаемъ у него, [3])—мы называемъ общиннымъ, желая совсѣмъ устранить другое его опредѣленіе: родовой, какъ противорѣчащее нашему представленію о существѣ общинной идеи“. „Народъ выражаетъ свой бытъ многими формами,—и одна изъ такихъ формъ есть община, какъ есть другая, существующая рядомъ съ нею, вотчина; какъ есть третья—семья, и т. д.; все это только формы, но гдѣ же идея, общая всему быту, гдѣ нравственная сила, управляющая всѣми формами, гдѣ этотъ духъ, проникающій всякую форму и весь бытъ вообще? Общій характеръ народныхъ связей и отношеній долженъ, по нашему мнѣнію, раскрываться ближе всего въ отношеніяхъ сожитія или общежитія въ той сферѣ, которую мы теперь обозначаемъ словомъ *общество,* общественность, т.-е. въ сферѣ людскихъ отношеній, независимо отъ какихъ-либо частныхъ случайныхъ опредѣленій и формъ быта, обозначающихъ то или другое положеніе личности и вовсе не обозначающихъ основной

---

1) „Ист. нар. жизни“, т. I, стр. 275.

2) „Домашн. бытъ рус. царицъ“, стр. 11.

3) Ibidem, стр. 24.

силы или стихіи личныхъ отношеній“. [1]) „Потемненіе и путаница нашихъ понятій о характерѣ нашего древняго быта происходитъ главнымъ образомъ оттого, что мы смѣшиваемъ идею общины съ идеей общества, вообще смѣшиваемъ понятіе о формахъ быта съ понятіемъ о его началахъ“. „Фундаментомъ общины, основнымъ ея камнемъ было не лицо, не нравственная личность, а извѣстная матеріальная доля того матеріальнаго общаго, которое, какъ общая выгода, связывало людей“, „органической клѣточкой нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ, родительское, патріархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни“. „Это было начало или стихія *родительской опеки*, стихія *старшей воли*, идеаломъ которой было родовое старшинство“. „Родительская опека была исключительной силой нашего развитія“. „Стихіей родительской опеки держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею же выработалась и эта необычайная государственная плотность и стройность народа“.

Пытаясь проникнуть въ ту стихію, въ которой жила и развивалась такъ или иначе, творя исторію, человѣческая личность, Забѣлинъ находитъ только два направленія, въ которыхъ она проявлялась: это—„въ неизмѣримомъ и безграничномъ *своеволіи* и *самовластіи*“. „Домострой былъ вполнѣ законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала“. „Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы-исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности—Петра“. [2]) Но если Грозный и Петръ стоятъ на полюсахъ въ развитіи русской личности, каждый являя собой нѣкоторое тождество, то для рядовой личности русскаго человѣка не было иного выхода для проявленія своихъ силъ, какъ только въ видѣ *своеволія* и *самовластія*. „Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственной свободой человѣка; въ этомъ крѣпко былъ убѣжденъ весь міръ—народъ; оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между зависимыми и независимыми и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ“. „Это былъ нравственный законъ жизни, выращенный ею же, самой жизнью, изъ почвы родового, патріархальнаго быта и отеческихъ поученій“. [3])

Но историческая мысль Забѣлина искала опоры въ воззрѣніяхъ на

---

[1]) Ibidem, стр. 25 и 26.
[2]) „Домашн. бытъ рус. царицъ“, стр. 67.
[3]) Ibidem, стр. 55.

русскую жизнь еще и въ объясненіи ея истоковъ. Откуда пришло населеніе нашей страны, кто началъ нашу исторію,—вотъ первый вопросъ, отъ рѣшенія котораго само собой выяснится, гдѣ искать корней самобытности.

Съ превеликимъ терпѣніемъ и тщаніемъ работаетъ Забѣлинъ надъ норманнской теоріей. Всякая клѣточка, всѣ даже утраченныя части обдумываются по связи съ цѣлымъ и по отношенію къ частямъ.

Въ началѣ своего труда („Истор. рус. жизни") Забѣлинъ ясно выражаетъ свою мысль, заставляющую его пересмотрѣть вопросъ о томъ, „откуда идетъ русское имя". „Этотъ варяжскій вопросъ,—пишетъ онъ, [1])—стороною своего норманнскаго рѣшенія яснѣе и достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ, что русскій человѣкъ въ своей исторіи и культурѣ въ дѣйствительности есть пустое мѣсто. Одно такое рѣшеніе необходимо заставляетъ снова пересмотрѣть все то, на чемъ утверждается эта истина, ибо какъ-то не вѣрится, чтобы здѣсь именно находилась вся правда нашей русской исторической жизни". Разбирая разныя мнѣнія нѣмцевъ на этотъ счетъ, а также и тѣхъ русскихъ, которые повѣрили нѣмцамъ, не умѣя провѣрить ихъ, Забѣлинъ видитъ основную ошибку въ воззрѣніяхъ на исторію, въ отысканіи только „государственной исторіи, да и то въ нѣмецкомъ смыслѣ" [2]) (рѣчь идетъ о Шлецерѣ). „Съ этой точки зрѣнія,—замѣчаетъ Забѣлинъ,—онъ (т.-е. Шлецеръ) не нашелъ ничего достойнаго вниманія даже въ исторіи древней Греціи, такъ какъ государства ея были слабы и безсильны, религія была глупа и т. д.". „...вся отрицающая сила ученія о скандинавствѣ Руси утверждается лишь на отсутствіи въ изслѣдовательности именно *этнологической* критики,—пишетъ онъ далѣе, [3])—безъ которой, конечно, никогда и ничего нельзя объяснить ни въ одной исторіи какого бы то ни было народа, особенно въ первоначальной исторіи"; подъ вліяніемъ иноземной учености и авторитетовъ русскіе историки „загородили себя и свои изысканія скандинавскимъ частоколомъ, за которымъ,—прибавляетъ Забѣлинъ,—наша древность скрывается и до настоящаго времени".

Такимъ образомъ, рѣзко выступивъ противъ норманнской теоріи, Забѣлинъ обратился къ археологическимъ и этнологическимъ изысканіямъ, прежде всего изучая только почву, матеріальные остатки, заключенные въ курганахъ и кладахъ, а также изучая живую народную память въ названіяхъ мѣстъ, воды и земли, племенъ и дорогъ, черпая изъ живого языка, лѣтописи и старинныхъ записокъ бывавшихъ въ

---

1) „Ист. рус. жизни", т. I, стр. X.
2) Ibidem, стр. 125.
3) Ibidem, стр. 127.

нашихъ мѣстахъ людей. Такимъ образомъ первой лѣтописью нашей *народной земской* исторіи, въ которой можно было прочесть о старинныхъ хозяевахъ нашей земли, было скопище, какъ выражается Забѣлинъ, „іероглифовъ“, которые онъ рѣшился прочитать. Онъ приходитъ къ такому выводу: „Именемъ варяговъ Несторъ покрываетъ все славянское населеніе южныхъ береговъ Балтійскаго моря и тѣмъ объясняетъ, кого онъ разумѣетъ въ имени варяги, нигдѣ не указывая ихъ особаго племени. Несторъ селеніе варяговъ распространяетъ на востокъ до Азіи и на западъ до Англосаксоніи. Возможно ли такъ распространять на востокъ скандинавское племя?... Между тѣмъ славянское племя занимало именно всю линію, указанную лѣтописцемъ; изъ чего можетъ слѣдовать одинъ выводъ, что варяги Нестора прежде всего были племя славянское, что Варяжское море значило Славянское море, что скандинавы назывались у насъ варягами только потому, что жили на томъ же на нашемъ Варяжскомъ морѣ“. [1])

Итакъ, значитъ „Варяги-Русь по точному указанію лѣтописи жили въ странѣ между Травою и Одеромъ“. „Славянскіе варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до IX вѣка сидѣли по городамъ у Чуди, Веси, Мери, Муромы и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ въ свой чередъ тянулъ за море къ Старoградамъ и Варягамъ-Славянамъ, которые по славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что новгородцы происходили отъ рода варяжскаго, а прежде были славяне“. [2])

Вотъ корень, отъ котораго стало расти дерево народной исторіи. Наравнѣ съ лютымъ морозомъ, съ неоглядностью поля-степи и молчаливымъ нескончаемымъ лѣсомъ, раскинутымъ по чуть взволнованной груди русской равнины, жилъ своей собственной стихіей русскій народъ и, вырабатывая все новыя формы жизни, открывалъ въ нихъ свой ликъ, увидѣть который и ставилъ Забѣлинъ задачей своихъ историческихъ трудовъ.

Вас. Сахновскій.

---

1) Ibidem, стр. 138 и 139.

2) Ibidem, стр. 194.

Изъ политическаго дневника.

1 апрѣля 1912 г.

„Небольшой мѣстный недородъ“, о которомъ говорилъ покойный Столыпинъ, уже обошелся казнѣ въ 154 милліона рублей. Думала ли прогрессивная пресса, которую такъ горячо изобличали въ раздуваніи неурожая, что она на дѣлѣ преуменьшаетъ размѣры бѣдствія? 4 августа 1911 г. официозъ писалъ: „Не везетъ нашимъ освободителямъ. Какъ ни стараются они раздуть вопросъ о неурожаѣ, рисуя его „все болѣе и болѣе грознымъ“, факты упорно отказываются подчиняться указкѣ оппозиціоннаго политиканства“ (*Россія* № 1753).

Шумитъ Иліодоръ. Его воззваніе о помощи голодающимъ, грѣшащее крикливой аффектаціей, но не лишенное сильныхъ мѣстъ, носитъ нѣкоторыя новыя черты. Въ немъ нѣтъ обычной черносотенной ругани. Оно обращено одинаково къ „правымъ“ и „лѣвымъ“, къ православнымъ и не-христіанамъ. Недаромъ смущенный синодскій *Колоколъ* выбросилъ всѣ эти странныя въ устахъ Иліодора слова, а Меньшиковъ пророчитъ „флорищевскому узнику“ „конецъ Григорія Петрова“...

2 апрѣля 1912 г.

И одесскій университетъ и его профессора имѣютъ свои заслуги. Они наглядно показали, во что превратятся русскіе университеты, когда въ нихъ восторжествуютъ „правыя“ начала. Въ Одессѣ въ каждомъ зданіи было размѣщено по 15 городовыхъ. Скучая, они собирались во время занятій въ свободныхъ аудиторіяхъ и пѣли хоромъ „Машку-Канашку“. Одному профессору пришлось три раза просить ихъ прекратить пѣніе, мѣшающее лекціи. Теперь, когда городовые разогнали студентовъ и съѣли бюджетъ нѣсколькихъ клиникъ и лабораторій, проректоръ „праваго“ университета Маньковскій пришелъ къ мысли о необходимости удаленія полиціи изъ университета.

Одесскій университетъ далъ и классическій образъ „праваго“ профессора въ лицѣ В. Д. Каткова. Получивъ каѳедру благодаря проф. Грибовскому, сжалившемуся надъ его тяжелымъ матеріальнымъ поло-

женіемъ, проф. Катковъ отплатилъ своему благодѣтелю политическимъ доносомъ. Своимъ квартирохозяевамъ онъ „по принципу" не платитъ денегъ за ихъ „безнравственность", какъ объяснилъ въ судебной бумагѣ по дѣламъ съ Пекарской и Бодаревскимъ. Торжество „этическаго начала" въ жизни"...

3 апрѣля 1912 г.

Высочайшій рескриптъ на имя П. Н. Дурново вызвалъ размышленія о превратности человѣческой судьбы. П. Н. Дурново ставится въ заслугу „дѣятельность, одушевленная просвѣщеннымъ стремленіемъ къ пользамъ государственнымъ... въ составѣ Государственнаго Совѣта". А одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ всесильный П. А. Столыпинъ за оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ проекту западнаго земства устроилъ П. Н. Дурново почетную ссылку въ видѣ принудительнаго отпуска...

4 апрѣля 1912 г.

В. Н. Коковцовъ сказалъ вчера свою первую предвыборную, хотя и а-политическую, рѣчь въ собраніи московскаго купечества. Дворяне едва ли будутъ восхищены, что первое внѣдумское слово главы правительства обращено къ купцамъ и промышленникамъ. А. Г. Крестовниковъ говорилъ объ укрѣпленіи „конституціонныхъ" порядковъ. В. Н. Коковцовъ съ дипломатичностью царедворца убѣждалъ въ незыблемости „такъ называемаго представительнаго строя"...

Глава правительства призывалъ общество къ совмѣстной дѣловой работѣ, убѣждалъ его отвернуться отъ безплодныхъ „политическихъ страстей". Когда такой призывъ раздается въ странѣ, ни одна губернія которой не управляется на основаніи нормальныхъ законовъ, трудно удержаться отъ улыбки... В. Н. Коковцовъ любитъ иногда пошутить... не всегда удачно.

5 апрѣля 1912 г.

Краткая агентская телеграмма о 107 убитыхъ и 80 раненыхъ на ленскихъ золотопромышленныхъ пріискахъ—вотъ итогъ трехнедѣльныхъ „успокоительныхъ извѣстій" о ленской забастовкѣ. Успокаивали, скрывали истину потому, что слишкомъ много вліятельныхъ лицъ заинтересовано въ биржевой цѣнѣ ленскихъ акцій, такъ обильно политыхъ кровью. Эта кровь, символически слипшаяся съ золотомъ, сыграетъ большую роль въ исторіи русскаго соціализма.

6 апрѣля 1912 г.

Газетамъ были сообщены невѣрныя свѣдѣнія о ленскомъ разстрѣлѣ. Убитыхъ болѣе 150, раненыхъ—свыше 200. Быть можетъ, число жертвъ еще значительнѣе. Тысячи агитаторовъ не могли вызвать среди рабочихъ такого возбужденія, какъ этотъ разстрѣлъ. Администрація усердно занимается революціонизированіемъ рабочихъ. Когда въ Москвѣ Рябу-

шинскій указалъ В. Н. Коковцову на необходимость болѣе культурныхъ пріемовъ управленія, предсѣдатель совѣта министровъ отвѣтилъ, что культурность управленія зависитъ отъ культурности населенія. В. Н. Коковцовъ думалъ, что онъ весело каламбуритъ, а въ это время на Ленѣ отъ пуль русскихъ солдатъ погибло чуть ли не больше мирныхъ русскихъ людей, чѣмъ гибнетъ турокъ и итальянцевъ въ ихъ войнѣ въ теченіе мѣсяца. Бомбардировка итальянцами Дарданеллъ была во всякомъ случаѣ въ десять разъ менѣе кровопролитна.

7 апрѣля 1912 г.

„Чуткій“ Меньшиковъ уже обратилъ вниманіе на жалкую роль дворянства въ Москвѣ. Какъ В. Н. Коковцовъ говорилъ съ московскими дворянами, такъ прежде „старое начальство говорило съ московскими купцами“. И наоборотъ: съ купцами В. Н. Коковцовъ говорилъ, какъ въ старину съ дворянами. Дворянскія раны посыпаны солью и перцемъ.

8 апрѣля 1912 г.

Надо тщательно отмѣчать каждый признакъ нарастанія въ обществѣ „конституціонной“ психологіи. Уставъ спб. техн. института требуетъ пріема студентовъ по аттестатамъ, а въ случаѣ недостатка мѣстъ по конкурсу. Кассо испросилъ Высочайшее повелѣніе о непринятіи лицъ, получившихъ на конкурсѣ неудовлетворительныя отмѣтки, хотя бы и были свободныя мѣста. Это противорѣчитъ утвержденному уставу, имѣющему силу закона. Учебный комитетъ института сдѣлалъ министру представленіе. Тотъ, конечно, пренебрегъ. Комитетъ, согласно закону, предложилъ внести дѣло въ Сенатъ. Что сдѣлаетъ министръ? Какъ человѣкъ старой психологіи, не задумавшійся именемъ монарха прикрыть свое явно незаконное распоряженіе, вѣроятно накажетъ профессоровъ за дерзость, за ихъ нежеланіе считать себя рабами, обязанными всему подчиняться.

9 апрѣля 1912 г.

Въ Государственной Думѣ—запросы о ленскихъ разстрѣлахъ. Прошли блѣдно и слабо. Не нашлось даже кворума. Собралось всего 112 депутатовъ, тогда какъ одной оппозиціи имѣется свыше 130. Что дѣлаютъ депутаты большинства—неинтересно. Но депутаты оппозиціи въ Россіи не имѣютъ права небрежно относиться къ своему долгу. Если кто не посѣщаетъ Государственной Думы, онъ долженъ уйти изъ нея. Какъ ни пали въ населеніи вѣра и уваженіе къ 3-й Думѣ, общественное мнѣніе не можетъ допустить, чтобы депутаты оппозиціи превратились въ простыхъ чиновниковъ, притомъ нерадивыхъ.

10 апрѣля 1912 г.

Съ великими усиліями собрали сегодня кворумъ и приняли и спѣшность и запросы о ленской бойнѣ. Появились новыя официальныя данныя. Убитыхъ—191, раненыхъ—210. Но и эти цифры не внушаютъ довѣрія. Рабочіе утверждаютъ, что убито—250, ранено свыше 300. Министръ торговли и Дума выразили Англіи свое соболѣзнованіе по поводу катастрофы на „Титаникѣ“. Намъ никто соболѣзнованія не выражалъ. Какая-то моральная тупость овладѣваетъ русскимъ обществомъ. 400—500 жертвъ, явно ненужныхъ, разстрѣлъ безоружныхъ, никакого оправданія не имѣющій,—и ничего! Начнутъ дѣло, посадятъ сотню рабочихъ на скамью подсудимыхъ — этимъ и закончится въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ—жандармскій ротмистръ Трещенковъ получитъ награду.

11 апрѣля 1912 г.

Объясненія министровъ по поводу ленской бойни были еще жалче запроса. Макаровъ заявилъ, что до забастовки о ненормальныхъ отношеніяхъ между рабочими и правленіемъ ленскаго т-ва министерству внутреннихъ дѣлъ ничего не было извѣстно. А Тимашевъ призналъ, что первыя извѣстія отъ инж. Тульчинскаго объ этихъ ненормальностяхъ были получены еще въ январѣ 1911 г. и тогда же объясненія товарищества признаны неудовлетворительными. Стачка была политической,—доказывалъ Макаровъ,—потому, что рабочіе требовали 8-часового дня, а въ забастовочномъ комитетѣ сидѣло 4 политика. Въ сущности говоря, въ наше время всякую стачку при желаніи можно считать политической. Развѣ не была политической англійская угольная забастовка? Бойни однако тамъ не устроили. Не было ни одной жертвы. Министръ торговли призналъ одну особенность ленской жизни. Товарищество „судомъ“ выселяло рабочихъ. Между тѣмъ въ этомъ краю совершенно нѣтъ частныхъ жилищныхъ помѣщеній, а въ распутицу никуда нельзя двинуться. Куда же должны были дѣться „выселяемые“ рабочіе? На Ленѣ въ сущности было рабовладѣніе.

12 апрѣля 1912 г.

Министерство имѣло „плохую прессу“. Даже *Новое Время* подчеркнуло, что министръ торговли говорилъ объ экономическомъ характерѣ забастовки, а министръ внутреннихъ дѣлъ видѣлъ въ ней только политическое злоумышленіе. Фразы про разстрѣлы, „такъ было, такъ будетъ“ А. А. Макарову долго не забудутъ. Говорятъ, что отъ министра торговли Тульчинскій получилъ указаніе не очень насѣдать на ленское т-во, извѣстное министру, какъ „образцовое“.

13 апрѣля 1912 г.

Въ Государственной Думѣ говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ. То была не рѣчь живого человѣка, а шелестъ страницъ *Правительственнаго Вѣстника* съ офиціальнымъ сообщеніемъ. Въ томъ, что г. Сазоновъ говорилъ, всего важнѣе то, что̀ онъ говорилъ. Дума не имѣетъ права касаться вопросовъ внѣшней политики—упрямо твердятъ правые, и правительство должно ихъ учить, что народные представители должны интересоваться и внѣшней политикой родины. Изъ мыслей, высказанныхъ г. Сазоновымъ, считавшимся націоналистомъ, любопытнѣе всего заявленіе, что „Россія—страна европейская". Министръ предупреждалъ противъ захватовъ на томъ лишь основаніи, что захватить легко.

14 апрѣля 1912 г.

Министру иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ П. Н. Милюковъ. Въ исторіи нашего парламента будетъ отмѣчена, какъ его крупная заслуга, что благодаря его знаніямъ народное представительство получило возможность и по внѣшней политикѣ говорить съ правительствомъ, какъ равный съ равнымъ. Иностранная пресса съ мнѣніемъ Милюкова считается, какъ съ голосомъ страны.

Экстренно, сразу въ трехъ чтеніяхъ Государственная Дума приняла законопроектъ о правѣ замужнихъ женщинъ на отдѣльный паспортъ, на свой заработокъ и на свой трудъ. Въ нашемъ парламентѣ этотъ вопросъ прошелъ почти безъ преній. Во Франціи онъ былъ камнемъ преткновенія даже для иныхъ радикаловъ. Но у насъ есть Государственный Совѣтъ—эта усыпальница всѣхъ думскихъ благихъ пожеланій.

15 апрѣля 1912 г.

Уличныя демонстраціи въ Петербургѣ по поводу ленскихъ разстрѣловъ были невелики, съ полицейской точки зрѣнія, но моральнаго значенія ихъ никто не можетъ отрицать. „Рабочія массы" не пришли „на помощь студентамъ", но передовые рабочіе чувствовали свою моральную обязанность быть вмѣстѣ со студентами. На чьей сторонѣ было общественное мнѣніе, нечего и говорить. Даже кн. Мещерскій выразилъ свою солидарность съ „соціалъ-демократами". Въ задавленной провинціи тоже сознавали необходимость чѣмъ-либо выразить свои чувства. Начались забастовки. Въ Одессѣ и Кіевѣ по старому шаблону ничего лучшаго не нашли, какъ остановить выходъ въ свѣтъ прогрессивныхъ газетъ: пусть въ знакъ нашего траура выходятъ однѣ черносотенныя.

16 апрѣля 1912 г.

Ни одинъ министръ не смогъ такъ сильно *оскорбить* русское общество, какъ г. Кассо. Общество даже не разбирается въ законности и

правильности принятыхъ министромъ мѣръ. Но то презрѣніе, которое чуется обществу за всѣми этими мѣрами, доводитъ его до величайшаго раздраженія. Это и прорвалось во фразѣ П. Н. Милюкова объ „убійцахъ“, стоившей ему исключенія на 10 засѣданій изъ Государственной Думы. П. Н. Милюковъ знаетъ, гдѣ „болитъ“.

Уличныя демонстраціи въ Петербургѣ были поддержаны массовыми забастовками на фабрикахъ. Рабочіе отвѣчали А. А. Макарову той же фразой: такъ было, такъ будетъ. Недаромъ при первомъ извѣстіи о ленской бойнѣ всѣ вспомнили о златоустовскомъ разстрѣлѣ.

17 апрѣля 1912 г.

Сегодня бастовало въ Петербургѣ до 25,000 рабочихъ. На улицахъ дѣлались попытки маленькихъ демонстрацій. Къ счастію, не пролито еще ни капли крови. Власти съ нѣкоторой тревогой ждутъ завтрашняго дня—заграничнаго 1 мая.

Въ Государственной Думѣ громили министерство народнаго просвѣщенія. Хорошую рѣчь сказалъ Масленниковъ, указавшій на хамство, широкой волной вливающееся въ среднюю школу. Директоръ гимназіи, два урока обучающій дѣтей, какъ надо кланяться — это символъ. Въ согласительной комиссіи перешли къ постатейному чтенію проекта мѣстнаго суда. Нѣсколько подвинулась эта важная реформа, но конца пути еще не видно.

Продолжающееся закрытіе Дарданеллъ причиняетъ нашей торговлѣ большіе убытки. Въ Турціи рѣчь Сазонова очень не понравилась: на политическомъ горизонтѣ темно.

18 апрѣля 1912 г.

На авансценѣ рабочіе. Еще сегодня утромъ *Свѣтъ* радовался, что рабочіе такихъ крупныхъ заводовъ, какъ Путиловскій, Французскій, не примкнули къ забастовкѣ, а въ полдень эта радость уже звучала ироніей: 60,000 человѣкъ оставили работы, на улицахъ попытки демонстрацій, пѣніе пѣсенъ. Въ Государственной Думѣ Тимашевъ отъ имени уѣхавшаго въ Ливадію Коковцова заявилъ, что разслѣдованіе ленскихъ событій будетъ возложено на особое по довѣрію Государя лицо, что законы о врачебной помощи будутъ распространены на сибирскіе пріиски и подвергнутся пересмотру правила о наймѣ на нихъ рабочихъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ В. Н. Коковцовъ горячо убѣждалъ не медлить съ законами о врачебной помощи и больничныхъ кассахъ.

Абсолютизмъ, распыливъ всѣ общественныя силы страны, самъ передалъ общественную „гегемонію“ рабочимъ и студентамъ, объединяемымъ самимъ фактомъ своей совмѣстной ежедневной работы и бытовой обстановкой.

19 апрѣля 1912 г.

День безъ событій, если не считать толковъ о дуэли А. И. Гучкова съ жандармскимъ подполковникомъ Мясоѣдовымъ, обвиняемымъ въ организаціи „охранки“ среди офицеровъ и въ подозрительной близости къ австрійскимъ шпіонамъ. Мясоѣдовъ въ свою очередь разсказываетъ, какъ извѣстный въ провокаціонномъ мірѣ корнетъ (теперь ротмистръ?) Пономаревъ пытался подбросить ему въ автомобиль контрабандный динамитъ, а Макаровъ и П. А. Столыпинъ покарали его за черезчуръ откровенныя показанія на виленскомъ процессѣ о провокаціи. Объ этомъ, кажется, и говорилъ года два тому назадъ В. А. Маклаковъ въ своей рѣчи по виленскому запросу. Все постепенно раскрывается.

20 апрѣля 1912 г.

День бѣлаго цвѣтка. Въ Москвѣ по-европейски пожелали устроить въ этотъ день 36 лекцій о туберкулезѣ въ различныхъ аудиторіяхъ. Администрація не разрѣшила ихъ потому, что у нея нѣтъ достаточнаго числа полицейскихъ. Въ Берлинѣ соціалисты устраиваютъ въ день по 80 собраній одновременно. „Гнилой Западъ“ и „Святая Русь“...

21 апрѣля 1912 г.

Въ крошечной въ 25 строкъ лично-полемической замѣткѣ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 90) архіепископъ волынскій Антоній высказалъ тотъ глубокій пессимизмъ, который овладѣваетъ теперь православнымъ духовенствомъ: „Вотъ какъ мало у насъ желаютъ знать истину— и вотъ почему именно у насъ ни Собора, ни патріарха, ни обновленія не будетъ, а будемъ мы свидѣтелями дальнѣйшаго угасанія церковной жизни, ибо возлюбили люди тьму паче нежели свѣтъ“.

22 апрѣля 1912 г.

Состоялась дуэль между А. И. Гучковымъ и полк. Мясоѣдовымъ. Лишній разъ доказано, что А. И. Гучковъ не боится смерти. Но неужели онъ самъ въ этомъ сомнѣвался? Не боится смерти и Мясоѣдовъ, но развѣ отъ этого сколько-нибудь разъяснились загадочныя и серьезныя обвиненія, возводимыя на него? Печать роковой безцѣльности лежитъ на выступленіяхъ А. И. Гучкова. Тургеневскій бреттеръ Лучковъ съ жесткими усами, вышедшій на политическую арену...

24 апрѣля 1912 г.

Рѣшеніе 1-го деп. Государственнаго Совѣта, признавшее членовъ Государственной Думы принципіально отвѣтственными за вносимые ими запросы, вписываетъ новую главу въ исторію нашей конституціи. Оно уничтожаетъ смыслъ запроса, который вѣдь не есть доказанное обвиненіе.

Новорожденная группа безпартійныхъ прогрессистовъ начинаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, превращаться въ партійную организацію. Въ Москвѣ образованъ уже прогрессивный комитетъ.

25 апрѣля 1912 г.

Ничего не можетъ быть характернѣе для нашей жизни, чѣмъ поднятая офиціозами завѣдомо лживая травля „прогрессистовъ", какъ переряженныхъ кадетъ. Люди потому и создали свою организацію, что были недовольны кадетами, а ихъ обвиняютъ въ томъ, что они—кадеты! Просто, появились признаки нарожденія новой *независимой* общественной силы, и нашъ Молохъ требуетъ ея уничтоженія. Старая тактика насильственнаго распыленія общества. Она несомнѣнно приведетъ къ катастрофѣ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ обрабатывается проектъ больничныхъ кассъ такъ, чтобы въ ихъ правленія не могло попасть ни одно лицо, неугодное полиціи.

26 апрѣля 1912 г.

Въ Государственной Думѣ въ третьемъ чтеніи прошелъ законопроектъ о Холмщинѣ. Принятъ и параграфъ о выдѣленіи новой губерніи изъ варшавскаго генералъ-губернаторства (Царства Польскаго), отвергнутый при второмъ чтеніи. Человѣкъ 20 октябристовъ присоединились къ оппозиціи.

Иліодору запрещено священнослуженіе. Съ него снята ряса, а оставленъ одинъ подрясникъ. Кара постигла его за рѣчь къ паломникамъ. Вѣрнѣе, за либеральныя ноты, проскользнувшія въ его послѣднихъ рѣчахъ и письмахъ. Самъ онъ плачетъ, скорбитъ, жалуется на болѣзни, на геморрой и чахотку и пишетъ, что не зоветъ врача, такъ какъ желаетъ умереть. Монахъ-истерикъ тонетъ.

27 апрѣля 1912 г.

А. И. Гучковъ понялъ, что его дуэль съ полк. Мясоѣдовымъ ничего не выяснила, и *Голосъ Москвы* приступилъ къ разоблаченіямъ, съ которыхъ надо было бы начать. Оказывается, еще въ началѣ 1910 г. шефъ жандармовъ обратился къ военному министру съ просьбой, чтобы жандармскія агентурныя свѣдѣнія „не провѣрялись путемъ офиціальныхъ разслѣдованій, а принимались бы въ соображеніе, какъ матеріалъ, характеризующій личность даннаго офицера". Это значитъ: принимайте показанія нашихъ агентовъ на вѣру безъ провѣрки, иначе вы разоблачите шпіоновъ въ арміи. Главный штабъ 24 марта 1910 г. за № 982 отвѣтилъ, что военный министръ „вполнѣ раздѣляетъ" этотъ взглядъ, что „агентурныя свѣдѣнія должны служить матеріаломъ при оцѣнкѣ служебныхъ и нравственныхъ качествъ" офицеровъ и не могутъ быть

доводимы до свѣдѣнія лицъ, коихъ они касаются... Существованіе въ нѣдрахъ арміи „охранки“ установлено. Съ этимъ разоблаченіемъ совпали извѣстія объ арестахъ матросовъ на „Цесаревичѣ“.

28 апрѣля 1912 г.

Тов. военнаго министра ген. Поливановъ получилъ отставку. Причины ея видятъ въ его излишней внимательности къ Государственной Думѣ, къ гучковской комиссіи обороны. Ген. Поливанова косвенно обвиняютъ въ содѣйствіи оглашенію сенсаціонныхъ бумагъ объ „охранкѣ“ въ арміи. Съ другой стороны, говорятъ о сложной интригѣ, которая должна была привести къ замѣнѣ Сухомлинова Поливановымъ, а привела лишь къ отставкѣ послѣдняго. Наличность интригъ въ арміи и вокругъ нея несомнѣнна.

На Лену ѣдетъ членъ Государственнаго Совѣта С. С. Манухинъ, не пожелавшій въ министерствѣ С. Ю. Витте подчинить правосудіе полиціи и уступившій свое мѣсто И. Г. Щегловитову.

Современникъ.

Письмо въ редакцію.

Глубокоуважаемый Петръ Бернгардовичъ,

обращаюсь къ вамъ, какъ къ редактору *Русской Мысли*, съ просьбой довести до свѣдѣнія читателей, что по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ я лишенъ возможности доставить раньше осени (сентябрь—октябрь) продолженіе моего романа „Александръ I“.

Приношу вамъ и подписчикамъ вашего журнала искреннія извиненія.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Д. Мережковскій.

Парижъ, 4 мая 1912 г

Отчетъ редакціи

о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.

Въ редакцію журнала *Русская Мысль* съ 1 апрѣля по 30 включительно поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ В. Я. Брюсова—10 р., отъ Г. А. К.—1 р. 25 к., отъ С. В. Л. — 1 р., отъ Татариновыхъ—5 р. 20 к., за проданныя старыя вещи г-жи Б.—4 р. 25 к., отъ А. А. Адлеръ — 10 р., отъ Ан. Ф. Турбы—10 р., отъ И. И. Жиглевичъ—10 р., отъ Евг. Ал. Ненадкевичъ—1 р., отъ П. А. Урбановичъ—5 р., отъ кн. С. М. Оболенскаго—25 р., отъ П. Гнѣдича—4 р. 96 к., отъ Пул. Г. Поповичъ — 1 р., отъ А. К. Громаковскаго—5 р., отъ С. А. Левицкаго—10 р., черезъ А. М. Величкину—15 р., отъ М. М. Хина—1 р., черезъ К. П. Софронову—40 р., черезъ Л. Г. Снегиреву—20 р., черезъ Е. П. Останину—57 р. Итого—236 р. 66 к. Съ прежде поступившими—2,823 р. 99 к.

Изъ магазина Павла Прохорова на Петровкѣ получено безплатно 5 пудовъ сухихъ кореньевъ.

Расходъ: послано предсѣдателю стерлитамакской уѣздной земской управы для врача Ек. Ал. Манджосъ—365 р. Съ прежними—2,642 р. 80 коп.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.
Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.
1. Рѣчь С. Д. Сазонова. **С. А. Котляревскаго.**—2. Динамика потребленія алкоголя въ Россіи и ея объясненіе. **С. А. Первушина.**

II. Философское движеніе.
1. А. А. Козловъ. **И. Румера.**—2. Философія и культура. **А. Штейнберга.**

III. Школа и воспитаніе.
1. Максимализмъ въ дѣлѣ народнаго образованія. **А. М. Обухова.**—2. Борьба за классицизмъ во Франціи. **Е. Паннъ.**

IV. Литература и искусство.
1. Литераторы и литература. **А. Крайняго.** — 2. Театральныя замѣтки. **А. А. Кизеветтера.** — 3. Итальянская литература за истекшій годъ. **Сибиллы Алерамо.**

V. Естествознаніе.
Новый зоологическій атласъ. **П. П. Сушкина.**

VI. Военное и морское дѣло.
Флотъ и проливы. **Н. Н—а.**

VII. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Рѣчь С. Д. Сазонова.

Съ двухъ сторонъ выступленіе С. Д. Сазонова въ засѣданіи Государственной Думы 13 апрѣля заслуживаетъ вниманія. Одна изъ нихъ совершенно ясна: она показываетъ, что полное изъятіе вопросовъ внѣшней политики, которое можно было бы отстаивать на основаніи буквы основныхъ законовъ, фактически невозможно. Когда въ 1908 г. А. П. Извольскій съ думской трибуны развивалъ свою программу политики на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, когда онъ въ періодъ нѣсколько повышенной общественной чувствительности, періодъ раздраженій и тревогъ, вызванныхъ аннексіей Босніи и Герцеговины, заявлялъ о необходимости органическаго контакта между дипломатіей и національной мыслью,—это казалось новымъ, необычнымъ. Теперь готовность министра дать Государственной Думѣ exposé положенія никого не удивляетъ. Въ 1908 г. Крупенскій выражалъ увѣренность, что Дума не призвана разсуждать объ этихъ вопросахъ; въ 1912 г. Володимеровъ, руководитель *Земщины,* разсуждаетъ о нихъ безъ всякихъ угрызеній своей политической совѣсти. Демаркаціонная

линія, проведенная вокругъ создаваемой Думы, проведенная авторами основныхъ законовъ подъ вліяніемъ ревниваго недовѣрія, оказывается сдвинута и здѣсь. Учитывая конституціонное наслѣдіе, оставляемое третьей Государственной Думой, мы не можемъ пройти мимо этого факта. Онъ знаменателенъ, конечно, не въ смыслѣ актива для думскаго большинства — вѣдь послѣднее въ данномъ случаѣ ничего не сдѣлало, дабы этотъ активъ пріумножить, — онъ знаменателенъ какъ показатель естественнаго роста представительныхъ учрежденій хотя бы и въ обстановкѣ, гдѣ еще возможны споры о формѣ правленія въ Россіи.

Гораздо труднѣе установить цѣнность содержанія сказаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ. Кое-что представляетъ собой вовсе не личныя мысли Сазонова, а обязательныя утвержденія современнаго русскаго министра, который вѣдаетъ внѣшнюю политику. Если бы судьба вручила этотъ портфель П. И. Крупенскому или П. И. Милюкову, они не говорили бы другимъ языкомъ. Rebus sic stantibus и они не могли бы выражаться иначе по поводу сокращенія франко-русскаго союза и англо-русскаго сближенія. Вернуться къ тому хроническому антагонизму между Россіей и Англіей который господствовалъ до 1906—1907 гг. значило бы не только подорвать франко-русскій союзъ, но и поколебать самыя основы международнаго мира. Нужно было бы утратить всякій государственный смыслъ, чтобы пойти на этотъ шагъ, столь рекомендуемый безотвѣтственными авантюристами изъ праваго лагеря. Съ другой стороны, замѣчанія г. Сазонова о старинной дружбѣ и добромъ сосѣдствѣ между Россіей и Германіей, одобренныя правымъ крыломъ Думы, не выходили за предѣлы, диктуемые этимъ смысломъ. Возставая противъ искусственныхъ сближеній, мы не должны, конечно, съ легкимъ сердцемъ проповѣдовать ту активную германофобію во внѣшней политикѣ, которая у насъ иногда считается признакомъ прогрессивнаго образа мысли. Дипломатическія неудачи и ошибки, происшедшія при потсдамскомъ свиданіи — мы продолжаемъ это думать—были ошибками не общаго замысла, а исполненія.

Къ сожалѣнію, и другія части рѣчи Сазонова носили слишкомъ общій, блѣдный, недостаточно индивидуальный характеръ. Насколько можно вывести здѣсь руководящія мысли, онѣ сводятся къ тому, что центръ тяжести русской внѣшней политики долженъ лежать въ Европѣ, а не въ Азіи и основное вниманіе должно быть устремлено на Ближній Востокъ. Солидарная съ интересами Италіи, Россія однако не имѣетъ мотивовъ портить отношеній съ Турціей; напротивъ того, она будетъ поддерживать ея новый государственный порядокъ, поскольку послѣдній обезпечиваетъ права христіанскимъ національностямъ, и будетъ предостерегать Болгарію, Сербію и Грецію отъ всякихъ искушеній осложнить нынѣшній кризисъ. Въ Персіи задача русской дипломатіи строго ограничивается охраной нашихъ торговыхъ интересовъ и необходимаго для нихъ порядка и исключаетъ всякое дальше идущее вмѣшательство во внутреннія дѣла Персіи. Наконецъ, на Дальнемъ Востокѣ отказъ отъ всякихъ плановъ раздѣла Монголіи, защита нашихъ правъ въ Манчжуріи, неприкосновенность Китая и совмѣстная здѣсь дѣятельность съ Японіей, съ которой насъ связываетъ солидарность интересовъ. Въ общемъ, политика по существу охранительная, безъ посягательствъ на какія-либо новыя территоріальныя пріобрѣтенія.

Надо сознаться, что эти общія положенія представляются довольно безспорными, но такая безспорность не даетъ однако чувствъ настоящаго удовлетворенія. Какимъ содержаніемъ заполнятся набросанныя министромъ рамки? Стоитъ ли за нимъ творческая воля, чуждая всякому авантюризму, но способная не только брать факты, какіе

они есть, а и видоизмѣнять ихъ? Вѣдь именно недостатокъ этой творческой воли, сочетающейся съ послѣдовательностью мысли, и сказывается въ рядѣ нашихъ дипломатическихъ выступленій, которыя какъ будто имѣли въ виду лишь сегодняшній день. Только такимъ образомъ можемъ мы укрѣпить тройственное сближеніе и въ то же время, не жертвуя нашими насущными интересами, остаться въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ Германіей. Только такимъ образомъ, съ другой стороны, можемъ найти мы modus vivendi съ Австро-Венгріей, который, конечно, не будетъ повтореніемъ мюрцштедтской программы, но который тѣмъ необходимѣе, чѣмъ больше въ центрѣ нашей внѣшней политики становится Ближній Востокъ. Только тогда, наконецъ, не впадая въ неумѣстное туркофильство, мы сумѣемъ научить Турцію сознанію, что ея жизненнымъ интересамъ Россія не угрожаетъ.

Націоналистическая пресса встрѣтила рѣчь министра ожесточенными нападками, и въ нихъ сказывались нѣсколько угрожающія ноты — призывъ внести націоналистическій авантюризмъ во внѣшнюю политику. Конечно, это пустыя бравады, но нельзя не сказать, что опасности такого авантюризма тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе ему противопоставляется широкій и послѣдовательный общій планъ. И какъ бы ни цѣнили тѣ чувства отвѣтственности и необходимости прежде всего охранять миръ, которыми была проникнута рѣчь Сазонова, мы такого плана не видимъ не только въ его рѣчи, но—что гораздо важнѣе—въ дѣятельности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Отсюда, можетъ быть, и тѣ странныя противорѣчія въ пониманіи сказаннаго Сазоновымъ, которыми полны отзывы иностранной прессы.

С. Котляревскій.

2. Динамика потребленія алкоголя въ Россіи и ея объясненіе. [1])

(*В. К. Дмитріевъ:* „Критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи", съ предисловіемъ П. Б. Струве и 4 діаграммами. Изд. В. П. Рябушинскаго. М., 1911 г.)

Главная мысль труда В. К. Дмитріева явствуетъ изъ предисловія. „Основнымъ моментомъ, говоритъ авторъ, опредѣляющимъ у насъ уровень душевого потребленія спиртныхъ напитковъ является не отношеніе покупательныхъ силъ населенія къ цѣнѣ продуктовъ, не абсолютная высота народнаго дохода, а способъ его расходованія, среднее строеніе расходнаго бюджета народа... въ частности величина доли, расходуемой на спиртные напитки. Главной причиной, вызывающей увеличеніе этой доли, является ростъ фабрично-заводскаго и городского населенія за счетъ крестьянъ-землевладѣльцевъ. Главными же моментами, вызывающими усиленное движеніе населенія въ города, являются: 1) оживленіе промышленности и 2) земледѣльческіе кризисы. Это измѣненіе относительной численности городского населенія и есть *рѣшающій* моментъ, опредѣляющій собой динамику потребленія алкоголя въ Россіи—„какъ бы при этомъ ни складывались прочія обстоятельства,— въ томъ числѣ и результаты урожая".

Первая часть работы посвящена критикѣ матеріаловъ. Здѣсь авторъ буквально исчерпываетъ обширную литературу — источники и пособія русскіе и иностранные, офиціальные и частные, которые такъ или иначе затрагиваютъ интересующій его вопросъ. На основаніи тщательнаго изученія и всесторонней критики источниковъ онъ пытается опредѣлить цифры душевого потребленія; въ полученныя въ результатѣ самостоятельнаго вычисленія цифры авторъ—

[1]) Извлеченіе изъ доклада въ экономическомъ комитетѣ моск. о-ва сельск. хоз. 29 октября 1911 г.

вноситъ рядъ поправокъ, обусловливающихся тѣми или иными пертурбаціонными моментами (напр., повышеніе акциза, введеніе усовершенствованныхъ контрольныхъ снарядовъ и т. д.). Въ результатѣ получается сплошная кривая, дающая намъ представленіе о томъ, какъ измѣнялось у насъ по 50 губерн. Европейской Россіи въ цѣломъ потребленіе алкоголя за періодъ отъ 1868 по 1894 годъ. Конечно, объ абсолютной точности этихъ цифръ говорить не приходится при крайнихъ несовершенствахъ нашей статистики—особенно же статистики населенія (въ частности статистики механическихъ передвиженій населенія.) Конечно, не со всѣми изгибами кривой можно согласиться (напр., въ вопросѣ о фиктивности повышенія въ 1883 г.). Но все же В. К. Дмитріеву мы много обязаны въ дѣлѣ упорядоченія нашей алкогольной статистики. Его цифры, безспорно, лучшія и наиболѣе, если не единственно, надежныя.

Чтобы доказать основное положеніе г. Дмитріева, что рѣшающимъ моментомъ нашей „питейной" эволюціи является не „господинъ урожай", а „господинъ капиталъ", для этого должно доказать, 1) что „спорадическое" крестьянское потребленіе алкоголя не оказываетъ существеннаго вліянія на общую цифру потребленія алкоголя въ странѣ, 2) что колебанія потребленія алкоголя у насъ вполнѣ совпадаютъ съ „колебаніями" нашей промышленности (или лучше—съ колебаніями прилива и отлива городского населенія на счетъ сельскаго), 3) что всѣ другіе моменты (покупательная способность, цѣна алкоголя, число питейныхъ заведеній) не оказываютъ существеннаго вліянія на колебанія потребленія алкоголя.

Соотвѣтственно этому въ первыхъ двухъ главахъ II части авторъ разсматриваетъ вліяніе повышенія акциза и сокращенія числа питейныхъ заведеній на высоту потребленія алкоголя и приходитъ къ заключенію, что вліяніе указанныхъ факторовъ за разсматриваемый періодъ времени было незначительно [1]). Въ третьей главѣ онъ подвергаетъ анализу вліяніе урожаевъ на потребленіе алкоголя, для чего онъ сопоставляетъ цифры душевого потребленія алкоголя въ среднемъ по 50 губ. Европейской Россіи съ данными объ урожаяхъ за періодъ времени 1868—1894 гг. и приходитъ къ выводу, что между указанными факторами нѣтъ рѣшительно никакой связи, что легенда о „тѣсной" зависимости между ними создалась на основаніи отдѣльныхъ случаевъ фиктивнаго повышенія потребленія алкоголя (стр. 149) и не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Наоборотъ, въ IV главѣ г. Дмитріевъ старается показать, что между потребленіемъ алкоголя и развитіемъ нашей промышленности существуетъ самая тѣсная связь. Подмѣтивъ зависимость потребленія алкоголя въ Англіи отъ развитія промышленности, авторъ „предположительно" строитъ кривую потребленія спиртныхъ напитковъ у насъ съ 1867 по 1887 гг., сравниваетъ эти „предположенія" съ дѣйствительнымъ ходомъ кривой и приходитъ къ выводу о полномъ параллелизмѣ колебаній указанныхъ факторовъ (стр. 161). Въ пятой главѣ авторъ даетъ объясненіе этому явленію: подъемъ промышленности относительно увеличиваетъ численность городского населенія, что въ свою очередь повышаетъ потребленіе алкоголя. „Главная причина... заключается въ томъ, что въ городскихъ условіяхъ жизни водка перестаетъ быть для потребителя рѣдкостью и переходитъ въ число обычныхъ ежедневныхъ (?) продуктовъ потребленія" (стр. 170). Но тутъ возникаетъ вопросъ, какъ согласовать въ этой концепціи фактъ роста нашей промышленности и систематическое паденіе потребленія алкоголя, наблюдавшееся

---

[1]) Въ частности „паденіе потребленія, имѣвшее мѣсто въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, совершалось независимо отъ сокращенія числа заведеній" (135 стр.).

у нас, начиная съ 1879 года. Разрѣшить этотъ вопросъ и пытается авторъ въ VIII главѣ (II части) своего труда. „Если основной причиной сокращенія потребленія былъ экономическій упадокъ населенія, то сокращеніе это должно было выразиться съ наибольшей силой въ тѣхъ районахъ, гдѣ упадокъ этотъ наиболѣе интенсивно выраженъ“... Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Взявъ два района съ одинаковымъ населеніемъ (около 17 мил.)—средне-черноземный и съ другой стороны западный (с.-з.+ю.-з. губ.)—изъ которыхъ первый характеризуется интенсивнымъ упадкомъ благосостоянія, второй даже его подъемомъ, мы видимъ, что въ первыхъ, т.-е. черноземныхъ губерніяхъ, потребленіе алкоголя упало въ меньшей пропорціи, чѣмъ въ западной губерніи. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что это паденіе обусловливалось не экономическимъ моментомъ... Единственный моментъ, который, по мнѣнію В. К. Дмитріева, можетъ объяснить намъ это паденіе, это нервно-физическое вырожденіе народа (и это вырожденіе, судя по % забракованныхъ при наборѣ, особенно интенсивно проявилось въ Западномъ краѣ). „Вырожденіе сильно понижаетъ общее потребленіе алкоголя“. „Но такъ дѣйствуетъ вырожденіе лишь подъ условіемъ, что способъ потребленія остается безъ измѣненія, т.-е. при спорадическомъ потребленіи; при господствѣ же обычно-регулярнаго городского потребленія алкоголя, вырожденіе, наоборотъ, должно быть отнесено къ числу моментовъ, наиболѣе способствующихъ развитію потребленія“ (стр. 225). Итакъ, нервно-физическимъ вырожденіемъ населенія обусловливается паденіе потребленія по Европейской Россіи съ начала 80-хъ годовъ (221 стр.). Но какого же населенія, городского или сельскаго? Судя по только что сказанному,—вырожденіемъ крестьянскаго населенія. На этомъ заканчивается „теорія“ г. Дмитріева. Слѣдующія главы являются какъ бы приложеніемъ. Изъ нихъ особенно интересна IX глава—„данныя о душевомъ потребленіи чая и сахара“,—имѣющая, на нашъ взглядъ, большое самостоятельное значеніе.

Мы уже подчеркнули значеніе чисто статистическихъ частей книги В. К. Дмитріева; теперь остановимся на его теоретической части. Сущность этого труда заключается въ усиленномъ подчеркиваніи связи между „среднимъ“ строеніемъ расходнаго (частно-хозяйственнаго) бюджета народа и высотой потребленія алкоголя въ странѣ. Послѣ классическихъ трудовъ Энгеля значеніе указаннаго момента для уровня массоваго потребленія всякаго продукта и всякой страны врядъ ли кто рѣшится оспаривать. Соотвѣтственно этому цѣнность теоретической части труда г. Дмитріева заключается, по моему, не просто въ подчеркиваніи значенія этого момента, а въ томъ, что онъ усиленно подчеркнулъ его именно для Россіи и для опредѣленной эпохи, гдѣ и когда, благодаря экономическому, политическому и соціальному перепутью, или распутью—всѣ явленія соціальной динамики, т.-е. расслоенія группъ, проявляются несравненно рѣзче, и поэтому сильнѣе вліяніе указаннаго момента на эволюцію массоваго потребленія. Раньше ему удѣлялось какъ-то непропорціонально мало мѣста. В. К. Дмитріевъ, наоборотъ, удѣлилъ этому моменту исключительное мѣсто. Въ этомъ большой плюсъ труда г. Дмитріева, но въ этомъ же самомъ кроется и его недостатокъ. Вмѣсто того, чтобы внести указанный весьма цѣнный коррективъ въ прежнее представленіе о „законахъ“ динамики потребленія алкоголя въ Россіи, авторъ попросту одно упрощенное представленіе замѣняетъ другимъ, тоже упрощеннымъ и къ тому же недостаточно обоснованнымъ.

Первымъ и основнымъ недостаткомъ труда является игнорированіе авторомъ значенія покупательной способности населенія для высоты потребленія алкоголя. Съ самыхъ же первыхъ строчекъ

своего введенія авторъ порываетъ съ теоріей, ставящей высоту потребленія алкоголя въ прямую зависимость отъ покупательной способности населенія и свою первую и главную задачу изслѣдованія видитъ въ „опроверженіи“ этого „апріорнаго“ утвержденія. Соотвѣтственно этому и паденіе потребленія алкоголя съ начала 80-хъ годовъ онъ объясняетъ, какъ мы видѣли, не паденіемъ покупательной способности, а просто нервно-физическимъ вырожденіемъ народа (VIII гл.); повышеніе крестьянскаго потребленія осенью — физіологическимъ утомленіемъ рабочаго организма (?) подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ лѣтнихъ работъ, „страдой“ (стр. 199, VII гл.); случаи повышенія потребленія алкоголя въ урожайные годы—не экономическимъ факторомъ, а психическимъ (гл. VII, стр. 189—193.) Между тѣмъ значеніе этого момента (т.-е. покупательныхъ средствъ населенія) для динамики массоваго потребленія вообще и алкоголя, въ частности, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если въ различныхъ соціальныхъ группахъ расходъ на потребленіе алкоголя различенъ при одной и той же покупательной способности, то и, наоборотъ, въ одной и той же соціальной группѣ потребленіе алкоголя (равно какъ и другихъ предметовъ) различно въ зависимости отъ покупательной способности и притомъ прямо пропорціонально этой послѣдней. Указанное отнюдь не является лишь „апріорнымъ“ утвержденіемъ, а вытекаетъ изъ анализа: 1) многочисленныхъ (воронежскихъ, херсонскихъ, вологодскихъ, вельскихъ, тотемскихъ, вятскихъ и др.) крестьянскихъ бюджетовъ по хозяйствамъ одного и того же типа [1]... 2) изъ анализа рабочихъ бюджетовъ русскихъ (С. Н. Прокоповича, И. М. Шапошникова и др.) и иностранныхъ: американскихъ (Blocher und Landmann „Die Belastung des Arbeitersbudgets durch den Alcoholgenuss“... 18-th ann. Rep. Comm. of labor), нѣмецкихъ (Erhebung von Wirtschaftsrechnungen mind. bemitt Familien im D. R. 1909), также изслѣдов. 1903 г. „Berliner Statistik 3 Heft, Lohnermitteilungen und Haushaltrechnungen и т. д. im Jahre 1903) англійскихъ... Далѣе, игнорируя важное значеніе покупательной способности населенія для высоты потребленія алкоголя, какъ мы видѣли, авторъ и систематическое паденіе потребленія алкоголя съ начала 80-хъ годовъ объясняетъ просто нервно-физическимъ оскудѣніемъ народа. „Если бы покупательная способность была причиной паденія потребленія алкоголя, то паденіе потребленія должно было особенно проявиться въ тѣхъ районахъ, гдѣ этотъ упадокъ благосостоянія наиболѣе интенсивно выражался, и, наоборотъ“. Вотъ доводъ г. Дмитріева. Этотъ доводъ былъ бы лишь тогда справедливъ, если бы паденіе покупательной способности крестьянскаго населенія вліяло лишь въ одномъ направленіи. Но вѣдь паденіе благосостоянія крестьянскаго населенія вызывало за собой и другой процессъ—процессъ разслоенія среднихъ крестьянскихъ группъ, который, какъ указываетъ самъ же г. Дмитріевъ, влечетъ за собой не пониженіе, а повышеніе крестьянскаго потребленія. Это разслоеніе группъ, насколько позволяютъ судить о немъ въ общемъ крайне недостаточные матеріалы земской статистики и военно-конскихъ переписей, особенно рѣзко проявилось именно въ средне-черноземныхъ губерніяхъ и тамъ особенно могло парализовать понижательное вліяніе „оскудѣнія центра“. Конечно, и послѣ этой поправки мы не объяснимъ однимъ этимъ моментомъ динамику потребленія алкоголя по отдѣльнымъ районамъ. И тутъ указанія г. Дмитріева весьма цѣнны, (какъ гипотеза), какъ дополненіе къ указанію на основной моментъ—паденію покупательной способности населенія. Но придавать ему значеніе рѣшающаго фактора въ

[1]) См. *С. А. Первушинъ:* „Вліяніе урожаевъ“ и т. д., стр. 153—167.

наблюдаемомъ паденіи потребленія алкоголя по всей Европейской Россіи — по меньшей мѣрѣ рискованно.

Дальнѣйшимъ недостаткомъ труда является недостаточное вниманіе къ крестьянскому потребленію алкоголя. Нѣсколько поспѣшно констатировавъ отсутствіе связи между урожаемъ и потребленіемъ алкоголя, затѣмъ увлекшись тѣснымъ параллелизмомъ между періодическими колебаніями промышленности (неземледѣльческой) и колебаніями потребленія алкоголя, авторъ какъ бы забываетъ затѣмъ о крестьянскомъ потребленіи, объ его динамикѣ.[1]) А между тѣмъ не только въ 70-е годы, но даже и въ 1897 г. по первой всероссійской переписи у насъ сельское населеніе составляетъ 87% всего населенія (или 70% за вычетомъ мѣстечекъ), и игнорировать этотъ моментъ прямо невозможно. Да и самъ г. Дмитріевъ въ VIII главѣ второй части своего труда, опредѣливъ движеніе потребленія алкоголя съ 80-хъ по 90-е года, какъ результатъ нервно-физическаго вырожденія народа, именно подчеркнулъ рѣшающее значеніе измѣненій въ крестьянскомъ „спорадическомъ“ потребленіи для общей динамики потребленія алкоголя въ Россіи. Но разъ крестьянское потребленіе по тѣмъ или инымъ причинамъ (все равно!) сыграло такую значительную роль въ динамикѣ потребленія алкоголя въ 80-е годы, то съ еще большимъ основаніемъ мы въ правѣ ожидать, что этотъ моментъ оказывалъ такое вліяніе и въ 70-е годы. Къ сожалѣнію, прямыя свѣдѣнія о крестьянскомъ потребленіи отдѣльно отъ городского мы имѣемъ лишь съ введенія казенной винной монополіи, такъ что о немъ мы можемъ судить лишь косвеннымъ путемъ. Но что же взять за мѣрило потребленія алкоголя крестьянскимъ населеніемъ? Какъ мы знаемъ, крестьянское потребленіе алкоголя есть потребленіе „спорадическое“, происходящее на праздникахъ и, главнымъ образомъ, на свадьбахъ (съ предшествующими многочисленными вечеринками). Итакъ, въ общемъ и среднемъ оно есть функція двухъ величинъ: 1) числа „событій“, по поводу которыхъ пьютъ и 2) высоты покупательной способности населенія. Но въ числѣ событій главной перемѣнной частью является брачность населенія. Эта же брачность населенія является вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ показателемъ „темпа“ крестьянской жизни.

Отсюда ясно, что лучшимъ изъ возможныхъ (хотя и грубымъ) показателемъ измѣненій крестьянскаго потребленія является брачность (за исключеніемъ брачности особо неурожайныхъ годовъ, которая носитъ совершенно своеобразный характеръ) населенія. И, дѣйствительно, при анализѣ колебаній потребленія по отдѣльнымъ губерніямъ мы встрѣчаемъ тѣмъ большій параллелизмъ между высотой брачности и высотой потребленія алкоголя, чѣмъ болѣе земледѣльческою является губернія. Мы приведемъ цифры брачности по 50 губ. Европейской Россіи за 1868—1900 гг.

Нижеслѣдующая таблица даетъ намъ эти цифры (см. стр. 8):

Если мы послѣдуемъ за г. Дмитріевымъ, мы будемъ разсуждать такъ: душевое потребленіе должно повышаться отъ 1868 г. къ 1872 г., затѣмъ спускаться къ 1877 г., затѣмъ подняться къ 1879 г... опуститься къ 1885 г. и т. д. Сопоставивъ теперь эту предположительную кривую съ дѣйствительнымъ ходомъ кривой потребленія алкоголя (придерживаясь при этомъ вычисленныхъ Дмитріевымъ цифръ), мы приходимъ къ интересному выводу, что колебанія потребленія алкоголя (по крайней мѣрѣ, всѣ maximum'ы и minimum'ы) вполнѣ совпадаютъ съ колебаніями брачности (за исключеніемъ урожайнаго 1888 г.—

---

[1]) Авторъ имѣлъ бы право это сдѣлать если онъ призналъ за аксіому, что крестьянское потребленіе колеблется прямо пропорціонально колебаніямъ урожаевъ, чего онъ совершенно правильно не дѣлаетъ.

Годы.	Браковъ на 100 жител.	Душевое потребленіе алкоголя по Дмитріеву.	Годы.	Брачность.	Потребленіе алкоголя.	Годы.	Брачность.	Потребленіе алкоголя.	Годы.	Брачность.	Потребленіе алкоголя.
1868	0,94	34,5°	1876	0,82	32,0°	1884	0,86	30,3°	1892	0,84	22,32°
1869	0,99	35,3°	1877	0,72 minim (война)	31,3°	1885	0,83	28,15°	1893	0,86	22,01°
1870	1,01	36,5°	1878	0,90	34,8°	1886	0,83	26,49°	1894	0,91	23,61° или = 0,53 ведра
1871	1,00	37,8°	1879	0,99 (оконч. войны)	37,3°	1887	0,86	26,9°	1895	0,90	0,53° ведра (40°)
1872	1,02 (max.)	38,3° (max.)	1880	0,93	33,6°	1888	0,94	26,6°	1896	0,85	0,51 "
1873	0,94	36,1°	1881	0,95	32,6°	1889	0,85	25,89°	1897	0,88	0,50 "
1874	0,96	35,8°	1882	0,92	31,97°	1890	0,81	24,27°	1898	—	0,50 "
1875	0,94	34,3°	1883	0,93	32,58°	1891	0,83	22,18°	1899	0,94	0,53 "
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1900	0,84	0,52 "

повышеніе акциза). Мало того, для объясненія кривой потребленія алкоголя съ нашей точки зрѣнія не нужно никакого (вродѣ нервно-физическаго вырожденія населенія) иного фактора: всю „кривую“ можно объяснить, исходя изъ одного момента. Впрочемъ, мы не будемъ входить въ дальнѣйшее объясненіе этого параллелизма и не будемъ придавать колебаніямъ крестьянскаго потребленія рѣшающаго значенія въ виду наличности иныхъ моментовъ (указанныхъ г. Дмитріевымъ), вліявшихъ въ томъ же направленіи. Мы лишь хотимъ сказать, что при наличности подобнаго параллелизма между общимъ потребленіемъ алкоголя и брачностью населенія приписывать рѣшающее значеніе въ нашей „питейной“ эволюціи городу, вѣрнѣе приливамъ и отливамъ населенія къ городу — рискованно и методологически недопустимо. Теперь перейдемъ къ вопросу о связи между урожаями и потребленіемъ алкоголя. Авторъ весьма жестоко критикуетъ „общераспространенное“ „положеніе“ о тѣсной связи между высотой урожая и высотой потребленія алкоголя: „это чистѣйшее — petitio principii“ (146 стр.), говоритъ онъ. Впрочемъ, дальше онъ значительно смягчаетъ краски, говоря, что единственный выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать по этому вопросу, можетъ быть формулированъ такъ: „вліяніе урожаевъ настолько слабо... что въ сложныхъ условіяхъ дѣйствительной жизни вполнѣ или почти вполнѣ, парализовалось, или заслонялось другими болѣе сильными вліяніями“. Насколько мы понимаемъ эту главу (VII гл., II ч.), г. Дмитріевъ уже далеко не такой противникъ „положенія о связи между потребленіемъ алкоголя и высотой урожая“. Разбирая это „положеніе“, въ сущности (судя по пріемамъ его критики) онъ критикуетъ одну изъ теорій зависимости между указанными факторами, а именно теорію прямой зависимости и именно въ томъ видѣ, какъ она сложилась у покойнаго Н. О. Осипова. Конечно, о какой-либо однозначной и абсолютной прямой зависимости не можетъ быть и рѣчи... И невозможность съ точки зрѣнія этой теоріи объяснить колебанія потребленія алкоголя уже указывалась въ литературѣ. Но самый фактъ связи, повидимому, не отрицается авторомъ. Наобо-

ротъ, онъ усиленно подчеркиваетъ—и въ этомъ большая заслуга г. Дмитріева—вліяніе земледѣльческихъ кризисовъ (неурожаевъ) на относительное увеличеніе доли городского населенія, а чрезъ то на повышеніе потребленія алкоголя въ неурожайные годы (обратная связь); далѣе въ VI главѣ (II ч.) авторъ отмѣчаетъ непосредственное психическое вліяніе экономическихъ факторовъ (въ частности урожаевъ) на потребленіе алкоголя. Нигдѣ авторъ не отрицаетъ прямого вліянія урожаевъ на потребленіе алкоголя, благодаря повышенію брачности въ урожайные годы. Все это, мнѣ кажется, указываетъ, что г. Дмитріевъ тѣсную связь между урожаями и потребленіемъ алкоголя признаетъ и признаетъ именно, какъ равнодѣйствующую прямыхъ и обратныхъ вліяній, т.-е. какъ понимаетъ эту связь пишущій эти строки (см. „Вліяніе урожаевъ", стр. 177). Но тогда понятна безпорядочность (непропорціональность) этой связи, и многія изъ возраженій г. Дмитріева теряютъ силу. Непропорціональная колебаніямъ урожая, благодаря своей сложности, эта связь въ конечномъ счетѣ все же прямая. Это доказываетъ анализъ потребленія по отдѣльнымъ губерніямъ, особенно земледѣльческимъ; и притомъ по такимъ губерніямъ (наприм., Тамбовская, Пензенская, Рязанская), гдѣ о фиктивности повышенія или пониженія не можетъ быть и рѣчи. Но эта разносторонняя связь проявляется „in concreto", обыкновенно, въ видѣ прямой связи *даже* и по Европейской Россіи въ ея цѣломъ, гдѣ, благодаря множественности причинъ, благодаря „огромности территоріи и разнородности отдѣльныхъ составныхъ частей ея" (Первушинъ, указ. соч., стр. 18), вообще прослѣдить ее крайне трудно. Такъ, въ 1891 г. душевое потребленіе понизилось, *несмотря* на усиленное разслоеніе группъ, *на усиленный отливъ населенія въ города* въ этомъ году,—моментъ чрезвычайно важный, а по Дмитріеву—даже рѣшающій. Въ 1893—94 годахъ душевое потребленіе повысилось, несмотря на сильное паденіе цѣнъ, на усиленное выкачиваніе недоимокъ (я уже не говорю о колоссальныхъ расплатахъ съ ростовщиками за долги, сдѣланные въ 1891 г.), наконецъ, *несмотря на относительное и абсолютное сокращеніе отлива населенія въ города* (стр. 173, Дмитріевъ).

Въ 1897 г., несмотря на вызванный неурожаемъ (въ значительной степени) отливъ населенія въ города, на колоссальный подъемъ промышленности, душевое потребленіе алкоголя понижается... Если даже и считать это пониженіе фиктивнымъ (хотя „фиктивность" этого пониженія г. Дмитріевъ, несомнѣнно, утрируетъ), то даже пріостановка въ повышеніи потребленія при указанныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ весьма характерна и во всякомъ случаѣ противорѣчитъ заявленію автора, что „всякое торжество капитала отражается на высотѣ потребленія алкоголя, какъ бы при этомъ ни складывались всѣ прочія обстоятельства".

Къ числу пробѣловъ труда г. Дмитріева слѣдуетъ отнести также недостаточную разработку вопроса о причинахъ и характерѣ потребленія алкоголя городскимъ населеніемъ. Здѣсь авторъ въ сущности ограничивается простымъ констатированіемъ положенія, что „въ городскихъ условіяхъ жизни водка перестаетъ быть для потребителя рѣдкостью и переходитъ въ число обычныхъ, ежедневныхъ (?) продуктовъ потребленія" (стр. 170). Авторъ не углубляется въ анализъ рабочихъ бюджетовъ, а, быть можетъ, это заставило бы его измѣнить и во всякомъ случаѣ смягчить кое-какіе изъ его выводовъ. При этомъ, значительно преувеличивая разницу между городскимъ и крестьянскимъ потребленіемъ алкоголя, съ другой стороны, слишкомъ полагаясь на данныя нашей „полицейской" паспортной [1]) статистики (дающей въ общемъ

---

[1]) Критика этого матеріала у г. Дмитріева отсутствуетъ.

также скорѣе преувеличенное представленіе объ отходѣ), авторъ ограничивается лишь констатированіемъ самаго факта отхода и непосредственнаго вліянія таковаго: онъ вовсе не останавливается на производныхъ отъ него явленіяхъ (наприм., пониженіе заработной платы подъ вліяніемъ увеличенія предложенія рабочихъ рукъ), онъ не классифицируетъ отхожепромышленниковъ и рабочихъ въ городахъ на группы, забывая, что это по своему экономическому и психическому складу далеко не однородная масса, что значительное большинство изъ нихъ не теряетъ связи съ землей, [1] отправляетъ часть денежныхъ средствъ на родину и въ алкоголизаціи страны участвуетъ (тѣмъ болѣе при низкомъ у насъ заработкѣ) сравнительно мало.

Въ заключеніе попытаемся подвести общую оцѣнку труда В. К. Дмитріева. Всѣ недостатки его сочиненій прямо или косвенно связаны съ увлеченіемъ автора заманчивой теоріей приливовъ и отливовъ городского населенія и отчасти, конечно, съ абстрактно-математическимъ складомъ мышленія автора выдающихся „Экономическихъ очерковъ“.

Несмотря на увлеченія автора и пробѣлы его труда „критическія изслѣдованія“ г. Дмитріева являются весьма цѣнными и имѣютъ право на вниманіе гораздо большаго круга лицъ, чѣмъ спеціалисты по алкогольному вопросу. Объясненіе динамики потребленія алкоголя въ Россіи, и притомъ весьма оригинальное, у г. Дмитріева есть въ то же время объясненіе динамики потребленія чая, сахара и другихъ предметовъ. И съ этой точки зрѣнія, думается, трудъ В. К. Дмитріева сыграетъ немаловажную роль не только въ дѣлѣ изученія вопросовъ массоваго алкоголизма, гдѣ его трудъ безспорно руководящій, но и въ дѣлѣ изученія явленій массоваго потребленія вообще и тѣмъ самымъ проблемы развитія внутренняго рынка въ Россіи.

С. Первушинъ.

II. Философское движеніе.

1. А. А. Козловъ. [2]

Нельзя не привѣтствовать мысль почтеннаго книгоиздательства въ наши дни всеобщаго увлеченія философіей напомнить образованнымъ русскимъ читателямъ о судьбѣ и трудахъ замѣчательнаго человѣка, который, вступивъ на философское поприще въ уже зрѣломъ возрастѣ, посвятилъ всю вторую половину своей жизни дѣлу укрѣпленія и развитія въ мыслящей части русскаго общества высшаго научнаго сознанія. Но будемъ откровенны: когда мы вспоминаемъ о томъ оріентализирующемъ мистицизмѣ и славянофильствующемъ отрицаніи западной философіи, которое вдохновляетъ нѣкоторыхъ участниковъ „Пути“ и которое привело даже одного изъ нихъ къ блестящему открытію, что въ промежуткѣ между Платономъ, открывшимъ міръ идей, и Вл. Соловьевымъ, открывшимъ въ этомъ мірѣ Ликъ Вѣчной Женственности, въ метафизикѣ не было сдѣлано никакихъ открытій, мы невольно спрашиваемъ себя: могъ ли кто-нибудь быть болѣе враждебенъ всему этому направленію мысли, чѣмъ именно Козловъ, съ его любовью къ русскому здравому смыслу и западной культурѣ?

Какъ извѣстно, Козловъ продѣлалъ очень длинную философскую эволюцію,

---

[1] Какъ это ярко показываютъ извѣстныя работы Берништейна-Когана (по отнош. къ петерб. р.), Н. И. Воробьева (къ Иваново-Вознесен.), П. Петровича (по отнош. къ бакинскому району) и болѣе старыя работы П. Шестакова, Дементьева, анкета Н. Свавицкаго и В. Шерра.

[2] *С. А. Аскольдовъ.* А. А. Козловъ. Серія: „Русскіе мыслители“. Книгоиздательства „Путь“. М., 1912 г. Стр. VIII+218. Ц. 1 р. 50 к.

прежде чѣмъ окончательно остановился на той позиціи, которую онъ съ такимъ жаромъ и такой настойчивостью защищалъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ періодически выпускаемыхъ имъ сборникахъ „Свое слово". Начавъ въ 1871 г. съ позитивистической критики „Историческихъ писемъ" Миртова-Лаврова, Козловъ затѣмъ переходитъ къ метафизикѣ Шопенгауэра и Гартмана; но уже черезъ два года обращается къ Дюрингу, въ матеріалистической и соціалистической философіи котораго пытается найти новыя основы для своего міровоззрѣнія. Разумѣется, эта плебейская философія не могла надолго удовлетворить ищущій и тонкій умъ Козлова; и онъ переходитъ къ изученію великихъ идеалистовъ: Платона, Лейбница, Канта, Гегеля. Однако и здѣсь Козловъ нѣкоторое время остается приверженцемъ идеализма въ томъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ этого термина, въ которомъ онъ одинаково примѣнимъ и къ Платону, и къ Лейбницу, и къ Канту, и даже къ Шопенгауэру, и только въ 1888 г. рѣшительно становится на лейбницевскую точку зрѣнія плюралистическаго спиритуализма, въ которомъ онъ теперь усматриваетъ незыблемую основу истиннаго философскаго знанія. Однако и здѣсь Козловъ не является создателемъ какого-нибудь оригинальнаго направленія въ предѣлахъ лейбницевской школы: онъ всецѣло примыкаетъ къ той въ высшей степени своеобразной и геніально смѣлой формѣ, которую спиритуалистическій плюрализмъ Лейбница получилъ въ блестящихъ трудахъ Густава Тейхмюллера. Всѣ существенныя идеи Тейхмюллера, въ которыхъ глубокій реализмъ сочетается съ самымъ смѣлымъ идеализмомъ, воспроизводятся Козловымъ въ его талантливо написанныхъ діалогахъ: и не смущаемый никакими гносеологическими сомнѣніями метафизическій анализъ понятія бытія, и убѣжденіе, что въ сознаніи моего я мнѣ непосредственно дана моя духовная субстанція, и полное отдѣленіе теоретическаго познанія отъ элементарнаго сознанія, и отождествленіе ощущенія съ движеніемъ, и строго проведенный субъективный идеализмъ въ пониманіи времени, и семіотическая природа внѣшнихъ воспріятій въ противоположность непосредственной данности абсолютной субстанціи Бога—всѣ эти положенія, составляющія богатое и своеобразное содержаніе писаній Козлова послѣдняго періода, заимствованы имъ у Тейхмюллера. Но этого мало: всѣ эти мысли развиваются имъ въ той же историко-философской перспективѣ и въ томъ же религіозномъ освѣщеніи, въ какомъ онѣ являются у Тейхмюллера. Поэтому, если мы Фрауенштедта называемъ шопенгауэріанцемъ, а Дробиша гербартіанцемъ, то Козлова мы съ еще гораздо большимъ правомъ должны назвать тейхмюллеріанцемъ.

При такомъ положеніи дѣла читателя книги Аскольдова не можетъ не удивить то обстоятельство, что имя Тейхмюллера встрѣчается въ ней всего нѣсколько разъ, и хотя говорится вскользь о „сильномъ вліяніи Тейхмюллера на Козлова въ нѣкоторыхъ пунктахъ", однако нигдѣ не выясняется указанное только что истинное отношеніе между ними. Правда, разсуждая о мотивахъ, заставившихъ Козлова перейти отъ неопредѣленнаго монистическаго идеализма къ монадологическому плюрализму Лейбница, Аскольдовъ задается вопросомъ: не имѣло ли здѣсь рѣшающаго значенія вліяніе Тейхмюллера? и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Разумѣется, онъ правъ: не доводы Тейхмюллера, а собственный мыслительный опытъ заставилъ Козлова предпочесть монадологическую точку зрѣнія всѣмъ другимъ, извѣстнымъ ему; но дѣло въ томъ, что, остановившись на этой точкѣ зрѣнія, онъ сталъ защищать и развивать ее именно въ той самой формѣ, которую нашелъ въ трудахъ Тейхмюллера.

Намъ было бы весьма прискорбно, если бы наши слова были истолкованы

какъ желаніе умалить значеніе Козлова: ничуть не бывало! Мы не можемъ не цѣнить талантливаго писателя и мыслителя, отдавшаго всѣ свои силы борьбѣ за права свободной философіи противъ грозившихъ ей захватовъ какъ со стороны эмпирическихъ наукъ, такъ и со стороны религіозной мистики. Въ этой почти одинокой борьбѣ на два фронта—великая заслуга Козлова, какъ это прекрасно объясняетъ самъ Аскольдовъ. И эта заслуга не умаляется отъ того, что Козловъ не былъ создателемъ какого-либо оригинальнаго философскаго ученія, а примкнулъ къ системѣ Тейхмюллера, въ особенности, если вспомнить, что эта система, никому неизвѣстная, дремала въ пыли библіотекъ, и требовалась большая философская зрѣлость и смѣлость, чтобы, не прельщаясь пышными кумирами современности, услышать слово истины въ ея парадоксальныхъ и въ то же время простыхъ положеніяхъ. Но, поминая съ вѣчною благодарностью память Козлова, мы не должны забывать, что тѣми идеями, въ которыхъ онъ обрѣлъ, наконецъ (по крайней мѣрѣ для себя), такъ долго ненаходимую имъ подлинную основу философскаго знанія, онъ былъ обязанъ великому нѣмецкому ученому и мыслителю—Густаву Тейхмюллеру.

И. Румеръ.

2. Философія и культура.

Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. B. II. 1911—12. Verlag von I. C. B. Mohr, Tübingen. VII+380 S.

Въ замѣткѣ о первомъ томѣ *Логоса* (*Русская Мысль,* 1911, VI) намъ пришлось высказать сомнѣніе въ возможности разрѣшенія главной поставленной себѣ журналомъ задачи—подготовленія всеобъемлющей философской системы—предначертанными въ его программѣ путями; мы пытались указать на множество накопившихся уже въ одномъ первомъ томѣ противорѣчій и, прежде всего, на разнорѣчивое толкованіе самаго понятія философіи, само по себѣ исключающее всякую возможность дружнаго сотрудничества столь различныхъ по основнымъ своимъ взглядамъ мыслителей въ одномъ и томъ же направленіи. Однако, конечно, ничто не мѣшаетъ журналу, не измѣняя своей конечной цѣли, сузить, такъ сказать, захватъ журнала и строже выбирать своихъ сотрудниковъ; и въ самомъ дѣлѣ, второй томъ *Логоса* выгодно отличается отъ перваго не только болѣе глубокимъ единствомъ философскаго построенія, но и гораздо болѣе отчетливой обрисовкой интересующей его области. И все же, думается намъ, даже съ окончательнымъ устраненіемъ всѣхъ препятствій внѣшняго характера внутреннее несовершенство выдвигаемаго *Логосомъ* метода философскаго творчества не устранится, а лишь выступитъ съ полной и должной ясностью.

Руководящей идеей этого метода является убѣжденіе, что въ объективныхъ благахъ культуры воплощаются вѣчныя цѣнности и что потому путь къ философіи ведетъ черезъ культуру; проникнуть въ смыслъ культурныхъ явленій—значитъ уяснить себѣ ихъ философскую цѣнность. Эти мысли вновь формулируются *Риккертомъ* въ его, написанной со свойственными этому мыслителю изяществомъ и простотой, статьѣ: „О жизненныхъ и культурныхъ цѣнностяхъ“. Въ своей статьѣ *Риккертъ* критикуетъ всѣ новѣйшія теченія въ философіи, считающія высшей философской цѣнностью самое жизнь и достигшія своего наибольшаго вліянія и блеска въ метафизикѣ Бергсона. *Риккертъ* показываетъ, что жизнь сама по себѣ есть прозябаніе и что говорить о ея цѣнности можно лишь въ томъ случаѣ, если оцѣнивать ее, какъ носительницу другихъ болѣе возвышенныхъ культурныхъ цѣнностей, которыя однѣ только и могутъ быть „самоцѣнностями“; средство—всегда ниже цѣли, а смыслъ жизни—всегда внѣ жизни.

Оторванность философіи отъ жизни, столь характерная для философіи цѣнностей и представляющая самую слабую сторону ея гносеологической позиціи, интересуетъ насъ въ послѣдней статьѣ *Риккерта* только съ точки зрѣнія систематической философской методологіи. Выдающійся вдохновитель *Логоса* не желаетъ оставаться философомъ вѣчныхъ „прелюдій", какимъ навсегда остался болѣе послѣдовательный предшественникъ его Виндельбандъ; система формальныхъ цѣнностей должна быть претворена въ систему культуры — таково искреннее стремленіе участниковъ *Логоса.* И вотъ, едва только показывается призракъ осуществленія, какъ о силу старыхъ идей неумолимо разбиваются всѣ новыя идеи. Вѣдь, выражаясь терминологіей философіи цѣнностей, вся новѣйшая „модная"—по словамъ Риккерта—философія жизни представляетъ собой не что иное, какъ утвержденіе примата практическаго разума, не удовлетворяющееся однако чисто формальнымъ подчиненіемъ всѣхъ цѣнностей цѣнности добра, но пытающееся еще точнѣе опредѣлить его содержаніе и находящее его въ идеалѣ полной и здоровой жизни; можно, конечно, оспаривать общеобязательность такихъ утвержденій и противопоставлять имъ болѣе обоснованныя, но доказывать, какъ это, въ сущности, дѣлаетъ *Риккертъ,* что всякая „матеріальная" (т.-е. опредѣленная по содержанію) цѣнность — условна, что всякая безусловная цѣнность нематеріальна, значитъ утверждать, что между философіей и культурой—непреходимая пропасть. Жизнь только цѣнна, поскольку она дѣлаетъ возможной культуру, говоритъ *Риккертъ;* но вѣдь и культура цѣнна лишь постольку, поскольку она воплощаетъ вѣчныя сверхкультурныя цѣнности, и, значитъ, такъ же лишена самоцѣнности, какъ и жизнь: потому что большая или меньшая отдаленность отъ послѣдней безконечно отстоящей цѣли не можетъ же являться масштабомъ при ихъ сравнительной расцѣнкѣ. Такъ философія цѣнностей, какъ намъ кажется, лишь цѣной явной погрѣшности противъ логики можетъ стремиться перевоплотиться въ систему культуры: культура можетъ быть осмыслена философіей, но какъ можетъ проникновеніе въ лишенную самостоятельной цѣнности культуру открыть содержаніе новыхъ философскихъ цѣнностей? Философія—это ключъ, открывающій намъ доступъ къ глубинамъ культуры; при свѣтѣ философіи ярко загораются всѣ волшебныя краски культурной жизни, но какъ можно по отраженію судить о первозданномъ источникѣ свѣта и отъ обусловленной случайности заключать къ вѣчной безусловности? Или философскія задачи нашего и будущихъ поколѣній должны ограничиваться столь занятнымъ для дѣтей раскрашиваніемъ разъ навсегда заготовленныхъ чертежей — системы абсолютныхъ цѣнностей, и все, что философія почерпнетъ въ культурѣ, она напередъ готова будетъ снова отбросить со всякой перемѣной въ случайныхъ судьбахъ культурнаго человѣчества? Но какъ примирить тогда съ философіей научность?

Истинная сила всего неокритицизма нашего времени—въ критикѣ, въ критическомъ ученіи о первоосновахъ всякой философіи, въ формальной теоріи познанія. Какая необыкновенная изощренность логическаго анализа проявляется современной философіей въ отограниченіи различныхъ областей знанія другъ отъ друга, въ систематизаціи ихъ по логическимъ принципамъ, въ установленіи ихъ методовъ! Другая статья *Риккерта,* посвященная важному вопросу объ отношеніяхъ между математикой и логикой, въ прекрасной популярной формѣ вводитъ въ самую суть этого отличающаго современную философскую культуру процесса: въ послѣдовательномъ построеніи понятій „одного", „единства" и „единицы" дѣлается яснымъ, какими особыми признаками

сфера математики отличается отъ сферы „чистой логики“, а въ бѣгло обрисованномъ понятіи „всеединства“ намѣчаются чисто логическія отношенія между этими областями и далекими горизонтами религіи. Столь же удачной съ формальной стороны слѣдуетъ признать и предпринятую *Риккертомъ* во второй половинѣ первой статьи классификацію культурныхъ областей по степени ихъ отдаленности отъ жизни: путь отъ науки къ религіи оказывается путемъ отъ безплотной абстракціи къ жизни.

И невольно чувствуется нѣчто роковое въ этой власти формализма надъ духомъ, чувствуется та „трагедія культуры“, о которой пишетъ въ своей, какъ бы символически открывающей второй томъ, статьѣ *Георгъ Зиммель*. Есть большая психологическая правда въ „метафизической“ терминологіи *Зиммеля*, когда онъ говоритъ, что на пути души черезъ объективную культуру къ самой себѣ ей часто предопредѣлены безысходный плѣнъ у „объективнаго духа“ и невозможность выпутаться изъ сѣтей его и подняться до той внутренней индивидуально-личной высоты, которая представляетъ истинный смыслъ всякой внѣшней культуры. Невольно кажется, будто тяготѣющее надъ современной философіей богатое наслѣдіе вѣковъ безвозвратно обрекло ее на вѣчный формализмъ и на вѣчную критику. Какъ часто встаетъ образъ современной философіи съ необыкновенной точностью и необыкновенной добросовѣстностью проводящей тончайшія пограничныя линіи между голыми и безнадежно безплодными пустынями.

Но статья *Зиммеля*, кромѣ глубокой психологической правды, представляетъ въ сравненіи съ общимъ направленіемъ *Логоса*, еще и большой шагъ впередъ въ смыслѣ оцѣнки систематическаго значенія культуры: въ ней съ полной ясностью отвергается то совершенно неправильное, по нашему мнѣнію, представленіе о безличности культуры, которое лежитъ въ основѣ всей философски-систематической методологіи журнала, и на первый планъ выдвигается самостоятельное начало личности, для которой вся объективная культура—лишь средство къ независимому и свободному культурному творчеству. Исключить принципъ творческой личности изъ исторіи будущей философіи можетъ или система, видящая въ своемъ собственномъ появленіи конецъ всякой исторіи, или же система, для которой философія совпадаетъ съ навѣки застывшимъ формализмомъ. Но справедливо указываетъ въ своей статьѣ „О мистикѣ и метафизикѣ“ *С. Гессенъ*, самъ стоящій на почвѣ философіи цѣнностей, что система въ цѣломъ всегда есть, въ извѣстномъ смыслѣ, случайность и чудо и что потому всегда можно ожидать обогащенія системы вѣчныхъ цѣнностей новыми, еще никогда не открывавшимися человѣчеству областями абсолютнаго. Но если такъ, то философіи будущаго и съ формальной точки зрѣнія предстоитъ безконечная задача, для разрѣшенія которой по самой ея природѣ никакія методологическія, раціонально-логическія ухищренія не могутъ оказаться подходящими: такимъ образомъ, формализмъ философіи цѣнностей, съ одной стороны, напередъ осуждаетъ на безплодіе всѣ ея поиски, вѣра же ея въ философскій прогрессъ, съ другой стороны, должна возстать и вообще противъ всякой методологіи въ философскомъ творчествѣ. Для философіи цѣнностей весь процессъ философскаго творчества долженъ являться ирраціональнымъ въ своей исторической послѣдовательности, всякій прогрессъ въ немъ—дѣломъ геніальности, внезапнымъ озареніемъ и чудомъ, а потому всякая организація его — внутреннимъ противорѣчіемъ. Бо́льшее вниманіе къ роли личности въ культурѣ, которое, между прочимъ, намѣчается и въ небольшой статьѣ *Радбруха*: „О понятіи культуры“, ведетъ, какъ мнѣ кажется, къ совершенно иному взгляду на будущее философіи,

чѣмъ тотъ, изъ котораго исходитъ *Логосъ*. Здѣсь тотъ пунктъ, гдѣ генетическій методъ привелъ бы къ наиболѣе правильнымъ, хотя и строго отрицательнымъ результатамъ: исторія открытія и систематизаціи философскихъ цѣнностей убѣждаетъ во внутренней немотивированности и случайности всего процесса; между осуществленіемъ цѣнностей и осознаніемъ ихъ—такая же даль, какъ между бытіемъ и сознаніемъ вообще. И здѣсь же, какъ намъ кажется, возможность преодолѣнія всякаго формализма.

Все это, на нашъ взглядъ, еще больше оправдываетъ наши сомнѣнія въ систематическомъ значеніи новаго журнала, чѣмъ указанныя въ прошлой замѣткѣ трудности, и еще точнѣе опредѣляетъ его истинное значеніе. Не философіи, а культурѣ служитъ и можетъ служить *Логосъ*. Прилагать высшіе критеріи при оцѣнкѣ отдѣльныхъ культурныхъ явленій — значитъ безконечно углублять всѣ стороны современной культурной жизни. Такого именно характера во второмъ томѣ статьи: *Вячеслава Иванова* о Толстомъ, *Кона* о художникѣ Гансѣ фонъ-Марей, большая статья *Кюнемана* о Гердерѣ. Большое чисто культурное значеніе имѣетъ также интересъ, выказываемый журналомъ, къ проблемамъ мистическаго переживанія, которыхъ такъ чуждались до сихъ поръ и практическая жизнь, и абстрактная философія; въ этой области журналъ не только ярче освѣщаетъ существующую культуру, въ которой мы живемъ, но и самостоятельно содѣйствуетъ обогащенію ея цѣнностями, давно затерянными въ глуби вѣковъ и скрытыми отъ взоровъ огромнаго большинства современнаго культурнаго человѣчества. Проблемѣ мистики посвящены, кромѣ уже упомянутой статьи *Гессена*, статья *Мэлиса:* „О формахъ мистики", и отчасти статья *Василія Сеземана:* „Объ ирраціональномъ въ системѣ философіи".

Чѣмъ яснѣе сдѣлается журналу его исключительно культурная роль, тѣмъ сознательнѣе сумѣетъ онъ ее проводить и тѣмъ успѣшнѣе будетъ онъ ее выполнять. Выясненіе истинныхъ отношеній между культурой и философіей надо считать его первой и основной задачей. Второй томъ *Логоса* свидѣтельствуетъ, что вопросъ этотъ стоитъ въ центрѣ вниманія руководителей журнала, и въ этомъ, какъ намъ кажется, его большое значеніе для будущихъ судебъ всего предпринятаго дѣла.

А. Штейнбэргъ.

III. Школа и воспитаніе.

1. Максимализмъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Въ январской книгѣ *Русской Мысли* въ замѣткѣ „Шестигодичная начальная школа или четырехгодичное высшее начальное училище?" мнѣ уже пришлось затронуть этотъ вопросъ. Выясняя сущность спора между сторонниками той и другой школы, я указывалъ, что стремленіе дать наилучшее повышенное образованіе привело часть общеземскаго съѣзда къ отрицанію 6-годичной школы, несмотря на бо̀льшую доступность для массы населенія этого типа школы, несмотря на бо̀льшую возможность широко развить сѣть такихъ школъ въ деревнѣ; тогда какъ дороговизна и продолжительность обученія въ 4-годичной высшей школѣ привела бы неминуемо къ крайнему ограниченію числа и доступности для населенія школъ послѣдняго типа.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ бы хотѣлось показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ подобный же максимализмъ отражается уже и теперь въ дѣятель-

ности земствъ по народному образованію. Начну съ учрежденія земствами среднихъ школъ.

Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земства принимаютъ энергичное участіе въ открытіи и содержаніи значительнаго числа—часто даже цѣлой сѣти—гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Многіе видятъ въ такой дѣятельности проявленіе особаго демократизма, стремящагося связать низшую школу со средней и открыть доступъ, такимъ образомъ, крестьянскому населенію не только къ среднему, но и дальше къ высшему образованію. Въ заслугу этимъ земствамъ ставится то, что они, дескать, не хотятъ ограничивать обученіе крестьянскихъ дѣтей только начальной ступенью, а даютъ всѣмъ тѣ же средства для полученія образованія, какія существуютъ у насъ въ Россіи для такъ называемыхъ привилегированныхъ классовъ.

Напримѣръ, делегаты Пермской губерніи на общеземскомъ съѣздѣ, видимо, съ большой гордостью въ одномъ особомъ мнѣніи говорятъ:

„Земства Пермской губерніи нынѣ отводятъ въ своей дѣятельности весьма почетное мѣсто заботамъ объ обезпеченіи дѣтямъ крестьянскаго населенія средняго образованія и не останавливаются для этого передъ открытіемъ сѣти содержимыхъ въ значительной степени на счетъ земства среднихъ учебныхъ заведеній. По этому пути наше земство пойдетъ безостановочно, не считаясь съ отношеніемъ всероссійскаго съѣзда къ этой важнѣйшей сторонѣ земскаго хозяйства“.

Если разсматривать такого рода стремленіе въ отдѣльности, независимо отъ остальныхъ отраслей земской работы, то можно прійти только въ умиленіе отъ широкихъ цѣлей и высокихъ задачъ, которыя тутъ ставятся.

Однако совсѣмъ иная картина получается, если взять и проанализировать въ цѣломъ всю постановку дѣла народнаго образованія въ такихъ губерніяхъ.

Возьму для примѣра Пермскую губернію, гдѣ болѣе выпукло намѣтилось указанное теченіе.

Изъ доклада пермской губернской управы 1911 г. мы видимъ, что всего на губернію было 37 средне-учебныхъ общеобразовательныхъ заведеній (въ содержаніи всѣхъ ихъ принимало участіе губернское или уѣздное земство). Начальныхъ же школъ въ Пермской губерніи (всѣхъ вѣдомствъ) въ настоящее время больше 2,500 съ количествомъ учащихся около 200,000 чел. Ясно, что при такомъ числѣ обучающихся въ начальныхъ школахъ и при 37 среднихъ школахъ съ ежегоднымъ пріемомъ въ $1^1/_2$—2 тысячи учениковъ говорить объ „обезпеченіи дѣтямъ крестьянскаго населенія средняго образованія“ по меньшей мѣрѣ наивно. Кромѣ того, необходимо помнить, что главное препятствіе здѣсь лежитъ не въ недостаткѣ среднихъ школъ, а въ невозможности для громаднаго большинства крестьянъ обучать своихъ дѣтей до 17—20 лѣтъ, что устраняется, да и то лишь отчасти, [1]) назначеніемъ стипендій. Между тѣмъ такихъ стипендій въ указанныхъ 37 среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ учреждено, несмотря на очень большую щедрость земствъ Пермской губ., во всякомъ случаѣ не болѣе 200—250. Для населенія губерніи, насчитывающаго болѣе $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ и дающаго ежегодно около 20,000 оканчивающихъ начальныя школы, это, конечно, капля въ морѣ,—не больше! И какъ бы земство ни старалось усилить свою дѣятельность въ этомъ направленіи, ему не угоняться даже за ежегоднымъ приростомъ числа оканчивающихъ начальную школу.

Итакъ, несмотря на всѣ усилія, и въ Пермской губ. нѣтъ даже и тѣни желаемаго обезпеченія средняго образо-

---

[1]) Стипендіи освобождаютъ крестьянскую семью отъ расходовъ на содержаніе дѣтей, но не вознаграждаютъ ея за утрату рабочей силы, которая большею частью крайне необходима семьѣ.

ванія сельскому населенію; на будущее также надежды весьма плохи.

Ну что-жъ, скажетъ читатель, пусть лучше хоть немногіе добьются лучшей доли, чѣмъ никто.

Это было бы совершенно вѣрно, если бы въ остальныхъ отрасляхъ народнаго образованія у насъ обстояло все благополучно.

Между тѣмъ что же мы видимъ?

Тѣ же земства Пермской губерніи (губернское и уѣздныя вмѣстѣ), расходуя (по смѣтамъ 1911 г.) на 37 среднихъ школъ 288,000 руб., на все дѣло внѣшкольнаго образованія затрачиваютъ 178,000 рублей, т.-е. меньше на 110 тысячъ.

Вдумаемся нѣсколько въ эти числа, полныя глубокаго и, по-моему, прямо трагическаго значенія.

Изъ сельскаго населенія, обучающагося въ начальной школѣ, ежегодно попадаетъ нѣсколько сотъ въ среднія и профессіональныя учебныя заведенія; остальные, т.-е. *почти все населеніе,* для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, для самообразованія, для разумнаго отдыха, для продолженія своего обученія имѣютъ въ деревнѣ единственное средство въ видѣ различныхъ земскихъ мѣропріятій по внѣшкольному образованію: библіотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній, повторительныхъ и дополнительныхъ курсовъ, воскресныхъ школъ, музеевъ, народныхъ домовъ, книжныхъ складовъ и т. д. И вотъ на всѣ эти разнообразныя учрежденія, долженствующія обслуживать, по крайней мѣрѣ, милліонъ населенія, пермскія земства тратятъ на 110,000 руб. меньше, нежели на среднія школы, обслуживающія лишь 12,000 учениковъ, да притомъ въ большинствѣ болѣе обезпеченныхъ, нежели остальное населеніе.

Гдѣ же здѣсь демократичность?

Неужели послѣдняя заключается въ томъ, чтобы посадить на учебную скамью гимназіи нѣсколько сотъ крестьянъ за счетъ остальной массы?

Какъ хотите, а это скорѣе можно назвать демократизмомъ наизнанку.

Разбираясь въ такомъ ненормальномъ положеніи, легко понять ту часть гласныхъ, которая, по вполнѣ яснымъ причинамъ, стремится съ помощью земства обезпечить среднее образованіе дѣтямъ тѣхъ слоевъ населенія, къ которымъ принадлежатъ сами гласные (землевладѣльцы, торгово-промышленный классъ, болѣе состоятельное крестьянство, служилый и чиновничій элементъ), причемъ при рѣшеніи вопроса о средне-учебномъ заведеніи не послѣднюю роль играютъ и собственныя дѣти гласныхъ, ихъ племянники, внуки и проч.

Но я совершенно не могу понять тѣхъ идейныхъ гласныхъ, какъ, напримѣръ, делегатовъ Пермской губ. на съѣздѣ, которые, увлекаясь грандіозной, максимальной цѣлью—уравнять образованіе въ современномъ мірѣ, полномъ неравенства, направляютъ дѣятельность въ пользу единицъ и въ явный ущербъ массѣ населенія, его жизненнымъ интересамъ.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что земство совсѣмъ не должно принимать участія въ развитіи средняго образованія. Напротивъ, земство заинтересовано въ этомъ со многихъ сторонъ: оно должно обслуживать и среднія болѣе обезпеченные слои населенія, какъ земскихъ плательщиковъ; оно должно позаботиться и объ улучшеніи положенія своихъ служащихъ, прикрѣпить ихъ болѣе къ мѣсту; ему не должно быть чуждо стремленіе дать выходъ талантамъ изъ народа на широкую дорогу; наконецъ, женскія гимназіи оно можетъ цѣнить какъ учрежденія для подготовки народныхъ учительницъ.

Съ этихъ точекъ зрѣнія и должно земство разсматривать въ настоящее время среднюю школу, не обольщаясь идеей ея общедоступности, не забывая своей первой обязанности—дать начальное образованіе и предоставить возможность дальнѣйшаго просвѣщенія внѣшкольнымъ путемъ для всего населенія.

Соотвѣтственно этому затраты земствъ на среднія школы не должны подавлять развитія главнѣйшихъ отраслей *народнаго* образованія, должны слѣдовать послѣ удовлетворенія наиболѣе насущныхъ потребностей и болѣе ставить цѣлью помочь частной и общественной инициативѣ, нежели брать на себя главную тяжесть по оборудованію и содержанію средней школы.

Когда придетъ счастливая пора (мы до нея не доживемъ) и у населенія будетъ общедоступная хорошая школа 6—8-годичная съ хорошимъ учителемъ и въ деревнѣ будутъ библіотеки, дополнительныя школы, курсы и т. п., тогда настанетъ время поставить въ число задачъ и ту, которую поставило себѣ пермское земство.

Для подтвержденія сказаннаго возьмемъ еще дѣятельность вятскаго земства, которое также много обращало вниманія и средствъ на среднія школы и „демократизмъ" котораго въ этомъ направленіи въ свое время получилъ большое одобреніе въ прессѣ.

За 1910—11 учебный годъ вятское губернское земство на однѣ мужскія гимназіи и реальныя училища затратило 86,000 руб., а на все внѣшкольное образованіе 29,398 руб., т.-е. *2500 учащихся получили на дальнѣйшее образованіе ассигновку втрое большую, нежели все населеніе губерніи ($3^1/_2$ милліона).*

Что касается женскихъ гимназій (извѣстныхъ въ литературѣ подъ именемъ „крестьянскихъ"), то на нихъ губернское земство истратило въ 1910 г. больше 23,000 руб. Впрочемъ, на эти расходы вятское земство больше шло изъ-за необходимости „имѣть для начальныхъ школъ надлежаще подготовленный педагогическій персоналъ" (доклады 1911 г.).

Въ настоящее время, когда передъ вятскимъ земствомъ обрисовались во всей широтѣ задачи начальнаго и внѣшкольнаго образованія, оно увидѣло, что положеніе его не особенно блестяще, и рѣшило ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи расходовъ по содержанію средне-учебныхъ заведеній на средства казны.

Дѣйствительно, при возрастающихъ потребностяхъ *народнаго* образованія громадные расходы вятскихъ земствъ [1]) на среднія школы являются какъ бы петлей, затягивающей всѣ хорошія начинанія смѣлаго широкаго развитія начальнаго обученія, библіотечнаго дѣла, подготовки учащихъ и т. п. И если въ журналахъ и газетахъ иногда учитывали съ восторгомъ, сколько настоящихъ крестьянскихъ дѣтей прошло учебу вятскихъ гимназій, то не мѣшало бы подсчитать также, сколько крестьянскихъ дѣтей осталось въ деревнѣ безъ книжки, безъ всякихъ образовательныхъ учрежденій, удовольствовалось въ лучшемъ случаѣ тремя годами начальнаго обученія для того, чтобы нѣсколько ихъ товарищей имѣло возможность изучить классическія древности, 5 грамматикъ и получить, наконецъ, аттестатъ зрѣлости.

Перейдемъ теперь еще къ одному, по-моему, крайне характерному факту изъ той же области земской дѣятельности, но уже въ Самарской губерніи. Существовала въ Самарѣ земская учительская семинарія, которая съ успѣхомъ подготовляла учительницъ для сельскихъ школъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ губернское собраніе рѣшило закрыть эту семинарію. Въ 1910 г. въ связи съ ознаменованіемъ 50-лѣтія освобожденія крестьянъ было рѣшено устроить, вмѣсто закрываемой семинаріи, постоянные педагогическіе курсы для кончающихъ женскія гимназіи. Стали составлять программы, въ которыя были включены всѣ предметы и

[1]) Уѣздныя земства тратятъ на среднія школы ежегодно около 180,000 руб. Орловское уѣздное земство тратитъ на среднія школы около 43,000 руб., а на все внѣшкольное образованіе только около 3000 р., т.-е. въ 14 разъ меньше.

свѣдѣнія, имѣющіе какое-либо значеніе для подготовки учительницъ, и въ результатѣ возникъ проектъ 3-годичнаго высшаго учебнаго заведенія, причемъ открылась перспектива получить для оканчивающихъ право преподаванія въ средней школѣ.

Эта перспектива показалась гласнымъ настолько пріятною, что въ слѣдующемъ году земское собраніе приняло предложеніе о расширеніи курса учреждаемаго педагогическаго института до 4-хъ лѣтъ и одобрило уставъ, изъ котораго ясно видно, что институтъ представляетъ изъ себя настоящее высшее учебное заведеніе съ профессорами, всѣми правами и т. п.

Такимъ образомъ, вмѣсто скромной семинаріи получились высшіе женскіе курсы, ставящіе себѣ цѣлью готовить учительницъ для средней школы.

Спрашивается, какое же отношеніе это новое учрежденіе можетъ имѣть къ народной школѣ, къ сельскому населенію?

Вѣдь семинарія, дѣйствительно, обслуживала послѣднее, во-первыхъ, тѣмъ, что съ помощью ея дѣти недостаточныхъ классовъ получали образованіе и доступъ къ учительству, а во-вторыхъ, тѣмъ, что окончившія семинарію шли работать въ народную школу, несли съ собою знанія и свѣтъ въ деревню, составляя среди учительскаго персонала чуть ли не лучшую его часть.

Педагогическій же институтъ, конечно, совсѣмъ не можетъ быть въ той же мѣрѣ доступенъ для крестьянскаго населенія, такъ какъ для поступленія въ него надо окончить гимназію да еще проучиться 4 года въ институтѣ.

Ясно, что послѣдній будетъ обслуживать дѣтей помѣщиковъ, купцовъ и другихъ болѣе состоятельныхъ классовъ.

Точно такъ же и кончающія институтъ пойдутъ не въ деревню, не въ народную школу, а въ среднюю, какъ это было откровенно высказано въ земскомъ собраніи защитниками проекта.

Такимъ образомъ, гг. гласные подъ демократическимъ флагомъ 19 февраля хотятъ создать для своего подрастающаго поколѣнія высшую школу, передавъ послѣдней и постройки, и учебныя пособія, и все имущество прежней учительской семинаріи, съ честью служившей дѣйствительно тому сословію, для котораго былъ изданъ манифестъ 19 февраля.

Цѣль созданія высшаго института очень прозрачно вырисовывается изъ слѣдующихъ словъ доклада о немъ:

„Осуществленіе идеи этой высшей педагогической школы положитъ прочное начало серьезному научному образованію молодыхъ дѣвушекъ, которыя въ настоящее время стремятся за полученіемъ его за 1000 верстъ, въ Москву и Петербургъ, гдѣ имъ приходится переносить всѣ неудобства, тяготы и крайнюю нужду. Съ открытіемъ же высшей школы въ Самарѣ это вполнѣ естественное стремленіе можетъ осуществиться для нихъ и не выѣзжая изъ своего родного города“.

Противъ этого проекта горячо возражалъ предсѣдатель новоузенской уѣздной земской управы В. С. Ободовскій.

„Я,—говорилъ онъ на собраніи,—конечно, привѣтствую губернское земство, что оно вступаетъ на путь расширенія и развитія образованія въ губерніи, но возникаетъ вопросъ: въ какой формѣ должна выразиться эта помощь? По-моему, она должна быть направлена на низшія школы, которыя растутъ въ губерніи, съ введеніемъ всеобщаго образованія, очень широко. Тотъ же проектъ, который сейчасъ представляется вниманію собранія, предусматриваетъ высшее образованіе для кончившихъ курсъ гимназій съ тѣмъ, чтобы онѣ по окончаніи этого курса могли явиться въ свою очередь преподавательницами этихъ гимназій, т.-е. главнымъ образомъ эта помощь направляется для среднихъ учебныхъ заведеній...

Мнѣ говорятъ, что кромѣ того, что питомицы института будутъ обслуживать среднія учебныя заведенія, онѣ

будутъ подготовлять извѣстный контингентъ учительницъ для низшихъ школъ. Но и сейчасъ преподавателями въ педагогическихъ классахъ гимназій являются лица, кончившія университеты, филологи, и подготовка ихъ едва ли ниже той, которую дастъ проектируемый институтъ. Такъ что въ качественномъ отношеніи дѣло едва ли измѣнится...

Говорятъ, что въ женской гимназіи будетъ обращено большое вниманіе на педагогическую подготовку; конечно, это будетъ очень хорошо, если будетъ такъ: тогда не будетъ слабыхъ учительницъ, которыхъ теперь выпускаютъ гимназіи; но это вопросъ далекаго будущаго; пока же условія остаются прежнія, то смѣло можно сказать, что дѣло не поправится отъ того, что кончившія курсъ института будутъ преподавательницами въ гимназіяхъ.

Нельзя забывать, что если въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитываются десятки тысячъ, то въ низшихъ школахъ сотни тысячъ остаются безъ всякой помощи въ смыслѣ улучшенія постановки учебнаго дѣла...

Мнѣ кажется, что губернскому земству нельзя оставлять въ сторонѣ низшее образованіе, и, на мой взглядъ, начать нужно было именно съ этого. Кончившіе высшій педагогическій институтъ въ низшую школу не пойдутъ, такъ какъ всегда найдутъ себѣ мѣсто въ лучшихъ условіяхъ.

Что это такъ, мы слышимъ отъ составителей проекта, которые говорятъ, что идейныхъ людей, которые пойдутъ въ деревню и будутъ обслуживать нужды народной школы, мало. Если земство не придетъ въ этомъ отношеніи на помощь низшей школѣ, то населеніе должно будетъ остаться при томъ положеніи, въ которомъ находится сейчасъ; между тѣмъ запросы населенія растутъ, большинство населенія требуетъ повышеннаго типа школы. Я думаю, что нужна извѣстная постепенность въ этомъ дѣлѣ,—необходимо прійти на помощь низшей школѣ открытіемъ 2-хлѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для подготовки опытныхъ учительницъ, которыя, не имѣя высшаго образованія, не расходились бы по городамъ въ среднія учебныя заведенія, а оставались бы въ деревнѣ.

Наконецъ, самое учрежденіе такихъ педагогическихъ курсовъ въ память 19 февраля болѣе подходило бы, если бы оно было открыто именно для обслуживанія низшаго образованія, а не для средней школы, которая въ большинствѣ случаевъ даетъ образованіе привилегированнымъ классамъ".

Такъ говорилъ предсѣдатель управы, который на дѣлѣ доказалъ свои заботы о народномъ образованіи и поставилъ послѣднее въ своемъ уѣздѣ на высоту, которой другіе уѣзды Самарской губ. еще очень нескоро достигнутъ.

Однако его возраженія были напрасны.

Заманчивая перспектива имѣть у себя на мѣстѣ высшіе женскіе курсы, подкрѣпленная авторитетомъ петербургской педагогической академіи, которая увлеклась цѣлью дать максимумъ педагогическаго образованія, сдѣлала неубѣдительными всѣ доводы заслуженнаго земскаго дѣятеля.

Между тѣмъ, значительность расходовъ на новый институтъ, навѣрно, надолго помѣшаетъ самарскому земству открыть какіе-либо курсы для школы, для подготовки народныхъ учительницъ.

Разберемъ еще одинъ примѣръ.

Въ московскомъ уѣздномъ земствѣ существуютъ библіотеки двухъ типовъ: народныя при школахъ, безъ особаго библіотекаря, безъ своего помѣщенія, и публичныя, управляемыя особыми совѣтами, избираемыми общими собраніями годовыхъ подписчиковъ, имѣющія свои помѣщенія, библіотекарей и т. д.

Библіотеки второго типа пользуются особымъ вниманіемъ уѣзднаго земства, которое щедро ассигнуетъ на нихъ средства, считая ихъ наиболѣе жизнен-

ными и солидными просвѣтительными учрежденіями.

Въ результатѣ усиленнаго поощренія болѣе совершеннаго типа получается такое положеніе: на содержаніе 56 народныхъ библіотекъ ассигнуется 5,600 р. (1912 г.), а на содержаніе 6 публичныхъ библіотекъ 5,400 руб. (т.-е. на каждую въ среднемъ въ 9 разъ больше).

Соотвѣтственно этому публичныя библіотеки имѣютъ своего библіотекаря, а въ народныхъ библіотекахъ учащіе за завѣдываніе не получаютъ ничего; въ однихъ мѣстахъ густо, а въ другихъ, какъ говорится, пусто, и *свыше 100 школьныхъ районовъ остается безъ всякихъ народныхъ библіотекъ.*

Если мы обратимъ вниманіе также на расположеніе публичныхъ библіотекъ, то увидимъ, что и въ данномъ случаѣ деревня опять остается обдѣленной—всѣ публичныя библіотеки расположены въ крупныхъ пригородахъ, дачныхъ мѣстностяхъ и торгово-промышленныхъ поселкахъ.

Соотвѣтственно этому подписчики-земледѣльцы составляютъ въ этихъ библіотекахъ только 1,6%.

Въ Каменской, напр., библіотекѣ, которая далѣе всѣхъ расположена отъ Москвы и приводится часто въ качествѣ примѣра *сельской* публичной библіотеки, подписчики распредѣляются по слѣдующимъ категоріямъ: 1) *земледѣльцевъ и кустарей—21;* 2) ремесленниковъ—6; 3) служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ — 10; 4) рабочихъ—4; 5) служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ—31; 6) желѣзнодорожныхъ служащихъ—31; 7) владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній—10; 8) безъ опредѣленныхъ занятій — 5; 9) *дачниковъ—36.*

Приведенные примѣры, мнѣ кажется, ясно показываютъ, какъ въ дѣлѣ народнаго образованія стремленіе дать *все,* дать *максимумъ* приводитъ часто къ тому, что это *все* получаютъ очень немногіе, а громадное большинство, именно наиболѣе нуждающихся, остается *не при чемъ.*

Вотъ почему максимализмъ однихъ такъ часто оказывается, какъ видно изъ статьи, на руку эгоизму другихъ, и попытки проявить на дѣлѣ максимумъ демократизма приводятъ при современныхъ условіяхъ скорѣе къ еще большему увеличенію преимуществъ привилегированныхъ слоевъ населенія.

Главная ошибка максимализма, столь распространеннаго среди нашей интеллигенціи, заключается въ томъ, что всѣ проекты и учрежденія разсматриваются внѣ общей связи съ остальными условіями жизни, въ нашемъ частномъ случаѣ—внѣ связи съ другими начинаніями по народному образованію. Въ самомъ дѣлѣ, поставимъ себѣ обособленно вопросы: полезно ли распространеніе средняго образованія среди крестьянскаго населенія? Полезное ли учрежденіе педагогическій институтъ? Заслуживаютъ ли вниманія и поощренія публичныя библіотеки?

„Конечно, всѣ эти учрежденія и начинанія прекрасны и всѣ наши симпатіи на ихъ сторонѣ",—отвѣтимъ мы. Точно такъ же, если мы изолированно отъ всего остального начнемъ разбирать, что лучше: 2-хгодичные курсы или настоящее высшее учебное заведеніе? 8-милѣтнее обученіе въ средней школѣ или дополнительные два класса къ начальному обученію? Обычныя народныя или публичныя библіотеки? — то при такой постановкѣ вопросовъ у насъ сомнѣній не можетъ быть, что лучше, что надо предпочесть.

Совсѣмъ другое получится, если мы тѣ же вопросы начнемъ разбирать въ связи со всей системой, съ тѣмъ, на какія средства мы можемъ разсчитывать, какія у насъ наиболѣе вопіющія нужды, что у насъ уже сдѣлано, кого смогутъ обслуживать наши новыя мѣропріятія, кому они будутъ доступны и т. д.

Тогда, быть можетъ, мы очень часто будемъ принуждены отвѣтить на слиш-

комъ широкіе проекты однимъ мѣткимъ иносказательнымъ выраженіемъ, слышаннымъ мною отъ одного знакомаго: „господа, у васъ нѣтъ брюкъ, а вы заботитесь уже о галстукѣ“.

Заканчивая настоящую замѣтку въ день ржаного колоса, не могу удержаться, чтобы не привести одного сравненія. Что мы бы отвѣтили, если бы намъ кто-либо сказалъ: „вотъ вы сами ѣдите, господа, мясо, распиваете кофе съ молокомъ и потребляете много разныхъ кушаній, а народу хотите дать одинъ только хлѣбъ да еще, пожалуй, черный. Развѣ это справедливо? Почему же вы не считаете нужнымъ и крестьянамъ предоставить всѣ тѣ же кушанья, которыя поѣдаете сами?“

Развѣ мы бы не отвѣтили этимъ максималистамъ: „будетъ очень хорошо, если намъ удастся для всѣхъ достать хотя бы хлѣба и накормить всѣхъ голодающихъ. А если достанемъ для всѣхъ хлѣба, тогда позаботимся и о другомъ“.

Не такъ ли должна итти мысль и въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія?

А. Обуховъ.

2. Борьба за классицизмъ во Франціи. [1]

Старый, какъ міръ, вопросъ о преподаваніи древнихъ языковъ въ средней школѣ снова выплылъ на поверхность взбаламученнаго моря французской общественной жизни... Манифесты, брошюры и рефераты „лиги для борьбы за французскую культуру“, учрежденной 36 блестящими „безсмертными“, начинаютъ дѣлать свое дѣло: газеты и серьезные журналы полны страстныхъ полемическихъ статей о кризисѣ французскаго языка и французской культуры, о пользѣ и вредѣ классическаго образованія, а газета *Temps* сообщила недавно, что министръ народнаго просвѣщенія созвалъ уже комиссію для пересмотра реформы 1902 года.

Послѣдняя реформа, какъ извѣстно, пробила значительную брешь въ крѣпости классицизма средней французской школы. Преподаваніе греческаго языка перестало быть обязательнымъ; коллежи были раздѣлены на четыре секціи—A, B, C и D,—между которыми было распредѣлено по степени своей важности преподаваніе латинскаго языка, причемъ преподаваніе риторики было уничтожено во всѣхъ секціяхъ, а изъ программы секціи D латынь была совершенно вычеркнута. Мѣсто латыни, попавшей въ опалу, занято было усиленнымъ преподаваніемъ математики, физики и новыхъ языковъ.

Вотъ противъ обнаружившихся уже результатовъ этой реформы и начала свой походъ лига, въ составъ которой входятъ лучшіе представители литературнаго, художественнаго и научнаго міра Франціи...

Лига видитъ въ реформѣ главную причину упадка французской культуры...

„Мы имѣемъ опытныхъ инженеровъ, но они не умѣютъ грамотно составить своихъ докладовъ; знаніе французскаго языка падаетъ, кандидаты-бакалавры поражаютъ профессоровъ безграмотностью своихъ работъ. Знаменитое французское остроуміе, тонкая отшлифованность мысли становятся рѣдкимъ достояніемъ стариковъ. Хорошій французскій вкусъ исчезаетъ, утонченной культурѣ грозитъ неминуемая гибель... Чистая наука уступаетъ мѣсто грубымъ прикладнымъ знаніямъ...“

Въ свою очередь не дремлютъ и противники классицизма, среди которыхъ можно также насчитать не мало блестящихъ именъ...

„Изученіе латинскаго, — отвѣчаютъ послѣдніе,—отнюдь не необходимо для хорошаго знанія французскаго языка; наоборотъ, латинская грамматика часто идетъ наперекоръ французской... На самомъ дѣлѣ французскій языкъ произошелъ не отъ латинскаго литера-

[1]) Писано въ декабрѣ 1911 г.

турнаго, а отъ особаго нарѣчія, настолько отличавшагося отъ латинскаго языка, что говорившіе на немъ жители латинской Галліи не могли читать Цицерона. Но преподаваніе латыни излишне и съ точки зрѣнія развитія хорошаго литературнаго вкуса, утонченной философской мысли или гражданской доблести. Викторъ Гюго отнюдь не уступаетъ въ геніальности какому-нибудь Овидію, Ж. Ж. Руссо—Сенекѣ, а философія XVIII вѣка—благоразумнымъ цивическимъ максимамъ Цицерона..."

Само собою разумѣется, что политическія партіи не могли упустить столь удобнаго случая для сведенія своихъ партійныхъ счетовъ. Реформа 1902 года явилась дѣломъ республиканской Франціи?... Этого достаточно было, чтобъ *Action Française* и другія монархическія газеты забили противъ нея въ свои бубны и фанфары. Монархисты борются за классицизмъ. Республиканцы сплачиваются вокругъ реформы 1902 года, объявляютъ ее демократическимъ дѣтищемъ...

Но оставимъ политикановъ драться между собою. Если въ числѣ основателей „лиги борьбы за французскую культуру" мы находимъ такихъ завѣдомыхъ роялистовъ, какими являются Поль Бурже, Жюль Лемэтръ, Морисъ Барресъ, Денисъ Кошэнъ и др., то мы можемъ встрѣтить среди нихъ также имена такихъ яркихъ демократовъ-республиканцевъ, какъ Анатоль Франсъ и Шарль Бенуа. И недаромъ Поль Бонкуръ, министръ труда въ кабинетѣ Бріана, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ представителей французской демократіи, писалъ въ своемъ послѣднемъ докладѣ палатѣ депутатовъ о бюджетѣ министерства „изящныхъ искуствъ":

„Съ нѣкотораго времени странный предразсудокъ овладѣлъ многими изъ моихъ партійныхъ товарищей; подобно тѣмъ строителямъ, что пробиваютъ для симметріи глухія окна, они противопоставляютъ другъ другу классицизмъ и современныя идеи, считаютъ демократической новую школу [1]) и реакціоннымъ изученіе греческаго и латинскаго языковъ... Какъ будто не классицизмъ создалъ тотъ культурный фондъ, которымъ питалась въ теченіе вѣковъ наша буржуазія, свершившая Великую Революцію и создавшая современное общество! Какъ будто наши великіе революціонеры не были воспитаны на античномъ мірѣ! Какъ будто традиція классицизма имѣетъ какую-нибудь связь съ политикой! Да вѣдь она—традиція Франціи, честь нашей расы, лучшее выраженіе нашего генія; каковъ бы ни былъ политическій режимъ, правящій нами, каковы бы ни были соціальныя формы, въ которыхъ мы живемъ, въ тотъ день, когда мы порвемъ съ нею, мы откажемся отъ лучшаго, чѣмъ мы владѣемъ".

Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ классицизмъ является орудіемъ притупленія юныхъ головъ, отвлеченія ихъ отъ волнующихъ вопросовъ современности, прекрасной школьной муштровкой. Но во Франціи классицизмъ такой роли не игралъ; во всякомъ случаѣ теперь играть не можетъ. Правда, большинство членовъ „лиги борьбы за французскую культуру" исповѣдуетъ роялистскія убѣжденія, но эти правыѐ, не въ примѣръ нашимъ, являются прежде всего носителями культурныхъ традицій; имъ дорога прежде всего не монархическая Франція, а Франція просвѣщенная, Франція артистическая, Франція, свѣтящая на весь міръ своимъ великимъ культурнымъ геніемъ.

Въ дѣйствительности кампанія, предпринятая лигой, является лишь эпизодомъ трагической борьбы между старымъ французскимъ идеализмомъ и эволюціей современнаго общества.

Эволюція эта совершенно измѣнила міровое „соотношеніе силъ"; она выдвинула на арену жизни молодые народы, отважно объявившіе войну старому міру. Жить для народовъ значитъ про-

---

1) Рѣчь тутъ идетъ объ enseignement moderne.

изводить; производить значитъ вывозить, завоевывать экономическое господство. Въ этихъ цѣляхъ англо-саксонскія страны и отчасти Германія приспособили всю свою государственную и соціальную машину. И главное свое вниманіе онѣ обратили на выработку прекрасной арміи агентовъ для открывшейся экономической борьбы.

Школа и университетъ должны служить не столько чистой наукѣ, сколько широкому развитію прикладныхъ знаній... Вмѣсто глубокихъ ученыхъ, писателей-стилистовъ, Ренановъ и Сентъ-Бэвовъ, университетъ долженъ вырабатывать опытныхъ коммерсантовъ, администраторовъ и политиковъ, Рузвельтовъ и Моргановъ.

Эти чисто практическія задачи американскихъ университетовъ[1]) прекрасно охарактеризованы академикомъ Бутру въ докладѣ французской академіи... Бутру отмѣчаетъ прежде всего огромное мѣсто, которое отводятъ физическому воспитанію американскіе университеты, расположенные въ этихъ цѣляхъ за городскою чертою и даже въ деревняхъ. Все преподаваніе носитъ чисто практическій характеръ и стремится выработать здоровую и энергичную расу практиковъ-спеціалистовъ. Изъ свободныхъ профессій американская молодежь выбираетъ лишь медицину и адвокатуру; большинство готовится къ коммерческой дѣятельности. Молодежь интересуется при этомъ лишь тѣмъ, что входитъ въ программу экзаменаціонныхъ испытаній. Бутру передаетъ интересный анекдотъ про одного студента, прервавшаго знаменитаго философа Вильяма Джемса, когда тотъ заговорилъ о предметѣ, выходящемъ изъ программы, восклицаніемъ: „пора перейти къ серьезнымъ вещамъ“.

Общее образованіе занимаетъ мало времени; правда, дань Европѣ заставила отвести немного мѣста и классицизму, но изученіе его ведется не по изящной синтетической французской методѣ, а въ духѣ громоздкой и педантичной филологіи Германіи. Наука интересуетъ американцевъ лишь съ точки зрѣнія ея практическихъ результатовъ; и въ этомъ отношеніи, надо отдать имъ справедливость, американцы не уступаютъ Европѣ; это, впрочемъ, обусловливается не столько геніальностью ученыхъ, сколько богатствомъ лабораторныхъ средствъ, отданныхъ въ ихъ распоряженіе. Даже философія носитъ здѣсь экспериментальный характеръ. Вильямъ Джемсъ не скрывалъ своего презрѣнія къ абстрактнымъ, спекулятивнымъ идеямъ Канта. Оригинальность Джемса и заключается въ томъ, что онъ передаетъ въ своихъ исканіяхъ отличительныя черты американскаго генія, ищущаго истину лишь въ дѣйствіи, не вѣрящаго въ фатализмъ природы, одинаково равнодушнаго къ пессимистической или оптимистической точкамъ зрѣнія на міръ, которыя являются лишь выраженіемъ абсолютныхъ доктринъ, но стремящагося къ личному усовершенствованію, исходя изъ необычайной пластичности человѣческой натуры.

Такой *практицизмъ* въ постановкѣ образованія и въ характерѣ научно-философской мысли не могъ не создать расы энергичныхъ дѣльцовъ, рыцарей наживы, съ головы до ногъ вооруженныхъ прикладными знаніями, чуждыхъ сантиментальныхъ увлеченій, смѣлыхъ піонеровъ, безъ сожалѣнія покидающихъ свою родину, чтобы итти въ другія страны завоевывать ей тамъ власть и господство...

Немудрено, что эти новые народы и тѣ изъ старыхъ, которые послѣдовали по проложенному ими пути, быстро опередили въ своемъ экономическомъ развитіи Францію, гдѣ до послѣдняго времени главныя усилія школы были направлены на выработку общаго разви-

[1]) Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки университетъ обнимаетъ въ одно и то же время среднее и высшее образованіе (при томъ какъ чисто научное, такъ и техническое).

тія и поднятія интелектуальнаго и духовнаго уровня молодежи... И до сихъ поръ процентъ французовъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ, ничтоженъ; зато всѣ французы прекрасно знакомы съ родной литературой; любой французскій буржуа и даже рабочій можетъ вести бесѣду о Ламартинѣ или Викторѣ Гюго, любая французская женщина можетъ поразить изысканнымъ стилемъ своего письма. Пріобщенный къ богатой культурѣ своей родины, французскій буржуа съ неохотой покидаетъ „старую французскую землю"; матеріальныя блага колоній и новыхъ странъ мало прельщаютъ французскую молодежь. Проникнутый традиціями служенія чистой наукѣ, французскій ученый меньше всего думаетъ о практическихъ результатахъ ея. Пока нужно служить наукѣ какъ идеѣ, онъ развертываетъ всю силу своего генія; пока нужно изобрѣтать и умирать, французскій авіаторъ поражаетъ міръ своей беззавѣтной отвагой... Но когда приходитъ часъ систематическаго примѣненія теоріи къ практикѣ, реализаціи въ повседневной жизни завоеваній народнаго генія, французъ пасуетъ, уступаетъ свое мѣсто пришельцу-иностранцу, будь то нѣмецъ, американецъ или англичанинъ... Послѣдніе пядь за пядью отвоевываютъ у Франціи не только господство на міровомъ рынкѣ, но даже въ ея собственныхъ колоніяхъ.

Однако въ наше время производство интелектуальной культуры, пожалуй, самая невыгодная изъ всѣхъ профессій; пораженіе въ экономической борьбѣ грозитъ гибелью народамъ. Франція не можетъ отступать дальше, безъ опасности для собственнаго существованія, въ міровой борьбѣ; ея новая роль крупной колоніальной державы заставляетъ ее выйти изъ своей культурной замкнутости, и молодая Франція стремится уже вернуть своей родинѣ былое экономическое господство. И прежде всего она рѣшила измѣнить свою школьную организацію, приспособить ее къ выработкѣ болѣе практичнаго поколѣнія. Реформа 1902 года, съ ея практической постановкой образованія, явилась лишь первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, за которымъ послѣдовалъ и слѣдуетъ рядъ аналогичныхъ мѣръ. Реформѣ подвергается не только высшая и средняя, но и низшая школа. Въ народныхъ школахъ уменьшено число часовъ, посвященныхъ литературнымъ и стилистическимъ упражненіямъ; ремесленныя школы изъ вѣдѣнія министерства „изящныхъ искусствъ" перешли въ завѣдованіе министерства торговли и промышленности, насаждающаго въ нихъ американскую манеру обученія; преподаваніе новыхъ языковъ становится обязательнымъ, причемъ вмѣсто изученія иностранной литературы оно сводится къ изученію разговорнаго языка по прямой системѣ. Вокругъ самой Сорбонны ведутся ожесточенные споры о реформѣ.

Съ грустью и негодованіемъ смотрятъ „старики", хранители завѣтовъ старой французской цивилизаціи, на это разрушающее движеніе молодежи къ благамъ матеріальной культуры. Въ своемъ желаніи спасти артистическую Францію они повернули свои взоры къ классицизму, символу безкорыстнаго служенія идеи.

Есть что-то величественное и въ то же время безконечно трогательное въ этомъ объединеніи 36 академиковъ, забывшихъ про различіе своихъ политическихъ убѣжденій, чтобы сомкнутой фалангой выступить на защиту самыхъ благородныхъ и красивыхъ традицій Франціи. Запершись въ прекрасномъ храмѣ науки и искусствъ, они не хотятъ прислушиваться къ грозному потоку дѣйствительности; они гнѣвно выступаютъ на бой „съ канальей, вытѣсняющей латынь".

Дѣло не въ классицизмѣ и реформѣ 1902 года, которая, въ сущности говоря, столь нова, что не могла еще обнаружить тѣхъ ужасающихъ результатовъ, о которыхъ говоритъ лига; къ тому же реформа эта удѣлила столь много мѣста

общему образованію, классической культурѣ, философіи и современной литературѣ, что и въ настоящій моментъ ей еще далеко отъ американской дѣловитой специализаціи. Да и лига отнюдь не отрицаетъ значенія широкаго распространенія точныхъ наукъ; достаточно указать, что въ числѣ самыхъ активныхъ пропагандистовъ ея находится знаменитый математикъ Пуанкаре. Лига настаиваетъ лишь на отведеніи болѣе широкаго мѣста художественной культурѣ ребенка; въ основѣ ея движенія лежитъ протестъ противъ общей тенденціи молодой Франціи къ практицизму, причемъ самая реформа 1902 года является, быть можетъ, лишь весьма слабымъ проявленіемъ этой тенденціи.

Изученіе классическаго міра не стремится къ какой-либо практичной цѣли, является лишь лозунгомъ безкорыстнаго идеализма старой Франціи въ его борьбѣ съ утилитарнымъ матеріализмомъ молодого поколѣнія. Эта черта новаго движенія за классицизмъ прекрасно отмѣчена въ боевой брошюрѣ проф. Пуанкаре, въ которой онъ говоритъ о задачахъ науки.

„Ученый никогда не долженъ задумываться надъ достиженіемъ практическихъ цѣлей; безъ сомнѣнія, онъ достигнетъ ихъ, но лишь въ видѣ естественнаго результата своихъ усилій. Наука получила замѣчательныя примѣненія; однако наука, стремящаяся лишь къ этимъ примѣненіямъ, перестаетъ быть наукой и становится кухней. Настоящая наука должна быть безкорыстна въ своихъ стремленіяхъ".

Быть можетъ, страхи лиги преувеличены; быть можетъ, молодая Франція сумѣетъ совмѣстить преобразованія, диктуемыя новыми жизненными требованіями, съ прежнимъ культурнымъ аристократизмомъ; быть можетъ, ей удастся избѣжать духовной бѣдности американизма и въ широкомъ распространеніи позитивныхъ наукъ найти новый источникъ народнаго идеализма, изъ котораго ея геній почерпнетъ свѣжую влагу; недаромъ же сами американцы, утомленные дѣловою сухостью своей жизни, идутъ навстрѣчу духовной мощи старой Европы.

Мы не хотимъ здѣсь разрѣшать академическаго спора о классицизмѣ; еще болѣе далеки мы отъ мысли стать на защиту классицизма.

Мы хотѣли лишь вскрыть внутреннія пружины разыгравшейся борьбы; объяснить внезапно вспыхнувшую страстность спора, на фонѣ котораго раскрывается, быть можетъ, эпическая, по своему содержанію, борьба между старымъ идеализмомъ и неудержимымъ преобразовательнымъ движеніемъ современности.

Если движеніе лиги является лишь выраженіемъ культурнаго консерватизма, то каковы бы ни были наши убѣжденія, снимемъ передъ ними наши шапки...

Е. Панинъ.

IV. Литература и искусство.

1. Литераторы и литература.

О многихъ книгахъ послѣдняго времени стоитъ упомянуть. Есть мнѣніе, что нашихъ новыхъ писателей стало нынѣ влечь къ большимъ вещамъ, къ роману, и что это влеченіе—показатель нѣкой литературной зрѣлости. Не знаю, въ зрѣлости ли дѣло. Просто, я думаю, совершается естественное освобожденіе отъ „чеховщины". Миніатюра Чехова — цѣлая эпоха. Это была литературная революція, — необходимая, конечно, и для общей эволюціи литературы. Но теперь Чеховъ остался позади. Пережитъ, пройденъ,—хотя не превзойденъ. Тяготѣніе къ „роману", дѣйствительно, есть. Однако до сихъ

поръ чувствуется во всѣхъ новыхъ нашихъ романахъ какая-то несоотвѣтствующая легкость письма, не-архитектурность, не цѣльность, отсутствіе *формулы*, а единая и ясная формула—непремѣнное условіе большой вещи. Незаконченность чувствуется; она такъ мила въ каждомъ чеховскомъ „пустячкѣ", но, помимо Чехова, рѣдко кому вполнѣ удавалась.

Если же случится встрѣтить „содержаніе" въ современномъ романѣ, потуги на идею, на „формулу", какъ я называю, то... жаль сказать, грѣхъ умолчать — лучше бы ничего этого и не было! Вѣдь стыдно даже приняться за серьезный разборъ „идеи" въ арцыбашевскихъ романахъ. Вотъ хотя бы въ послѣднемъ, гдѣ авторъ навязываетъ намъ искаженные обрывки мыслей Достоевскаго, и навязываетъ съ поистинѣ безбожной грубостью. Когда, послѣ длинной цѣпи монстрюозныхъ смертей, сценъ и діалоговъ, удавливается, наконецъ, послѣдній герой,—читатель положительно не знаетъ, что же ему съ этимъ дѣлать, какъ къ этому отнестись? Смутно жалѣетъ: чего, молъ, онъ сразу ихъ всѣхъ не передавилъ? Вѣдь ужъ давно бы пора...

И вы думаете, это плохо написано? Нѣтъ, даже Арцыбашевъ—и тотъ пишетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ хорошо, такія у него яркія подробности, такія тонкія черты (въ описаніи похоронъ офицера Краузе, напримѣръ), что и у Чехова рѣдко встрѣтишь, а ужъ о Тургеневѣ и говорить не стоитъ: манная кашка на кисло-сладкомъ молочкѣ. Очень хорошо пишутъ современные беллетристы, очень хорошо. И какъ-то даже такъ выходитъ, что чѣмъ безсодержательнѣе, безпомощнѣе произведеніе внутренно, тѣмъ лучше оно написано, нѣжнѣе, острѣе и красивѣе подробности. Ничего я не знаю безпомощнѣе и пустѣе романовъ гр. Алексѣя Толстого (новаго). Этотъ писатель рѣшительно не стоитъ на своихъ умственныхъ и душевныхъ ногахъ,—да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться. А между тѣмъ онъ изъ всей плеяды „прекрасно пишущихъ" пишетъ, кажется, наиболѣе прекрасно. Возьмемъ послѣдній (8-й) альманахъ московскаго книгоиздательства „Земля". Тутъ Арцыбашевъ,—я уже отмѣтилъ, что и онъ, въ смыслѣ подробностей, не хуже другихъ. Тутъ Чириковъ,—ей-Богу, Чириковъ тоже отлично описываетъ, онъ не безъ чуткости и давно схватилъ новую манеру. Да что Чириковъ! Саша Черный, бѣдный, маленькій, безотвѣтственный Саша Черный,—и онъ превесело, пресочно написалъ свое „Первое знакомство". Въ разсказѣ есть даже... ну, не содержаніе, а смыслъ. Правда, онъ „самъ вышелъ", помимо авторскихъ намѣреній, смыслъ, скорѣе, документа... Это — „первое знакомство" молодого интеллигентскаго пролетарія съ деревней, съ русскимъ народомъ. Пролетарій новенькій, вчерашній, только что соскочившій съ наисовременнѣйшаго петербургскаго тротуара, какъ водится—не помнящій родства; развѣ не поучительно первое его знакомство, пусть самое поверхностное, съ угрюмой и сѣдой глушью народной? Развѣ не любопытны его наивныя мнѣнія и впечатлѣнія? Онъ, конечно, думаетъ, что глубокъ, что описываетъ „народъ"; но описываетъ себя, и для наблюдательнаго читателя это описаніе представляетъ большой интересъ.

Возвращаюсь: я хотѣлъ отмѣтить, главнымъ образомъ, что и Саша Черный, въ смыслѣ языка, мелкихъ черточекъ, подробностей, нисколько не уступаетъ другимъ. Просмотримъ бѣгло, не оставляя данной точки зрѣнія, послѣдніе альманахи. Вотъ первый сборникъ „Товарищества писателей". И тутъ все, или почти все, очень хорошо. Великолѣпный „Медвѣжонокъ" Сергѣева-Ценскаго. Гр. Толстой, какъ всегда, блещетъ талантливостью, яркостью стиля („Хромой баринъ"),—что не мѣшаетъ „роману" быть, какъ всегда, очень забвеннымъ, врядъ ли существующимъ.

Талантливый Ив. Шмелевъ еще не совсѣмъ выработался въ новую сторону, какъ-то переборщилъ нынче и въ безсмысліи, и въ погонѣ за „яркостью“ описаній. Его „Пугливая тишина“ не вышла; но и онъ въ скорости будетъ великолѣпно писать,—„какъ всѣ“. Даже писатели изъ „Знанія“ (сборникъ 28) уже не отстаютъ. Гусевъ-Оренбургскій, хотя, по привычкѣ, тягучъ и скученъ, но тоже явно хочетъ щеголять „писаніемъ“, и порой щеголяетъ не неудачно. Въ альманахѣ „Жатва“ (зима 1912) — имена, которыя сами говорятъ за себя: Сергѣй Городецкій, Ремизовъ... Но и Курловъ, и даже какой-то Верхоустинскій—и они, право, пишутъ далеко не плохо. Всѣ одинаково „забвенны“ — и всѣхъ одинаково пріятно читать. Прямой—черезчуръ, можетъ быть, прямой—послѣдователь Чехова, Н. Киселевъ („Миражи“, московское книгоиздательство), умѣетъ на одной страницѣ дать столько тонкихъ штриховъ, что Чеховъ бы удивился такой роскоши. Киселевъ—пока очень небольшой писатель, онъ еще не выбился изъ подражательности; отъ каждаго его разсказа слишкомъ пахнетъ Чеховымъ; „Болѣзнь“ — даже въ подробностяхъ повторяетъ „Чернаго монаха“; кромѣ того, г. Киселевъ часто повторяетъ чужія „модернистскія“ словечки; напримѣръ, слово „слѣпительный“ у него чуть не на каждой страницѣ. Все это минусы немаловажные; и однако разсказы „написаны“ ничуть не плохо, Тургеневъ и передъ Киселевымъ, съ извѣстной точки зрѣнія,—банальщина.

Что же это значитъ? Что это за явленіе?

Во всякомъ случаѣ—явленіе отрадное. Это ростъ литературы, именно литературы. Ея у насъ до сихъ поръ почти не было. Были писатели, таланты, литераторы — и не было литературы. Сейчасъ—обратно; почти нѣтъ литераторовъ, подобныхъ старымъ, — и есть литература. Это она движется, ея культурность растетъ, она талантлива, а вовсе не Гусевы-Оренбургскіе, Чулковы, Киселевы и Арцыбашевы. Въ прежнее время, когда надо было „самому, одному“ пробивать свою дорогу, ковать свой языкъ,—писатели съ весьма средними духовными силами, какъ большинство современныхъ, оставались въ полной тьмѣ. Они не имѣли, *что* сказать; но при этомъ и не знали, *какъ* нужно говорить. Теперешніе знаютъ—*какъ;* и говорятъ, говорятъ хорошо, много, воистину работаютъ для литературы. Для того же, чтобы имѣть и *что* сказать, недостаточно быть литераторомъ: надо быть еще и человѣкомъ, личностью; тутъ вопросъ расширяется, становится общимъ и, собственно говоря, выходитъ изъ рамокъ чистой литературы. Вѣроятно, надо сначала *быть,* а ужъ потомъ писать. Левъ Толстой *былъ* помимо Анны Карениной; но Анна Каренина осталась бы ненаписанной, не могла бы родиться, если бы не это, внѣ ея лежащее, *бытіе* Толстого. Конечно, Толстой единственный; нельзя требовать, чтобы всѣ были Толстыми; но въ какой-то мѣрѣ, говоря о личности и ея бытіи,—можно. Ибо личность—всегда единственна.

Личнаго, личностей сейчасъ очень мало въ нашей прекрасной литературѣ. Оттого такъ и однообразенъ удивительно-тонкій пріятный стиль современныхъ писателей-художниковъ. Отличить сразу Городецкаго отъ А. Толстого, Ауслендера отъ Городецкаго или даже отъ Чулкова—очень трудно. Я ужъ скорѣе отличу Пришвина (и то не сразу), но потому, что Пришвинъ особенно характеренъ, его „безсодержательность“ особенно откровенна; при обычной яркости и образности языка, при всей художественности его описаній онъ самъ до послѣдней степени отсутствуетъ; и это дѣлаетъ его очерки или дикими отъ безсмыслія, или просто-напросто этнографическими. Къ Пришвину я еще какъ-нибудь вернусь, хочу сказать особо о писателяхъ „природныхъ“ и „народныхъ“. Они всѣ дѣлятся на горькихъ

и сладкихъ. Пришвинъ — сладкій. Но горькихъ больше.

Мало писателей, но все же есть они. Сологубъ, напримѣръ. Въ немъ чувствуется собственное *бытіе,* личность. И языкъ у него свой, очень современный, но со своими достоинствами, своими недостатками. Такъ, и неудачную сологубовскую вещь вы тотчасъ же отличите отъ несологубовской, лучшей, но не его перу принадлежащей. Въ IX сборникѣ „Земли“ есть его разсказъ— „Звѣриный бытъ“. Онъ не архитектуренъ, слишкомъ широко задуманъ, вѣроятно, и неожиданно смятъ къ концу. Но и въ немъ есть то благоуханье личности писателя, котораго не замѣнитъ никакая тонкость стиля. Писатель и Ремизовъ; тяжкая „самость“ его не рѣдко прорываетъ сѣти словъ, словъ, въ которыхъ онъ горестно запутался. Большую власть имѣютъ надъ нимъ слова; не онъ надъ ними — они надъ нимъ.

Есть задатки „писателя“ и въ угрюмомъ, скучномъ, часто срывающемся Бунинѣ. Его „Ночной разговоръ“ въ „Сборникѣ писателей“—хорошая, полная своеобразнаго отчаянія, „мужицкая“ вещь; зато въ „Знаніи“ („Захаръ Воробьевъ“) Бунинъ точно не Бунинъ, а полу-Шмелевъ, полу-Гусевъ.

Могъ бы я, пожалуй, назвать и еще нѣсколько именъ „писателей“ въ морѣ нашей юной, прекрасной „литературы“; но приведенные примѣры достаточно поясняютъ мою мысль. И повторяю: рожденіе у насъ литературы, ея ростъ, подъемъ, ея развитіе, несмотря на общее отсутствіе „писателей“, творчества личнаго, — явленіе глубоко отрадное. Пусть будетъ такъ пока. Пусть литераторы скромно послужатъ на благо общее. Это лучше: вѣдь „личность“,— писательская, всякая,—можетъ быть и страшной вещью. Особенно у насъ, въ Россіи, при русскихъ нашихъ свойствахъ, при русскихъ нашихъ условіяхъ. Недавно одинъ умный англичанинъ сказалъ, что въ Россіи, благодаря отсутствію жизни и, стало быть, чувствъ общественныхъ, до такой степени развилась внутренняя свобода личности, что она уже не ставитъ себѣ никакихъ преградъ, не признаетъ никакой дисциплины. Рядомъ стоящій—для русскаго человѣка не существуетъ. Онъ съ нимъ не можетъ считаться, ибо не видитъ его, видитъ, знаетъ только себя. Съ удивленіемъ и нѣкоторой жалостью отмѣчаетъ это англійскій писатель. Онъ правъ; онъ только не чувствуетъ, что тутъ, кромѣ грусти—еще великій ужасъ.

Этотъ уродливый,—очень страшный!— „переростъ“ личности можно наблюдать только въ Россіи. У насъ есть и большой писатель, послѣдняя книга котораго—потрясающій по яркости примѣръ; показатель полнаго перерожденія души, какъ слѣдствія безмѣрно, безъ границъ развившагося чувства личности, самости, единственности. Это не менѣе безобразно и страшно, чѣмъ переразвитіе чувства общественнаго, умаленія личности, знаменитая герценовская „икра“. Не менѣе,—а, пожалуй, и болѣе.

Я говорю о писателѣ В. Розановѣ и о книгѣ его „Уединенное“.

Съ первыхъ же строкъ этой *напечатанной* книги васъ охватываетъ страхъ. И не пріятный страхъ, а смѣшанный съ отвращеніемъ. Еще не разобрался, еще не понялъ, что же собственно тутъ ужаснаго? а первый, глубокій внутренній голосъ уже твердитъ: „нельзя! нельзя! не должно этой книгѣ быть!“ Противъ ея существованія, противъ того, что она была сдана въ типографію, набрана, вышла чернымъ по бѣлому, и цѣна обозначена— 1 р. 50 к.,—противъ всего этого кричитъ мое естественное человѣчество и даже оскорбленная „личность“.

Розановъ—писатель громаднаго, почти геніальнаго дарованія. Съ этимъ всѣ согласны. Но всѣ также видятъ, видѣли, въ писаніяхъ его, въ обликѣ его, странно - отвратительныя черты. Пытались называть его а-моралистомъ; но врядъ ли это вѣрно; не точно и

узко во всякомъ случаѣ. Да и какой а-морализмъ не прощается большому таланту? Между тѣмъ въ Розановѣ было что-то *непростимое*, непріемлемое равно для всѣхъ, и моралистовъ, и не моралистовъ. Непростимое,—а какъ будто, и не вина. Загадка какая-то.

Ключъ къ загадкѣ даетъ „Уединенное". Это—замѣтки, краткія попутныя мысли, записанныя на клочкахъ, старыхъ конвертахъ, поляхъ непрочитанной книги, даже на подошвѣ купальной туфли. Это—то, что мы, каждый изъ насъ, если думаетъ—не записываетъ, а если и запишетъ, по привычкѣ къ перу, то или разорветъ, или, самъ страшась перечесть, — запрячетъ подальше, навсегда. Розановъ это отдалъ въ наборъ, и стоитъ оно—1 р. 50 к.!

Какъ, почему онъ это сдѣлалъ? Какъ онъ могъ? Да очень просто. Вотъ его тайна:

„Воображаютъ, что я „поддѣлываюсь" къ начальству. Между тѣмъ какъ странная черта моей психологіи заключается въ такомъ сильномъ ощущеніи *пустоты около себя,—пустоты, безмолвія* и *небытія* вокругъ и *вездѣ*,—что я едва знаю, едва *вѣрю*, едва *допускаю*, что мнѣ „современничаютъ" другіе люди. Это кажется невозможнымъ и нелѣпымъ"... („Уединенное", стр. 215. Курс. подлинника).

Другія цитаты, сколько бы мы ихъ ни приводили, не скажутъ больше. Но вотъ страница 292: „Общественность, кричатъ вездѣ,—„возникновеніе въ литературѣ общественнаго элемента", „пробужденіе общественнаго интереса". Можетъ быть я ничего не понимаю: но когда я встрѣчаю человѣка съ „общественнымъ интересомъ", то не то чтобы скучаю, не то чтобы враждую съ нимъ: но просто умираю около него. „Весь смокнулъ" и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души. Умеръ..." Стр. 236: „Что ты все думаешь о себѣ. Ты бы подумалъ о людяхъ.—Не хочется". (Это вся страница цѣликомъ.) Стр. 272: „Почему я такъ сержусь на радикаловъ? Самъ не знаю. Люблю ли я консерваторовъ? Нѣтъ. Что со мною? Не знаю. Въ какомъ-то недоумѣніи". Стр. 185: „Идея „закона", какъ и „долга", никогда даже на умъ мнѣ не приходила. Только читалъ въ словаряхъ на букву Д. Но не зналъ, что это, и никогда не интересовался... Удивительно, какъ я уживался съ *ложью*. Она никогда не мучила меня... Глубочайшая моя субъективность (паеосъ субъективности) сдѣлала то, что я точно всю жизнь прожилъ за занавѣскою, не снимаемою, не раздираемою... Тамъ, *съ собою*, былъ правдивъ... А что говорилъ „по сю сторону занавѣски",—до правды этого никому дѣла нѣтъ"...

Но довольно; къ тому же все выраженное послѣдними цитатами — лишь „слѣдствія" первой, перваго положенія: *есмь я одинъ. Больше никого нѣтъ.* Когда человѣкъ одинъ, совершенно и навсегда одинъ, то не естественно ли упраздняется для него и мораль, и все что хотите? Можетъ ли и быть иначе? „Я еще не такой подлецъ, чтобы думать о морали"... И въ другомъ мѣстѣ: „я даже не знаю, пишется ли „нравственность" черезъ ѣ или черезъ е". Такъ, но гдѣ же вина Розанова? И неужели въ простомъ „а-морализмѣ" все дѣло?

Нѣтъ, если кто въ чемъ виноватъ, то не Розановъ, а виноваты всѣ, подходящіе къ Розанову съ общечеловѣческими требованіями. Никакихъ къ нему требованій предъявлять нельзя. Общество требуетъ исполненія извѣстныхъ условій отъ своего члена. А Розановъ—не членъ человѣческаго общества, и оно должно быть по отношенію къ нему только экскоммуникативно. Естественное положеніе—не быть въ кругѣ „не себѣ подобныхъ". Болѣзненно-уродливое переразвитіе „самости", — личности, — лишаетъ человѣка его человѣческихъ свойствъ и, въ концѣ-концовъ, какъ это ни странно,— лишаетъ его той же „личности". Въ безмѣрности соприкасаются концы: и

переродившаяся личность Розанова уже тонетъ, исчезаетъ въ стихійности.

Кого же упрекать? Кому говорить? Да и кого жалѣть? Можно только наблюдать, какъ интереснѣйшее явленіе, не возмущаясь, не оскорбляясь по человѣчеству нисколько. Уже потому не оскорбляясь, что Розановъ, можетъ быть... и не человѣкъ. Высокодаровитый писатель, замѣчательнѣйшее существо, поразительное явленіе—но не человѣкъ. Кто же онъ? Паукъ? Или яркая золотая бабочка? И то, и другое. Какъ бабочка или паукъ, что бы они ни дѣлали, какъ бы себя ни „вели“, не могутъ быть ни циниками, ни лжецами, ни предателями, — такъ и Розановъ. Какъ они, онъ всегда цѣломудренъ, вѣренъ и правдивъ. Мы же, люди, ему не судьи. Это надо помнить прежде всего.

И пусть его накажетъ Тотъ...

Или наградитъ. Мы тутъ опять ничего не знаемъ. По человѣчеству—не судимъ, а по Божьему—не знаемъ.

Розановъ написалъ („на оборотѣ транспаранта“. „Уединенное“—стр. 132): „Я не нуженъ: ни въ чемъ я такъ не увѣренъ, какъ въ томъ, что я *не нуженъ*“.

Здѣсь есть человѣческое прозрѣніе. Послѣ многихъ, откровенныхъ до цинизма („цинизмъ“—съ нашей, обычной точки зрѣнія) словъ о своей „удивительности“, о своей высотѣ,—такое же откровенное признаніе своей „ненужности“. И опять онъ правъ. Конечно, не „нуженъ“ никому,—вѣдь никто ему не нуженъ. Въ предисловіи онъ такъ прямо и отправляетъ своего читателя: „Къ чорту“... Разрѣшая и ему отправить автора: „Къ чорту!“ Какая же у насъ можетъ быть „нужда“ въ Розановѣ? Но это все опять по человѣчеству. Розановъ не можетъ быть нуженъ мнѣ, какъ человѣкъ. Но какъ явленіе— другое дѣло. Наблюдая объективно, со стороны, мы должны признать, что это явленіе имѣетъ большую цѣнность. Оно не забудется, оно послужитъ каждому, кто сумѣетъ правильно подойти къ нему и правильно его воспринять.

Явленіе—„Розановъ“—такъ же громадно, какъ и вопросы, въ одинокой глубинѣ которыхъ онъ дышитъ: полъ, Богъ, смерть. Онъ живетъ въ нихъ для себя, для себя одного; и все кончаетъ, все покрываетъ слово послѣднее: Смерть. „Я говорилъ о бракѣ, бракѣ, бракѣ... а ко мнѣ все шла смерть, смерть, смерть“ (стр. 261).

Нѣтъ, не пойметъ никакой умный англичанинъ, или другой европеецъ глубины и ужаса этого „явленія“. Но хоть бы мы поняли.

Конечно, все, что я сказалъ о Розановѣ—не только не исчерпывающе, но даже и не вполнѣ точно, ибо я далъ схему, а жизнь полна живыхъ противорѣчій, смѣшеній. Но схема вѣрна. И вѣрно то, что „переростъ“ личности, послѣдняя точка послѣдняго индивидуализма — гибель человѣка, гибель и личности. Есть времена исторіи (*наша* исторія какъ разъ переживаетъ такое время)—когда уклонъ къ индивидуализму крайнему особенно пагубенъ. Какъ же не радоваться, что въ литературѣ нашей,—въ одномъ изъ глубокихъ проявленій жизни,—царствуетъ сейчасъ общность, идетъ общее развитіе? Да пусть себѣ пока нѣтъ яркихъ писательскихъ личностей, пусть пишутъ всѣ одинаково—и хорошо, пусть творятъ „литературу“. Нѣтъ сейчасъ „писателей“—будутъ потомъ. Была бы литература. Была бы чаша—а ужъ Богъ пошлетъ свою росу.

А. Крайній.

2. Театральныя замѣтки.

Московская драматическая сцена—вторая половина сезона.

Во второй половинѣ сезона на сценѣ Малаго театра передъ нами прошли одна за другою пьесы: „Пиръ жизни“ Пшибышевскаго, „На полпути“ Пинеро, „Идеи г-жи Обрэ“ Дюма, „Герцогиня

Падуанская“ Уайльда и „Безчестье“ Филиппи. Можно сказать, что это—цѣлый курсъ по феминизму. Въ разныхъ комбинаціяхъ и съ различныхъ сторонъ всѣ эти пьесы, въ сущности, трактуютъ одинъ и тотъ же вопросъ о порабощеніи женщины силою мужского эгоизма и о стремленіи женщины такъ или иначе вырваться изъ-подъ ярма безжалостныхъ по отношенію къ ней общественныхъ предразсудковъ.

„Пиръ жизни“ Пшибышевскаго—самая мрачная изъ всѣхъ пяти варіацій на эту тему. Здѣсь—никакого просвѣта. Это—та же „Бездна“ Леонида Андреева. Авторъ говоритъ намъ, что пиръ жизни есть не что иное, какъ пиръ звѣрскихъ инстинктовъ мужской природы, и чѣмъ чище женщина, тѣмъ безжалостнѣе приносится она въ жертву мужского себялюбія, мужской моральной ограниченности и, наконецъ, мужской похотливости, вдругъ прорывающейся наружу изъ-подъ поверхностнаго и обманчиваго налета рыцарскихъ чувствъ. Если женщина, повинуясь свободному голосу сердца, оставитъ мужа и пойдетъ къ любимому ею человѣку, мужъ ни за что не уважитъ ея материнскаго чувства и запретитъ ей видѣться съ ея дѣтьми и не тронется ея мольбами. Оскорбленная мужская любовь неспособна на самоотверженіе, и въ основѣ этой неспособности лежитъ инстинктивное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ рабѣ, собственности, предмету наслажденія мужчины. Одинъ и тотъ же инстинктъ живетъ и въ оскорбленномъ мужѣ и въ нѣжномъ, почтительномъ обожателѣ. Этотъ нѣжный и почтительный обожатель пошелъ сопровождать несчастную мать, которой отказали въ свиданіи съ ребенкомъ и которая въ отчаяніи возвращается къ себѣ по глухой горной дорогѣ. И лишь только несчастная женщина упала на пути безъ чувствъ въ изступленіи своего горя, обожатель мгновенно превращается въ хищника, бросается на предметъ своего обожанія, какъ на добычу, и, пользуясь ея забытьемъ, воруетъ ея женскую честь.

Таковъ пиръ жизни по утвержденію Пшибышевскаго. Быть можетъ, авторъ по-своему и правъ. Но онъ во всякомъ случаѣ повредилъ доказательности своей пьесы тѣмъ, что составилъ ее цѣликомъ въ безнадежно мрачныхъ тонахъ. Этимъ онъ слишкомъ оголилъ свою тенденцію, лишивъ ее непринужденной жизненной окраски. Жизнь—художникъ гораздо болѣе прихотливый и никогда не употребляющій на своихъ полотнахъ какой-либо одной окраски. Тѣни и свѣтъ, печаль и смѣхъ, „веселье съ горемъ пополамъ“—вотъ что такое жизнь. Пшибышевскій всю пьесу отъ начала до конца написалъ углемъ и этимъ не усилилъ, а ослабилъ впечатлѣніе. Вмѣсто подлинной жизненной правды мы невольно начинаемъ искать въ его пьесѣ просто продуктъ дурного настроенія автора. Однотонность, допущенная авторомъ, еще болѣе была подчеркнута исполнительницей главной женской роли—г-жей Шухминой. Артистка должна была бы дать въ исполненіи этой роли цѣлую гамму разнообразныхъ чувствъ: бурнаго протеста, горькой жалобы, безысходнаго отчаянія, и, наконецъ, душевной изнеможенности. Вмѣсто того на пространствѣ всей пьесы мы слышали все одну и ту же уныло-скорбную ноту. Это было тоскливо и оставляло безъ надлежащаго использованія многіе рессурсы роли. Къ сожалѣнію, намъ не довелось видѣть въ этой роли г-жу Пашенную.

Пинеро пошелъ совсѣмъ инымъ путемъ, нежели Пшибышевскій, хотя и къ той же самой цѣли. Въ талантливой пьесѣ Пинеро „На полпути“ намъ показалось наиболѣе интереснымъ то, что авторъ чрезвычайно удачно воспроизвелъ такую черту дѣйствительности, которая при всей своей глубокой жизненности почти никогда не улавливается въ литературныхъ изображеніяхъ. Назрѣваетъ семейная драма. Люди идутъ къ неизбѣжной катастрофѣ. Но

вплоть до послѣдняго момента они сами совершенно не берутъ въ толкъ всей трагичности своего положенія. Въ жизни такъ бываетъ на каждомъ шагу. На сценѣ—это такая рѣдкость, что многіе театралы сердились на пьесу и говорили, что она ни на что не похожа: три акта водевиля, и вдругъ въ четвертомъ актѣ изъ водевиля развертывается трагедія со смертельнымъ исходомъ. Упрекали и артистовъ за то, что они въ слишкомъ „легкомъ“ тонѣ вели первую половину пьесы. Я же какъ разъ въ этомъ усматриваю всю свѣжую прелесть пьесы Пинеро и ставлю въ особую заслугу артистамъ именно то, что они съ тонкимъ пониманіемъ уловили и оттѣнили эту особенность авторскаго замысла. Посмотрите, господа, кругомъ себя повнимательнѣе, и вы согласитесь съ тѣмъ, что трагедіи нерѣдко врываются въ жизнь людей именно экспромтомъ, какъ неожиданный громъ среди яснаго неба. Конечно, на самомъ дѣлѣ онѣ подготовляются исподволь, какъ это происходитъ и въ пьесѣ Пинеро, но люди-то рѣдко бываютъ способны замѣчать эту подготовку и сплошь и рядомъ легко скользятъ по жизненнымъ крутизнамъ, не подозрѣвая, что подъ ихъ ногами—край пропасти. Суть трагедіи въ пьесѣ Пинеро все въ томъ же: въ столкновеніи рабовладѣльческой психологіи мужа съ широкой и тонкой душевной организаціей жены. Они измѣнили другъ другу, не утративъ взаимной любви. Но если жена способна простить мужу его физическую измѣну ради его любви, то мужъ—никогда: пусть лучше измѣна чувства, но только не физическое паденіе. „Твоя душа принадлежитъ тебѣ, но твое тѣло есть моя собственность“ — вотъ краеугольный камень мужской любви къ женщинѣ,—говоритъ Пинеро своей пьесой. И любящей женщинѣ остается одно: съ высокаго этажа внизъ головой на мостовую. Разыгрывается эта пьеса съ удивительнымъ мастерствомъ. Г-жа Лешковская и г. Южинъ въ роляхъ супруговъ—верхъ совершенства.

Постановка „Убѣжденій г-жи Обрэ“ представила собою экскурсію въ область театральной археологіи. Если бы задаться цѣлью въ рядѣ спектаклей иллюстрировать исторію драмы, то въ такомъ случаѣ стоило бы, пожалуй, вспомнить и о пьесѣ Дюма. Но внѣ такой задачи врядъ ли представлялась какая-нибудь надобность переносить эту пьесу съ литературнаго кладбища на подмостки современнаго театра. Эта старомодная проповѣдь свободной любви, нѣкогда звучавшая, какъ революціонный вызовъ господствующей рутинѣ, теперь навѣваетъ на зрителя только скуку наивностью своихъ формъ, прописнымъ характеромъ своего содержанія. Г-жа Обрэ проповѣдуетъ свободу чувства отъ всякихъ внѣшнихъ общественныхъ условностей. И вдругъ обстоятельства складываются такъ, что эти принципы, которые она съ такимъ жаромъ развивала для другихъ, приходится допустить для собственнаго сына. И тутъ она въ ужасѣ отступаетъ отъ той самой теоріи, которой она такъ гордилась. Современный драматургъ на эту коллизію ума и чувства и перенесъ бы непремѣнно центръ тяжести всего произведенія. Дюма поступаетъ наоборотъ: драма г-жи Обрэ, едва вспыхнувъ, тотчасъ же разрѣшается самымъ благополучнымъ образомъ къ вящшему торжеству гуманныхъ идеаловъ. Весь интересъ автора сосредоточенъ не на внутренней душевной борьбѣ его героевъ, а на проповѣди съ высоты сцены извѣстныхъ моральныхъ истинъ. Для нашихъ ушей эта проповѣдь звучитъ уже какъ банальная декламація, а нестерпимо-добродѣтельные персонажи, выступающіе въ роли проповѣдниковъ, кажутся намъ безплотными продуктами книжной фантазіи. Только въ устахъ г-жи Ермоловой прописныя истины какимъ-то чудомъ превращаются въ живую человѣческую рѣчь, идущую прямо отъ сердца, согрѣтую огнемъ

непосредственнаго одушевленія, проникнутую глубокой, горячей убѣжденностью. Дивная тайна ея таланта одинаково направлена и на опоэтизированіе житейскихъ будней и на внесеніе простого, жизненнаго тона во все то, что авторы стремятся поставить на риторическія ходули. Легко и ярко проводитъ свою роль г. Климовъ, изображающій милаго жуира, беззаботнаго добродѣтельнаго грѣшника.

„Герцогиня Падуанская“ Уайльда—пьеса интересная по своеобразію замысла и смѣлымъ пріемамъ его выполненія. Авторъ придалъ своей пьесѣ внѣшній видъ исторической драмы. Его упрекали въ разнаго рода погрѣшностяхъ противъ исторической перспективы въ трактовкѣ характеровъ. Врядъ ли эти упреки попадаютъ въ цѣль. Вѣдь нельзя не замѣтить, что всѣ чисто-историческія погрѣшности вводятся авторомъ вполнѣ сознательно. Это—не ошибки, а опредѣленные литературные пріемы, вытекающіе изъ существа общаго авторскаго замысла. Исторія служитъ для него лишь служанкой поэзіи. А его поэтическая задача состоитъ въ изображеніи всесокрушающей силы любовной страсти, которая способна поднять со дна самой святой души неожиданныя чисто демоническія бури. Святая, превращаемая любовнымъ экстазомъ въ преступницу—вотъ сюжетъ драмы Уайльда. Этотъ сюжетъ развитъ въ своеобразномъ психологическомъ рисункѣ, набросанномъ рѣзкими чертами, прихотливо-изломанными линіями. Главное достоинство пьесы—неослабѣвающая страстность ея тона. Точно какими-то зловѣщими вихрями обвѣяно все то, что развертывается передъ глазами зрителя. Г-жа Рощина-Инсарова, исполняющая роль герцогини, даетъ рядъ несомнѣнно удачныхъ моментовъ. Прекрасенъ ея первый выходъ, когда герцогиня безмолвно проходитъ подъ балдахиномъ при кликахъ обожающаго ее народа. Очень хороша сцена суда. Артистка ведетъ эту сцену нервными вспышками, перебиваемыми внезапнымъ упадкомъ настроенія. Этотъ пріемъ прекрасно оттѣняетъ душевное состояніе психической лихорадки, во власти котораго находится въ этотъ моментъ герцогиня, подѣлившая силы своей души между святостью и преступленіемъ. Были удачные моменты и въ последней сценѣ въ тюрьмѣ. Но во всемъ исполненіи артистки не было главнаго: непосредственно-трагическаго настроенія, стихійно вырывающейся изъ души артистки нервной силы. И потому въ наиболѣе отвѣтственныхъ мѣстахъ роли, каковы всѣ діалоги герцогини съ Гвидо Ферранти и въ особенности рѣшающій діалогъ на порогѣ герцогской спальни тотчасъ послѣ совершенія убійства,—всѣ такія мѣста производили то впечатлѣніе, что артистка отстаетъ отъ стремительнаго нарастанія трагическаго паѳоса поэта. И это ослабляло общее настроеніе зрителя. Большихъ похвалъ заслуживаетъ г. Остужевъ. Онъ проводитъ свою роль съ неподдѣльной, увлекательной горячностью. Много искусства вкладываетъ г. Ленковскій въ роль герцога.

Пьеса Филиппи „Безчестье“ вызвала въ прессѣ довольно отрицательную оцѣнку. Мы думаемъ, что здѣсь было много преувеличенія. Конечно, пьеса не открываетъ новыхъ горизонтовъ. Кое-что въ ней шито бѣлыми нитками. Благополучный исходъ коллизіи, которая по существу неразрѣшима, отдаетъ нѣмецкой благонравной сантиментальностью. Но за всѣмъ тѣмъ пьеса отлично сдѣлана въ смыслѣ сценичности и потому смотрится съ неослабѣвающимъ интересомъ. Въ ней есть хорошо намѣченые типы и вовсе уже не такъ банальна постановка основного сюжета, какъ о томъ писали рецензенты. И тутъ дѣло идетъ о свободѣ любви и притомъ о такихъ ея формахъ, передъ которыми г-жа Обрэ, при всей своей идейной смѣлости, навѣрное пришла бы въ экстазъ негодованія. Эту „свободу“ не только на словахъ, но и на дѣлѣ

проповѣдуетъ модернизированная дѣвица, выросшая въ респектабельномъ семействѣ. Она „по принципу“ не хочетъ покрыть бракомъ своего увлеченія и, въ концѣ-концовъ, сдается передъ протестами родныхъ только потому, что ея любовникъ оказывается въ то же время и кредиторомъ ея отца, и является необходимость устранить неосновательные толки о томъ, что ея отецъ торгуетъ своею дочерью. Уступивъ внѣшней необходимости, она все же всецѣло остается при своей „идеѣ“. Роль этой дѣвицы даетъ для исполнительницы интересную задачу. Нужно оттѣнить двѣ одновременныя струи въ смѣлыхъ авантюрахъ этой протестантки противъ „рутинной морали“; нужно показать, какъ въ этихъ авантюрахъ неуловимо сочетается блажь пресыщенной благами жизни модернистки и дѣйствительная живая потребность въ свободныхъ движеніяхъ души. Г-жа Рощина-Инсарова, думается намъ, не уловила замысла автора. Она искусно воспроизводитъ всѣ модернистскіе трюки изображаемой ею дѣвицы. Но ея Беата выглядитъ все время не юной и обаятельной въ своей молодости протестанткой противъ жизненной рутины, намѣренно бравирующей своими манерами и своимъ поведеніемъ, а многоопытной авантюристкой, для которой изломанныя позы и рискованныя похожденія стали уже какъ бы второй натурой. Это—на нашъ взглядъ—расходится съ намѣреніями автора и не согласуется съ той развязкой, къ которой приходитъ пьеса. Прекрасно исполняетъ свою роль г. Садовскій, изображающій шалопая и шпюта. Намъ, кажется, что въ этой роли артистъ впервые напалъ на свое настоящее амплуа. Онъ игралъ легко, интересно и своеобразно. Было бы хорошо, если бы артистъ серьезно подумалъ надъ значеніемъ этого своего успѣха. Не открылась ли именно здѣсь настоящая рудоносная жила въ его дарованіи? Большой похвалы заслуживаетъ г. Ленинъ, разнообразно и увѣренно изобразившій молодого короля биржи, и г-жа Яблочкина, отчетливо и интересно воспроизведшая типъ добродѣтельной Hausfrau. Г. Лепковскій игралъ благороднаго отца умно и со вкусомъ, но безъ достаточнаго драматическаго темперамента.

Тургеневскій спектакль въ Художественномъ театрѣ многіе называли реваншемъ за неудачу „Гамлета“. Дѣйствительно, въ этомъ спектаклѣ было много прекраснаго, хотя похвалу и приходится сопроводить нѣкоторыми существенными оговорками. Первый актъ „Нахлѣбника“ блисталъ колоритностью постановки. Барская усадьба крѣпостной эпохи ожила передъ нами во всей яркости своихъ подлинныхъ жизненныхъ красокъ. Здѣсь все было подобрано съ любовью и заботливостью. И молодые супруги, и ихъ сосѣдъ, и ихъ слуги вышли очень типичными, составляя въ совокупности съ обстановкой сцены законченную историко-бытовую картину. Къ сожалѣнію, главная роль—самого Нахлѣбника—совсѣмъ не удалась г. Артему. Она не въ средствахъ этого артиста. Заключительный монологъ, полный трагизма, не произвелъ впечатлѣнія въ исполненіи г. Артема, не рѣзнулъ по сердцу зрителя своей страшной, захватывающей правдой. А вѣдь безъ этого монолога и все остальное теряетъ двѣ трети своего интереса и значенія.

„Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ было поставлено и сыграно чрезвычайно изящно. Г-жа Гзовская дала настоящій образъ тургеневской дѣвушки, обвѣянный поэзіей и граціей. Это первая удачная роль артистки на сценѣ Художественнаго тетра. Г. Качаловъ блеснулъ тонкимъ искусствомъ непринужденнаго діалога. Но взятый имъ тонъ былъ не совсѣмъ вѣренъ. г. Качаловъ изобразилъ Горскаго скорѣе сознательнымъ Мефистофелемъ, нежели влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ въ маскѣ напускного печоринства. Остальные ис-

полнители составили хорошій антуражъ этимъ двумъ главнымъ героямъ тургеневской миніатюры.

„Провинціалка“ была поставлена такъ, что вмѣсто тургеневской комедіи получилась сценка изъ „Пестрыхъ разсказовъ“ Чехонте. Это обстоятельство всецѣло слѣдуетъ отнести на счетъ г. Станиславскаго, сдѣлавшаго изъ графа Любина рѣзко каррикатурную фигуру. У Тургенева старѣющій бельомъ графъ Любинъ будитъ въ провинціалкѣ вѣдь не одни только надежды на мѣсто для мужа въ Петербургѣ, но и какія-то поэтическія грезы о былой юности; для нея это—лучъ свѣта изъ блестящаго столичнаго бомонда, внезапно прорѣзавшій сѣрыя провинціальныя сумерки. Фигура, представленная г. Станиславскимъ, никакихъ поэтическихъ волненій ни у кого вызвать не могла бы, а вѣдь безъ дымки поэзіи нѣтъ и тургеневской комедіи. Г-жа Лилина со свойственнымъ ей тонкимъ талантомъ отлично вела свои діалоги, такъ что было видно, что г-жѣ Ступендьевой и самой даже не вполнѣ ясно, гдѣ въ ея кокетствѣ кончается прозаическій расчетъ и гдѣ начинается игра въ сантиментальныя грезы, но всѣ эти благія намѣренія артистки парализовались сценической ошибкой г. Станиславскаго, который своимъ гримомъ и своей игрой вынулъ изъ тургеневской комедіи душу поэта. Забывъ о Тургеневѣ, можно было смотрѣть съ удовольствіемъ этотъ веселый шаржъ, которымъ г. Станиславскій замѣнилъ тонкій психологическій этюдъ, вышедшій изъ-подъ пера знаменитаго писателя.

А. Кизеветтеръ.

3. Итальянская литература за истекшій годъ.

Въ итальянской литературѣ нѣтъ сейчасъ большого оживленія. За послѣднее десятилѣтіе необходимость создать этическое и философское достояніе націи почти совершенно поглотила силы лучшей части нашей молодежи. Послѣ возрожденія Италіи у насъ было три большихъ поэта: Кардуччи, Пàсколи, д'Аннунціо; были крупные романисты чисто итальянскаго національнаго типа; достаточно назвать два имени: Верга и Фогаццаро. И тѣмъ не менѣе новая Италія представляется въ послѣднія тридцать лѣтъ словно истощившей всѣ свои художественныя возможности. Бытовой романъ, мѣстная новелла, патріотическая пропаганда, чувственная и натуралистическая лирика быстро достигли и высшей степени развитія и упадка. Два крупнѣйшихъ изъ живыхъ нашихъ поэтовъ, Пасколи [1]) и д'Аннунціо, являются уже теперь для молодыхъ больше воспоминаніемъ, чѣмъ современной дѣятельной силой; ихъ признаютъ и уважаютъ за то, что они сдѣлали, но ихъ произведенія уже не захватываютъ читателей такъ безусловно, какъ десять или двадцать лѣтъ назадъ. Въ общемъ, желающіе знать, какой степени умственной зрѣлости достигла Италія, должны читать скорѣе ея критиковъ и философовъ, чѣмъ художниковъ слова, которые если не продолжаютъ трактовать давно уже использованныя темы, то являются только смутными предвѣстниками грядущаго искусства, не нашедшаго еще соотвѣтственныхъ формъ выраженія. И мы присутствуемъ при такомъ странномъ явленіи: въ то время какъ, съ одной стороны, создалась молодая критика, предъявляющая литературѣ высокія требованія и склонная судить художниковъ на основаніи безусловно строгихъ критеріевъ, сопоставляя ихъ произведенія съ величайшими твореніями прошлаго,—съ другой стороны, наше литературное творчество, особенно въ эти послѣдніе годы, едва выдержи-

[1]) Послѣ того какъ была прислана въ редакцію настоящая статья, Джованни Пасколи скончался.

ваетъ и самую снисходительную критику. Предшествовавшія намъ поколѣнія въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ имѣли учителемъ поэта: Джозуэ Кардуччи. У насъ теперь есть философъ — Бенедетто Кроче. Но Италія ждетъ и жаждетъ, чтобы новый большой поэтъ освободилъ ее отъ того кризиса раздумья, во время котораго при возродившейся любви къ знанію сошла на убыль любовь къ поэзіи.

При всемъ этомъ не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы итальянская литература была теперь „беззвѣзднымъ небомъ въ глухую зиму", если воспользоваться горестнымъ образомъ Леопарди. На нашемъ небѣ трепещутъ все же живые огни.

Въ этомъ году появилось нѣсколько удачныхъ книгъ. Наибольшій успѣхъ достался сборнику новеллъ Альфредо Панцини подъ названіемъ „Fiabe della virtù" („Сказки добродѣтели", изд. Treves). Панцини немолодъ, ему уже почти пятьдесятъ лѣтъ, и имъ написано нѣсколько книгъ, изъ которыхъ иныя равноцѣнны названной. Но Италія замѣтила его по настоящему только теперь. По мѣрѣ того какъ стихалъ шумъ вокругъ имени д'Аннунціо, слава котораго временно заглушила голоса всѣхъ другихъ поэтовъ, мы замѣтили художниковъ, существованія которыхъ не подозрѣвали. Панцини художникъ высоко-культурный, воспитавшійся на нашихъ классикахъ, особенно новеллистахъ и поэтахъ XIV вѣка; въ немъ нѣтъ, однако, и слѣда рабски подражательной реторики,—зла, угнетающаго въ настоящее время Италію. О Панцини много говорили самые строгіе критики. Его называли сатирикомъ, такъ какъ при поверхностномъ взглядѣ онъ можетъ показаться послѣдователемъ Гейне; называли пессимистомъ, потому что онъ не довѣряетъ прогрессу, потому что онъ заклятый врагъ соціализма и оплакиваетъ прошедшія добрыя времена. Но эта теоретическая сторона его искусства не имѣетъ въ сущности большого значенія. Панцини влечетъ къ себѣ своеобразной способностью чувствовать, способностью видѣть и понимать житейское горе и своимъ умѣніемъ изображать его сжатыми эпическими разсказами, развивающимися медленно и размѣренно, какъ евангельское повѣствованіе. Но онъ не объективный разсказчикъ, какъ Флоберъ; наоборотъ, въ его новеллахъ всегда виденъ онъ самъ, авторъ, единственный многообразный представитель проводимыхъ имъ мыслей. Онъ оживляетъ созданные имъ образы своей любовью, своимъ состраданіемъ, своими печалями. Въ то же время онъ и не автобіографическій писатель. Между нимъ и его дѣйствующими лицами общность чертъ человѣческаго характера, общность волненій, чувствъ, но не исторически вѣрныхъ подробностей, не дѣйствительно происшедшихъ событій. Въ его новеллахъ нѣтъ завязки: вся жизнь его героевъ выражается въ большинствѣ случаевъ тихимъ печальнымъ монологомъ безъ всякаго разрѣшенія; діалогъ не подходитъ для ихъ слѣпого и однообразнаго горя, строго замкнутаго въ себѣ. Когда авторъ, оставляя монологъ, заставляетъ своихъ героевъ очутиться въ какомъ-либо жизненномъ положеніи, результатъ ихъ встрѣчи простъ и трагиченъ: они не понимаютъ другъ друга, взаимно одни другихъ исключаютъ. Всѣ правы. Никто не можетъ и не хочетъ подчиниться правотѣ другого. Панцини—примитивъ, и его наполняютъ ужасомъ неизбѣжные и первоначальные законы жизни: смерть, старость, несходство душъ; онъ поистинѣ великъ, когда касается этихъ вѣчныхъ источниковъ ужаса и слезъ; и хотя онъ пишетъ прозой,—прозой плавной и чрезвычайно музыкальной,—въ ней разлито дыханіе истинной, чистой поэзіи. Нѣкоторыя его страницы, несомнѣнно, не умрутъ. Въ современной же итальянской литературѣ онъ занимаетъ совершенно особое мѣсто. Панцини медленно созрѣлъ, въ тиши, надъ

священными книгами, и общаясь больше съ древними авторами, чѣмъ съ современностью; онъ жилъ точно внѣ нашего времени. И это увеличиваетъ отличіе его отъ остальныхъ нашихъ писателей, создавшихся въ общемъ на европейской культурѣ и въ большихъ умственныхъ центрахъ.

Гвидо Гоццано, выступившій въ этомъ же году сборникомъ стихотвореній „I colloqui“ („Разговоры“, изд. Treves) и заявившій себя несомнѣнными признаками оригинальности,—поэтъ совершенно иного склада. Это писатель сатирическій и сентиментальный, но въ особенности сатирическій. Чтобы получить о немъ понятіе, можно вспомнить поэзію Francis Jammes'а, послѣдователемъ котораго и называли его нѣкоторые критики. Но въ дѣйствительности сходство между ними случайное, и Гоццано не было надобности изучать французскаго писателя: характеръ его творчества свойственъ уже поэтамъ романтикамъ, работавшимъ послѣ Манцони и до Кардуччи преимущественно въ Сѣверной Италіи, гдѣ создалась настоящая буржуазія съ укоренившимися привычками и обычаями. Гвидо Гоццано воспѣваетъ старыя буржуазныя семьи, какими онѣ были пятьдесятъ лѣтъ назадъ; онъ какъ будто бы оплакиваетъ это далекое время, когда вся жизнь казалась окутанной нѣжнымъ и смѣшнымъ сантиментализмомъ, но находитъ тамъ сюжеты для изящныхъ тонко-комическихъ поэтическихъ набросковъ. Съ умомъ усталымъ и скептическимъ (хотя онъ еще молодъ,—ему всего 25 лѣтъ), онъ пытается скрыть пустоту души подъ этими изящными вымыслами, сразу нашедшими себѣ въ Италіи много подражателей. Но причину его успѣха надо искать въ счастливомъ умѣніи владѣть роднымъ языкомъ и въ благородной простотѣ, съ которой онъ имъ пользуется. Пышное великолѣпіе стиля д'Аннунціо утомило насъ. Открывъ новаго поэта, съ такимъ изяществомъ и съ такой простотой владѣющаго языкомъ, мы почувствовали себя осчастливленными. Но, какъ кажется, то немногое, что Гоццано могъ дать, онъ уже далъ. Теперь онъ ищетъ иныхъ путей и хотѣлъ бы подняться отъ поэзіи комической къ поэзіи космоса. Первыя его попытки въ этой сферѣ не подаютъ большихъ надеждъ.

Джованни Пàсколи издалъ въ 1911 г. три новыхъ небольшихъ поэмы „Паоло Учелло“, „Россини“, „Толстой“ (изд. Treves) и двѣ латинскія оды, посвященныя городамъ Риму и Турину по поводу празднествъ въ честь пятидесятой годовщины объединенія отечества. Критика очень хорошо приняла эти вещи, особенно первую изъ поэмъ, „Paolo Ucello“, написанную, впрочемъ, лѣтъ десять назадъ; въ ней снова виденъ Пàсколи первыхъ, лучшихъ его твореній. Его поэзія по слишкомъ большой тонкости и трудности языка (загадочнаго иногда даже для самихъ итальянцевъ) не поддается переводу, и по той же причинѣ нельзя дать понять ея достоинства тому, кто не читалъ ея въ подлинникѣ. Она проникнута христіанскимъ состраданіемъ и смиреніемъ, и въ ней разлитъ весь свѣтъ и вся грація пейзажей Джотто. Въ францисканскомъ монахѣ-художникѣ Паоло Учелло Пàсколи находитъ самого себя. Ему, дѣйствительно, свойственны радостныя и свѣтлыя чувства художника-примитива и полная живого милосердія, всегда расположенная къ умиленной молитвѣ душа францисканскаго монаха.

Габріэль д'Аннунціо изъ своего добровольнаго изгнанія во Франціи воспѣлъ недавно въ „Пѣсняхъ изъ-за моря“ („Canzoni d'Oltremare“, изд. Treves) итальянскій походъ въ Триполи. Онѣ вызвали полемику. Правительство запретило въ одной изъ Пѣсенъ нѣсколько терцинъ, признавъ ихъ оскорбительными для союзной націи. Поэтъ гнѣвно протестовалъ, студенческая молодежь заволновалась, и воинственное имя Габріэля д'Аннунціо снова стало въ газетахъ предметомъ живыхъ спо-

ровъ. Въ этихъ „Пѣсняхъ изъ-за моря" есть превосходныя и очень сильныя мѣста. Фантазія у д'Аннунціо, дѣйствительно, воинственная, чувственная, пламенная и сухая, какъ песокъ пустыни. Въ теченіе всей своей художественной жизни д'Аннунціо всего постояннѣе воспѣвалъ двѣ вещи: неистовство физической любви и войну. Онъ выросъ въ то время (время Криспи), когда Италія была охвачена горячкой имперіализма. Потомъ наступили африканскія пораженія, и въ Италіи почти на два десятилѣтія установилось господство миролюбивой и демократически настроенной мелкой буржуазіи. Но д'Аннунціо вмѣстѣ со многими другими литераторами и журналистами остался вѣренъ старинному лозунгу,—что Италія должна быть великой націей, великой и за гранью своихъ морей. Благодаря обстоятельствамъ, не позволявшимъ до сихъ поръ Италіи выходить изъ своихъ предѣловъ, д'Аннунціо со всей своей славой былъ словно отчужденнымъ и одинокимъ въ жизни націи. Теперь въ этихъ „Пѣсняхъ" онъ вспоминаетъ долгіе унылые годы, проведенные въ ожиданіи историческаго событія, которое подняло бы Италію въ глазахъ міра, и воспоминанія эти исполнены мужественной печали.

У только что мною упомянутой мелкой гуманитарно настроенной буржуазіи есть свой поэтъ—Джованни Бертакки; имъ выпущенъ въ концѣ истекшаго года новый сборникъ стихотвореній „A fior di Silenzio": „Едва слышное". Бертакки многими сторонами своего ума близокъ Манцони; онъ воспѣваетъ христіанскій соціализмъ нѣсколько въ духѣ Толстого. Это подлинный поэтъ, съ широкимъ вдохновеніемъ, съ смиренной, тоскующей и мятущейся душой; въ немъ живо ожиданіе будущаго, но гнетъ традиціи владѣетъ имъ, и ему не удается освободиться отъ прошлаго. Онъ хотѣлъ бы объединить въ одномъ сердцѣ чувства къ родинѣ и къ человѣчеству,—душевное состояніе, свойственное цѣлой большой категоріи итальянскихъ художниковъ и итальянскихъ интеллигентовъ.

Другой молодой поэтъ, соперникъ д'Аннунціо, Сэмъ Бенелли, поставилъ недавно (а затѣмъ и издалъ) двѣ новыхъ драмы въ стихахъ: „Il Mantellaccio" и „Rosmunda" (изд. Treves). Эти двѣ вещи не имѣли, однако, особаго успѣха, хотя Бенелли и продолжаетъ пользоваться у нѣкоторыхъ солидныхъ критиковъ уваженіемъ, котораго заслуживаетъ серьезностью своего ума. Бенелли составилъ себѣ имя три года назадъ внезапнымъ шумнымъ успѣхомъ исторической комедіи въ стихахъ „La Cena delle Beffe" [1]) „Ужинъ шутокъ", изъ эпохи флорентинскаго возрожденія. Но затѣмъ слава его померкла съ выходомъ средневѣковой поэмы „L'amore dei tre Re" (Любовь трехъ царей). Его противники укоряли его въ томъ, что онъ противоставитъ себя д'Аннунціо, не давая въ сущности ничего новаго для такого противопоставленія и даже подражая въ значительной степени стилю и фантазіи д'Аннунціо. Въ этомъ обвиненіи много правды. Но вѣрно также и то, что Бенелли отличается отъ д'Аннунціо болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ человѣческую душу, какъ это видно по нѣкоторымъ забытымъ теперь публикой старымъ его комедіямъ, которыя пожалуй даже гораздо лучше „La Cena delle Beffe", хотя въ нихъ и меньше парадной сценичной обстановочности, а можетъ быть, даже именно потому. Бенелли не сказалъ ничего новаго послѣдними своими произведеніями, но отъ него попрежнему можно многаго ожидать.

Осенью появился „Suo marito",—„Ея мужъ" (изд. Quattrini), романъ Луиджи Пиранделло, сициліанскаго послѣдователя Джованни Верга. Пиранделло цѣнили до сихъ поръ почти исключительно какъ юмориста. Въ этой послѣдней

---

[1]) Есть русскій переводъ.

его книгѣ, вмѣсто рѣзкой и горькой сатиры „Покойный Маттіа Паскаль“ и многочисленныхъ его новеллъ, широкой струей льется жизнерадостная карикатура, а съ нею рядомъ—глубокій драматизмъ и серьезный, страстный лиризмъ, никогда раньше не проявлявшіеся въ творчествѣ Пиранделло. Этотъ писатель выросъ въ средѣ литературнаго поколѣнія, занявшаго свое мѣсто лѣтъ пятнадцать назадъ, и его сатира на эту среду чрезвычайно любопытна и интересна, но чувствуется, что онъ многими своими свойствами относится еще къ тому поколѣнію, и у него нѣтъ достаточной смѣлости и зоркости, чтобы вѣрно обрисовать типы новыхъ поколѣній.

Джованни Папини только что выпустилъ сборникъ разсказовъ подъ заглавіемъ „Parole e Sangue“ („Слова и кровь“, изд. Perrella). Папини—поэтъ-философъ, и въ его творчествѣ поэзія сочетается съ философіей. Онъ разсказываетъ невозможныя или до смѣшного невѣроятныя исторіи, но тѣмъ не менѣе выражающія въ какихъ-то лирическихъ отвлеченностяхъ дѣйствительныя постоянныя переживанія его души, какъ этого не могла бы выразить никакая самая безжалостная автобіографія. Онъ напоминаетъ Гоффмана и Э. По, но его самобытность внѣ сомнѣнія. Онъ выступилъ впервые совсѣмъ молодымъ, пять лѣтъ назадъ, двумя очень нашумѣвшими сборниками новеллъ: „Il tragico quotidiano“ („Повседневный трагизмъ“) и „Pilota cieco“ („Слѣпой кормчій“). Папини пишетъ богатымъ и пылкимъ языкомъ. Его можно было бы опредѣлить „духовидецъ философскаго умозрѣнія“, а его разсказы лучше всего назвать „признанія фантазера“. Скоро долженъ выйти романъ Папини „L'uomo finito“ („Конченный человѣкъ“), ожидаемый съ большимъ интересомъ и большими надеждами. Очень возможно, что это будетъ исторія его жизни, богатой событіями общественнаго характера.

Въ этомъ году вышло еще нѣсколько сборниковъ новеллъ, менѣе интересныхъ, но все же довольно хорошо принятыхъ публикой: реалистическіе разсказы изъ жизни Романьи—Маріо Маринетти, подъ названіемъ „Ah, Ah, Ah!...“; сборникъ поэтессы Тереза „Il corpo e l'ombra“ („Тѣло и тѣнь“), отличающійся тонкостями психологическаго пониманія; „Donne e fanciulli“ („Женщины и дѣти“) Лучано Цукколи; „Uomini e burattini“ („Люди и маріонетки“) Уго Ойетти; небольшой, почти незамѣченный сборничекъ діалогическихъ этюдовъ „L'occhio chiuso“ („Закрытое око“) Россо ди Санъ Секондо, юноши, на котораго, повидимому, можно возлагать надежды, какъ на драматурга.

Я упомянула одну поэтессу. Прошлой весной блестящій журналистъ и изящный романистъ Лучано Цукколи въ шутливо написанной статьѣ заговорилъ объ опасности засилья женской литературы, граціозно называя ее „розовая опасность“. Однако, хотя женская литературная дѣятельность стала за послѣднее время довольно замѣтной, въ ней нѣтъ такихъ достоинствъ, чтобы она могла составить заслуживающую вниманія конкуренцію творчеству мужчинъ. Уже не мало лѣтъ писательницы, какъ Матильда Серао, Неэра, Грація Деледда, пишутъ книги, и по содержанію, и по формѣ повторяющія мужское творчество. Въ этомъ году вышли книги другихъ, менѣе извѣстныхъ писательницъ, какъ Сфинджe (Sfinge), Клариче Тартуфари, Карола Проспери; на нихъ тоже нѣтъ печати дѣйствительной самобытности. Но два романа женщинъ-писательницъ, вышедшіе за послѣднее время, остановили на себѣ вниманіе критики и читателей.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Анни Виванти, поэтессѣ, которою занималась литературная хроника двадцать лѣтъ назадъ, когда, совсѣмъ юною, она выпустила въ свѣтъ книжку стиховъ съ предисловіемъ Джозуе Кардуччи. Дочь итальянца и нѣмки, она вышла замужъ за англичанина и поселилась въ Лон-

донѣ, гдѣ у нея родилась дочь, ставшая потомъ ребенкомъ-виртуозомъ, знаменитая маленькая скрипачка Вивьенъ Чартисъ. Прошлой весной, послѣ двадцатилѣтняго молчанія, Анни Виванти, наконецъ, вновь предстала передъ итальянской публикой романомъ „I Divoratori“ („Пожиратели“), имѣвшимъ громадный успѣхъ. Романъ этотъ невѣроятно экстравагантенъ; въ немъ обильно перемѣшаны достоинства и недостатки; фабула ребяческая, подчасъ почти шутовская; иногда поэтическая полоса внезапно обрывается, уступая мѣсто сценѣ фельетоннаго романа. Но неожиданная грація блещетъ на всѣхъ страницахъ, увлекаетъ и очаровываетъ.

Другой романъ написанъ женщиной изъ аристократическаго флорентійскаго общества, скрывшейся подъ псевдонимомъ Паола Стафенда. Романъ — его заглавіе „Scintille nella creta“ („Искры въ глинѣ“)—былъ принятъ критикой съ почтительнымъ удивленіемъ. Въ противоположность Виванти, Стафенда совершенно лишена свойства „музыкальности“. Ея достоинство—глубокое проникновеніе въ психологію дѣйствующихъ лицъ и тонкая наблюдательность; писательница стремится выразить то, какъ ея женская душа, душа матери, по своему, своеобразно видѣла и воспринимала жизнь, вполнѣ независимо отъ внушеній духа и ума мужского. Душа женщины итальянки была нѣма до послѣдняго времени. Теперь слышны слова, намеки; за ними чувствуется цѣлый міръ, полный интуицій и мыслей, которыя найдутъ когда нибудь своего выразителя—женщину.

Сибилла Алерамо. [1])

Флоренція, мартъ 1912 г.

V. Естествознаніе.

Новый зоологическій атласъ.

Проф. М. А. Мензбиръ: „Зоогеографическій атласъ“. 30 табл. рисунковъ, иллюстрирующихъ животное населеніе земного шара по зоологическимъ областямъ, съ объяснительнымъ текстомъ и картой зоологическихъ областей. Москва, 1912 г., изд. Сабашниковыхъ. Цѣна 16 руб.

Изданіе это представляетъ собою одинъ изъ немногихъ и, безспорно, самый крупный, а для Россіи въ то же время и единственный, самостоятельный опытъ иллюстрировать картинами зоогеографію или науку о распространеніи животныхъ. Вообще говоря, зоогеографія принадлежитъ къ числу молодыхъ и притомъ сравнительно медленно развивающихся отдѣловъ зоологіи; если количество работъ спеціальныхъ уже значительно и быстро возрастаетъ, то число обобщающихъ работъ весьма невелико. Причина этого лежитъ въ трудности и сложности предмета, ибо для научнаго освѣщенія фактовъ распространенія животныхъ требуется и знаніе родственныхъ соотношеній животныхъ, чтобы установить родственныя связи фаунъ, и знаніе условій существованія, чтобы уяснить современные факторы, опредѣляющіе составъ животнаго населенія страны, и, наконецъ, знаніе прошлой исторіи земли и ея населенія, чтобы имѣть возможность обратиться къ условіямъ прошлаго въ тѣхъ случаяхъ, объясненія которыхъ современныя условія не даютъ. Понятно, что при малочисленности обобщающихъ работъ еще меньше число попытокъ сдѣлать эти обобщенія достояніемъ широкихъ слоевъ читающей публики и предметомъ преподаванія въ школѣ. И въ особенности затруднительны попытки популяризировать зоогеографію въ картинахъ, ибо на помощь натуралисту-ученому здѣсь долженъ прійти натура-

[1]) Съ рукописи перевела Е. Лазаревская.

листъ-художникъ, которому придется въ данномъ случаѣ преодолѣвать и спеціальныя затрудненія, связанныя съ необходимостью найти золотую середину между естественностью изображаемаго и необходимостью сгруппировать по возможности бóльшее количество характерныхъ формъ. Эти трудности необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ всякаго подобнаго предпріятія.

Работа по составленію таблицъ предпринята однимъ изъ крупнѣйшихъ зоогеографовъ, проф. Мензбиромъ. Ему принадлежитъ идея изданія, выборъ характерныхъ формъ животныхъ и объяснительный текстъ къ таблицамъ. Выполненіе таблицъ принадлежитъ одному изъ учениковъ проф. Мензбира по московскому университету, художнику В. А. Ватагину. Пишущему эти строки пришлось быть свидѣтелемъ того труда, который былъ затраченъ обоими названными лицами, какъ составлялись и браковались списки „населенія" картинъ, какъ составлялась компановка, готовились эскизы и т. д.

Что касается содержанія таблицъ, то невольно пришлось ограничить его млекопитающими и птицами да немногими рептиліями, ибо только эти животныя, по своимъ размѣрамъ, могутъ быть характерной чертой пейзажа суши, не теряясь въ немъ. Правда, также бросаются въ глаза иногда бабочки, какъ кое-гдѣ подъ тропиками, или жуки, какъ въ нашихъ среднеазіатскихъ пустыняхъ, но изобразить ихъ въ достаточную для узнанія величину, рядомъ съ крупными позвоночными, не представляется возможнымъ. И среди существующаго обилія характерныхъ наземныхъ позвоночныхъ пришлось, конечно, выбирать формы болѣе характерныя. За подборъ ихъ ручается имя составителя таблицъ. Стоитъ отмѣтить, что на нѣкоторыхъ таблицахъ изображены также и животныя не исключительно свойственныя данной мѣстности, но характеризующія ее своимъ обиліемъ (наприм., ягнятникъ и красноклювая галка—широко распространенныя птицы горъ европейско-азіатскаго материка — пріурочены къ одной изъ таблицъ, изображающихъ природу Центральной Азіи). Это, въ особенности при надлежащемъ поясненіи въ текстѣ, представляется совершенно правильнымъ. И разъ это такъ, то нельзя не пожалѣть, что на таблицахъ не нашли себѣ мѣста такія характерныя формы русской природы, какъ байбакъ, дрофа, стрепетъ, сѣрая ворона.

Изъ 30 таблицъ атласа 11 иллюстрируютъ животный міръ палеарктической области или арктическую и умѣренную зону Стараго свѣта, 4—эфіопскую область (тропическую и южную Африку), 3—восточную или индо-малайскую область, 3—неарктическую или сѣверо-американскую, 5—неотропическую или южно-американскую и 4—австралійскую. Такимъ образомъ, богаче всего иллюстрирована та зоогеографическая область, къ которой цѣликомъ принадлежитъ Россія. Думается, однако, что здѣсь положительно слѣдовало бы прибавить еще двѣ таблицы для средне-русскаго чернолѣсья и для русскихъ степей, такъ быстро идущихъ къ исчезновенію ихъ естественнаго облика. Съ этими замѣчаніями выборъ таблицъ и ихъ содержанія нельзя не признать чрезвычайно интереснымъ и поучительнымъ.

Выполненіе таблицъ не вполнѣ равноцѣнно. Отдѣльныя крупныя фигуры животныхъ большею частью хороши, многія изъ нихъ прямо интересны и художественны (какъ лось на табл. XIX, стадо сайгаковъ на табл. V), но среди нихъ приходится отмѣтить, правда, немногія, и неудачныя, какъ фигура тигра на табл. VIII, едва ли не наименѣе удачная вообще. Фигуры задняго плана коегдѣ настолько мелки, что ихъ нельзя считать за характерныя изображенія. Сочетаніе фигуръ зачастую грѣшитъ искусственностью, трудно устранимой здѣсь по самому существу дѣла, но на нѣкоторыхъ таблицахъ таланту худож-

ника удалось преодолѣть и это затрудненіе, и, наприм., таблицы тундры, тайги и среднеазіатскихъ пустынь производятъ прекрасное впечатлѣніе и фигурами животныхъ, и ихъ комбинаціей, и пейзажемъ. Форматъ, въ которомъ воспроизведены таблицы, выбранъ не совсѣмъ удачно въ смыслѣ соотвѣтствія съ назначеніемъ ихъ и способомъ выполненія. Для демонстраціи передъ классомъ или аудиторіей онѣ мелки, для разсматриванія же на столѣ недостаточно детальны. Этотъ недостатокъ не вредилъ въ оригиналахъ, имѣвшихъ размѣръ втрое бо́льшій и предназначавшихся для разсматриванія издали, но при уменьшенномъ размѣрѣ онъ сильно сказывается. Вѣроятно, однако, что изготовленіе таблицъ болѣе крупнаго формата представляло техническія трудности и во всякомъ случаѣ чрезвычайно повысило бы стоимость изданія. Воспроизведены таблицы трехцвѣтнымъ печатаніемъ (въ типографіи т-ства Кушнерева); бо́льшая часть удачно передаетъ оригиналы, но на нѣкоторыхъ передача общаго тона картины (табл. XXVIII) или окраски отдѣльныхъ животныхъ (наприм., орангутангъ на табл. XVIII) значительно отличается отъ оригиналовъ въ худшую сторону. Но при всемъ этомъ изданныя таблицы и по интересу содержанія, и по выполненію представляютъ нѣчто значительно лучшее и болѣе совершенное, чѣмъ существовавшія до сихъ поръ попытки въ такомъ родѣ.

Тетрадка объяснительнаго текста къ атласу, съ картою зоологическихъ областей суши, представляетъ собою не только простое поясненіе къ таблицамъ, а настоящій краткій конспектъ зоогеографіи суши по млекопитающимъ и птицамъ, интересно написанный, съ поясненіями біологическаго характера. Главныя дѣленія суши—на области—проф. Мензбиръ принимаетъ, слѣдуя Склэтеру; для изданія, преслѣдующаго цѣли начальнаго ознакомленія съ зоогеографіей, это совершенно правильно, такъ какъ области, принятыя Склэтеромъ, ближе совпадаютъ съ географическимъ дѣленіемъ суши; выясненіе же неравноцѣнности этихъ областей и связей между ними можетъ быть сдѣлано преподавателемъ или почерпнуто, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ распространеніемъ животныхъ, изъ спеціальной литературы. Какъ нѣкоторый недочетъ—для пособія, предназначаемаго къ обращенію въ средней школѣ и среди начинающихъ—слѣдуетъ отмѣтить названія нѣкоторыхъ сочиненій на англійскомъ языкѣ, оставленныя безъ перевода на русскій языкъ, и имена авторовъ безъ русской транскрипціи, и затѣмъ нѣсколько досадныхъ опечатокъ, вкравшихся въ названія животныхъ, и русскія, и латинскія.

За всѣми указанными оговорками, изъ которыхъ часть, какъ сказано, относится къ неизбѣжнымъ недочетамъ, изданіе это, представляющее капитальный и совершенно самостоятельный трудъ, выполненный цѣликомъ силами русской науки, искусства и печатнаго дѣла, при всѣхъ трудностяхъ, стоявшихъ на пути выполненія чрезвычайно сложной задачи, при почти полномъ отсутствіи предшествующихъ опытовъ въ этомъ направленіи, мы должны отмѣтить, какъ выдающееся явленіе научной и учебной литературы. Несомнѣнно, таблицы проф. Мензбира внесутъ значительное оживленіе въ преподаваніе природовѣдѣнія въ средней школѣ и сыграютъ въ развитіи интереса къ зоогеографіи ту же роль, какую другой трудъ проф. Мензбира, „Птицы Россіи", сыгралъ въ подъемѣ интереса къ изученію птицъ нашей родины. Подготовляемый проф. Мензбиромъ къ печати курсъ зоогеографіи дастъ, безъ сомнѣнія, дальнѣйшій толчокъ въ этомъ же направленіи. И нельзя не пожалѣть снова и снова, что печальныя судьбы русской высшей школы сдѣлали для проф. Мензбира невозможнымъ вести преподаваніе зоогеографіи съ университетской каѳедры, иллюстрируя его

оригиналами изданныхъ теперь таблицъ, для чего эти оригиналы первоначально и предназначались.

Цѣна изданія—16 руб.—довольно высока для русскаго потребителя, но, принимая во вниманіе количество таблицъ, она можетъ быть признана умѣренной.

П. Сушкинъ.

VI. Военное и морское дѣло.

Флотъ и проливы.

До послѣдняго времени вопросъ о необходимости для Россіи сильнаго активнаго флота являлся въ значительной степени спорнымъ. Огромная стоимость линейнаго флота, съ одной стороны, и нежеланіе морского министерства произвести коренную реформу вѣдомства, абсолютно необходимую, дабы положить конецъ непорядкамъ, въ немъ царящимъ,—съ другой, естественно побуждали стремиться организовать защиту нашего отечества такимъ образомъ, чтобы главнѣйшимъ элементомъ ея оставалась армія, флоту же отводилась бы лишь второстепенная роль, какъ вспомогательнаго къ арміи орудія пассивной обороны. Однако событія послѣднихъ дней, вызванныя бомбардировкой итальянскимъ флотомъ турецкихъ укрѣпленій въ Дарданеллахъ, выяснили, что рѣшеніе это было неправильно, такъ какъ такая система обороны не соотвѣтствуетъ современному укладу хозяйственной жизни Имперіи.

Закрытіе турками проливовъ для движенія нейтральныхъ коммерческихъ судовъ глубоко поучительно для насъ потому, что оно наглядно показало, какъ тѣсно связано благосостояніе огромнаго количества населенія Имперіи Россійской съ міровыми рынками и какое огромное значеніе имѣетъ поэтому для Россіи свобода ея внѣшней торговли.

Несмотря на незначительность русскаго коммерческаго флота, перевозящаго едва $^1/_{10}$ долю всѣхъ вывозимыхъ и ввозимыхъ нами моремъ товаровъ, несмотря на то, что огромная часть нашей внѣшней торговли находится въ рукахъ иностранцевъ и обслуживается иностранными пароходами, достаточно было туркамъ на нѣсколько дней запретить судамъ проходить черезъ проливы, чтобы внести разстройство въ цѣлый рядъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности страны.

Что такое въ сущности произошло? Было пріостановлено на короткій срокъ свободное движеніе морскихъ торговыхъ судовъ, по большей части иностранныхъ, въ предѣлахъ небольшого воднаго пространства, въ значительной мѣрѣ удаленнаго отъ границъ нашего отечества. И вотъ немедленно, уже со второго дня закрытія Дарданеллъ, со всѣхъ сторонъ телеграфъ началъ приносить самыя тревожныя извѣстія. Погрузка хлѣба, этого основного продукта нашего производства и вывоза, въ южныхъ портахъ пріостановилась, банки прекратили хлѣбныя операціи и выдачу ссудъ подъ хлѣбъ; страховыя преміи для грузовъ, идущихъ въ Средиземное море, непомѣрно возросли, затрудняя нашимъ вывознымъ товарамъ конкуренцію съ иностранными. Размѣръ возникшихъ затрудненій станетъ яснъ, если вспомнить, что южно-русскіе порты Чернаго и Азовскаго морей, расположенные въ весьма благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, по интенсивности отпускной торговли занимаютъ первенствующее мѣсто въ имперіи, и что черезъ Дарданеллы идетъ 43% по цѣнности общаго вывоза Россіи, причемъ количество идущаго этимъ путемъ хлѣба достигаетъ 74% нашего отпуска за границу, не считая грузовъ, направляющихся большимъ каботажемъ изъ портовъ Чернаго моря въ русскіе порты Балтійскаго моря. [1])

[1]) См. по этому вопросу статью „Закрытіе Дарданеллъ“ А—н'а (журналъ *Промышленность и Торговля* 1912 г., № 8), откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія.

Всѣ эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякое препятствіе къ свободному морскому вывозу товаровъ за границу затрогиваетъ самые существенные интересы Имперіи, и приходится признать неоспоримый фактъ, что независимо отъ того, какъ разрѣшать вопросъ, можетъ или не можетъ Россія быть великой державой, не имѣя могущественнаго военнаго флота, если мы не желаемъ благосостояніе нашего отечества ставить въ зависимость отъ добраго желанія другихъ державъ оказать намъ поддержку, мы должны имѣть свой собственный сильный военный флотъ, и не оборонительный только, а активный, способный угрожать противнику, на который русская дипломатія въ случаѣ необходимости могла бы опереться въ своихъ справедливыхъ требованіяхъ объ обезпеченіи Россіи полной свободы ея внѣшней торговли.

Такимъ образомъ, на очередь самою жизнью настоятельно выдвигается вопросъ о наилучшихъ путяхъ къ возсозданію уничтоженнаго въ послѣднюю войну нашего активнаго флота, разрѣшеніе котораго представляетъ значительныя трудности. Хотя наше финансовое положеніе и довольно блестяще, и государство въ настоящее время имѣетъ въ своемъ распоряженіи весьма значительныя свободныя средства, тѣмъ не менѣе намъ приходится считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что много Россія на флотъ тратить не можетъ, такъ какъ потребности, требующія удовлетворенія въ первую очередь въ Имперіи, далеко превосходятъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства, и все, что будетъ излишне истрачено на военную силу, будетъ непроизводительно отнято отъ удовлетворенія какой-либо другой не менѣе, а можетъ быть, и гораздо болѣе важной нужды страны, что тѣмъ болѣе нежелательно, такъ какъ *Россія настолько отстала во всѣхъ областяхъ отъ своихъ сосѣдей, что только стремительнымъ движеніемъ впередъ она можетъ удержать за собою подобающее ей міровое значеніе.*

Такимъ образомъ, намъ особенно необходимо позаботиться о томъ, чтобы средства, затрачиваемыя на флотъ, не были израсходованы напрасно.

Говоря о путяхъ къ возсозданію военнаго флота, прежде всего приходится считаться съ тѣмъ, что естественныя условія нашей морской границы для развитія активнаго флота чрезвычайно неблагопріятны. Для успѣшнаго созданія флота,—не только сборища кораблей, а флота, какъ реальной морской силы, какъ единства, одушевленнаго сознаніемъ своей необходимости и значенія,—абсолютно нужно, чтобы флотъ этотъ имѣлъ свободный выходъ на міровые пути международнаго обмѣна. Значеніе и смыслъ линейнаго флота заключаются въ его способности къ наступленію, завладѣнію моремъ, въ активной защитѣ морской торговли своего государства и уничтоженіи торговли врага, наконецъ въ возможности угрожать морскимъ границамъ непріятеля. *Внѣ идеи наступленія линейный флотъ немыслимъ,* потому что въ самомъ существѣ такого чисто оборонительнаго линейнаго флота гнѣздится страшная болѣзнь сознанія своей безсмысленности, ненужности своего существованія, отсутствія реальной цѣли,—болѣзнь, убивающая самое драгоцѣнное во флотѣ—*его духъ.* Вотъ почему всякій флотъ, плавающій исключительно во внутреннихъ моряхъ, лишенный возможности выйти за ихъ предѣлы для соревнованія съ иностранными флотами, фатально обреченъ на отсталость и рутину и всѣ пороки, съ ними связанные. Рамки настоящей замѣтки не позволяютъ намъ детально выяснить этотъ чрезвычайно сложный вопросъ и прослѣдить и точно указать всѣ отрицательныя стороны исключительно внутренняго, домашняго плаванія линейнаго флота, но самый фактъ тлетворнаго вліянія такого положенія едва ли можетъ быть оспариваемъ.

И вотъ именно этого-то необходимаго

для правильнаго развитія военнаго флота условія въ Россіи въ настоящее время не имѣется: въ Тихомъ океанѣ возможность образованія линейной эскадры, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго, повидимому исключена. Балтійское море теперь само по себѣ утратило свое прежнее значеніе какъ арены международнаго обмѣна и въ этомъ отношеніи не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ море внутреннее. При этомъ соотношеніе военно-морскихъ силъ державъ, расположенныхъ по берегамъ этого моря, таково, что исключаетъ возможность для насъ ни теперь, ни въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ создать здѣсь такой флотъ, который могъ бы съ надеждой на успѣхъ сразиться съ ихъ флотами въ открытомъ морѣ. Естественнымъ противникомъ здѣсь для насъ является Германія. Она всегда имѣетъ возможность запереть входъ въ Балтійское море для флотовъ нашихъ союзниковъ и сосредоточить весь свой линейный флотъ противъ нашего. Имѣя въ настоящее время, согласно закону о флотѣ, 38 броненосцевъ (это число предположено еще увеличить) и всѣ преимущества какъ въ отношеніи скорости и дешевизны постройки судовъ, такъ и въ отношеніи средствъ на ихъ постройку, она конечно никогда не допуститъ, чтобы Россія, имѣющая теперь здѣсь всего 4 броненосца, опередила ее настолько, чтобы имѣть возможность серьезно угрожать ея морскому преобладанію. Создавать же линейный флотъ только для пассивной обороны береговъ—это значитъ совершенно безполезно тратить деньги, такъ какъ независимо отъ всего изложеннаго о вредномъ вліяніи на флотъ ограниченія его задачъ пассивной обороной, помимо того, что создавать флотъ исключительно съ цѣлью, чтобы онъ, принявъ неравный бой безъ возможности побѣдить, только задержалъ противника на нѣкоторое время, безнравственно и недопустимо,—помимо всего этого, исторія морскихъ войнъ и нашей войны съ Японіей въ особенности, съ несомнѣнностью доказываетъ, что съ той минуты, какъ линейный флотъ лишается возможности принять бой въ открытомъ морѣ, онъ теряетъ всякое значеніе въ оборонѣ и погибаетъ совершенно безполезно.

Такимъ образомъ и въ Балтійскомъ морѣ военно-морской силы Россія создать не можетъ.

Остается Черное море. Здѣсь повидимому условія складываются болѣе благопріятно. Тутъ сосредоточены весьма крупные торговые интересы, требующіе защиты. Слѣдовательно, развивая черноморскій флотъ, мы можемъ поставить ему вполнѣ реальныя задачи. Для каждаго офицера и матроса будутъ вполнѣ ясны ихъ цѣль и назначеніе, и въ критическую минуту ихъ поддержитъ сознаніе, что отъ ихъ побѣды или пораженія зависитъ благосостояніе ихъ родины. Здѣсь въ настоящее время русскій флотъ господствуетъ.[1] Въ такихъ

[1] Одно время въ печати появились статьи, стремившіяся доказать, что въ недалекомъ будущемъ, когда будутъ закончены заказанные Турціей новые броненосцы современнаго типа, нашъ флотъ въ Черномъ морѣ окажется слабѣе турецкаго. Въ какой мѣрѣ это напоминаніе побудило морское министерство обратить вниманіе на необходимость усиленія черноморскаго флота и испросить у законодательныхъ учрежденій соотвѣтствующіе кредиты, въ такой мѣрѣ оно принесло извѣстную пользу. Но по существу это мнѣніе было совершенно ошибочно. Теперь, послѣ позорной роли, которую турецкій флотъ играетъ въ итало-турецкой войнѣ, совершенно ясно, что турецкаго флота, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существуетъ. Едва ли прибавленіе нѣсколькихъ боевыхъ, хотя бы и весьма сильныхъ тактически единицъ могло что-нибудь существенно здѣсь измѣнить. Турецкіе корабли, чтобы стать сильнымъ флотомъ, прежде всего должны пріобрѣсти душу, а простымъ увеличеніемъ количества судовъ здѣсь ничего не подѣлаешь.

же условіяхъ онъ будетъ находиться и въ Средиземномъ морѣ, такъ какъ тамъ преимущество въ силѣ пока остается за флотомъ нашей союзницы Франціи. Такимъ образомъ въ Черномъ морѣ легче добиться, чтобы онъ не отставалъ отъ флотовъ тѣхъ иностранныхъ державъ, съ которыми ему придется столкнуться, и былъ бы достаточно силенъ для активной защиты нашей торговли. Здѣсь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящій базисъ для нашего экономическаго и хозяйственнаго господства: люди, каменный уголь и желѣзо, [1]—базисъ, столь же необходимый и для развитія военнаго флота. Затѣмъ страны, съ которыми придется вступить въ соревнованіе черноморскому флоту, въ особенности Австрія и Турція, гораздо ближе стоятъ къ намъ по степени развитія у нихъ морской силы, морского искусства и количеству средствъ, которыя онѣ могутъ затратить на флотъ, нежели страны, съ которыми пришлось бы бороться балтійскому флоту, если бы таковой намъ удалось построить; такъ что и въ этомъ отношеніи преимущество остается за Чернымъ моремъ. Словомъ, здѣсь есть *почти все* необходимое для успѣшнаго развитія военнаго флота, всѣ условія за исключеніемъ одного—*свободнаго выхода на внѣшнія моря*,—одного, но настолько важнаго, что безъ него все предпріятіе созданія здѣсь активнаго флота теряетъ почти всякое значеніе. Пока закрыты для военныхъ судовъ Дарданеллы и Босфоръ, нашъ флотъ не можетъ ни защищать нашу внѣшнюю торговлю, ни активно угрожать (кромѣ отчасти Турціи) берегамъ непріятеля. Онъ лишенъ возможности перестать быть *только флотомъ Чернаго моря*, имѣющимъ чисто мѣстное значеніе, и *стать флотомъ Россійской Имперіи*, активно поддерживающимъ ея интересы вездѣ, гдѣ это окажется необходимымъ. Безъ этой возможности черноморскій флотъ всегда останется только одной, и притомъ, вѣроятно, даже не самой существенной и значительной, частью находящагося въ г. С.-Петербургѣ морского министерства. Центръ управленія флотомъ, его лучшія силы и главная часть средствъ останутся на сѣверѣ и будутъ тратиться на содержаніе учрежденій и кораблей Балтійскаго моря, безъ всякой пользы для дѣйствительнаго могущества Имперіи. А тратить сотни милліоновъ рублей на созданіе одной видимости морской силы едва ли мы имѣемъ право.

Выводъ отсюда слѣдующій. Для морской мощи Имперіи, прежде всего, нужно добиться открытія Дарданеллъ и Босфора для прохода русскихъ военныхъ судовъ.

На этомъ вопросѣ необходимо нѣсколько остановиться, такъ какъ до сихъ поръ онъ не получилъ еще достаточно правильнаго освѣщенія. Не только со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, всемѣрно заботящагося о томъ, чтобы у насъ вообще не было никакихъ политическихъ задачъ, но и со стороны критиковъ этого министерства и, что всего удивительнѣе, и со стороны морского министерства, никогда достаточно настойчиво не указывалось на важность, и именно *въ настоящее время* для развитія нашего военнаго флота—открытія проливовъ. А между тѣмъ, вѣдь значеніе этого факта далеко не исчерпывается приведенными соображеніями. Прежде всего только при возможности свободно проводить военныя суда черезъ проливы мы будемъ въ состояніи *распредѣлять корабли по отдѣльнымъ районамъ морской границы нашего отечества сообразно условіямъ даннаго политическаго момента*. Что же мы видимъ теперь? Въ то время какъ такія государства, какъ Англія и Франція, имѣющія флотъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ Россія, могутъ сосредоточивать его тамъ, гдѣ представляется въ немъ надобность, и уводить его оттуда, гдѣ

[1]) См. П. Б. Струве, „Великая Россія" *Русская Мысль*, I, 1908 г.

онъ становится, вслѣдствіе измѣненія политическихъ условій, излишнимъ, [1]) Россія, имѣющая флотъ и средства несравненно гораздо меньшія и слѣдовательно ощущающая гораздо бо́льшую необходимость въ наилучшемъ использованіи своихъ морскихъ силъ, является, кажется, единственною державою, которой запрещено свободное распоряженіе своимъ флотомъ, въ смыслѣ расположенія его въ той части границы, гдѣ онъ болѣе нуженъ, и должна содержать два совершенно независимыхъ другъ отъ друга флота, такъ какъ эскадра Балтійскаго моря не имѣетъ права пройти въ Черное и обратно, и только въ видѣ особой милости намъ разрѣшается провести черезъ проливы миноносцы, построенные за границей.

Нужно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ надлежащая оборона Имперіи обходится намъ несравненно дороже, чѣмъ остальнымъ державамъ, чѣмъ, напримѣръ, хотя бы Австріи, тратящей на флотъ гораздо меньшія (и абсолютно и относительно) суммы и несравненно лучше насъ обезпеченной въ этомъ отношеніи.

Въ защиту желательности для Россіи оставлять проливы закрытыми для прохода военныхъ судовъ обычно указывается, что хотя при современномъ положеніи дѣла мы и стѣснены въ распредѣленіи нашихъ морскихъ силъ, но зато эта невыгода съ избыткомъ окупается тѣмъ, что благодаря запрещенію и иностраннымъ военнымъ кораблямъ проходить въ Черное море, мы обезпечены отъ нападенія на нашу южную границу болѣе сильныхъ морскихъ державъ и можемъ считать себя въ этомъ районѣ въ безопасности при сравнительно меньшихъ затратахъ на черноморскій флотъ. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли возможно согласиться. Послѣ захвата Японіей—Кореи, Австро-Венгріей—Босніи и Герцеговины, Италіей—Триполитаніи было бы наивно думать, что постановленіе международнаго трактата можетъ удержать государство, если оно чувствуетъ за собою превосходство силы, отъ посылки своего флота черезъ Босфоръ въ Черное море для атаки нашего флота и портовъ. Напримѣръ, если бы державы тройственнаго союза нашли для себя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, необходимымъ это сдѣлать и заручились бы нейтралитетомъ Англіи и Франціи, то, конечно, ихъ не остановило бы постановленіе берлинскаго трактата и, конечно, ужъ не турецкія укрѣпленія Дарданеллъ стали бы мѣшать имъ въ этомъ предпріятіи. Наоборотъ, если бы Англія и Франція стали на нашу сторону и были бы противъ нападенія на нашъ черноморскій флотъ, то и при открытыхъ проливахъ безопасность черноморскаго побережья была бы вполнѣ обезпечена, такъ какъ англійскій флотъ удержалъ бы въ Сѣверномъ морѣ — нѣмецкій, а французскій — въ Средиземномъ морѣ,—итало-австрійскій. Отсюда ясно, что обезпеченность защиты Чернаго моря въ настоящее время опредѣляется вовсе не тѣмъ, открыты или нѣтъ проливы для прохода военныхъ судовъ, такъ какъ въ военное время это потерявшее смыслъ и только стѣсняющее насъ въ развитіи нашихъ морскихъ силъ постановленіе международнаго трактата все равно не будетъ приниматься въ расчетъ, а зависитъ отъ условій международно-политическаго характера — именно, той

---

[1]) Не говоря уже о перераспредѣленіи англійскихъ морскихъ силъ въ самое послѣднее время, достаточно указать на общеизвѣстные факты, что по заключеніи англо-японскаго союза Англія увела свои броненосцы изъ Тихаго океана, а по заключеніи соглашенія между Англіей и Франціей обѣ эти державы такимъ образомъ измѣнили распредѣленіе своихъ линейныхъ эскадръ, что главныя силы Великобританіи оказались сосредоточенными въ районѣ Атлантическаго океана и Сѣвернаго моря, а Франціи—въ районѣ моря Средиземнаго.

или иной группировки европейскихъ державъ.

Теперь остается разобраться еще въ одномъ вопросѣ. Достижимо ли для Россіи столь желательное и необходимое открытіе проливовъ и не испортимъ ли мы, добиваясь свободнаго пропуска нашихъ военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ, своихъ отношеній съ нашими теперешними союзниками?

Въ сущности вопросъ этотъ касается только Великобританіи. Для Франціи открытіе проливовъ и возможность появленія нашего черноморскаго флота въ любой моментъ въ Средиземномъ морѣ безусловно выгодно и можетъ только укрѣпить ея положеніе въ этомъ районѣ; вредить ей здѣсь мы не можемъ, такъ какъ ея граница слишкомъ удалена отъ нашихъ портовъ и флотъ ея въ Средиземномъ морѣ слишкомъ сильно превосходитъ нашъ, чтобы она могла серьезно бояться, что мы можемъ угрожать ея побережью или сообщеніямъ съ ея африканскими колоніями.

Англія находится въ нѣсколько иномъ положеніи. Однако и съ ея стороны, если она будетъ смотрѣть на дѣло трезво, безъ предубѣжденій и забудетъ о различныхъ фантастическихъ опасностяхъ, которыя будто бы могутъ ей угрожать со стороны Россіи, не должно бы встрѣтиться препятствій къ осуществленію нашего предположенія. Вопросъ заключается въ томъ: какія цѣли преслѣдуетъ англо-русское соглашеніе? Если оно является признаніемъ обѣими сторонами взаимной солидарности ихъ интересовъ, желательности взаимной поддержки и усиленія для возстановленія нарушеннаго послѣднею нашею войной съ Японіей европейскаго равновѣсія, то тогда все, что облегчаетъ Россіи возстановленіе ея хозяйственной и военно-морской мощи, должно встрѣчать благожелательное отношеніе и въ Великобританіи. Что при современномъ положеніи наша внѣшняя торговля недостаточно обезпечена, а военно-морскія силы искуственно ослаблены раздѣленіемъ на двѣ взаимно не сообщающіяся части, это должно быть ясно всякому безпристрастному человѣку, и потому наше стремленіе исправить такое совершенно ненормальное для великой державы положеніе, казалось бы, должно всѣми, а тѣмъ болѣе нашими союзниками, быть признаваемо вполнѣ естественнымъ и справедливымъ. Если же, несмотря на всѣ наши соглашенія, мы должны при каждой попыткѣ улучшить наше положеніе ожидать встрѣтить оппозицію со стороны союзныхъ намъ державъ, то, спрашивается, въ чемъ же заключается тогда для Россіи выгода отъ этихъ соглашеній, какую же пользу можемъ мы изъ нихъ извлечь.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что открытіе проливовъ для русскаго военнаго флота есть для нашего отечества не прихоть, а крайняя необходимость; что наши союзники и непріятели будутъ съ нами тѣмъ предупредительнѣе и осторожнѣе, чѣмъ бо̀льшую пользу и вредъ мы будемъ въ состояніи имъ принести; что однимъ изъ условій дѣйствительнаго созданія „Великой Россіи“ является созданіе единаго флота Имперіи, а это возможно, лишь если будетъ отмѣнено запрещеніе ея военнымъ судамъ свободно сообщаться между собою на всѣхъ русскихъ моряхъ.

М. Н—ъ.

VII. Некрологъ.

Н. К. фонъ-Вендрихъ.—П. Т. Садовскій.—Е. Ф. Буринскій.—Л. Н. Загурскій.—А. Я. Поммеръ. — К. Д. Хрущевъ. — Гр. М. Н. Толстая.—В. А. Ратьковъ-Рожновъ.—А. С. Прохановъ.—Г. К. Ульяновъ.—А. П. Философова.—О. Я. Никольская.—А. М. Читау.—Г. Сандукянцъ.—Н. К. Пимоненко.—Н. П. Бочаровъ.—И. А. Корсаковъ.—А. И. Громова.—В. М. Шулятиковъ.—Л. Н. Варнекъ.—П. Н. Семеновъ.—К. И. Бокильонъ. —Вѣра Константиновна, герцогиня Вюртенбергская.— А. Трэгеръ.—Анри Бриссонъ.—Г. Моно.—Ф. Бергеръ.—Р. Фраммель. — І. Мессершмитъ. — Іориссенъ.—Х. Ахелисъ.—Э. В. Никольсонъ.—І. Юбингеръ.—В. Мюнхъ.—А. Берентсъ.—А. Прибрамъ.— Р. Швальмъ. — Б. Гюблеръ. — А. Тонъ. — Р. Салейль. — Д. Пасколи.—Ф. Пёницъ.—А. Зеелигмюллеръ.—В. Стэдъ.

Фонъ-Вендрихъ, Николай Карловичъ, († въ апрѣлѣ 1912 г.), бывшій мировой судья г. Москвы. Общественный дѣятель, гласный думы.

Садовскій, Петръ Тимоѳеевичъ († въ мартѣ 1912 г., 45 лѣтъ), профессоръ женскаго медицинскаго института по каѳедрѣ гинекологіи, замѣчательный операторъ.

Буринскій, Евгеній Ѳедоровичъ († въ мартѣ 1912 г., 63 лѣтъ), авторъ цѣлаго ряда трудовъ по фотографической экспертизѣ судебныхъ документовъ, а также по экспертизѣ почерковъ. Былъ награжденъ академіей наукъ преміей имени Ломоносова.

Загурскій, Л. Н. († въ мартѣ 1912 г.), заслуженный профессоръ харьковскаго университета по каѳедрѣ римскаго права. Авторъ нѣсколькихъ спеціальныхъ работъ.

Поммеръ, Андрей Яковлевичъ († въ мартѣ 1912 г., 60 лѣтъ), директоръ-распорядитель русскаго для внѣшней торговли банка, извѣстный банковый дѣятель въ Спб.

Хрущевъ, К. Д. († въ апрѣлѣ 1912 г., 59 лѣтъ), профессоръ военно-медицинской академіи, докторъ минералогіи и геологіи и докторъ медицины. Произвелъ научныя геологическія изысканія въ Сѣверной и Южной Америкѣ, гдѣ пробылъ четыре года. Принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ врача и геолога въ экспедиціи, снаряженной для производства геологической съемки Калифорніи. Рядъ ученыхъ трудовъ покойнаго по геологіи и смежнымъ съ нею наукамъ печатался въ заграничныхъ и русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Толстая, Марія Николаевна, графиня († въ апрѣлѣ 1912 г., 83 лѣтъ), любимая сестра Л. Н. Толстого, монахиня, настоятельница Оптиной пустыни.

Ратьковъ-Рожновъ, Владиміръ Александровичъ († въ апрѣлѣ 1912 г., 78 лѣтъ), сенаторъ, гласный спб. городской думы, пользовавшійся извѣстностью, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленниковъ и общественныхъ дѣятелей Петербурга. Онъ былъ первымъ городскимъ головой по назначенію и въ этой должности пробылъ съ 1893 г. по 1898 г. Извѣстный благотворитель.

Прохановъ, Александръ Степановичъ († въ апрѣлѣ 1912 г., 41 лѣтъ), редакторъ-издатель журнала *Духовный Христіанинъ*, по образованію врачъ. Вмѣстѣ съ изученіемъ медицины онъ изучалъ еще и философскія, и богословскія науки, и древнееврейскій языкъ. Выросшій въ семьѣ баптистовъ, онъ былъ почти всецѣло поглощенъ религіозными исканіями. Всѣ свои силы онъ посвящалъ своему журналу, основанному въ 1905 году, и капитальному изслѣдованію, подъ заглавіемъ: „Законъ Божій Ветхаго и Новаго Завѣта", изъ котораго онъ успѣлъ опубликовать только первую часть. Журналъ, издававшійся Прохановымъ, былъ, какъ

гласилъ его подзаголовокъ, журналомъ сыновъ свободы, поклоняющихся отцу въ духѣ истины.

Ульяновъ, Г. К. († въ апрѣлѣ 1912 г., 53 лѣтъ), бывшій профессоръ и ректоръ варшавскаго университета, выдающійся спеціалистъ по сравнительному языкознанію. Былъ попечителемъ рижскаго учебнаго округа, а потомъ товарищемъ министра просвѣщенія Шварца, и его наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ въ кампаніи противъ университетской автономіи; умеръ сенаторомъ.

Философова, Анна Павловна († въ мартѣ 1912 г., 75 лѣтъ), выдающаяся общественная дѣятельница, принимавшая самое дѣятельное участіе въ устройствѣ перваго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ въ Россіи, получившаго названіе „Бестужевскихъ курсовъ". Покойная энергично поддерживала всѣ начинанія, направленныя къ развитію женскаго образованія и женской самодѣятельности. Принимала также участіе въ новомъ женскомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ, добивающемся полнаго равноправія женщинъ и дарованія женщинамъ политическихъ правъ. Была также дѣятельнымъ членомъ общества доставленія средствъ женскому медицинскому институту.

Никольская, Ольга Ярославовна († въ мартѣ 1912 г.), общественная дѣятельница, жена депутата третьей Государственной Думы отъ г. Одессы, организовала въ Елисаветградѣ, по приглашенію земства, книжный складъ, изъ котораго она создала большое книжное дѣло съ филіальными отдѣленіями въ уѣздѣ. Елисаветградскій земскій книжный складъ считается лучшимъ земскимъ складомъ въ Россіи. Кромѣ того она тамъ же организовала общественную библіотеку, народную библіотеку-читальню и спектакли для народа. Въ 1900 г. принимала энергичное участіе въ борьбѣ съ голодомъ. Въ періодъ освободительнаго движенія вступила въ ряды соціалъ-демократической партіи, участвовала въ профессіональномъ рабочемъ движеніи и была секретаремъ совѣта рабочихъ депутатовъ; этимъ пресѣклась ея общественная дѣятельность. Послѣдніе годы провела за границей, гдѣ и умерла.

Читау, Александра Матвѣевна († въ мартѣ 1912 г.), извѣстная артистка Императорскаго театра, современница Островскаго, дебютировавшая на Александринской сценѣ въ 1842 г. Начало ея извѣстности совпало съ постановкой комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись". Она играла преимущественно въ бытовыхъ пьесахъ и прослужила на сценѣ 35 лѣтъ.

Сундукянцъ, Габріэлъ († въ мартѣ 1912 г., 88 лѣтъ), одинъ изъ самыхъ популярныхъ армянскихъ писателей. Литературное имя создала ему комедія „Хатабала" (Переполохъ), посвященная главнымъ образомъ изображенію царившихъ среди армянъ восточныхъ нравовъ. Онъ считался лучшимъ изобразителемъ народнаго быта. Его сочиненія были переведены на русскій языкъ Ю. Веселовскимъ и А. Патурьяномъ.

Пимоненко, Н. К. († въ мартѣ 1912 г., 50 лѣтъ), извѣстный художникъ, участникъ передвижныхъ выставокъ. Свои многочисленныя картины онъ посвящалъ преимущественно малороссійскому жанру. Въ 1904 г. получилъ званіе академика.

Бочаровъ, Николай Петровичъ († въ мартѣ 1912 г., 79 лѣтъ), журналистъ, болѣе 50 лѣтъ работалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ редакторомъ неофиціальнаго отдѣла *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.*

Корсаковъ, Иванъ Ассикритовичъ († въ мартѣ 1912 г., 62 лѣтъ), членъ первой Государственной Думы, присяжный повѣренный. Былъ членомъ тверского и новгородскаго губернскихъ земскихъ собраній. Въ ноябрѣ 1904 г. у него на квартирѣ происходили засѣданія перваго съѣзда земскихъ дѣятелей. Въ Государственной Думѣ онъ примыкалъ къ партіи к.-д. Онъ былъ

членомъ финансовой комиссіи и членомъ комиссіи по разслѣдованію преступленій должностныхъ лицъ. Пользовался извѣстностью какъ хорошій знатокъ земскаго дѣла.

Громова, Анна Ивановна († въ апрѣлѣ 1912 г., 70 лѣтъ). Покойная, состоявшая во главѣ торговой фирмы, много сдѣлала для просвѣщенія и изслѣдованія Сибири. Почти ни одна научная экспедиція за послѣднія 25 лѣтъ не совершалась безъ ея содѣйствія. Она же участвовала матеріально въ снаряженіи экспедиціи И. М. Сибирякова въ Якутскую область и др. Ею же былъ изданъ рядъ научныхъ работъ и между прочимъ „Якуты" В. Сѣрошевскаго. Якутскій музей своимъ существованіемъ тоже обязанъ ей. Она оказывала услуги русскому и парижскому географическому обществамъ и другимъ учрежденіямъ подобнаго рода. Въ Якутскѣ были при ея содѣйствіи открыты школы. Въ 1905 г. она учредила библіотеки въ селеніяхъ по теченію Лены и много содѣйствовала просвѣщенію якутовъ. Она же устроила фельдшерскіе пункты на Ленѣ и оказала услуги духоборамъ, сосланнымъ въ Якутскую область; по этому поводу была въ перепискѣ съ Л. Н. Толстымъ.

Шулятиковъ, Владиміръ Михайловичъ († въ мартѣ 1912 г., 40 лѣтъ), писатель, сотрудникъ многихъ марксистскихъ изданій. Занимался исключительно литературнымъ трудомъ и переводами. Въ 1908 г. выпустилъ книгу: „Оправданіе капитализма въ западноевропейской философіи".

Варнекъ, Леонидъ Николаевичъ († въ мартѣ 1912 г., 55 лѣтъ), бывшій приватъ-доцентъ московскаго университета, главный врачъ 1-й городской Пироговской больницы въ Москвѣ. Послѣдніе годы преподавалъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Спеціальностью его была гинекологія и хирургія. Онъ былъ товарищемъ предсѣдателя въ акушерско-гинекологическомъ обществѣ.

Семеновъ, П. Н. († въ мартѣ 1912 г.), сенаторъ, гофмейстеръ. Съ 1906 по 1909 г. былъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Бокильонъ, К. И. († въ мартѣ 1912 г.), лекторъ французскаго языка. Былъ преподавателемъ Александровской военно-юридической академіи, Николаевской военно-инженерной академіи и въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ.

Герцогиня Вюртембергская, Вѣра Константиновна († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 58 лѣтъ), дочь великаго князя Константина Николаевича. Была замужемъ за герцогомъ Вюртембергскимъ, убитымъ на дуэли. За три года до своей смерти герцогиня изъ православія перешла въ лютеранскую вѣру.

Трэгеръ, Альбертъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 82 лѣтъ), крупный политическій дѣятель современной Германіи и безсмѣнный депутатъ рейхстага съ 1874 г., адвокатъ, нотаріусъ и поэтъ. Незадолго до своей смерти онъ, какъ старѣйшій депутатъ рейхстага, предсѣдательствовалъ въ его первыхъ засѣданіяхъ.

Бриссонъ, Анри († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 77 лѣтъ), выдающійся французскій политикъ, юристъ по образованію. Съ 1876 г. до конца жизни состоялъ членомъ палаты депутатовъ. Во время имперіи примыкалъ къ республиканскимъ кружкамъ, которые вели съ нею борьбу, и участвовалъ въ республиканскихъ изданіяхъ. Въ палатѣ депутатовъ вступилъ сначала въ гамбеттовскую группу „Union républicaine", затѣмъ занималъ мѣсто въ рядахъ радикальной партіи, былъ президентомъ палаты и въ 1898 г., когда возникли политическія осложненія, связанныя съ дѣломъ Дрейфуса, онъ всталъ во главѣ министерства. При ликвидаціи этого дѣла онъ игралъ видную и почетную роль, стараясь пролить на него яркій лучъ свѣта. Въ послѣдніе годы онъ опять былъ избранъ президентомъ палаты (съ 1904 г.). Онъ былъ сторонникомъ секуляризаціи и за это навлекъ

на себя ненависть всѣхъ реакціонеровъ Франціи, видѣвшихъ въ немъ наиболѣе опаснаго врага, поэтому онъ былъ однимъ изъ людей, подвергавшихся наиболѣе яростнымъ нападкамъ со стороны реакціонной печати.

Моно, Габріель († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 68 лѣтъ), французскій историкъ, профессоръ въ „Collège de France", женатый на дочери Герцена. Ему принадлежитъ много цѣнныхъ историческихъ трудовъ, преимущественно по исторіи Франціи. Пользуется извѣстностью его обширная Библіографія по исторіи Франціи, въ которой поименованы болѣе четырехъ съ половиной тысячъ сочиненій по исторіи дореволюціонной Франціи. Моно былъ однимъ изъ основателей журнала *Revue Historique*, гдѣ помѣстилъ рядъ своихъ статей и изслѣдованій. Въ эпоху дѣла Дрейфуса Моно былъ однимъ изъ горячихъ борцовъ за правду.

Бергеръ, Филиппъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 67 лѣтъ), французскій гебраистъ, сенаторъ и профессоръ въ „Collège de France", гдѣ онъ былъ преемникомъ Ренана. Былъ членомъ академіи надписей. Одинъ изъ выдающихся представителей французскаго протестантства.

Фраммель, Рихардъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 58 лѣтъ), профессоръ, бывшій директоръ женской клиники въ Эрлангенѣ. Въ 1901 г. отказался отъ каѳедры и переѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ былъ однимъ изъ основателей гинекологическаго общества.

Мессершмитъ, Іоганнесъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 51 года), профессоръ и директоръ мюнхенской сейсмологической обсерваторіи.

Іориссенъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 82 лѣтъ), южно-африканскій политическій дѣятель, сыгравшій большую роль въ исторіи южной Африки. Онъ былъ защитникомъ интересовъ Трансваальской республики.

Ахелисъ, Христіанъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 74 лѣтъ), профессоръ марбургскаго университета, по каѳедрѣ богословія. Раньше былъ священникомъ. Написалъ произведеніе „Praktische Teologie" и др.

Никольсонъ, Эдуардъ, Вильямъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 63 лѣтъ), библіотекарь Бодлеевской библіотеки въ Оксфордѣ. Иниціаторъ союза англійскихъ библіотекъ, носящаго названіе: „Library Association of United Kingdom".

Юбингеръ, Іоганнесъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 57 лѣтъ), профессоръ философіи во Фрейбургѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи о психологіи и исторіи античной и средневѣковой философіи. Его научные труды касаются преимущественно христіанской философіи среднихъ вѣковъ и ренессанса.

Мюнхъ, Вильгельмъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 69 лѣтъ), профессоръ берлинскаго университета, извѣстный педагогъ и писатель по педагогическимъ вопросамъ.

Берентсъ, Александръ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 45 лѣтъ), профессоръ церковной исторіи въ Дерптѣ. Изъ его работъ извѣстна книга „Der Protestantismus in Russland und in den Ostseeprovinzen".

Прибрамъ, Альфредъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 71 года), профессоръ патологіи и терапіи въ нѣмецкомъ университетѣ въ Прагѣ. Оставилъ послѣ себя рядъ выдающихся работъ по медицинѣ.

Швальмъ, Робертъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 66 лѣтъ), профессоръ музыки въ Берлинѣ, композиторъ, написавшій нѣсколько прекрасныхъ пьесъ для мужскихъ хоровъ.

Гюблеръ, Бернардъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 77 лѣтъ), профессоръ государственнаго и церковнаго права въ берлинскомъ университетѣ. Авторъ цѣлаго ряда спеціальныхъ трудовъ.

Тонъ, Августъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 74 лѣтъ), знаменитый юристъ, профессоръ университета въ Іенѣ. Его научные труды относятся къ области римскаго права и общей теоріи

права. Наиболѣе выдающейся работой считается его книга „Rechtsnorm und subjektives Recht", въ которой дано одно изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ опредѣленій права.

Салейль, Раймондъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 57 лѣтъ), профессоръ гражданскаго права парижскаго университета, авторъ многихъ цѣнныхъ юридическихъ изслѣдованій. Онъ особенно интересовался германскимъ правомъ и проблемами, связанными съ новымъ германскимъ гражданскимъ уложеніемъ. Изъ его работъ извѣстны „De la possession des meubles" и „De la personnalité juridique". Въ Парижѣ была учреждена для него спеціальная каѳедра „сравнительнаго законодательства". Оставилъ послѣ себя школу молодыхъ юристовъ, продолжающихъ работать въ указанномъ имъ направленіи.

Пасколи, Джовани († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 57 лѣтъ), итальянскій поэтъ, принадлежавшій къ школѣ Кардуччи и къ неоклассикамъ, старавшимся возродить античную форму стиха. За свои латинскіе стихи онъ нѣсколько разъ получалъ преміи амстердамской академіи наукъ. Онъ перевелъ на итальянскій языкъ „Иліаду" и „Одиссею". Пасколи былъ сыномъ крестьянина, и его юность, проведенная среди полей, наложила неизгладимый отпечатокъ на его поэзію. Онъ превосходно изображаетъ тихую деревенскую жизнь и природу. Пасколи былъ профессоромъ исторіи итальянской литературы въ университетѣ въ Болоньѣ.

Пёницъ, Францъ († въ мартѣ н. ст. 1912 г., 62 лѣтъ), извѣстный берлинскій музыкантъ, арфистъ. Написалъ нѣсколько музыкальныхъ сочиненій для своего инструмента и даже оперу.

Зеелигмюллеръ, Адольфъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 75 лѣтъ), профессоръ психіатріи въ Галле и выдающійся невропатологъ, опубликовавшій цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ по своей спеціальности и множество популярныхъ сочиненій, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуется книга: „Какъ намъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней?"

Стэдъ, Вилльямъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1912 г., 63 лѣтъ), англійскій публицистъ, редакторъ журнала *Review of Reviews*. Началъ свою карьеру въ качествѣ репортера и редактора маленькой газеты. Онъ обратилъ на себя вниманіе разнаго рода разоблаченіями, и тогда ему было поручено редактированіе либеральной вечерней газеты *Pall Mall Gazette*. Продолжая свои разоблаченія, онъ попалъ подъ судъ и былъ приговоренъ въ тюрьму на три мѣсяца. Стэдъ прославился также какъ интервьюеръ. Онъ велъ усиленную пропаганду въ пользу мира и его даже называли апостоломъ мира. Во время бурской войны онъ горячо защищалъ буровъ и навлекъ на себя поэтому сильное негодованіе въ Англіи. Онъ отстаивалъ также и притязанія ирландцевъ и былъ горячимъ сторонникомъ гомруля. Интересовался русскими дѣлами и сначала былъ на сторонѣ русской оппозиціи, но затѣмъ радикально измѣнилъ свою точку зрѣнія и взялъ подъ свою защиту русское правительство. Онъ даже пріѣзжалъ въ Россію, чтобы примирить страну съ правительствомъ, видѣлся съ разными высокопоставленными лицами и съ тѣхъ поръ его статьи сдѣлались апологіей русскаго правительства и были наполнены обвиненіями по адресу прогрессивной Россіи. Послѣдніе годы онъ увлекался оккультизмомъ, переписывался съ „духами" и печаталъ эту переписку въ своемъ журналѣ. Въ Лондонѣ даже возникло связанное съ его именемъ предпріятіе, съ цѣлью вызова духовъ. Стэдъ погибъ во время переѣзда на пароходѣ „Титаникъ" въ Америку, куда онъ поѣхалъ, чтобы описать это „первое" плаваніе громаднѣйшаго въ мірѣ парохода. На журналистскомъ поприщѣ Стэдъ проработалъ 46 лѣтъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1912 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Исторія литературы. — Исторія. — Философія и религія.— Политическая экономія и статистика.— Педагогика и народное образованіе.— Естествознаніе. II. **Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1912 года.**

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

К. Леонтьевъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. — *Его же.* О Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. — *Его же.* Собраніе сочиненій. Т. II и III—Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборникъ.

К. Леонтьевъ. **О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Стр. 152. Съ портр. Ц. 1 р.**

К. Леонтьевъ. **О Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ.) К-во „Творческая мысль“. М., 1912 г. Стр. 40. Ц. 30 к.**

К. Леонтьевъ. **Собраніе сочиненій. Т. II. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Повѣсти и разсказы. М., 1912 г. Стр. 434. Съ портр. Ц. 2 р. Т. III. Id. М., 1912 г. Стр. 481. Ц. 2 р. Изд. В. М. Саблина.**

Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборникъ. Спб., 1911 г. Стр. 425. Съ 4 иллюстр. Ц. 2 р.

Послѣднее время дало много матеріаловъ для изученія одного изъ очень мало извѣстныхъ, но безспорно значительныхъ русскихъ писателей—Константина Леонтьева. Остававшійся въ тѣни всю свою жизнь, онъ былъ почти недоступенъ изученію и въ теченіе 20 лѣтъ, протекшихъ со дня его смерти. Быть можетъ, причиной этого забвенія была реакціонность его политическихъ воззрѣній, но всякій, кто ближе подойдетъ къ нему, безъ труда убѣдится, что сущность К. Леонтьева вовсе не выражается въ политическихъ терминахъ: за политическими взглядами К. Леонтьева открывается метафизическій смыслъ его идей. Свою систему *аморальнаго эстетизма* онъ нигдѣ не высказалъ въ цѣльномъ видѣ, но она разбросана во множествѣ его остро и запутанно написанныхъ статей, появлявшихся, въ большинствѣ случаевъ, по очень случайному поводу. Съ другой стороны, К. Леонтьевъ—очень одаренный беллетристъ, въ раннихъ своихъ произведеніяхъ—во многомъ опередившій свое время тонкимъ анализомъ болѣзненныхъ чувствъ и страстей, позже—создавшій рядъ эпически-спокойныхъ и прозрачныхъ повѣстей изъ ново-греческой жизни. Беллетристика К. Леонтьева, благодаря ея

субъективности („Подлипки“, „Исповѣдь мужа“, „Египетскій голубь“), пріобрѣтаетъ особый смыслъ въ связи съ его пестрой и трагической жизнью, которая значительна не менѣе, чѣмъ его произведенія. Послѣ мучительной, разъѣдаемой самоанализомъ, молодости судьба подарила ему нѣсколько лѣтъ счастія и утоленныхъ страстей—среди пестроты красокъ и происшествій на Востокѣ, гдѣ онъ былъ консуломъ. Но К. Леонтьевъ внезапно оборвалъ свою удачно начатую карьеру, отказался отъ этого счастія, ушелъ на Аѳонъ. Всю свою жизнь, разнообразную и богатую по чувствамъ, и свою антиномичную христіанству эстетическую систему онъ завершилъ монашествомъ, давъ неожиданный, но знаменательный отвѣтъ на послѣдніе религіозные вопросы, проблемы эстетизма разрѣшивъ идеей старчества, раскрывъ новое построеніе христіанства аморальнаго, фаталистическаго. Нужно добавить еще, что въ произведеніяхъ К. Леонтьева какъ эта кипучая борьба, такъ и острыя метафизическія идеи облечены въ очень строгую словесную форму.

Такъ какъ ученіе Леонтьева извѣстно мало, то можно указать, что для начала знакомства съ нимъ очень удобна небольшая брошюра, вышедшая въ изданіи „Творческой мысли“. Она вводитъ въ самый центръ философскихъ идей К. Леонтьева. Письма Леонтьева часто важнѣе его статей. Два письма, помѣщенныя въ брошюрѣ, принадлежатъ къ важнѣйшимъ, такъ какъ затрагиваютъ основу его ученія—эстетизмъ. Кстати здѣсь видно, какъ случайно основная философская проблема связывалась у К. Леонтьева съ вопросомъ о славянствѣ. Но если спорно его положеніе, что „настоящій культурно-*славянскій* идеалъ долженъ быть эстетическаго характера“, то безспорно значительно раскрытіе самаго эстетическаго принципа внѣ временнаго національнаго вопроса. К. Леонтьевъ ставитъ очень отчетливую проблему о томъ, въ чемъ можно найти общеобязательный критерій, и, показывая условный характеръ сужденій этическихъ и религіозныхъ, приходитъ къ мысли, что лишь эстетика можетъ быть критеріемъ для *всего*. Анализируя сущность ея, онъ въ формулѣ „*разнообразіе въ единствѣ*“ находитъ основной принципъ всѣхъ оцѣнокъ. Съ другой стороны, ясно, что „въ явленіяхъ міровой эстетики есть нѣчто загадочное, таинственное“, и эта ирраціональность ея вновь ставитъ на очередь вопросъ о религіи. Однако, въ виду уже доказанной условности этическихъ сужденій, оказывается необходимымъ установить принципы аморальной религіи. Въ письмѣ о Вл. Соловьевѣ Леонтьевъ настойчиво увѣщаетъ: „не пытайтесь морализовать исторію Церкви“, предостерегаетъ отъ „неосторожной теоріи простоты и искренности“. „Исходите всегда мыслью изъ идеи развитія, осложненія и смѣшенія“—такъ еще иначе выражаетъ онъ основной эстетическій постулатъ, заканчивая письмо словами: „Какъ видите, идею эту можно съ успѣхомъ и къ религіи приложить“. Такъ въ небольшой, но крайне содержательной брошюрѣ намѣченъ планъ оригинальной и сильной метафизики, воспоминаніе о которой будетъ плодотворно для философскаго кризиса нашихъ дней.

Также должна заинтересовать современнаго читателя и книга К. Леонтьева „О романахъ Толстого“. Въ литературѣ о Толстомъ она стоитъ на видномъ, хотя и одинокомъ мѣстѣ, являя собой образецъ холодной, строго эстетической критики. К. Леонтьевъ написалъ не много критическихъ статей (онѣ займутъ только одинъ томъ въ собраніи его сочине-

ній), но принципъ оцѣнки всего литературнаго матеріала данъ имъ достаточно ясно. Всю жизнь очень послѣдовательно онъ оставался на позиціи эстетизма (очень примѣчательна его статья о „Наканунѣ“ Тургенева) и былъ врагомъ уродливостей русскаго реализма, противопоставляя ему „эѳирные стихи Тютчева“ и всего Пушкина, „который не оскорбитъ ничѣмъ самаго причудливаго вкуса“. Въ романахъ Толстого К. Леонтьевъ находитъ реализмъ *истинный,* но, съ непоколебимой строгостью судя стиль, психологическій анализъ и вѣяніе изображаемой эпохи у Толстого, онъ прослѣживаетъ вліяніе на нихъ пріемовъ русской натуральной школы, отъ которыхъ все больше и больше освобождался Толстой, поднявшись до предѣльной чистоты стиля въ своихъ простонародныхъ разсказахъ, которые „подобны прекраснымъ сосудамъ изъ чистаго, полупрозрачнаго, бѣлаго и дорогого фарфора“.

Эти двѣ книги удобны для перваго знакомства съ К. Леонтьевымъ, который, наконецъ, становится доступенъ и полному изученію: выпускомъ II и III томовъ начато изданіе собранія его сочиненій. Вышедшіе томы отданы его ново-греческимъ повѣстямъ, которыя имѣютъ далеко не одинъ этнографическій интересъ. Прелесть ихъ въ томъ, что К. Леонтьеву удалось выдержать тонъ простого разсказчика, влюбленнаго во всѣ подробности внѣшней жизни. Торжество семейныхъ традицій, простыхъ и мудрыхъ людей надъ призрачными мечтаніями, счастливая развязка спокойнаго и подробнаго разсказа, живописнаго по пейзажу, яснаго по чувствамъ,—таковъ этотъ основной тонъ. Наибольшей цѣльности онъ достигаетъ въ разсказахъ „Хризо“ и „Аспазія Ламприди“ (т. II). Спокойствіемъ эпическаго повѣствованія, порожденнаго короткими, но яркими удачами въ жизни, вполнѣ прикрыта „нестерпимо-сложная“ душа Леонтьева. Иного тона романъ „Египетскій голубь“ (т. III), не вошедшій въ изданное при жизни его собраніе разсказовъ „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“. Здѣсь восточная обстановка не успокаиваетъ, но только обостряетъ напряженно-лирическія переживанія, и неутолимая тоска разрастается до такой силы, что разсказъ становится невыносимымъ для самого автора, и онъ обрываетъ его. Слѣдующіе томы собранія должны выйти въ теченіе этого года. 4 тома беллетристики, 3 тома публицистическихъ и 1 томъ критическихъ статей, 1 томъ воспоминаній и 3 тома писемъ,—таковъ планъ изданія. Имя редактора—І. И. Фуделя—служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ тщательности исполненія.

Наконецъ, вышедшій въ Петербургѣ большой сборникъ „Памяти К. Н. Леонтьева“ даетъ обильный біографическій матеріалъ. Съ большой любовью и обстоятельностью написана А. М. Коноплянцевымъ біографія К. Леонтьева, повѣствующая не только о внѣшнихъ фактахъ жизни, но также и о движеніи чувствъ и развитіи идей. Имъ же составлена почти безукоризненно библіографія всего напечатаннаго Леонтьевымъ и о немъ. При внимательномъ просмотрѣ этого списка мы нашли въ немъ лишь самыя незначительныя ошибки („Сутки въ аулѣ“ напечатано не въ 8-ой кн. *Отеч. Зап.* 1858 г., а въ 7-ой; „Ай-Буруна“ напечатанъ не въ 7-ой кн. *Отеч. Зап.* 1867 г., а въ *томѣ* 7-омъ, книга 14). Воспоминанія К. А. Губастова также должны быть отнесены къ важнѣйшему въ сборникѣ: они даютъ неоцѣнимый матеріалъ для изученія наиболѣе неяснаго въ жизни К. Леонтьева—восточнаго ея періода и душевнаго кризиса, такъ внезапно увлекшаго его въ монастырь. Въ

сборникѣ перепечатана изъ *Русскаго Вѣстника* 1903 г. очень яркая статья В. В. Розанова; слѣдовало бы только перепечатать помѣщенныя вмѣстѣ съ нею очень важныя письма Леонтьева. Сборникъ снабженъ хорошими портретами К. Леонтьева и его автографомъ. Приходится только пожалѣть, что редакторы сборника не отказались отъ помѣщенія въ немъ незначительной статьи А. В. Королева и поистинѣ безобразной замѣтки Б. В. Никольскаго.

Б. Грифцовъ.

ИСТОРІЯ.

Русскія новости по всеобщей исторіи.

(Дек., янв., февр.)

Оправдывать предпринимаемый четвертной обзоръ не приходится; скорѣе слѣдуетъ найти извиненіе, почему давно назрѣвшая и всѣми сознаваемая потребность не находила пока удовлетворенія.

Затрудненія, дѣйствительно, велики, и единоличному почину нѣтъ возможности ихъ осилить. Вѣдь, помимо естественныхъ затрудненій, хорошо извѣстныхъ и на Западѣ, у насъ существуютъ еще и спеціальныя „бытовыя“: плохая освѣдомленность книжнаго рынка, странная, по неоспоримая тенденція *локализовать* книгу (петербургское изданіе часто „не вхоже“ въ Москву!) неестественно малый тиражъ и т. п.

Этими общими затрудненіями не только лишній еще разъ подчеркивается желательность надежной библіографіи, но ими же опредѣляется и ея *типъ:* не просто перечень новинокъ, но *библіографія освѣдомительная,* съ краткимъ освѣщеніемъ существеннаго и, если возможно, краткой же критической акцентуировкой.

Полнота, разумѣется,—conditio sine qua non. Реферироваться должны не только новыя книги, но и *статьи* (въ данномъ случаѣ разсматриваются 53 періодическихъ русскихъ изданія). Стремленіе къ полнотѣ не исключаетъ, съ другой стороны, и необходимаго самоограниченія: нужно размежеваться съ соприкасающимися дисциплинами, отмежеваться отъ спеціально русской исторіи (на почвѣ юбилейной литературы—особенно сложно), отбросить, наконецъ, все ультра-популярное, а тѣмъ паче quasi-историческую литературу эфемеридъ, созданныхъ злобой дня.

Затрудненій—преизбыточно. Тѣмъ не менѣе группа историковъ: г-жи Е. А. Ефимова, В. М. Панина, М. П. Титова, Д. Г. Зандбергъ и гг. И. И. Шитцъ, В. Н. Перцевъ, А. М. Васютинскій и нижеподписавшійся, считаютъ необходимымъ и стбящимъ сдѣлать первый опытъ viribus unitis. Въ качествѣ понятнаго желанія высказывается просьба, чтобъ *издатели* облегчили и безъ того сложную задачу своевременной присылкой историческихъ своихъ изданій.

Д. Егоровъ.

I. Философія исторіи и методологія.

1. Н. И. Карѣевъ. **Собраніе сочиненій. Т. I. Исторія съ философской точки зрѣнія. Кн-ство „Прометей“ Михайлова. Спб. Стр. 199+IV. Ц. 1 р. 25 к.**

Первый томъ собранія сочиненій проф. Карѣева заключаетъ въ себѣ пять главъ, посвященныхъ вопросамъ соціологіи и теоріи исторіи: 1) теоретическія воззрѣнія исторической науки; 2) задачи соціологіи и теоріи исторіи; 3) философія, исторія и теорія прогресса; 4) свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса; 5) идея прогресса въ ея историческомъ развитіи. Способъ трактованія этихъ вопросовъ находится въ связи съ принадлежностью автора къ субъективной школѣ соціологіи.

2. Н. Н. Алексѣевъ. **Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Очерки по исторіи и методологіи общественныхъ наукъ. Ч. I. Механическая теорія общества. Историческій матеріализмъ. М., 1912 г. Ц. 2 р.**

Въ книгѣ три отдѣла: первый знакомитъ съ механической соціальной теоріей, какъ она сложилась въ XVII в.; второй изображаетъ историческую реакцію, ко-

торая, главнымъ образомъ, въ лицѣ Монтескье, подвергнула сомнѣнію научную плодотворность соціальной физики; въ третьемъ отдѣлѣ излагается теорія историческаго матеріализма, какъ возрожденіе натуралистическихъ аналогій въ соціальныхъ наукахъ. Формулировка общихъ принциповъ теоріи дѣлается, главнымъ образомъ, по Марксу; авторъ сознательно обходитъ *литературу* объ историческомъ матеріализмѣ.

3. Эдуардъ Мейеръ. **Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Перев. Я. Малинина. 2-е изд. М., 1911 г. Стр. 71. Ц. 60 к.**

На фонѣ грандіозной Geschichte des Altertums, создавшей, можно сказать, цѣлый переворотъ въ изученіи древняго міра, теоретическіе взгляды автора, выступающаго противъ „новаторовъ“ (главнымъ образомъ противъ извѣстнаго проф. К. Лампрехта) и являющагося какъ бы защитникомъ „консерватизма“, получаютъ особый интересъ. Задача автора—предостеречь отъ необоснованныхъ, хотя бы и красивыхъ, схематизацій.

4. Веретенниковъ. **Пріемы разработки цифрового историческаго матеріала (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., январь. Стр. 120—136).**

Авторъ на рядѣ примѣровъ (главнымъ образомъ трудовъ по русской исторіи, особенно Н. Рожкова и Ю. Готье) выясняетъ необходимость осторожно пользоваться цифровымъ матеріаломъ для построенія историческихъ выводовъ и указываетъ на необходимость знанія статистической методологіи при оперированіи съ цифрами.

5. С. Соловьевъ, проф. **Новая Сорбонна (Вѣстн. Харьк. Ист. Филол. Общ. Вып. I. 1912 г. Стр. 70—75, 82, 83).**

Сообщеніе о горячей полемикѣ во французской спеціальной и общей прессѣ по поводу „новой“ Сорбонны, отказавшейся „подъ вліяніемъ примѣра *нѣмцевъ*“ отъ прежней славной традиціи *широкихъ* историко-филологическихъ задачъ и перешедшей на кропотливую quasi-спеціализацію чисто-*прикладного* характера. Точка зрѣнія *противниковъ* (между ними Леруа-Болье, Ренэ Думикъ) „новаго“ направленія изложена въ книгѣ *Agathon:* „L'ésprit de la nouvelle Sorbonne“... 1911 и интересна критикой нѣкоторыхъ методологическихъ пріемовъ.

II. Вспомогательныя дисциплины.

6. Д. Егоровъ. **„Опытъ библіографіи всеобщей исторіи“ (Русская Мысль, 1912 г. кн. I).**

Разборъ книги *P. Herre:* „Quellenkunde sur Weltgeschichte“ 1910 (стр. 400, цѣна 5 мар.), представляющей изъ себя интересную попытку дать библіографію-*выборку* на протяженіи *всей* всеобщей исторіи. Преимущества книги—новизна и принципіальная полезность предпріятія; недостатки — плохо мотивированный отборъ и отсутствіе нѣкоторыхъ крупныхъ эпохъ (наприм., „крито-микенской“).

7. Н. Карѣевъ. **Два новыхъ нѣмецкихъ исторіографическихъ труда (Журн. Мин. Нар. Просв. Январь 1912 г. Стр. 162—171).**

Авторъ обращаетъ вниманіе на книги *Gustav*'а *Wolf:* „Einführung in das Studium der neueren Geschichte“. Berlin, 1910, и *Paul*'а *Herre:* „Quellenkunde zur Weltgeschichte“. Leipzig, 1910, изъ которыхъ первая даетъ исторіографическій обзоръ литературы по новой исторіи, сопровождаемый авторскимъ текстомъ, а вторая (см. выше № 6)—только указатель книгъ и статей безъ текста. Главный упрекъ проф. Карѣева авторамъ—ихъ незнакомство съ русской литературой.

8. Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 3. Графика у славянъ. Спб., 1911 г. Стр. 262. Ц. 2 р.

Въ этюдѣ о славянскихъ рунахъ акад. И. Ягичъ поддерживаетъ и развиваетъ прежній свой выводъ о безусловной *подложности* якобы „руническихъ“ надписей, найденныхъ въ Мекленбургѣ, Познани и Краковѣ; надписи сфабрикованы ad hoc и авторъ указываетъ и *источники* подлога, почему горячій споръ на эту тему можно считать окончательно исчерпаннымъ.—Бо́льшая часть выпуска (стр. 51—до конца; 36 табл.) посвящена тѣмъ же авторомъ *глаголическому письму* (исторіографія, матеріалъ, палеографія вопроса). Особнякомъ стоитъ небольшая статья В. Гардтгаузена: „Греческое письмо IX—X стол.“.

Рецензія Н. Петровскаго, Уч. Зап. Казан. ун. 1912 г., мартъ.

9. I. В. Вигу. **Хронологическій циклъ болгаръ. Перев. съ англ. съ прилож. замѣчаній В. Н. Златарскаго, переведенныхъ съ болгарскаго. Казань, 1911 г. Стр. 72. Ц. 50 к.**

Статья англ. византиниста (автора двухтомной „Hist. of the later Roman Empire") помѣщена была сперва въ Byzant. Zeitschrift, XIX (1910) и представляетъ рискованную попытку „числового" объясненія ряда загадочныхъ словъ надписи въ Catalar. Противъ Bury выступилъ лейденскій ученый I. Marquard (Изв. русск. археол. инст. въ Констант., XV, 1911 г. Стр. 1—30: „Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgar. Fürstenliste").

III. Культура и бытъ.

10. Н. Мацокинъ. **Материнская филіація въ восточн. и центр. Азіи: у тибетцевъ, монголовъ, лоло и таи. (Изв. Восточн. Инст., XXXVI, вып. 2).**

Основной тезисъ автора: матріархатъ, какъ заключительная стадія материнскаго общества, существуетъ и проявляется у тибетцевъ, монголовъ и т. д. Статья изобличаетъ большую эрудицію и даетъ много новаго матеріала.

11. Н. Я. Марръ. **Кавказъ и памятники дух. культуры. (Рѣчь въ торж. собраніи Имп. акад. наукъ.) (Изв. Имп. акад. наукъ, 1912 г., № 1.)**

Авторъ освѣщаетъ въ легкой, популярной формѣ важность изученія Кавказа для исторіи духовной культуры.

Исторія Грузіи и Арменіи представляетъ весьма интересныя данныя для исторіи библейской, первыхъ вѣковъ христіанства, фольклора, исторіи христіанскаго искусства и археологіи (Вишапы—языч. храмы IX—VIII вв. до Р. Х.).

IV. Исторія всеобщая и отдѣльныхъ странъ.

12. М. М. Ковалевскій. **Великобританія (исторія). Энциклопед. словарь т-ва Гранатъ и К°. Т. VIII. Стр. 224—691. Т. IX. Стр. 1—258.**

Обширная статья проф. К. охватываетъ исторію Великобританіи отъ эпохи первыхъ англо-саксонскихъ поселеній и до царствованія короля Эдуарда VII. Изложеніе всестороннее, касающееся и политическихъ судебъ Англіи, и ея экономической эволюціи въ новое время; много вниманія авторъ удѣляетъ въ послѣднихъ главахъ и росту англійскаго имперіализма.

13. Н. П. Борецкій-Бергфельдъ. **Венгрія (исторія). Энциклопедическій словарь т-ва Гранатъ и К°. Т. IX. Стр. 379—406.**

Авторъ начинаетъ свою исторію Венгріи съ момента, предшествующаго образованію Венгерскаго государства—съ поселенія мадьяръ въ области Урала, Дона и у береговъ Азовскаго моря—и заканчиваетъ ее венгерскимъ сеймомъ 1867 года.

V. Древній Востокъ.

14. Б. Тураевъ, проф. **Исторія древняго Востока. Часть I. Спб., 1911 г. Стр. 349. Ц. 2 р. 75 к.**

И какъ первый русскій оригинальный трудъ по исторіи древняго Востока, и какъ трудъ образцовый, съ богатѣйшимъ подборомъ первоисточниковъ въ мастерскомъ переводѣ, опубликованныя, наконецъ, лекціи нашего извѣстнаго египтолога являются крупнымъ событіемъ. Вышедшій I т. содержитъ исторію Междурѣчья, Принилья, Передней Азіи, Сиріи и Финикіи до XI в. до Р. Х., а также широкое по замыслу Введеніе, обзоры и этюды по исторіографіи, хронологіи, географіи и этнографіи.

15. Ф. Деличъ. **Библія и Вавилонъ. Перев. съ нѣм. Спб., 1912 г. Стр. 129. Съ рис. Ц. 75 к.**

Данное изданіе (4-е) знаменитыхъ лекцій F. Delitzsch'a значительно расширено (переведенъ впервые еще и „третій" докладъ). Желательно еще опубликованіе отвѣта-апологіи Делича (Rückblick und Ausblick), чтобъ дать русскому читателю *всю* серію Babel und Bibel. Переводъ и иллюстраціи (опущены лишь полихромы)—хороши.

16. Ф. Деличъ. **Вавилонъ и Библія.** (=**№ 55, Всеобщая библіотека, Спб., 1912 г. Ц. 10 к.**).

Въ томъ же объемѣ, какъ и предыдущій переводъ; иллюстрацій совершенно нѣтъ; отсутствуетъ и комментарій.

17. Очерки по еврейской исторіи и культурѣ. Историч. хрестом. Т. I. Библейск. періодъ. Ред. М. И. Кулишера и Л. А. Сева. Сост. М. А. Соловейчикъ Спб. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.

Первый и притомъ удачный опытъ популярной хрестоматіи по исторіи еврейства. Вышедшій въ свѣтъ томъ обнимаетъ такъ называемый библейскій періодъ, т.-е. отъ начала XIII — V вв. до Р. Х. и отъ вступленія израильтянъ въ Палестину до эпохи Эздры и Неемін. Литературные памятники и историческіе источники, а также историческія статьи поставлены рядомъ и въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Использованы труды виднѣйшихъ гебраистовъ. Многое взято изъ Benzinger'a, Reuss'a и Kittel. Библейскіе отрывки переведены заново, въ основу перевода легъ трудъ Kautsch'a. Приложенія посвящены: 1) проблемѣ библейской науки; 2) Библіи какъ историческому источнику; 3) главнѣйшимъ результатамъ раскопокъ въ странахъ востока. Иллюстраціи—сносны.

18. Соціальныя отношенія израильтянъ. Переводъ съ нѣмецкаго свящ. А. Глаголева. Спб., 1912 г. Стр. 95. Ц. 80 к.

Выпущенный теперь въ видѣ отдѣльнаго оттиска переводъ (полный?) А. Глаголева книги F. Buhl „Die socialen Verhältnisse der Israëliten" печатался уже въ Сообщеніяхъ Импер. Палест. Общ. за 1908—1911 гг.

Авторъ разсматриваетъ соціальное и политико-экономическое развитіе израильтянъ въ Хананейскій періодъ, до и послѣ Вавилонскаго плѣненія, причемъ указываетъ, что на это развитіе съ одной стороны наложила отпечатокъ ихъ прежняя пастушеская жизнь номадовъ въ пустынѣ, являющаяся собственно творческимъ періодомъ, когда благодаря дѣятельности Моисея былъ созданъ Израиль, какъ органическое цѣлое, съ другой—ихъ поселеніе въ странѣ, стоящей на довольно высокой культурной ступени. Дальнѣйшій толчекъ этому развитію сообщило пребываніе израильтянъ въ центрѣ міровой торговли—Вавилонѣ, въ результатѣ котораго оживилась экономическая жизнь и развилась ихъ торговля, тогда какъ до Вавилонскаго плѣненія они были народомъ преимущественно земледѣльческимъ.

19. Еврейская энциклопедія. Подъ редакц. А. Гаркави и д-ра Каценельсона. Т. XI. (Миддотъ—Община). Спб. Ц. 4 р.

Составлено по образцу и подъ вліяніемъ Jewish Encyclopedia. Изъ крупныхъ статей нужно отмѣтить: „Моисей", „Монтефіоре", „Неемія", „Обвиненіе евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью".

20. В. П. Рыбинскій. **Изъ исторіи самарянъ (Труды Кіевской дух. акад. 1912 г., январь. Стр. 119—162).**

Въ первой части своей статьи авторъ доказываетъ достовѣрность арамейскихъ документовъ кн. Ездры вообще и въ частности достовѣрность 4-й гл. 8—23 стиха 1-й книги; во 2-й даетъ краткій очеркъ исторіи Самарійской области со времени ассирійскаго владычества до нашихъ дней, главнымъ образомъ на основаніи Библіи и эллинистической литературы.

VI. Греческій міръ.

21. Алексѣй Захаровъ. **Къ легендѣ о Миносѣ и Минотаврѣ. (Гермесъ, 1912 г., № 3).**

Крито-минойская религія сближается съ религіей египтянъ на основаніи двухъ египетскихъ церемоній съ участіемъ быка, которыя могли дать поводъ къ возникновенію нѣкоторыхъ подробностей въ миѳѣ о Миносѣ и Минотаврѣ.

22. Вячеславъ Ивановъ. **Эпосъ Гомера. (Вступительный очеркъ къ „Поэмамъ Гомера" въ переводѣ Гнѣдича и Жуковскаго, съ иллюстр. Флаксмана. Изд. „Окто", М., 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.).**

Статья занимаетъ 67 стр., трактуетъ въ доступной формѣ гомеровскій вопросъ и даетъ подробный анализъ состава „Иліады", менѣе подробный—„Одиссеи". Подробный (отрицательный) отзывъ В. Брюсова о попыткѣ редактора, А. Е.

Грузинскаго „подновить“ старомодный переводъ Гнѣдича—*Русск. Мысль,* 1912 г., апрѣль.

Одновременно вышли:

„Иліада“ Гомера, въ переводѣ *Н. Минскаго,* 3-е изд. Спб., 1912 г. Стр. 358. Ц. 1 р. 25 к.

„Одиссея“, въ переводѣ *Жуковскаго,* съ рис. Преллера; предисловіе (краткое, въ 2 стр.) проф. Ѳ. Зѣлинскаго. Спб., 1911 г. Стр. 311. Ц. 8 р., въ переплетѣ 10 рублей.

23. Е. Н. Когаровъ. **Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., февраль. Стр. 61—91).**

Разсматривая фетишизмъ какъ универсальную форму примитивнаго мышленія, находя его пережитки въ религіи всѣхъ странъ, авторъ сначала опредѣляетъ психологическія предпосылки фетишизма, а затѣмъ даетъ обзоръ и классификацію главнѣйшихъ типовъ древне-греческихъ фетишей.

24. Д. Рапопортъ. **Культура оливокъ въ Аттикѣ и реформа Солона. (Гермесъ, 1912 г., № 1 и 2).**

Попытка связать Солонову сисахѳію съ появленіемъ въ VII в. культуры оливокъ; при введеніи этой культуры аттическіе крестьяне попали въ матеріальную зависимость отъ ссужавшихъ ихъ богачей-помѣщиковъ, что и вызвало кризисъ, разрѣшившійся реформой Солона.

25. Теодоръ Гомперцъ. **Греческіе мыслители. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Е. Герцыкъ и Д. Жуковскаго. Т. I. 1911 г. Стр. 485. Ц. 2 р. 75 к.**

Первый томъ книги Гомперца охватываетъ исторію греческой мысли отъ древне-іонійскихъ натурфилософовъ до старшаго поколѣнія софистовъ и разсвѣта историческаго знанія въ концѣ V в. въ лицѣ Ѳукидида. Книга, какъ извѣстно, написана въ строго-научномъ духѣ, хотя и предназначена для широкаго круга интеллигентныхъ читателей. Въ концѣ приложено около 50 стр. примѣчаній, подкрѣпляющихъ выводы автора многочисленными ссылками на источники. Переводъ хорошъ.

26. С. П. Шестаковъ. **Рецензія на книгу Grundy. Thucidides and the history of his age. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., январь. Стр. 137—161).**

Рецензентъ находитъ много новаго и оригинальнаго въ книгѣ Grundy (напримѣръ, въ признаніи соціалистическаго характера аѳинской политики конца V в., въ разработкѣ постановки военнаго дѣла у грековъ, въ доказательствѣ, что разсказъ о сицилійской экспедиціи первоначально былъ обработанъ Ѳукидидомъ, какъ монографія).

27. Софоклъ. **Электра. Перев. проф. Ѳ. Зѣлинскаго. („Вѣстн. Евр.“ 1912 г., начиная съ февраля. Стр. 25—59).**

28. Артюшковъ. **Котурнъ и маски. Эврипидъ, Плавтъ, Теренцій въ художеств. переводахъ. М., 1912 г. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.**

Переводы—хороши, но *не полны* (купюры—произвольны).

29. А. Фуртвенглеръ. **Значеніе гимнастики для греческаго искусства. Перев. Э. В. Диль (Гермесъ, 1912 г., № 4). Ст. еще не окончена.**

Гимнастику, какъ искусство, авторъ считаетъ достояніемъ эллинской культуры; варвары не знали гимнастики. Римляне подражали грекамъ, но у нихъ не было такого умѣнія видѣть и воплощать видѣнное, какъ нѣтъ этого и у современныхъ англичанъ, при всей ихъ любви къ физическимъ упражненіямъ. Совпаденіе гимнастическаго развитія тѣла и художественнаго творчества имѣло мѣсто только одинъ разъ во всемірной исторіи,—у эллиновъ.

VII. Римскій міръ.

30. И. В. Нетушилъ, проф. **Обзоръ римской исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ университетѣ и на харьк. высш. жен. курсахъ. Харьковъ, 1912 г. Стр. 410. Ц. 3 р. 25 к.**

Книга—полный обзоръ римской исторіи отъ эпохи царей и кончая раздѣломъ единой имперіи на восточную и западную половины и соціальнымъ разслоеніемъ

населенія въ IV вѣкѣ. Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ обзоръ римской исторіографіи, надписей, монетъ и археологическихъ памятниковъ. Изложеніе—сжатое, скупое; факты политическіе доминируютъ.

31. Таль. **Наемъ труда своеобразныхъ лицъ въ римскомъ правѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., февраль. Стр. 209—257).**

Авторъ доказываетъ, что въ римскомъ гражданскомъ правѣ отсутствуютъ юридическія нормы, опредѣляющія права и обязанности нанимателя по отношенію къ личности нанимавшагося. Это онъ объясняетъ несовмѣстимостью хозяйской власти римскаго домохозяина съ вмѣшательствомъ государства въ жизнь дома и равнодушіемъ общества къ юридическимъ послѣдствіямъ закабаленія.

32. С. Н. Вѣховъ, прив.-доц. **М. Порцій Катонъ (актовая рѣчь) (Варшав. унив. изв. 1912 г., №№ 1 и 2)—продолженіе статьи (33—55 стр.), начатой въ 1911 г.**

Окончивши краткій очеркъ соціальной и государственной жизни Рима въ VI вѣкѣ, авторъ приступаетъ къ характеристикѣ М. Порція Катона и даетъ описаніе дѣятельности Катона въ Испаніи.

33. Михаилъ Хвостовъ, проф. **Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. (Уч. Зап. Казанск. Унив. 1912 г., январь 1—16, февраль 17—32).**

Авторъ касается въ вышедшей пока части своего труда (диссертаціи) положенія текстильной промышленности въ Египтѣ до эпохи Птоломея и доказываетъ, что еще въ фараоновомъ Египтѣ текстильная (особенно льняная) промышленность стояла очень высоко и что Египетъ занималъ въ этомъ отношеніи еще въ доэллинистическое время то же мѣсто въ области Средиземнаго моря, какое Фландрія занимала въ Западной Европѣ XIII—XIV вв.

34. В. А. Мелиховъ. **Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ (*начато печатаніемъ* Вѣра и Разумъ 1912 г., № 2, стр. 209—221 и № 4, стр. 490—498).**

35. Садовъ, проф. **Латинскій языкъ въ богослуженіи древней западной церкви (Христіанское Чтеніе, 1912 г., № 2. и отд. оттискъ. Спб., 1912 г. Стр. 23).**

Не связанный конфессіональными соображеніями въ пользу непремѣннаго первенства латинскаго языка въ западной церкви, авторъ допускаетъ на-ряду съ нимъ и другіе языки (напримѣръ, греческій у римскихъ христіанъ изъ іудеевъ), но все же признаетъ очень раннее употребленіе латинскаго языка въ богослуженіи римскомъ и областномъ (напримѣръ, въ Африкѣ).

36. Л. Дюшенъ. **Исторія древней церкви. Т. I, подъ ред. проф. И. Попова и проф. А. Орлова. М., 1912 г. Стр. 382. Ц. 2 р.**

Французскій академикъ монсиньоръ L. Duchesne долгое время считался рѣдкимъ примѣромъ гармоническаго соединенія строгой научности и столь же строгой ортодоксіи; наиболѣе типична какъ разъ его „Исторія древней церкви", стяжавшая самые лестные отзывы и не-католиковъ и католиковъ (университетъ въ Louvain провозгласилъ автора своимъ „юбилейнымъ" докторомъ). Послѣ 30-лѣтняго безпрепятственнаго распространенія въ видѣ литографированнаго университетскаго курса въ настоящій моментъ (въ связи съ переводомъ на итальянскій языкъ) поднялась энергичная, но мало понятная, травля давно уже „аппробированной" исторіи (подробности см. въ спец. статьѣ эдинбургскаго проф. Ch. Saroléa въ „Preuss. Jahrbücher 1912, Februar).—Книга отличается объективностью, ясностью и обозримостью (охватываетъ она первые три вѣка); нѣкоторыя партіи (генезисъ и распространеніе христіанства, гоненія) несомнѣнно слишкомъ сжаты. Рецензіи: *Труды Кіевск. дух. акад.* 1912 г., январь; *Церковный Вѣстникъ* 1912 г., № 5. (Сообщеніе о помѣщеніи книги въ Index).

VIII. Византія.

37. Ю. Кулаковскій, проф. **Исторія Византіи. I (395—518 гг.), II (518—602 гг.). Кіевъ, 1910—1912 гг. Стр. 533+512. Ц. 6 р.**

Послѣ краткаго общаго введенія (IV в.—императоръ, дворъ, управленіе, финансы, партіи, армія, сословія, церковь) идетъ детальное изложеніе исторіи имперіи по царствованіямъ отъ Аркадія и до (пока!) Маврикія. Въ текстъ вве-

дено много отрывковъ (въ переводѣ) изъ первоисточниковъ; преобладаетъ исторія политическая. Книга возбудила полемику: проф. А. Васильевъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911 г., іюнь), отвѣтъ автора (тамъ же—октябрь), отвѣтъ проф. Васильева (тамъ же—ноябрь). Отзывъ: Д. Егоровъ, *Русская Мысль* 1911 г., декабрь.

38. А. К. Дживилеговъ. **Византія. Энциклопед. словарь т-ва бр. А. И. Гранатъ. Т. X. Стр. 116—137.**

Данъ (на 20 стр.) краткій очеркъ экономической и политической исторіи Византіи отъ раздѣленія имперіи до паденія Византіи въ половинѣ XV вѣка.

39. И. И. Толстой, гр. **Византійскія монеты. Вып. I. Монеты Аркадія, Евдоксіи, Θеодосія II, Евдокіи, Маркіана и Пульхеріи. Спб. Стр. 112. Ц. 4 р. (3 р. подп.).**

Авторомъ задуманъ большой трудъ 8—12 выпусковъ по византійской нумизматикѣ. Въ западной литературѣ имѣются по этому предмету солидные труды Sabatier, Warwick Wrath'а и др., у насъ ощущается настоятельная потребность въ подобномъ трудѣ для всякаго серьезно интересующагося исторіей Византіи. Матеріаломъ послужили автору собственная богатая коллекція и коллекціи Имп. Эрмитажа. Трудъ будетъ содержать описаніе всѣхъ извѣстныхъ автору разновидностей монетъ чеканеныхъ въ имперіяхъ Византійской, Θессалоникійской, Никейской и Трапезунтской, а также подражаній византійскимъ типамъ у готовъ и лонгобардовъ въ Италіи.

Уже первый выпускъ представляетъ большой интересъ для изслѣдователя. Каждому собранію монетъ предпосланъ краткій популярный очеркъ политическихъ и церковныхъ событій въ правленіе соотвѣтствующаго императора. Даны очерки царств. Аркадія, Θеодосія II, Маркіана и Льва I; послѣдній обрывается на описаніи неудачнаго похода „Великой греческой армады" противъ Вандальскаго царства въ 465 г. Желательно было бы помѣщать болѣе хронологическихъ датъ въ указанныхъ очеркахъ. Выпускъ прекрасно иллюстрированъ типами монетъ и въ концѣ приложено 7 прекрасно выполненныхъ таблицъ фототипическихъ снимковъ.

40. В. Пархоменко. **Свидѣтельство продолжателя хроники Регинона о крещеніи св. Ольги. (Вѣра и Разумъ, 1912 г., № 1. Стр. 102—106).**

Замѣтка—pro domo sua противъ проф. И. Козловскаго (*Варш. Унив. Изв.* 1912 г., II). Въ основѣ—небольшая работа В. Пархоменка („Древне-русская княгиня св. Ольга" 1911 г.), содержащая новую, и въ значительной части пріемлемую, гипотезу о мѣстѣ и, особенно, времени крещенія св. Ольги (*не* 959 г., какъ Е. Голубинскій, А. Шахматовъ и др., а конструируемая авторомъ *вторая* поѣздка 960—961 гг.).

IX. Средневѣковье.

41. П. Г. Виноградовъ, проф. **Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб., 1911 г. Стр. 360. Ц. 2 р. 50 к.**

„Въ манорѣ, подобно классическому „городу-государству", сосредоточиваются экономическія, соціальныя и политическія идеи и учрежденія",—говоритъ авторъ, лучшій русскій медіэвистъ. Но „маноръ не былъ изобрѣтенъ или учрежденъ кѣмъ-либо—онъ медленно развился изъ потребностей цѣлаго ряда поколѣній", и такимъ образомъ многосложные этапы его развитія (разсмотрѣны эпохи: кельтійская, римская, англо-саксонская, норманская, феодальная) развертываются въ *полную* исторію средневѣковой Англіи. См. проф. А. Савинъ, *Русская Мысль* 1911 г., XII.

42. Л. Н. Беркутъ, доц. **Іоркскіе трактаты, какъ источникъ для характеристики англійскихъ церковно-политическихъ идей въ эпоху до Конкордата 1107 г. (Варш. Ун. Изв. 1912 г., № 1).**

Пользуясь изданными Г. Бёмеромъ (въ „Mon. Germ. Libelli de lite, t. III) важнѣйшими изъ 35 трактатовъ кодекса 415 Corpus Christi College въ Кембриджѣ, авторъ излагаетъ церковно-политическія воззрѣнія группы Tractatus Eboracensis,—возникшей въ разгаръ спора Генриха Боклера съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ (1101—1104 гг.),—касательно вопроса объ отношеніи церкви къ государству.

43. Фердинандъ Грегоровіусъ. **Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XII столѣтія) съ 4 нѣм. изд., съ дополненіями по новому итальянскому переводу. Перев. В. Н. Линдъ. Т. V. Съ 93 иллюстраціями. Стр. 544. Ц. 3 р. 50 к. Спб., 1912 г.**

V т. „Исторіи города Рима" обнимаетъ періодъ со времени восшествія на папскій престолъ Иннокентія III (январь 1198 г.) до избранія Климента V (іюнь 1305 г.), положившаго начало „Вавилонскому плѣненію". Авторъ въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, даетъ не только подробную исторію города Рима за указанный періодъ, но и всей Италіи въ ея связи съ борьбою папъ и императоровъ. Послѣдняя 7 гл. 10 кн. посвящена обзору римской культуры въ XIII вѣкѣ.

Изданъ V т., къ сожалѣнію, довольно небрежно: встрѣчаются опечатки (имена, годы), мѣстами *оглавленіе перепутано.*

44. А. К. Дживилеговъ. **Венеція (исторія). Энциклоп. словарь т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°, т. IX. Стр. 470—488.**

Очеркъ охватываетъ время венеціанской исторіи отъ V вѣка до нашихъ дней. Но центръ тяжести статьи лежитъ на времени расцвѣта венеціанской торговли въ эпоху средневѣковья. Статья обильно иллюстрирована снимками.

45. Генри-Чарльсъ Ли. **Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Перев. А. Башкирова, подъ ред. С. Лозинскаго. Спб., I (1911 г.), II (1912 г.). Стр. 559+598. Ц. 12 р.**

Полный переводъ французскаго *трехтомнаго* изданія (подъ ред. S. Reinach'a). Какъ извѣстно, трудъ Ли много шире своего заглавія: изложены судьбы внѣцерковной церкви на протяженіи всего Запада за долгій періодъ XII—XVII вв. (катары, вальденсы, франциск. движенія, гуситство, нѣм. мистика, „политическая ересь"), причемъ собственно инквизиція—лишь типичная форма борьбы.— О недостаткахъ I т. русскаго перевода см. Д. Егоровъ, *Русская Мысль* 1912 г., январь; II т. несомнѣнно удовлетворительнѣе; жаль лишь, что по примѣру франц. изданія не данъ указатель собственныхъ именъ для *обоихъ* томовъ, безъ котораго трудно оріентироваться; стоитъ отмѣтить, что цѣна перевода много *выше* оригинала (за 3 тт.—18 франковъ).

Рецензія на тт. I, II см. *Русск. Бог.* 1912 г., февраль.

46. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1912 г. № 1. Manichaica III von Salemann. Факсимиле и переводъ рукописей, заключающихся въ собраніи турфанскихъ древностей русскаго консула въ Урумчи Кроткова.

Дается переводъ и краткіе комментаріи къ тексту. Текстъ агіографическаго содержанія, мѣстами въ формѣ діалога между вѣрующимъ и учителемъ, трактуетъ манихейскую версію о первоначальной борьбѣ злого и добраго начала.

47. М. В. Довнаръ-Запольскій, проф. **Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. Кіевъ. 1911 г. Стр. 363. Ц. 3 р.**

Книга охватываетъ такъ называемый „Кіевскій" періодъ нашей исторіи и интересна не только для русскаго историка: торговыя сношенія съ арабами, Византіей, Западомъ (Скандинавія, Польша, Чехія, Германія, особенно Регенсбургъ), Ганзейская торговля представлены въ достаточно детальной сводкѣ (книга—не изслѣдованіе, а университетскій курсъ) и всѣ отдѣлы снабжены соотвѣтствующей *библіографіей*. Теоретическіе взгляды автора (схемы и условія экономическаго развитія), думается, легко уязвимы.

Отзывъ Б. И. Сыромятникова, ***Вѣстн. Евр.*, май.**

Новая исторія до 1789 г.

48. Вальтеръ Патеръ. **Ренессансъ. Очерки искусства и поэзіи. Пер. С. Займовскаго. М., 1912 г. Стр. 193. Ц. 1 р. 25 к.**

Искренній и заразительный паѳосъ глубокаго знатока и цѣнителя сохранился и въ переводѣ. Написанная въ цѣляхъ эстетической критики, книга даетъ много цѣннаго и историку: таковы очерки о Пико дела Мирандола, о великомъ „любопытствующемъ"—Леонардо да Винча, о Винкельманѣ, какъ „послѣднемъ плодѣ Ренессанса".

49. Гуманизмъ. (Его смыслъ и значеніе въ новой исторіи человѣчества.) Религ. философск. библ. Вып. XXVII. М., 1912 г. Ц. 25 к.

По мнѣнію автора, „идея, составляющая душу новой исторіи человѣчества,—*гуманизмъ*", который онъ опредѣляетъ, какъ „постановку человѣческаго развитія на безусловно самостоятельный путь, внѣ всякаго вліянія и контроля Бога. Краткая формула гуманизма: „изъ *себя, черезъ себя* и *для себя*", въ противоположность формулѣ: „изъ Бога, черезъ Бога, для Бога". Принципъ „абсолютной самостоятельности міра и человѣка" привелъ человѣчество къ глубокому пессимизму, который проникъ въ науку, философію, политику, искусство и теперь „вполнѣ очевидны горькіе и ядовитые плоды, возросшіе и понынѣ растущіе на многовѣковомъ древѣ гуманизма". Авторъ подтверждаетъ свои мысли многочисленными цитатами изъ Горькаго, Чехова, Ренана, Мопассана и друг. Работа публицистическая.

50. П. И. Новгородцевъ, проф. **Лекціи по исторіи новой философіи права XVI—XIX в. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. На правахъ рукописи. Ц. 2 р. Стр. 344.**

Курсъ лекцій проф. Новгородцева начинается съ зарожденія новой философіи права въ XVI в. и кончается изложеніемъ взглядовъ Лоренца Штейна и краткимъ обзоромъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX в. Кромѣ главъ, излагающихъ ученіе отдѣльныхъ представителей философско-правовыхъ ученій, въ книгѣ содержится и одна глава общаго характера, излагающая общее содержаніе идеала свѣтскаго правового государства, возникшаго въ новое время въ противовѣсъ средневѣковымъ правовымъ представленіямъ.

51. К. Харламповичъ. **В. А. Бѣдновъ. Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ. (Ученыя Записки Казанскаго университета. 1912 г., февраль).**

Въ своей рецензіи авторъ горячо рекомендуетъ вниманію спеціалистовъ вышедшую 4 года назадъ диссертацію г. Бѣднова, находя, что она незаслуженно замолчена критикой. Книга разсматриваетъ отношенія XV и XVII вв.

52. О. Пирлингъ. **Димитрій Самозванецъ. Полный переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. М., 1912 г. Стр. 504. Ц. 2 р. 75 к.**

Свой трудъ О. Пирлингъ посвящаетъ главнымъ образомъ выясненію вопроса о взаимоотношеніи между первымъ Лжедимитріемъ, римской куріей и Польшей, благодаря чему онъ имѣетъ значеніе не только для русской исторіи. Особый интересъ представляютъ новыя документальныя данныя, впервые извлеченныя авторомъ изъ архива Ватикана и изъ архива инквизиціи.

Рецензія: А. А. Кизеветтеръ, *Русск. Мысль,* январь, 1912 г.

53. Дж. Флетчеръ. **О государствѣ русскомъ 1591 г. Всеобщ. библ. №№ 120, 121. Спб., 1912 г. Стр. 183. Ц. 20 к.**

Помимо спеціальнаго значенія для русской исторіи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что изображеніе Россіи Флетчеромъ стоитъ въ значительной связи и *зависимости* отъ основныхъ положеній западныхъ „*монархомаховъ*" XVI в.: русскія условія являются для автора какъ бы классическимъ примѣромъ (и отчасти провѣркой) правильности „монархомахическихъ" построеній.

54. П. Д. Спекторскій. **Кризисъ обществовѣдѣнія въ XVII в. (Варшав. Унив. Изв. 1912 г., №№ 1, 2).**

Статья представляетъ продолженіе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ предшествовавшихъ томахъ (стр. 473—520). Въ 4-мъ отдѣлѣ VIII главы авторъ даетъ общую характеристику связи пансофической систематизаціи и математической пансофіи съ энциклопедизмомъ XVIII в. и съ проблемой систематизаціи научныхъ истинъ въ XIX в.—до Канта, Гегеля и Ренана включительно. Большой интересъ представляетъ IX глава, посвященная Эргардту Вейгелю—забытому раціоналисту XVII в.; напечатаны пока I отдѣлъ—біографія Вейгеля и II (неоконченный)—изложеніе его взглядовъ въ сочиненіи „Analysis Aristotelica ex Euclide restituta", гдѣ онъ даетъ теорію раціональной науки и классификацію наукъ.

55. Алексѣй Веселовскій. **Этюды и характеристики. 4-е, значительно дополненное изданіе. М., 1912 г. Ц. за два тома 4 р.**

Извѣстная книга, постепенно разросшаяся до двухъ томовъ, включаетъ нѣсколько статей, интересныхъ и для историка; таковы этюды: „Джордано Бруно", „Дидро", „У Вольтера", „Послѣдній рыцарь" („Агриппа д'Обинье"), „Свифтъ".

56. Э. Гриммъ. (Рецензія.) **Очеркъ по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы XVIII в. Вольтера, Монтескье, Руссо. Критическое изслѣдованіе А. Г. Вульфіуса. Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., февраль. Стр. 357—385.**
Детальный разборъ диссертаціи.

57. Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. III. М., 1912 г. Стр. 796. Ц. 3 р. 25 к.
По исторіи Англіи XVIII в.: промышленный переворотъ (І. Кулишера), кабинетъ и парламентъ (В. Водовозова), политическія ученія (А. Ященко). Общая статья А. К. Дживилегова: „Буржуазія въ XVIII в.“.

58. Н. И. Карѣевъ. **Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г. (Извѣстія Спб. Политехн. Инст. Имп. Петра Вел. 1911 г. Т. XV. Стр. 73—104).**
Авторъ даетъ подробный библіографическій указатель всѣхъ работъ, касающихся положенія французскихъ рабочихъ передъ революціей, сопровождая его краткимъ изложеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые затронуты авторами книгъ и статей.

59. Н. И. Карѣевъ. **Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. (Извѣстія Спб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго. Т. XVI. Отдѣлъ наукъ экономич. и юридич. Стр. 105—179).**
Проф. Карѣевъ подвергаетъ разбору три вышедшихъ въ послѣднее время работы русскихъ авторовъ по экономической исторіи Франціи: статью г. Петрова въ Журн. Мин. Нар. Просв. „Вопросы промышленности и торговли въ наказахъ депутатовъ 3-го сословія Ген. Шт. 1789 г.“, книгу г. Тарле „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“ и статью проф. Лучицкаго „Крестьянство во Франціи въ XVIII в.“ въ „Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени“, т. II. Авторъ указываетъ, что „русская историческая школа“ много уже сдѣлала для изученія стараго порядка во Франціи, и съ высокой похвалой отзывается объ этихъ работахъ русскихъ историковъ. Въ статьѣ г. Петрова (вышедшей изъ семинарія проф. Карѣева) авторъ находитъ много новаго (наприм., въ установленіи очень слабой зависимости экономическихъ требованій наказовъ отъ физіократической доктрины и въ признаніи, что въ „Наказахъ“, наборотъ, доминировалъ основной принципъ меркантилизма—идея выгоднаго торговаго баланса); признавая капитальное значеніе работы г. Тарле, авторъ ставитъ ему въ упрекъ пренебреженіе наказами; статью г. Лучицкаго авторъ считаетъ одной изъ лучшихъ работъ по исторіи аграрныхъ отношеній въ дореволюціонной Франціи. Установленіе авторомъ существованія во Франціи еще до распродажи національныхъ имуществъ мелкой земельной собственности, отсутствія класса батраковъ и слабаго прилива капитала къ земледѣлію—вотъ наиболѣе цѣнные, по мнѣнію автора, выводы статьи проф. Лучицкаго.

60. Максимъ Ковалевскій. **Происхожденіе современной демократіи. Т. I. 3-е, исправл. и доп., изд. Спб., 1912 г. (т-во „Просвѣщеніе“).**
Первый томъ изданія 1893 г. разросся при второмъ изданіи 1901 г. въ двѣ книги; нынѣ первая изъ этихъ книгъ, почти въ томъ же объемѣ, вышла отдѣльнымъ томомъ, обнимая „Общественный строй Франціи во второй половинѣ XVIII в.“ и „Политическій строй Франціи наканунѣ революціи“. Оставаясь при прежнемъ построеніи своей работы, авторъ воспользовался вновь вышедшими матеріалами для обоснованія своихъ взглядовъ.

XI. Новѣйшая исторія.

61. Книга для чтенія (см. выше № 57).
Отмѣтить нужно статьи: „Реформы при Людовикѣ XVI“ (Д. Кончаловскаго), „Реформы въ эпоху Революціи“ (А. Боровового), „Соціальныя движенія“ (В. Филатова), „Политическіе клубы и партіи“ (А. Васютинскаго), „Религіозныя теченія“ (М. Розанова), „Паденіе республики“ (А. Дживилегова), „Вліяніе революціи на Европу“ (Н. Карѣева).

62. М. Ковалевскій. **Очерки соціальнаго быта Франціи. (Вѣстникъ Европы, Іюль—декабрь, 1911 г.)**
На основаніи новаго архивнаго матеріала, вышедшаго за послѣдніе годы во

Франціи, авторъ пересматриваетъ вопросъ о крестьянскомъ землепользованіи, объ общинныхъ угодьяхъ и о положеніи крестьянъ-кустарей и фабричныхъ рабочихъ наканунѣ революціи, а также вопросъ о принудительномъ отчужденіи и судьбѣ національныхъ имуществъ, причемъ приходитъ въ общемъ къ своимъ прежнимъ выводамъ, изложеннымъ въ „Происхожденіи современной демократіи".

63. И. Лучицкій, проф. **Крестьянство и крестьянская реформа во Франціи во время революціи. (Въ III т. „Книги для чтенія", см. в. № 57 и № 59).**

64. И. Лучицкій, проф. **Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в. (начата печат.; „Русск. Бог." 1912 г., февраль).**

Авторъ поддерживаетъ извѣстныя свои прежнія положенія въ полномъ объемѣ.

65. Е. В. Тарле. **Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Спб., 1911 г. (Часть С Записокъ истор.-фил. факультета Спб. университета).**

Первый томъ этого труда вышелъ въ 1909 г. (въ 91-й части тѣхъ же Записокъ) и занятъ былъ исторіей рабочаго класса отъ 1789 до 1791 года; теперь захваченъ періодъ 1792—1799 гг. Кромѣ парижскихъ рабочихъ прибавлены данныя о провинціальныхъ. Отдѣльныя главы посвящены формамъ промышленной дѣятельности во Франціи, промышленной техникѣ, общему состоянію промышленности передъ изданіемъ закона о максимумѣ, эпохѣ дѣйствія этого закона, рабочему классу при конвентѣ и директоріи. Въ числѣ приложенныхъ документовъ два письма Ролана, народное обращеніе къ законодателямъ отъ 31 мая 1793 г., циркуляръ Фуше 1799 г. Сжатый очеркъ представляетъ статья Е. Тарле въ „Книгѣ для чтенія". Т. III, см. № 57. Детальный разборъ проф. Н. Карѣева: *Русск. Бог.* 1911 г., май, іюнь.

66. Н. Карѣевъ, проф. **Парижскія секціи временъ французской революціи (1790—1795).**

Для провѣрки поставленнаго П. Кропоткинымъ тезиса о роли коммунъ и секцій въ революціонную эпоху (въ его трудѣ „La grande Révolution") авторъ предпринялъ пересмотръ литературнаго матеріала вопроса и части секціонныхъ документовъ въ Нац. архивѣ и библіотекѣ. Послѣ краткаго изложенія исторіи вопроса авторъ разсматриваетъ внутреннюю жизнь секцій главнымъ образомъ по труду Mellié: „Les sections de Paris pendant la Rev. française (21 mai 1790 — 19 verd. IV an) Organisation-fonctionnement", пользуясь однако и литературой предмета и архивными матеріалами. Общіе выводы автора одинаковы съ выводами Mellié, такъ что мнѣніе Кропоткина о причинахъ упадка секцій (послѣднія главы его книги) далеко еще не опровергается. Къ труду приложены интересныя приложенія: 1) выдержки изъ секціонныхъ архивовъ; 2) упоминанія объ отд. рев. дѣятеляхъ въ секц. документахъ; 3) краткое упоминаніе о важномъ новѣйшемъ трудѣ Broescha'a по исторіи секцій, которымъ авторъ не успѣлъ воспользоваться; 4) объясненія къ приложеннымъ таблицамъ и рисункамъ.

Таблицы и рисунки равнымъ образомъ представляютъ большой интересъ: секціонныя карточки секцій Вильгельма Телля, Муція Сцеволы, секціи Пико и секціи Единства; пять картъ, хорошо рисующихъ распредѣленіе различныхъ теченій политическихъ и религіозныхъ по секціямъ въ эпоху виднѣйшихъ событій революціи, равно и распредѣленіе активныхъ и пассивныхъ гражданъ. Книга проф. Карѣева безусловно важна для всякаго серьезно интересующагося исторіей Великой революціи.

67. В. М. Устиновъ. **Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. I. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX в. М. Стр. 653. Ц. 5 р.**

Послѣ краткой вводной главы, посвященной проблемѣ народнаго представительства, авторъ даетъ анализъ исторической эволюціи идеи народнаго представительства въ Англіи (стр. 3—185), кончая олигархической системой XVIII, и во Франціи со стараго порядка и до эпохи революціи включительно (стр. 185 до конца). Авторъ обнаруживаетъ солидную эрудицію въ области литературы предмета. Тѣмъ болѣе необъяснимо опущеніе эпохи директоріи, консульства и первой имперіи, коимъ посвящена въ общемъ одна страница (стр. 555—556).

68. Г. Сенъ-Симонъ. **Собраніе сочиненій. Т. I. (Всеобщая библіотека, №№ 172, 173.) Стр. 138. Ц. 20 к.**

Маленькая книжка заключаетъ переводъ трехъ сочиненій гр. Сенъ-Симона: „Письма женевскаго обитателя къ современникамъ“, „Всеобщее тяготѣніе“, „Параболу“. Слогъ перевода хорошъ и точенъ. Переводу предпослано предисловіе проф. В. В. Святловскаго, который выясняетъ общее значеніе Сенъ-Симона для духовнаго развитія XIX в., даетъ его біографію, равно какъ и біографію виднѣйшихъ его учениковъ Базарда и Анфантена, и, наконецъ, излагаетъ идеи Сенъ-Симона и сенъ-симонизма. При такой краткости авторъ не могъ прослѣдить, къ сожалѣнію, эволюцію идей Сенъ-Симона и ограничился ихъ суммарнымъ изложеніемъ. Къ статьѣ приложена литература о Сенъ-Симонѣ (пропущена статья Бернацкаго въ *Совр. Міръ* за 1908 г.) и очень удачный портретъ.

69. Э. К. Пименова. **Наполеонъ I. Историко-біограф. очеркъ. Изд. Универсальн. библ. № 651. М., 1912 г. Ц. 10 к.**

Популярная біографія Наполеона, представленная въ тѣсной связи съ исторіей французской революціи.

70. А. Вандаль. **Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. II. Второй бракъ Наполеона. Упадокъ союза. Переводъ съ 6-го франц. изданія В. Шиловой.**

Авторъ даетъ блестящій и тонкій психологическій анализъ взаимныхъ отношеній Наполеона и Александра послѣ эрфуртскаго свиданія. Онъ прослѣживаетъ шагъ за шагомъ охлажденіе сторонъ другъ къ другу на почвѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, создавшихся благодаря неискренности обоихъ лицъ. Уклончивое поведеніе Россіи во время австрійской кампаніи 1809 г., отказъ въ рукѣ вел. кн. Анны Павловны вызываютъ у Наполеона недовѣріе и раздраженіе по отношенію къ Александру и приводятъ къ мысли заключить бракъ съ австрійской эрцгерцогиней, руку которой услужливо предлагаетъ ему Меттернихъ. Этотъ бракъ сближаетъ Наполеона съ Австріей, что заставляетъ Александра приписывать французскому императору желаніе разорвать союзъ съ Россіей и возстановить Польшу. Наполеонъ же подозрѣваетъ Александра въ измѣнѣ Франціи ради Англіи. По мнѣнію автора, „въ основѣ вражды обоихъ властителей Европы было величайшее заблужденіе“, и война явилась слѣдствіемъ „недоразумѣнія“. II т. заканчивается 1811 г. Переводъ хорошій.

Рецензія: А. А. Кизеветтеръ, *Русск. Мысль* 1912 г., іюнь.

71. Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе подъ редакціей А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М., 1911 г. Т. II. Стр. 270. Т. III. Стр. 227. Цѣна не обозначена.

Настоящее изданіе—коллективный трудъ многихъ спеціалистовъ по соотвѣтственнымъ вопросамъ. Статьи представляютъ собой сводъ всего того, что сдѣлано въ данной области наукой. На-ряду со статьями, посвященными Россіи, имѣются интересныя статьи, характеризующія взаимоотношенія Франціи съ другими государствами Западной Европы въ моментъ ихъ столкновенія съ Наполеономъ. Во II т. ст. *Лучицкаго:* „Наполеонъ и Испанія“, *Федорова:* „Австро-французская война 1809 года“. Въ III т. имѣется всесторонняя характеристика Наполеона и его арміи. Ст. *Дживелегова:* „Наполеонъ“, *Рябинина:* „Наполеонъ, какъ полководецъ“, *Васютинскаго:* „Наполеоновскій солдатъ“, „Военачальники Наполеона“.

72. Наполеонъ на островѣ св. Елены. Сообщ. Тимощукъ. Русск. Стар. 1912 г. январь, февраль.

Матеріалъ сообщенія извлеченъ изъ трудовъ *Frédéric Masson:* „Autour de St. Hélène“. Paris, 1909, I. II и доктора *Barry E. O'Meara:* „Napoléon en exil“. Paris, 1897, I—IV.

Авторъ сообщенія передаетъ бесѣды Наполеона на островѣ св. Елены съ докторомъ O'Meara, съ которымъ Наполеонъ охотно дѣлился своими воспоминаніями о выдающихся событіяхъ и лицахъ своего царствованія. O'Meara систематически записывалъ эти бесѣды и издалъ ихъ по смерти Наполеона. Воспоминанія носятъ отрывочный характеръ. Интересны характеристики маршаловъ, объясненіе Наполеона неудачи похода на Москву, предсказаніе, что Россія овладѣетъ Константинополемъ, станетъ великой морской державой и заполонитъ Европу, которая сдѣлается добычей сѣверныхъ варваровъ.

73. А. Бебель. **Мемуары. Часть II. Вып. II. Переводъ съ рукописи К. Рязанова. Изд. Клочкова. Стр. 217. Ц. 1 р. 50 к.**

Вторая часть мемуаровъ Бебеля является продолженіемъ первой, вышедшей въ русскомъ переводѣ въ 1910 г. и доведенной до 1869 г., и перваго выпуска второй части, касающагося, главнымъ образомъ, самаго конца 60-хъ годовъ и эпохи франко-прусской войны. Второй выпускъ начинается главой объ анексіи Эльзасъ-Лотарингіи и кончается выборами 1878 г. Какъ и первые два выпуска, онъ даетъ обильный матеріалъ для германской исторіи, ибо факты личной жизни Бебеля тѣсно связаны съ обще-политическими событіями германской исторіи за послѣднія 40 лѣтъ. Въ нашемъ выпускѣ особенно подробно изложены исторія нѣмецкой с.-д. партіи въ рейхстагѣ, исторія избирательныхъ кампаній въ отношеніи с.-д. къ правительству. Интересны главы и о съѣздахъ с.-д. партіи. Переводъ удовлетворителенъ.

74. Анучинъ. **Германскій конгрессъ 1878 г. (Русск. Стар., январь, февраль).** Авторъ дневника, непосредственный участникъ конгресса, состоялъ въ распоряженіи русскихъ уполномоченныхъ, кн. Горчакова и графа Шувалова. Дневникъ передаетъ любопытные обрывки разговоровъ, характерныя сценки, рядъ личныхъ впечатлѣній. Пока онъ доведенъ только до второго засѣданія конгресса. Мѣтки и интересны набросанные штрихами портреты главныхъ дѣятелей конгресса.

XII. Внѣевропейскія страны.

75. И. М. Херасковъ. **Американская республика. (Книга для чтенія. Т. III. См. в. № 57.)**

Краткій очеркъ первоначальной колонизаціи, затѣмъ подготовки, хода и результатовъ борьбы съ метрополіей.

76. В. Грубе. **Духовная культура Китая. Литература, религія, культъ. Перев. съ нѣм. П. Эфрусси. Спб., 1912 г. Стр. 237. Ц. 2 р.**

Это—первая книга интересно задуманной серіи („Современное человѣчество“, подъ ред. I. Бикермана), которая должна восполнить рядъ фатальныхъ дефектовъ какъ „школьной“ исторіи, такъ и академическаго ея изученія, ибо „даже въ высшей школѣ всеобщая исторія повѣствуетъ лишь о жизни средиземной расы и о средиземной культурѣ“. Проф. Wilh. Grube—признанный спеціалистъ, и въ данномъ русскомъ переводѣ данъ *рядъ* его статей (наприм., изъ извѣстной энциклопедіи-итога „Kultur der Gegenwart“ и цѣликомъ его книга „Religion und Kultur der Chinesen“ 1910; особенно интересна глава о *народной* религіи). Произведены нѣкоторыя перестановки и сокращенія противъ нѣмецкаго текста.

77. Исторія Сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Соч. Рай-Дзіо-Синей. Кн. II. Минамото I. Переводъ В. М. Мендрина. (Извѣстія Восточнаго Института. 1910—1911 (академ. годъ). Т. XXXVI. Вып. I).

Представляющая интересъ для медіэвиста исторія рода Минамото въ эпоху 938—1183 г. съ примѣчаніями и комментаріями переводчика.

ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ.

Г. Гефдингъ. Философія религіи. Перев. В. Базарова и И. Степанова.

Г. Гефдингъ. **Философія религіи. Пер. съ нѣм. В. Базарова и И. Степанова. Изд. 2-е, испр. и дополн. Стр. 386. „Общественная Польза“. Спб. Ц. 1 р. 75 к.**

Мысль Гефдинга, своеобразная и интересная, но нѣсколько расплывчатая и нецѣльная, подходитъ къ религіи преимущественно извнѣ и объективно, отодвигая внутреннюю, субъективную точку зрѣнія на второй планъ. Она не живетъ въ идеяхъ и антиноміяхъ религіи, не идетъ

сама по ея путямъ; это не есть то особенное религіозно-интуитивное и въ то же время философски-спекулятивное исканіе выхода *изъ* проблемъ и *въ* проблемахъ, которое преобладаетъ въ классическія эпохи философіи. Гефдингъ размышляетъ *о* религіи, о ея историческихъ формахъ, о ея предѣлахъ и возможностяхъ, о ея субъективно-психологическихъ проявленіяхъ, о ея формѣ и содержаніи. Гефдингъ—мыслитель оригинальный и часто тонкій; но въ то же время осторожный, склонный къ эмпирическимъ постановкамъ вопроса, къ индукціи, гипотезѣ, релятивизму. Онъ называетъ себя „критическимъ монистомъ" (стр. 86), но отъ „трансцендентальнаго" критицизма онъ столь же далекъ, сколько отъ теологической спекуляціи. Однако и предѣлы эмпирическаго изслѣдованія тѣсны для его мысли; онъ выходитъ въ теорію познанія, оперируетъ постоянно съ идеей цѣнности, ставитъ вопросъ о *„значеніи"* религіи и объ ея отношеніи къ этикѣ. Но въ этихъ областяхъ скоро обнаруживается нѣкоторая шаткость и невыясненность принципіальныхъ основъ его общаго воззрѣнія: его концепція получаетъ иногда такой уклонъ, который неизбѣжно привелъ бы ее къ вульгарности, если бы вѣрная интуиція не мѣшала ему додумать до конца все сказанное. Такъ, основная идея его изслѣдованія состоитъ въ томъ, что *вѣра въ сохраненіе цѣнности* образуетъ сущность всякой религіи (стр. 14, 89, 94 и др.); но это интересное обобщеніе сразу тускнѣетъ и обнаруживаетъ извѣстную мелкость, какъ только цѣнность опредѣляется, какъ способность вещи доставлять своими свойствами удовольствіе человѣку (стр. 101, 102) или соотв. удовлетворять какую-нибудь потребность его (стр. 15). Хорошо, что впослѣдствіи авторъ не возвращается къ этому опредѣленію цѣнности и даетъ читателю возможность забыть субъективистически-гедонистическій уклонъ въ основной концепціи; но стòитъ только вложить это пониманіе „цѣнности" въ идею о Богѣ, какъ ее устанавливаетъ Гефдингъ („Богъ есть принципъ сохраненія цѣнности среди всѣхъ колебаній и борьбы", происходящихъ въ мірѣ), и сразу станетъ очевиднымъ, куда должна привести автора послѣдовательность. Эта шаткость въ основномъ замыслѣ, нѣсколько напоминающая наивныя и упрощенныя формулы „философіи" прагматизма, разрѣшается въ концѣ изслѣдованія болѣе опредѣленно: сущность цѣнности, въ сохраненіе которой вѣруетъ религія, получаетъ опредѣленно *этическій* характеръ и религія въ содержаніи своемъ подчиняется суду этики (стр. 314, 354). Такимъ образомъ *религія* остается по Гефдингу, въ сущности говоря, безъ самостоятельной сферы, и основаніе этого лежитъ въ томъ эмпирически внѣшнемъ подходѣ, который характеризуетъ все его изслѣдованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на обширную освѣдомленность Гефдинга въ исторіи религіозной мысли, ему не удалось, да и не могло удаться, исчерпать въ индуктивномъ подтвержденіи основного тезиса всѣхъ формъ и видовъ религіозныхъ воззрѣній; но полнота индукціи здѣсь не только невозможна, но и не нужна, ибо можно быть увѣреннымъ, что чѣмъ полнѣе будетъ индукція, тѣмъ бѣднѣе и безсодержательнѣе окажется искомая сущность религіи. Иными словами: значительность и глубина въ познаніи жизни духа блѣднѣютъ и утрачиваются при разсудочно-мертвомъ, отвлеченно-классифицирующемъ изслѣдованіи ихъ. Задачей науки является поэтому выработка *особаго* способа познанія, сохраняющаго научность и совмѣщающаго ее съ внутренно-интимнымъ и живымъ

способомъ видѣнія предмета. Справедливость требуетъ признать, что такой интуитивно-аналитическій путь не вовсе чуждъ философствованію Гефдинга. Чтобы оцѣнить его книгу, ее нужно прочесть.

Переводъ, сдѣланный съ нѣмецкаго, удовлетворителенъ.

И. Ильинъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

Л. Я. Берлинраутъ и *М. С. Раскинъ.* Еврейское населеніе города Вологды.

Л. Я. Берлинраутъ и М. С. Раскинъ. **Еврейское населеніе города Вологды. Опытъ статистическаго обслѣдованія экономическаго, правового и культурнаго состоянія еврейскаго населенія внутреннихъ губерній Россіи. Подъ ред. проф. Императорскаго московскаго университета Н. А. Каблукова. М., 1911 г. Стр. 59. Ц. 40 к.**

Появленіе въ Россіи статистическихъ работъ, направленныхъ на исчерпывающее изученіе небольшихъ типическихъ объектовъ, слѣдуетъ привѣтствовать: у насъ обыкновенно гнушаются „узкими“ темами, и отчасти потому мы не богаты описательнымъ матеріаломъ объ отечественной жизни. Примѣромъ, но далеко не образцомъ, такого статистическаго обслѣдованія является анкета, произведенная авторами среди евреевъ гор. Вологды путемъ непосредственнаго ихъ опроса. Авторы добросовѣстно обошли со своимъ формуляромъ 508 евреевъ гор. Вологды; разгруппировали всѣхъ зарегистрированныхъ по мѣсту рожденія, самостоятельности, возрастному, половому признакамъ; сравнили все это съ данными переписи 1897 г., но вся продѣланная работа носитъ наивно-статистическій характеръ. Результаты не оттѣнены, не оплодотворены никакими соображеніями не только *по поводу,* но и *на основаніи* своихъ данныхъ. Это просто текстъ къ таблицамъ.

Безплодность работы особенно обнаруживается въ главѣ объ экономическомъ положеніи вологодскихъ евреевъ. „Въ этой главѣ,—пишетъ авторъ (эта глава принадлежитъ Раскину),—намъ хотѣлось бы выяснить, развиваются ли здѣсь соотвѣтствующимъ образомъ еврейскія промышленность и торговля, вносится ли ими что-либо новое въ хозяйственномъ отношеніи, преобразуютъ ли онѣ свою внутреннюю организацію“. Именно на эти самые интересные вопросы ни глава, ни вся книжка ничего не отвѣчаютъ. Въ отвѣтъ на это слѣдуютъ таблицы профессіональнаго состава еврейскаго населенія, распредѣленія ремесленниковъ по профессіямъ и констатируется, что „въ экономической жизни мѣстныхъ евреевъ торговля и промышленность играютъ ту же роль, что у евреевъ внутреннихъ губерній вообще“ (стр. 27), и что „по распредѣленію ремесленниковъ (евреевъ) по отдѣльнымъ профессіямъ Вологда мало уклоняется отъ средней величины, характерной для внутреннихъ губерній“ (стр. 29).

Причина безсодержательности такого отвѣта кроется въ томъ, что авторы изучали хозяйственную роль вологодскихъ евреевъ внѣ связи съ экономической жизнью всего городского района. Повидимому, на авторовъ оказалъ вліяніе „Сборникъ еврейскаго колонизаціоннаго общества“, сочувственно ими упоминаемый, но весь проникнутый ошибочной идеей о какомъ-то самодовлѣющемъ еврейскомъ хозяйствѣ. Эта идея

подрываетъ въ корнѣ смыслъ всей работы гг. Берлинраута и Раскина, такъ какъ вопросъ о томъ, насколько типиченъ описанный ими городъ, якобы подкрѣпляется только сходствомъ въ профессіональномъ составѣ *евреевъ* гор. Вологды съ средней цифрой по внутреннимъ губерніямъ. Но сходенъ ли *городъ* Вологда съ другими городами Россіи? На это отвѣчаютъ только первыя двѣ фразы упомянутой главы, изъ которыхъ явствуетъ, что „Вологодская губернія отличается отъ другихъ губерній своими климатическими и хозяйственными условіями, но гор. Вологда, какъ таковой, чрезвычайно похожъ на цѣлый рядъ другихъ городовъ“...

Съ этого именно надо было начать свое обслѣдованіе, чтобы болѣе убѣдительно обнаружить—сначала типичность всего объекта, а затѣмъ уже искомую роль составной величины.

Я. Букшпанъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. Дауге. Искусство и творчество въ воспитаніи.

А. Дауге. **Искусство и творчество въ воспитаніи. Сборникъ статей. М., 1911 г. Стр. 200. Ц. 75 к.**

Статьи, изъ которыхъ составлена книга, писались въ послѣднія 6 лѣтъ, напечатаны были въ *Вѣстникѣ Воспитанія* и здѣсь перепечатываются безъ измѣненій. Но читатель, ознакомившійся съ книгой, не посѣтуетъ на автора за перепечатку этихъ статей. Авторъ — самъ учитель, но онъ не рутинеръ, онъ ищетъ новыхъ путей въ своемъ дѣлѣ, онъ побывалъ въ Германіи и лично наблюдалъ эти новые пути педагогики на практикѣ; кромѣ того, въ немъ есть искра Божія, инстинктъ живой жизни, *которую онъ хочетъ представить дѣтямъ не только какъ* отдаленный идеалъ, но и какъ *ежедневно практикуемое дѣло, по крайней мѣрѣ,* въ часы преподаванія. Главная задача школы, по мнѣнію автора, научить ребенка 1) самостоятельно наблюдать окружающія его явленія жизни, 2) умѣть вникать въ самого себя искренно и правдиво и 3) такъ же искренно и правдиво понимать и чувствовать жизнь другихъ людей. Для выполненія подобной задачи требуется не пассивное, а активное отношеніе къ воспринимаемымъ впечатлѣніямъ, требуется творчество ежедневное, даже ежечасное, требуется примѣненіе въ будничной практикѣ тѣхъ силъ ума и воображенія, которыя до сихъ поръ проявлялись главнымъ образомъ только въ художественномъ творчествѣ. Въ связи съ этимъ получаетъ особое значеніе нормальная постановка обученія родному языку (сюда входитъ объясненіе художественныхъ произведеній лучшихъ поэтовъ), рисованію и пѣнію. Надо, чтобы каждый урокъ былъ для учащихся не скучнымъ выполненіемъ обязанности, а выдающимся въ ихъ жизни событіемъ, волнующимъ все ихъ существо, сообщающимъ ему хоть на время способность высокаго полета. Но для этого нужно, чтобы народный учитель былъ поставленъ хотя бы въ такія условія, въ какія онъ поставленъ въ городѣ самыхъ лучшихъ современныхъ школъ — въ Гамбургѣ: здѣсь онъ пользуется высокимъ почтеніемъ и уваженіемъ у всей публики, высшее начальство относится къ нему съ полнымъ довѣріемъ и идетъ навстрѣчу всѣмъ его стремленіямъ и начинаніямъ, облегчая ему во многомъ работу, а

главное—здѣсь онъ имѣетъ возможность сообща и свободно обсуждать всѣ вопросы педагогическаго дѣла, что̀ постоянно возбуждаетъ интересъ къ новымъ опытамъ и дѣлаетъ общимъ достояніемъ все то хорошее, что̀ найдено единичными лицами (стр. 11). Конечно, не въ однихъ внѣшнихъ благопріятныхъ условіяхъ все дѣло: главное — въ живомъ духѣ самихъ учителей. Они должны быть не ремесленниками, а творцами, художниками своего педагогическаго дѣла, подобно, напримѣръ, бременскому педагогу Шарельману, который держится слѣдующаго взгляда: „Пробуждать въ дѣтяхъ радостное и бодрое настроеніе — это все. Веселое сердце воспріимчиво ко всему хорошему. Но дѣти въ веселомъ и бодромъ настроеніи и работаютъ иначе, чѣмъ дѣти скучныя, угнетенныя; работаютъ продуктивнѣе, скорѣе, успѣшнѣе. Радость и веселье это—*плугъ,* которымъ нужно вспахивать почву дѣтской души, чтобы она дѣлалась воспріимчивой ко всему хорошему и плодородной“ (стр. 88—89). Этому Шарельману посвящена въ книгѣ цѣлая статья „Объ учителѣ-художникѣ“. О томъ же трактуетъ и слѣдующая статья: „Къ вопросу о художественномъ образованіи“. Послѣдняя, самая большая изъ 7 статей книги „Мотивы изъ культурно-педагогическихъ воззрѣній Фридриха Ницше“, трактуетъ о тѣхъ его идеяхъ, которыя онъ развивалъ въ рядѣ лекцій, читанныхъ въ базельскомъ академическомъ обществѣ на тему: „Будущее нашихъ образовательныхъ заведеній“.

Нашимъ русскимъ народнымъ учителямъ и учительницамъ, особенно тѣмъ, кто живетъ въ глуши селъ и деревень и встрѣчаетъ не уваженіе, а чаще всего вражду мѣстнаго населенія, подвергается педантичнымъ преслѣдованіямъ „земскихъ“ (а въ Сибири — „крестьянскихъ“) начальниковъ и инспекторовъ нашихъ народныхъ школъ и отнюдь не имѣетъ права устраивать какихъ бы то ни было союзовъ для поднятія собственными силами дѣла народнаго образованія,—всѣмъ имъ мы особенно рекомендуемъ книгу Дауге. Вѣрится намъ, что, вопреки видимому господству неблагопріятныхъ условій для народнаго образованія Россіи, только героическія усилія отдѣльныхъ личностей изъ среды народныхъ учителей могутъ прорвать, наконецъ, плотину офиціальнаго и общественнаго недовѣрія и дать возможность утвердиться въ русской жизни тому, что способно ее возродить и оплодотворить. Этихъ отдѣльныхъ личностей книга Дауге вдохновитъ, она дастъ имъ нѣкоторые намеки на то, съ чего начать новый путь въ школѣ.

И. Книжникъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ф. Клейнъ. Вопросы элементарной и высшей математики. Ч. I.—*Ш. Моренъ.* Физическія состоянія матеріи.—*В. Г. Фридманъ.* Свѣтъ и матерія.—*Р. Боммели.* Исторія земли.—*Р. Карутцъ.* Среди киргизовъ и туркменъ на Мангышлакѣ.

Ф. Клейнъ, проф. **Вопросы элементарной и высшей математики. Ч. I. Ариѳметика, алгебра и анализъ. Изд. Mathesis. Одесса, 1912 г. Стр. XIX+486. Ц. 3 р.**

Проф. Клейнъ извѣстенъ какъ смѣлый реформаторъ преподаванія математики въ Германіи; сущность этой реформы—внесеніе новой струи въ планы средняго математическаго образованія.

Лекціи Клейна представляютъ несомнѣнный интересъ не только по указанной выше причинѣ; нѣкоторыя главы даютъ совершенно новое освѣщеніе разбираемымъ въ нихъ вопросамъ, причемъ авторъ пользуется для своего труда научными мемуарами, имѣющими громадную цѣнность.

Книга требуетъ для чтенія основательной математической подготовки. Изданіе превосходно.

А. Лѣтникъ.

Ш. Моренъ, проф. университета въ Канѣ. **Физическія состоянія матеріи. Переводъ съ французскаго І. Л. Левинтова. Подъ редакц. проф. Л. В. Писаржевскаго. Съ 21 рис. въ текстѣ. Изд. Mathesis. Одесса, 1912. Стр. 223. Ц. 1 р. 40 к.**

Изученіе основныхъ свойствъ тѣлъ приводитъ насъ къ утвержденію, что внутреннее строеніе тѣлъ представляетъ всегда сложную систему, ставшую болѣе ясной только въ послѣднее время, благодаря тщательному изученію окружающихъ явленій. Это же ученіе приводитъ насъ и къ другому заключенію—о невозможности давать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точную формулировку даннаго физическаго состоянія тѣла. Изученіе кристалловъ, жидкостей и газовъ даетъ возможность построенія общихъ теорій; этимъ-то теоріямъ и посвященъ трудъ Морена. Свойства кристалловъ, жидкихъ кристалловъ и коллоидовъ—вотъ тѣ тѣла, изученіе которыхъ составляетъ сущность данной книги. Первая глава посвящена газамъ и жидкостямъ, переходу тѣлъ изъ одного состоянія въ другое и молекулярнымъ вѣсамъ тѣлъ. Сравнительно съ общимъ объемомъ книги означеннымъ состояніямъ удѣлено мало вниманія; это можно поставить въ вину автору. Книга представляетъ несомнѣнный интересъ. Изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

А. Лѣтникъ.

В. Г. Фридманъ. **Свѣтъ и матерія. (Общедоступный очеркъ спектральнаго анализа.) Съ предисловіемъ и подъ редакціей А. В. Вингера. М., 1912 г. Кн-ство „Наука". Стр. XV+251. Ц. 1 р. 25 к.**

Лежащая передъ нами книжка посвящена изложенію спектральнаго анализа, одного изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ физики. Кромѣ основныхъ свѣдѣній по данному вопросу, авторъ излагаетъ принципъ Допплера, явленіе Зеемана и знакомитъ читателя съ астрофизическими ученіями о строеніи солнца, планетъ, звѣздъ и туманностей. Къ книгѣ приложены портреты основателей спектроскопіи: Кирхгофа и Бунзена, и даны краткіе ихъ біографическіе очерки. Языкъ книги легокъ, изданіе выполнено довольно тщательно. Нужно думать, что книга г. Фридмана будетъ полезна каждому, желающему познакомиться съ основными понятіями ученія о свѣтѣ.

А. Лѣтникъ.

Р. Боммели. **Исторія Земли. Переводъ со второго исправленнаго нѣмецкаго изданія І. А. Давыдова. Съ дополненіями А. П. Нечаева. Съ 253 рисунками. Спб., 1912. Изданіе вятскаго товарищества. Стр. 810+IV+XIII. Ц. 2 р. 50 к.**

Книга Боммели „Исторія Земли" давно уже пользуется заслуженной извѣстностью среди популярной литературы; авторъ чрезвычайно удачно распредѣлилъ весь интересный матеріалъ. Въ чрезвычайно популярной

и доступной формѣ авторъ предлагаетъ намъ поближе познакомиться съ исторіей земли и съ формами земной поверхности.

Несмотря на всѣ эти достоинства, едва ли слѣдовало давать русскій переводъ книги Боммели.

Она написана двадцать лѣтъ назадъ. За истекшія двадцать лѣтъ въ наукѣ произошли серьезныя измѣненія, явилась возможность объясненія непонятныхъ тогда явленій и т. п. Такъ, напр., глава о землетрясеніяхъ совершенно не соотвѣтствуетъ современному уровню сейсмологіи, и не только эта глава, но и другія главы. Такимъ образомъ читатель, прочтя 810 страницъ книги Боммели, не сможетъ дать себѣ точнаго представленія о современномъ уровнѣ геологическихъ знаній, а дойдетъ только до 90-хъ годовъ XIX столѣтія. Это предостереженіе слѣдуетъ сдѣлать каждому, избирающему книгу Боммели для знакомства съ исторіей земли.

Изданіе и переводъ вполнѣ удовлетворительны.

А. Лѣтникъ.

Р. Карутцъ. **Среди киргизовъ и туркменъ на Мангышлакѣ. Перев. Е. Петри. Съ 32 отд. таблицами, 51 рис. въ текстѣ и картой. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. VI+188+1 нен. Ц. 2 р. 50 к.**

При всемъ громадномъ значеніи, старыя описанія киргизовъ и тюрко-татаръ, данныя Радловымъ и тѣмъ болѣе Палласомъ, въ настоящее время уже не могутъ удовлетворить запросамъ современной этнографіи, а иногда и прямо находятся въ разногласіи съ тѣми данными, которыя получаются теперь, особенно относительно западной части области кочеванія киргизовъ. Поэтому даже и краткія описанія этого народа будутъ имѣть несомнѣнное значеніе—и тѣмъ болѣе такія, какъ работа любекскаго этнографа Р. Карутца, посѣтившаго русскій Туркестанъ три раза и собравшаго повидимому очень богатый матеріалъ, отчетъ о которомъ и представляетъ его книга „Среди киргизовъ и туркменъ". Книга содержитъ IX главъ: I. „На Мангышлакѣ" (путевыя впечатлѣнія и очеркъ природы полуострова). II. „Туркмены и киргизы" (очеркъ взаимоотношеній этихъ народовъ, ихъ бытъ и историческія судьбы). III. „Аулъ и кибитка" (устройство жилищъ и поселковъ, общественная и семейная жизнь). IV. „Рожденіе и дѣтство" (устройство люльки, кормленіе и выборъ имени, любовь къ дѣтямъ, обученіе дѣтей, игрушки, игры, прибаутки, пословицы, загадки). V. „Свадьба и бракъ" (сватовство, свадебные обычаи, переселеніе новобрачныхъ, разводъ, вдовство, положеніе женщины, раздѣленіе труда). VI. „Болѣзни и смерть" (вліяніе пищи, похороны и поминки, могилы). VII. „Изъ области вѣрованій и суевѣрій" (вліяніе ислама, муллы и знахари, жертвоприношенія и суевѣрія, обряды при болѣзняхъ, толкованіе сновъ, примѣты и предсказанія и др.). VIII. „Киргизская линія" (географическія измѣненія въ Туркестанѣ, условія развитія киргизской орнаментики, растительный орнаментъ, двойная дуговая линія, позитивный и обратный орнаментъ, зачатки киргизскаго орнамента, бараній рогъ, орнаментная линія, варіанты двойного рога, дальнѣйшее развитіе рогового мотива, изломанность дуговой линіи, крючки какъ часть роговой линіи, накладной узоръ на тканяхъ, стадіи развитія рогового мотива, мотивъ роговъ въ сложной группировкѣ, важность изученія рогового мотива) и IX. „Тысяча и одна ночь".

Книга написана чрезвычайно живымъ, изящнымъ языкомъ, изложеніе мѣстами прямо художественное, факты подобраны интересно и умѣло. Наиболѣе богата глава VIII (Киргизская линія); она же и болѣе обработана, представляя не только описаніе добытаго матеріала, но и его анализъ. Карутцъ считаетъ основнымъ мотивомъ киргизской орнаментики бараній рогъ, который былъ выработанъ въ техникѣ рѣзьбы и затѣмъ перешелъ въ орнаментику другихъ производствъ, такимъ образомъ авторъ принципіально сходится съ Almàsy Pyörgy, изучавшимъ орнаментику каракиргизовъ.

Слабѣе другихъ послѣдняя глава—„Тысяча и одна ночь", въ которой авторъ приводитъ нѣсколько образцовъ сказокъ, басенъ и разсказовъ изъ этого знаменитаго цикла въ киргизской передачѣ; она какъ будто искусственно привязана къ остальному матеріалу и представляетъ чисто эпизодическій интересъ.

Издана книга прекрасно и цѣну ея нельзя считать высокой.

В. Муралевичъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 3-е апрѣля 1912 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Айзманъ, Д. Л.** Собр. соч. Т. III. На чужбинѣ. На родинѣ. Спб., 1912. Изд. к-ва „Просвѣщеніе“. 1 нен. + 296 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Андреевъ, Л. Собр. соч. Съ портр. автора и вступ. статьей проф. М. А. Рейснера. Т. IX. Царь Голодъ. Тьма. Великанъ. Сынъ человѣческій. (Разсказъ). Изъ разсказа, который никогда не будетъ оконченъ. Спб., 1912. Изд. книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе“. 1 нен. + 268 стр. Ц. 1 р. 25 к. Т. X. Черныя маски. Дни шнаей жизни. Любовь къ ближнему. 1 нен. + 303 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ан-скій, С. А. Собран. сочин. Т. II. Первая брешь. Подъ маскою. Грѣхи юности. Спб., 1912. 255 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Арнъ, А. „Лабиртъ“, пьеса въ 3-хъ актахъ. Спб., 1912. Изд. Императорскаго рус. театральн. о-ва. 45 стр. Ц. 20 к.

Ауслендеръ, С. Разсказы. Кн. II. Спб., 1912. Изд. „Аполлонъ“. 259 стр.

Богданъ-Сокольскій, А. М. Подъ маской. Сборникъ. Кіевъ, 1911. 284+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Браиловскій, А. Я. Аккорды жизни. Сборникъ стихотвореній. Ростовъ н/Д., 1912. Изд. Ѳ. А. Степанова. 76 + 2 нен. стр. Ц. 1 р.

Брюсовъ, В. Зеркало тѣней. Стихи 1909—1912 г. М., 1912. Изд. к-ва „Скорпіонъ“. 212+6 нен. стр. Ц. 2 р.

Бунинъ, Ив. Перевалъ и другіе разсказы. М., 1912. Изд. 4-е Московск. книгоизд. 342 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ведринскій, И. Ф. Сочиненія. Т. III. Стихотворенія и проза. Тифлисъ, 1912. Изд. автора. VI+314 стр. Ц. 1 р.

Вербицкая, А. Ключи счастья. На высотѣ. Романъ въ пяти частяхъ. М., 1912. Изд. И. Н. Кушнеревъ и К°. 234 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Воиновъ, К. Н. (Н. Н. Новиковъ). Миніатюры. Съ пред. В. М. Дорошевича. Спб., 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 270 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гоголь, Н. В. Иллюстрированное полное собран. соч. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, со вступительной статьей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. I. М., 1912. Изд. книгоизд. „Печатникъ“. LXXX+210 стр. Съ рис.+ 6 лист.

Горькій, С. Зина Черемушкина. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1912. 58 стр. Съ портр.

Гусевъ, В. Марево. Стихи. Т. II. Кіевъ, 1912. 125 стр. Ц. 1 р.

Даниловъ, И. А. Наша жизнь. Очерки и разсказы. Спб., 1912. 329+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Дружининъ, М. М. Поэзія. Спб., 1912. 28+3 нен. стр. Ц. 50 к.

Елецъ, Ю. Л. Болѣзнь вѣка. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб., 1912. Изд. 5-е. 333 стр. Ц. 1 р.

— Отзвуки жизни. Сборникъ стихотвореній. Спб., 1912. 158 + 1 нен. стр. Ц. 50 к.

Елпатьевскій, К. В. 1812 годъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ (историческихъ и военныхъ), посвященныхъ Отечественной войнѣ, Александру I и Наполеону. Спб., 1912. Изд. 2-е, доп. VI+138 стр. Ц. 35 к.

Ждановъ, Л. Въ стѣнахъ Варшавы (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника (1814—1831). Т. II. Спб., 1912. Изд. „Прометей“, Н. Н. Михайлова. 1 нен.+426 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Зенкевичъ, М. Дикая порфира (1909—1911 г.). Спб., 1912. Изд. Цеха поэтовъ. 105+2 нен. стр. Ц. 90 к.

Златовратскій, Н. Н. Собран. сочин. Т. III. Устои. Исторія одной деревни. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ч. I и II. Спб., 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 326 стр. Ц. 1 р. 50 к. Т. IV. Устои. Исторія одной деревни. Ч. III и IV. 421 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Коганъ, Ф. Моя душа. Книга стиховъ съ пред. Ю. И. Айхенвальда. М., 1912. IV+82+2 нен. стр. Ц. 75 к.

Крыжановская, В. И. (Рочестеръ). Первое собр. соч. Т. V. Спб., 1912. Изд. книгоизд. т-ва. 119—308+32 стр.

Крыловъ, И. А. Басни. Съ біографіей и отзывомъ В. Г. Бѣлинскаго. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 270+VII+II стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Крысько, С. М. Стихотворенія. На малороссійскомъ и русскомъ языкахъ. Ростовъ н/Д., 1912. 32 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Кузьмина-Караваева, Е. Скиѳскіе черепки. Стихи. Спб., 1912. Изд. Цехъ поэтовъ. 45+2 нен. стр. Ц. 90 к.

Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ". Кн. 17. Осипъ Дымовъ—Томленіе духа. Романъ. Тэффи—Стихи. Алексѣй Ремизовъ—Докука и балагуры. Спб., 1912. Изд. из-ства „Шиповникъ". 231+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Луговой, А. Сочиненія. Т. X. Тенета. Романъ. Спб., 1912. Изд. т-ва А. Ф. Маркса, 2-е. 332+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Мачтетъ, Г. А. Полное соб. соч. Подъ ред. и съ критико-біограф. очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Т. VIII. На зарѣ. Романъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 292 стр. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. С. Полное собр. соч. Т. XV. Собраніе стиховъ. Павелъ I. Драма. Спб., 1912. Изд. т-ва М. О. Вольфа. 354 стр.

Мордовцевъ, Д. Л. Собраніе сочиненій. Т. LIII. (3 серія томъ XIII). Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Отъ княгини Ольги до нашихъ временъ. Популярные разсказы изъ исторіи русской земли. Описаніе 120 лицъ, ихъ жизни и дѣятельности въ 4 томахъ (7 частяхъ. III. Русскія женщины второй половины XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1912. Изд. И. П. Перевозникова. 4-е, испр. и доп. 307+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портр., факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Спб., 1912. Изд. 26-е. LXXIV+373+1 нен. стр. Съ портр. Ц. 2 р.

Опочининъ, Е. Н. Старое и новое. Разсказы. М., 1912. 179 стр.

Радимовъ, П. Полевые псалмы. Стихи. 1912 г. Казань, 1912. Изд. автора. 248 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ремизовъ, А. Сочиненія. Т. VII. Отреченныя повѣсти. Спб., 1912. Изд. „Шиповникъ". 202+3 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Рудичъ, В. Четвертый сборникъ стиховъ. Спб., 1912. Изд. А. С. Суворина. IV+61 стр. Ц. 50 к.

Сборникъ XXXVIII. Товарищества „Знаніе" за 1912 г. Книга тридцать восьмая. Содержаніе: М. Горькій. Сказка. — А. Блокъ. Стихи.—Ив. Бунинъ. Захаръ Воробьевъ. — С. Гусевъ-Оренбургскій. Въ глухомъ уѣздѣ.—А. Черемновъ. Стихи. Спб., 1912. Изд. т-ва „Знаніе". 22+21+218+9 стр. Ц. 1 р.

Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1907 годъ. Книга XVII. Спб., 1912. Изд. т-во „Знаніе" испр. 310 стр. Ц. 1 р.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Т. III. Спб., 1912. Изд. т-ва „Знаніе". 286 стр. Ц. 1 р.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Т. V. Спб., 1912. Изд. кн-ва „Освобожденіе". 261+1 нен. стр. Ц. 2 р. 25 к.

Славлевъ, П. Предсказатель. Комедія. Рига, 1912. 35 стр. Ц. 35 к.

Сперанскій, Н. П. Стихотворенія. Кн. I. Спб., 1912. Изд. Е. В. Копѣйкиной. 91+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Сѣверянинъ, И. Качалка Грезэрки. Поэзы. Т. IV. Сады футуриста. Кн. I. Брошюра 33. Съ пред. К. М. Фофанова. Спб., 1912. 15+2 нен. стр. Ц. 50 к.

Татищевъ, Л. „Вѣра", баллада въ 5-ти пѣсняхъ. Спб., 1912. 109 стр. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. Собр. соч. Т. III. Народные разсказы. Спб., 1912. Изд. В. М. Саблина. 310+1 нен. стр.

Уберсій, В. А. Стихотворенія. Псковъ, 1912. 22+1 нен. стр. Ц. 10 к.

Чириковъ, Е. Цвѣты воспоминаній. М., 1912. Изд. Моск. книгоизд. 273 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чумаченко, А. Стихи. М., 1912. Изд. т-ва А. А. Левенсонъ. 92+III стр. Ц. 60 к.

Шапиръ, О. Собр. сочин. со вступ. статьей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. IX. Вы и мы. Призракъ. Записки мужа. Инвалиды и новобранцы. Спб., 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 470 стр. Ц. 1 р. 50 к. Т. X. Рабство. Дѣдъ. Сонина клятва. Книги. Мимо. Жизнь. Ссора. Братья. Гипнозъ. Перевалъ. 507 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шульговскій, Н. Н. Лучи и Грёзы. Стихи, поэмы и миніатюры. Спб., 1912. 189 стр. Ц. 2 р.

Яблочковъ, Г. Разсказы. Т. I. Спб., 1912. Изд. т-ва писателей. 296 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 16. **Бароха, П.** Древо познанія. Романъ. Пер. съ испан. К. Жихаревой. Обложка худ. М. Соломонова. Спб., 1912. 363 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Вагнеръ, Р. „Золото Рейна". Вступленіе изъ трилогіи. „Кольцо Нибелунга". Пе-

релож. Клейнмихель съ русскимъ и нѣмецкимъ текстами. Русскій пер. Н. Шеферъ. М., 1912. Изд. муз. маг. Сѣверная Лира въ Петербургѣ. 147 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Вассерманъ, Я. Собр. соч. Т. III. Измѣна идеалу. Романъ. Ч. II. Перев. съ нѣм. Л. Горбуновой. М., 1912. Изд. кн-ва „Современ. пробл.". 318 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гауптманъ, Г. Бѣгство Габріэля Шиллинга. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. Г. Вайсблита. Кіевъ, 1912. Изд. П. И. Бонаiурера. 92+IV стр. Ц. 50 к.

— Полное собр. соч. Т. VI. Передъ восходомъ солнца. Праздникъ примиренія. Перев. О Всеволодской и Ю. Балтрушайтиса. 336+1 нен. стр. Ц. 1 р. Т. XII. Ткачи. Заложница короля Карла. Перев Н. М. и О. Каратыгиной. 321 + 2 неп. стр. Ц. 1 р. Т. XIII. Красный пѣтухъ. Извозчикъ Геншель. Перев. А. С. Спб., 1912. 290+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Гиро, Э. Въ дни террора. Историческая бытовая пьеса изъ временъ французской революціи 1-го консульства. Въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ. Пер. съ франц. Я. А. Дельера. Спб., 1912. Изд. русск. театр. о-ва. 54 стр. Ц. 20 к.

Гомеръ. Поэмы въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго. Ред. А. Е. Грузинскій. Этюдъ Вяч. Иванова. Словарь и 50 рисунковъ Д. Флаксмана. Б-ка всемірной литературы. Европейскіе классики. М., 1912. Изд. Окто. LXVII + 598 + XX стр. Съ рис.

Гофманъ, Э. Т. А. Дожъ и Догаресса. Автоматъ. Разсказы. Перев. съ нѣмецк. А. Петровскаго. М., 1912. Изд. к-ва „Польза" В. Антикъ и К°. 64 стр.

Гюисмансъ, Ж. К. Собр. сочин. Т. II. Въ пути. Перев. Ю. Спасскаго. М., 1912. Изд. книгоизд. К. Ф. Некрасова. 426 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Собран. сочин. Т. III. Изъ бездны къ небу. Романъ. Ч. II. Перев. съ 33-го изд., вышедшаго въ свѣтъ съ пред. автора, Т. X—о. М., 1912. Изд. к-ва „Современ. проблемы".

Диккенсъ, Ч. Личная исторія и испытанія Давида Копперфильда Младшаго. Романъ въ трехъ томахъ. Т. III. Перев. съ англійск. Ир. Введенскаго. (Унив. б-ка, № 739—742). М., 1912. Изд. к-ва „Польза". В. Антикъ и К°. 456 + 8 нен. стр. Ц. 40 к.

Ибаньесъ, В. Б. Полное собран. сочин. Т. XIV. Со вступ. статьей Ю. Александровича. Пасынки моря. Романъ. Пер. съ испанск. А. Вольтера. 352 + 1 нен. + 12 стр. Ц. 1 р. 50 к. Т. XVI. Нѣтъ пощады! Романъ Перев. съ испанск. А. Вольтеръ. М., 1911. Изд. к-ва „Сфинксъ". 245+2 нен. стр. Ц. 1 р

Ильинскій, А. Эросъ и Психея. Драматическая поэма въ 7 картинахъ. Г. Жулавскаго. Пер. съ польск. Т. Щепкиной-Куперникъ. М., 1912. Изд. П. Юргенсона. 61 стр. Ц. 4 р.

Іенсенъ, І. В. Собр. сочин. Подъ ред. Я. Сегалъ. Т. VII. Новый свѣтъ. Перев. А. Владиміровой. 216+1 нен. стр. Ц. 1 р. Т. IX. Ледникъ. Перев. Т. С. Маконкой. Спб., 1911. Изд. В. М. Саблина. 252 стр. Ц. 1 р.

Конопницкая, М. Собр. соч. Т. III. Сизифъ и Прометей, Мертвая природа и др. Пер. съ польск. Со вступ. статьей В. Мякотина. М., 1912. Изд к-ва „Совр. проблемы". 250+3 нен. стр. Ц. 1 р.

Кайявэ, де-Ж. А. и Флерсъ, де-Р. „Цвѣточекъ" („Primerose"). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц. Ел. фонъ-Витторфъ. Спб., 1912. Изд. Имнер. рус. театральн. о-ва. 54 стр. Ц. 20 к.

Кроммелинкъ, Ф. Ваятель масокъ. Трагическій символъ въ 1 дѣйствіи. Перев. съ фран. размѣромъ подлинника К. Бальмонта. М., 1912. Изд. К. Ф. Некрасова. 83+2 нен. стр. Ц. 50 к.

Лондонъ, Д. Собр. сочин. Т. IV. Приключенія рыбачьяго патруля. Разсказы. Пер. съ англ. П. Л. Полякова. Богъ его отцовъ. Разсказы. Пер. съ англ. М. А. Косминскаго. Спб., 1912. Изд. „Прометей". 246 стр. Ц. 1 р. Т. V. Сынъ волка. Разсказы. Пер. съ англ. А. Н. Кудрявцевой. Лунный ликъ. Разсказъ. Пер. З. Львовскаго. 221 стр. Ц. 1 р.

— Сынъ свѣта. Романъ. (Автор. полное собр. соч. Т. V). Пер. съ англ. І. А. Маевскаго. М., 1912. Изд. І. А. Маевскаго. 370 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лоррэнъ, Ж. Полное собр. соч. Т. IV. Принцессы ласкъ и упоенія. Перев. съ франц. К. Жихаревой. М., 1912. Изд. кн-ва „Сфинксъ". 336 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Манъ, Г. Актриса. Повѣсть. Перев. съ нѣм. В. Гофмана. (Унив. б-ка, № 188.) М., 1912. Изд. 2-е, к-ва „Польза". 84 стр. Ц. 10 к.

Мережковскій, Д. С. Полное собр. сочин. Т. XIV. Трагедіи. Эсхилъ: Скованный Прометей. Софоклъ: Эдипъ въ Колонѣ и Антигона. Эврипидъ: Медея и Ипполитъ. Спб., 1912. Изд. М. О. Вольфъ. 389+1 нен. стр.

Мирбо, О. Собр. соч. Т. I. Кн. III. Спб., 1912. 193—288 стр.

Плавтъ, Титъ Макцій. Плѣнники. Комедія. Спб., 1912. 45+1 нен. стр.

Пшибышевскій, С. День суда. (Вторая часть „Сыновъ земли".) Перев. съ польскаго З. Журавской. М., 1912. Изд. к-ва „Польза". 347 стр.

Ренаръ, М. Докторъ Лернъ Полубогъ. Романъ. Б-ка „Синяго Журнала". Спб., 1912. Изд. М. Г. Корнфельда. 241 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Синклеръ, У. Собр. соч. Т. II. Джунгли. Романъ. Перев. съ англ. подъ ред. А. Н. Кудрявцевой. Спб., 1912. Изд. к-ва „Прометей", Н. Н. Михайлова. 254 стр. Ц. 1 р. Т. III. Деньги. Ром. Перев. съ англ. Е. В. Святловскаго. 236 стр. Ц. 1 р.

Софоклъ. Царь Эдипъ. Приспособлено для современной сцены Г. фонъ-Гофмансталемъ. Пер. съ нѣмецк. Т. Щепкиной-Куперникъ. М., 1912. Изд. Театр. б-ки С. Разсохина. 58+6 нен. стр. Ц. 25 к.

Твенъ, М. Разсказы. Пер. А. Гренандера и Г. Батрева. (Юмористическая б-ка, № 7.) М., 1912. Изд. к-ва „Заря". 156 стр. Ц. 75 к.

— Собр. соч. Т. VI. Человѣкъ, развратившій Гадлейбургъ, и другіе разсказы. (Б-ка „Сатирикона".) Спб., 1912. Изд. М. Г. Корнфельда. 206+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чавчавадзе, И., кн. Разбойникъ Габро. (Разсказъ нищаго.) Перев. съ грузинск. Гр. и Вл. Джафари. Подъ ред. и со вступит. статьей объ авторѣ А. Хаханова. М., 1912. Изд. к-ва „Польза", 78+2нен. стр.

Ширванзадэ, А. Собр. соч. Т. I. Честь. Романъ. Перев. съ арм. Ап. Х. Со вступ. статьей Ю. А. Веселовскаго. М., 1912. Изд. к-ва „Совр. проблемы". 245 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

Шоломъ-Алейхемъ. Собр. соч. Т. I. Дѣти „черты". Кн. I. Пер. съ евр., разр. авторомъ I. Ю. Пинуса. Съ пред. автора къ рус. изданію. М., 1912. Изд. книгоизд-ва „Совр. пробл.", 3-е. 248+8 нен. стр.+1 портр. Ц. 1 р.

§ 2. **Ензенъ, А.** Краткій обзоръ элементовъ готскаго языка. Харьковъ, 1912. 32 стр. Ц. 50 к.

Кульбакинъ, С. М. Древне-церковно-славянскій языкъ. II. Морфологія. Харьковъ, 1912. III+125—266+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 4. **Коганъ, П.** Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. III. Ч. II. М., 1912. Изд. книгоизд. „Заря", 2-е. IV+166 стр. Ц. 1 р.

Шаховъ, А. Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII вѣка. Спб., 1912. Изд. 2-е. 350+2 нен. стр. Ц. 1 р 25 к.

§ 5. **Брусянинъ, В. В.** Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество. Біографическая б-ка, № 2.) М., 1912. Изд. к-ва К. Ф. Некрасова. 126+2 нен. стр.+1 портр. Ц. 50 к.

Вишневскій, П. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Н.-Новгородъ, 1912. 141+II стр. Ц. 40 к.

Голубевъ, В. Поэтъ дѣтской души—А. П. Чеховъ. Кіевъ, 1912. 24 стр. Ц. 20 к.

Звѣздинъ, А. И. О Болдинскомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губерніи и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ. Н.-Новгородъ, 1912. 24 стр. Съ портр.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. М., 1912. Изд. к-ва „Заря". 176+VI стр. Ц. 1 р.

Ляцкій, Евг. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-біографическіе очерки. Спб., 1912. Изд. „Огни", 2-е переработ. и доп. VI+317 стр. съ 2 портр.

Покровскій, В. Иванъ Александровичъ Гончаровъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М., 1912. Изд. 3-е, доп. 2 нен.+362+2 нен. стр. Ц. 60 к.

Сикорскій, И. А., проф. Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ, 1912. 35 стр. Ц. 40 к.

§ 6. **Бурговъ, А.** Вѣчное будущее человѣка и человѣчества или „Елеазаръ" Л. Андреева и личное безсмертіе. (Жизнеописаніе новѣйшаго литературнаго пессимизма и христіанства.) Критико-апологетическій этюдъ, литература и религія. Харьковъ, 1912. 65 стр. Ц. 50 к.

Горнфельдъ, А. Г. О толкованіи художественнаго произведенія. Спб., 1912. 31 стр. Ц. 40 к.

Яблоновскій, В. Вокругъ Сфинкса. (Очерки о жизни и творчествѣ русскаго народа.) Авторизованный переводъ съ польскаго Л. Симсонъ. Содержаніе: 1) Вокругъ сфинкса. 2) Русскій индивидуализмъ и его отраженіе въ литературѣ. 3) Достоевскій передъ лицомъ новыхъ теченій русскаго самосознанія. 4) Максимъ Горькій. 5) Леонидъ Андреевъ. 6) Кризисъ русской интеллигенціи. Спб., 1912. 223 стр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Булгаковъ, С.** Философія хозяйства. Ч. I. Міръ, какъ хозяйство. М., 1912. Изд. „Путь". IV+320+V+3 нен. стр. Ц. 2 р.

Логосъ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. 1911—1912. Книга вторая и третья. М., 1912. Изд. к-ва Мусагетъ. 317+5 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к.

Маковельскій, А. О. Введеніе въ философ-

фію. Вып. I. Понятіе о философіи. Казань, 1912. 57+1 нен. стр. Ц. 50 к.

Свѣтлевъ, П. Я., прот., проф. Курсъ апологетическаго богословія. Кіевъ, 1912. Изд. 4-е. 382 стр. Ц. 2 р.

Соловьевъ, В. С. Собр. соч. Съ 3-мя портр. и автографомъ. Подъ ред. и съ примѣч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. V. (1883—1892.) Спб., 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", 2-е. VI+484 стр. Ц. 2 р.

Творенія Блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго. Ч. VII. Б-ка твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Кн. XX. Кіевъ, 1912. Изд. Кіев. дух. академіи, 2-е. 278+1 нен. стр.

§ 2. **Аскольдовъ, С. А.** Алексѣй Александровичъ Козловъ. Русскіе мыслители. М., 1912. Изд. „Путь". VIII+218+4 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Грузенбергъ, С. О. Артуръ Шопенгауэръ. Личность, мышленіе и міропониманіе. Критика нравственной философіи Шопенгауэра. Спб., 1912. Изд. „Шиповника", 2-е переработ. 243 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ксенополь, А. Д. Понятіе „цѣнности" въ исторіи. Перев. съ франц. Н. И. Никифорова. Б-ка философіи исторіи. Вып. I. Кіевъ, 1912. 52 стр. Ц. 35 к.

§ 4. **Абрагамъ, К.,** д-ръ. Сонъ и миѳъ. Очеркъ народной психологіи. Перев. съ нѣмецк. Мих. Кадишъ. М., 1912. Изд. к-ва „Соврем. пробл.". 114+5 стр. Ц. 60 к.

Котикъ, Н. Г., д-ръ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. М., 1912. Изд. к-ва „Соврем. пробл.", 2-е. 168+8 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крепелинъ, Э. Учебникъ психіатріи для врачей и студентовъ. Перев. съ 8 нѣмецк. изданія Галунова, Ивенсена, Тартаковскаго и Цвѣткова. Т. II. Клиническая психіатрія. М., 1912. Изд. А. А. Карцева. XIV+478 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Милль, П. Пробужденіе души. Очерки дѣтской души. Переводъ съ франц. Е. Трутовской. Подъ ред. и съ предисл. Л. Козловскаго. (Б-ка современныхъ проблемъ, при ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго, П. С. Когана, Л. Козловскаго и В. М. Фриче.) М., 1912. Изд. к-ва „Соврем. пробл.". X+183+8 нен. стр. Ц. 1 р.

Рибо, Т., проф. О страстяхъ. Психологическій этюдъ. Перев. съ 3-го франц. изд. д-ра М. Северакъ. Одесса, 1912. Изд. А. Копельмана и Навроцкаго. 150 стр. Ц. 75 к.

Сикорскій, И. А. Идеализація и матеріализація жизни. (Рѣчь, произнесенная на московскомъ съѣздѣ психіатровъ въ память С. С. Корсакова, 11 сентября 1911 г.) Кіевъ, 1912. Изд. 2-е. 15 стр. Ц. 20 к.

Флеровъ, Вс. А. Впечатлѣнія дѣтства. По воспоминаніямъ Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1912. Изд. автора. 59 стр. Ц. 35 к.

Фрейдъ, З. Психологическіе этюды. Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды. Поэтъ и фантазіи. „Культурная" сексуальная мораль и современная нервозность. Б-ка „Психотерапія". № 1, подъ ред. д-ра Н. А. Вырубова. М., 1912. Изд. 2-е. 55 стр. Ц. 35 к.

§ 5. **Гариво и Пеллетье.** Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ и въ комнатѣ для дѣтей и взрослыхъ. Руководство для родителей, воспитателей и играющихъ. Перев. съ франц., подъ ред. д-ра мед. королевскаго унив. въ Галле Г. А. Наміота. Спб., 1912. Изд. кн-ва „Сотрудникъ". 80 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Грейденбергъ, Б. С. Чувства и ихъ взаимныя соотношенія съ точки зрѣнія воспитанія. (Рефератъ, прочитанный на общемъ собраніи членовъ харьковскаго общества физическаго воспитанія и защиты дѣтей 26 февраля 1911 г.). Харьковъ, 1912. 30 стр. Ц. 20 к.

Каптеревъ, П. Ѳ. Основныя начала семейнаго обученія. (Дидактика семьи.) Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. VII. Спб., 1912. Изд. 2-е, доп. 68 стр. Ц. 40 к.

Кузьменко, Д. Воспитаніе дѣтей. Пособіе родителямъ и воспитателямъ. Педагогическія наставленія для дома и для школы по „Die ersten Mutterpflichten und die erste Kinderpflege" д-ра Шольца. Содержаніе: 1) Общія задачи воспитанія. 2) Наслѣдственность. 3) Признаки здороваго духа у ребенка. Серія брошюръ по воспитанію дѣтей. Вып. I. М., 1912. 36 стр. Ц. 35 к.

Медвѣдковъ, А. П. Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Спб., 1912. Изд. Я. Башмакова и К°. IV+299+1 нен. стр. Ц. 1 р. 20 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Болсуновскій, К.** Саварка-Савары: городище древности и народъ. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1912. 22 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Импер. моск. археолог. об-ва. Подъ ред. Н. П. Машкова. Т. IV. М., 1912. Изд. моск. археол. об-ва. XXXII+321 стр. Съ рис.+XXXI лист. рис.

§ 2. **Веселовскій, А., академикъ.** Изъ исторіи развитія личности. Женщина и старинныя теоріи любви. Спб., 1912. Изд. автора. 69 стр. Ц. 75 к.

Егоровъ, Д. Н. Всеобщая исторія. Курсъ, читанный въ московскомъ коммерческомъ институтѣ въ 1911—12 г. М., 1912. Изд. изд-ва комиссіи студ. коммерч. инст. 444 стр.

Ивановъ, К. А. Средневѣковый замокъ и его обитатели. Спб., 1912. Изд. 4-е. 155+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Крымскій, А. Хамаса-Абу-Теммама Тайскаго (ок. 805—846). I—II. I. Опытъ пересмотра матеріаловъ для біографіи Абу-Теммамы. II. Обзоръ европейскихъ изслѣдованій и сообщеній объ Абу-Теммамѣ и „Хамасѣ“. М., 1912. IV + 160 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Леви, А. Наполеонъ Бонапартъ. Душевныя качества Наполеона. Пер. съ франц. Исторія завоеванія міра. Т. I. М., 1912. Изд. кн-ства „Современ. пробл.“. 306+9 нен. стр. + 16 лист. портрет. и рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

— Наполеонъ въ интимной жизни. Съ вступит. этюдомъ Ф. Коппе. Перев. съ франц. С. Брусиловскаго. Подъ редакц. А. Гретманъ. (Историческая б-ка, № 1.) М., 1912. Изд. универ. кн-ва Л. А. Столяръ. 389+1 нен. стр.+6 портр. Ц. 1 р. 75 к.

Михайловъ, В. Савонарола. Историческая б-ка, № 11. М., 1912. Изд. кн-ва „Дѣло“. 96 стр. Ц. 10 к.

Мишле. Очеркъ современной исторіи. Перев. съ франц. А. Лызлова. М., 1912. 88 стр. Ц. 40 к.

Нордау, М. Еврейство въ XIX и XX столѣтіяхъ. Одесса, 1912. Изд. З. Д. Рабиновича. 94 стр.+1 портр. Ц. 15 к.

Паоли, К. Повелители міра. Императрица Елизавета австрійская. Король Альфонсъ XIII. Король и королева Италіи. Шахъ персидскій. Король Эдуардъ VII. Королева Вильгельмина. Король Леопольдъ. Король Георгъ греческій. Англійская королевская семья. Король Камбоджи и его танцовщица. Королева Викторія. Пер. съ 2-го франц. изданія Л. Перхуровой. М., 1912. Изд. универсальнаго к-ва Л. А. Столяръ. XV+264 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія. Отъ эпохи великихъ открытій до вестфальскаго мира (1500—1650 гг.). Пер. съ доп. подъ ред. Н. И. Карпова и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написалъ Н. П. Василенко. Спб., 1912. Изд. Брокгаузъ и Эфронъ. 475—1066 стр.+66 рис.

Фуксъ, Э. Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. I. Ренессансъ. Пер. съ нѣм. В. М. Фриче. М., 1912. Изд. кн-ва „Совр. пробл.“. XVIII + 396+4 нен. стр. + 196 лист. рис. Ц. 6 р.

§ 3. **Андріановъ, П.** Бородинскій бой. (Отечественная б-ка, № 35.) Спб., 1912. Изд. Всероссійск. націон. клуба. 43 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Берко, Іоселевичъ. Храбрый польскій полководецъ. Историческій очеркъ бывшей жидовской кавалеріи и гибель ея въ сраженіи съ казаками. Спб., 1912. Изд. Л. Поповой. 36 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Богучарскій, В. Я. Александръ Ивановичъ Герценъ. Спб., 1912. Изд. кружка имени А. И. Герцена. 178 стр. Съ портрет. Ц. 80 к.

Божеряновъ, И. Н. Къ трехсотлѣтію державнаго дома Романовыхъ. Великая разруха московскаго государства (1598—1612 гг.). Со времени прекращенія царей рода Рюрика до избранія царя изъ дома Романовыхъ. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Бузни, В. М. Императоръ Александръ III въ русской поэзіи. 26 февраля 1845 г.—20 октября 1894 г. Сборникъ стихотвореній. Спб., 1912. Изд. о-ва ревнит. рус. истор. просвѣщ. въ пам. импер. Александра III. 131 +2 нен. стр. Съ портр.

Бунинъ, П. Лжедимитрій. (Историческая б-ка, № 10.) М., 1912. Изд. к-ва „Дѣло“. 96 стр. Ц. 10 к.

Валишевскій, К. Преемники Петра. Пер. съ франц. Н. Васина. Происхожденіе современной Россіи. Т. V. М., 1912. Изд. кн-ва „Соврем. пробл.“. 354 + 6 стр. + 1 порт. Ц. 3 р.

Военскій, К. А. Русское духовенство и отечественная война 1812 г. М., 1912. Изд. кн-ва „Сельск. Вѣстн.“ и т-ва И. Д. Сытина. 60 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Вѣтринскій, Ч. Странички Герцена. Неизданная страничка изъ книги „Съ того берега“. Письма Герцена къ К. Фохту. А. И. Герценъ и В. В. Стасовъ. Н.-Новгородъ, 1912. Изд. из-ва „Нижегородскій Ежегодникъ“ Г. И. Сергѣева, В. Е. Чешихина. 16 стр. Ц. 10 к.

Горскій, І. Ѳ., прот. Столѣтіе Отечественной войны 1812 г. М., 1912. 81 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Ельчаниновъ, А. Г., проф. Отечественная война. М., 1912 Изд. кн-ства „Сельск Вѣстн.“ и т-ва И. Д. Сытина. 152 стр. Съ рис. и портр. Ц. 30 к.

Жервэ, Н. Славные партизаны 1812 г. М., 1912. Изд. кн-ва „Сельск. Вѣстн.“ и т-ва И. Д. Сытина. 44 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Кедровъ, С. Жизнеописаніе святѣйшаго Гермогена патріарха московскаго и всея Россіи. М., 1912. Изд. церк. комиссіи по честв. юбилейн. событій 1612, 1613, 1812 гг. 111+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Клепатскій, П. Г. Очерки по исторіи кіевской земли. Т. I. Литовскій періодъ. Одесса, 1912. XLIII+599 стр.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. М., 1911. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 2 нен.+283 стр.+1 карта. Ц. 1 р. 25 к.

Лебедевъ, А. Бироновщина. (Историческая б-ка, № 12.) М., 1912. Изд. кн-ва „Дѣло“. 112 стр. Ц. 10 к.

Левъ Толстой и голодъ. Сборникъ подъ редак. Ч. Вѣтринскаго. I. Статьи Л. Н. Толстого о голодѣ 1873, 1891—92 и 1898 гг. II. Письма Л. Н. Толстого. Воспоминанія и др. матеріалы. Н.-Новгородъ, 1912. Изд. из-ва „Нижегородскій Ежегодникъ“, Г. И. Аргѣева и В. Ч. Чаникина. XVI+218+6 нен. стр.+2 портр.+7 лист. рис. Ц. 1 р.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. VI. Новѣйшая эпоха. М., 1912. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. 101 стр.

Муратовъ, Н. П. 1812 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Тамбовъ, 1912. Изд. 2-е, тамбовской учен. архивной комисс., доп. 192+XXXI стр.+2 карты. Ц. 50 к.

А. Н. Императоръ Александръ Благословенный и его время. (Историческій очеркъ.) Спб., 1912. 77 стр. Ц. 50 к.

Назаревскій, В. В. Петръ I, императоръ Всероссійскій. Чтенія изъ исторіи царствующаго дома Романовыхъ. 1613—1913. Вып. V. Спб., 1912. Изд. училищн. совѣта при св. Синодѣ. 144 стр. Съ рис. и порт.

— Святѣйшій Гермогенъ патріархъ всея Россіи. Трехсотлѣтіе его кончины 17 февруарія 1612—1912. М., 1912. Тип. т-ва А. А. Левенсона. 46 нен. стр. Съ рис.

— Чтенія изъ исторіи царствующаго дома Романовыхъ. 1613—1930. Вып. V. Петръ I, самодержецъ Всероссійскій. Спб., 1912. Изд. училищн. совѣта при св. Синодѣ. 144 стр. Съ 83 рис. Ц. 40 к.

Нижегородское дворянское ополченіе 1812—1814 гг. Краткій очеркъ и матеріалы о сформированіи нижегородской военной силы и о дѣйствіяхъ полковъ нижегородскаго ополченія въ 1813 г. за границей. Подъ ред. нижегор. губ. предводителя дворянства. Матеріалы собиралъ и краткій очеркъ сост. В. Р. Апухтинъ. М., 1912. Изд. нижегород. дворянства. XIV+65+16 стр.+7 лист. рис.+2 табл.

Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ автографами. М., 1912. Изд. кн-ва „Окто“. 4+4 нен.+384 стр. Съ портр.

Побѣдинскій, И. Императоръ Александръ III, царь-миротворецъ. (Ко дню открытія памятника въ Москвѣ.) М., 1912. Изд. автора. 17 стр. Ц. 10 к.

Правительствующій Сенатъ. Очеркъ. Спб., 1912. 19 нен.+172 стр. Съ рис.

Рождественскій, С. В. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. Т. I. Записки ист.-фил. фак. спб. ун-та. Ч. CIV. Спб., 1912. IX+679+1 нен.+48 стр.

— Сельское населеніе московскаго государства въ XVI—XVII вѣкахъ. Кіевъ, 1912. 51 стр.

Роосъ, Г. Съ Наполеономъ въ Россію. Записки врача великой арміи. Перев. съ нѣм., подъ ред. И. Н. Бороздина. „Смутное время и отечественная война“. Къ юбилею 1613 и 1812 гг. Подъ общей редакціей И. Н. Бороздина. М., 1912. Изд. к-ва „Сфинксъ“. XI+334+IV стр.

Руа, І. Французы въ Россіи. Воспоминанія о кампаніи 1812 г. и о двухъ годахъ плѣна въ Россіи. Перев. съ франц. съ пред. и прим. А. Ельницкаго. Спб., 1912. Изд. Литературно-научнаго кн-ства. V+207+1 нен. стр. Ц. 90 к.

Русскій біографическій словарь. Щаповъ—Юшневскій. Спб., 1912. Изд. И. рус. ист. общ. 365 стр. Ц. 3 р.

Сидоровъ, А. А. Московскій комитетъ по дѣламъ печати. Историческій очеркъ. М., 1912. 21 стр.

Травинъ, К. И. Отечественная война 1812 года. Казань, 1912. Изд. И. С. Михѣева. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Толычева, Т. Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльные. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 63 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Черскій, Л. Былое на Руси. Историческіе разсказы. Спб., 1912. Изд. В. И. Губинскаго. 287 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Шиманъ, проф., **и Брикнеръ**, проф. Смерть Павла I. Перев. съ нѣм. съ портретами, исполненными фото-тинто-гравюрой. № 5. М., 1912. Изд. к-скаго т-ва „Образованіе", 4-е. 157+1 нен. стр. Съ рис.

Шумигорскій, И. С. Отечественная война 1812 г. (Отечественная б-ка, № 37). Спб., 1912. Изд. Всерос. націонал. клуба. 82+1 нен. стр. Ц. 20 к.

Щукинъ, В., свящ. Патріархъ Гермогенъ, какъ представитель и поборникъ національной религіозности (1612—1912.) Рига, 1912. Изд. Рижск. рел.-просв. об-ва. 18 стр.

§ 5. **Алексѣевъ, А. П.** Высшій подвигъ. П. А. Столыпинъ, жизнь за Царя и Родину положившій. (Отечественная б-ка, № 26.) Спб., 1912. Изд. Всероссійск. національн. клуба. 92 стр. Съ порт. Ц. 25 к.

Исторія нашего времени. (Современныя культурныя проблемы.) Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 8. Спб., 1912. Изд. т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. 209—288 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 40 к.

Кудрявцевъ, П. Изъ недавняго прошлаго. Нѣсколько данныхъ для характеристики перелома, происшедшаго въ русскомъ общественномъ сознаніи въ началѣ девятидесятыхъ годовъ. Спб., 1912. 63 стр.

Симоновъ, И. С. На память о генералъ-фельдмаршалѣ русской арміи графѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб., 1912. Изд. журн. „Педагогич. сборн.". 48 стр. Ц. 45 к.

Столыпинъ. Рѣчи о немъ предсѣдателей: Совѣта министровъ, Государств. Совѣта и Государств. Думы, съ прибавленіемъ его портрета, краткой біографіи (некролога) и четырехъ посвященныхъ его памяти статей петербургскихъ газетъ. Спб., 1912. 15 стр.+1 портр.

§ 6. **Александровъ, Д.**, прот. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи. (Изъ бесѣдъ со старообрядцами). Оренбургъ, 1911. 108 стр.

Глаголевъ, А. А., свящ. Левиты и Левіино колѣно. Кіевъ, 1912. 40 стр. Ц. 25 к.

Ельяшевичъ, С. Два завѣта. Этюды и матеріалы по исторіи религій Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. М., 1912. Изд. В. И. Знаменскаго и К°. 252+XX стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Крупицкій, З. Н. Хасидизмъ, его происхожденіе, философская сущность и культурно-историческое значеніе. Кіевъ, 1912. 59 стр. Ц. 40 к.

Петровъ, П., свящ. Очерки церковно-общественной жизни въ эпоху Петра Великаго. Харьковъ, 1912. 216 стр.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Алексѣевъ, М.** Трепангъ и его промышленное значеніе. Рыбные промыслы Дальняго Востока. Спб., 1912. Изд. гл. у. з. и з. 60+2 нен. стр. Съ рис.

Васинъ, Н. Демидовы. (Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи.) М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Витте, С. Ю. Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. Спб., 1912. Изд. 2-е. XV+568 стр. Ц. 4 р.

Диль, Карлъ, проф. Комментарій къ „Основнымъ началамъ" Д. Рикардо. Разрѣш. авторомъ пер. со 2-го исправ. нѣм. изд. Съ пред. проф. А. С. Посникова. Ч. I. Спб., 1912. XVI+354 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Исторія торговли и промышленности въ Россіи. Подъ ред. П. Х. Спасскаго. Т. I. Вып. V. Исторія торговли въ Россіи съ Петра Великаго до конца XX вѣка. Спб., 1912. 57—92 стр. Съ рис.

Лебедь-Юрчикъ, Х. М. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности. Ямполь, 1912. 73+1 нен. стр. Ц. 75 к.

Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей, изд. подъ ред. Вс. В. Никольскаго. Отдѣлъ 1-й. Т. I. Очеркъ развитія и современнаго положенія внутренняго воднаго транспорта въ главнѣйшихъ странахъ Зап. Европы и въ Сѣв. Америкѣ. Вып. I. Спб., 1912. Изд. м-ва путей сообщенія. XV+302 стр. Съ черт+6 картъ. Ц. 1 р. 50 к.

Фаасъ, В. В. Русско-германская лѣсная торговля по рр. Нѣману и Вислѣ и мѣры къ ея урегулированію. Спб., 1912. Изданіе редакц. журн. „Русскій Экспортъ". 39 стр.

§ 2. Желѣзная промышленность Южной Россіи въ 1910 году. № 429. 15 декабря 1911 года. Составл. подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. Статистическое бюро совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1912. XXXIV+96 стр.

Земская торговля желѣзомъ и сельскохозяйственными машинами и орудіями въ 1901—1909 гг. 25 января 1912 г. № 434. Подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. Статистическое бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1912. XCVIII+411 стр. Ц. 3 р.

Леонтьевъ, В. В. Объ изученіи положе-

нія рабочихъ. Пріемы изслѣдованія и матеріалы. Спб., 1912. 71 стр. Ц. 60 к.

Никольскій, Н. В. Статистическія свѣдѣнія о вотякахъ за 1911 г., съ указателемъ литературы о нихъ и изданій на вотскомъ языкѣ. Казань, 1912. Изд. И. С. Михеева. VIII+80 стр.

Паткановъ, С. Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ. Т. III. Записки И. рус. географич. общества по отдѣленію статистики. Т. XI. Вып. III. Спб., 1912. 434—997 стр.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за ноябрь и за всѣ 11 мѣсяцевъ 1911 года. Вып. 315 (11). Спб., 1912. Изд. деп-та таможенныхъ сборовъ. X+58 стр.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за январь 1912 г. 1912. Вып. 317 (1). Спб., 1912. Изд. деп. тамож. сборовъ. X+58 стр.

§ 3. **Лунскій, Н. С.** Лекціи по высшимъ финансовымъ вычисленіямъ, читанныя на эконом. отдѣлен. московск. коммерч. института. Ч. I. Общій курсъ банковой, страховой и педагогической группъ коммерческо-финансоваго цикла. М., 1912. 260 стр.

Никольскій, Б. А. Причина колебанія курсовъ русскихъ государственныхъ бумагъ въ 1884—1904 годы. Труды студентовъ экономич. отд. с.-петерб. политех. инст. Петра Великаго, № 2. Спб., 1912. Изд. политехн. инст. VIII+191 стр. Съ 3 табл. Ц. 2 р.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 1. **Диканскій, М. Г.** Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. М., 1912. Изд. 2-е. VII+251 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Дюркгеймъ, Э., проф. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. И. Ильинскаго, подъ ред. В. А. Базарова, съ пред. и библіогр. указ. русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. И. Гордона. Спб., 1912. Изд. Н. П. Карбасникова. XXXII+541 стр. Ц. 3 р. 50 к.

§ 3. **Никольсонъ, И. А.** Общее дѣло. Разсказы о коопераціи въ Англіи. Для молодыхъ кооператоровъ. Перев. съ нѣм. (Взаимная помощь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. VIII). М., 1912. Изд. 2-е. 62+1 нен. стр. Ц. 12 к.

Тотоміанцъ, В. Ө. Кооперація въ русской деревнѣ. М., 1912. Изд. М. и С. Сабашникова. VI+448 стр. Ц. 2 р. 60 к.

§ 4. **Прокоповичъ, С.** Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. М., 1912. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 223 стр. Ц. 2 р.

Укрѣпленіе надѣловъ въ личную собственность въ Казанской губерніи. (Указъ 9 ноября 1906 года и законъ 14 іюня 1910 года.) Казань, 1911. Изд. Оцѣночно-статист. бюро губ. земства. 100+1 нен. стр. Ц. 60 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 2. **Нольде, А. Э.**, баронъ. Происхожденіе части текста дѣйствующаго свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ. Таблица заимствованій текста изъ литературы римскаго права и иноземныхъ кодексовъ. Спб., 1912. 80 стр. Ц. 75 к.

Фатѣевъ, Ар. Н. Исторія общихъ ученій о правѣ и государствѣ. Харьковъ, 1912. 2+81+2 нен. стр.

§ 3. **Данъ, Ф.** Выборы въ Государственную Думу по положенію 3 іюня 1907 г. (Разъясненіе избирательнаго закона.) Спб., 1912. 30+1 нен. стр. Ц. 5 к.

Захаровъ, Н. А. Система русской государственной власти. Юридическое изслѣдованіе. Новочеркасскъ, 1912. Изд. автора. 312+XII стр. Ц. 1 р. 95 к.

Котляревскій, С. А. Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ. М., 1912. 217+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Нежановъ, В. Новый законъ объ аптекахъ и наше аптечное законодательство. Съ прил. проекта новаго фармацевтическаго устава. Спб., 1912. Изд. „Сотрудникъ“. 181+2 нен. стр. Ц. 2. 25 к.

Филипповъ, И. И. Государственное устрой-

ство Индіи. Ташкентъ, 1912. Изд. автора. VII+346 стр.

Шифъ, Л. И. Воздухоплаваніе и право. Т. III. Ч. II. Рисунки художника А. И. Вахрамѣева. Спб., 1912. Изд. „Воздухоплаваніе". 99 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

§ 4. **Дриль, Д. А.,** проф. Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею. Съ прил. портрета автора и статей: М. Слобожанина, А. Ѳ. Кони, М. Ковалевскаго и В. М. Бехтерева. Спб., 1912. Изд. „Шиповникъ". СХХІ + 568 стр. Съ портр. Ц. 4 р.

Каминка, А. И., проф. Очерки торговаго права. Вып. I. Спб., 1912. Изд. юрид. кн. скл. „Право", 2-е, испр. и доп. IV+III+437 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Палибинъ, А. В. Опека по расточительности. Опытъ изслѣдованія. Спб., 1912. Изд. юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова. 119 стр. Ц. 60 к.

Познышевъ, С. В., проф. Основныя начала науки уголовнаго права. Общая часть уголовнаго права. М., 1912. Изд. А. А. Карцева, 2-е, испр. и доп. 1 нен.+369—653+X+1 нен. стр. Ц. 4 р.

Рейнке, Н. Горскіе и народные суды Кавказскаго края. Изъ „Журнала министерства юстиціи". Спб., 1912. 71 стр. Ц. 75 к.

Сводъ главнѣйшихъ торговыхъ обычаевъ ростовскаго н/Д. рынка. Ростовъ н/Д., 1912. Изд. ростов. н/Д. бирж. комит.

Фойницкій, И. Я., проф. Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. Вып. II. Спб., 1912. Изд. 6-е. 273—451 стр. Ц. 2 р. 80 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Курсъ торговаго права. Алфавитный указатель. Постатейный указатель. М., 1912. Изд. бр. Башмаковыхъ, 4-е. 63 стр.

— Учебникъ торговаго права. М., 1912. Изд. бр. Башмаковыхъ, 6-е. IV+328 стр.

§ 6. **Вержбицкій, І. С.** Законъ объ учрежденіи опекъ надъ сельскими обывателями вслѣдствіе расточительности въ связи съ дѣйствующими узаконеніями о расточителяхъ и объ опекѣ у сельскихъ обывателей. Спб., 1912. Изд. И. И. Зубкова. 132+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Коптевъ, Д. А. и **Латышевъ, С. М.** Уголовное уложеніе (статьи, введенныя въ дѣйствіе). Т. XV Свода Законовъ Россійск. Имперіи. Спб., 1912. Изд. неофиц. 1128 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Кукаретинъ, М. В. Сборникъ законовъ 14 іюня 1910 года объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи и 29 мая 1911 года о землеустройствѣ. (Съ приложеніемъ изданнаго 19 іюня 1911 г. наказа землеустроительнымъ комиссіямъ по примѣненію Положенія о землеустройствѣ.) Пермь, 1911. 530+VI+10 стр.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. (Сводъ Законовъ, т. I, ч. II, изд. 1907 г. и по Прод. 1910 г.) Съ разъясненіями правит. сената и мин. внутр. дѣлъ. Спб., 1912. Изд. мин. внутр. дѣлъ. 1 нен.+268 стр. Ц. 1 р.

Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ съ послѣдовавшими по 1 января 1912 г. законод. доп. и измѣн., съ разъясн. прав. сената и съ инструкціею о порядкѣ опредѣленія и взиманія сего налога. Спб., 1912. Изд. юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 3-е, неофиц. 58 стр. Ц. 30 к.

Протопопитовъ, Вл. Сборникъ законоположеній, касающихся вопроса объ учрежденіи аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ въ Россійской Имперіи (кромѣ Финляндіи), съ послѣдовавшими по сему вопросу разъясненіями прав. сената и прил. общихъ свѣдѣній и указаній закона, необходимыхъ при подачѣ прошеній и жалобъ. Спб., 1912. Изд. И. И. Зубкова, 2-е, испр. и доп., неофиц. VIII+4 нен.+132 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Родкевичъ, В. А. Узаконенія по взиманію акциза со всѣхъ облагаемыхъ предметовъ. Составлено по Прод. Свода Законовъ 1906, 1908 и 1909 гг., съ прилож. всѣхъ узаконеній, инструкцій и циркуляровъ, обнар. съ 1907 по 1912 г. Винница, 1912. Изд. лабораторіи при россійск. о-вѣ винокурен. заводчик. 2 нен.+407+XIX+3 нен. стр. Ц. 2 р. 75 к.

Сводъ Законовъ Рос. Имперіи. Т. IV. Сводъ уставовъ о повинностяхъ. Кн. II. Уставъ о земскихъ повинностяхъ. Съ прим. и ссылками на позднѣйшія узаконенія. (Общедоступная б-ка, № 27—32.) Спб., 1912. Изд. книжн. т-ва „Дѣятель". 437 стр. Ц. 60 к. Т. V. Сводъ уставовъ о повинностяхъ. Уставъ о прямыхъ налогахъ съ примѣч. и ссылками на позднѣйшія узаконенія. № 36/39. 304 стр. Ц. 40 к.

Тихотскій, К. И. Уставъ о гербовомъ сборѣ. (Т. V. Изд. 1903 г. по прод. 1908, 1909 и 1910 гг.). Спб., 1912. Изд. И. И. Зубкова, 5-е, испр. и знач. доп. XVII+292+122 стр.

Уставъ военно-судебный. (Св. воен. пост. 1869 г., кн. XXIV. Изд. 3-е). Со всѣми доп. и измѣн. по продолженію 1907 г. и послѣд. узаконеніямъ, изданнымъ до 1 марта 1912 г. Спб., 1912. Изд. В. Березовскаго. IV + 253 стр. Ц. 1 р.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Володимеровъ, С.** Наканунѣ расплаты (Политическій очеркъ). Спб., 1912. 43 стр. Ц. 20 к.

Баранцевичъ, Е. М. Распространеніе обществъ „Патронатъ" въ Россіи. Томскъ, 1912. 19+IV стр.

Корвинъ-Милевскій, И.-К. О., гр. Жажду справедливости для угнетеннаго литовскаго дворянства. Спб., 1912. 40 стр. Ц. 25 к.

Курбскій, В. Очеркъ студенческой жизни. (Изъ дневника бывшаго студента.) М., 1912. 1 нен.+203 стр Ц. 1 р.

Липранди, А. И. (А. Волынецъ). Кавказъ и Россія. Харьковъ, 1911. Изд. автора. 364 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Меркуловъ, С. Д. Вопросы колонизаціи Пріамурскаго края. II. Статьи, письма, записки. Спб., 1911. 107 стр.

Петровъ, Г. С. Страна болотъ. (Финляндскія впечатлѣнія.) М., 1912. 63 стр. Ц. 15 к.

Сикорскій, И. А., проф. Надвигающійся великій кризисъ отъ вина. Кіевъ, 1912. Изд. 2-е. 15 стр. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Л. Государственность и религія. № 16. М., 1911. Изд. к-ства „Вѣрность", 2-е. 23 стр. Ц. 5 к.

Финляндія. Статьи газеты „Россія". Съ 6 ноября 1909 г. по 30 декабря 1910 г. Спб., 1912. VIII+448 стр. (въ 2 столбца).

Щербатовъ, А., кн. Государственная оборона Россіи. М., 1912. 69 стр.

§ 2. **Бархударовъ, И. Я.** Іенская университетская педагогическая семинарія. (По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея.) Ростовъ н/Д., 1912. 38 стр.

Нейваненко, С. Г. Четырехлѣтняя народная школа съ дополнительными курсами. М., 1912. 95 стр. Ц. 25 к.

Семеновъ, М. Вопросы народнаго образованія въ Государственной Думѣ III созыва въ сессію 1910—1911 гг. Острогожскъ, 1912. 31 стр.

Симоновъ, И. С. Графъ Дмитрій Александровичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб., 1912. Изд. журн. „Педагогич. Сборникъ". 24 стр. Ц. 40 к.

Т—въ, Ив. О необходимости университета для Юго-Востока Россіи. Новочеркасскъ, 1912. 34 стр.

Фишеръ, М. О. О родительскихъ комитетахъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. Спб., 1912 19 стр.

§ 3. **Васильевъ, Ав. В.** Что такое соборность? Бесѣды въ обществѣ „Соборная Россія". Спб., 1912. 32 стр. Ц. 20 к.

Корвинъ-Милевскій, И.-К. О., графъ. О реформѣ римско-католическаго духовенства въ Сѣверо-Зап. краѣ. Спб., 1912. 35 стр. Ц. 20 к.

Макаровъ, В. Е. Къ вопросу о причинахъ раздѣленія русской церкви. Б-ка „Старообрядческая мысль". Подъ ред. И. В. Галкина. М., 1911. 115 стр. Ц. 60 к.

§ 4. **Ачкасоръ, А. Н.** Злой навѣтъ. Обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Кіевъ, 1912. 32 стр. Ц. 5 к.

Балашевъ, И. О націонализмѣ вообще, въ частности о русскомъ. Спб., 1912. 32 стр.

Богровъ, Г. Собр. соч. Т. II. Записки еврея. Въ 2-хъ частяхъ. Одесса, 1912. Изд. книгоизд. Шермана, 2-е. 344 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вакандаръ, Е. Вопросъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Перев. съ франц. Съ предисл. автора къ русск. изданію. Кіевъ, 1912. Изд. книгоизд. Д. Н. Тягая. 61 стр. Ц. 25 к.

Герасимовъ, Н. И. Въ защиту русскаго націонализма. (Докладъ, читан. 9 января 1912 г.) М., 1912. Изд. москов. отд. всероссійск. націон. союза. 81 стр. Ц. 25 к.

Друянъ, Г. Л., рав. Ришонъ-Леціонъ, рѣчи о еврействѣ. Вильна, 1911. 31 стр.

Залѣскій, В. Ф., проф. Тайна крови. (Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ.) Харьковъ, 1912. 48 стр.

Пороховщиковъ, А. Къ познанію русскаго народа. Глава I. Спб., 1912. Изд. 3-е. 24+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Св. отцы католической церкви о ритуальномъ убійствѣ. Кіевъ, 1912. 32 стр.

Строгановъ, В. Русскій націонализмъ, его сущность и задачи. Спб., 1912. 151 стр. Ц. 50 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Тэнъ, И.** Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій, читанныхъ въ школѣ изящныхъ искусствъ въ Парижѣ. Пер. А. Н. Чудинова. Съ портр. и біографіей автора. Спб., 1912. Изд. В. И. Губинскаго, 2-е испр. 453+1 нен. стр. съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 2. **Горбовъ, Н.** Донателло. М., 1912. 171+72 листа рис.+1 портр. Ц. 5 р.

§ 3. **Верещагинъ, В. А.** Русская карикатура. Т. II. Отечественная война. Теребеневъ, Венеціановъ, Ивановъ. Спб., 1912. 180+2 нен. стр. Съ рис.+24 стр. рис. Ц. 5 р.

Курбатовъ, В. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Спб., 1912. Изд. Общины св. Евгеніи. 243+1 нен. стр. Съ рис.+карта. Ц. 2 р.

Николай Михайловичъ, великій князь. Петербургскій Некрополь. Т. I. (А—Г.) Спб., 1912. XX+715 стр.

§ 6. **Гессенъ, Р.,** проф. Техническіе пріемы драмы. (Руководство для начинающихъ драматурговъ.) Пер. В. В. Сладкопѣвцева и П. Ц. Немвродова. Энциклопедія сценическаго самообразованія. Т. V. Спб., 1912. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 153+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Н. В. Марія Тальони. 23 апрѣля 1804—23 апрѣля 1884 г. Спб., 1912. 90 стр.+20 рис.

Удинъ, Ж. д'. Искусство и жестъ. Пер. съ франц. кн. С. Волконскій. Спб., 1912. Изд. „Аполлонъ". XV+248 стр.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Вржесневскій, О.** Доказательство аксіомы параллельныхъ прямыхъ (5 постулатъ Эвклида). М., 1912. Изд. М. И. Житцъ. 22 + 2 нен. стр. Съ чертеж. Ц. 20 к.

Лезанъ, Ш. Введеніе въ математику. Пер. съ франц. Подъ ред. В. В. Мрочека. Всеобщая б-ка, № 181—183. Спб., 1912. Изд. акц. общ. типогр. дѣла. 185+2 нен. стр. Ц. 30 к.

Мещерскій, И. В., проф. Курсъ теоретической механики. Ч. II. Спб., 1911. Изд. кас. взаимоп. студ. политехн. инст. 362 стр.

Рошинъ, П. Записки по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. 2-я часть. Интегральное исчисленіе. Спб., 1912. 508+11 стр. Съ чертеж. Ц. 6 р. 50 к. за двѣ части.

Сливинскій, Е. И. Сборникъ матеріаловъ и статей по математической теоріи упругости. Кіевъ, 1912. IV+187 стр.

Фридманъ, В. Г. Учебникъ теоретической ариѳметики. Для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для самообразованія. М., 1912. Изд. „Наука". 138 стр. Ц. 75 к.

§ 2. **Аленичъ, А.** Обитаема ли луна? М., 1912. 28 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

§ 3. **Писаржевскій, В. Л.** Свободная энергія химической реакціи и растворитель. Изслѣдованіе. М., 1912. 1 нен.+192 стр.+1 табл.

Поповъ, В. И. Химія для самообразованія. Ч. I. Практическія работы въ дешевой домашней лабораторіи. Ч. I. Съ предисл. академика Н. Н. Бекетова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. XI+392+8 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Реформатскій, А. Неорганическая химія. (Начальный курсъ.) М., 1912. Изд. 7-е. XVI + 582 стр. Съ рис. + 7 портр. Ц. 2 р. 25 к.

Тиндаль, Д. Общ. доступныя бесѣды. Тепло и холодъ. Матерія и сила. Пер. подъ редакц. М. А. Орлова. Спб., 1912. Изд. кн. маг. Луковникова, 4-е. 154 стр. Съ 28 рис. Ц. 50 к.

§ 4. **Будиловскій. В.** Атмосферный потенціалъ, дифференціальный барометръ и космическая метеорологія. Спб., 1912. 1 нен.+127 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Любославскій, Г., проф. Основанія уче-

нія о погодѣ. Спб., 1912. VII + 412 стр. Съ чертеж. Ц. 3 р.

§ 5. **Арциховскій, В.**, проф. Раздражимость и органы чувствъ у растеній. Свободное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русск. ученыхъ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича. Спб., 1912. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 87 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Ветштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Т. II. Ч. II. Высшія растенія (скрытосѣменныя). Перев. съ нѣм. Подъ ред. проф. С. И. Ростовцева. (Серія учебниковъ по біологіи.) М., 1912. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VI+501 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 60 к.

Лункевичъ, В. Жилища и постройки животныхъ. Научно-популярная б-ка для народа (41 книжка), № 12. Спб., 1912. Изд. В. Яковенко, 5-е. 60+IV стр. Съ рис. Ц. 16 к.

Міэ, С. Г. Жизнь и ея проявленія. Пер. съ измѣненіями и дополненіями С. Ж. Нагибина и Л. М. Кречетовича. М., 1912. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. IV+249 стр. Съ рис.+1 листъ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Поплавская, Г. И. Матеріалы по изученію растительности сѣверо-восточной части Забайкальской области. (Фито-соціологическій очеркъ.) Спб., 1912. 67 стр. Съ 2 табл. и 1 картой.

Россинскій, Д. М. Дѣятельность отдѣленія орнитологіи по кольцеванію птицъ, въ цѣляхъ животнаго изученія перелетовъ, весною 1911 г. (Доложено въ засѣданіи отдѣленія орнитологіи 28 мая 1911 года.) (Отдѣленіе орнитологіи Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Птицевѣдѣніе и птицеводство. Г. II. Вып. III—IV.), № 20. М., 1912. 4 стр. Ц. 5 к.

Сукачевъ, В. Н. Растительность верхней части бассейна р. Тунгира Олекминскаго окр., Якутской обл. Спб., 1912. IV+286 стр. Съ XVII табл. рис. и 1 картой.

Целль, Э., д-ръ. Разумно ли животное? (Новый взглядъ на душу животнаго.) Пер. съ нѣм. В. С. Соколова. М., 1912. 192 стр.

Шенихенъ, В. Физика жизни. Перев. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Дешевая б-ка естествознанія. Брокгаузъ — Ефронъ, № 8. Спб., 1912. Изд. о-ва Брокгаузъ—Ефронъ. 130+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Шимкевичъ, В., проф. Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Спб., 1912. Изд. т-ва М. О. Вольфъ, 2-е, доп. 2 нен.+III+I нен.+634+XVIII стр. Съ рис. Ц. 4 р. 25 к.

§ 6. **Васильевъ, М.**, д-ръ. Краткій курсъ нормальной анатоміи. Вып. I. Ученіе о костяхъ и связкахъ Osteosyndesmologia. Спб., 1912. 66 стр. Ц. 40 к.

Рауберъ, А., проф. Руководство анатоміи человѣка. Въ обработкѣ д-ра Ф. Копша. Т. V. Нервная система. Перев. съ 8-го изд. Д. К. Третьякова. Подъ редак. проф. А. С. Догеля. Спб., 1912. Изд. К. Л. Риккера. IV+509 стр. Съ рис. Ц. 7 р.

§ 7. **Мечъ, С.** Альпы. М., 1912. Изд. 9-е. 86 стр. Ц. 30 к.

— Кавказъ. М., 1912. Изд. 12-е. 128 стр. Ц. 50 к.

— Сахара и Нигъ. М., 1912. Изд. 9-е. 88 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Степной, И. Сибирь. М., 1912. Изд. моск. о-ва грамот. 104 стр.+1 карта+8 лист. рис. Ц. 30 к.

Шергинъ, И. А. Поѣздка на сѣверъ. Спб., 1912. Изд. 2-е, передѣланное. 46 стр. Ц. 50 к.

§ 8. **Воскресенскій, М. П.** Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель. Рефератъ, чит. въ скопинскомъ реальномъ училищѣ 8 ноября 1911 года. Николаевъ, 1912. Изд. журн. „Физикъ-Любитель“. 15 стр. Ц. 15 к.

Первенко, В. Солнце, какъ источникъ міровой энергіи и матеріи въ единомъ лучистомъ состояніи. Опытъ разысканія причинъ активности, бытія и человѣческаго разума въ процессахъ окисленія матеріи. Кіевъ, 1912. Изд. К. В. Первенка. VII+VII+219 стр.+2 табл. Ц. 2 р.

Сѣверцовъ, А. Н., проф. Этюды по теоріи эволюціи. Индивидуальное развитіе и эволюція. (Оттиски изъ „Университетскихъ Извѣстій“.) Кіевъ, 1912. Изд. университета св. Владиміра. V + 300 + II+2 нен. стр. Ц. 3 р.

Штерне, К. Эволюція міра. Werden und Vergehen. Перев. С. Г. Займовскаго съ посл. нѣм. изд., перераб. В. Бельше, подъ ред. В. К. Агафонова. Съ допол. статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова. Т. II. М., 1912. Изд. т-ва „Міръ“. 192 стр. Съ рис.+8 лист. рис.

§ 9. **Симонъ, М.**, проф. Дидактика и методика математики въ средней школѣ. Перев. съ нѣмецк. I. В. Яшунскій. Спб., 1912. Изд. т-ства „Физика“. 4 нен.+257 стр. Ц. 2 р.

Шмейль, О., проф. Очерки по методикѣ естествознанія. Перев. съ 9-го нѣм. изд. С. П. Аржанова и А. П. Пинкевича. Спб., 1912. 134 стр. Ц. 90 к.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Сказка о муравьѣ-богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Н. Н. Каразина. Спб., 1912. Изд. П. В. Луковникова, 7-е. 60 стр.

— Что комната говоритъ. Разсказъ для дѣтей, удостоенный первой преміи с.-петерб. Фребелевскаго об-ва. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 10-е. 32 стр. Ц. 50 к.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ I. Царь Борисъ. Царь Димитрій Самозванецъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. Изд. к-ва Д. И. Тихомирова. 28 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Очеркъ II. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. 20 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Очеркъ III. Патріархъ Гермогенъ. 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Очеркъ IV. Прокопій Ляпуновъ. 10 стр. Ц. 3 к. Очеркъ V. Козьма Мининъ. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. 28 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Очеркъ VI. Протопопъ Савва. Діонисій и Авраамій Палицынъ. М., 1912. 20 стр. Ц. 5 к.

Алтаевъ, А. Отъ жизни. Повѣсть для дѣтей. Б-ка для семьи и школы. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 4-е. 176 стр. Ц. 50 к.

Амичисъ-де, Э. Отъ Апениnъ до Андовъ. (Въ поискахъ за матерью). Разсказъ для дѣтей. Перев. Н. И. Перелыгина. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа). М., 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Ананьевъ, В., Гусаковъ, В., Макаровъ, Г., Насимовичъ, А., Чернышевъ, Н. И., Чукаевъ, Н. Живой родникъ. Первая книга для чтенія въ школѣ и дома. М., 1912. Изд. И. Д. Сытина, 3-е. 181+III стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Андерсенъ. Дикіе лебеди и другія сказки. Съ датскаго А. и П. Ганзенъ. М., 1911. Изд. „Посредника", 5-е. 80 стр.

— Сказки. Исторія одной матери. Свинопасъ. Перо и чернильница. Красные башмачки. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Ариѳметика-крошка. Библіотечка Ступина. М., 1912. Изд. 4-е, А. Д. Ступина. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Ахшарумова, Н. Гнѣдко. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 6-е. 40 стр. Съ рис. + 3 листа рис. Ц. 50 к.

Бахметева, А. Н. Разсказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I вѣка до половины XI вѣка. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина. 444 + II стр. Съ рис. Ц. 2 р. за двѣ части.

Берлинъ, Я. А. Великая семья человѣчества. Разсказы о томъ, какъ люди устраиваютъ свою жизнь на землѣ и какъ достигаютъ всякихъ успѣховъ. Книжка 2. Старина. Къ лучшей долѣ. Б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 63 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Бирюкова, П. Н. Робинзонъ. Повѣсть. М., 1912. Изд. „Посредника", 3-е. 80 стр.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Романъ въ двухъ частяхъ. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 444 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Богдановъ, М. Н., проф. Въ лѣсной глуши. Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Изъ лѣтописей зимы. Ошкуи. Глухарь. Разсказы изъ русской природы. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 46 стр. Съ портр. и рис. Ц. 25 к.

— Изъ русской природы. Въ колосистой ржи. Разсказъ. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Карпушкинъ родникъ. Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Буссэ. Послѣдній урокъ. Разсказъ. Пер. съ нѣм. А. Карасика. Екатеринославъ, 1912. Изд. Екатерин. 2-го коммерческаго училища. 22 стр.

Вернъ, Ж. Путешествіе капитана Гаттераса. Романъ въ двухъ частяхъ. Съ рис. Ріу. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 380 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Вахтеровъ, В. П. Небесныя свѣтила. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 170 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Весенніе гости. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 11. М., 1912. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Водовозова, Е. Н. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары.—Сербы.—Черногорцы. Съ картинами В. М. Васнецова и другихъ художниковъ. Спб., 1912. Изд. 4-е, вновь перераб. VI + 212 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Волшебныя сказки Перро. Перев. Е. В. Лавровой. Рикэ-Хохолокъ. Б-ка нашихъ дѣтей, № 10. Спб., 1912. Изд. О. Н. Поповой, 5-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Габбертонъ, Дж. Еленины дѣтки. Разсказъ. Перев. Е. Ф. Желѣзновой. (Общедоступная б-ка, № 12, 13). Спб., 1912. Изд. т-ва „Дѣятель". 139 стр. Ц. 20 к.

Гольцевъ, В. А. Что такое подати и для чего ихъ собираютъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1912. Изд. ред. „Юная Россія", 5-е. 16 стр. Ц. 3 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Малымъ ребятамъ. Книжка двадцать первая. Разсказы и стихи. Съ рис. Бёмъ и другихъ. Изд.

„Посредника“, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Книжка двадцать вторая. Разсказы и стихи. Съ рис. Е. Бёмъ и другихъ. Изд. 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Книжка двадцать третья. Разсказы и стихи. Съ рис. Е. Бёмъ и другихъ. Изд. 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Разсказы и стихи. Вып. шестой. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей. № 218. 126+II стр. Съ рис. Ц. 15 к. Книжка двадцать четвертая. Разсказы и стихи. Съ рис. Е. Бёмъ и другихъ. М., 1912. Изд. 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Дефо, Д. Жизнь и приключенія Робинзона Крузо, разсказанныя имъ самимъ. Спб., 1912. Изд. В. И. Губинскаго. 418 стр. Съ 200 рис. Ц. 1 р.

Дицъ, Е. Изъ жизни Леночки. Повѣсть для дѣтей младшаго возраста. Спб., 1912. 170 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Зимою. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. III. Н. В. Тулупова и И. М. Шестакова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Камскій, М. И. Царь-богатырь. Рисунки В. В. Спасскаго. (Библіотечка Ступина). М., 1912. Изд. А. Д. Ступина. 46+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Киплингъ, Р. Волчій пріемышъ (изъ книги джунглей). Перев. съ англ. Л. Очаповскаго. Спб., 1912. Изд. Вятск. т-ва. 310 стр. Ц. 80 к.

Кругловъ, А. В. Зеленый домикъ. Правдивая исторія. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1912. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

— Утро. Три разсказа для дѣтей школьнаго возраста. Кладоискатели — Лида. — Друзья. Съ рис. А. П. Апсатъ. М., 1912. Изд. Д. П. Ефимова, 3-е. 45+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Куклинъ, М. Зайчики. Разсказъ для дѣтей. Рис. Р. Шнейдера. Библіотечка Ступина. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 3-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Лабулэ. Паша-пастухъ. Турецкая сказка. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Лукашевичъ, К. Гнѣздышко. Сборникъ разсказовъ и сказокъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 140+2 нен. стр. Съ рис. + 5 лист. рис. Ц. 1 р.

— Дѣтскіе годы. Сборникъ разсказовъ. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 6-е. 165+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. М., 1912. Изд. 6-е. 64 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Свѣтлое воспоминаніе и Соня Малыхъ. (Два разсказа изъ Сибирской жизни.) Съ рис. художника Я. Сизова. Спб., 1912. Изд. В. И. Губинскаго. 42 стр. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Волшебникъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Ц. 10 к.

— Дурной товарищъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 14 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Дѣдушка. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 30 стр. Ц. 5 к.

— Дѣдушкино золото. Разсказъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1912. Изд. 6-е, ред. журн. „Юная Россія“. 40 стр. Ц. 10 к.

— Елка. Сказка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 16 стр. Ц. 5 к.

— Живая вода. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. жур. „Юная Россія“. 59 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— „Законъ“. Разсказы. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Зеленая война. Сказка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. „Юная Россія“. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Конецъ войнѣ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 48 стр. Ц. 15 к.

— Кукольный магазинъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. редакц. журн. „Юная Россія“. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Лѣсная сказка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Ц. 10 к.

— Медвѣдко. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 14 стр. Ц. 5 к.

— На вольномъ воздухѣ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 62 стр. Ц. 10 к.

— На линіи. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— На пути. Изъ жизни стараго охотника. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 14 стр. Ц. 5 к.

— Неудача. Очеркъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 16 стр. Ц. 5 к.

— „Онъ“. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 16 стр. Ц. 5 к.

— Первая охота. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Ц. 10 к.

— Пѣсня мистера Каль. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Святой уголокъ. Путевая замѣтка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія. 64 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Скверный день Василія Ивановича. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— „Слава Богу". Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 32 стр. Ц. 10 к.

— Сочельникъ. Рождественскій разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 28 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Старинный человѣкъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. журн. „Юная Россія". 16 стр. Ц. 5 к.

— Сумасшедшій звонарь. Святочный разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 14 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Suum cuique (Всякому свое). Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Ужасный случай. Изъ скитаній по Уралу. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 32 стр. Съ рис Ц. 10 к.

Мей, Л. А. Избранныя стихотворенія. Съ біографіей автора, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. „Юной Россіи". 45 стр.+1 портр. Ц. 10 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. За свободу родины. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 48 стр. Ц. 12 к.

Несчастные. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 4. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 40 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Нордау, М. Ручной левъ и другія сказки для дѣтей. Перев. съ нѣм. Л. Я. Круковская. Образцовая б-ка, № 58. Вильна, 1911. Изд. книгоизд. „Эдиторъ". 246+6 нен. стр. Ц. 35 к.

Орелъ и соколъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. № 10. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и И. М. Шестакова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Отечественная война 1812 года въ басняхъ и стихотвореніяхъ, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 58 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Разсказы и сказки. Вып. IV. Харьковъ, 1912. 48 стр. Ц. 50 к.

Перелыгинъ, Н. И. Приключенія одного воробышка. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М. Изд. 2-е., Д. П. Ефимова. 29+3 нен. стр. Ц. 20 к.

Покровскій, С. В. У стараго дуба. Разсказъ изъ жизни вальдшнепа II. Хоръ. Разсказъ изъ жизни сѣвернаго оленя. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества, № 260. М., 1912. 34+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Полевой, П. Н. Сиротка Стеша. Повѣсть для юношества. Рис. Р. Шнейдеръ. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Сказка о царѣ-богатырѣ. Библіотечка Ступина. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Порѣцкій, С. А. Путешествіе по Сахарѣ. По Брэму. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества, № 160.) М., 1912. Изд. 2-е. 36 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Разсказы и стихи о животныхъ. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. XVI. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Ратомскій, Н. А. Сережа-рыболовъ. Два разсказа для дѣтей школьнаго возраста. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Рубакинъ, Н. А. Передъ разсвѣтомъ. Сборникъ разсказовъ. Спб., 1912. 263+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Свѣтлый день. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы, № 25, подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Сетонъ, Томпсонъ, Э. Лобо, король Корромпо. Исторія одного волка. Перев. съ англ. В. Б—скаго. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества, № 41. М., 1912. Изд. 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Смирновъ, Ил. Тоня на Волгѣ. Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа). М., 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Нянины сказки. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 81+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Суворовъ, В. Сказка объ Иванѣ-Царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 95 стр.

Сысоевъ, В. М. Вѣчная труженица и вѣчная кормилица. Очерки. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1912. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина.

— Сказки животныхъ I. Сказки звѣрей. 89+6 стр. Съ рис. Ц. 30 к. II. Сказки птицъ и рыбъ. М., 1912. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина 64 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Уйдъ. Муфлу. Исторія одной собаки. Пер. съ англ. Л. Гданскаго. Съ рис. художника С. Бестужева. Избранная б-ка

для семьи и школы. Спб., 1912. Изд. А. Ф. Сухова. 28 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Шведскія сказки. Пер. Е. Кухновой. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Второй сборникъ. XII. Б-ка новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 40 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Шекспиръ, В. Король Лиръ въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы проф. Ив. Ив. Иванова. М., 1912. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Шкляръ, Н. Г. Бумъ и Юла. Сказка про вольныхъ уличныхъ музыкантовъ и добрѣйшаго короля. Сказка для дѣтей въ 4-хъ д. и 5 картинахъ. Муз. Н. Я. Маныкина-Невструева. М., 1912. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 31 стр. Ц. 2 р.

Щербачева, З. Дѣтскій міръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Спб., 1912. Изд. В. И. Губинскаго. 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Энгель, Л. Ф. Маленькіе артисты. Сборникъ сценокъ, игръ и пѣсенъ для живыхъ картинъ (для младшаго и средняго возраста). Спб., 1912 Изд. І. Юргенсона. 8 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Юрьева, М. Е. Приключенія Фрица. (Въ ожиданіи елки.) Разсказъ для дѣтей. М., 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. Другъ за дружку. Разсказы и сказки. Рис. В. В. Спасскаго. М., 1912. Изд. А. Д. Ступина. 64 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Разсказы и сказки. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1912. Изд. Д. П. Ефимова, 3-е. 54+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Военная энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Вып. IX. Бомбарда—Буры Миннье. Спб., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 160 стр. Съ рис. и чертеж. +50 лист. рис., чертеж. и картъ.

§ 2. **Ефремовъ, Е.** Новый полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ происхожденія ихъ, удареній, отраслей знанія и съ расширенной энциклопедической частью. Подъ ред. проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. М., 1912. Изд. 2-е. 600+5 стр. Ц. 1 р.

§ 3. **Веселовскій, Б. Б.** Образцовый каталогъ книгъ для библіотекъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Спб., 1912. Изд. журн. „Городское дѣло и земское дѣло". 69 стр. Ц. 80 к.

Покотило, Н. П. Что читать народному учителю по исторіи. Спб., 1912. 2 нен.+107 стр. Ц. 60 к.

Родниковъ, В. Очерки дѣтской литературы. Съ приложеніемъ указателя книгъ для дѣтскаго чтенія. Кіевъ, 1912. 156 стр. Ц. 90 к.

Русская библіографія по естествознанію и математикѣ. Т. V. (1906.) Спб., 1912. Изд. Имп. Академіи Наукъ. VI+196 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Систематическій указатель литературы за 1911 г. Классифицированъ по десятичной системѣ. Подъ ред. И. В. Владиславлева. (Библіографическій ежегодникъ.) Вып. I. I—III. Библіографія русскихъ книгъ, журнальныхъ статей и рецензій. IV. Библіографія иностранной литературы о Россіи. V. Конфискованныя за годъ изданія. VI. Свѣдѣнія о періодической печати. М., 1912. Изд. кн-ства „Наука". 207+XXXII стр. Ц. 60 к

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе апрѣля 1912 г.

Алавердянцъ, М. Графъ Иванъ Өедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій. Спб., 1912 г.

Антоновъ, Н. Русскіе свѣтскіе богословы и ихъ религіозно-общественное міросозерцаніе. Т. I. Спб., 1912 г. Ц. 2 р.

Аппель, П. и Дотевиллль, С. Курсъ теоретич. механики. Вып. I и II. Одесса, 1912 г. Цѣна по 2 р. 50 к.

Archives Sociologiques publiées par Émile Waxweiler. Avril, 1912 г.

Арреніусъ, С. Судьба планетъ. Ц. 30 к. Вселенная. Ц. 20 к. М., 1912 г.

Auerbach, Elias. Palestina als Judenland. Leipzig, 1912 г.

Baets, Hermann. Искусство судебной рѣчи. М., 1912 г. Ц. 50 к.

Бальмонтъ, К. Полное собраніе стиховъ. Т. IX. М., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бартрамъ, Н. Игрушка—радость дѣтей. М., 1912 г. Ц. 1 р.

Безобразова, М. Изъ одного альбома. Спб., 1912 г. Ц. 80 к.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. I. Пейзаж. живопись. Изд. „Шиповникъ". 1912 г.

Бискъ, А. Разсыпанное ожерелье. Спб., 1912 г. Ц. 80 к.

Блокъ, А. Собр. стихотв. Кн. 3-я. М., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Богаевскій, Б. Земля и почва въ земледѣльческ. представленіяхъ древней Греціи. Спб., 1912 г. Ц. 50 к.

Боголюбова, О. Сказки усталаго сердца. Спб., 1911 г. Ц. 60 к.

Буткевичъ, К. и Николаевъ, Л. Историч. записка, издан. ко дню пятидесятилѣтія с.-петербургской шестой гимназіи. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. Сочин. Т. III. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Володовъ, Ю. Обреченный. Разсказъ. Либава, 1912 г. Ц. 20 к.

Вороновъ, Н. Основанія соціологіи. М., 1912 г. Ц. 75 к.

Вяткинъ, Г. Подъ сѣвернымъ солнцемъ. Томскъ, 1912 г. Ц. 75 к.

Гарборгъ, А. Учитель. М., 1912 г. Ц. 1 р.

Гауптманъ, Г. Красный пѣтухъ. Извозчикъ Геншель. М., 1912 г. Ц. 1 р.

— Бобровая шуба. Пипапа пляшетъ. М., 1912 г. Ц. 1 р.

— Ткачи. Заложница короля Карла. М., 1912 г. Ц. 1 р.

Ге, Франсуа. Исторія образованія и воспитанія. М., 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

Hillmann, Anselm. Judisches Genossenschaftswesen in Russland. Berlin, 1911.

Гротъ, П. Введеніе въ химическую кристаллографію. Одесса, 1912 г. Ц. 80 к.

Гумилевъ, Н. Чужое небо. Стихи. М., 1912 г. Ц. 1 р.

Гюи-де-Мопассанъ. Т. XXVI и т. XXIII. Цѣна по 1 р. Спб., 1912 г.

Дефективныя дѣти и школа. Сбор. статей. М., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой. М., 1912 г. Ц. 5 р.

Докладъ и отчетъ нижегородскаго биржевого комитета за 1911 г. Нижній-Новгородъ, 1912 г.

Ежегодникъ статистич. отдѣленія нижегородской губернской земской управы на 1909—1910 г. Нижній-Новгородъ, 1911 г.

Жоховъ, Д. Очерки по исторіи русской литературы. Спб., 1912 г. Ц. 80 к.

Золотаревъ, С. Очерки по исторіи русской литературы. Спб., 1912 г. Ц. 50 к.

Зомбартъ, В. Крещеніе евреевъ. М., 1912 г. Ц. 85 к.

Ивановъ, Вячеславъ. Cor Ardens. Ч. II. М., 1912 г. Ц. 2 р.

Извѣстія общества распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ. Вып. I. М., 1912 г. Ц. 1 р.

Ипатовъ, В. Основанія анализа без-

конечно-малыхъ и собраніе задачъ. М., 1912 г. Ц. 1 р.
Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Кн. XVI. М., 1912 г.
Итоги науки. Сбор. Вып. VII. М., 1912 г.
Іенсенъ, Іоганесъ. Ледникъ. М., 1912 г. Ц. 1 р.
Калій. Спириты и др. юмор. разсказы. Изд. 2-е. М., 1911 г. Ц. 1 р.
Кассиреръ, Э. Познаніе и дѣйствительность. Спб., 1912 г. Ц. 3 р.
Кемпбеллъ, Н. Современная электрическая теорія. Спб., 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.
Кистяковскій, Б. Страницы прошлаго. М., 1912 г. Ц. 1 р.
Князьковъ, С. Священной памяти двѣнадцатаго года. М., 1912 г. Ц. 30 к.
Коллонтай, А. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 35 к.
Криницкій, М. Молодые годы Долецкаго. Романъ. М., 1912 г. Ц. 75 к.
Кудишъ, Б. Лунные напѣвы. М., 1912 г. Ц. 60 к.
Куклярскій, Ф. Осужденный міръ. Спб., 1912 г. Ц. 2 р.
Кустарные промыслы Уфимской губерніи. Уфа, 1912 г.
Липовскій, А. Очерки по исторіи русской литературы. Спб., 1912 г. Ц. 80 к.
Лондонъ, Джекъ. Обреченные. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.
Максимовъ, В. Очерки по исторіи русской литературы. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.
Матеріалы по изученію Пермскаго края. Вып. IV. Пермь, 1911 г.
Магіе, А. Лирика. М., 1912 г. Ц. 1 р.
Миславскій, Н. Поземельная община въ Россіи. М., 1912 г. Ц. 80 к.
Морикъ, Р. и Шрумфъ. Новый практическій учебникъ нѣмецкаго языка. М., 1912 г. Ц. 70 к.
Отчетъ о дѣятельности россійской экспортной палаты. Спб., 1912 г.
Отчетъ госуд. сбер. кассъ по сберегат. операціи за 1910 г. Спб., 1911 г.
Отчетъ госуд. сбер. кассъ по страхованію доходовъ и капиталовъ за 1910 г. Спб., 1911 г.
Парадіевъ, В. Философъ Эпикуръ и его проблема освобожденія людей отъ боговъ. Казань, 1911 г. Ц. 25 к.
Педашенко, А. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1909 г. Спб., 1911 г.
По, Эдгаръ. Необычайныя приключенія. Т. IV. М., 1912 г. Ц. 2 р.
Поддерегинъ, Н. Нужна ли намъ трансперсидская дорога? М., 1912 годъ. Ц. 25 к.
Приложенія къ отчету государ. сберегат. кассъ по сберегат. операціи за 1910 г. Спб., 1911 г.
Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. М., 1912 г. Ц. 2 р.
Пшибышевскій, С. Сильный человѣкъ. Романъ. М., 1912 г. Ц. 75 к.
Реймонтъ, В. Мужики. Осень. М., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Роланъ, Ромэнъ. Жизнь Бетховена. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.
Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 136. Стр. 652. Спб., 1912 г.
Сёлли, Джемсъ. Педагогическая психологія. М., 1912 г. Ц. 3 р.
Сполохи. Сбор. Кн. 7-я. Ц. 1 р. Кн. 8-я. Ц. 1 р. Спб., 1912 г.
Стедманъ, А. и Шрумфъ. Новый практич. учебникъ францув. языка. Ч. I. М.. 1912 г. Ц. 80 к.
Страсбургеръ, Э. Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. Спб., 1912 г. Ц. 50 к.
Твэнъ, Маркъ. Избр. разск. Кн. 3-я. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ульяновъ, А. Врагъ отечества. М., 1912 г. Ц. 20 к.
Успенскій, П. Символы Таро. Спб., 1912 г. Ц. 70 к.
Федоровъ-Давыдовъ, А. Сто басенъ и еще одна. М., 1912 г. Ц. 75 к.
Фламмаріонъ, К. Луна. М., 1912 г. Ц. 75 к.
Фрисъ, Гуго. Мутаціи и періоды мутацій при происхожденіи видовъ. Спб., 1912 г. Ц. 35 к.
Целль, Э. Разумно ли животное? М., 1912 г. Ц. 80 к.
Чернышевъ, В. Въ защиту живого слова. Спб., 1912 г. Ц. 50 к.
Шарковъ, В. Учебникъ русской исторіи. Элемент. курсъ. Одесса, 1912 годъ. Ц. 75 к.
Шоръ, А. и Элькинъ, Б. Вывозъ зерновыхъ продуктовъ изъ Германіи. Спб., 1912 г.
Экхартъ, Мейстеръ. Проповѣди и разсужденія. М., 1912 г. Ц. 3 р.
Яблоновскій, Вл. Вокругъ сфинкса. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.
Яснопольскій, Л. Очерки русскаго бюджетнаго права. М., 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Исторія литературы: *К. Леонтьевъ.* О романахъ гр. Л. Н. Толстого.—*Его же.* О Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни.—*Его же.* Собраніе сочиненій. Т. II.—Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборникъ . . . 167

Исторія: Русскія новости по всеобщей исторіи 170

Философія и религія: *Г. Гефдингъ.* Философія религіи 182

Политическая экономія и статистика: *Л. Я. Берлинраутъ* и *М. С. Раскинъ.* Еврейское населеніе города Вологды 184

Педагогика и народное образованіе: *А. Дауге.* Искусство и творчество въ воспитаніи 185

Естествознаніе: *Ф. Клейнъ.* Вопросы элементарной и высшей математики. Ч. I. — *Ш. Моренъ.* Физическія состоянія матеріи.—*В. Г. Фридманъ.* Свѣтъ и матерія.—*Р. Боммели.* Исторія земли.—*Р. Карутцъ.* Среди киргизовъ и туркменъ на Мангышлакѣ 186

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1912 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Отъ Комитета Попечительства о трудовой помощи.

Утвержденнымъ **Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Θеодоровною** 7 марта 1912 года постановленіемъ Комитета большая премія Августѣйшаго Имени **Ея Императорскаго Величества** за сочиненія по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности присуждена въ половинномъ размѣрѣ сочиненіямъ профессоровъ *В. А. Залѣскаго:* „Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ“ и *В. А. Гагена:* „Западно-европейскій бѣднякъ“.

Въ томъ же засѣданіи Комитетъ призналъ желательнымъ предложить къ *предстоящему въ 1914 году конкурсу* на преміи слѣдующія темы:

1) „Общественныя работы, какъ мѣра борьбы съ послѣдствіями неурожая“.

2) „Попеченіе о безпризорныхъ и покинутыхъ дѣтяхъ“.

3) „Дѣтская смертность и мѣры борьбы съ нею“.

4) „Мѣры борьбы съ нуждою, бѣдностью и нищетою въ городахъ и деревняхъ въ Россіи и за границей“.

На основаніи § XXV Высочайше утвержденныхъ 6 іюня 1901 года правилъ о преміяхъ, *срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій назначенъ на 1 мая 1914 года.*

Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2,000 р. и три малыхъ— первая въ 1,000 р., а остальныя двѣ—по 750 р.

Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п.

Комитетъ Попечительства предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается однако преимущество.

Сочиненія, которыя уже получили какую-либо награду отъ другого учрежденія, не лишаются права быть удостоенными премій отъ Комитета Попечительства о трудовой помощи.

Сочиненія къ соисканію премій могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской ул., д. № 41, кв. 2, отъ 1 до 5 час. дня.—Здѣсь же помѣщается спеціальная библіотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

СТОЛОВАЯ
ВОДА
Столовая Вода
Калинкинъ
Москва
Идеальный
МИНЕРАЛЬНЫЙ
ОСВѢЖАЮЩІЙ
ПРЕКРАСНАГО ВКУСА
НАПИТОКЪ
„КАЛИНКИНЪ"